

Макс
Пембертон

«ТЕРРА» - «TERRA»

БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Макс
Пембертон

СОЧИНЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

Том второй

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПИРАТ
роман

МОРСКИЕ ВОЛКИ
роман

БЕАТРИСА В ВЕНЕЦИИ
роман

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1996

ББК 84.4Вл
П24

Составитель Т. ПРОКОПОВ

Художник А. АСТРЕЦОВ

Пембертон М.

П24 **Сочинения: В 2 т. Т. 2: Железный пират; Морские волки; Беатриса в Венеции: Романы / Пер. с англ.; Сост. Т. Прокопов. — М.: ТЕРРА, 1996. — 557 с. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).**

ISBN 5-300-00218-6 (т. 2)

ISBN 5-300-00197-X

Во второй том сочинений популярного английского беллетриста начала века Макса Пембертона включены его приключенческие романы «Железный пират», «Морские волки» и «Беатриса в Венеции», выходившие в 1902—1904 гг. в знаменитой серии книгоиздателя П. П. Сойкина «Приключения на суше и на море».

В 4703010000-023 Подписное
А30(03)-96

ББК 84.4Вл

ISBN 5-300-00218-6 (т. 2)
ISBN 5-300-00197-X

© Издательский центр «ТЕРРА», 1996

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПИРАТ

роман

I

СУМАСШЕДШИЙ ПРОСИТ О МИЛОСТИ

— Поезд отправляется! Поезд отправляется! — раздавался вдоль платформы крик железнодорожных служителей, торопивших пассажиров занимать свои места. Но рослый англичанин у буфета еще заказывал себе завтрак, а хорошенькая американка не торопясь прихлебывала свой кофе, вопросительно поглядывая по сторонам. Как обычно, многие спешили и суетились, садясь в вагон, но бывалые путешественники, с улыбками смотревшие на них, не спеша шли к своему месту. Проходила минута за минутой, а поезд все еще стоял, несмотря на то, что какой-то суетливый господин, кинувшийся при первом звуке слов «поезд отправляется» к своему вагону, затем вернувшийся впопыхах к буфету, уже минуты три жалобно заявлял во всеуслышание, что он непременно опоздает на поезд.

Я стоял у дверцы вагона, поджидая своего сумасшедшего приятеля, которого нигде не было видно. Через минуту поезд отправлялся из Кале в Париж, а его все еще не было. Куда он мог запропасться? — думал я. Это был совершенно невозможный человек, этот маленький, нервный господин, с узкими, точно щелочки, глазами, коротко стриженными волосами и странной таинственностью манер и поступков.

Случай столкнул меня с ним в Коусе, где я сел на свою яхту «Сельзис». Было это месяца три тому назад, и с тех пор этот странный человек следовал за мной, как тень. Он садился, непрошенный, за мой стол, ел мой хлеб и пил мое вино, и, по-видимому, относился безучастно ко всему, не исключая даже своей собственной персоны. Для него как будто не существовало никаких законов; ни в суждениях, ни в желаниях его не было, ка-

залось, никакой последовательности: сегодня он хотел одного, завтра требовал другого, вчера утверждал, что земля имеет яйцевидную форму, а сегодня доказывал, что она круглая. При всем том, однако, в нем было что-то чрезвычайно привлекательное, что-то неуловимое, непонятное и загадочное, и я не только терпел его подле себя, но даже как-то странно привязался к нему.

Так и теперь — я рисковал пропустить свой поезд в Париж и остаться еще на несколько часов в Кале из-за этого сумасброда, этого совершенно чужого и почти незнакомого мне человека.

— Да идите же наконец! — сердито крикнул я, заведя его на конце платформы в тот момент, когда проводники уже захлопывали дверцы вагонов. — Разве вы не видите, что поезд отходит?

Он продолжал идти не торопясь, как будто не слышал ничего.

— Да ну же, Холль, Хилль, Хелль, или как вас там зовут, спешите или оставайтесь, я еду! — крикнул я и вскочил в вагон.

В следующий момент кондуктор довольно бесцеремонно втолкнул в наше отделение моего спутника и захлопнул за ним дверь. Бедняга, потеряв равновесие, упал на свою шляпную картонку, задев при этом ноги Родрика, которого он разбудил, и тут же извинился.

— Мне остается только пожелать, чтобы вы в следующий раз входили в вагон не на четвереньках, — ворчливо заметил Родрик, — и не будили людей, которые собрались заснуть. Я говорю не о себе, а о сестре, которую вы потревожили! — добавил он.

Мой сумасшедший принял извиняться перед Мэри, сидевшей в дальнем углу купе, и в заключение, обращаясь к Родрику, сказал:

— Я очень виноват перед мисс Мэри и при всем желании не могу подыскать извинения, достойного вашей сестры.

Такая чрезвычайная вежливость с его стороны крайне удивила меня, хотя Мэри, которой теперь было уже шестнадцать лет и которую я знал с детства, была действительно особенно мила сегодня в своем изящном дорожном платье и простенькой шляпке.

Сконфуженная такой любезностью, Мэри покраснела и стала уверять, что никогда не спит в вагоне.

Поезд медленно полз по песчаной отмели, тяну-

щейся от Кале до Булони. Родрик опять уже крепко спал; хорошенькая головка Мэри, вопреки ее уверениям, тоже склонилась на подушку. Мой загадочный спутник, казалось, тоже дремал.

Какая странная компания собралась в этом отделении вагона, думалось мне. Об этом человеке, которого все мы называли сумасшедшим, я не знал решительно ничего, а о двух остальных моих спутниках знал все, что только можно было знать. С Родриком мы мальчиками сидели на одной школьной скамье, затем были вместе в Кембриджском университете; вкусы и цели наши в жизни были одни и те же, впрочем, быть может, потому лишь, что пока никто из нас не имел еще определенной цели.

Родрик, подобно мне, был круглый сирота, но обеспеченный молодой человек. Ему в это время было двадцать четыре года, я был годом старше его. Прежде чем избрать какой-нибудь путь в жизни, и он и я хотели ознакомиться с нею и тогда только решить этот важный вопрос, а пока единственной заботой моего друга была его сестра Мэри, остававшаяся всецело на его попечении, к которой он питал поистине трогательную привязанность.

После своей смерти мой отец оставил мне пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, но к тому времени, когда начинается мой рассказ, я растратил более сорока тысяч и кроме моей яхты «Сельзис» у меня оставалось теперь всего несколько тысяч фунтов. Но, несмотря на это, я вовсе не думал о своем будущем, полагая, что когда придет время, то все само собой устроится, а пока жил на своей яхте в Средиземном море, то курсируя у берегов Англии, то, как сейчас, мчался в Париж с совершенно неизвестным мне человеком, Бог знает, для чего и зачем. Но как знать, когда жизнь захватит нас в свой водоворот, как угадать, что нас толкнет на новый путь деятельной и кипучей жизни? Мог ли я ожидать, что это суждено было сделать моему странному спутнику, которого я называл помешанным, сумасшедшим, над которым все мы подтрунивали?!

Сидя теперь напротив него в вагоне, я с величайшим удовольствием последовал бы примеру остальных моих спутников, спавших крепким сном, так как чувствовал себя утомленным после своего морского путешествия на яхте, доставившей всех нас в Кале, и, навер-

ное, уснул бы, если бы не видел по несомненным признакам, что мой загадочный приятель хочет сообщить мне что-то очень важное. Он беспокойно метался на своем месте, нервно потирал руки, шелестел какими-то бумагами, которые достал из кармана своего пальто, и поминутно перелистывал их дрожащими пальцами, причем его маленькие серенькие глазки сверкали, тревожно бегая по сторонам. В ожидании, что он вот-вот заговорит, я делал вид, что однообразный пейзаж по обе стороны пути чрезвычайно интересует меня, и силился превозмочь одолевавшую меня дремоту. Наконец он заговорил, но теперь уже не казался таким помешанным, как раньше.

— Ведь они оба спят? Не так ли? — вдруг спросил он, положив мне руку на плечо и указывая на Родрика и Мэри. — Однако не мешало бы нам совершенно удостовериться, прежде чем я начну говорить, если только вы позволите мне высказаться и согласитесь выслушать меня. Я хочу просить вас об одной милости!

Видя его столь серьезным и озабоченным, я был до того поражен этим необычным явлением, что больше смотрел на него, чем на Родрика и Мэри. А он продолжал смотреть мне в глаза тревожным, молящим взглядом, какого я никогда не видел у него. Я поспешил уверить, что он смело может говорить, что Родрик спит и что если бы даже он проснулся, то я готов поручиться за него, что он никогда не выдаст его.

— Я хотел поговорить с вами уже несколько дней назад, — сказал мой собеседник, продолжая вертеть в руках свои бумаги, — но вы были все это время так заняты, что я никак не мог выбрать удобный момент. Вам, конечно, должно казаться странным, что, находясь в вашем обществе столько времени, я до сих пор не рассказал вам ничего о себе. И вы были настолько деликатны, что никогда не расспрашивали меня ни о чем. Может, я обманщик, но вы никогда не пытались разузнать об этом; может, я мошенник, преследуемый властями, но вы не старались содействовать моей поимке; и поверьте, я умею ценить подобное отношение. Вы не знаете даже, есть ли у меня деньги и, несмотря на все это, сделали меня, если смею так выразиться, своим другом!

Последние слова он произнес таким тоном, что я не-

вольно протянул ему руку и крепко пожал его холодную ладонь.

— Я очень признателен вам за ваше доверие ко мне,— продолжал он,— тем более, что мало было у меня друзей, да, по совести говоря, никогда я и не искал их. Вы же одарили меня своей дружбой по своей воле, и я тем более ценю ее. Теперь я выскажу вам свою просьбу: если я умру раньше, чем через трое суток, не откажитесь вскрыть вот эти бумаги, которые я приготовил для вас, и обещайте, что исполните все, что в них заключается, с возможной точностью. Это не пустая просьба, могу вас заверить. Моя просьба поставит вас в то положение, в каком нахожусь я сам в настоящее время, но с несравненно большими шансами на успех, чем у меня. Что же касается опасностей, сопряженных с этим делом, то они достаточно серьезны, но вы способны преодолеть эти опасности, как надеюсь преодолеть их и я, если только останусь жив!

Слова Мартина Холля, как звали моего таинственного приятеля, навели на меня тоскливое, щемящее душу чувство. Я считал этого человека безрассудным, сумасшедшим, сумасбродом с постоянно меняющимися намерениями, легкомысленным и непостоянным, и вдруг он говорит мне о какой-то тайне, о своей близкой, быть может, смерти. Его слова произвели на меня глубокое впечатление, но я старался скрыть это от него, и потому отвечал в легком, шутливом тоне:

— Прежде всего скажите мне, вполне ли вы уверены в том, что говорите серьезно?

В ответ на это он предложил мне взять его руку. Она была холодна, как лед.

— Послушайте, Холль, если вы не дурачитесь,— сказал я,— и действительно хотите, чтобы я сделал для вас то, что вы сами же называете «милостью», то вы должны быть более откровенны со мной и высказаться яснее: во-первых, скажите мне, откуда у вас взялась эта дикая мысль, что вы можете умереть в течение этих трех дней, во-вторых, какого рода обязательства желаете вы возложить на меня, так как сами понимаете, что я не могу обещать вам исполнить то, о чем не имею ни малейшего представления. Итак, давайте начнем сначала: почему вы, например, отправляясь в Париж, насколько мне известно, как простой путешественник, без всякой определенной цели, вдруг высказываете опа-

сения, что вас подстерегает там какая-то таинственная напасть, быть может, даже смерть. Ведь вы не знаете в этом городе ни одной души!

Холль тихо засмеялся в ответ и стал смотреть в окно вагона, но минуту спустя обернулся ко мне, и глаза его светились странным огнем.

— Вы говорите,— начал он,— что я еду в Париж без всякой определенной цели? Я, который ждал целые годы дела, которое, как надеюсь, мне удастся исполнить в эту ночь, тотчас же по приезде в Париж?! Вы хотите знать, зачем я еду в Париж? Я еду туда, чтобы встретиться с человеком, которого, не пройдет и года, как станут преследовать все правительства Европы, который, если я сегодня не схвачу его за горло в самый момент разгара его грязных дел, усеет могилами землю, как эти сосны усеивают ее по осени своими иглами. Он и не помешанный, и не здоровый, и знай он о моих намерениях, он скомкал бы меня и раздавил, как я комкаю и давлю эту бумажку. Это человек, который имеет все, что только можно желать в жизни, и которому всего этого мало. Он может повелевать в десяти городах, у него везде есть деньги и люди; полиция против него так же бессильна, как против морского прибоа; человек, убийственные замыслы которого превосходят все, что могло когда-либо измыслить самое преступное воображение, что когда-либо заносилось в хроники преступлений,— и вот бороться с этим человеком я и еду в Париж.

— И вы рассчитываете утопить его? Какое же отношение имеете вы к этому человеку? — с удивлением спросил я.

— В данный момент, пожалуй, никакого, но через месяц я буду иметь к нему денежное отношение; не позже, как к началу декабря, за выдачу его будет предложено пятьсот тысяч фунтов. Это так же верно, как то, что мы говорим с вами.

— И вы рассчитываете встретиться с ним в Париже? — продолжал я.

— Да, сегодня же вечером я увижу его, а через три дня я или все выиграю, или все потеряю — или буду торжествовать, или погибну. Тайна его станет моей, если же я потерплю неудачу, то вы будете продолжать начатое мною дело и следовать за той нитью, которую

я нашел и с громадным трудом в течение целых трех лет распутывал.

— Но позвольте узнать, что это за человек?

— Это вы увидите сами, если только рискнете пойти вместе со мной. Я встречаюсь с ним сегодня в восемь часов вечера.

— Если рискну? — воскликнул я. — Вряд ли тут может быть много риска.

— Вы рискуете очень многим: дело это далеко не безопасное. Об этом я считаю своим долгом предупредить вас... Смотрите, барышня просыпается.

Действительно, Мэри раскрыла глаза и сказала с не-притворным удивлением:

— Я, кажется, спала?

Родрик стал встряхиваться и протирать глаза и спросил, проехали ли мы Шантильи, а мой сумасшедший стал суетиться, подзывая носильщиков, как только мы въехали в полумрак вокзала и вдоль бесконечной платформы замигали фонари. Я не верил своим глазам, глядя на него, не верил, что этот человек всего несколько минут назад говорил со мной о таких странных вещах, и еще менее мог сродниться с мыслью, что ему оставалось, быть может, недолго жить.

Но таковы, видно, пути судеб, скрытые от наших взоров.

II

КАПИТАН БЛЭК

Ярко освещенные улицы Парижа приводили Мэри в восторг; у нее поминутно вырывались громкие возгласы удивления и восхищения, пока мы ехали по бульвару Капуцинов и наконец остановились у отеля Scribe. Даже Родрик, очень любивший Париж, не спал, с удовольствием глядя на сестру.

— Самое лучшее, что мы можем сегодня сделать, — сказал он, — это вкусно пообедать в одном из лучших ресторанов. А в деле гастрономии я знаток, и вы, надеюсь, предоставите мне заказать обед на четверых.

— Будьте добры заказать только для двоих, милейший, — проговорил Холль, — мистер Марк Стронг был столь любезен, что сообразовался согласиться отобедать сегодня со мной, причем, по свойственному ему

великодушию, взялся оплатить этот обед, о чем имею честь доложить вам. Правду я говорю, мистер Марк? — обратился он ко мне.

Я подтвердил его слова.

— Я действительно обещал быть сегодня вечером с мистером Холлем у одного из его друзей, и потому вам сегодня придется пообедать вдвоем с Мэри, а затем тебе ничто не помешает лечь спать или же пойти с Мэри купить ей кое-киеч.

— О, да-да! — радостно воскликнула девушка. — Это будет прелестно, милый Родрик!

— Я ничего не имею против, чтобы пойти и закупить тысячу безделушек, — пробурчал Родрик, — но желал бы, Марк, чтобы ты не расставался с нами в первый же день нашего приезда в Париж.

— Господа, не может ли кто из вас сказать мне точное время, английское или французское — безразлично? Мои часы до того взволнованы тем положением, в каком они находятся, что опаздывают на четырнадцать часов! — прервал нас Холль.

Я сказал ему, что теперь десять минут восьмого.

— Десять минут восьмого! — воскликнул он. — А полдюжины русских князей, не говоря уже об английском рыцаре, ожидают нас к восьми часам! Я не успею даже переменить свой туалет! Не может ли кто-нибудь одолжить расческу?

Так он болтал в то время, как мы поднимались по лестнице гостиницы, и вплоть до того самого момента, когда мы с ним очутились одни в моей комнате, куда он последовал за мной.

— Живо! — вскричал он, доставая какие-то предметы из своей шляпной картонки. — Очки, парик да десяток редкостных вещиц для продажи, вот и все! — бормотал он. — Ну, похож я теперь на торговца-старьевщика, мистер Марк?

Никогда в жизни я не видел ничего подобного, такого полного, поразительного перевоплощения при помощи столь несложных приспособлений. Никто не мог бы признать в этом подслеповатом, сгорбленном и сутуловатом еврее, трясушемся от корыстолюбия и жалкой трусости, моего сумасбродного приятеля Мартина Холля. Вся манера держаться, походка, малейшие жесты — все это было верхом сценического искусства, но он не дал мне времени распространяться на эту тему,

ни даже спросить его, к чему было нужно подобное превращение.

— Тут минут пять ходьбы, а теперь скоро восемь, пора! Идемте! — сказал он и вышел из комнаты.

Мы спустились с лестницы, вышли на улицу, потом, пройдя по бульвару Гаусман, свернули на улицу Жубер и вдруг совершенно неожиданно очутились в небольшом переулке, выходявшем в какой-то узкий проулок.

— Мы у цели, — скороговоркой пробормотал Холль, — здесь, на третьем этаже. Помните, что вы мой человек, который носит за мной вот эту шкатулку, и первое условие: не раскрывайте рта, будьте немые как рыба, что бы вы ни увидели, что бы ни слышали, не то вы рискуете получить нож в бок, как и я. Вы немой, единственный звук ваш — это «мм-мм», и ничего больше. Помните!

— Хорошо, но если мы идем в такую трущобу, где нас могут ежеминутно пырнуть ножом, то не лучше ли было бы захватить с собой оружие? — спросил я.

— Оружие! — презрительно повторил за мной Холль и большими шагами избежал на третий этаж.

Я последовал за ним, и вскоре мы стояли у тяжелой дубовой двери. Мой спутник постучал и еще глубже надвинул на глаза свою шляпу. Ответа изнутри не последовало, только чей-то мощный, раскатистый, точно грохот канонады, голос распевал какую-то бравурную разбойничью песню, расхаживая из комнаты в комнату. Когда этот громовой голос смолк на минуту, Холль снова постучал в дверь и затем, не шевелясь, стал ждать, чтобы ему отворили.

Наконец мы слышали, как тот же грубый голос громко крикнул:

— Эй, Сплинтерс! Прибери-ка хлам!

Послышалась возня, суетливое шлепанье туфель, и наконец, когда весь хлам был прибран, кто-то подошел к двери.

— О! Да это штопанный жид с его редкостными безделушками. Что так рано, приятель? — воскликнул все тот же громовой голос, и в дверях появились голова и грубая жилистая рука, окутанная грязной красной фланелью. Всклопоченная голова с целым лесом грязно-желтых волос и неумытым лицом была далеко не привлекательна. В красных водянисто-серых, как у кролика, глазах было лукаво-насмешливое выраже-

ние, а громадный шрам поперек щеки как-то особенно шел к его отталкивающей наружности и медно-красному цвету лица. Самый смех его в то время, как он шутливо приветствовал моего путника, невольно заставлял содрогаться того, кто его слышал. Что касается меня, то, забыв наставления Холля, при виде этого уродя я отшатнулся и попятился назад. Он заметил это, и глаза его гневно сверкнули; широко осклабя свои громадные зубы, выступавшие с левой стороны поверх губы, он обратился ко мне с насмешливым недобрым взглядом.

— А ты кто такой, приятель, что не подходишь здороваться с Ревущим Джоном? Будь ты мой сын, парень, я бы тебя вымуштровал доброй дубиной. Чего вы не обучите его еврейским манерам, Жосфос? Ну да что тут долго рассуждать, если есть подходящий товарец, входите да идите все прямо, вон туда!

Заперев дверь, он пошел вперед и, пройдя небольшую переднюю, вошел в странного вида комнату и уже с порога заявил: «Это жид Жосфос со своим товарищем пожаловал к нам на судно». Идя за ним следом, я очутился в помещении, где в первую минуту сквозь густую атмосферу табачного дыма не мог ничего различить, затем разглядел шесть или восемь человеческих фигур, не сидевших, как это обычно бывает, за столом во время трапезы, а возлежавших на кучах грязных подушек и одеял перед низкими длинными столами, тянувшимися вдоль всех четырех стен комнаты, которые, как я потом увидел, состояли из досок, положенных на кирпичи. Перед каждым из этих людей стояла большая жестяная чашка с горячей, дымящейся похлебкой, краюха хлеба, по жестяной кружке и большому комку жевательного табака. Никакой другой мебели в этой комнате не было; очевидно, эти люди тут же и спали, где ели, на тех же подушках и одеялах, на которых они теперь валялись. Подле каждого лежало по небольшому красному узелку, составлявшему, очевидно, частную собственность каждого. Все эти люди были одеты в одинаковые грубые красные шерстяные рубахи, матросские штаны и широкие синие куртки; на каждом был широкий ремень, на котором болтался большой складной нож; на руках у всех были браслеты и какие-то странного вида кольца на пальцах. Передо мной были люди всех возрастов, от двадцати пяти до

шестидесяти, с явными следами продолжительной службы на море: грубые, загорелые лица, у многих изукрашенные одним или несколькими шрамами, свирепые лица каких-то размалеванных дьяволов, зубастых и беззубых, четырех- и трехпалых, в облике которых отражались необузданные страсти, сами шутки которых казались страшными угрозами, а смех вызывал жуткое чувство страха, так что комната эта произвела на меня впечатление клетки с дикими зверями, кровавыми и коварными, страшными и отвратительными одновременно.

Но Мартин Холль, по-видимому, не испытывал подобного чувства по отношению к этим людям, напротив, чувствовал себя здесь как дома. Была минута, когда у меня мелькнула мысль, что он завел меня сюда с дурным намерением. Но скоро я отбросил ее. Между тем мой спутник, не останавливаясь у входа в комнату, прошел прямо в конец, где сидел человек, сразу привлечший мое внимание как своим внешним видом, так и тем благоговейным почтением и трепетом, с каким к нему относились остальные. Он сидел за общим столом на почетном месте, но не на гряде грязных подушек, как другие, а на дорогих звериных шкурах — медвежьих, тигровых, белых песцов, и один из всех был в гражданском платье и белой крахмальной сорочке. Насколько я рассмотрел, это был господин небольшого роста, с черной бородой и нежной кожей лица, с большим, довольно красивым носом и высоким умным лбом; у него были маленькие белые руки, униженные кольцами с бриллиантами самой чистой воды и громадной ценности; чудный нешлифованный рубин висел в качестве брелока на золотой цепочке от часов. Густые черные кудри, ниспадавшие ему на плечи, казалось, давно не видали гребня, что являлось характерной чертой всех собравшихся здесь людей. Этому человеку вся эта необузданная толпа повиновалась по первому слову; к нему все без исключения относились с каким-то благоговейным обожанием.

При таких условиях я впервые увидел этого человека, возмутительные дела которого в скором времени должны были стать мне известны, дела, которые взволновали и возмутили весь мир, а меня вовлекли в такие приключения и опасности, при одном воспоминании о которых я невольно содрогаюсь.

Первым заговорил Холль, и я, хорошо знавший его, заметил, что он меняет голос и говорит сильно в нос, гнусавым голосом, присущим многим евреям.

— Я явился к вам, мистер Блэк, как вы того желали, с кое-какими маленькими, но весьма ценными вещами, чудными вещами, за которые заплатил очень большие деньги.

— Хо-хо! — воскликнул капитан Блэк. — Слышите, вот жид, заплативший большие деньги за несколько маленьких вещей! Посмотрите-ка на него, ребята! У жида много денег! Выверните-ка его карманы наизнанку! Ха-ха! Дайте-ка, ребята, жиду и его жиденку чего-нибудь выпить!

Веселье капитана было с шумом подхвачено всей его компанией; кто-то ткнул мне под нос свою грязную жестяную кружку и, к великому моему удивлению, в ней оказалось не пиво, а шампанское, и, судя по его букету, очевидно, высшей марки.

Что же это были за люди, эти грубые, грязные, полупьяные матросы, которые носили на руках ценные бриллианты и пили из жестяных кружек дорогое шампанское?

Между тем по первому знаку капитана шумная грубая возня и шутки этих людей разом прекратились, и Холль стал выкладывать перед ним на белый песцовый мех свои драгоценности.

— Вот, мистер Блэк, портрет императора Наполеона, — загнусавил Холль, — находившийся некоторое время в руках императрицы Жозефины, чудная, редкая работа... Вот цепь, принадлежавшая Дон Карлосу, — в ней восемнадцать каратов!.. Потрудитесь взглянуть на отделку: ведь это ручная работа! Я заплатил за эту вещь целую уйму денег!

— К черту вас с этой уймой денег! — воскликнул Блэк, гневным жестом отшвырнув от себя эти ценные вещицы. — Говорите свою цену за весь этот хлам, и дело с концом! — заявил он. — Сколько, например, за это? — спросил Блэк, держа перед глазами миниатюрный портрет Наполеона, причем взгляд его выдавал восхищение знатока.

— Это работа Вильяма Росса, — продолжал Холль, — и я готов уступить ее за двести фунтов стерлингов, ни гроша меньше или я разорен вконец!

— Слышите, жид разорен! — захохотал Блэк. — Эй,

Четырехглазый, дай-ка ты ему тумака! (Последние слова были обращены к рослому парню, который, развалясь тут же у стола, крепко спал.) Видите, этот маленький жид не может уступить свой хлам меньше чем за двести фунтов. Ну конечно! Слышишь, Сплинтерс, уплати ему триста золотых за его воровское, грешное добро!

Сплинтерс, черноволосый мальчуган лет двенадцати, встал со своего места и снял с крюка на стене большой холщовый мешок, из которого отсчитал триста золотых различной монетой — европейской и американской, а Холль, сидевший теперь на корточках на полу, подобрал эти червонцы и, взвешивая их на руке, обратился к капитану с вопросом, тогда как мальчуган, с лицом мученика и страдальца, свидетельствующим о дурном с ним обращении, продолжал неподвижно стоять, ожидая дальнейших приказаний капитана.

— Господин капитан,—сказал таинственным тоном Холль,—меня завтра будет ждать в Плимуте очень ценная редкость, меч Джона Хоукинса, и если только я буду жив, эта замечательная древность не пройдет мимо ваших рук. Я слышал от вас, что вы уходите завтра поутру, и потом думаю — не прихватите ли вы меня с собой? Я там же, в Плимуте, мог бы предложить вам великолепнейшие вещи и уступил бы даже с убытком!

Лицо капитана вспыхнуло гневом, глаза сверкнули огнем бешенства и дикой злобы; он сжал кулак и сделал такой жест, как будто собирался уложить на месте тщедушного маленького еврея, но сдержался. Что касается меня, я бы не решился выдержать еще раз такой взгляд, каким смерил Холля этот ужасный человек.

— Так вы желаете, чтобы я принял вас на мое судно?—сказал капитан тоном едкого сарказма.—Торговец редкостями желает получить даровой проезд! Ну что ты на это скажешь, Четырехглазый? Взять нам этого человека на судно?

Четырехглазый, к которому обращался капитан, был загорелый, коренастый мужчина гигантских размеров — ирландец со светлыми вьющимися волосами и большими, широко раскрытыми серо-синими глазами, довольно добродушными, смотревшими смело и серьезно. Человек этот казался более честным и порядочным, чем остальные его товарищи, и несколько от-

личался от них даже по внешнему виду: поверх красной шерстяной рубахи на нем был горохового цвета пиджак, а на ногах пара вышитых туфель. Это был человек рассудительный, говоривший мало, но обдуманно.

Выслушав вопрос капитана, он, прежде чем ответить, пристально посмотрел сперва на него, потом на Холля, затем сделал большой глоток из стоявшей перед ним жестяной кружки, посмаковал и сказал:

— Я бы взял его! — с этими словами он откинулся на свои подушки, как будто его слово было последним, и кивнул капитану; тот тоже кивнул ему в ответ, и на этом дело было закончено.

— Мы уходим сегодня в полночь, пользуясь приливом, — сказал Блэк, — и вы можете явиться на судно, когда захотите... Эй, мальчуган, убери все это в сундук! — добавил он, подбирая миниатюру и остальные вещи.

Мальчуган протянул свои дрожащие, неуклюжие руки, чтобы принять от капитана эти предметы, но, по неловкости, уронил миниатюру; та упала на пол и треснула. Блэк обернулся с пеной у рта. Дрожащий, обезумевший от страха мальчик упал на колени, прося пощады, но Блэк со всей силы ткнул его ногой в грудь так, что тот откинулся, и крик боли замер, так как у него перехватило дыхание.

— Ребята, впечатайте ему дюжину горячих своими ремнями! — крикнул хозяин.

Не успел он договорить, как громадного роста дегтина схватил мальчика и зажал голову его между ног, а другой, быстро сдернув с себя ремень, тяжелой пряжкой принялся наносить несчастному жестокие удары; пряжка вырывала клочки мяса, и кровь струями лилась на пол. Это вызвало необычайную веселость у присутствующих, я же делал над собой нечеловеческие усилия, чтобы не броситься на этих извергов. Холль, догадавшийся о моих чувствах, как бы случайно положил свою руку на мою и с такой силой сжал мои пальцы, что они затрещали.

Когда мальчик лишился чувств, его пнули несколько раз сапогами в бок и в спину, затем Ревущий Джон, подобрав с пола, вышвырнул его в смежную комнату, после чего это маленькое происшествие тотчас же было забыто, и капитан совершенно повеселел.

— Эй! Джон, пусть нам дадут поесть, — крикнул

он,— а ты, Дик, читай молитву, ты последние восемь часов все время спал.

Дик, рыжеволосый шотландец, тощий и угрюмый, протирая глаза, пробормотал:

— Без пищи и питья не веселится ни одна плоть! Неразумный вы человек, как я вижу, мистер Блэк: надо же всякой плоти давать отдых, а без того я ни часа больше не хочу оставаться коком на вашем судне!

— Слышите, ребята, Дик не желает больше служить нашей почтенной компании! Да ну же, Дик, дай нашим гостям послушать твое красноречие,— сказал капитан.

Наконец принесли кушанье. Это были самые дорогие и самые изысканные блюда, изготовленные опытным французским поваром, и ко всему этому целая батарея шампанского самых лучших сортов. Но я хотел только одного — уйти как можно скорее отсюда, меня мучило от одного вида этих людей.

Холль поднялся было, чтобы уйти, поняв мой молящий взгляд, но Блэк насильно усадил его на прежнее место. Разгоряченные вином ребята насильно стали вливать Холлю в горло стакан за стаканом. Ревущий Джон собирался оказать ту же честь и мне, но я выбил у него кружку из рук. В тот же момент надо мной мелькнул нож. Раздались крики, поднялся страшный шум и гам, стали опрокидывать столы и свечи — все точно обезумели. «К двери! К двери!» — слышал я голос Холля. Не помню, что было дальше, только я вдруг почувствовал острую боль в плече и в тот момент, когда уже не рассчитывал уйти живым, увидел себя каким-то чудом на улице Жубер.

— Я боялся, что это плохо кончится,— проговорил Холль.— Эти люди и в трезвом-то состоянии весьма буйны, а во хмелю — ужасны!

— И вы решаетесь плыть с ними? — спросил я.

— Да, делать нечего. Зато, раз я попаду к нему на судно, у меня в руках будет ключ, который поможет мне свить веревку для его виселицы!

Первые лучи рассвета начинали рассеивать туман, точно вуалью окутавший весь город. Весь Париж спал; улицы были пусты, когда мы вернулись в свой отель.

Я был до того утомлен и обессилен, до того одурманен всем виденным, что желал только одного — поскорее очутиться в постели и забыться сном. Но

Холль вошел вслед за мной в мою комнату с явным намерением сообщить мне что-то.

— Вы знаете, мистер Марк, что через несколько часов я покину Париж,— начал он.— Но прежде, чем мы расстанемся, быть может, на довольно продолжительное время, я хочу попросить вас оказать мне еще одну услугу. Ваша яхта, если я не ошибаюсь, теперь осталась в Кале. Так не будете ли вы так добры сесть на нее сегодня утром и отправиться на ней в Плимут? Там вы будете наводить справки об американской яхте «La France». Блэк только нанял ее на время, судно это не принадлежит ему. Вести об этой яхте будут равнозначны вестям обо мне, и я буду рад, сознавая, что есть на свете человек, который стоит у меня за спиной, когда я страшно рискую. Если же там ничего не узнаете обо мне, то выждите еще один месяц, а если будете иметь неопровержимые доказательства моей смерти, то вскройте немедленно тот пакет с бумагами, что я вручил вам, и прочтите, что в них, хотя я не думаю, что дело дойдет до этого.

С этими словами он сердечно пожал мне руку и вышел из комнаты. А я и не подозревал в то время, что мне уже через три дня придется вскрыть бумаги бедняги Холля, моего сумасшедшего, как я и все называли его.

III

ТРИ ЗАПИСКИ

Часы пробили десять, когда я наконец проснулся после тяжелого, томительного сна. Все у меня в голове смешалось, я не мог отличить сна от реальности до тех пор, пока мне не попалась на глаза аккуратно сложенная записка, лежавшая на столике подле кровати.

Я взял ее и тогда только мне стало ясно, что все случившееся прошлой ночью было не сном, а ужасной действительностью. Записка была от Мартина Холля, который писал в ней:

«Отель „Скриб“, 7 часов утра. Через 10 минут я уезжаю отсюда и пишу вам мое последнее „прости“. Мы покинем порт ровно в полночь. Не забудьте отправли-

ться в Плимут, если питаете ко мне хоть какое-нибудь расположение. На вас вся моя надежда.

Мартин Холль».

Итак, он покинул Париж, несомненно, он шел на-встречу явной опасности, вполне сознавая это. Смелость этого человека пугала меня и вместе с тем восхищала. Я решил отправиться вслед за ним не только в Плимут, но и дальше, если того потребуют обстоятельства, и не отставать от него, помогая чем только смогу.

Одевшись на скорую руку, я спустился в нашу общую гостиную, где застал сонного, по обыкновению, Родрика и Мэри, возмущавшуюся французским утренним чаем, поданным ей вместо плотного английского завтрака.

— Ах, какой ужас! Видели вы когда-нибудь более жидкий чай?.. А, мистер Марк, вот и вы! Ну, как вы повеселились вчера?

— Превосходно, благодарю вас, Мэри, я могу сказать, что провел прекрасно вечер, среди людей, которые пришли мне как нельзя более по душе!

— Не хотите ли чаю? — предложила Мэри.

— Благодарю, выпью чашку с большим удовольствием.

— Ну, расскажи нам, что ты делал вчера, — сказал Родрик, зевая.

— Хорошо, только пусть Мэри скажет мне, что ты ей купил в парижских магазинчиках.

— О! — жалобно воскликнула Мэри. — Он решительно ничего не купил, а только обещал, что мы сегодня все вместе отправимся в Пале-Рояль!

— Хм, ведь это добрых сто сажень отсюда, — засмеялся я, — в состоянии ли ты, Родрик, предпринять подобную экскурсию даже и после того, как хорошенько выпишься?

Он с упреком взглянул на меня:

— Не заморить же мне себя, бегая здесь по магазинам, — сказал он, — ты ужасно предприимчив и энергичен, Марк! По-моему, вся мудрость жизни заключается в том, чтобы человек, сидя спокойно в удобном кресле, спокойно обсуждал великие задачи человечества. При таких условиях, когда ничего человека не волнует и он ничего к сердцу не принимает, живет удивительно хорошо, могу тебя уверить!

— Все это прекрасно, и я охотно тебе верю, но вот беда, мне не удастся отправиться с вами сегодня в Пале-Рояль: я только что получил письмо, которое вынуждает меня вернуться на яхту. Через неделю я думаю вернуться сюда и тогда захвачу вас; во всяком случае я напишу вам о своих намерениях, как только они выяснятся.

И Родрик, и Мэри как-то странно посмотрели на меня. Первый не сказал ни слова, но я прочел в глазах его упрек: «Ты что-то скрываешь от меня». Вероятно, он спросил бы меня о чем-нибудь, но в этот момент вошел слуга с докладом, что какой-то человек спрашивает меня. Я приказал проводить его к нам в общую комнату и, к немалому своему удивлению, в следующий момент увидел перед собой Четырехглазого, как его называл капитан Блэк. Он вошел сперва довольно свободно, но при виде Мэри сильно смутился. Неуклюже ступил он несколько шагов и, остановившись, стал озираться, напоминая своим видом громадную собаку, попавшую в комнату, куда ее обычно не пускают.

— Я, видите ли, был прислужником в церкви в Типперари! — буркнул он, как будто это должно было выяснить его положение и отношение ко мне.

— Прошу садиться, — сказал я, видя, что он тербит свою шапку, не спуская недоумевающего взгляда с Мэри. — А затем позвольте мне узнать, какое отношение имеет то, что вы служили при церкви в Ирландии, к вашему сегодняшнему посещению?

— В этом-то все и дело, ваша милость, я чувствую себя не в своей тарелке, когда подо мной неровный киль, и, не в обиду будет сказано этой барышне, — лучше постою... А пришел я сюда вот с этой запиской для вашей милости, которую мне приказано было передать вам прямо в руки.

Это было красиво написанное письмо на прекрасной бумаге, гласившее: «Капитан Блэк свидетельствует свое почтение г-ну Марку Стронгу, которого он имел честь видеть у себя вчера, и крайне сожалеет о том приеме, который был оказан ему. Капитан Блэк тешит себя надеждой, что г-н Марк Стронг не откажет ему в удовольствии видеть его у себя на яхте «La France» в гавани Двеп в 11 часов вечера и тем предоставить ему возможность загладить свой вчерашний прием более радушным и достойным такого гостя».

Итак, оказалось, к моему изумлению, что страшный капитан знал не только, что я не помощник Холля, а даже и мое имя, и кто я такой.

Насколько это могло быть опасно для меня, я не знал, да и не думал об этом, но у меня сразу родилась мысль, что инкогнито Холля было раскрыто и что мой бедный приятель находится теперь в еще худшем положении, чем он предполагал.

Я решил действовать крайне осмотрительно и насколько возможно поддержать своего бедного приятеля.

— Вам приказано было ожидать ответа? — обратился я к Четырехглазому.

— Я должен поступить по своему усмотрению. Мне приказано так: «Если господин пожелает написать, пусть напишет, а если пожелает приехать ко мне на судно, то пусть едет, и тогда мы выпьем с ним на славу, как и подобает. Если господин желает заглянуть в мою каюту, то пусть приедет к семи часам, а с закатом мы снимемся с якоря». Итак, как вашей милости будет угодно... А мое дело — передать это моему хозяину.

Для меня было ясно, что мне будет угрожать страшная опасность на яхте, но это было ничто в сравнении с тем, что ожидало бедного Мартина Холля, который уже покинул Париж и был теперь, быть может, уже во власти капитана Блэка и его ужасного экипажа.

— Я сейчас отвечу на это письмо, а вы пока не откажитесь выпить стаканчик виски, — и я пододвинул к нему графинчик.

— Старому моряку это занятие подходит, ваша милость! — и мой посетитель налил себе полный стакан. — Выпью за молодую барышню! — сказал он угрюмо и долго глядел в стакан, затем разом отхлебнул половину.

— А какая теперь погода на море? — спросил я неожиданно, глядя на него в упор через стол.

Он обвел стаканом круг, и затем снова взгляд его остановился на Мэри.

Когда же он раскрыл рот для ответа, голос его звучал как-то странно мягко:

— Хороша ли погода, спрашиваете вы? Это, клянусь всеми святыми, зависит от многого...

— От чего же именно?

— Прежде всего от компании и от вашей жизни!

— От жизни? — переспросил я удивленно.

— Ну да, если вам не хочется расставаться с жизнью и если вы сколько-нибудь дорожите ею! — так же невозмутимо пояснил ирландец.

Смысл его слов был совершенно ясен.

— Скажите же вашему господину, что я благодарю за честь, но сегодня приехать не могу, побываю у него в другой раз, а теперь у меня есть дела в Париже.

Посланец капитана Блэка продолжал смотреть на меня серьезно и строго, затем сказал отечески-наставительным тоном: «Если с вашего позволения, ваша милость, я могу дать вам совет, то будь я на вашем месте теперь в Париже, я бы тут и остался!» — И, поставив стакан на стол, он большими шагами направился к двери, у порога немного потеревил свою шапку, затем тут же нахлобучил ее на голову и, пробормотав: «Я был причетником в церкви Типперари», с общим кивком по нашему адресу поспешно вышел из комнаты.

Когда он удалился, все устремили на меня вопросительные взоры.

— Это один из приятелей Холля, шкипер с яхты «La France», на которой Холль уйдет сегодня в море, — пояснил я.

Родрик молча барабанил пальцами по столу, а Мэри, показалось мне, была как-то странно бледна.

— Ты все еще думаешь выйти в море сегодня ночью? — спросил Родрик, не глядя на меня.

— Да, я обещал безотлагательно отправиться в Плимут. Это совершенно необходимо.

— Так и мы отправимся вместе с тобой! Мэри, иди собирай свои вещи, мне надо сказать Марку пару слов, — сказал Родрик.

— Ну, Марк, что же ты мне скажешь?

— Я? Ничего тебе не скажу, смотри, догадывайся, соображай сам, если хочешь, но пока не могу сказать тебе ничего; я связан обещанием, дал слово! — оправдывался я.

— Я так и думал, — проговорил Родрик, — но это мне не нравится. Я не доверяю твоему сумасшедшему, это какой-то помешанный, который вовлечет тебя в беду. Впрочем, думаю, что тебе пока не грозит никакая

опасность, иначе ты не допустил бы, чтобы Мэри была с нами.

— Теперь нет никакого риска,— сказал я,— в этом ты можешь быть уверен; мы отправляемся дня на три в пролив, вот и все.

— Когда же ты думаешь выехать из Парижа?

— На поезде, отходящем через два часа. У меня есть еще дело здесь, но я встречу вас на вокзале, если вы не откажетесь захватить с собой мои вещи!

— Прекрасно, значит, я могу отдохнуть еще пару часов! Это всегда полезно.

После разговора с гонцом капитана Блэка я уже не сомневался более в том, что Холлю грозит страшная опасность, и хотел сделать все от меня зависящее, чтобы спасти его, заставив вернуться в Париж.

С этой целью я отправился в главное полицейское управление и рассказал эту историю так, как считал возможным, одному из главных чиновников управления. Но там мне сказали, что яхту «La France», принадлежащую эксцентричному американцу, все знают и что на ней никому не может грозить никакая опасность.

Видя, что тут мне ничего не удастся сделать, я немедленно отправился в посольство. Здесь меня выслушал один из членов посольства и, явно смеясь над моими тревогами и опасениями, обещал телеграфировать в Кале и передать Холлю то, что я желал.

После этого я отправился прямо на вокзал, где застал Родрика и Мэри со всем багажом. Мы уже сели в вагон и поезд готов был тронуться, когда посыльный, подбежав к окну вагона, сунул мне в руку телеграмму из Кале: «Яхта «La France» уже ушла, и ваш друг отправился на ней».

IV

СТРАННОЕ ЗРЕЛИЩЕ НА МОРЕ

Яхта неподвижно стояла на месте. Беспомощно повисли паруса, ни малейшего дуновения ветерка. Мы уже сутки назад вышли в море, но не сделали еще и двухсот миль. Это запоздание выводило из себя всех: все на «Сельзисе» знали, что я хотел во что бы то ни стало нагнать американскую яхту «La France» и что от этого зависела человеческая жизнь.

Когда пробили склянки, Плаксивый Джэк, наш боцман, прозванный так за то, что в каждом порту от Плимута до Эбердина имел по возлюбленной и каждый раз проливал слезы, уходя в море, стал звать нас к завтраку. Мой капитан, капитан Йорк, прозванный командой Безмолвным Шкипером, так как не любил даром тратить слова, на этот раз был до того зол, что не выдержал и вылил свой гнев в слова.

— Вот что я вам скажу, сэр,— заявил он, обводя подозрительной трубой уже десятый раз весь горизонт,— этот ваш проклятый американец забрал весь ветер в карман, и пусть бы его загнало ко всем чертям... Ах, прошу прощения, я не видел, что мисс Мэри здесь.

— Я думаю, капитан, что если бы ваши люди не были в увольнении на берегу и мы могли бы сняться с якоря в полночь, то успели бы за это время побывать в Плимуте и вернуться обратно в Париж,— заметил Родрик.

— А я того мнения, сэр, что ваше мнение не стоит выеденного яйца. Мои люди тут ни при чем! Научите меня, как заставить идти судно, когда нет ни на грош ветра, и тогда говорите! — сердито огрызнулся капитан и ушел завтракать, оставив нас с Дэном, старшим вахтенным матросом.

Дэн был старый и опытный моряк, и мы во всех своих затруднениях постоянно обращались к нему.

— Что вы скажете, Дэн, будет ветер? — спросил я, но матрос только пожал плечами.

— Ах, Дэн, как бы я хотела, чтобы налетел шквал! — молящим голосом произнесла Мэри.

— Э-э, мисс, и мы того желаем, но не можем родить ветра. Откуда его взять, когда его нет? Я бы для вас рад был хоть ураган встретить, да что поделаешь?

Не дождавшись ничего утешительного, мы спустились в каюту, где нас ожидал завтрак, и с ожесточением набросились на него. Здесь, в уютной каюте своей яхты, под влиянием общего невеселого настроения, у меня невольно мелькнула мысль: долго ли еще эта яхта будет моей и как я примирюсь с этой утратой, если мне придется расстаться с нею, когда последние мои деньги будут израсходованы? Но я тотчас же поспешил отогнать эти мысли, чтобы думать только о том, как бы нагнать «La France».

Однако проходил час за часом, жара и духота в каю-

тах становились нестерпимыми, на палубе нещадно жгло солнце, море было гладко, как зеркало, как стоячий пруд. Наконец, когда пробило шесть склянок, на горизонте, в южной его части, появилось темное облако, и десятки рук с радостью указали на него. Спустя час пошел дождь, затем вдруг налетел шквал. Дальше к югу небо было черно, как чернила, но все мы ликovali, и когда «Сельзис», подхваченная ветром, помчалась вперед, как гончая, спущенная с поводка, все радовались, как дети. В продолжение часа дул сильный ветер, и мы за это время сделали не менее одиннадцати узлов. Да и после этого ветер был свежий, так что даже Безмолвный Шкипер смягчился и как будто повеселел. Под вечер и с наступлением ночи ветер стал еще больше свежеть, так что, когда мы часов около восьми вышли наверх, «Сельзис» неслась на полных парусах, с такой быстротой рассекая вздымавшиеся волны, что непривычному человеку трудно было устоять на палубе.

— Яхта по левому борту! — крикнул Дэн, едва мы только вышли наверх.

— Какая? — слышался взволнованный голос со всех сторон.

— «La France»! — ответил Дэн, и едва он успел произнести это слово, как раздался громовой голос капитана:

— Держи курс на яхту!

Еще несколько минут, и мы стали нагонять американскую яхту. Слово «La France» теперь уже ясно читалось всеми; мы не спускали глаз с этого громадного катера, каким было, в сущности, это судно. Нас удивило только то обстоятельство, что она шла как будто не в Плимут, а направлялась к ближайшему берегу, но вскоре мы убедились, что не это одно могло казаться странным. Так, сделав несколько сажень в направлении берега, «La France» вдруг развернулась против ветра, и все увидели, что паруса частью порваны, частью сорваны, а все судно представляло собой какую-то странную и страшную картину.

Действительно, нигде не было видно ни одного человека. Наши люди удивлялись:

— Да что они там, моря никогда не видели?! Ведь любой парнишка лучше бы управился с судном, чем эти ротозей там! — ругался Дэн, тщетно надрывая горло и стараясь подсказать экипажу «La France», что им

следует делать, несмотря на то, что мы находились еще в доброй четверти мили от нее.

— Ах, висельники! Да какие это матросы,— возмущался он,— видали ли вы когда-либо что-нибудь подобное?

Капитан не проронил ни слова.

— Ведь там, на судне, нет живой души! — вдруг воскликнул Дэн.

Капитан Йорк утвердительно кивнул головой. Подойдя к нему, я спросил:

— Как вы думаете, капитан, что это значит? Действительно ли яхта предоставлена самой себе и весь экипаж ее скрылся или же они только прячутся от нас?

— Ром! — произнес он в ответ, и ничего больше я от него не добился.

— Он самый, и немало его было выпито, за это я готов поручиться, — подтвердил Дэн.

— Капитан, прикажите спустить шлюпку, — проговорил я, — я отправляюсь на это судно.

Но он только отрицательно покачал головой, затем, наклонясь к самому моему уху, прошептал:

— Держите свои пистолеты наготове и, смотрите, ни слова людям. Я буду идти следом за американкой!

Это был, конечно, разумный совет. Между тем ветер все крепчал, становилось темно; яхта болталась из стороны в сторону, как ореховая скорлупа на воде. Я предложил Мэри спуститься в каюту, но она, угадав, что нам грозит какая-то опасность, наотрез отказалась последовать моему совету. Родрик тоже, вопреки своему обыкновению, не спал, а пристально смотрел на американскую яхту.

— Родрик, — окликнул я его, — ты знаешь, что Холль отплыл на этой яхте, и я страшно встревожен. Я дал ему слово помогать чем смогу, но тебе нет надобности делать что-либо подобное.

— Нет надобности? Ба-а... да что ж ты думаешь, что ты отправишься, а я... погоди, я притащу свой плащ, а Мэри постережет нас. Ты ведь ничего не боишься, Крыса?

Он звал сестру Крысой, так как это было единственное, чего она боялась. Мэри погрозила ему пальчиком. Он кивнул ей в ответ и пошел вниз, я последовал за ним. Захватив свой револьвер и непромокаемый плащ, я вернулся наверх и вдруг почувствовал, что «Сельзис»

тронулась вперед, хотя ни малейшего света не было видно на том месте, где должна была находиться «La France».

— Она пропала, это дело решенное,— сказал Дэн.— Не трудная штука умереть, когда уже потонул в вине!

Билли Эйтбельс, младший шкипер, был того же мнения и по случаю принялся рассказывать какую-то аналогичную историю из своих воспоминаний, как вдруг рулевой крикнул: «Голубой огонь!»

Действительно, точно яркое голубое пламя на мгновение вспыхнуло на яхте, осветив море на громадное расстояние, и затем разом погасло. Прошло минут десять, и пламя снова вспыхнуло на яхте. Мы увидели, что она несется прямо на нас.

— Право руля! — крикнул капитан громовым голосом. Еще момент — маневр был исполнен, и покинутая яхта пронеслась мимо нас на расстоянии ста саженей. Палуба ее была как на ладони, но не была пуста, так как два-три человека из нашей команды вдруг громко вскрикнули, и я увидел страшно искаженное бледное лицо человека, уцепившегося за ванты грот-мачты. Это был единственный страж этого гонимого ветром судна.

Это страшное зрелище вселило непреодолимый ужас в сердца наших людей.

— Помоги нам Бог,— прошептал Дэн.

— Как ты думаешь, жив он еще? — спросил Плаксивый Джэк.

— Не знаю, но я готов поручиться, что этот человек видел что-то такое, чего не должны были никогда видеть глаза христианина! Дай нам Бог всем добраться до берега!

Я не думал ни о чем. Это лицо стояло у меня перед глазами, наполняя мою душу невыразимой мукой. Еще два дня назад я видел этого человека полным надежд, безумно смело шедшим навстречу страшной смерти! О, это искаженное страшной агонией лицо! Оно как будто упрекало меня, что я не хочу даже протянуть ему руку помощи в этот ужасный момент.

— Капитан,— крикнул я, будучи не в силах сдержать своих чувств,— теперь надо спустить шлюпку! Я еду на это судно, даже если мне суждено утонуть, не достигнув его. Ребята,— обратился я к матросам,— вы видели этого человека на палубе «La France»? Это мой

друг, и я должен спасти его! Кто из вас решится отправиться со мной?

В первый момент все они невольно отпрянули назад, затем Дэн откликнулся первым:

— Я поеду с вами!

За ним вызвались один за другим еще человек десять.

— Так едем, только захватите с собой ножи!

Спустили шлюпку. Через две минуты мы уже отошли от судна, и шлюпку закачало на все еще сильных волнах, хотя ветер уже немного спал.

Мы шли наугад в том направлении, где предполагали встретить американскую яхту, хотя на ней не было огней, а ночь была совершенно темная.

Новая вспышка синего пламени, вновь осветившая ее на мгновение, дала нам возможность увидеть ее на расстоянии четверти мили впереди.

— Мы захватим ее на ходу,— проговорил Дэн,— и минут через десять будем уже на палубе.

— Ну и что тогда?— спросили остальные.

— Эх, да ведь это друг нашего господина, и он находится в опасности, да еще в какой!.. Помогите нам Бог и ему тоже! Не робей, ребята, надо спешить! — добавил он.

Все дружно приналегли на весла. Вдруг я заметил, что тучи рассеялись и в одном месте сквозь черную завесу ночи выглянул край ясного месяца. Спустя немного времени и весь месяц вынырнул из-за тучи и разом осветил море ярким светом, развернув перед нами удивительную панораму.

На серебристой поверхности моря еще ходили высокие волны; вдали, возле порта, виднелись огни какого-то большого парохода, а позади нас, в туманной дали, два-три парусных судна. Но все это не привлекало нашего внимания—мы видели только яхту «La France», которая теперь шла нам почти навстречу, и вскоре мы поравнялись с ней.

— Готовь багор и смотри в оба! — крикнул Дэн.

Мы уже ясно слышали, как волны ударяли о борта яхты, и каждый из людей инстинктивно ухватился за нож.

В этот момент ветер внезапно стих. Паруса на яхте повисли, момент казался удобным, и Дэн только что крикнул: «С Богом, причаливай!», как все гребцы разом

выпустили из рук свои весла и остановились, точно остолбенев от ужаса. В тот момент, когда Билли, державший наготове багор, собирался зацепить его, раздался зловещий треск и языки пламени появились со всех сторон. В следующую минуту вся палуба и мачты были охвачены пламенем. Красное зарево пожара мгновенно разлилось на громадном пространстве освещенной луной поверхности моря. Это было ужасное зрелище: трещащие и шипящие звуки горящего судна вселяли страх и ужас в наши сердца.

Ведь мы все знали, что там, на этом горящем судне, был человек, быть может, еще живой, но обреченный на страшную смерть, очевидно, единственный пассажир «La France».

— Вперед! — заорал на людей Дэн, видя, что все они сидят неподвижно в немом оцепенении. — Неужели вы дадите ему сгореть? Да смилуется над ним Господь!

Гребцы разом очнулись от этих слов и со всей силой взялись за весла, подогнав вельбот прямо к судну. Я стоял на корме, стараясь увидеть, что происходит на палубе, — и дай Бог никому никогда не увидеть что-либо подобное! Мартин Холль неподвижно стоял у грот-мачты, объятый пламенем со всех сторон; лицо его, освещенное этим зловещим светом, было так ясно видно, как будто я стоял подле него.

— Отчего он не бросится в море? Если он не может плыть, то пусть хоть минуту продержится на воде, мы его сразу выловим, — и я громко крикнул ему об этом. Весь экипаж подхватил мой возглас, и каждый раз, когда они грудью налегали на весла, у них сипло вырывался этот крик, но Мартин Холль не трогался с места, его вытянутая фигура оставалась неподвижной. Но вот мы подошли совсем близко, и Дэн, всплеснув руками, громко воскликнул:

— Дьявольское дело! Это не люди, а дьяволы какие-то: ведь он привязан к мачте и уже мертвый!

Но люди продолжали кричать, бешено налегая на весла, как безумные.

— Легче! Легче, черти! — заорал на них Дэн. — Или вы хотите врезаться в самое пламя?

Матросы очнулись, и шлюпка стала. Подойти ближе не было никакой возможности, так как и на этом расстоянии было нестерпимо жарко, нечем было дышать, и самое море казалось расплавленной огненной

лавой. Мы были теперь так близко, что я, стоя на корме, смотрел прямо в лицо моего мертвого друга и видел, что злодеи, привязавшие его к мачте, слишком хорошо сделали свое дело. Я только успокаивал себя надеждой, что бедняга уже был мертв, когда судно загорелось, и что мне нечего упрекать себя в том, что он погиб такой ужасной смертью. Спасти же его тело из пламени было делом, на которое не решился бы теперь ни один человек.

Мы молча следили, как огонь, с удивительной быстротой охвативший яхту, пожирал одну за другой все ее части. Вот подул ветер, и пламя кровавым знаменем на мгновение взметнулось в воздух, затем огненный остов качнулся, нырнул, и все разом погрузилось во мрак.

— Вечная память доброму судну! — сказал Дэн.

— Вечная память бедному другу! — прошептал я. — Мир праху его! — и в тот момент, когда злополучное судно пошло ко дну, я отдал бы полжизни, чтобы позвать руку Мартина Холля, этого добровольного мученика, отважного человека, смело и сознательно пошедшего навстречу смерти.

— Вперед! — крикнул я людям, застывшим на веслах, и когда они снова принялись грести, то по-прежнему стали выкрикивать: «Гей! Алло!», как будто тот, к кому обращался этот окрик, мог их слышать. Родрик хотел сказать мне что-то, но голос у него замер на полуслове, и он только молча пожал мою руку. Мэри встретила нас на палубе «Сельзис» бледная и безмолвная, и команда, остававшаяся на судне, не расспрашивала ни о чем, а мы ничего не сказали им и пошли вниз. Я заперся в своей каюте и, несмотря на крайнюю усталость, зажег лампу и стал читать бумаги, завещанные мне Мартином Холлем, не без некоторого жуткого чувства, так как это было завещание покойного.

РУКОПИСЬ МАРТИНА ХОЛЛЯ

Бумаги, врученные мне Мартином Холлем, лежали в большом конверте за несколькими печатями и состояли из нескольких листов мелкого письма рукописи, нескольких рисунков и вырезок из разных газет — французских, итальянских и английских.

Прежде всего я просмотрел рисунки. На одном из них был изображен Ревущий Джон и тут же, подле, смутный абрис лица того ирландца, который носил прозвище Четырехглазый. Затем, на другом рисунке, был представлен корпус большого военного судна, насколько я мог судить, еще не достроенного, на котором еще производились работы. Я полагал, что газетные вырезки должны служить как бы пояснением к этим рисункам; действительно, в одной из них говорилось о происходившей под величайшим секретом постройке весьма выдающегося боевого судна для одной из южноамериканских республик. В другой вырезке сообщалось, что это судно стоило громадных денег, требовало невероятного труда и искусства мастеров, построено по совершенно новому образцу и не имеет себе подобных, а потому строительная компания, исполнившая этот заказ, до поры до времени слагает с себя всякую ответственность за него, отказываясь давать о нем какие бы то ни было сведения.

Все это мне казалось не особенно понятным, и я никак не мог связать эту постройку судна с событиями последних дней и потому, отложив в сторону вырезки и рисунки, занялся рукописью Мартина Холля.

Я прочитал заголовок:

Некоторые сведения о безымянном военном судне, его экипаже и целях.

Писано для Марка Стронга Мартином Холлем, бывшим некогда его другом.

Далее, вместо предисловия, я прочел маленькое предупреждение:

«Вы будете читать эти строки, Марк Стронг, когда меня уже не будет в живых, и я прошу вас, прежде чем вы станете читать дальше эту рукопись, хорошенько обдумать и решить вопрос: согласны ли вы и имеете ли

желание продолжать преследование, в котором сам я потерял жизнь, и не только жизнь, но и все, что может потерять человек, и в котором и вы рискуете тем же, чем рисковал я. Я пишу вам это потому, что если вы прочитаете мою рукопись до конца и в вашем характере есть черта, не мирящаяся ни с чем таинственным и жаждущая разоблачения, то вы приметесь за это страшное дело и станете продолжать его там, где смерть остановила мою руку. Тогда вам, быть может, придется пожинать то, что я посеял. Поэтому прошу вас, Марк Стронг, не беритесь за это дело сгоряча, не обдумав и не взвесив предварительно всего, чтобы впоследствии не обвинять меня в том, что может постигнуть вас, если вы возьметесь за это дело».

Я, не задумываясь, стал читать дальше: желание отомстить за Мартина Холля наполняло теперь все мое существо и мне хотелось знать все об этом таинственном и вместе столь привлекательном для меня человеке, который как-то разом стал мне и близок, и дорог, как родной.

Здесь начиналась, так сказать, автобиография покойного, простой и искренний рассказ человека, убежденного в своих мечтах и заблуждениях,—если это были мечты и заблуждения,—логичного и последовательного в своем безумии, если это было безумие. Начиналась эта рукопись так:

«Я хочу рассказать вам здесь ту часть моей жизни, с которой вам необходимо ознакомиться прежде, чем вы поставите себе вопрос: что это за человек, сумасшедший или полоумный, помешанный шут или жертва страшных галлюцинаций? Вопрос этот явится только впоследствии, но я прошу вас не задавать его себе прежде, чем вы прочтете эту рукопись до последнего слова.

Родился я в Ливерпуле тридцать три года тому назад и там же получил свое образование. Мой отец, прекрасный, благородный человек, всю жизнь голодал благодаря своему пристрастию к лепке и скульптуре, а так как я не чувствовал склонности следовать его примеру, то и стал искать себе иных средств к жизни. Сначала я уехал в Америку, чтобы вернуться оттуда с пустыми руками на родину, потом в Южную Африку, в Капланд, чтобы посмотреть, как другие люди добывают алмазы; затем в Рим, в Неаполь, в Геную, чтобы

узнать, как голодают и нуждаются в куске насущного хлеба другие народы. После этого я ходил в Южную Америку — матросом на большом торговом судне и в Австралию — кочегаром на одном из почтовых пароходов. По возвращении в Ливерпуль я уже не застал в живых отца. Мне тогда минуло 22 года. Ни родных, ни друзей у меня никогда не было, жизнь опротивела мне до того, что я не видел в ней никакого смысла. Не знаю, как это случилось, но только меня, как-то помимо моей воли, прибило течением в сыскное отделение нашего города. Прослужив здесь несколько лет в различных должностях, я наконец был назначен главным агентом на пристани в Ливерпуле для надзора за эмигрантами. Это была мерзкая, но весьма поучительная должность: здесь я научился распознавать лица людей, читать по ним их сокровенные мысли; здесь насмотрелся, как старцы превращались в безбородых юношей, а молодые люди — в старцев при малейшем применении парикмахерского искусства. Как видно, я здесь проявил незаурядные способности, так как, прослужив около пяти лет, был переведен в Лондон и там прикомандирован к адмиралтейству для приобретения новых познаний. По прошествии некоторого времени я был отправлен в Италию для приобретения некоторых нужных нашему правительству сведений и данных, что и было поручено мне ввиду того, что наше правительство рассчитывало на мои способности и знание итальянского языка, который я успел изучить во время пребывания моего в Италии, на итальянских судах и в итальянских портах. Словом, от меня требовалось доставить нашему правительству многие планы и отчеты первейшей важности, и я с радостью взялся за это трудное поручение, был допущен в общественные доки и в адмиралтейства и по прошествии года знал все, что только можно было знать, изучил там все, что только можно было изучить.

В течение второго года моего пребывания в Италии я имел случай побывать в Специи, где осматривал канонерские лодки нового типа, о которых ходило много разноречивых толков и мнений.

Надо вам сказать, что все, что есть выдающегося в итальянском флоте и в итальянском морском деле, концентрируется в Специи; здесь лучшие оружейные заводы, здесь изготавливаются превосходнейшие, перво-

классные орудия, а на холмах, обращенных к заливу, возвышаются лучшие укрепления; у подножия же этих мирных холмов тянутся склады и магазины снарядов, патронов и всяких боевых припасов. Здесь, в этих местах, среди укреплений, патронных и оружейных заводов, а главным образом в доках, как правительственных, так и частных, и приходилось мне работать. А в свободное время я отправлялся на залив и целыми часами любовался живописными окрестностями, роскошной улыбающейся природой, голубыми водами залива и фантастической окраской Апеннин, когда заходящее солнце золотило их вершины. Однажды вечером поздней осенью, как раз во время заката, я стоял на холме и смотрел на залив; в нем стояли суда самых разнообразных типов, и солнце заливало их своим алым заревом. Но среди всех этих судов было одно, которое горело, точно огенный шар, точно само солнце.

Я протирал глаза и снова принимался смотреть и в конце концов убедился, что зрение не обманывает меня, что судно это было действительно обшито полированной медью или другим каким-то металлом, но во всяком случае казалось как бы золотым, хотя мысль о том, что оно могло быть обшито золотыми листами, конечно, даже не приходила мне в голову.

Но вот солнце зашло, и видение исчезло. Все разом угасло. Я сразу же вернулся в город и, позабыв про обед, стал доискиваться, в каком доке могло стоять это диковинное судно. Вскоре я был уже на том месте, где, по моим соображениям, оно должно было находиться. Действительно, здесь был док и в нем находились два дешевеньких парходика, но того судна, которое я искал, нигде не было видно. Я, конечно, обыскал бы все, и, быть может, мои поиски увенчались бы успехом, но не пробыл и десяти минут в этом доке, как заметил, что за мной следят.

Человек, одетый в грубое матросское платье, с необычайно отталкивающей наружностью и каким-то особенно уродливым зубом, следовал за мною шаг за шагом. Не желая возбуждать никаких подозрений, я удалился, но на другой же день вечером вернулся сюда, переодетый заурядным английским матросом. Тот человек тоже был здесь, но на этот раз не узнал меня.

— Есть какая-нибудь работа? — спросил я, и во-

прос мой, по-видимому, заинтересовал моего собеседника.

— Это зависит от того,— отозвался он,— на что может быть годен такой жалкий, маленький человек, как ты, разве на то, чтобы ему свернули голову.

— И это мне годится!— весело отозвался я.— Все равно мне от голода околевать среди этих проклятых куродавов. Я, пожалуй, на все согласен!

— С голода околевать? Ну, если так, то я обещаю тебе, что дам возможность заработать ужин: видишь там этого откормленного борова? Поди и ткни его ножом в бок, и я тебе куплю бутылочку доброго вина, даже две, если хочешь,— с этими словами он сгреб меня в свои мощные лапы и встряхнул так, что у меня зубы застучали.

— Поди и сам ткни свой нож в этого толстяка,— сказал я, как только он выпустил меня из своих рук,— ах ты, американская жердина, если ты скажешь мне еще слово, так я покажу тебе, каков я!

А он смотрел на меня и надрывался от смеха.

— Да я вижу, ты как раз подходящий для меня человек,— сказал гигант,— давай разопьем бутылочку хмельного. В тебе, как видно, ни на грош нет лукавства, пойдем со мной. А того оставим в покое — резать его у меня нет ни малейшей охоты: он мой кум и товарищ, и люблю я его, как родного брата. Так пойдем же со мной, котик ты этакий, и посмотришь, как ты у меня запляшешь. Вот увидишь, как мы с тобой поужинаем!

Я пошел с ним, затем и с его товарищами, с такими же отъявленными негодьями, как и он сам.

На следующий день я снова явился в док, так как из разговоров прошлого вечера вынес убеждение, что тут кроется какая-то тайна. К великому моему благополучию, благодаря покровительству моего нового приятеля я был принят в число рабочих этого дока самым артельным старостой по прозвищу Ревущий Джон. Работа, выпавшая на мою долю, состояла в распилке досок, но это дало мне возможность беспрепятственного входа в док, и хотя меня постоянно держали в переднем доке и доступ в задний двор и бассейн был строжайше воспрещен, но это, конечно, не помешало мне принять твердое решение при первом удобном случае проникнуть в запрещенное место.

Весьма возможно, что у вас появится вопрос: что за-

ставило меня затеять такое дело? Неужели простое любопытство по отношению к мифическому золотому судну?

Не только любопытство, но уже тот факт, что за мной следили, когда я пришел туда в первый раз, убедил меня, что здесь кроется что-то такое, чего не должен видеть посторонний глаз. А все, чего не должен видеть в иностранном доке посторонний глаз,— это все равно, что верные деньги, так как, разузнав то, что здесь делалось, я мог сообщить об этом секрете моему правительству или любому другому правительству Европы, которое предложило бы мне за это большую сумму денег. Вот причина, заставившая меня стать пильщиком досок в этом доке среди горластых полупьяных товарищей — грязных и свирепых бродяг со всех концов света.

День за днем, час за часом выжидал я удобного случая проникнуть в запретную часть дока и наконец дождался. В надежде улучшить удобный момент, я отказал себе в послеобеденном отдыхе и пробрался к доку в то время, когда никого из рабочих не было, но ворота оказались закрытыми, и я, притаясь за кустами, стал ждать, когда придет сторож и отперет ворота.

Но пришел не сторож, а сам Ревущий Джон. Он вошел и не запер за собой калитку, так как в это время не было никого из рабочих. Я прокрался вслед за ним не только в передний двор дока, но и в потайную часть, которую Ревущий Джон не потрудился запереть, выйдя оттуда.

Он отсутствовал не более четверти часа, но за это время я успел увидеть и рассмотреть все, что хотел. Здесь действительно стояло самое замечательное военное судно, какое когда-либо существовало. Это был большой крейсер, чудно вооруженный: вся палуба его была уставлена превосходнейшими скорострельными орудиями, где все было — по новейшему образцу, всякая мелочь — высшего достоинства. Но всего замечательнее было то, что предположение мое вполне подтвердилось: все это судно, по-видимому, было построено из чистого золота, и хотя я знал, что это невозможно, но когда заходящее солнце осветило его, то весь крейсер загорелся огненными отражениями, подобно тысяче зеркал. Вся его палуба, башни, верхняя рубка — все это сияло чистейшим золотом. Это зрелище

было до того одурманивающе, что я положительно забыл обо всем на свете, а все только глядел на это судно и не мог досыта наглядеться.

Я до того забылся, что очнулся только тогда, когда передо мною мелькнуло лезвие ножа, а над ухом раздались страшные проклятия и сам я очутился в руках Ревущего Джона.

— Ах ты, проклятая крыса! Что ты здесь делаешь?! — кричал он, трясая меня изо всех сил и ежеминутно угрожая своим ножом. Тут случилась беда, чуть было не сгубившая меня безвозвратно: стараясь ухватить меня покрепче, он сдернул один из моих густых черных бакенбардов и обнаружил мой гладко выбритый подбородок.

Это открытие как громом поразило его. Он отступил на шаг назад с таким выражением лица, что мне стало ясно, что, если я промедлю хоть одну секунду, мне не быть живым, и потому, не долго думая, я вывернулся и побежал со всех ног. Бежал я без оглядки, чувствуя за собой погоню двадцати человек, крики и проклятия грубых, пьяных голосов. Наконец я выбежал на улицу и скрылся в чужом дворе.

Мне удалось уйти от этих негодяев, но, вернувшись в гостиницу, где я квартировал, я не мог простить себе, что я, доверенный шпион моего правительства, попался, как новичок-полисмен. Кроме того, для меня было ясно, что я бесповоротно лишил себя возможности снова получить доступ в этот док и что если я желаю собрать о нем какие-либо сведения, то принужден буду прибегнуть к каким-нибудь другим средствам. Прежде всего я решил нанести визит синьору Вецца, владельцу тех доков, где я работал. Я явился к нему в качестве агента одной нью-йоркской судоходной компании, с которой я был несколько знаком, и был принят чрезвычайно любезно. Наш разговор, когда я сообщил ему, что намерен сделать ему заказ на несколько пароходов для торговли между Америкой и Италией, стал даже совершенно дружеским, так что я даже решился приступить к тому делу, которое привело меня к нему: «Кстати, — сказал я, — какое поразительное военное судно стоит в вашем втором заднем доке, нечто совершенно необычное!»

Говоря эти слова, я не спускал с него глаз. Он вдруг заметно съежился и ушел в себя, и в тоне разговора его

слышалась гроза. «Дьявол!» — пробормотал он себе под нос, затем отвечал с необычайной поспешностью:

«Да-да, очень любопытное судно, совершенно необычное, заказанное для одной из южноамериканских республик. Это такая их фантазия, знаете ли, но извините меня, ради Бога, я страшно занят!» — и в сильном волнении он то снимал, то надевал очки, затем крикнул слугу и приказал меня проводить, извинившись передо мной еще раз.

Потерпев еще раз неудачу, я отправился на тот холм, откуда было видно диковинное судно, и просидел там несколько часов кряду, глядя на него.

Было ясно, что здесь крылась тайна, что синьор Вецца лгал, и я решил тут же посвятить себя и телом, и душой разоблачению этой тайны, рискуя даже потерять свою службу, которой я жил.

Вдруг я заметил темную струйку дыма, выходившую из трубы этого безымянного судна; значит, оно готовилось к отплытию и, быть может, уже через несколько часов уйдет в море! Тогда все погибло! Но что мог я сделать?! У меня не было никакого ключа к этой тайне, ни малейшей зацепки. Мне оставалось только выслать агентов во все концы земного шара, чтобы караулить это сказочное судно, что, конечно, было совершенно невозможно. Между тем рассудок твердил мне: «Плюнь ты на все это дело, пусть это золотое судно со своим разбойничьим экипажем отправляется ко всем чертям, и занимайся своим делом». Это был, конечно, разумный совет, тем более что я не имел в этом деле ни малейшей точки опоры, ни малейшей зацепки или исходного пункта.

Но, несмотря на все эти резоны, дело это не давало мне покоя; напрасно я ломал себе голову, надеясь придумать какое-нибудь средство, чтобы раскрыть тайну этого судна,— все было безуспешно. Несколько раз в течение этого дня я поднимался на вершину холма и смотрел на судно, несколько раз возвращался в свою гостиницу, чтобы подумать, заходил в несколько кафе, чтобы выкурить сигару и подслушать какой-нибудь разговор, который мог бы навести меня на мысль относительно этого судна,— все было напрасно. Наконец я сказал себе: «Черт с ним!» — и, усталый и разбитый, вернулся в свою комнату, где и лег в постель. Но заснуть я, конечно, не мог и, вероятно, промучился бы до

утра, то гася, то зажигая свечу, то принимаясь читать рассказы По, которые я очень люблю, то отбрасывая книгу и снова принимаясь размышлять все на ту же тему, если бы мой сосед по комнате не заговорил с кем-то сначала шепотом, напоминая жужжание комара или мухи, запутавшихся в паутине, и я стал прислушиваться к этому жужжанию просто от скуки, затем голос стал громким и отчетливым, так что я мог уловить отдельные слова. Голос этот мне почему-то нравился, но зато другой голос, отвечавший ему, положительно бил меня по нервам. Я узнал в нем голос Ревущего Джона, который собирался прирезать меня, как собаку.

Два слова, сказанные этим человеком, заставили меня вскочить на ноги, и я очутился у тонкой деревянной перегородки, разделявшей эти две комнаты; в перегородке была проделана дверь, как это часто бывает в дешевых номерах итальянских гостиниц. Опустившись на колени, я приложил сперва глаз к замочной скважине, но та была заткнута бумажкой, тогда я приложил к ней ухо и более часа простоял так, жадно ловя каждый звук. Я узнал, что судно еще не ушло, так как здесь, в смежной комнате, находился негодяй, приставленный сторожить и охранять его; он беседовал, очевидно, с тем, кто платил ему за это дело. Наконец голоса смолкли, но в комнате продолжалась возня. Вскоре, однако, и это прекратилось, и я полагал, что мой сосед улегся спать. Но любопытство не давало мне покоя.

Я достал из своего чемодана некоторые запрещенные инструменты и с помощью их в несколько секунд без малейшего шума проделал отверстие в перегородке, сквозь которое теперь мог заглянуть внутрь соседней комнаты. С минуту я опасался, что мои соседи оба ушли из комнаты; но когда я заглянул в нее, то увидел рослого чернобородого мужчину, сидевшего у стола, а на столе перед ним лежала громаднейшая груда драгоценных камней огромной ценности. Подле него на столе лежал еще большой «бульдог» — револьвер; сам же он, казалось, погрузился в задумчивость или задремал, перебирая пальцами драгоценности, представлявшие собой несметное богатство.

Вглядевшись пристальнее в этого человека, я убедился, что он спит. Этот грубый, рослый детина, очевидно, заснул, перебирая соковок. Он находился здесь в связи с таинственным золотым судном. Кто же

был этот человек и почему он, обладатель такого несметного богатства, сидел в этой скромной итальянской гостинице и назначал ночное свидание здесь какому-то негодяю, рабочему дока? Честным ли путем приобрел он эти драгоценности? Или же все это было награбленное добро? Все эти вопросы разом нахлынули на меня, и я решил во что бы то ни стало разузнать кое-что об этом бородатом человеке.

Более часа простоял я у проделанного мною отверстия, выжидая, когда этот человек проснется. Приближался рассвет, когда он очнулся и с нервной поспешностью принялся сгребать драгоценные камни в большой кожаный ларец, который закрыл и, поставив в тяжелый железный сундук, закрыл и его большим, странного вида ключом, положив этот ключ себе под подушку. Затем он нетерпеливо сбросил с себя платье и, не загасив лампы, упал на постель.

Тогда я осторожно вырезал замок из двери, разделявшей наши комнаты, надел мягкие войлочные туфли, захватил с собой склянку с хлороформом и мягкую тряпку и, засунув револьвер за пояс, осторожно отворил дверь и вошел к соседу. Приблизившись неслышно к его постели, я дал ему вдохнуть в течение нескольких минут принесенный мною хлороформ, затем, убедившись, что он стал для меня вполне безопасен, достал ключ из-под подушки, раскрыл железный сундук и кожаный ларец и стал перебирать его драгоценные камни. Но не они интересовали меня, не они прельщали меня, несмотря на свою необычайную красоту: я надеялся найти здесь что-нибудь иное, какой-нибудь предмет, могущий мне служить зацепкой. И действительно, в руки мне попало чудное ожерелье из опалов и бриллиантов самой чистейшей воды, ожерелье тонкой работы и прекрасного рисунка. Это были первые попавшиеся мне камни в оправе, и теперь, когда я глядел на них, кольцо это мне показалось знакомо. Да, я, несомненно, видел уже это ожерелье, это самое, но где? На ком? Этого я в данный момент никак не мог припомнить. Но тем не менее я был уверен, что теперь у меня находится в руках ключ к этой загадке. Оглянувшись кругом я не видя в комнате ничего, что могло бы быть для меня интересным, я положил все драгоценности на прежнее место, замкнул ларец и сундук и ключ сунул под подушку спящего. Затем я принялся внимате-

льно изучать черты, фигуру и, главное, форму рук и ногтей этого человека, изучал до тех пор, пока не мог сказать с уверенностью, что узнаю его из тысячи человек.

Покончив с этим делом, я вернулся в свою комнату и, растянувшись на постели, стал строить разные предположения относительно виденного мною ожерелья. Битый час я блуждал впотьмах, наконец умственное переутомление навело на меня сон, и во сне у меня разом воскресла в памяти вся эта история с ожерельем, которую я столько времени тщетно старался припомнить. Я вдруг увидел главную пристань в Ливерпуле, увидел пароход компании «Стар» «City of St. Petersburg», отходящий в Нью-Йорк; вспомнил происшедшее при этом задержание знаменитого вора, прославившегося кражами драгоценностей, Карла Рейхемана, на котором и было найдено это самое опаловое ожерелье, которое было потом возвращено его законной владелице леди Хардон, Беркелей-сквер, д. 202, Лондон.

С этим живым воспоминанием я проснулся, торжествующий и счастливый, как ребенок, получивший в руки страстно желанную игрушку.

Имя леди Хардон не выходило у меня из головы все время, пока я одевался, умывался и причесывался. Вдруг точно электрический ток прошел по всем моим членам: это имя воскресило в памяти моей историю печальной кончины этой леди. Я вдруг вспомнил, что эта женщина покинула Англию на большом трансатлантическом пароходе «Александрия», погибшем в водах Бискайского залива с год тому назад; вспомнил, что в газетах говорилось о том, что она имела при себе все свои драгоценности, известные всему лондонскому высшему свету, в том числе и знаменитое ожерелье из опалов и бриллиантов. И никто, ни одна живая душа не могла сказать, как погибла эта несчастная женщина, никто не мог рассказать о ее последних минутах. Как же это могло случиться, что этот человек, грубый простолудин, как это было видно по всему, теперь является обладателем этого знаменитого ожерелья, которое, по мнению всех, лежало на дне Голубого залива?

Забыв позавтракать, я вышел из дома и направился на вершину того холма, откуда был виден док, но теперь золотого судна там уже не было, и то место, где оно стояло, было пусто.

Это нисколько не удивило меня, так как я ожидал такого поворота дел. Удостоверившись в том, что золотое судно снялось с якоря, я отправился в порт, навел справки, какие суда ушли из Специи за последние двадцать четыре часа, и узнал, что бразильское военное судно, построенное синьором Вецца, ушло сегодня в три часа утра. Больше я ничего не мог добиться от служащих, которые, очевидно, были щедро задобрены и потому были на этот счет немые как рыбы. Из порта я поспешил к себе в гостиницу, желая узнать, уехал ли мой сосед, обладатель драгоценных камней, и, к великому моему удивлению, застал его завтракающим в общем зале. Из этого я заключил, что так как он не отплыл вместе с остальными разбойниками, то, вероятно, не находится в прямых и тесных отношениях с золотым судном. Но в таком случае что же это был за человек? Кто он был такой? Это я решил выведать, как только мне представится удобный случай.

Около года спустя я покинул Специю и вернулся в Лондон, где в одном из отелей в Cesil Street Strand случайно оказался еще раз соседом того самого человека, обладателя драгоценных камней, с которым я имел случай так хорошо познакомиться в Италии и которого я затем постоянно встречал под именем капитана Блэка.

Теперь я сообщу вам, Стронг, то, что произошло в промежутке этого времени. В тот самый день, когда безымянное судно вышло из дока и ушло в море, человек этот покинул Специю и отправился в Париж, куда последовал за ним и я. Пробыв здесь всего одни сутки, он и я с ним направились в Шербург, где он сел на маленькую частную яхту, и я потерял его в водах Паде-Кале. Тогда я немедленно вернулся в Италию, отсюда телеграфировал знакомым мне полицейским агентам в Нью-Йорк, Лондон, Сан-Франциско и три других порта Южной Америки, прося сообщить мне сведения о новом военном судне, недавно вышедшем из Специи и построенном по заказу бразильского правительства, и о некоем человеке, именующем себя капитаном Блэком, покинувшим Шербург на яхте-катере «La Franse» в утро 30 октября. Но в течение почти целого года я напрасно ожидал ответа на мои вопросы. Я узнал только, что необычное судно за все это время никем не было встречено в открытом море и что о нем нигде ни

в одних отчетах или морских ведомостях различных стран не упоминалось. Это показалось мне чрезвычайно странным, так как такое необычное судно не могло остаться незамеченным, а между тем о его существовании знали только его экипаж да я. Но, изучая все английские и иностранные морские ведомости и списки судов, я увидел, что три больших океанских парохода с ценным грузом, превышавшим по страховке сумму в сто тысяч фунтов стерлингов, погибли в тихую погоду, отправившись на дно со всем своим грузом один за другим в течение того месяца, когда таинственное судно вышло из доков Специи.

Не имея никаких сведений ни о безымянном судне, ни о капитане Блэке, я, однако, не терял надежды.

Пользуясь месячным отпуском, который я провел в Лондоне, я составил список всех драгоценностей, какие имели при себе пассажиры трех затонувших пароходов. Это были обыкновенные часы, кольца, браслеты, словом, такие вещи, каких много везде и всюду, но в числе этих незначительных вещей находилась принадлежащая одному нью-йоркскому торговцу, увозившему ее из Парижа в Бостон, редкостная историческая шкатулка с дорогим миниатюрным портретом работы Жана Петито, окруженным кольцом из редкой яшмы, и бывшая некогда собственностью французского финансиста Неккера. Редкостная шкатулка эта, как гласили официальные сведения, пропала при гибели парохода «Каталония», пошедшего ко дну со всем своим экипажем близ берегов Ньюфаундленда спустя шестнадцать дней после того, как безымянное судно ушло из Специи в море.

Спустя несколько месяцев я получил сообщение частного характера от одного агента нью-йоркской тайной полиции о том, что человек, именующий себя капитаном Блэком,—миллионер, американец, владелец громадного поместья на берегу Гудзона, пользующийся большим влиянием во многих городах и часто бывающий в Европе, куда он ездит скупать драгоценные камни и редкие миниатюры, человек, который слышит чрезвычайно эксцентричным и взбалмошным,—в настоящее время находится в Лондоне.

Я тотчас же поспешил в Англию, так как находился тогда в Женеве, и, прибыв в Лондон, поселился в той же гостинице, где остановился мнимый капитан Блэк.

Три дня спустя я явился к нему в том самом виде, в каком вы видели меня в Париже, предлагая ему купить у меня весьма ценные миниатюры.

При этом мне посчастливилось увидеть собственными глазами в руках этого человека ту знаменитую шкатулку с миниатюрой, которая принадлежала Неккеру и которая, согласно газетным отчетам, погибла вместе с пароходом «Каталония». Шкатулка эта находилась, однако, у капитана Блэка, который при мне достал ее из своего шифоньера, затем снова запер ее в нем в своей спальне.

Не могу вам сказать, как меня взволновало это открытие. Какими судьбами историческая шкатулка, которая, по мнению всех, лежала на дне океана так же, как и опаловое ожерелье леди Хардон, находилась в руках этого человека? Ведь оба парохода пошли ко дну, так что ни одна живая душа не спаслась!

Капитан Блэк оставался в Лондоне целых три месяца, и за все это время я ни на час не терял его из виду. Кроме того, просматривая тщательно все отчеты о судах и пароходах, я заметил, что за все эти месяцы не произошло ни одного непонятного, необъяснимого и беспричинного крушения или гибели судов.

Все это вместе взятое до того разжигало мое любопытство, что я оставил свою службу и всецело посвятил себя преследованию этого человека, этой воплощенной тайны. Я последовал за ним из Лондона в Париж, затем в Петербург, потом снова через всю Францию в Марсель, где он сел вместе с тремя из тех негодяев, которых я звал в Специи, на свою яхту «La France», а месяц спустя эта яхта, но уже без него, была в гавани Коус и одновременно с этим большой пароход, шедший из Капштадта в Кадикс с очень ценным грузом, как это всем было известно, вдруг пропал без вести, как и те три парохода, о которых я говорил раньше. И вот тогда у меня появилась уверенность, что я один из всех людей на свете знаю тайну этого человека и его экипажа, знаю его страшную, ужасную тайну, от которой волосы становились дыбом.

Но хотя сам я был вполне убежден в этом, все же доказать связь между этим человеком и его золотым судном с его разбойничьим экипажем еще не имел возможности.

В течение нескольких месяцев все мои старания

оставались безуспешными. Наконец в прошлом году я получил в Ливерпуле известие, что этот человек находится в городе. Я тотчас же явился к нему со своим товаром и на этот раз застал его не одного, а в компании всех этих разбойников, этого разбойничьего экипажа, которых видели и вы в Париже, и был свидетелем такой же дикой оргии. С неделю я следил за ним неотступно, но по прошествии этого времени потерял его из виду и, когда он снова появился на горизонте цивилизованного мира, это было уже в Париже, всего два дня тому назад, когда я просил вас сопровождать меня в его берлогу. Вы знаете, что я отправился с ним в Ливерпуль в надежде, что, проплавав двое суток в его обществе, мне удастся доказать, что он пользуется своей яхтой лишь как прикрытием и что, отплыв на несколько миль от берега на этой яхте, он пересаживается на свое безымянное судно. Я мог бы представить все эти данные любому правительству и предоставить ему действовать по своему усмотрению. Тогда цель моей жизни была бы достигнута!

Но, видно, это не суждено мне.

Эта задача ляжет теперь на других, главным образом на вас, Марк Стронг.

Вы молоды, имеете достаточные материальные средства и можете с успехом продолжить это дело. Вы не боитесь и черного таинственного мрака загробной жизни, который так пугает меня. Все сведения, какие получал я, будете получать и вы; имена моих друзей, помогавших мне в этом в вышеупомянутых городах, я записал для вас, и, в память обо мне, они будут служить вам всем, чем смогут, как делали это для меня.

Но помните только одно: на море вам никогда не удастся осилить этого человека. Что же касается денежного вознаграждения, вполне заслуженного тем, кто избавит мир от этой страшной язвы, то обратитесь прямо в Лондонское адмиралтейство и к торговым судноходным компаниям, потребуйте от них ту сумму, какую вы пожелаете,—и они выплатят ее вам.

Для начала советую вам отправиться к берегам Гудзона и там разузнать кое-какие подробности об этом человеке. Так предполагал сделать и я, но теперь пусть бессмертный дух мой содействует вашему успеху, а память обо мне укрепит в вас желание довести это дело до конца!

Писано на яхте «Сельзис», стоящей на якоре в Коусе, в августе текущего года, для Марка Стронга».

Когда я дочитал, глаза мои слезились от переутомления и лампа догорала, на дворе уже светало. Меня била лихорадка; в каюте я задыхался от смрада чадившей лампы и вышел наверх. Я увидел, что мы стоим на якоре в Соленте и что на яхте все спят, кроме Дэна, расхаживавшего взад и вперед по палубе.

— Вы не ложились, сэр?! — воскликнул старик. — Да на вас лица нет! Вам надо отдохнуть!

— Спасибо за добрый совет, Дэн, я посплю здесь часок, если ты принесешь мне сюда мое одеяло и подушку.

Минуту спустя я расположился в спокойном кресле-качалке, а старый матрос укрыл меня с чисто женской заботливостью; я заснул и видел во сне Холля, капитана Блэка, Четырехглазого и страшный костер на море.

Когда я проснулся, доктор прописывал мне какой-то рецепт, а Мэри возилась со льдом. Они сказали, что я проспал более тридцати часов и что все они опасались, что у меня воспаление мозга.

Но сон спас меня, и Мэри настаивала, чтобы я лежал еще неделю в кровати по предписанию доктора, я посоветовал ей передать это предписание Родрику, который был способен пролежать хоть месяц, я же сегодня еду в Лондон.

— Как?! — воскликнули они в один голос.

— Да, и если Мэри оставит нас одних на минуту, я скажу тебе, зачем я еду.

Мэри умоляющим взглядом посмотрела на меня, надеясь смягчить, но так как я оставался непреклонным, то она молча удалилась.

Родрик принялся было упрекать меня в безумии и диких фантазиях, но я прочел ему рукопись покойного Мартина Холля и когда кончил, то глаза его горели странным огнем, и он произнес одно только слово:

— Отправляемся теперь же!

VI
НОВАЯ ЯХТА «СЕЛЬЗИС»
И НАЧАЛО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Мы успели на первый поезд, отправлявшийся в Лондон, и к обеду были уже дома, в роскошном особняке Родрика и Мэри «Hotel Columbia». Мэри была с нами. Никто из нас не говорил об ужасной смерти Мартина Холля, но его призрак преследовал меня повсюду.

После обеда я написал два письма, одно — в адмиралтейство, другое — в правление американской пароходной компании «Черный якорь».

Я сообщил об этом Родрику, но тот только усмехнулся, заметив, что предоставляет мне делать, что угодно, в течение двух суток совершенно не вмешиваясь в это дело, а по прошествии этого времени он выскажет свое мнение.

На следующий день утром я отправился в адмиралтейство и после довольно продолжительного ожидания имел наконец счастье лицезреть одного из чиновников этого ведомства; чиновник этот отличался безукоризненной вежливостью и важностью и не менее удивительным тупоумием. Выслушав меня, он сказал, что адмиралтейство слышало кое-что об этом военном судне, но что в настоящее время у них так много дел и все они так заняты, что совершенно не имеют времени заниматься этим делом, и предложил мне прийти через месяц.

— Через месяц! — воскликнул я. — Да через месяц все правительства Европы будут обвинять вас в непростительном невежестве и небрежности, и тогда вы пошлете за мной, будете звать меня, но я без вас обойдусь! Прощайте!

С этими словами я вышел из приемной и отправился прямо из адмиралтейства в управление пароходного общества «Черный якорь». Директор этого общества, человек серьезный и деловой, молча и внимательно выслушал все, что я имел ему сообщить, и так же молча отнесся к моему уверению, что у меня имеются несомненные доказательства того, что в руках этого человека находятся драгоценности, которые всеми считаются погибшими вместе с пароходом его компании

«Каталония». Но когда я кончил говорить, директор позвал своего секретаря, и я по всему увидел, что он просто принял меня за помешанного. Только очутившись на улице, я вздохнул свободно и, вернувшись домой, рассказал о своих неудачах Родрику.

Последний, по-видимому, вовсе не был удивлен, и мне показалось даже, был доволен таким оборотом дела.

— Не говорил ли я тебе,—сказал он, спуская ноги с дивана, на котором лежал,—что никто не поверит такой сказке?

— Но я готов отдать жизнь за то, что каждое слово Мартина Холля — чистейшая правда, а что касается тебя, то я не вполне уверен, убежден ли и ты в истине всего этого.

Родрик не сразу ответил; он снова уже улегся на свой диван и теперь пускал в воздух кольца белого дыма.

— Вот что я скажу тебе, Марк,—промолвил он наконец,—пусть меня повесят, если я знаю, верю ли я странной истории твоего покойного друга или нет. Во всяком случае я купил пароход.

— Ты сделал это? Но скажи, какое же отношение может иметь это к моему делу и к завещанию бедного Холля и на что тебе вдруг понадобился пароход?

Родрик, раздосадованный моей непонятливостью, вынул изо рта сигару и заговорил с необычной для него быстротой:

— Ты знаешь, что я не терплю никаких разглаговольствований, и думал, что все это само собой понятно, но, как видно, ошибся. Так слушай! Сегодня в твое отсутствие я приобрел паровую яхту «Рокэт», но, прежде чем мы сядем на нее, она будет переименована в яхту «Сельзис»; экипаж ее будет состоять из нашего молчаливого друга, капитана Йорка и всего экипажа твоей яхты; кроме того, в качестве старшего помощника я пригласил брата капитана и, в помощь твоему экипажу, еще двенадцать человек матросов; еще нам нужны будут человек восемь артиллеристов и три инженера-механика. Всех этих людей я унаследовал от бывшего владельца «Рокэта», а в качестве кока мы возьмем твоего старого Кашалота, который хозяйствовал у тебя на «Сельзис» и не откажется кормить нас в тече-

ние тех двух-трех недель, которые нам придется пробыть в море. Теперь нам еще требуются младший помощник и младший офицер, и так как эти люди будут постоянно находиться с нами, то выбор их следует делать осмотрительно. Я поручаю тебе сделать это: ты знаешь, что я терпеть не могу видеть посторонних людей и разговаривать с ними. Теперь, Марк, ты знаешь, что я никогда не чувствовал по отношению к кому-либо особенного чувства озлобления, но когда ты читал мне рукопись покойного Холля, я дал себе клятву предать этого негодяя, убийцу твоего несчастного приятеля и многих других, в руки правосудия, и пока я этого не сделаю, я чувствую, что не буду иметь ни минуты покоя. Ты говорил о нашем правительстве, о пароходных компаниях и рассчитывал на их содействие, но я знал, что из этого ничего не выйдет. Какое им, в самом деле, дело до нас? Тебе же, я знаю, нужны деньги, а у меня они есть, и все мое — твое, и все, что я имею, в твоём распоряжении. Итак, принимайся за дело, доведи его до успешного конца, выследи этого негодяя и передай его в руки правосудия, а тогда, не стесняясь, требуй себе надлежащего вознаграждения за свой риск и свою услугу. А пока помни, что по крайней мере в течение нескольких месяцев нам нечего рассчитывать на помощь со стороны, и все, что мы думаем сделать, должны делать сами, и не только на словах, а и на деле. Мы должны, как советовал Холль, отправиться на берега Гудзона и там выследить этого негодяя.

Помолчав минутку, продолжил:

— Вот и отправимся туда, как только наша паровая яхта «Сельзис» будет надлежащим образом снаряжена и готова выйти в море. Все это будет сделано за мой счет, хотя я не более как пешка в этой игре, которую должен вести и разыграть ты; ведь покойный тебе завещал эту задачу. Именем его я и прошу тебя без возражений согласиться на мое предложение: ты должен сделать это ради него!

Что я мог ответить на это? Я только крепко пожал его руку, прочтя на лице друга то же чувство нетерпения и жажды возмездия, какие клокотали и во мне самом.

Вскоре явился ко мне некто Франциско Паоло, присланный агентами с предложением своих услуг в качестве младшего помощника; сначала на меня неприятно

подействовала его итальянская физиономия, но затем, зная, что Италия дает нам прекрасных моряков, я отбросил этот предрассудок и, убедившись, что рекомендации у него прекрасные и он, несомненно, очень приличный господин, предложил ему занять место младшего помощника на паровой яхте «Сельзис», причем просил его явиться на судно, стоявшее в Плимуте в ожидании отплытия. Но если бы я тогда знал этого человека, то дал бы тысячу фунтов за то, чтобы никогда не знать и не видеть его.

В последний день перед отъездом из Лондона мы с Родриком обедали одни. Мэри же еще с утра уехала, отправившись к одной своей старой родственнице, у которой должна была пробыть все время нашего отсутствия. Признаюсь, ее беспрекословная готовность расстаться с нами несколько огорчила меня.

— Вероятно, она теперь уже прибыла на место,— сказал я под впечатлением своих мыслей.

— Ты о ком, о моей старой собаке? — спросил Родрик. — Я отправил ее с охотником в деревню.

— Нет, я думал о Мэри, а не о собаке.

— Да, ты всегда думаешь о ней, а между нами говоря, я очень доволен, что она согласилась уехать; я боялся, что у нас с ней будет много возни. Девушки всегда как-то лишние, когда есть серьезное дело, но ты, очевидно, другого мнения.

Я действительно был другого мнения. Мне казалось, что ее присутствие внесло бы много светлых минут в нашу полную тревог и волнений жизнь, а ее ясный взгляд не раз поддержал бы во мне бодрость духа и светлую надежду на успех в минуту опасностей и неудач, но я, конечно, не сказал об этом ни слова.

Поезд отходил в девять часов, и у нас оставалось очень немного времени. Я поспешил в свою комнату, чтобы уложить необходимые вещи. Каково же было мое удивление, когда я нашел у себя весь свой чемодан разрытым, платье и вещи выкинутыми на пол; большой портфель, где у меня хранились бумаги покойного Мартина Холля, был раскрыт и разрытый валялся тут же. При осмотре оказалось, что сама его рукопись была не тронута, но его письма к нью-йоркской полиции, его чертежи, планы и наброски были украдены. Это открытие ошеломило меня, хотя в первый момент я и не признавал всей важности этой пропажи.

Я приказал позвать к себе управляющего, который немедленно явился и был до крайности удивлен случившимся, причем ручался мне за полную благонадежность всех слуг в доме и за то, что никто из них не осмелился бы войти в мои комнаты.

Был призван привратник, но и тот уверял, что никто со вчерашнего дня, когда я принимал у себя итальянца, не приходил, но что сегодня он присылал сюда человека за какой-то вещью, которую он здесь оставил, а кроме него никто не приходил в дом.

Тогда мне все стало ясно. Я успокоил управляющего, сказав, что пропажа несущественная и что мне, в сущности, вовсе не следовало посылать за ним.

Когда управляющий удалился, я долго не мог успокоиться. Кому могли быть нужны эти бумаги, как не тому человеку, которого я намеревался преследовать? Но что он мог знать обо мне и моих намерениях? Значит, за мной следили уже с самого начала и мне с первых же шагов приходилось тягаться с человеком, обладавшим миллионами, с капитаном разбойничьей ватаги, не останавливавшимся ни перед каким страшным делом.

Вдруг в комнату ко мне вбежал Родрик с широко улыбающимся, довольным лицом и с телеграммой в руке.

— Боже правый! Да что же ты тут делал? Ведь через десять минут мы должны ехать, а у тебя еще ничего не готово!

Я пробормотал что-то в свое оправдание и стал собирать вещи, комкая белье и запихивая все как попало в чемодан, причем, не поднимая головы, из вежливости спросил Родрика, что его так радует.

— Представь себе, Мэри благополучно доехала!

— Очень рад, надеюсь, ей понравится в Салисбури,— отозвался я.

— Да ведь она вовсе не в Салисбури,— продолжал Родрик,— она в Плимуте, на яхте «Сельзис». Она поехала прямо туда, не сказав мне об этом ни слова, а тетке отправила телеграмму!

Услыхав об этом, я поднял голову и выпрямился, глядя ему прямо в лицо.

— Разве ты не рад? — спросил меня с удивлением Родрик.

— Я... Я полагаю, что ей там не место... Я...

— Знаю, знаю, мы уже говорили об этом, но ведь в Атлантическом океане нам не будет угрожать никакая опасность, а в Нью-Йорке я постараюсь устроить ее в надежном месте!

Я ничего не сказал на это, зная многое, чего не знал мой друг, но, вероятно, он понял, что поступает не совсем благоразумно, так как вдруг замолчал и всю дорогу до вокзала и до того момента, когда мы сели в отдельное купе ночного поезда, отправлявшегося в Плимут, не говорил ни слова. Я тоже был в неразговорчивом настроении духа. Кто мог знать, чем кончится задуманное нами дело. Увидим ли мы вновь берега милой Англии?

Во всем приходилось положиться на волю провидения. С этой мыслью я завернулся в свое одеяло и заснул. Было уже совсем светло, когда мы прибыли в Плимут и явились на нашу новую яхту «Сельзис», где капитан Йорк встретил нас у трапа.

— Добро пожаловать! — приветствовал он нас, и мы последовали за ним в каюту, где нас уже ждал горячий кофе.

— Сестра моя здесь? — осведомился Родрик.

— Да, со вчерашнего вечера. Никаких распоряжений не будет?

— Это мы сейчас увидим. Ваш младший помощник здесь?

— На берегу, он оставил записку, что к полудню будет на судне.

Записку эту капитан держал еще в руке. Мой взгляд, случайно упав на нее, узнал знакомый почерк; я выхватил эту бумажку у него из рук и сразу убедился, что записка была писана той же рукой, что и приглашение капитана Блэка, полученное мною в Париже.

— Что такое? — воскликнул Родрик, а капитан, взглянув на меня в упор, спросил: — Разве вам что-нибудь известно об этом человеке?

— Нет, ровно ничего, капитан, но я видел где-то этот почерк, хотя и не могу сейчас припомнить, где именно. — При этом я зевнул и заявил, что не выспался и хочу немного отдохнуть.

Несмотря на то, что капитан желал узнать некоторые подробности относительно задуманного нами путешествия и предполагаемого маршрута, мы отложили

все эти пояснения до более удобного времени и удалились в свои каюты.

Но, когда я прилег на свою койку, Родрик присел ко мне и стал расспрашивать меня о почерке записки. Я рассказал ему все, а также сообщил и о пропаже некоторых бумаг из моего чемодана. Он сразу увидел в этом серьезную опасность и заявил:

— Мы, видимо, идем прямо в западню, но, к счастью, еще можем не попасть в нее. Кто нам мешает уйти в море без этого младшего помощника? Мы, конечно, так и сделаем!

— Это, без сомнения, один из способов выбраться из ямы,— проговорил я,— но весьма важно то, что наши действия с первого же шага известны неприятелю. Нетрудно угадать, что мы заполучили одного из помощников капитана Блэка к себе на судно, но я думаю, почему бы нам не оставить его у себя?

— Оставить у себя?— воскликнул Родрик.— Да ты с ума сошел! Иметь постоянно при себе шпиона, который по прибытии в Нью-Йорк с большим удовольствием погубит нас?

— Не будем спорить, Родрик. Ты упускаешь из виду, что все наши люди преданы нам телом и душой, на них можно вполне положиться. Теперь допустим даже, что этот шпион будет выпытывать, выслеживать и подслушивать все, что делается и говорится здесь. Что же он узнает? Ведь, кроме нас двоих, никому ничего не известно. Капитану ты скажешь, что это просто путешествие для развлечения. А мы оба будем следить за этим синьором Паоло так, чтобы малейшее его действие и движение были нам известны. Таким путем нам, быть может, удастся найти недостающее звено в цепи, скованной покойным Холлем. В случае же, если бы Паоло вздумал утопить нас, наверное, с ним нетрудно будет справиться. Человек, о котором знаешь, что он враг, никогда не может быть особенно опасен!

— Пожалуй, ты прав, пусть он остается с нами, но только я начинаю желать, чтобы Мэри оставалась в Англии!— проговорил мой друг.

В глубине души и я был согласен с ним, но что мог сказать? К чему было усиливать его опасения и увеличивать его страх за сестру? И, рассмеявшись над его предчувствием, я завалился спать. Проспав несколько

часов, я вышел наверх и принялся осматривать яхту, желая хорошенько ознакомиться с ней.

Это было прекрасное и притом щегольское судно в семьсот тонн с оснасткой шхуны и прекрасной паровой машиной. Все жилые помещения были устроены прекрасно и комфортабельно, всюду замечалась щегольская отделка. В кают-компании на полках и этажерках я заметил цветы и тотчас же догадался, что это было делом рук Мэри. А вот и сама она выбежала наверх, веселая и счастливая, с разгоревшимися щеками и сверкающими глазками, и стала объяснять, как она решила отправиться с нами.

— Как видите, и я на судне! — заявила она.

— Ну, а когда вы думаете съехать на берег? Вот что меня интересует! — спросил я как бы в шутку.

— Полагаю, в Нью-Йорке, — отвечала девушка, — так как я намерена побывать на Ниагаре.

— Нет, скажите мне, почему вы очутились здесь, на судне, а не поехали в Салисбури. Что теперь думает о вас тетка?

Но Мэри только весело рассмеялась в ответ, махнув рукой. В этот момент, услышав шаги, я быстро обернулся. Передо мной стоял новый младший офицер Франциско Паоло. Глаза наши встретились, и мы долго испытующе смотрели друг на друга.

— Что скажете? — спросил я.

— Стюарт проснулся? — спросил он, осведомляясь о Родрике.

— Не знаю, но вы можете его разбудить.

— Капитан желает переговорить с ним, когда он проснется. Мы все готовы сняться с якоря, как только он отдаст приказание.

— Я могу отдать вам это приказание, — сказал я, — начинайте сниматься сейчас же! А вы, Мэри, спуститесь-ка вниз да побарабаньте в дверь каюты Родрика, а не то он проспит до завтрашнего утра.

Девушка проворно повернулась и побежала вниз, а новый помощник посмотрел ей вслед таким серьезным, вдумчивым взглядом, как будто смотрел на особо привлекательную картину, от которой был не в силах оторвать взгляд.

Когда он отошел от меня, я последовал за ним и смотрел, как он распоряжался людьми. Каким сведущим моряком оказался этот младший помощник, ка-

ким знающим офицером! Если он был итальянец, то надо признаться, что в английском выговоре его не слышалось ни малейшего акцента, а голос звучал повелительно и властно, когда раздавались слова команды.

Но это был человек горячий и вспыльчивый, в чем все мы имели случай убедиться тут же. Наблюдая за ним с верхней палубы, я слышал, как один угольщик, не успевший еще покинуть яхту, пустил по его адресу какую-то дерзость и, осклабясь, оглядывался на членов экипажа в надежде встретить в них одобрение. Но не успела еще улыбка сойти с его лица, как Франциско Паоло ударил его с такой силой по голове, что бедняга скатился через открытые еще бульварки прямо на свою баржу, стоявшую под бортом яхты.

— Пусть это отучит тебя улыбаться! — крикнул младший помощник ему вслед. — А в следующий раз, когда ты попробуешь посмеяться здесь, на судне, я отправлю тебя за борт!

Весь экипаж был чрезвычайно смущен и озадачен этой бешеной выходкой нового офицера. Капитан на мостике покраснел от негодования, но не сказал на этот раз ни слова.

— Поднять якорь! — скомандовал он, и, когда Родрик вышел наверх и подошел ко мне, новая яхта «Сельзис», испуская клубы дыма, отошла от Плимута. Неприятный случай с угольщиком был забыт в череде новых впечатлений.

Когда город исчез из виду и наша яхта вышла в глубокие воды пролива, у всех нас на душе стало как-то жутко. Нам предстояло далекое и, быть может, небезопасное путешествие. Что же касается меня лично, то я невольно ставил себе вопрос, придется ли мне вновь увидеть родную страну или мне уготована та же участь, что и бедному Холлю? Итак, преследование началось!

VII

МНЕ СНИТСЯ ПАОЛО

Когда стемнело, «Сельзис» уже неслась по волнам Атлантического океана. Ночь была тихая, ясная, на небе ни одного облачка; луна висела, точно серебряный шар, а вокруг расстилалась такая тишь, что невольно располагало к мечтательному настроению. Мэри ушла

вниз, и мы остались вдвоем с Родриком на задней кормовой палубе.

Паоло стоял на вахте, а капитан ушел в свою каюту. Только оклик часового да удары склянок нарушали время от времени торжественную тишину, царившую кругом. Никогда еще мы с Родриком не испытывали такой потребности поговорить, чтобы сообщить друг другу свои предположения о том, что может быть, чего можно ожидать в будущем, о том, когда нам суждено будет узнать что-либо новое о капитане Блэке и его безымянном судне.

— Может быть, мы узнаем что-нибудь о нем во время перехода,—проговорил Родрик,—я распорядился, чтобы капитан Йорк держался обычного курса почтовых пароходов, ведь, по словам покойного Холля, таинственный крейсер именно и держится этого пути. Но неужели и на самом деле можно еще разбойничать в наше время на Атлантическом океане, где снует столько и торговых, и военных судов?

— Время покажет, прав ли был покойный Холль, но я верю его словам.

— Время? Есть ли оно у нас впереди? Быть может, оба мы скоро узнаем, как себя чувствуешь с дырой в черепе. Но, надеюсь, ты готов и к этому?

— Конечно, но я надеюсь, что судьба пощадит одного из нас ради Мэри! — проговорил я.

Напоминание о Мэри, видимо, опечалило Родрика, и он стал задумчивым, а вскоре ушел вниз. Я же решил следить за Паоло, расхаживавшего в это время по мостику. Сделав вид, что тоже ухожу вниз, и даже пробормотав «спокойной ночи» итальянцу, я спустился в свою каюту только для того, чтобы обуть мягкие войлочные туфли и потеплее укутаться в пальто и темный плед.

После этого я осторожно прокрался наверх и расположился за спиной у Паоло, позади капитанской рубки, откуда можно было свободно наблюдать за ним, не будучи замеченным.

Я слышал, как Паоло несколько раз окликал людей, находившихся на носу, и перекидывался с ними несколькими словами, которые, казалось, не совсем подходили на то, как должен себя держать и как должен говорить офицер с матросами — уж слишком душевно и панибратски.

Это было мне тем более неприятно, что на вахте находились в это время новые, незнакомые мне люди, мои люди спали.

Но вот вдали, на краю горизонта, под правым бортом я увидел ярко вспыхнувшее голубое пламя, далеко отражавшееся и осветившее на мгновение темный силуэт большого судна. Это был, очевидно, сигнальный огонь какого-нибудь океанского парохода, заведящего другой пароход своей компании где-нибудь еще дальше от нас. Но каково же было мое удивление, когда в следующий момент такой же голубой огонь необыкновенной силы зажегся у нас на мостике! Паоло чиркнул спичкой и зажег странного вида маленький факел, который был у него спрятан, как оказалось, в платье. Двумя прыжками я преодолел лестницу и встал у него за спиной.

Он невольно вздрогнул при виде меня и закусил губу, а в глазах его зажегся недобрый огонь.

— Не будете ли вы столь любезны, господин помощник, сказать мне, для чего вы зажгли этот голубой огонь? — обратился я прямо к нему.

— Я отвечал на тот сигнал! — ответил он, не задумываясь.

— Но извините, ведь он не имеет к нам никакого отношения.

Он только пожал плечами и пробормотал что-то об обычае и еще что-то, с явным намерением сказать мне что-нибудь неприятное, но тотчас же овладел собой и обратился ко мне с приветливо улыбающимся лицом. Я уже тоже начинал раскаиваться в своей поспешности и в том, что наделал шуму из-за пустяков, а потому перевел разговор на другие темы, стараясь выпытать у него что-нибудь о нем и его прошлом, но в этом отношении Паоло был весьма необщителен, и мне решительно ничего не удалось узнать о нем. Тем не менее мы вместе покинули мостик и, спустившись в кают-компанию, выпили с ним бутылочку вина.

Все это было прекрасно, являлось, так сказать, самой обыкновенной вежливостью, а между тем мы оба за это время прекрасно поняли друг друга, и он прекрасно понял, хотя и не подал виду, что не он один будет шпионить на судне, а что и за ним будут следить.

Придя в свою каюту, где у меня над самой койкой была кнопка электрической лампы, что было чрезвы-

чайню удобно как для чтения, так и для размышления, я чувствовал себя крайне утомленным, погасил электричество и сразу заснул.

Спал я, вероятно, очень крепко в течение часа или около того, как вдруг мною овладело страшно тревожное чувство и вместе с тем чувство полнейшего расслабления. Я лежал, чувствуя себя не в силах шевельнуть пальцем, и то смотрел широко раскрытыми глазами в пространство, то впадал в мучительную полудрему, которую никак не мог преодолеть, и все время передо мной стояло лицо Паоло. Я засыпал и видел, что захожу в нашу кают-компанию, за столом сидят Паоло по одну сторону и капитан Блэк — по другую и дружелюбно беседуют о чем-то. Я пробуждался на мгновение, затем снова засыпал, и мне казалось, что я лежу на своей койке в этой самой каюте, а Паоло стоит надо мной, всматриваясь в мое лицо. Я хочу подняться и спросить его, зачем он здесь, что он здесь делает, но не могу пошевелиться, не могу издать ни малейшего звука. Наконец я пробуждаюсь от прикосновения чего-то холодного к моей руке. Я раскрываю глаза и вижу, что на меня смотрят другие глаза. Это продолжалось всего одну секунду, но даже в полумраке неосвещенной каюты я узнал эти глаза и это лицо и ни минуты не сомневался, что человек, стоявший надо мной, когда я спал, был не кто иной, как Франциско Паоло.

Сознание серьезной опасности совершенно разбудило меня. Я протянул руку к кнопке, и белый электрический свет осветил всю каюту, но в ней уже не было никого, одна собака Родрика, сидевшая у моего сундука, смотрела мне в глаза.

Я положительно не мог дать себе ответа, что был сон, что — реальность, но я весь дрожал от какого-то непреодолимого, жуткого чувства. Накинув на себя плащ, я вышел наверх. На вахте стояли старший офицер и Дэн, расхаживавший по палубе. Занималось холодное, туманное утро. Я заглянул в каюту Паоло; он лежал на своей койке и, по-видимому, крепко спал. Как же мог этот человек в одно и то же время быть у меня в каюте и на своей койке, я положительно не мог себе объяснить, но уже снова заснуть не мог, об этом и думать было нечего. Я подошел к Дэну и, прохаживаясь с ним по палубе, попытался узнать его мнение о младшем офицере.

— Хотя мне неприлично судить о старших по званию,—ответил старик,—но так как вы спрашиваете меня бесхитростно, то и я отвечу вам бесхитростно: и я так думаю, и все наши люди тоже так думают, что в нем есть что-то нехорошее, что-то затаенное, чего следует опасаться. Вот что я вам скажу!

Между тем туман уже отчасти рассеялся и лучезарное солнце торжественно показалось на горизонте, золотя верхушки зеленых волн.

Вдруг с подветренной стороны донесся до нашего слуха отдаленный пушечный выстрел. Так как туман еще не вполне рассеялся, то никто из нас не мог различить хорошенько, что там могло быть, но, полагая, что это сигнал погибающего судна, мы повернули руль в ту сторону и на некоторое время усилили ход. Мы шли таким образом около пяти минут, когда оглушающий раскат заставил всех нас содрогнуться. Это был уже выстрел не из маленького мелкокалиберного орудия, из каких стреляют, чтобы дать знать, что судно находится в опасности, а громовой раскат крупного орудия, какие бывают только на военных судах.

Звук постепенно замер над водой. Одновременно с этим рассеялся и туман, и я первым увидел на расстоянии одной мили под штирбортом такое, отчего вся кровь ударила мне в голову, а сердце усиленно забилося в груди: два больших судна бок о бок друг с другом шли под парами таким усиленным ходом, о каком трудно себе составить представление, так что море разрезалось глубокой бороздой, обдавая их палубы пенящимися волнами. Ясно было, что это погоня одного судна за другим, погоня и преследование среди белого дня. Что это могло значить? Этот вопрос невольно задавал себе каждый из нас, но ответить на него пока еще никто не мог.

VIII

МОЯ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С БЕЗЫМЯННЫМ СУДНОМ

Все не спускали глаз с этих двух судов. То из них, которое было дальше от нас, было длинное, выкрашенное в темный цвет четырехмачтовое судно с поднятыми па-

русами и двумя высокими, чисто выбеленными трубами, на которых красовалось по черному якорю, несомненно свидетельствовавшему о том, что судно принадлежит к числу судов паровой компании «Черный якорь».

Благодаря своей очень хорошей подзорной трубе я мог видеть, что палуба этого судна кишела людьми и что все они столпились у левого борта, так как преследовавшее их судно нагоняло их именно с этой стороны. Наше внимание было привлечено главным образом этим преследовавшим судном. Почти одинаковой длины, как и пассажирский пароход компании «Черный якорь», оно сияло и горело, как будто было отлито из чистого золота, и там, где солнце ударяло в него, отражение положительно ослепляло, так что долго смотреть на него было невозможно. Это громадное судно типа больших военных судов скрывало в своих носовых и кормовых башнях по два больших дальнобойных орудия; кроме того, я различал в свою трубу немалое число других, более мелких орудий, уже наведенных и совершенно готовых открыть огонь, но на палубе не было видно ни души.

Судно это обладало такой удивительной быстротой, что это казалось почти невероятным. Я много плавал в своей жизни, не раз переплывал Атлантический океан на самых быстроходных пароходах, плавал на торпедных лодках и миноносцах, но их быстрота не могла сравниться с быстротой хода золотого судна, которое, по моему мнению, делало по двадцать пять узлов в час.

И вот в то время, когда мы смотрели на него, из переднего орудия, стоявшего на носу, показались дым и огонь, и громадное ядро, со свистом пролетев в воздухе, ударило немного впереди пассажирского парохода и с шипением пошло ко дну. В тот же момент на таинственном судне подняли флаг Чилийской Республики.

Погоня становилась с каждой минутой ужасней, так что даже наши люди начали волноваться, и со всех сторон слышались многочисленные возгласы. Я обернулся к капитану, стоявшему неподалеку на верхней крытой палубе, и увидел, что он упорно и настойчиво смотрит на меня. Родрик тоже вышел наверх, но стоял на верхней ступени лестницы, ведущей в кают-

компанию, неподвижно, точно окаменев. Старший офицер едва владел собой, а люди экипажа, все до единого, тесной кучкой сгрудились на баке и теперь обращались к нам за разъяснениями.

Все мы были наверху, кроме Мэри, которая еще не просыпалась, и Паоло, который, к великому моему удивлению, все еще не показывался, оставаясь все время внизу.

Первым заговорил наш молчаливый капитан.

— Есть ли нам какое-нибудь дело до этого судна? — резко спросил он.

— Не думаю, но это приятное зрелище, не правда ли, капитан? Чилийское военное судно, преследующее среди белого дня пассажирский пароход! Что вы на это скажете?

Он пренебрежительно пожал плечами и, немного погодя, ответил:

— Я дал бы Бог знает что, чтобы быть на сотню миль отсюда! — затем, быстро повернувшись на каблуках и пристально глядя мне в глаза, он вдруг спросил: — Скажите, желаете вы, чтобы эта яхта благополучно вернулась в порт?

— Ну, конечно, — ответил я, — к чему такой вопрос?

— К тому, что с вашего разрешения я поверну корабль и буду уходить подальше!

В этот момент к нам подошел Родрик.

— Погодите немного, капитан, — проговорил он, — это такое зрелище, за которое я готов отдать половину своего состояния!

— Это ваше дело, господа, — заметил капитан, и в голосе его слышался едкий сарказм, — яхта ваша!

— Мне кажется, что он прав, — сказал я, когда капитан отошел в сторону.

— Нет еще, подождем немного, мы успеем уйти прежде, чем эти двое сведут свои счеты! Смотри, видишь теперь человека на капитанском мостике желтого судна?

С лихорадочной поспешностью я поднес трубу к глазам, и так как солнце заливало своим светом этот мостик, а судно находилось на расстоянии не более полуторы миль от нас, то отлично мог различить фигуру человека на мостике безымянного судна, и мне казалось, что я узнал ее, но до поры до времени я не решился сказать об этом Родрику.

— А заметил ты,— продолжал мой друг,— что это странное судно, идущее с такой невероятной быстротой, не выпускает ни пара, ни дыма?

Действительно, он был прав, я не заметил этого.

Вдруг из большого орудия, помещавшегося в носовой башне золотого судна, показался огонь, и снаряд, просвистев в воздухе, на этот раз ударил прямо в переднюю, носовую часть пассажирского парохода. Громкие крики ужаса и отчаяния огласили воздух, на палубе начался страшный переполох. Одновременно с этим на золотом судне стали давать сигналы.

— Капитан, видите, что они делают? Бога ради, посмотрите туда! — крикнул я, но капитан уже сам с напряженным вниманием следил за тем, что делалось на разбойничьем судне.

— Это сигнал лечь в дрейф и ждать шлюпку,— сказал он,— наверное, кто-нибудь едет на пароход.

Не успел капитан договорить этих слов, как с золотого судна действительно стали спускать шлюпку. Оба судна прервали свой бешеный бег, и мы, не ожидая, что они смогут остановиться, очутились теперь совершенно близко от них.

Но враги до того были заняты друг другом, что даже не заметили нас. Я направил свой бинокль на человека, расхаживавшего по капитанскому мостику и, очевидно, распоряжавшегося всем, и на этот раз совершенно убедился, что вижу капитана Блэка, того самого, которого видел в Париже на улице Жубер.

Теперь уже не оставалось сомнения в правдивости посмертных записок бедного Мартина Холля. Все его предположения, весь ряд установленных им фактов находили теперь полное подтверждение.

Вот оно, это пресловутое золотое судно, вот его командир — капитан Блэк, вот его разбойничье нападение среди белого дня на большой пассажирский пароход. Кто мог еще сомневаться после всего этого?

Родрик не мог узнать этого человека, так как не имел ни малейшего представления о его наружности, но, как бы угадывая что-то, вопросительно смотрел на меня.

Опасаясь быть услышанным, я только взглянул на него, и в этом взгляде он прочел все.

— Пора уходить, Марк,— проговорил он,— ведь,

когда они покончат с этим судном, очередь будет за нами.

— Что ты говоришь? Не может быть, чтобы он затопил этот пароход! Знай я это, я ни за что не ушел бы отсюда, хотя бы это стоило мне жизни! — воскликнул я.

— Это неразумно! Чем мы можем помочь тут? Ведь пират взорвет нас одним своим ядром, кроме того, не забывай, что с нами Мэри!

В это время милая девушка неслышно вышла наверх и с испуганным видом смотрела на драму, разыгрывавшуюся у нас на глазах. Вот шлюпка с безымянного судна подошла к самому борту черного парохода, название которого теперь ясно читалось: «Царь Океана».

— Не лучше ли тебе, Мэри, сойти вниз? — обратился к ней Родрик.

— Нет, пока вы оба здесь, и я останусь с вами, — заявила она. — Почему для меня какие-то исключения? Я слышала, что ты сказал, Родрик, и не хочу стоять между вашим добрым намерением и жизнью этих несчастных! — И она, ухватившись за мою руку, повисла у меня на руке, как бы ища во мне поддержку. Ее благородная смелость придала нам мужества.

— Я за то, чтобы оставаться здесь до конца, — заявил я, — а вы, капитан, и теперь хотели бы уйти?

— Это ваша яхта, господа, и ваши люди. Вся ответственность лежит на вас, а мне безразлично, мое дело — поступать согласно вашему желанию.

Слова его слышал весь экипаж, и среди людей поднялся глухой ропот. Тогда я выступил вперед, обратившись к ним со словами:

— Ребята, вы видите, что там происходит грязное дело. Что именно, я не могу вам сказать, но несомненно, что английское судно старается уйти от преследующего его чужеземного судна и, весьма вероятно, будет нуждаться в нашей помощи и содействии. Решите, что нам делать, оставить ли его на произвол судьбы или поддержать, сколько можем?

В ответ на это люди ответили единогласным криком одобрения моего предложения, и капитан молча дал команду в машинное отделение, чтобы остановили ход. Теперь мы стояли так близко от обоих судов, что

не могло быть никакого сомнения в том, что нас заметили.

С золотого судна на нас направили бинокли, а на «Царе Океана» выкинули сигнал о помощи.

Я смотрел теперь, как капитан пассажирского парохода переговаривался с людьми в шлюпке, и, судя по всему, дело должно было кончиться плохо. А тогда наступала наша очередь! Однако дело кончилось совершенно иначе, чем все мы того ожидали.

В то время, когда рослый русский мужчина с грозными жестами переговаривался с капитаном «Царя Океана», с безымянного судна раздались три пронзительных свистка, и шлюпка, уже зацепившаяся багром за борт парохода, вдруг отчалила и с удивительной быстротой понеслась обратно к своему судну, где и была тотчас же поднята на борт.

Все это было исполнено с таким проворством, что не успели наши люди подивиться такому странному обороту дела, как шлюпка уже была на судне. Вся суетливая возня, минуту назад замеченная нами на золотом судне, вдруг, точно по мановению волшебной палочки, прекратилась — и снова все как будто вымерло на нем. А само оно, тронувшись с места, пронеслось мимо нас с такой быстротой, о какой я до сего времени не имел и понятия.

Наш экипаж с недоумением смотрел на этот маневр. Никто из нас не мог объяснить, что это могло значить. Ключ к разгадке дал нам не кто иной, как Франциско Паоло, очутившийся у меня за спиной. Его обыкновенно бледное, безучастное лицо было теперь возбужденным и красным от волнения.

— Ха! — воскликнул он. — Это американец! — и указал рукой на отдаленную точку горизонта. Тогда нам стало ясно, что его так взволновало: большой белый пароход шел на всех парах, и я сразу узнал по его форме, что это был американский пароход, возвращающийся на родину из Европы, где он присутствовал на английских морских маневрах; за ним следовали еще два других судна. Теперь мне было совершенно ясно, что золотой пират бежал от грозившей ему опасности попасться в западню и быть застигнутым в момент своих преступных действий американским судном, что для него было особенно нежелательно.

— У вас зоркий глаз, Паоло,— заметил я,— полагаю, что это очень удобно для нас обоих!

Помощник капитана сердито пожал плечами, многозначительно добавив:

— Да, может быть!

Теперь мое внимание было снова привлечено странным поведением пиратского судна. Оно вдруг как будто приостановилось на расстоянии какой-нибудь полумили у нас по левому борту.

С минуту все мы недоумевали, что оно собиралось делать, затем, когда оно, повернув, стало на всех парах уходить в открытое море, я увидел, что навстречу ему шел большой белый крейсер, по-видимому, хорошо вооруженный.

Наконец-то, подумал я, ему придется померяться силами с соперником, равным ему, и в ожидании схватки все мы точно замерли.

В продолжение нескольких минут оба судна стояли друг против друга. Американец поднимал сигнал за сигналом, но все они оставались без ответа. Только палубу безымянного судна наводнили сотни людей; все они возились около орудий. Было ясно, что пират принял какое-то решение, так как судно его, сделав медленный поворот, умеренным ходом прошло перед носом своего противника, и вдруг оба больших орудия дали залп по американскому судну. Снаряды упали прямо на палубу крейсера. Мачты, люди и палубная рубка — все это смешалось, превратившись в страшный хаос. Очевидно, американский крейсер не ожидал подобного нападения. Крики, вопли и стоны доносились с его палубы, и все оно содрогалось под огнем неприятельских орудий. Нельзя было сомневаться в печальном для американца исходе сражения, но в это время подошли другие американские суда и открыли сильный огонь по пирату. Их громадные снаряды перелетали через наши головы, падая с такой силой и частотой в море, что брызги и волны взбаламутили всю поверхность. Тут уже и пират не выдержал, тем более что и его судно получило три повреждения. Дав два последних залпа из своих башенных орудий, он стал уходить с той поразительной быстротой, которую судно уже раньше демонстрировало нам. Менее чем через пять минут оно было уже недостижимо для пушек, а спустя десять минут американские суда принимали людей с поврежденного

крейсера, тогда как противник их уже почти совершенно скрылся за горизонтом.

У нас на судне стоял теперь такой шум, что трудно было что-либо понять. После сильного напряжения наша команда громко выражала свою радость.

Многие были за то, чтобы сейчас же отправиться к пострадавшему пассажирскому пароходу, другие же требовали скорее уйти из этих вод. Переговорив между собой, мы решили спустить шлюпку, а спустя четверть часа были уже возле пассажирского судна. Нас радушно встретил капитан Росс, благодаривший в самых теплых выражениях за оказанное участие и горько жаловавшийся на действия безымянного судна.

— Двадцать лет,— говорил он со слезами на глазах,— я плаваю здесь, но в первый раз наталкиваюсь на подобное. Ведь это открытое пиратское нападение! Я не успокоюсь до тех пор, пока не заставлю вздернуть всех их на виселице! — И капитан грозно ударил кулаком по столу.

Вскоре подоспел и первый из американских крейсеров, по которому стрелял пират, капитан которого также приехал на пассажирский пароход. При виде разрушений, причиненных несчастному «Царю Океана», вновь прибывший пришел в страшное негодование.

— У меня тоже убито и ранено двадцать человек! — с бешенством восклицал он. — Убытка на двадцать тысяч фунтов, если не больше! Я это так не оставлю! Мы с вами пустим его ко дну или же проследим за ним, а тогда уже наше правительство рассчитается с ними!

И они условились с капитаном второго американского военного крейсера преследовать пирата, а два броненосца должны были сопровождать нас в качестве конвоя вплоть до Нью-Йорка.

После этого мы вернулись на «Сельзис». Паоло, стоя у трапа, прислушивался к нашим уверениям, что всякая опасность миновала, с плохо скрытой саркастической усмешкой.

Мы и не подозревали тогда, что нам придется расстаться с конвоем задолго до своего прибытия в Нью-Йорк.

IX ОБЪЯТЫЕ УЖАСОМ

В течение целых пяти суток мы шли в сопровождении двух броненосцев. Но так не могло долго продолжаться, так как из-за сильно пострадавшего крейсера им приходилось идти очень тихим ходом, мы же спешили в Нью-Йорк. Но мы не теряли конвой из виду, что весьма благотворно влияло на наших людей, на которых происшествия первых трех дней плавания произвели столь сильное впечатление, что они постоянно находились в страхе.

На пятые сутки после страшных событий, свидетелями которых мы были, под утро, мне что-то не спалось. Я вышел наверх и увидел на расстоянии примерно мили белые силуэты американских судов и длинную черную линию пассажирского парохода, шедшего несколько впереди их. Паоло был на мостике, но я не окликнул его.

Вообще мы избегали вступать с ним без особой необходимости в разговоры, что, по-видимому, не очень огорчало его, так как он, пользуясь этим обстоятельством, уделял много времени беседам с экипажем и проводил на баке, в казарменном помещении, большую часть дня, втираясь все более и более в доверие к матросам.

В это утро дул сильный и свежий ветер, и, прячась от него, я приютился за рубкой. Едва я уместился там в удобном кресле, как услышал голос Дэна, беседовавшего с Бэллой, любимой собакой Родрика. Старик любил Бэллу и приписывал ей чисто человеческие качества, а потому разговаривал с ней как с разумным существом:

— Ты хоть и не говоришь, а я знаю, что в тебе христианская душа, не то я не стал бы терять время на разговоры с тобой,— беседовал старый матрос со своим четвероногим другом.— Тебе и барышне хорошо живется здесь, я не спорю, но нам, остальным, далеко не так хорошо, старушка. Мы плывем на старой развалине, и после получения расчета никого из команды сюда и калачом не заманишь. Понимаешь?

Я окликнул его и стал расспрашивать, что означают его слова.

— Что, разве среди команды идут нехорошие толки?— спросил я.

— То-то и оно, толков-то разных очень много,— пробормотал старик.— Да все такие, что ничего доброго не предвещают!

— О чем же именно говорят на баке? Скажи без утайки, Дэн, прошу тебя.

— Мне таиться нечего, сэр, за это не платят, но знайте, что наша скорлупа — судно смерти!

— Кто вам наплел такую чушь?

— Да кто ж, как не младший помощник, сэр! Меня-то эти басни не смущают. Но иной череп толст, как судовая броня, а другой — что яичная скорлупа. И вот, когда тонкие-то всплывают наверх, так это благодать для таких лжецов, не так ли? Дело простое, мистер Марк! — продолжал старик после некоторого молчания. — «Куда мы идем? — говорит этот шалопут людям. — Торговать? Нет! Чужие страны повидать? Нет! Где же конец нашему пути? Чем все это может кончиться? Ведь последний-то капитан здесь на судне и умер, и никто не знает, схоронили ли его или он здесь где-нибудь лежит и приносит несчастья нашему судну. Уж добром это не кончится, поверьте моему слову, ребята!» — Вот что говорит людям господин младший помощник!

«И что значит ваше маленькое жалованье, если у вас хотят за это взять вашу жизнь? Почему они скрывают цель своего плавания? Ведь все вы ничего не знаете, вам ничего не говорят. Что они от вас скрывают? При таких условиях плыть на судне, где бродит мертвец, которое и само по себе ненадежно и того и гляди развалится! Я это дело знаю, ребята! Нет! Почему бы нам не повернуть оглобли да не поплыть обратно в Англию? А ведь они не согласятся, и наш «Старый» (прозвище капитана) с ними заодно! Они не вернутся, и пока мы не придем в страну янки, до тех пор они не отпустят никого из вас. А придем ли мы когда-нибудь туда, за это я не поручусь!»

— Вот его речи, сэр. И они, как назло, действуют. Людей обуял страх, они боятся идти дальше, боятся призрака умершего капитана, опасаются какой-то непредвиденной, неотвратимой беды.

— Так ты хочешь сказать, что весь экипаж объят ужасом, что они готовы на бунт?

— Да, похоже на то, но мой вам совет: и кушайте, и по вечерам музыкой забавляйтесь, как до сих пор было. Но пусть наш Старый и мисс ничего не знают, а вы и мистер Родрик держите ухо востро и спите только одним глазом, а другим поглядывайте, что здесь творится.

Ударили склянки, и Дэн пошел сменяться с вахты, я же спустился вниз, где принял ванну. Выйдя, я застал остальных уже за утренним кофе и почти совершенно забыл о своем разговоре с Дэном о его преувеличенных, как мне казалось, опасениях относительно настроений экипажа.

Наше плавание уже близилось к концу, и я стремился скорее ступить на американский берег. Близость конвоировавших нас броненосцев тоже отгоняла от меня мысль об опасностях, и я надеялся, что мы благополучно достигнем цели нашего путешествия. В таком именно настроении я лег спать в этот день, ничуть не подозревая, что через несколько часов разразится гроза. Не помню, в котором часу меня разбудил Дэн. Я взялся было за кнопку электрической лампочки, но старик поспешно схватил меня за руку.

— Бога ради, не делайте этого! — прошептал он прерывающимся голосом, по которому я сразу понял, что случилось что-то недоброе. — Живо одевайтесь, проберемся наверх да и ляжем где-нибудь, где нас не будет видно. — И пока я одевался на скорую руку, он стал осторожно взбираться по лестнице, ведущей из кают-компания на палубу, но на верхней ступеньке вдруг приостановился, затем упал плашмя на живот и стал пятиться вниз.

Почти в тот же момент наверху показался человек и стал крадучись спускаться в кают-компанию. Он был без сапог и держал в руке большой железный прут. Мы успели уже сползти вниз и притаились по обеим сторонам лестницы, боясь дышать, чтобы не привлечь его внимания. Он прошел мимо, не заметив нас, и направился прямо к двери моей каюты, где забил клин в мою дверь, затем проделал то же со всеми остальными дверями, выходившими в кают-компанию. Покончив с этим делом, он так же осторожно вернулся к лестнице, чтобы уйти, но тут Дэн уложил его на месте ударом рукоятки своего пистолета, так как я успел захватить

оружие, вооружив и его большим старинным пистолетом. Тогда мы разбудили Родрика и Мэри и собрались все в общей каюте, где Дэн шепотом сообщил нам следующее: Паоло стоял на вахте, и ему удалось уговорить четверых кочегаров и шесть человек матросов отказаться идти дальше, нисколько не считаясь с нашими требованиями. Потом негодай задумал запереть нас всех в каютах и таким образом сделать как бы своими пленными или же, в случае если бы мы проснулись и стали сопротивляться, то просто-напросто прикончить нас всех, разmozжив головы.

Это было отчаянное решение, вызванное непреодолимым страхом и ужасом, охватившим сердца всех этих людей. Верные нам люди были связаны во время сна и заперты в своих помещениях. Дэну же удалось избежать этой участи благодаря своей прозорливости. Предчувствуя что-то недоброе, он в этот вечер не пошел спать к себе, а, завернувшись в валивающийся на палубе брезент, остался незамеченным и стал зорко следить за всем, что делалось вокруг него.

Паоло встал у дверей капитанской каюты, трое человек караулили вход на бак, а пятеро — у верхней крытой палубы.

Теперь с одним из бунтовщиков мы покончили, но их осталось еще восемь, а нас было только трое мужчин. Что было делать?

— Надо кому-нибудь выбежать наверх, — проговорил Родрик, заметив вдруг, что яхта остановилась. — Негодья застопорили машину, и мы, таким образом, отстанем от своих спутников. Выберемся все разом!

Но лестница была узкой. Приходилось выходить один за другим, и не было сомнений, что первого, кто покажется наверху лестницы, уложат на месте, а за ним и других.

— Пустите меня, я пойду вперед, — предложила Мэри, — мне они ничего не сделают. А пока я буду говорить с ними и отвлеку их внимание от вас, вы все успеете выбежать наверх.

— Хорошо, Мэри, но разве вы не боитесь идти одна? — спросил я.

Добрая девушка только засмеялась в ответ и взбежала вверх по лесенке. Мы последовали за ней, держа

наготове свои пистолеты. Выбравшись наверх, мы легли плашмя на животы, выжидая удобного момента; я не спускал глаз с Мэри. Между тем девушка неслышно подкралась к пятерым бунтовщикам... Те вдруг громко вскрикнули от ужаса при виде этого белого видения, так внезапно явившегося среди них во мраке ночи, и без оглядки бросились бежать от нее. Воспользовавшись этим, мы поспешили выбежать наверх, на верхнюю палубу, и очутились лицом к лицу с Паоло. Он страшно побледнел и раскрыл уже рот, чтобы сказать что-то, когда Дэн со всей силы угодил его рукояткой своего пистолета по голове, так что итальянец без чувств скатился с лестницы вниз и ударился головой о железную решетку топки. Я стал стучать в дверь капитанской каюты, но Йорк был уже на ногах и, не говоря ни слова, прошел мимо меня на капитанский мостик с двумя пистолетами в руках. В одну минуту сообразительный капитан понял положение дел и с обычным безмолвием стал действовать спокойно и разумно, как всегда. Между тем мы стали выжидать, когда темное облако, заслонявшее луну, уйдет, и палуба несколько осветится, так как в царившем вокруг густом мраке нельзя было видеть, где спрятались пять бунтовщиков, бежавших при появлении Мэри. Несмотря на то, что капитан громким голосом окликнул их, никто не отозвался. Он хотел было сразу идти вниз, чтобы отыскать их, но мы удержали его. Наконец, когда луна вышла из-за облаков, мы увидели темные фигуры, прятавшиеся за галереи: их было восемь человек и все они жались друг к другу.

Капитан теперь снова окликнул их:

— Эй, Карл, Вильямс! Вылезете вы теперь, чтобы я приказал выпороть вас, или вы хотите попасть на виселицу в Нью-Йорке?

Мне с моего места было прекрасно видно, как в ответ на оклик капитана один из них поднял пистолет, а остальные сплотились теснее.

— Прекрасно,—спокойным, слегка насмешливым тоном продолжал капитан,—вы сумели поставить пару досок между собой и смертью. Но это не поможет вам: я буду стрелять сквозь галерею! — С этими словами он не торопясь поднял свой пистолет и спустил курок. Заряд прошел сквозь тонкую деревянную переборку, раздался глухой стон, и один из бунтовщиков пова-

лился лицом вниз. Товарищи тотчас же подхватили его.

Капитан снова окликнул их, приглашая выйти.

— Вот уже вас стало одним меньше,—говорил он,—но это только начало. Я разнесу всю эту постройку и вас вместе с ней! — Он снова поднял пистолет, но в этот самый момент кто-то из бунтовщиков выстрелил из револьвера, и пуля прожужжала у нас над головами. Выстрел капитана не заставил себя долго ждать. Доски обшивки разлетелись в щепки — и второй бунтовщик, громко вскрикнув, вскочил, затем упал замертво на палубу, теперь уже ярко освещенную луной.

— Вот уже двое из вас выбыли из строя,—все так же невозмутимо и спокойно продолжал капитан,—пусть их станет трое, если вы того хотите!

Но при последних словах оставшиеся в живых бунтовщики, выбежав, укрылись за связками каната. Капитан решил тут же покончить с этим делом. В два прыжка он спустился с лестницы, а мы последовали за ним. Бунтовщики дали было по нам три выстрела, но приклады наших двух ружей сделали свое дело. Трое из них тут же скончались, остальные же просили пощады. И капитан решил помиловать их, но сначала исколотил. Затем мы освободили оставшихся нам верными людей. Те подоспели на помощь капитану и стали вязать оставшихся в живых бунтовщиков. Еще не успело рассвети, когда их убрали в трюм и затем приступили к уборке палубы. Убитых пока накрыли брезентом, а Паоло, лежавшего неподвижно и стонавшего, снесли вниз в его каюту и оказали ему посильную помощь.

Когда взошло солнце, я окинул взглядом весь горизонт, но вокруг был безбрежный и безлюдный океан. Мы снова были одни среди водной пустыни. Происшествия последней ночи заставили нас потерять наших спутников, к немалому моему огорчению.

Х

СУДНО ПОД ЧЕРНЫМ ПЛАЩОМ

День занялся ясный, но у нас на судне было невесело. К полудню мы похоронили двух истопников, убитых капитаном, трое других были ранены очень опас-

но. Хуже всех мне казалось состояние Паоло, который все время кричал: «Лед! Лед!» Мы с трудом могли удерживать его на койке. Иногда он говорил что-то, какие-то слова, смысл которых мне был тогда неясен, но впоследствии, при совершенно непредвиденных обстоятельствах, я понял их значение.

После завтрака капитан пригласил Родрика и меня в свою каюту, и мы стали обсуждать положение дел.

За ночь на море поднялся ветер. Мы снова развели пары и, поставив паруса, быстро приближались к американскому берегу. Но капитана, по-видимому, это не особенно радовало, он все как будто не верил в благополучное окончание пути.

— Ясно одно,— говорил Йорк,— вы вовлекли меня во что-то иное, чем просто обыкновенная поездка ради удовольствия. Но я пока не жалею о этом, в Нью-Йорке же мне необходимо будет узнать все или же я расстанусь с этим судном. Нужно выяснить дело предыдущей ночи, а также допросить вашего младшего офицера. Людей же я бы охотно уволил—мы управимся без них. Теперь я позволю себе потребовать одного, а именно: вести яхту отсюда прямо в Нью-Йорк и не совать нос ни в какие дела, которые не касаются нас.

— Капитан прав,— заметил я,— мы не имеем никакого основания отказать ему в его требовании, если только нас не ожидает на пути препятствие, в чем я не совсем уверен!

— А я еще меньше! — многозначительно подхватил капитан.

Мы вышли на палубу и застали там старшего офицера, упорно смотревшего в направлении юго-востока. Я взглянул в том же направлении и увидел большое черное судно, шедшее с удивительной быстротой.

— Капитан,— сказал я,— взгляните туда!

— Это судно идет прямо на нас,— ответил Йорк,— и я уже видел его!

— Где? Когда?

— Пять дней тому назад, когда оно открыло огонь по пассажирскому пароходу. Второго судна такой конструкции нет. Да вот видите, эти негодяи не все закрыли: вон посередине судна как жар горит золото; они думают обмануть нас своим черным плащом, но это не так легко!

— Да, вы правы: это то же судно и оно преследует нас. Если не подоспеет помощь, мы погибли! Однако что же вы думаете делать, капитан?

— Что я думаю делать? Я прикажу готовить шлюпки, оставлю в машинном отделении тех, кто там нужен, а остальных вызову наверх. «Все наверх!» — крикнул Йорк. Люди разом устремились вперед, затем, получив приказание готовить шлюпки, беспрекословно принялись за дело.

Но, очевидно, ими овладело тревожное чувство, и вскоре они стали перешептываться, что, вероятно, опасность исходит от черного судна, которое пять дней тому назад было золотым. Впрочем, все работали очень усердно. Между тем черное судно быстро приближалось, и я знал, что вскоре мы услышим рев его орудий.

— Ведь нам не уйти от него, капитан, — заметил я вполголоса.

— Не позже чем через четверть часа оно нагонит нас и заставит остановиться. Это ясно даже ребенку, но разве вы хотите, как камень, идти ко дну, не попытавшись даже царапнуть их или показать им свои когти? Клянусь небом, я покажу им себя, даже если ни одна душа здесь не поможет мне в этом!

— И я тоже! — сказал Родрик и, спустившись вниз, притащил оттуда все имевшееся в нашем распоряжении оружие: несколько револьверов и длинное охотничье ружье.

Кроме того, были еще два боевых ружья капитана и несколько пистолетов. Все это оружие мы раздали надежным людям из экипажа.

Мэри осталась внизу — присматривать за ранеными.

— Ты, Дэн, иди на носовую палубу и там жди команды, а затем пали без устали! Понял? — обратился я к старику.

— Будьте спокойны, сэр! — отозвался тот, повинуясь приказанию.

Я же прошел на корму, где мы тоже расставили вооруженных людей. Остальные работали с удивительным проворством. Шлюпки уже были готовы, съестные припасы и бочонки с пресной водой — на месте. Теперь внимание всех было устремлено на приближавшееся безымянное судно, когда мы подняли наш флаг. К на-

шему удивлению, под восторженные крики команды на золотом броненосце ответили тем же, то есть тоже подняли флаг.

— Синий крест на белом поле! Да это русский флаг, или я ослеп! — воскликнул капитан.

Я тоже взглянул туда и убедился, что капитан прав: действительно, это судно, каких-нибудь пять дней тому назад бежавшее с поля сражения под чилийским флагом, теперь шло прямо на нас под русским.

— А уверены вы, что это то же судно? — спросил Родрик.

— Как в том, что меня зовут Йорк. Но смотрите, они подают сигнал!

Теперь таинственное судно находилось уже на расстоянии пушечного выстрела от «Сельзис».

После первого взрыва энтузиазма наши люди при-молкли, пораженные той быстротой, с какой надвигалась на нас опасность. Но никто из них не мог судить так хорошо об этой опасности, как мы: они чувствовали ее интуитивно, мы же знали почти наверняка, что ни одному из нас не суждено встретить следующий день.

Я окинул взглядом весь горизонт: нигде ни малейшего признака судна. Солнце почти совсем зашло, мрак ночи начинал уже понемногу спускаться над морем. Капитан молча указал мне на мачту, где всего несколько минут назад развевался русский флаг; теперь на место его был поднят большой черный. Я недоуменно взглянул на Йорка.

— Пираты, чтобы черт их побрал! — злобно проговорил сквозь зубы капитан и пронзительно свистнул.

— Господа, — обратился он ко мне и Родрику, — я тогда говорил вам, что если вы не дадите мне объяснений, то я покину это судно в Нью-Йорке. Теперь, с вашего разрешения, я беру эти слова назад. Я отправлюсь с вами хоть на край света!

Казалось, капитан каким-то чутьем угадал наши намерения и одобрял их. Но распространяться на эту тему теперь было не время, и мы только молча пожали друг другу руки.

В этот момент, со свистом разрезая воздух, пролетело громадное ядро, с оглушительным плеском упавшее в нескольких саженях от нас в море. Убедившись, что нас не задело, наши люди огласили воздух гром-

ким, торжествующим криком. А старый Дэн выпалил в воздух из своего ружья.

Капитан Йорк подал команду остановить ход, и хотя я сознавал, что он поступил разумно, все же не мог удержаться от восклицания.

— Значит, все кончено?! А ведь обидно, не правда ли, быть пристреленными, как зайцы, на своей палубе!

— Погодите немного,— ответил капитан, тревожно оглядываясь назад, где уже ложился на воду туман.— Пусть эти негодяи спустят шлюпку!

Пиратское судно находилось еще на расстоянии четверти мили от нас, но в морской бинокль можно было ясно видеть, что команда там возилась, что-то приготавливая. Среди нее я различил и фигуру капитана Блэка, стоявшего у машины. Другие люди на нижней палубе хлопотали около баканцев и через некоторое время спустили шлюпку, которая направилась к нашему судну. Я следил за ней с замирающим сердцем. Мне казалось, что это вестники самой смерти.

— Стой смирно и жди команды!— вдруг крикнул капитан Йорк, постоянно оглядываясь на густые клубы белого тумана, собиравшегося позади нас.— Когда я скамандую «Пли!»— стреляйте все разом!

Теперь шлюпка подошла к нам так близко, что можно было различить лица сидевших в ней людей. Из пятерых я узнал троих; шлюпкой командовал Ревущий Джон, стоявший на носу. Он громко крикнул: «Какое судно?»

— Мое судно!— ответил капитан и снова оглянулся назад на туман. Теперь я вдруг понял его мысль, и сердце сильно забилося: он хотел скрыться в тумане от неприятеля.

— А кто вы такой?

— Я тот, кто покажет вам самое надежное местечко, где бы можно спрятаться, если только вы соблаговолите пожаловать сюда на минуту!— продолжал капитан по-прежнему шутливо и спокойно, словно речь шла о самом обычном приглашении в гости.

— Как я вижу, вы очень красноречивы! Смотрите, не умолкнуть бы вам, когда я явлюсь на ваше судно!

Шлюпка подошла ближе. Капитан Йорк отвечал самоуверенным тоном, в котором даже чувствовались веселые нотки.

— Так вы намерены явиться ко мне на судно? Не-

ужели? Кого же из вас я буду иметь удовольствие укокошить первым?

Это приветствие, очевидно, очень понравилось негодяю, и тот громко захохотал:

— О-о, да вы забавный человек и прыткий на язык, право! Ну, вы будете иметь удовольствие разговаривать со мной, а укокошит вас мой помощник!

— В таком случае,— заметил капитан все так же невозмутимо и спокойно,— Дэн, представься этим господам, пусть они познакомятся с тобой! — и капитан посторонился.

Дэн нагнулся вперед, и его добродушное старое лицо сияло улыбкой, когда он прокричал:

— Эй, вы там, очень рад встрече с вами вдали от родной Англии, очень рад!

В этот момент один из негодяев зацепился уже багром, но Дэн вскинул ружье и выпустил заряд прямо в лицо этому парню. А капитан в то же время скомандовал «Пли!», и с десятков выстрелов дружным залпом грянуло с «Сельзис».

Казалось, будто вся шлюпка содрогнулась; один из пиратов, по-видимому китаец, схватился за грудь и тут же перекувырнулся в воду; двое других были убиты на месте. Больше я не успел ничего увидеть.

— Полный вперед! — крикнул капитан громовым голосом прежде, чем успел замереть звук залпа, на который с безымянного судна отвечали выстрелом из орудия. Снаряд задел слегка нашу верхнюю рубку; капитан погрозил кулаком пирату и повторил еще раз: «Полный вперед!»

В момент, когда яхта, повинаясь винту, тронулась вперед, густой белый туман словно пеленой окутал нас со всех сторон, обдавая палубу сыростью. В семи саженьях не было видно ни зги.

Но эти пять минут, пока мы скрылись из виду, уйдя в глубь тумана, были до того ужасны, что я никогда не забуду их. Снаряды падали и впереди, и позади нас почти непрерывно; все мы чувствовали, что грозный пират где-то близко. Затем канонада как будто стала замирать в отдалении, и мы начинали уже дышать свободнее, начинали надеяться, что опасность миновала. Но вот опять, и на этот раз уже совсем близко, прогремел выстрел из крупного орудия и разнес нашу рубку в мелкие щепки, но, по счастью, не ранил никого. После

этого снова наступила мертвая тишина и тревожное ожидание чего-то, от чего меня попеременно кидало то в жар, то в холод. Мы уже не придерживались намеченного нами направления, а в течение нескольких часов кряду шли на юг, прямо в глубь тумана. Экипаж все время оставался на своих местах. Нам все еще не верилось, что опасность миновала. Когда я, промокнув до костей, наконец сошел с мостика, было уже около полуночи. Внизу меня встретила Мэри и стала засыпать вопросами.

— После я все вам расскажу, Мэри, а пока дайте мне отдохнуть и очухаться,— ответил я.— А вы что делали все это время?

— Я ухаживала за Паоло. Он, кажется, умирает.

Я зашел посмотреть на раненого: он действительно, казалось, умирал. Немного опечаленный, я вернулся в кают-компанию, где теперь все как будто повеселело и ожило. Матросов поили грогом и кормили сладстями, а мы в кают-компании распили несколько бутылок шампанского.

Три дня спустя мы были уже перед Нью-Йорком. Словно благодаря чуду, никто из наших людей не пострадал во время неравной борьбы с золотым судном.

XI В ТРУЩОБЕ

Около шести часов пополудни мы вошли в гавань великолепной столицы Нового Света и медленно поравнялись с портовой таможней, где нас должны были подвергнуть обычному досмотру. Никаких затруднений у нас по этому поводу не было, хотя какой-то маленький чиновник под видом добросовестного исполнения своих обязанностей шарил и поглядывал везде. Эта подозрительность возмутила честного и прямодушно-го старика Дэна.

— Да вы бы пощупали вот эту собаку,— говорил он.— Как знать, может, она битком набита алмазами!

— Что вы, принимаете меня за дурака?— возмутился тот.

— Ничего я об этом не знаю, а только как знать, обшарьте ее, быть может, что-нибудь найдете!

Наконец чиновник удалился, провожаемый гром-

ким смехом всего экипажа, а спустя немного времени мы уже стояли у пристани и готовились съезжать на берег.

Паоло все еще был болен и лежал в своей каюте. Из чувства простого человеколюбия мы решили не предпринимать против него ничего до полного его выздоровления, но на всякий случай приказали матросам следить за ним и никого не пускать на судно, а сами отправились обедать в один из лучших ресторанов города. Здесь мы заказали себе самый изысканный обед, потребовали самых дорогих вин, чтобы отпраздновать наше благополучное прибытие в Нью-Йорк. Все были веселы и, казалось, совершенно забыли об ужасах путешествия, но меня преследовала мысль, что и здесь опасность сторожит меня на каждом шагу и что мое рискованное предприятие еще только начинается.

Под влиянием этого настроения я после обеда предложил Родрику прогуляться с Мэри по городу, чтобы показать ей немного Нью-Йорк, а сам решил вернуться на яхту — привести в порядок некоторые бумаги и обдумать свои дальнейшие шаги в деле преследования капитана Блэка. Наш приятель, капитан Йорк, собирался посетить каких-то своих друзей и условился со мной, что немного попозже тоже вернется на «Сельзис».

Порешив таким образом, я простился с друзьями и поехал прямо на пристань.

Полчаса спустя я благополучно прибыл на яхту, где застал все в полном порядке. По палубе расхаживал часовой, а Дэн сидел подле больного Паоло. Старик сообщил мне, что больному лучше и что он уже около часа спит крепким сном.

Я прошел в свою каюту и стал собирать свои бумаги, револьвер и некоторые другие вещи, которые могли понадобиться мне на берегу. Это все заняло не более трех четвертей часа. Наконец пора было уходить, но перед отъездом я заглянул в каюту Паоло, и каково же было мое удивление, когда я увидел его совершенно одетым: по-видимому, он собирался сойти на берег.

Это открытие чрезвычайно взволновало меня. «Если он отправится в город,— подумал я,— то, конечно, для того только, чтобы встретиться со своими сообщниками, с людьми, близко связанными с капитаном Блэком и его экипажем. Если я не воспользуюсь этим случаем узнать что-нибудь о капитане Блэке, то

могу прождать год и больше, прежде чем услышу что-нибудь о нем, кроме известий о гибели судов по пути из Европы в Америку или Африку». И я решил следовать за Паоло, рискуя всем, даже жизнью.

С этой мыслью я поспешил на бак, где застал старого Дэна, и попросил его немедленно снабдить меня матросским костюмом, а переодеваясь пояснил старику в нескольких словах свое намерение, на что Дэн, хотя и не возразил ни слова, но почесал в затылке и неодобрительно покачал головой.

Выйдя переодетым на палубу, я увидел Паоло, уходящего уже с яхты, и, надвинув шапку на глаза, пошел вслед за ним, прячась за каждый выступ и скрываясь, насколько было возможно. Очутившись в городе, Паоло раза два обернулся и посмотрел, не следят ли за ним, затем, видимо, убедившись, что все благополучно, направился разными окольными путями в Бовери, самый захолустный квартал города, пользующийся дурной репутацией; затем, после долгого странствования, уже едва держась на ногах от слабости и истощения, бедняга свернул в одну из самых грязных и скверных улиц этого квартала и вдруг исчез в раскрытой настежь двери. Едва он успел скрыться, как и я подошел к той же двери и заглянул внутрь помещения. Первое, что мне бросилось в глаза, была невысокая грязная лестница, идущая вверх, а там упиравшаяся в стеклянную дверь. Сквозь стекла этой двери я увидел толпу мужчин в полутемном, накуренном помещении. Все они, сидя у столиков, пили, спорили и сиплыми голосами пели песни.

Это был какой-то ужасный вертеп, населенный людьми всех национальностей, преимущественно моряками. Тут были и англичане, и французы, и русские матросы, даже негры и китайцы, но я, тем не менее, решился войти и занять место у одного из столиков, ближайших к двери.

Все помещение состояло из длинной узкой залы, уставленной вдоль стен скамьями, которые когда-то были покрыты красным бархатом, а теперь представляли собой лишь ободранные лохмотья. На стенах красовались несколько больших зеркал высотой от пола до потолка, но все они были побиты, а во многих недоставало целых кусков стекла. У скамеек стояли в беспорядке небольшие столы с мраморными досками, пожел-

тевшими и грязными, с отбитыми углами, а в самом дальнем конце узкой залы виднелся жалкий буфет с грязным прилавком, за которым сидел на высоком табурете продавец. Последний был громадного роста негром, одетым по последней моде, с претензией на щегольство.

Все это было для меня ново, и я чувствовал себя среди всех этих людей, как в глухом лесу. Мне не раз рассказывали об этих трущобах, говорили, что здесь человеческая жизнь не ставится ни во что, что всякого рода преступления здесь являются самым заурядным явлением. И действительно, стоило только взглянуть на посетителей этой трущобы, чтобы убедиться, что здесь собрались отбросы человеческого общества, все отбросы морского люда различных народов. Крепкие спиртные напитки тут пили, как воду, в воздухе стояла такая вонь, такой смрад, что я долгое время не мог различить сквозь густые облака табачного дыма, где именно находился Паоло и что он теперь делал.

Наконец я увидел его сидящим у прилавка; перед ним стоял большой графин с водкой. Одной рукой он облокачивался на прилавок и разговаривал с негром, но что он говорил, я, конечно, не мог расслышать. Спустя четверть часа стеклянная дверь широко распахнулась и в зал с шумом вошли трое мужчин. Все они были знакомы мне: это были ирландец по прозвищу Четырехглазый, шотландец Дик и сам Ревущий Джон, которому Дэн выпустил в лицо свой заряд. Рот, нос и вся нижняя часть лица у него были обвязаны грязной, окровавленной тряпицей, и он совершенно был лишен возможности пить или говорить. Здороваясь с Паоло, он дружелюбно потрепал его по плечу и, несмотря на свою рану, казался совершенно бодрым и веселым.

При виде этих людей я почувствовал страшную жажду деятельности. Если бы мне теперь удалось последовать за ними в жилище капитана Блэка, то цель моего путешествия в Нью-Йорк была бы достигнута.

Я сидел в своем углу, потягивая мерзкое пиво и покуривая из старой глиняной трубки, найденной мною случайно в кармане куртки, которой меня снабдил Дэн. Отвратительная старуха, напоминавшая ведьму — желтая, иссохшая и сутулая, но проворная, с хищным взглядом ястреба, прислуживавшая одна всей ораве, — смотрела на меня как-то подозрительно. Но это не

особенно беспокоило меня, товарищи же Паоло были слишком заняты своими делами, чтобы обращать внимание на окружающих, так по крайней мере это казалось мне. Но вот старая ведьма подала свой голос — крикливый, резкий и надтреснутый, и объявила во всеуслышание:

— Джэк, Огненный Дьявол сейчас будет плясать вам на потеху! Сидите смирно, красавчики, — обратилась она ко всем присутствующим, — да помогите мне отодвинуть столы. Посторонитесь же, голуби, не то я ошпарю вас кипятком! А ведь любят же они все меня, как родную мать! — добавила карга, как бы хвастаясь перед кем-то. Затем, вооружившись большой палкой, старуха стала постукивать ею по ногам посетителей, заставляя их пятиться к стене. Обойдя таким образом весь зал, она расчистила посередине довольно большое пространство для плясуна, и тогда одно из высоких стенных зеркал отошло от стены, обнаружив скрывавшуюся за ним дверь, о существовании которой я и не подозревал. Из нее вышел огромный рослый негр с большим горшком какого-то горящего вещества и стал проделывать разные фокусы, делая вид, что глотает огонь, обвивает голову и руки огненными лентами и тому подобное, после чего стал кружиться и вертеться, весь объятый пламенем. Для достижения большего эффекта все лампы в зале были потушены, так что было почти темно.

Вдруг я почувствовал, что кто-то трогает меня за ноги. Я незаметно нагнулся, делая вид, что хочу поднять оброненную трубку, и увидел, что на меня смотрит из-под скамьи бледное, измученное лицо мальчугана Сплинтерса, так ужасно пострадавшего тогда в Париже на улице Жубер из-за своей неловкости.

— Что такое? — спросил я.

— Не оставайтесь здесь, уходите! Они узнали вас и хотят убить!

Проговорив чуть слышным шепотом эти слова, мальчуган ползком под скамьями удалился в другой конец комнаты, где и вынырнул никем не замеченный.

Между тем плясун продолжал увеселять присутствующих, и я решил воспользоваться темнотой, чтобы добраться до двери. Но каково было мое удивление, когда, выйдя через широко раскрытую стеклянную дверь на лестницу, я увидел, что на двери, ведущей на

улицу, теперь был опущен железный занавес. Это открытие было поистине ужасно. Я сообразил, что железный занавес был опущен с определенной целью, но был почти уверен, что, когда пляска кончится, некоторые из присутствующих пожелают уйти, а тогда и я, выбрав удобный момент, смогу выйти вместе с ними.

С этой целью я остался вблизи занавеса, пока лампы не были снова зажжены и огненный плясун не удался. Тогда посетители собирались было поставить столы на место, но старая ведьма снова закричала им:

— Нет, нет, красавчики, подождите! Это еще только начало, продолжение следует! Я не отопру вам дверей, пока вы не полюбуетесь моей пляской! Сегодня у нас есть работа, пареньки! Да, работка есть, и на этот раз ваша старая тетка сделает эту работу за вас, а вы посмотрите!

При словах «есть работа» все как-то притихли, и толпа, точно по мановению волшебной палочки, разом отхлынула от меня, так что я остался один среди пустого пространства, и все взоры обратились теперь на меня.

Но те четверо, которых я всего больше опасался, сидели ко мне спиной и ни один из них даже не оглянулся: они были слишком заняты своими собственными делами. Вдруг раздались звуки какой-то душераздирающей, дикой музыки, и старуха, прикрикивая и взвизгивая, пустилась плясать, подражая шотландской «пляске мечей». Сначала она бешено кружилась среди зала, затем отошла к дальнему концу комнаты и оттуда направилась прямо к двери, у которой стоял я. Не знаю, но какое-то тяжелое предчувствие подсказало мне, чтобы я остерегался этой женщины. Сердце у меня учащенно забилося, в то время как она все ближе и ближе подходила ко мне.

Ожидать от кого-либо помощи здесь нечего было и думать. Правда, у меня был при себе револьвер, но что можно было сделать с ним в этой толпе, где таких револьверов были десятки?!

Мне не осталось ничего более, как идти навстречу неминуемой опасности. Я сделал несколько шагов вперед от дверей. В это время старая ведьма, кружившаяся шагах в десяти от того места, где я стоял, вдруг как будто пришла в исступление и, пронзительно взвизгнув, точно коршун, устремилась прямо на меня.

В этот момент, мне помнится совершенно ясно, Паоло и его трое товарищей вдруг вскочили на ноги; остальные присутствующие громко вскрикнули, а старая ведьма, выхватив что-то из-за пазухи, вдруг ударила меня этим предметом по голове, и я потерял сознание.

XII ЗА КОРМОЙ «ЛАБРАДОРА»

Полная потеря сознания — великое благо, очень редко выпадающее на долю человека.

Сон не дает нам полной бессознательности, и даже бесчувственное состояние не всегда есть потеря сознания. Я дважды в своей жизни лишался чувств, но каждый раз меня мучили тяжелые видения, мозг давили ужасные кошмары.

Все это я испытал и после посещения отвратительной трущобы в Бовери. Сколько времени я пролежал без чувств, где я был в это время — я не знаю и теперь, но все время меня мучили бред и томительный жар. Иногда мне казалось, что сознание возвращается ко мне, но я не мог шевельнуть ни рукой ни ногой. Я положительно леденел от ужаса, чувствуя, как смерть подкрадывалась ко мне.

В минуты сознания я, помню, видел солнце над своей головой и чувствовал легкий ветерок, дувший мне в лицо. Но это продолжалось всего одно мгновение — потом я снова впадал в забытие. Раз я пришел в сознание, ощутив капли дождя на своем лице. Я лежал и спрашивал себя, где я, откуда этот тихий плеск волн и морской ветерок, пахнувший мне теперь в лицо? Затем я увидел, что я привязан за левую руку, ноги мои тоже связаны веревкой. Когда же наконец я поднял голову, то вдруг увидел, к немалому своему удивлению, что лежу на дне лодки, медленно продвигавшейся вперед. Лежал я ногами к корме, и так как моя голова приходилась ниже бортов лодки, то мне нельзя было видеть, что заставляло лодку плыть и где, собственно, я находился — в открытом ли море или вблизи берега.

После долгих усилий мне удалось припомнить предыдущие события, и я понял, что Паоло завел меня

в западню, а женщина, нанеся мне удар, была, очевидно, подкуплена им на это страшное дело. Вероятно, люди Блэка подняли меня в бесчувственном состоянии и перенесли сюда, в эту лодку. Несомненно было одно, что я находился теперь в руках одного из величайших негодяев в мире и часы мои, вероятно, были сочтены.

Но эта мысль не особенно огорчала меня: потому ли, что я был очень слаб, или же потому, что, вследствие сильной боли в голове, я был рад всему, что могло избавить меня от этих мучений. А пока мне хотелось прежде всего поближе ознакомиться со своим положением. Лодка, где я лежал, была щегольской шлюпкой с какой-нибудь яхты, сам я лежал на брезенте, сложенном несколько раз. Второй брезент был подложен мне под голову. Средняя банка была снята для того, чтобы я мог лежать, а к кормовой были привязаны мои ноги. Левая рука была привязана к передней носовой банке, правая же моя рука оставалась свободной. Сначала я удивился этой оплошности, так как под рукой на прикрывавшей меня парусине лежали фляга и десятка два высшего качества «капитанских» бисквитов. Меня томила мучительная жажда, и я поднес к губам флягу. В ней была слабая водка, но я с удовольствием променял бы ее на глоток чистой воды. До сухарей же я не мог дотронуться. Меня начинало знобить от непрерывно падавшего на меня дождя и захлестывавших в лодку волн.

До этого момента я не слышал звука человеческого голоса, но вот лодка остановилась и надо мной послышался оклик: «Все наверх! Убирай паруса!» Из этого я заключил, что мою лодку привязали к судну, вероятно к яхте, и что она не стоит на месте, а направляется куда-то в море. Но куда? Неужели эти люди хотели меня уморить здесь или они просто забыли обо мне?

— Эй, Билл! Что парень-то, умер? — раздался в это время надо мной голос.

— Нет, он как будто приходит в себя! — послышался ответ.

— Это вы говорите о том бедняге, ребята? — спросил знакомый мне голос Четырехглазого. — Он что, протянул уже ноги?

— Нет, уже шевелится немного!

— Бедняга! Киньте ему кто-нибудь ломоть мяса —

нельзя же привезти командирю покойника, когда он желает иметь его живым!

Мне стали бросать в лодку куски мяса, но так как теперь яхта шла довольно быстро, то это не удавалось: два-три ломтя уже упали в воду, не достигнув своего назначения. Как бы то ни было, но я узнал теперь, что мне пока не грозит никакая опасность, напротив, меня будут и беречь, и кормить до тех пор, пока не доставят капитану Блэку. Но где он находится в настоящее время, я, конечно, не знал, а только мог предполагать, что скорее всего на безымянном судне.

Когда дождь прекратился и солнце снова стало обдавать меня своими лучами, жажда стала нестерпимо мучить меня. Я протянул руку к фляге, при этом ошупав узел на своей левой руке, и убедился, что это был простой морской узел, который можно было без труда распустить в любое время. Я так и сделал, но не решился подняться и сесть из опасения, чтобы меня не увидели сверху. Однако, повернув голову, я убедился, что судно, буксировавшее меня, было американской яхтой, а на корме ее большими буквами было написано: «Лабрадор». Кроме того, я убедился, что с кормовой палубы никто не караулил меня, и улегся, как раньше, затаив в душе надежду на спасение. Я полагал, что мы не успели далеко отойти от Нью-Йорка, хотя нигде на горизонте не было видно берега. Мне думалось, что если только меня не потревожат до наступления ночи, то я сумею совершенно высвободиться, и так как канат, которым моя шлюпка была привязана к корме яхты, был продет сквозь железное кольцо, то мне только нужно было добыть нож и перерезать им его, чтобы вернуть себе свободу. Но ножа у меня, увы, не было: меня, очевидно, обыскали, отобрав все, что находилось в карманах.

После заката солнца я снова слышал голоса на палубе «Лабрадора»: кто-то приказал причалить шлюпку. Я поспешил надеть веревку на свою левую руку и ждал, что будет дальше. Вдруг судно встало, и мою лодку прибило теперь к самой корме яхты. Затем надо мной раздались голоса, и я увидел, что человек десять из шайки капитана Блэка смотрели сверху на меня. Затем спустили веревочную лестницу и Четырехглазый крикнул довольно добродушным тоном:

— Эй, ребята! Давайте сюда чашку с супом, вольем

ему в глотку, не то черт возьмет его раньше, чем мы доберемся до командира! — С этими словами он стал спускаться ко мне в шлюпку с чашкой дымящейся похлебки. Присев на кормовую банку, он склонился надо мной и стал вглядываться в мое лицо, я же видел только, что у него висит нож на поясе, и решил во что бы то ни стало овладеть им.

— Э, да это молодой барин из Парижа! — воскликнул он. — Да ведь говорил же я вам, чтобы вы оставались там, где были. Нет, не послушались меня! Ну, а теперь в доброе место везут вас! Жаль! Впрочем, видно, сами вы хотели этого, и один только черт знает, чем все это кончится. А пока все же поужинайте: это вас подкрепит. Вам еще повезло: другой бы на вашем месте давно отправился на тот свет!

Он говорил со мной ласковым, отеческим тоном и, держась одной рукой за веревку, другой держал чашку. Я принялся жадно хлебать, и приятная теплота разлилась по всем моим членам. Вместе с тем сладкое чувство возрождавшейся надежды на спасение наполняло мою душу, так как я успел уже завладеть ножом в тот момент, когда Четырехглазый, войдя в лодку, склонился надо мной. Теперь этот нож лежал в складках парусины подо мной. Когда я поел и возвратил чашку Четырехглазому, тот соболезнующе посмотрел на меня и, взобравшись по той же лестнице, вернулся на палубу. Лестницу убрали, и судно лениво тронулось вперед.

Я лежал, не шевелясь, пока совсем не стемнело, хотя ночь была вовсе не темная и не особенно благоприятная для осуществления задуманного мною плана.

Но, убедившись, что за мной не следят, я высвободил левую руку, перерезал веревки на ногах и теперь свободно мог двигаться по лодке. На судне периодически сменялась вахта, я каждый раз слышал окрик: «Все благополучно!» Слышал, как били склянки, но это не смутило меня: я готов был рисковать чем угодно, лишь бы не попасть в руки командира безымянного судна. Обождав немного, я подкрался ползком к носовой части шлюпки и стал перерезать канат, которым был привязан к корме «Лабрадора».

Вдруг я увидел, что какой-то человек смотрит на меня сверху и как будто следит за мной. Я поспешил спрятать нож и вытянулся во всю длину.

— Эй, молодец! Ты не зябнешь там? — спросил гру-

бый голос, и вслед за ним голос Четырехглазого продолжал:

— Коли жив, так откликнись, а когда умрешь, дай нам знать!

— Мне сейчас хорошо, только потом я попрошу еще немного вашей похлебки,— ответил я, обрадованный тем, что моего занятия не заметили.

Сверху послышался громкий хохот.

— Повремени немножко. Скоро ты получишь похлебку и повкуснее, и погорячее, поутру, когда повидаешься с командиром! Наш «старик» — большой хлебосол!

Эту остроумную шутку приветствовал новый взрыв хохота, затем мало-помалу все на палубе стихло. Тогда, не теряя времени, чутко прислушиваясь к малейшему звуку, я снова принялся за свою работу. В два-три приема канат был перерезан, и моя шлюпка завертелась в струе, остающейся за кормой судна. Это была для меня минута страшного нервного напряжения: я ждал, что меня хватят, что шлюпку заметят на воде в полумраке ясной звездной ночи, и прислушивался чутким ухом, но все было тихо. Тогда я, присев в лодке, оглянулся. Яхта отошла уже на добрую милю, и у меня отлегло от сердца.

Но я упустил из виду одно чрезвычайно важное обстоятельство: в шлюпке не было весел. Положение было безвыходное: паруса и мачты тоже не было. Кроме того, я был на расстоянии, вероятно, нескольких сот миль от берега, а кроме десятка бисквитов и фляжки водки у меня не было никаких съестных припасов. Когда все это стало мне ясно, мной овладело такое отчаяние, что я, закрыв лицо руками, принялся рыдать, как ребенок. Наконец, когда я слегка успокоился, как всегда после сильного нервного приступа, наступило состояние тупой покорности судьбе. Меня несло по течению, но, в каком направлении, я так и не мог определить.

По прошествии приблизительно двух часов я уже совершенно потерял из виду яхту. Я утешал себя тем, что нахожусь на пути пароходов, идущих в Нью-Йорк, и что, быть может, какой-нибудь из них примет меня. С этой мыслью я завернулся в парусину и лег на дно лодки, чтобы защитить себя от резкого ветра, поднявшегося к ночи. Я не спал, но лежал в полудремотном

состоянии час или два и был разбужен лучом чрезвычайно яркого света, падавшего на меня сверху. Вскоре я убедился, что этот свет был направлен на водную поверхность и затем медленно передвигался, описывая круг, пока вдруг не остановился наконец над моей шлюпкой. Тогда я сообразил, что это электрические рефлекторы большого военного судна. Самого судна я не мог видеть, но безотчетно сознавал, что это то же самое безымянное судно, от которого я хотел убежать ценою страшного риска. Но что было предпринять мне для самозащиты?

Между тем в течение нескольких минут рефлекторы были направлены прямо на мою шлюпку и вдруг одновременно потухли. В полумгле я различил длинное судно с двумя трубами и тремя мачтами, тогда как безымянное судно имело только одну трубу и две мачты.

Это открытие до того обрадовало меня, что я стал радостно махать руками, кричать и звать. Когда же длинный луч вновь осветил поверхность моря, я увидел в яркой полосе света большой вельбот с несколькими гребцами, быстро направлявшийся ко мне.

Я кричал и звал, но долго никто не отзывался. Наконец послышался голос, к невыразимому моему ужасу, Четырехглазого. В полном отчаянии я бросился на дно своей лодки и закрыл лицо руками.

— Ловкий парень! Ну да теперь мы не расстанемся с тобой ни на минуту! Не бойся!

Шлюпка подошла совсем близко и зацепила мою лодку багром. Затем эти люди перетащили меня в свой вельбот и стали сильно грести по направлению к видневшемуся вдали пароходу, а спустя немного времени я был уже на палубе этого судна. Но теперь я уже наверняка знал, что я пленник на безымянном судне, чего я так боялся все вермя.

XIII КРАСНАЯ КАЮТА И ЖЕЛЕЗНАЯ ТЮРЬМА

Шесть гигантов-негров держали большие фонари по обе стороны трапа, когда я вошел на палубу этого судна, но никто из них не проронил ни слова; даже лиц их

нельзя было рассмотреть. Судя по всему, командовал гребцами вельбота, а может быть, и здесь, на судне, насколько я мог видеть, Четырехглазый. Когда все были уже наверху, он отдал короткое, отрывистое приказание: «Полный назад!», причем оглянулся, как бы для того, чтобы убедиться, что никого больше поблизости не было. Тогда один из экипажа молча дотронулся до моего плеча, давая мне понять, чтобы я следовал за ним, что я и сделал.

Мы долго шли по железному полу верхней палубы мимо целого ряда орудий, затем спустились в нижнюю, крытую палубу и вошли в большую кают-компанию, оттуда — в узкий коридор, куда выходило много дверей. Одну из них отворил передо мной мой проводник и пригласил войти, после чего дверь без шума закрылась и я остался один.

Я ожидал очутиться в тюрьме, но, к великому удивлению, увидел себя в роскошно обставленной каюте. Все стены ее и потолок были сплошь затянуты дорогим пурпурно-красным штофом; тем же штофом была обтянута мебель, подушки на широкой, роскошной постели под штофным пологом и штофным одеялом. Наконец, та же пурпурно-красная драпировка шла вокруг дорогого венецианского зеркала над туалетным столом и над входной дверью. Единственным пятном в этой пурпурно-красной комнате была мрачная картина, изображавшая только что отсеченную голову человека, кисти знаменитого Вюрца. Эта картина вселяла в меня непреодолимый ужас, я старался не смотреть на нее, забыть о ней.

Пол комнаты был устлан дорогим индийским ковром, а свет шел от висячей лампы под матовым колпаком, затянутым легким золотисто-желтым газом.

Пораженный этой роскошью, я присел на кушетку, подле которой стоял столик, а на нем ящик с дорогими сигарами и граненый графин с вином. Я выпил вина и закурил сигару, и это несколько ободрило меня, возвратив силы, так как до этого я чувствовал такую слабость, что не мог ничего соображать. Теперь передо мной стоял вопрос: что все это могло значить — этот комфорт тюремного помещения, это таинственное обращение экипажа? Какие намерения имел по отношению ко мне этот изверг, капитан Блэк? Он, конечно, угадал мое намерение преследовать его, как его пресле-

довал покойный Мартин Холль. Но если тот заплатил так жестоко за свое отважное намерение, то не та же ли участь грозила и мне? Волей-неволей я начинал приходить к убеждению, что не только дни, но и часы, даже минуты моей жизни были сочтены. Если какой-либо человек попадался в капкан, то это был я. Кто мог теперь оказать мне хоть какую-нибудь помощь? Правда, Родрик был способен перевернуть небо и землю, чтобы спасти меня. Но как ему разыскать меня? Да если бы даже это и удалось ему, то кто мог поручиться, что я еще останусь в живых до того времени? Я не имел никакой возможности послать из этой могилы никакой весточки своим друзьям.

Не успел я выкурить одну сигару, как электрическая лампа в моей каюте вдруг потухла и я остался в темноте. Это сначала ужасно встревожило меня, но прошло полчаса, затем час, ничто нигде не шевелилось. Тогда, видя, что по крайней мере в данный момент мне не грозит никакая опасность, я, чувствуя себя чрезвычайно усталым и разбитым, разделся и лег в постель. Такой роскошной, мягкой постели я никогда не встречал в море. Едва моя голова коснулась подушки, как я впал в тяжелый сон и проспал так, вероятно, очень долго.

Проснувшись на следующий день, я заметил, что пурпурные шелковые занавески были отдернуты и в каюту проникал слабый свет из иллюминатора, сквозь который я видел мутное, дождливое небо и неспокойное море. Я не сразу заметил, что в кресле подле моей кровати сидел какой-то господин, весьма щеголевато одетый в изящный синий костюм и светло-коричневого цвета ботинки. У него было свежее, открытое лицо, которое портили только тревожно бегавшие глаза, свидетельствовавшие о крайней нервности его натуры.

— Добрый день,— проговорил он,— надеюсь, вы спали хорошо?

— Превосходно, я давно уже не спал так, как сегодня! — отозвался я. — Который теперь час? Думаю, около полудня?

— Половина четвертого,— улыбнулся неизвестный господин,— но я не хотел будить вас, так как в вашем состоянии сон — лучшее лекарство. Позвольте представиться, я — врач!

— А, вы старший врач здешнего экипажа! У вас,

должно быть, огромная практика! — не без едкости заметил я.

Он посмотрел на меня как будто удивленно, затем ответил:

— Да, мне приходится выдавать много свидетельств о смерти! Быть может, придется оказать и вам эту услугу!

Он произнес эти слова полунасмешливым, полуугрожающим тоном, что сразу напомнило мне о моем положении и, вероятно, отразилось на моем лице. Заметив это, доктор поспешил перевести разговор на более приятную тему.

— Вы, вероятно, голодны? — спросил он. — Я сейчас позвоню, чтобы вам подали завтрак. А если вы желаете до завтрака принять ванну, то ваша уборная вот здесь! — И, отворив дверь в коридор, он проводил меня в превосходно устроенную ванную, где я нашел все необходимые принадлежности для купания и туалета.

Когда, умытый и одетый, я вышел из ванной, доктор ожидал меня у дверей, и мы вместе с ним вернулись в красную комнату, где уже был сервирован самый изысканный и чрезвычайно обильный завтрак, кофе с густыми сливками и даже фрукты и конфеты по американскому обычаю.

Пока я ел, доктор молчал. Когда же убрали со стола, он пододвинул мне ящик с сигарами, налил мне и себе по стакану вина и, сам закулив сигару, заговорил первый:

— Я весьма сожалею, что не могу предложить вам сегодняшнюю газету, последний номер, какой у нас есть, — это субботний номер «New York World», но в нем есть статейка, которая, полагаю, будет небезынтересна для вас! — С этими словами он передал мне газету, где одно место было отмечено цветным карандашом.

Я прочел. В газете подробно говорилось о нападении какого-то неизвестного судна под чилийским флагом на американский крейсер и на пассажирский пароход, направлявшийся в Нью-Йорк. Говорилось о том, что это происшествие взволновало всю Америку, что был сделан запрос чилийскому правительству, которое полностью отрицало какое-либо сношение с таинственным судном, и что впредь, до полного расследования этого дела, английские, американские и французские суда высланы для того, чтобы выследить таинственное

судно и добыть для своих правительств как можно больше сведений о нем.

Далее говорилось о том, что одному господину в Нью-Йорке известно многое об этом деле и что его будут немедленно интервьюировать в надежде, что он сумеет раскрыть эту тайну.

Когда я дочитал и отложил в сторону газету, доктор, с усмешкой следивший за мной, сказал:

— Как вам известно, это интервью не состоялось, так как этот господин — вы! Что же касается вашего друга, господина Стюарта, то, как нам известно, он играет весьма незначительную роль в этом деле и без вас едва ли в состоянии вредить нам хоть сколько-нибудь.

— Вряд ли так, как вы сами сможете в том убедиться, — многозначительно возразил я, инстинктивно угадав, в чем может быть мое спасение. — Ему известно ровно столько же, сколько и мне!

— То есть весьма немного, — несмешливо добавил доктор, — но об этом мы узнаем подробнее. Я, собственно, явился сюда, чтобы предложить вам написать подробный отчет относительно каждого шага, сделанного вами в этом деле с того самого момента, когда вы были достаточно безумны, чтобы заменить Холля и по его примеру стали совать свой нос в дела, которые вас вовсе не касаются. Вам известно, какое наказание понес за это Холль: вы были свидетелем его смерти, как сообщил мне мой товарищ, господин Паоло. Вас же мы щадили до настоящего времени да, быть может, пощадим и дальше, если вы в точности исполните все, что от вас потребуют!

— А в противном случае? — спросил я.

— В противном случае вы будете рады отдать все, что у вас есть, чтобы только я немедленно застрелил вас. Вы должны понять, что ваше положение совершенно безвыходно, что вы здесь погребены заживо и что для всего остального мира вы как бы умерли. Чтобы сохранить жизнь и довольно-таки приятное существование, вам остается только стать одним из наших!

— Это совершенно немыслимо! — воскликнул я.

Доктор только усмехнулся.

— Это вы говорите теперь, но мы дадим вам несколько дней срока подумать об этом, причем позвольте

мне посоветовать вам не пытаться прошибить лбом стену. Право, у нас очень недурная компания, хотя здесь не найдется ни одного человека, у которого не было бы одного или нескольких убийств на совести, и меня самого преследуют за убийство в Шропшире, но, конечно, безуспешно. Ха-ха-ха!

Это было сказано с таким дьявольским смехом, что я невольно отшатнулся от него. Доктор встал и пошел к дверям.

— Нам предстоят четверо суток пути,— сказал он, обернувшись на пороге,— и в течение этого времени вам нечего опасаться. Мы сумели бы отправить вас и ваших друзей на тот свет еще там, в Атлантическом океане, но не сделали этого только потому, что намерены получить от вас некоторые сведения. Итак, вы можете быть вполне спокойны до тех пор, пока капитан Блэк не подвергнет вас личному допросу. Но предупреждаю вас, что если вы не одумаетесь, то убедитесь на опыте, что люди сильнее и могущественнее вас со слезами призывали смерть, когда мы прикасались к ним одним только пальцем. А вам будет оказано полное внимание! — С этими словами он вышел.

Все, что он говорил, была правда. Для всех я был мертв — ни одна живая душа не могла извлечь меня из этой железной тюрьмы, о существовании которой никто не знал. Что же оставалось мне? Или сказать все, что я знаю, этим негодяям, или запугивать их тем, что Родрику тоже известно многое.

Обдумав свое положение, я решил так: капитан Блэк потребует, чтобы я сказал ему все, что мне известно, и если я не соглашусь, то он прибегнет к самым крайним мерам — и я содрогался при воспоминании об ужасной участи бедного Холля.

Этот человек создал отважный план, смелость которого превышает все возможное в конце XIX столетия. Узнай кто-нибудь, где находится та берлога, в которой скрывается этот разбойник, его безопасности пришел бы конец.

Если бы это место было известно Родрику, я мог бы рассчитывать, что останусь жив, но я знал, что даже Холль не знал ничего об этом, и то, что не удалось ему, едва ли могло удасться простоватому и неопытному в такого рода делах Родрику.

Все эти соображения привели меня к следующему

выводу: я буду делать вид, что и мой друг знает кое-что. Может быть, это и спасет мне жизнь, хотя Бог знает, что из этого получится. В сущности, жизнь в такой обстановке и среди этих людей не имела для меня ничего привлекательного, а потому я не особенно и дорожил ею.

XIV ВСЕ ДАЛЬШЕ К СЕВЕРУ

В течение нескольких дней я не видел доктора, да и никого, кроме старого негра, прислуживавшего мне и на все мои вопросы отвечавшего только «да» или «нет». Ежедневно в определенный час утром он являлся ко мне с докладом, что ванна готова; ежедневно я получал роскошный завтрак, обед и ужин, свежее белье, тонкое и прекрасное, и совершенно новый щеголеватый костюм от хорошего портного, того же покроя и сшитого из того же материала, что и у доктора. Вообще во всем была видна забота и внимание ко мне. Так, например, мне присылали книги, в каюте топили печи, когда я стал замечать, что температура заметно падает, постельное белье нагревали грелками — словом, делали все, чего только мог пожелать самый избалованный и изнеженный человек. Тем не менее это одиночное заключение страшно действовало на мои нервы, и чем дальше, тем больше.

На четвертые сутки пути наше судно, не особенно спешившее до сих пор, вдруг пошло полным ходом, а под вечер я заметил, что на палубе стало очень шумно. Я стал смотреть в иллюминатор и увидел, что громадная ледяная гора преграждала нам путь.

Вода каскадами сбегала с громадной ледяной массы, сверкавшей белоснежной чистотой, на которую местами падали розоватые тени заходящего солнца. Теперь мне вдруг припомнились слова Паоло, когда он в бреду все время кричал: «Лед! Лед!». Это была вторая тайна капитана Блэка: он скрывался во льдах, много севернее того пути, по какому следуют обычно суда, идущие в Канаду. Это я мог заключить по тому, сколько времени мы находились в пути.

Но это обстоятельство отнюдь не уменьшило моих страхов и опасений, преследовавших меня в этой плаву-

чей железной тюрьме. С каждым днем я уходил все дальше и дальше от внешнего мира, все глубже и глубже зарывался в эту могилу и все более и более становился беспомощной жертвой в когтях этого всесильного капитана Блэка, который был волен казнить меня и помиловать по своему усмотрению. Несмотря на то, что в течение целой недели моего плена на железном судне я не испытал ни малейшей неприятности или напоминания об ожидавшей меня участи, страх смерти преследовал меня неотступно, не давая спать по ночам и лишая аппетита.

Наконец вечером на седьмые сутки я почувствовал, что наше судно вдруг стало, и услышал, как спустили якорь. Было уже поздно. В это время я обычно ложился в постель, но на этот раз ждал, сидя в своем кресле, чего-то необычного, ждал, полный тревоги и волнения. Наверху ощущалось большое движение. Прошел час, ко мне никто не являлся, и я почувствовал, что судно стало снова продвигаться вперед, но очень медленно. Я открыл свой иллюминатор и, хотя ночь была безлунная, увидел, что мы входим в узкий проход, по обе стороны которого вздымались высокие стены скал. Проход этот служил входом в какую-то гавань или закрытый водяной бассейн.

Скоро судно подошло, по-видимому, к пристани, о чем можно было догадаться по суете, поднявшейся на палубе, громыханью сбрасываемых в воду якорей и прочим громким звукам.

Дождавшись, когда весь этот шум стих, я наконец решил лечь в постель. На следующее утро я получил вместе со своим утренним кофе изящную записку, в которой меня приглашали вечером в восемь часов на обед к капитану Блэку. Даже и это приглашение чрезвычайно обрадовало меня — до того мне было тягостно мое одиночество. Когда же в четверть восьмого старый негр явился ко мне и, отворив дверь моей каюты, произнес: «Господин ожидает вас!», я с радостью последовал за ним, хотя и сознавал, что это ведет меня, быть может, к смерти.

Выйдя по коридору в кают-компанию, а оттуда по широкой, устланной ковром лестнице на палубу, мы очутились наверху, где было совершенно темно, только над носовой башней огромный фонарь кидал длинный и широкий луч яркого света на море. При свете этого

фонаря я увидел, что наше судно находилось в довольно обширной пещере, окруженной гигантскими скалами. Вдали в скале виднелась узкая щель, ведущая во вторую пещеру, уже совершенно темную. Все это я едва успел разглядеть, так как меня уже ожидала шлюпка. Гребцы сразу же налегли на весла и, держась все время в полосе света, стали грести прямо по направлению к узкой расщелине в скале. Пройдя через эту расщелину, мы очутились в узком фиорде, окруженном такой высокой стеной скал, что здесь было почти совсем темно, и только высоко над головой виднелась узкая полоска неба. Эта вторая пещера привела к глубокому озеру, замкнутому со всех сторон кольцом высоких скал. При этом мне невольно бросилось в глаза, что в одной стене отвесно обрывавшейся в озеро скалы, образующей левый его берег, на весьма значительной высоте от воды мелькали огни как бы из окон, прорубленных в черной скале чьей-то таинственной рукой. Туда-то именно и направлялась теперь шлюпка. Когда мы подошли ближе, я увидел высеченную в скале пристань с черной решеткой и затем красивую чугунную лестницу, ведущую вверх в глубь скалы.

При выходе из шлюпки нас встретили с десятков слуг с факелами, которые молча выстроились по обе стороны, а я, следуя за старым негром, стал подниматься по чугунной лестнице, оканчивавшейся небольшой площадкой в виде высокого балкона. На эту площадку выходила обитая железом массивная дверь. Дверь эта отворилась, и на пороге меня встретил мой знакомый доктор. Он чрезвычайно сердечно поздоровался со мной и вообще казался на этот раз в очень веселом и добродушном настроении.

— Идемте скорее, — проговорил он, взяв меня под руку, — все ждут только вас. А в эту чертовски холодную погоду все голодны как волки! Сюда, попрошу вас, не бойтесь, здесь не темно!

Действительно, мы вошли в широкий коридор, ярко освещенный электрическим светом. Казалось, будто стены его были высечены из хрусталя, так как поверхность их, гладкая и блестящая, походила на зеркало. На некотором расстоянии друг от друга были проделаны высокие окна, обращенные к озеру, но теперь все они были завешены тяжелыми занавесями; вдоль противоположной стены стояли шкафы и полки с вешалка-

ми. В конце коридора была другая дверь, из цельного американского ореха превосходной работы. Когда доктор отворил ее, мы очутились в большой высокой комнате, обставленной со всем европейским комфортом и даже роскошью: все стены и пол были сплошь покрыты дорогими мехами. Изящная дорогая мебель, покрытая темно-коричневым штофом, выгодно выделялась на серебристо-белых шкурах полярного медведя, преобладавших здесь. В левом углу стоял большой концертный рояль, а на его пюпитре — раскрытая тетрадь нот. Середину одной из стен занимал громадный монументальный камин, в котором пылал яркий огонь. В центре комнаты находился большой письменный стол, заваленный картами, книгами и журналами. По стенам тянулись полки с книгами и красивые библиотечные шкафы, а также этажерки, уставленные драгоценными произведениями искусства.

Но не столько эта комната, сколько сам обладатель ее привлекал мое внимание. Никого, кроме капитана Блэка, в этой комнате не было. Но это был уже не тот человек, которого я видел председателем пьяной оргии в Париже.

Ничего резкого, злобного и жестокого ни в голосе, ни в манере, ни во взгляде его теперь не было. Голос его звучал мягко и приятно, когда он ответил «войдите» на стук доктора, и затем, поднявшись с кресла, сделал несколько шагов к нам навстречу как милый, радужный хозяин. Когда он протянул мне руку, я чуть было не убрал свою, но тотчас опомнился, сообразив, что в моем положении это было бы положительным безумием. Я взял его большую, сильную руку и взглянул ему прямо в лицо. Этот человек был ниже меня ростом, но огромная, необыкновенная сила чувствовалась в его могучих руках и богатырских плечах. Лицом он был тоже недурен, хотя его портили слишком большая черная борода и платье, сидевшее как-то слишком свободно и мешковато.

Всего удивительнее, однако, в нашей встрече было то, что когда он взял мою руку, то долго не выпускал ее из своей, причем смотрел мне прямо в лицо с таким непритворным участием, какое мне казалось совершенно непонятным. Он до того забылся в этом созерцании, что долго продолжал держать и пожимать мою руку,

как будто видел перед собой самого дорогого друга после долгой разлуки.

Наконец он ласково проговорил:

— Я очень рад вас видеть! Обед ждет нас. Пойдемте в столовую,— и он дружески взял меня под руку.

Мы вошли в следующую комнату, также увешанную мехами, но преимущественно темно-бурого цвета. Здесь стоял роскошно сервированный обеденный стол, накрытый на четыре персоны. Комната освещалась электрическими лампами. Приглашены к столу были доктор, я и шотландец по прозвищу Дик-Капиталист. Последний стал было позволять себе выходки, напоминавшие поведение его товарищей на улице Жубер в Париже, но капитан вскоре заставил его замолчать.

За обедом говорил почти только один доктор, рассказывавший много интересного из своих путешествий. Я слушал его со вниманием, надеясь узнать что-нибудь о судьбе, ожидающей меня, или по крайней мере о том, где именно мы теперь находимся, на севере ли Америки или в какой другой части Северного Ледовитого океана.

Капитан впервые заговорил в ответ на мое замечание о том, как тепло и приятно в этой комнате.

— Это вы особенно оцените, когда у нас наступит здесь зима. Ведь вы, конечно, знаете, где находитесь?

Ничего не подозревая, я ответил, что не имею ни малейшего представления. Капитан многозначительно взглянул при этом на доктора, а тот, весело потрепав меня по плечу, воскликнул:

— Bravo! Это избавляет нас от необходимости задавать вам неприятные вопросы. Я уже тогда подумал, что ваше мнимое обладание нашей тайной было просто блефом!

— Ну, конечно! — подхватил капитан. — Но теперь не время говорить об этом. Если хотите знать, я могу вам сказать, что мы находимся на западном берегу Гренландии. В каких-нибудь пятидесяти милях отсюда есть датская колония, но мы не общаемся со своими соседями!

Затем, приказав подать шампанского, капитан провозгласил тост: «За нового товарища!» Но я не поднял свой бокал. Он это заметил, и лицо его заметно омрачилось.

— Что ж,— проговорил он,—мы не будем торо-

пить вас! Вы будете моим гостем до тех пор, пока я не потребую от вас решительного ответа. Но тогда вам уже нельзя будет долго раздумывать: мы ведь умеем быть и ужасно дурными, когда надо. А теперь попробуйте-ка этих сигар, они очень хороши, мы взяли их из коллекции лорда Реминхама, который несколько недель назад был на пути в Америку.

— Но с ним случилось несчастье, упокой, Господи, его душу! — подхватил вновь повеселевший шотландец и громко расхохотался.

— Удивительно, какого высокого качества табак и шампанское бывает всегда на этих океанских пароходах! — проговорил доктор. — Капитан «Каталонии» был большой любитель этого вина, и, когда я отправлял его на тот свет, то, чтобы угодить ему, разбил о его голову бутылку этого вина и дал ему в спутники пятьсот человек его пассажиров, чтобы ему было не скучно!

Но, очевидно, этот разговор не нравился Блэку. Он вдруг поднялся из-за стола в тот самый момент, когда в комнату вошел Четырехглазый, и проговорил, обращаясь ко мне:

— Наша приятная компания должна теперь разойтись. Вы можете занять отведенное вам здесь помещение, если не желаете еще ближе познакомиться с нами. Мы, право, довольно интересные люди, могу вас уверить, и у нас есть что посмотреть!

— Если позволите, то я буду рад увидеть все, что вы найдете возможным показать мне, — ответил я, сгорая желанием увидеть и узнать как можно больше.

Капитан улыбнулся и сделал знак остальным следовать за ним. Затем он пошел вперед, указывая нам дорогу.

XV

ОДИН ОСТАНЕТСЯ ЖИВ

Из столовой мы вышли в широкий коридор, устланный ковром и освещенный висячими лампами. Справа в него выходили двери многих комнат; некоторые были открыты, и я, проходя мимо, видел прекрасно обставленные спальни и бильярдный зал. В конце коридора была лестница, шедшая вниз. Спустившись по ней, мы

вышли к пологому краю скалы, ведущему почти к самой поверхности озера, на узкую каменистую тропу между каменной стеной скал и озером. Пройдя немного по ней, наша компания очутилась у большого здания, высеченного в скале и служившего, очевидно, казармой для всей шайки капитана Блэка.

Мы вошли в большой, ярко освещенный зал, где на грубых стульях и скамьях расположились в самых разнообразных позах те самые люди, которых я уже видел в Париже, и еще человек шестьдесят или семьдесят других подобных им людей разных национальностей и возрастов, не исключая даже негров и китайцев. Когда мы вошли сюда, в воздухе, пропитанном табачным дымом и спиртными напитками, стоял невообразимый шум, но, по команде капитана «Смирно!», все разом стихло. Четырехглазый поспешил подать всем нам стулья, а капитану — большое кресло и придвинул стол, выложив на него какие-то бумаги и маленький деревянный молоток вроде тех, что употребляются председателями собраний. Капитан Блэк уселся в кресло против камина, мы же сели вокруг его стола.

— Ребята, теперь мы снова дома! Поздравляю вас с благополучным возвращением и предлагаю выпить вина по этому случаю! — Громко начал предводитель пиратов, обращаясь к почтенному собранию.

При этом мне невольно бросилось в глаза, что, войдя к этим людям, Блэк сразу принял грозный и свирепый вид, резко выкрикивал слова, когда говорил, и стучал молотком по столу.

На его предложение выпить вина все ответили единодушным криком одобрения, и несколько человек негров тотчас же внесли целые ящики шампанского, которое рекой полилось во всех концах зала. Выждав, когда все опорожнили свои кружки, Блэк продолжал:

— Теперь я полагаю, что первым делом мы должны свести наши счета. Мы славно поработали прошлый месяц, и на долю каждого из вас приходится по двести пятьдесят фунтов, которые вы получите, когда мы в следующий раз придем в Нью-Йорк. Так выходит по моему расчету. Если же кто из вас сомневается в точности его, то пусть справится с этими цифрами! — И он указал рукой на бумаги.

В ответ снова раздались крики одобрения.

— Теперь скажу вам, ребята, что нам придется си-

деть без дела некоторое время, о чем я так же сожалею, как и каждый из вас. Но капитан американского крейсера поднял на ноги всю Европу. Это меня, конечно, не беспокоит, но сражаться — не наше дело: мы охотимся только за долларами, а потому нам придется посидеть смирно до весны. Не имеет ли кто из вас возразить что-нибудь против этого?

Тон капитана звучал при этом так внушительно-угрожающе, что никто не осмелился сказать что-либо, после чего Блэк продолжал еще более грозно:

— Теперь я имею сказать вам еще кое-что: двое из вас отказались стоять двойную вахту после того, как мы оставили американский крейсер. Пусть эти двое выйдут вперед!

Почти сразу же поднялся со своего места и подошел к столу небольшого роста смуглый человек с русой бородой, очевидно русский.

— Где же Давид Скиннер? — спросил капитан спокойным, но грозным тоном.

— Он спит там, в углу! — отозвался кто-то.

— Растолкать его! — приказал капитан.

Приказание было немедленно исполнено, и спустя минуты две рослый, плечистый американец Скиннер, протирая глаза и бормоча что-то сквозь зубы, подошел к столу.

— Ребята, — начал совершенно спокойно капитан, обращаясь к двум вызванным пиратам, — вы осмелились не исполнить мой приказ, да еще в такой момент, когда я и ваши товарищи рисковали жизнью, причем каждый из вас взваливал вину на другого. Но я не стану разбираться с вами, однако не могу также идти и против того, что записано в нашем уставе, как и вы не можете идти против этого. А потому решите это дело между собой — один из вас останется жив! Джон, дай им ножи!

Без малейшего возражения оба пирата сбросили с себя рубахи и остались обнаженными до пояса. Им дали по большому ножу, остальные присутствующие оставили свои игры и вино и столпились тесным кольцом, образуя арену для борцов. Теперь я понял, что означали эти слова: «Один из вас останется жив» — эти люди должны были драться на жизнь и смерть.

Условия были далеко не равны. Русский, которого, как я успел уловить из слов толпы, звали Товодский,

или Тов, был тщедушный, небольшого роста парень, тогда как американец Скиннер, несомненно, отличался недюжинной силой и геркулесовым сложением, причем был больше чем на голову выше своего противника.

Теперь они стояли друг против друга и глаза их метали молнии. Они более походили на двух хищных тигров, готовившихся растерзать друг друга, чем на людей. Первым нанес удар Скиннер, стараясь вонзить свой нож в горло противника. Но тот проворно нагнулся и, проскользнув между ног американца, нанес ему удар в спину, после чего оба схватились и повалились на пол, испуская ужасные проклятия и ругательства.

Спустя минуту Скиннер, несмотря на свою рану, вскочил на ноги и набросился на противника, но тот снова пригнулся. На этот раз, однако, нож пропорол ему плечо — кровь брызнула струей. Он громко взвыл от боли и, как бешеный, стал бегать, а Скиннер — гоняться за ним.

Вскоре оба выбились из сил и остановились, как вкопанные, тяжело дыша, как загнанные лошади. Им дали выпить водки, и это несколько восстановило их силы. Вскоре они снова сцепились: каждый схватил правую руку своего противника и держал ее, не давая возможности действовать ею. Однако Скиннер, бывший вдвое сильнее, вскоре согнул руку Товодского и стал ею же наносить своему противнику его собственным ножом удар за ударом прямо в грудь, пока вся грудь русского не превратилась в сплошную рану. Всем казалось, что несчастный начинает уже заметно ослабевать и умрет тут же на месте, как вдруг невероятным усилием ему удалось вырваться из рук американца.

Взвыв, как дикий зверь, он устремился на своего врага и со всей силы вонзил ему свой длинный нож по самую рукоятку в бок. Удар был до того силен, что клинок обломился и остался в ране. Скиннер весь вытянулся с печатью смерти на лице, но жажда мщения придала ему на мгновение силы. Его противник был теперь безоружен. Он это заметил и бросился на него со своим ножом.

Товодский, прорвав круг зрителей, стал метаться по кругу, как сумасшедший. Скиннер же преследовал его с ножом, скрежеща зубами и крича от боли. Кровавая

пена выступила у него на губах, но противник его все уворачивался.

Наконец русскому удалось добраться до двери. Скиннер почти уже нагонял его, бедняга рванулся вперед и упал поперек порога.

Но в этот момент и Скиннер вдруг остановился, точно его кто-то схватил сзади, кинул свой нож в русского и промахнулся, так как глаза его уже ничего не видели, пошатнулся и упал, как подкошенный, с тихим стоном. Он был мертв.

Присутствующие с громкими криками бросились за Товодским, но, когда его подняли, и тот оказался уже мертвым. Его втащили в зал и положили рядом с его противником.

Эта страшная драма, однако, не произвела особого впечатления на пиратов: они кричали, громко спорили и ругались, как торговки на рынке. Шум и гам смолк только тогда, когда раздался голос капитана:

— Эй вы, уберите их кто-нибудь туда, в верхнюю пещеру! Пусть поостынут! Да положите их рядом! — грубо и резко проговорил он.

Приказание было немедленно исполнено. Одновременно с этим некоторые притащили ведро с водой и швабры и стали отмывать следы крови на полу.

Капитан Блэк, между тем, снова обратился к своей команде таким тоном, как будто ровно ничего не случилось:

— Прежде чем пожелать вам, ребята, спокойной ночи, я должен сказать, что среди нас есть одно постороннее лицо. Но оно останется здесь с нами. Это мой гость!

— Он присоединился к нам? — спросил янки с бесцветными глазами, с любопытством смотревший на меня.

— Это мое дело! А ты держи язык за зубами, если не хочешь, чтобы я приказал тебе вырвать его! — оборвал его капитан. — Со временем он станет нашим!

— Это против правил! — пробормотал Ревущий Джон, поддерживая товарищей, из которых некоторые были недовольны таким отступлением от правил.

— Против чего?! — крикнул Блэк громовым голосом, изо всей мочи ударив кулаком по столу и обернувшись лицом к говорившему.

— Один из его людей раздробил мне челюсть, и

я расквитаюсь с ним за это! Будьте спокойны! Вы тоже не имеете права идти против того, что записано в уставе, как и мы! — продолжал настаивать разбойник.

Блэк побледнел от бешенства, но сдержался.

— Ты, может быть, прав, — проговорил он небрежно, — действительно, у нас было решено, что ни один посторонний не может оставаться здесь, если он не станет нашим, ни один, кроме тех, там, в шахтах. Но у меня на этот раз есть свои планы, и, когда придет время, я сообщу их вам. Теперь же еще не время. А если кто-либо осмелится указывать мне, что делать, так пусть он выйдет вперед. Я с ним поговорю. Ну, может быть, ты, Джон, думаешь меня учить?

Но этот грозный вызов сбил всю спесь с Ревущего Джона, он смолк и смотрел в сторону. Только когда мы выходили, за спиной у нас послышался глухой ропот. Но это нимало не смутило меня.

Я видел, что Блэк тут хозяин и что под его защитой мне нечего опасаться.

Выйдя из казармы, мы вернулись втроем — капитан, доктор и я — наверх, в широкий коридор, куда выходили замеченные мною спальни, и здесь, у дверей одной из них, Блэк пожелал мне спокойной ночи, а доктор проводил в предназначенное для меня помещение — прекрасную комнату, высеченную в скале, как все остальные, с окном, выходящим на море, с мягкими коврами и дорогой мебелью. Убедившись, что я найду здесь все для меня необходимое, доктор простился со мной, но в дверях на минуту остановился и сказал:

— Вы родились под счастливой звездой! Вы — первый человек, которого Блэк пощадил хотя бы на один только час, а вам он дает время одуматься!

XVI

МЕСТО СМЕРТИ

На следующее утро я проснулся довольно поздно. Солнце светило прямо в окно. Старый негр явился по обыкновению доложить, что ванна готова, и провел меня по коридору в роскошную ванную, где был большой бассейн для плавания, мягкие диваны, ковры и потолок с куполом в восточном стиле. К завтраку ко мне

пришел доктор, как обычно, очень веселый и разговорчивый.

— Капитан просит передать вам свой привет,— проговорил он, входя и садясь подле меня к столу,— он поручил мне узнать, хорошо ли вы спали. Между нами говоря, он сам не любит таких сцен, какую мы с вами видели вчера. Но что прикажете делать?! Если мы не будем поддерживать дисциплину, то они всем нам завтра же перережут горло. Вы понимаете, что этих людей возмущает исключение, сделанное в вашу пользу, и я сильно опасюсь, что могут начаться беспорядки, если только вы не согласитесь на предложение Блэка.

— Простите, я не совсем понимаю вас,— ответил я,— о каком исключении и каком предложении идет речь?

— Сейчас объясню. Капитан Блэк привозил сюда человек тридцать-сорок джентльменов англичан лучших аристократических фамилий, и ни один из них не оставался жив более суток после своего прибытия в наш скалистый дворец. Что же касается предложения, то вам должно быть ясно, что мы никого не можем допустить пользоваться нашими преимуществами и разделять с нами все блага жизни, если он не будет разделять вместе с нами и наших трудов, и опасностей. Иначе говоря, придет время, когда вам или придется подписать наш уговор, как это сделал я и все наши товарищи, и, как я полагаю, сделаете и вы, или же... Но мы лучше не будем говорить об этом: вы и сами должны понять, что вас ожидает тогда!

— Все это теперь совершенно ясно для меня, и я могу хоть сейчас сообщить вам мое решение!

— Бога ради, не спешите и не волнуйтесь: это вредно для пищеварения! Могу вас уверить, что Блэк не торопит вас, не требует от вас немедленного решения. Почему он это делает, я, право, не могу понять. Во всяком случае, спешить вам ни к чему! Не желаете ли прогуляться и ознакомиться поближе с этим местом? Солнце так и манит на улицу! Закуривайте сигару и пойдемте!

Возможность осмотреть пристанище пиратов чрезвычайно радовала меня, и я охотно согласился на предложение доктора Осбарта, как звали доктора, сообщника капитана Блэка. Спустившись по тому же скату скалы, как вчера, мы вышли на берег озера. Команда

капитана Блэка занималась разгрузкой железного парохода, на котором прибыл я сюда. Когда мы проходили мимо, пираты провожали меня не очень дружелюбными взглядами. Пройдя по берегу залива, мы обогнули скалу и по пологому зеленому скату стали взбираться на вершину. Воздух был свежий и живительный, дышалось как-то особенно легко и свободно. Вид отсюда открывался великолепный. Я совершенно забыл обо всем. Вдруг доктор коснулся моего плеча и указал в сторону первой пещеры, где я увидел пришвартованное к боковой скале знаменитое безымянное судно.

— Вот она, наша гордость, оружие нашей власти и могущества! — восторженно воскликнул он. — Разве оно не великолепно?! Не лучше всякого другого когда-либо существовавшего судна?! Есть ли где-либо в мире другое ему подобное? Без него мы были бы жалки и беспомощны, как дети, были бы жертвой нищеты, законов и общества, а с ним мы смело попираем их и гордо шлем вызов целому свету! Что же тут удивительного, что мы любим это судно, как дорогое, живое существо?!

Он говорил так искренне, так горячо, словно фанатик или влюбленный. И действительно, ничего более прекрасного, как по красоте линий, так и по блеску драгоценного металла, я никогда не видел. Даже на меня это судно производило чарующее впечатление.

— Оно сделано из высшего качества фосфористой бронзы, — продолжал, между тем, доктор, — лучшего материала для постройки судна не существует и не может существовать. Но зато оно стоит миллионы, и только Блэк мог осуществить такой сказочный сон, как наше судно!

Я слушал, а между тем мой взор устремился на синевший вдали Атлантический океан, и мысли мои уносились далеко-далеко, к Родрику и Мэри, напоминая о том, как мало у меня надежды когда-либо увидеть их. А доктор все не спускал глаз с золотого судна.

— Смотрите, — говорил он, — видите, мы нагружаем его углем, хотя оно может обходиться и без него, — оно отапливается газом. Капитан Блэк избрал своим убежищем Гренландию именно потому, что это единственная почти не населенная страна, где можно добывать уголь. Правда, он несколько низшего качества, чем антрацит, который мы привыкли употре-

блять, тем не менее и он является весьма драгоценным, когда другого добыть нельзя. Мы загружаем судно на всякий случай, если вдруг капитан решит выйти в море до окончания этой зимы. Это, конечно, будет главным образом зависеть от наших друзей в Европе: мы их попугали, пусть же поуспокоятся немного!

— А кто у вас работает в угольных шахтах? — спросил я.

— Наши гости, — усмехнулся доктор, — честные английские моряки, суда которых погибали на полпути от места назначения. Мы предложили им на выбор — работать в рудниках или же жить свободно среди льдов и снегов.

— Но как они могут жить при таких условиях?

— Жить? — усмехнулся доктор. — Да они и мрут как мухи!

— Я, как вижу, попал в шайку самых отъявленных мерзавцев и негодяев! — воскликнул я, возмущенный до глубины души.

— Почему не сказать «в содом настоящих дьяволов»? — спокойно, с прежней усмешкой заметил доктор. — Это было бы приличнее. Но вы все забываете, что сами явились сюда непрошеным, и теперь вам волей-неволей приходится оставаться с нами.

При этом он рассмеялся так цинично, что я не выдержал и с нескрываемым презрением отвернулся от него.

Осбарт как будто прочел мою мысль на лице, когда я, глядя на далекий океан, всей душой призывал свободу, зная, что только оттуда и могла она прийти ко мне. Он ласково взял меня под руку и сказал мягким, успокаивающим тоном:

— Не будем разбирать нравственность друг друга. Нам надо еще многое осмотреть, а вы, вероятно, скоро проголодаетесь, и нам надо будет вернуться домой. Я хочу показать вам теперь только одно место, наше кладбище.

Это не особенно улыбалось мне, тем не менее я последовал за ним к той части маленького залива или бухты, на которую выходил скалистый дворец. Это была сторона, противоположная той, куда выходили окна моей спальни. Мы поднялись на самую вершину скалы, затем по большим, грубо высеченным в скале уступам стали спускаться по лицевому скату. Достигнув одного

из ходов, мы вошли в него и очутились в узком, темном проходе, освещенном судовыми фонарями. Ход этот вел к одному из ледников, обращенных лицом к морю.

Перед нами вставала громадная стена из чистого, светлого льда, замыкавшая небольшую полужелезную пещеру, которой оканчивался ход и в которой мы стояли. Взглянув на встававшую перед нами в полумраке ледяную стену, я невольно вскрикнул от ужаса: во льду были вырублены углубления и все они были заняты трупами. Это были в основном матросы, в том виде, в каком их застала смерть. Лица их были обращены к нам, некоторые сохранили печать мирной кончины и спокойствия смерти на лице, другие, напротив, возбуждали ужас своими искаженными лицами. У некоторых выкатились глаза, другие оскалили зубы или протирали вперед сжатые кулаки. Ничего более ужасного, более страшного и потрясающего я не видел в своей жизни. Я боялся взглянуть на этих мертвецов, и вместе с тем что-то тянуло, что-то заставляло меня смотреть на них, точно какой-то магнит тянул к этой страшной ледяной стене. И эти мертвые лица, эти мертвые глаза, казалось, смотрели на меня со злобщей усмешкой. Мне начинало казаться, что это уже не мертвецы, а живые люди, страшные привидения. Очнувшись наконец, я заметил, что доктор Осбарт внимательно наблюдает за мной.

— Странное место, не правда ли? — сказал он. — Осмотрите же его хорошенько: как знать, может быть, когда-нибудь и вы будете здесь лежать!

— Боже упаси! — воскликнул я с ужасом.

— Почему же! Я лично предпочел бы лежать во льду, чем быть зарытым в землю. И заметьте, этот лед не составляет части того ледника, что громоздится позади: он отделен от главной массы стеной скал.

— Ужасное зрелище! — повторил я.

— Ужасное?.. Нет, почему же? Все это были наши друзья, наши товарищи. Я даже люблю навещать их, с ними как будто можно говорить, и, в сущности, как знать, быть может, они действительно слышат нас!

Эти слова доктора положительно поразили меня. Я с недоумением посмотрел на него. И только собиравшись было задать ему один вопрос, но он вдруг пришел в такое возбужденное состояние, стал выкрикивать

какие-то несвязные слова, плакать и хохотать, что я начал опасаться за его рассудок.

— Да, они слышат нас! Слышат! Все! Все! Дик, негодяй ты этакий, ведь ты же слышишь меня? Старый Джэк, проснись! Проснись, говорю тебе! Грим, ты убил многих на своем веку, ну-ка шевелись! Есть работка! Есть работка! — в иступлении кричал доктор, и лицо его было бледно и искажено до неузнаваемости, а голос раздавался под сводами пещеры, повторяясь глухим эхом по несколько раз.

Не сомневаясь более, что доктор Осбарт — помешанный, я, в ужасе от этого открытия, потащил его за собой из пещеры на солнце и свежий воздух. Но, когда мы очутились на берегу озера, силы оставили меня и я готов был заплакать, как дитя, безотчетно, беспричинно. Мои нервы были слишком возбуждены, и теперь наступила реакция. Однако вскоре свежий животельный воздух успокоительно подействовал и на меня, и на доктора, который теперь совершенно пришел в себя, но оставался рассеянным и молчаливым и расстался со мной у дверей моей комнаты, не сказав ни слова, кроме короткого: «Прощайте, всего хорошего!»

XVII

СТРАШНЫЕ МИНУТЫ

В продолжение нескольких последующих дней я не видел ни доктора Осбарта, ни капитана Блэка. Они как будто забыли обо мне. Но негр, по-прежнему прислуживавший мне, продолжал неустанно заботиться, чтобы я ни в чем не нуждался. Книг у меня тоже было много; гулять можно было где угодно. Пользуясь этим, я часами бродил по скалам и по зеленым луговинам, причем имел случай убедиться, что наш оазис был окружен со всех сторон непрерывным кольцом снежных гор, за которыми тянулись бесконечные снежные равнины, так что бежать по суше было совершенно немыслимо. За это время я раза два видел Четырехглазого и от него сумел получить несколько ответов на интересовавшие меня вопросы. Так, я узнал, что капитан поддерживает отношения с Европой посредством двух небольших винтовых пароходов, которые выдает за ки-

тобойные, что один из них отправлен в Англию за сведениями, а другой находится в данный момент у американских берегов, где забирает запасы для пиратской колонии.

— Беда, как мы теперь нуждаемся в них,— добавил старик,— ведь здесь без съестных припасов прямо собачьей смертью умрешь! Ребята и то уже ропщут, говорят: «Чего он здесь сидит? Чего он ждет, когда за нами пришлют из Европы и всех нас перевешают»? Да и относительно вас тоже большая смута: ребята у нас непокорные, в каждом из них по бесу сидит, да еще по какому!

— Да, зимовать здесь, должно быть, скучновато,— заметил я со вздохом.

— То-то и оно! Вы попали в самую точку, сэр! Делать здесь совсем нечего, и будь я капитаном, я не стал бы сидеть здесь, поджавши ноги, а вскочил бы да и убежал отсюда что есть мочи. Ведь нам и теперь уже припасов не хватает, так что завтра мы высадим пятьдесят человек рабочих на берег!

— Каких рабочих? На какой берег?

— Да вот тех, что работают в шахтах. Мы их просто выгоним на свободу, но бедняги все перемерут от голода и холода в этих снегах!

Я поспешил прервать под каким-то предлогом этот разговор, не будучи в силах совладать с охватившим меня волнением при мысли, что пятидесяти пленникам возвращена будет свобода, что я могу рассчитывать на пятьдесят союзников. Что, если бы удалось их вооружить и захватить врагов врасплох...— мелькнула у меня мысль. Конечно, необходимо достать оружие и стать во главе этой обездоленной толпы!

Это была безумная попытка, но утопающий хватается и за соломинку. Мы могли потребовать себе запасной маленький пароход, приказать снарядить его и уйти на нем отсюда, истребив этих негодяев.

Весь остаток дня я употребил на то, чтобы изучать весь берег и все строения в надежде отыскать склад оружия. Но, увы, все склады и кладовые были снабжены тяжелыми, обитыми железом дверями да еще заперты железными болтами и тяжелыми замками. Остальные строения были жилыми помещениями. Большой зал, где мы присутствовали на страшном поединке, я избегал, зная, что для меня это небезопасно и что ди-

кая орда настроена против меня. Усталый и обескураженный, вернулся я в свою комнату. Рассудок шептал мне, что всего лучше отказаться от безумного замысла, на удачу которого при таких условиях нельзя было рассчитывать, так как в нашем распоряжении не было ни одного револьвера или ружья. Вдруг мне вспомнилось, что я видел в кабинете капитана Блэка, в углу, козлы с десятком ружей. Если бы мне удалось завладеть ими да прихватить хоть несколько револьверов! Эта мысль преследовала меня весь день. Под вечер же, когда я уже совершенно истомился и сел за вечерний чай, принесенный мне по обыкновению старым негром, я спросил его, не знает ли он чего-нибудь о том, что должно произойти сегодня вечером. На это черный слуга ответил, широко оскалив свои большие белые зубы:

— О, господин, сегодня много будет крови, большая будет потеха!

— Что, они перережут или перебьют всех этих несчастных?

— Зачем, господин? Нет, их не будут резать. Но крови прольется много в отчаянной борьбе. Вот уже и началось! — добавил он.

Действительно, внизу прогремел первый ружейный выстрел. Негр вышел из комнаты, а я подошел к своему окну и стал смотреть вниз. Возмутительное зрелище представилось моим глазам: двадцать человек работавших в рудниках черных углекопов высадились на берег, другая шлюпка подвозила с безымянного судна еще партию, тоже человек двадцать. Но целая толпа пиратов, окружив несчастных, стала гнать их в направлении снежных холмов, где тех ожидала страшная смерть. В открытое окно моей комнаты доносились их крики и проклятия; я видел, как на них беспощадно сыпались удары и как побоище превратилось в настоящую битву. Пираты действовали рукоятками своих пистолетов, а бедняги углекопы отбивались пустыми руками и один за другим падали на землю. Исход такого побоища нетрудно было предвидеть: безоружные и сравнительно малочисленные рудокопы отступали шаг за шагом в глубь беспредельной снежной равнины. Но теперь уже рассвирепевшие пираты стали стрелять по несчастным. Труп за трупом катился со скалистого берега вниз к воде. Уцелевшие же углекопы, охваченные паниче-

ским ужасом, бежали вверх по ледяному скату снеговых холмов на верную гибель и смерть.

Когда все стихло, я закрыл свое окно и упал в кресло, не зная, что мне теперь делать. За все время ни доктор, ни капитан Блэк не показывались на берегу озера или залива. В скалистом дворце тоже ничто не шелохнулось, так что я начинал думать, что хозяин дома, вероятно, находился в отсутствии. Когда стемнело, я вышел в коридор и увидел, что дверь его комнаты открыта настежь и в комнате совершенно темно. Но я боялся решиться на попытку завладеть оружием, прежде чем успею убедиться, что все кругом спят. Я боялся только одного, что капитан, ложась спать, запирает дверь своей комнаты. Тогда, конечно, всякая надежда овладеть его коллекцией ружей и переправить их через залив несчастным была бы безвозвратно потеряна.

В семь часов вечера я пообедал, как всегда, а в восемь старый негр собрал со стола и пожелал мне спокойной ночи. Часа три я ходил взад и вперед по комнате, создавая в голове сотни планов атаки и выжидая удобного момента. Наконец часов в одиннадцать я осторожно открыл дверь своей комнаты и стал прислушиваться. В коридоре было все тихо. Большинство дверей было заперто, но дверь комнаты доктора была открыта, и в ней было темно. У меня родилось опасение, что он сидит у Блэка и они вместе совещаются о чем-нибудь. Оставив сапоги в своей комнате, я осторожно прокрался к дверям кабинета капитана, но и там царила темнота. Было ясно, что оба, и доктор, и капитан, ушли куда-нибудь и их не было дома. Я был вне себя от радости. Недолго думая, я вошел в кабинет и стал ощупью пробираться к тому месту, где заметил коллекцию ружей.

Сначала я наткнулся на какой-то столик или этажерку с мелкими вещичками и впотьмах опрокинул его — безделушки с шумом попадали на пол. Я остановился как вкопанный, ожидая, что будет. Но ничего не шелохнулось. Тогда, выждав некоторое время, я продолжал пробираться ощупью дальше. Дважды я обошел всю комнату, не найдя того, что мне было надо, но на третий раз совершенно неожиданно для себя набрел прямо на ружья и вздохнул с облегчением. «Наконец-то!» — подумал я. Вдруг тихий, сдержанный смех, раз-

давшийся у окна, ошеломил меня. Кто мог быть со мной в этой комнате? Кто следил за мной?

Загадка скоро разрешилась. В следующий момент электрический свет залил всю комнату, и я увидел капитана Блэка, спокойно сидевшего в кресле у своего письменного стола и смотревшего на меня с насмешливой, высокомерной усмешкой. Его смелый, пронизательный взгляд был направлен на меня и, казалось, проникал мне в самую душу. Я хотел что-то сказать, но слова застревали у меня в горле. Сотни самых разнообразных мыслей рождалось и умирало у меня в мозгу; в висках стучало, как молотом, и я стоял неподвижно под магнетическим взглядом капитана, как беззащитная жертва в когтях коршуна.

Так мы стояли и смотрели друг на друга в течение нескольких минут. Тут я заметил, что у Блэка лежит под рукой револьвер, а в правой руке он держит перо; перед ним лежали какие-то бумаги. Вероятно, он занимался ими в то время, когда я вышел из своей комнаты; услышал это и загасил свет. Он как будто читал мои мысли. Наконец, сжавшись надо мной, начальник пиратов перегнулся через стол и придвинул ко мне табурет, накрытый серебристой шкурой полярного медведя.

— Сядьте! — коротко проговорил он.

Я сел, глядя ему в лицо уже почти без страха, хотя мне было чрезвычайно унижительно, что он обращается со мной, как со школьником, пойманным на месте преступления в тот момент, когда он собирался сделать скверную шалость.

— Вы славный, лихой парень, мой милый, — начал Блэк, — и у вас появляются иногда блестящие мысли, но, как у всех молодых мальчиков, недостаточно продуманные. Когда вы станете постарше, то научитесь быть осмотрительнее. В ваши годы я сам был таким же; вы напоминаете мне щеночка, лающего на быка. Счастье ваше, что бык не сердится на вас, быть может, выжидая. Во всяком случае примите его совет и идите пока в свою будку.

Все это он проговорил шутливо, отнюдь не гневно, но слова его взбесили меня до того, что я с трудом мог удержаться, чтобы не ударить его тут же. Пират, заметив мое душевное состояние, с усмешкой продолжал:

— Глупый мальчик! Да, глупый, так как сунул го-

лову в капкан, приготовленный не для него, и впутавшийся в дело, вовсе его не касающееся. Не так ли?

Но я, собравшись с духом, ответил:

— Я пришел сюда, в эту комнату для того, чтобы прекратить ваше дьявольское дело, это убийство пятидесяти ни в чем не повинных людей!..

При этих словах пират вдруг пришел в неистовое бешенство; глаза его сверкали, как у помешанного или как у дикого хищника, почуявшего добычу:

— Кто поставил вас здесь судьей, глупый мальчишка?! — заревел он. — Кто разрешил вам следить за мной или высказывать ваше мнение относительно того, что я должен или не должен делать? Кто вас спрашивал, нравится ли вам или не нравится, дерзкий маленький змееныш? Право, я удивляюсь, что не задушил вас на месте и позволил кинуть себе в лицо такие слова!

Гнев пирата был поистине страшен: он весь дрожал и извивался в своем кресле, как раненный, но не обессиленный лев, могучий и грозный; на лбу его выступили крупные капли пота. Но прошла минута тяжелого молчания, и Блэк заговорил мягким, ласковым голосом:

— Не вынуждайте меня, милый мальчик, сделать то, чего я не хочу делать. Вы здесь, и изменить этого нельзя, и если вы хотите остаться живым, то держите язык за зубами. Вам нет никакого дела до этих людей: это ватага лентяев, от которых свет будет рад избавиться. Вы же молчите и спасайте свою собственную шкуру. Вы уже живете здесь несколько дней. Это первый случай, чтобы человек, не принявший наших предложений, оставался среди нас столько времени. Далее так продолжаться не может! Вы, конечно, понимаете, что кто со мной пирует, тот со мной и на виселице болтаться будет, и если я буду гореть в аду, то будут гореть и они вместе со мной. Вы пришли к нам, незванный и непрошенный, сами взяли за дело этой собаки Холля, который вбил первый гвоздь в свой гроб в ту ночь, когда прокрался ко мне в комнату в Специи. Я все видел, хотя он и думал, что усыпил меня. В ту ночь я обрек его на смерть и вас также, в тот вечер, когда вы явились ко мне в Париже. Но теперь у меня есть основания, по которым я хочу, готов изменить это намерение по отношению к вам. Но причин этих вы никогда не узнаете. У вас же нет никаких причин отказываться от клятвы разделить со мной и мое имущество, и мою власть,

и пить со мной одну чашу до конца, будь то виселица или пуля. Теперь я спрашиваю вас, согласны вы на это? Вы должны мне отвечать теперь же: «да» или «нет», без оговорок и колебаний. Решайте, хотите ли вы утопать в роскоши и богатстве, как все мои сообщники, или лежать там, во льду, как те, другие. Вот наши бумаги! Или вы подпишете их и станете одним из нас, или не пройдет часа, как ваш труп будет лежать там, где так много трупов!

С этими словами Блэк, перегнувшись через стол, передал мне бумаги с явным намерением, чтобы я прочел их. Но в глазах у меня рябило, я не видел ничего перед собой, в моей голове с быстротой вихря проносились обрывки мыслей и воспоминаний, как у человека, приговоренного к смерти. Страх смерти спирал мне дыхание в груди, в моей памяти вставали родные, друзья, Родрик, Мэри и Мартин Холль, тень которого теперь неотступно стояла передо мной и, казалось, заклинала меня не поддаваться увещаниям Блэка, рука его, казалось, вынимала перо у меня из рук. Между тем Блэк, наклонившись вперед, следил за мной с напряженным вниманием во взгляде и чем-то угрожающим в самой его позе, но не проронил ни слова. Наконец я, подняв голову от документов, взглянул ему прямо в лицо тем же упорным, испытующим взглядом, каким и он смотрел на меня. С его лица мой взгляд скользнул к его правой руке, державшей револьвер, и вдруг у меня мелькнула мысль, последняя отчаянная мысль человека, прижатого к стене и схваченного за горло.

— Дайте мне перо! — вдруг сказал я твердо и решительно, встав со своего места и наклоняясь над столом.

Капитан подал мне перо и откинулся на спинку своего кресла с выражением полного удовольствия на лице. Но в этот момент я схватил револьвер со стола и навел дуло прямо на него:

— Если вы только шевельнете пальцем, я убью вас как собаку! — воскликнул я.

Пират не был трусом, он продолжал сидеть неподвижно все в той же позе, и хотя я видел, что выражение ужаса мелькнуло на его лице, но он ни одним движением не выдал себя, лицо его казалось точно высеченным из мрамора. Я держал дуло пистолета, направлен-

ное на него, и потому продолжал уже с большей уверенностью:

— Если только вы подадите голос, чтобы позвать кого-нибудь, или кто-либо явится сюда, вы умрете тут же, на месте!

Он выслушал меня, по-видимому, совершенно спокойно и затем спросил самым невозмутимым, самым обычным тоном:

— Вы, милый мой мальчик, первый человек, укротивший Блэка!

— Я готов вам поверить, но берегитесь, вы сейчас шевельнули рукой,— продолжал я.

— Я попался, как крыса в ловушку! Что вы хотите от меня, говорите.

— Прежде всего я требую себе жизни, несмотря на то, что отказываюсь подписать ваши бумаги. Слышите?

— Да, вы вправе этого требовать теперь, но я-то не знаю, в моей ли власти обещать вам это!

— Вполне уверен, что в вашей власти! Вы можете приказать и потребовать, чтобы ни один человек не посмел дотронуться до меня пальцем, и вы это сделаете!

Он с минуту подумал, глядя прямо в дуло пистолета, затем сказал:

— Другого выхода у меня нет, и поэтому я обещаю это!

— Кроме того, вы должны обещать мне свободу при первом же удобном случае!

— Нет, этого-то уж я обещать не могу!— проговорил Блэк медленно и угрюмо.— Этого вам не мог бы обещать даже сам дьявол: ведь они разорвут меня на части, поймите!

Не подлежало сомнению, что он говорил правду, и я сообразил, что все равно ничего бы не выиграл, если бы стал настаивать на этом пункте. Он мог только умереть, но спасти меня при таких условиях, то есть вернуть мне свободу, было не в его власти. Поняв это, я положил револьвер обратно на стол и протянул ему руку. Пират ухватился за нее и сжал с такой силой, с таким жаром, что мне даже было больно. Между тем он, притянув меня ближе к свету, стал всматриваться в мое лицо с тем самым странным выражением, которое я за-

метил у него в тот раз, когда впервые вошел в эту самую комнату.

— Вы — чудный, славный мальчик! — проговорил он. — Жмите мою руку, пожмите ее от души, крепче, не бойтесь, мне небольно, прелесть вы моя!..

Не знаю, что еще сказал бы мне в этом порыве нежности и восхищения этот странный человек, если бы наше внимание не было привлечено звуками быстро следовавших один за другим выстрелов, доносившихся снизу, с берега.

При первом выстреле пират выпустил мою руку и подошел к окну. Отсюда нам был виден весь залив, освещенный серебристым светом полного месяца. Там, на снегу, виднелась голодная толпа доведенных до отчаяния людей, кричавших и требовавших хлеба за свой дневной труд. Но на их просьбы отвечали выстрелы, и яркие пятна крови окрасили девственную белизну снега. Многие из этих несчастных падали мертвыми на снег, а из-за холмов доносились душераздирающие крики голодных, моливших о пощаде, крики слабых и беспомощных, попираемых ногами сильных, не знавших ни Бога, ни совести. Это были последние крики погибающих людей, вопли сильных мужчин в момент страшной агонии.

Я напрасно затыкал уши, закрывал глаза: страшная картина бесчеловечных убийств и душераздирающая мольба о пощаде стояли у меня перед глазами. Я не мог больше выдержать и воскликнул:

— Бога ради! Помогите этим людям, спасите их, если в вас есть хоть искра человеческого чувства, хоть что-нибудь, кроме кровожадных инстинктов дикого зверя!

Пират только пожал плечами.

— Что могу я сделать?

— Остановить это дьявольское дело, это избиение беззащитных, безоружных людей и дать им хлеба, как я сейчас подарил вам жизнь!

С минуту он молчал, и я видел, что в нем происходила борьба прежних инстинктов и каких-то новых порывов и стремлений. Но он не дал мне ответа, а только взял из ящика нарезной пистолет и сказал мне:

— Возьмите этот пистолет и пойдемте. Не думайте, однако, что сделать это так просто, как выпить стакан воды. Это будет стоить крови!

Я последовал за ним вниз, на берег, где он издал громкий, пронзительный свист своим судовым свистком.

— Это разбудит тех, кто там, на судне,— пояснил он.— Этих же я не боюсь. Но во всяком случае дело не обойдется без боя. А вы держитесь позади меня и не подавайте признаков жизни, пока не появится потребность,— быстро проговорил он и, выступив вперед, командовал: — Эй, ребята, Джон, Дик и остальные, расходитесь по казармам! Слышите? Живей, не то я сумею вас заставить поворачиваться!

Пираты в недоумении один за другим опустили оружие, не веря своим ушам. Между тем капитан Блэк продолжал:

— На сегодня довольно! Я не хочу, чтобы мне мешали спать всю ночь этой проклятой пальбой. Дело не уйдет, можно добить остальных и завтра. Что, сна у вас, что ли, нет, ночные крысы вы такие? Расходитесь по казармам!

И все разбойники стали медленно сходиться к нему с видом провинившихся школьников, а он загонял их в общую казарму шутливой руганью и ловкими, меткими поговорками. Я незаметно подобрался к нему. Но тут один рослый американец, заметив меня, закричал:

— Что же ты, капитан, нянчишься с этим парнем? Уж видно больно он полюбился тебе!

— Закрой свою пасть, не то я сам тебе ее закрою! — закричал на него Блэк.— Какое тебе дело до него?

— Всем нам дело, полагаю, и мы желаем знать, подписал он наши условия или нет!

Блэк вскипел было, но сдержал себя, и только грозный, рычащий голос обличал его бешенство, когда он ответил со странным, зловещим спокойствием:

— А-а, вы хотите знать, в самом деле? Кто же из вас? Кто смеет так интересоваться моими личными делами?

Пиратов стояла кучка человек тридцать или сорок. При последних словах капитана они сплотились теснее. Капитан продолжал:

— Пусть те, кто недоволен, выступят вперед! — повелительно и строго прозвучал его голос, и глаза его смело взглянули на тесную группу недовольных.

Из толпы выступили только четверо, встав подле зачинщика американца. Тогда в одно мгновение, пре-

жде чем я успел понять, что случилось, Блэк вырвал у меня револьвер из рук и выпустил четыре заряда один за другим, не останавливаясь,— и четыре человека, как громом пораженные, упали замертво, но американец остался невредим.

Этот поступок, по-видимому, нагнал ужас на остальных пиратов. Они стояли неподвижно, точно окаменев от ярости. Но прошла минута, и вся толпа с бешенством устремилась на нас. Янки выстрелил в Блэка почти в упор. Я думал, что все уже кончено, как вдруг со стороны озера раздался громкий крик. Обернувшись, я увидел доктора Осбарта в шляпке, на носу которой находилось небольшое скорострельное орудие.

— Очистить берег! — в бешенстве прогремел Блэк и сам кинулся плашмя на землю; я последовал его примеру. В тот же момент раздался выстрел картечью, и большинство пиратов с криком упали на землю. Целые ручьи крови тонкими струйками стали сбегать с каменного берега в воду.

Победа была ужасна и моментальна. Когда же уцелевшие пираты бросились бежать в направлении снежных холмов, Блэк окликнул их.

— Назад, подлые трусы! Не то всех вас заporю до смерти! Эй вы, кто хочет спасти свою шкуру — пусть сейчас же вернется сюда!

Послушные разбойники, точно укрощенные тигры, стали медленно возвращаться. До тридцати человек их товарищей лежали теперь мертвыми и ранеными на холодных камнях берега, да многие и из тех, что остались в живых, тоже были задеты.

— Где ваш зачинщик? — спросил Блэк строго и спокойно.

Американец лежал, истекая кровью из раны в верхней части бедра, и не мог шевельнуться.

— Это он, не так ли? — продолжал взбешенный до последней степени капитан. — Негодяя царапнуло! Хорошо, я разом вылечу его! Принесите, ребята, факелы, пусть он поостынет во льду!

Весь он дрожал от бешенства и гнева. Но даже принимая это во внимание, я положительно не мог сообразить, что означало его распоряжение, и спросил:

— Что вы намерены сделать с этим человеком?

— Что я намерен сделать с ним? — вскричал Блэк,

не сознавая даже, кто его спрашивает.— Я хочу зарыть, похоронить его! Вот что я сделаю с ним!

Страшно было видеть, как люди, только что восставшие против него, теперь вдруг превратились в жалких, послушных рабов. Все они присмирели; кругом царили полнейшая, мертвая тишина и безмолвие. Даже стоявшие в этой схватке за капитана со страхом следили за грозным проявлением гнева своего могучего властелина. Между тем скоро принесли заступы и лопаты на снежную поляну у подножия первых холмов и принялись рыть яму. Что же касается американца, то он сидел на холодном камне берега и стонал от боли, причиняемой ему раной, но не просил пощады, хотя отлично знал, что его ожидает. Напротив, охваченный бешенством, он стал потрясать кулаком, грозить всем окружающим и Блэку, который молча и, по-видимому, с довольным видом слушал его, довольный тем, что вызвал в нем этот бессильный гнев. И чем громче и сильнее раздавались проклятия несчастного, тем самодовольнее улыбалось лицо капитана.

— Обоим нам придется умереть,—проговорил наконец американец, как будто успокоившись после бесчисленных диких проклятий.— И тебе, и мне, Блэк, и обоим нам не на что надеяться. Но если существует справедливый Бог, то я знаю, что этот год он скостит с моего счета и приложит к твоему, или же нет вовсе ни ада, ни вечного правосудия, и все, во что верят моряки,— одна ложь, ложь, как и каждое твое слово, как и все, что касается твоего проклятого судна! Делай свое дьявольское дело, зарывай меня—я теперь не могу противиться, но знай, что я восстану против тебя и что придет день и час, когда ты будешь рад отдать свой последний грош, чтобы вырыть меня из могилы и вернуть снова к жизни!

Но и эта короткая речь так же мало тронула Блэка, как и безумные, страшные проклятия несчастного. Мне стало вдруг ужасно жаль этого приговоренного к смерти человека, и я осмелился дотронуться до руки Блэка и готов был уже просить его о помиловании. Но при виде меня Блэк замахнулся кулаком—и я отошел в сторону, заметив по глазам, что он находился в состоянии полной невменяемости или безумия. Он стоял с пеной у рта, бормоча какие-то несвязные слова, сжимая до боли свои руки, сбросив шапку на землю,

с крупными каплями пота на высоком загорелом лбу. Ему казалось, что дело продвигалось слишком медленно, хотя люди работали не покладая рук, не разгибая спины, работали с лихорадочной поспешностью. Но он все торопил их, и чем дальше, тем больше.

Это была потрясающе дикая, страшная картина. В тихую ночь, среди беспредельной снежной равнины, люди, подобно черным муравьям, копошились на земле, роя могилу для живого человека. Ясный, полный месяц смотрел с безоблачных небес на это страшное дело. Кругом все точно вымерло — никто не проронил ни слова, ни малейшего звука не доносилось ниоткуда. Я, стоя вдаль, также молча смотрел, точно какая-то дьявольская сила влекла меня туда, где совершалось это чудовищное преступление. Я видел, как несчастную жертву докатили до ямы и столкнули в могилу, видел, как стали проворно заваливать яму снегом. Сама жертва безмолвно следила за их работой, как бы окаменев от ужаса, но когда только голова осталась еще не зарытой, из груди пирата вырвался страшный предсмертный крик, крик мучительной агонии, последний вопль человека, расстающегося с жизнью. Крик этот разбудил дальнейшее эхо, и долго-долго звучало оно в тихом, морозном воздухе.

Когда страшная работа была окончена, люди медленно побрели к берегу, не подымая головы и волоча ноги, точно налитые свинцом. Только капитан Блэк не мог расстаться с этим страшным местом. С обнаженной головой он стоял один над снежной могилой и смотрел на этот снежный холм, уже засверкавший ледяными кристалликами мороза. Вдруг из-за дальних холмов раздался громкий, страшный крик, какой-то душераздирающий вопль другого человека, расстающегося с жизнью,— и этот вопль также был подхвачен эхом и повторен им по всем ущельям, крик, полный горя, муки и жгучего отчаяния. Я понял, что это был крик одного из несчастных углекопов, оплакивающего своего друга или брата. Он как будто пробудил Блэка: тот вздрогнул, зубы у него стучали и, весь дрожа, как в лихорадке, он крупными шагами направился от могилы к берегу, не глядя по сторонам, не проронив ни слова.

XVIII

Я ПОКИДАЮ ЦАРСТВО ЛЬДОВ

На следующий день перед закатом солнца ко мне пришел доктор Осбарт с важной новостью.

— Все эти волнения умов и тревожное настроение людей совершенно изменили наши первоначальные планы,— проговорил он.— Блэк рассчитывал пробыть здесь всю зиму, чтобы дать окончательно успокоиться всем неблагоприятным для нас толкам, появившимся в Европе и Америке. Но теперь это становится невозможным, так как до тех пор, пока экипаж будет сидеть без дела в этой глуши, мы не будем иметь ни минуты покоя. Единственное средство заставить их перестать бунтовать — дать им дело и надежду на наживу. Как только мы выйдем в море, вы увидите, что ни о каких смутах и беспорядках и помину не будет; здесь же эти люди скучают от безделья. Блэк, отлично понимая это, решил сняться с якоря сегодня ночью. Он намерен взять с собой тех углекопов, что были выгнаны вчера из шахт и остались еще в живых, чтобы заменить ими людей, убитых во время усмирения бунта. Со своей стороны я чрезвычайно рад этому отъезду, так как, наверное, повесился бы с тоски, если бы мне пришлось зимовать здесь до весны. Полагаю, что и вы будете не прочь переменить место, но, конечно, это возможно только на известных условиях!

— Я не буду подписывать ваши бумаги,— горячо воскликнул я,— и уже заявил об этом Блэку, а потому нет никакой надобности снова приставать ко мне с этим вопросом!

— Вы, по обыкновению, слишком спешите, мистер Стронг,— заметил с улыбкой доктор,— о бумагах мы успеем поговорить с вами, когда я принесу их вам, а не теперь...

— Так чего же вы от меня требуете? — спросил я, ожидая, что мне будет предъявлено такое требование, от которого я должен буду отказаться.

— Только следующего,— продолжал спокойно доктор,— капитан Блэк желает, чтобы вы дали ему свое честное слово, как порядочный человек, что если он возьмет вас с собой на судно, без чего вы через двое суток умрете здесь с голода, то вы не сделаете ни малейшей попытки покинуть судно без его разрешения и ни под

каким видом или предложением не будете стараться сбегать. Дальше: что бы вы ни видели здесь, вы не будете выражать ни вашего неудовольствия, ни вашего неодобрения до тех пор, пока будете находиться с нами на судне. Кроме того, вы должны обещать, что не будете вступать в разговоры с членами экипажа и не будете вмешиваться в их дела, что бы это ни было. Эти условия вы обязуетесь исполнять не только по букве договора, но и по духу. Если вы дадите мне теперь же ваше честное слово в том, что будете исполнять все, что от вас требует Блэк, то можете теперь же начать укладывать свой чемодан и без дальнейших хлопот отправляться на судно. Но при этом не хочу от вас скрывать, что если вы намерены обмануть нас, то лучше оставайтесь здесь, так как малейший обман может вам стоить жизни!

В одну секунду я оценил и предложение доктора, и свое положение в случае отказа с моей стороны. У меня появился только вопрос: не будет ли мое присутствие на судне являться как бы безмолвным одобрением его образа действий, но я ответил на него отрицательно. В то же время я сознавал, что если мы попадем в европейские или американские воды, то у меня во всяком случае будет шанс попасть в руки тех людей, которые теперь ищут меня, или же в руки каких-нибудь врагов Блэка, которые, конечно, возвратят мне свободу.

— Так вы согласны дать эти обещания Блэку? — спросил меня доктор, все время внимательно следивший за мной.

— Да, согласен!

— Значит, я могу передать капитану, что вы дадите ему ваше честное слово исполнять все его требования и что он может положиться на ваше слово, как на слово вполне порядочного и честного человека?

— Да, конечно!

— Ну, в таком случае начинайте укладывать свои вещи. Впрочем, я забыл, что у вас нет чемодана. Я одолжу вам один из своих! Я знаю, что пока у вас не очень много вещей. Но это не беда: как только мы прибудем в Париж, капитан обо всем позаботится. Ведь вы, надеюсь, пока еще не намерены посещать увеселительные сады?

— Во всяком случае не так скоро! — рассмеялся я в ответ на его шутку, не менее его довольный тем, что вырвусь наконец из этой каменной тюрьмы и ледяного ада. — У меня действительно нет ни белья, ни денег, ни платья!

— О, все это до первой встречи с каким-нибудь судном. А тогда вы, наравне с остальными, получите свою долю. Да не делайте же такое страшное лицо, подождите, пока сами испытаете хоть раз это волнение, эту неравную борьбу одного судна против всех правительств Европы и Америки, пока испытаете радость торжества и победы над врагом, который грозил вам гибелью, — это сознание своей силы, своей непобедимости... Вы всего этого не знаете и потому не можете понять меня!

Я не стал ему возражать. Мне казалось грешно идти против такого слепого энтузиазма, с каким говорил о своем страшном деле этот человек, находивший себе как бы оправдание в этом горделивом увлечении своим судном. Мы прошли в его комнату, и здесь доктор старался наделить меня всем с невероятной щедростью.

В результате мой чемодан оказался так же полон, как его собственный, после чего мы оба спустились вниз, где у пристани нас ожидала шлюпка. Здесь мы застали Блэка, наблюдавшего за погрузкой тяжелых и больших тюков с товаром на винтовой пароход, также готовившийся к отплытию. Капитан только молча кивнул мне, когда я поздоровался с ним и сказал пару слов. Мне показалось, что он был очень расстроен и едва находил в себе силы быть резким и раздражительным, каким всегда старался казаться в присутствии своей команды. По-видимому, он сильно сомневался в благоразумии принятого им решения покинуть это ледяное убежище.

Когда старый негр спустился с последним багажом, Блэк сам запер на замок тяжелую дверь и, стоя на верхней площадке чугунной лестницы, окинул долгим взглядом окружающую ледовую пустыню и снежные холмы. Казалось, они были ему особенно дороги и милы, и, когда наконец он присоединился к нам и, сев в шлюпку, скомандовал «отчаливай», лицо его было не столько мрачно, сколько печально и озабоченно.

Гребцы дружно налегли на весла. И минуту спустя наша шлюпка, пройдя сквозь узкую щель между скалами, вышла в передний бассейн. Солнце садилось, вся поверхность залива была залита ярким светом заката. Блэк не спускал глаз с освещенного солнцем судна, стоявшего теперь на якоре в самой середине залива. За это время во внешнем виде безымянного судна произошли большие перемены, теперь это было совершенно белое судно: его верхняя рубка и башни были скрыты под белыми чехлами. Словом, повстречай я теперь это судно в открытом море, я бы не узнал его. По всему было видно, что оно готово сняться с якоря. Из трубы поднималась тонкая струйка дыма, свидетельствующая о том, что на этот раз пользуются углем вместо газа.

Мы взошли на палубу по трапу, и я увидел, что большинство жилых помещений находились в верхней рубке или на крытой палубе, вокруг главной дымовой трубы. Кроме того, на корме были еще помещения и каюты, в одной из которых помещался я, когда был на пути в таинственный каменный замок Блэка. На баке помещались исключительно только негры, так как белые пираты отказывались жить вместе с ними. Для этих привилегированных людей экипажа имелось прекрасное казарменное помещение в носовой части судна. Все это я, конечно, узнал впоследствии. Меня оставили совершенно одного на верхней палубе судна, откуда я мог свободно наблюдать за всем, что происходило внизу. Сами же пираты до того были заняты приготовлениями к отплытию, что никто и не вспомнил обо мне. Люди работали с удивительным усердием и охотой. Блэк, стоя на мостике в щегольском капитанском форменном платье с золотыми пуговицами и галунами, смотрелся теперь особенно молодцевато. Его удивительное самообладание, его знание морского дела и та любовь, с какой он относился к этому делу и к своему судну, невольно внушали к нему некоторое уважение, освещая его с выгодной стороны, и многое в нем становилось теперь мне понятно. К немалому моему удивлению, оказалось, что доктор Осбарт был не только главным врачом судна, но исполнял еще и обязанности младшего офицера, тогда как Четырехглазый был старшим офицером. Шотландец же Дик, присвоивший себе титул духовника, был не только превосходнейшим моряком,

но и выдающимся артиллеристом, на попечении которого лежала вся артиллерийская часть. Что же касается инженеров и механиков, то я первое время не встречал никого из них, но затем из машины вышел навстречу маленький человечек, худой и тощий, грязно одетый, в очках, с бледным, нервным, но чрезвычайно умным лицом, лицом великого ученого. Я с первого же взгляда принял его за немца и, как оказалось, не ошибся.

— Видите вы этого маленького человека? — спросил меня Осбарт, подходя. — Это гений нашего удивительного судна. Он глухонемой и никогда ни одного слова никто не слышал от него, но это гениальный изобретатель; он создал проект нашей машины, а Блэк дал ему возможность осуществить его замысел. Он со своими тремя сыновьями управляет машиной, зато ко всему остальному, кроме своей машины, относится с полным презрением и безучастием. Когда мы зарабатываем деньги, он отказывается от них; когда мы стоим в порту и съезжаем на берег, он неизменно остается в своей машине. Он первый додумался до применения газа в качестве топлива для паровых судов — в наших сигаровидных резервуарах заключается именно газ, три миллиона кубических футов газа под давлением двух или трех атмосфер. Ведь это замечательное открытие! Если бы не это гениальное изобретение Карла Реймея, нашего инженера, нас всех давно уже не было бы в живых. Теперь же, когда мы можем идти со скоростью тридцать узлов в час, нам не страшны никакие суда — ни один крейсер, ни одно линейное судно не в состоянии состязаться с нами!

Я молча слушал своего собеседника, и мне невольно приходило на ум, что это таинственное судно, при всем ужасе своего назначения, является вместе с тем воплощением великой ученой идеи.

— Завтра мы покажем вам еще больше и познакомим с нашим инженером, с этим маленьким оборванцем!

— То есть со мной? — вмешался в разговор Дик. — Видите, я совсем обносился, точно нищий!

— Не тужите, Дик, мы добудем для вас юбочку или кофтенку, как только вы будете приветствовать первое пассажирское судно! — шутливо отозвался доктор.

— Снимайся с якоря! — крикнул в это время Блэк, и его громовой голос прервал наш разговор. Он подал сигнал в машину, и та тотчас же заработала, мерно и медленно. Минуту спустя наше судно вышло в открытое море. Блэк обернулся и долго глядел в сторону снежной пустыни. Впереди чернел темный, высокий берег пустынной Гренландии, и мне казалось, что в этом долгом, грустном взгляде железного человека было нечто пророческое: он будто знал, что уже не увидит более этих мест, и мысленно говорил им свое последнее «прости».

XIX ВСТРЕЧА С КИТОБОЕМ

Мы обедали в большом зале на верхней палубе. Это была комната, отделанная с изысканной роскошью. Нам прислуживали два рослых негра; обед состоял из самых дорогих блюд и вин высшего качества. После обеда все перешли в смежную курительную комнату, убранную с чисто восточной роскошью. Сюда нам подали кофе с ликером, а Блэк угощал самыми дорогими сигарами. К большому моему удивлению, этот странный человек говорил при мне о своих намерениях не таясь и без малейшего стеснения, обращаясь за советом к доктору и спрашивая его мнения по поводу различных предположений.

— Мой план таков, — говорил Блэк, — как вы знаете, у нас чувствуется недостаток в масле, и наш Карл начинает беспокоиться за свою машину. Поэтому я решил свернуть шею двум-трем китобоям здесь, в этих водах, чтобы пополнить наши запасы, а затем, так как нас ищут в Атлантическом океане, мы пойдем к югу от Мадеры и поработаем на большой дороге торговых и пассажирских пароходов, отправляющихся в Рио-де-Жанейро или Буэнос-Айрес. Там есть чем поживиться, и пройдет добрый месяц, прежде чем догадуются искать нас в этих водах. А к этому времени мы успеем уйти отсюда. Все равно Европа уже знает о моей игре, пусть же она услышит о ней еще один раз. Пусть они только сунутся ко мне, я покажу им свои зубы! — продолжал Блэк. — Мы вышли в море, чтобы до-

быть денег и товаров, и добудем и то, и другое. Я строил это судно для борьбы, и мы идем на борьбу — одни против всех! Не так ли, доктор? Вы согласны со мной?

— Без сомнения! Кроме того, чем большим опасностям подвергаются наши люди, тем меньше они думают о беспорядках и заговорах!

— И я того же мнения! Дайте им только дело, работу, и они, поработав вволю, будут спать как убитые, не помышляя ни о чем. Но прежде всего мы заглянем на недельку в Париж. Что вы на это скажете, Дик? — обратился он к шотландцу.

Но не успел тот ответить, как в дверях показалась рослая фигура Четырехглазого, который лаконично промолвил: «Китобой по левому борту!»

— Предложите ему лечь в дрейф и дайте один выстрел из носового орудия, — распорядился Блэк, затем подозвал к себе Дика и передал ему свои приказания.

После этого все мы, то есть капитан, доктор и я, вышли в галерею, откуда и увидели при ярком свете луны прекрасное китобойное судно с полной оснасткой. Судно, по-видимому, возвращалось домой и, судя по внешнему виду, принадлежало датскому флоту.

Наши люди с привычной ловкостью и расторопностью, свидетельствовавшими о долголетнем навыке и знании дела, готовили шлюпку и спускали в нее пустые бочки, после чего шлюпку плавно спустили на воду. Одновременно с этим грянул выстрел из носового орудия — снаряд упал в воду под самым носом китобоя. Но встречное судно по первому требованию легло в дрейф и ожидало шлюпку.

— Джон, вы отправитесь к ним туда и купите весь жир, какой у них имеется! Слышите? Я сейчас принесу деньги из ящика!

При слове «купите» Джон, казалось, был крайне удивлен, но потом, как бы спохватившись, весело воскликнул:

— А, мы чистоганом заплатим им прикладами по голове, капитан! Валяй за мной, ребята, да прихватите свои ружья! — обратился он к команде. — Ну, конечно, мы уплатим им полностью!

— Ничего подобного вы не сделаете, я запре-

щаю! — загремел капитан. — За все, что вы возьмете у них, вы заплатите чистыми деньгами, все, до последней полушки! Слышите? А теперь заткните свои глотки и отправляйтесь туда! Беда тому, кто осмелится ослушаться моего приказа!

Не только Джон, но и все остальные недоумевали: что за странный каприз вдруг пришел капитану — покупать и платить деньги за то, что можно было взять без труда даром? Среди команды послышался ропот. Дик же, вернувшись назад, осмелился заметить, что это даже грешно, что лучше бы капитан приказал купить ему на эти деньги сотню кирпичей на постройку дома. Но Блэк ничего не ответил и молча стал следить за шлюпкой, быстро приближавшейся к китобой. Я также взглянул туда. И мне припомнилось, как несколько недель назад я с замиранием сердца следил за этой же шлюпкой со своей яхты. Теперь я почти с тем же чувством ожидал, чем кончится эта сцена, зная, что даже строгий наказ Блэка не в силах сдержать кровожадных инстинктов его команды.

Но вместо ожидаемой мною трагической сцены у меня перед глазами разыгралась забавная комедия. Мы видели, как наши люди были приняты на судно, и ожидали, что они станут поднимать наверх свои пустые бочки. Ничего подобного, однако, не произошло, хотя со встречного судна стали доноситься до нас крики и ругань, а затем раздалось даже несколько пистолетных выстрелов и какие-то темные предметы были сброшены за борт, после чего, к немалому нашему удивлению, наша шлюпка тронулась в обратный путь. Когда же наши люди взошли на палубу, то все мы буквально ахнули при виде их: Ревущий Джон с ног до головы был покрыт какой-то липкой черной жидкостью, а двое остальных были вымазаны дегтем, причем лица их трудно было даже различить. Остальные были похожи на промокших кошек и до того озябли, что у них зуб на зуб не попадал. В первые минуты они не в состоянии были даже сказать нам, что с ними случилось.

— Проклятые пустобрюхие негодяи! — прорычал наконец Джон. — У них нет ни одной бочки жира, я полагаю! Как только я заговорил с ними по-своему, они окунули меня в свой большой помойный чан по самые уши!

— Что же, ты хочешь этим сказать, что они не изловили ни одного кита? — спросил капитан.

— Ни одного, кроме нас, ваша милость! — пошутил продрогший и промокший до нитки англичанин.

— В таком случае мы только даром потеряли время! — сказал Блэк, злобно топнув ногой. — Ах вы, лентяи! Что же вы там делали так долго, о чем драли горло, дуралеи? Я иду дальше, а вы справляйтесь там между собой как знаете! Полный вперед! — крикнул он в машину.

Услышав это распоряжение, Ревущий Джон словно взбесился и, как загнанный зверь, заорал не своим голосом:

— Как, вы командуете «вперед», оставляя их невредимыми?! Да после этого будь я проклят, если останусь служить здесь!.. Они окунули меня в свою поганую лоханку, а вы смеетесь над этим и идете дальше, как ни в чем не бывало! Клянусь честью, я вас проучу!

Капитан с презрительной усмешкой смотрел на это проявление гнева, а Дик и Четырехглазый хохотали, держась за бока.

— Клянусь пророком Моисеем, вы — настоящий красавчик теперь, просто загляденье! Право, если не соскрести с вас всю эту грязь лопатой, то родной отец не узнал бы вас в таком виде! — подтрунивал помощник капитана.

— Я предложил бы вам представить себя для образца новой обмундировки в аду! Веселенький наряд, право!

Эти шутки окончательно вывели из себя Ревущего Джона. С минуту он стоял в нерешительности, затем, точно осененный блестящей мыслью, одним прыжком очутился подле бочки с дегтем, стоявшей под лестницей верхней палубы, и, схватив черпак, полный дегтя, сначала мазанул им по лицу и по голове злополучного шотландца, затем вылил на него оставшийся деготь из черпака и только тогда, немного успокоившись, воскликнул, любуясь делом своим рук:

— Ну, теперь нас пара! Надеюсь, вы не отправитесь кушать бисквиты в этом прекрасном виде?

— Я мог бы отомстить вам за эту проделку, —

ответил шотландец,— но все-таки благодарю вас, что вы потрудились вычернить мои сапоги: они с самого нового года нуждались в смазке.

Присутствующие разразились оглушительным смехом.

Ранним утром следующего дня мы проходили мимо датской колонии Годстаб, но на таком расстоянии, что невозможно было что-либо различить, а в течение дня и весь берег Гренландии окончательно скрылся из виду. Более мягкая температура говорила о том, что мы находимся в водах Атлантического океана, хотя нас и приветствовал здесь сильный и густой снег. В течение всего этого дня и нескольких последующих наш маленький винтовой пароход, шедший за нами следом, не отставал от нас, и мы каждое утро обменивались с ним сигналами.

Четырехглазый объяснил мне назначение этого маленького спутника.

— Полагаю, что он идет в Ливерпуль. Но мы встретимся с ним южнее Сицилии, где он сообщит нам все необходимые сведения о судах, находящихся в море. Поверьте, теперь наступает самое хорошее время: теперь все моря кишат огромными судами, и всех нас, того и гляди, высадят на берег без всякой просьбы с нашей стороны, да и прирежут, как цыплят. А там, на берегу, ведь моя родина, которую я—увы!—покинул ради этой игры!

— Почему же вы покинули родину и принялись за такое опасное ремесло?—спросил я.

— О, это длинная история, сэр,— ответил старик.— Когда я был церковным прислужником в Типперари, у меня с Миком Спилливаном вышла ссора. Выходя из церкви в одно прекрасное воскресенье, пять лет тому назад, я встретил Мика, и он осмелился наложить углей мне на голову. «Счастье твое, что сегодня моя очередь служить обедню, но погоди, мы с тобой скви-таемся!»—сказал я ему. Но негодяй на следующий же день утром уехал из нашего местечка, и только год спустя судьба случайно столкнула меня с ним. Я готов был отомстить ему, как обещал тогда...

— Ну, и вы, конечно, отомстили?

— Очень сожалею, но дело вышло совсем не так. Когда мы встретились, он был немного навеселе, да и меня напоил в тот же вечер допьяна. Вот почему

я очутился здесь. Он привез меня с собой на это судно и добыл для меня пять фунтов стерлингов. Это мне-то, который собирался его измолотить! Но в жизни всегда так бывает: чего не ожидаешь, то и случается. Так вот вышло и со мной.

— И это всегда так бывает! — заметил Дик, незаметно подойдя к нам. — Но не согласитесь ли вы отложить продолжение вашей повести до завтра, так как теперь доктор ожидает вас, мистер Стронг, чтобы вместе с вами отправиться осматривать машину.

Я был очень рад воспользоваться этим представившимся мне случаем ознакомиться поближе с диковинной машиной таинственного судна и последовал за Диком, который пошел вперед, указывая мне путь. Очутившись в машинном отделении, я невольно был поражен тем, что здесь увидел. На судне, оказалось, было целых три громадных машины несравненно большей силы, чем на самых больших военных судах. Каждая из них имела по четыре цилиндра в восемьдесят дюймов в диаметре, и все действовали посредством водорода, поступающего в них из громадных резервуаров. Жара в машинном помещении была почти нестерпимая.

Уши оглушались грохотом и шумом движущихся поршней, рычагов, золотников и прочих частей машин, и среди этого ада, подобно богу Вулкану в своем подземном царстве, спокойно распоряжался, следя за малейшим движением этой сложной машины, маленький, тщедушный человечек, в котором, без сомнения, жил великий гений.

Это был создатель и творец беспредельного могущества этих негодяев, которым он подарил это поистине царственное судно, дав посредством его возможность насмехаться над морским могуществом всех наций и сделав пиратов сильнее целого флота.

Он был орудием, лишившим меня, быть может, навсегда, свободы и сделавшим меня пленником в стенах этой железной цитадели. Но все-таки это был гений, и я невольно преклонялся перед ним.

В таком состоянии я покинул машинное отделение и поднялся на верхнюю палубу, где первым звуком, коснувшимся моего слуха, был крик часового:

— Земля по левому борту!

Мне сказали, что это был ирландский берег, и трудно себе представить, какое радостное чувство охватило меня при виде этой далекой полоски земли, моей родной земли! Мне казалось, что я перешел теперь из страны мертвецов в страну живых людей, от мрака и безмолвия ночи к рассвету Богом данного ясного дня.

XX РАЗГРОМ «БЕЛЛОНИКИ»

Берега Ирландии довелось увидеть только издали, так сказать мельком, так как мы пошли прямо на юго-запад. На рассвете следующего дня мы были уже на пути океанских пароходов. Едва только успело взойти солнце, как в мою комнату вбежал запыхавшийся и взволнованный доктор Осбарт и стал тормозить меня и звать смотреть на то, что он называл моим первым знакомством с настоящим делом.

— Менее чем на расстоянии мили от нас по правому борту линейный пассажирский пароход Красного Креста «Беллоники»! — восклицал он. — Мы почистим его! Идемте скорее наверх! Это лучший завтрак, какой вы можете себе представить, это горячее, возбужденное состояние, какое охватывает каждого участника и даже зрителя! Пойдемте, надо, чтобы и вы испытали это!

Я стал поспешно одеваться, взволнованный не меньше самого доктора, и затем вышел вместе с ним на галерею. Передо мной расстилалось бесконечное пространство высоких темно-зеленых волн, а над ними темные клочковатые тучи, сквозь которые старались пробиться солнечные лучи. Дул свежий южный ветер, сверху же падал частый дождь, летевший прямо в лицо. Но все это нимало не смущало наш экипаж, хотя все, несомненно, предвещало близость бури. Все взоры обращены вперед, где на расстоянии теперь уже не более полумили вырисовывались элегантные очертания большого пассажирского парохода. На его совершенно безлюдной палубе лениво прогуливался только один часовой да одинокий офицер торчал наверху на мостике. Это сонливое бездействие на пассажирском пароходе составляло резкий контраст с общим оживле-

нием и жадной деятельностью, царившими у нас на судне.

Вдруг с носовой части грянул оглушительный выстрел. Снаряд упал в море в пятнадцати саженях перед носом «Беллоники».

— Славно, Дик, молодчина! — раздались одобрительные восклицания с палубы. Но не успели они смолкнуть, как на большом пароходе стало заметно оживление: на палубе появилась масса людей, на мостик поднялись еще три фигуры, а на мачте поднялся сигнал.

Четырехглазый, стоявший у нашей мачты, немедленно ответил им.

— Потребуйте, чтобы они легли в дрейф, если не хотят, чтобы мы отправили их ко всем чертям! — проговорил сквозь зубы Блэк.

— Есть, сэр! — весело отозвался Четырехглазый, затем перевел ответ парохода: они говорят, что скорее взорвут нас, чем сбавят ход хоть на один узел!

— Так ударить им в переднюю часть! Нужно проучить гордецов как следует! — заорал Блэк.

В тот же момент раздался выстрел из переднего орудия и ядро ударило в нос парохода в нескольких шагах от брашпиля. Щепки и осколки взвились высоко в воздух, до нас донеслись шум и крики.

— Ну, что они говорят теперь? — спросил Блэк.

— Говорят, что если вы явитесь к ним на судно, то не иначе, как за своей головой, и что они вздернут вас на виселице, а сами не сбавят хода до тех пор, пока вы не перепортите им выстрелами машин.

— А! Крепколобая мразь! — прошипел Блэк. — Дать по ним второй выстрел, в середину судна!

Со вторым выстрелом все наше судно содрогнулось, но он пропал даром, так как море разволновалось и нас сильно качало, вследствие чего снаряд перелетел на другую сторону. Следующий за ним выстрел тоже был неудачным. Это вывело капитана из себя, и он грозно скомандовал:

— Полный вперед! Готовь средние бортовые орудия!

Это был поистине чудный момент, нельзя в том не признаться. Волнение охватило даже меня. Я чувство-

вал, как все наше громадное судно содрогнулось при резком звонке, поданном капитаном в машину, и затем устремилось вперед, пеня и рассекая волны своей мощной грудью с такой быстротой, о какой я до сих пор не имел никакого представления. Это проявление невероятной силы и быстроты действовало на меня как-то опьяняюще, да и на остальных, по-видимому, так же. До этого времени мы держались несколько позади пассажирского парохода, теперь же пронеслись мимо него с быстротой курьерского поезда, обгоняющего товарный, и, описав громадную дугу, устремились, подобно ястребу, на свою добычу.

Наши бортовые орудия были уже наготове; прислуга толпилась около них, готовая открыть огонь по первому слову капитана. Прежде чем я успел уловить план маневра Блэка, наше судно проходило в каких-нибудь пятидесяти ярдах от «Беллоники».

В этот момент наши люди, как будто превратились в бешеных, диких зверей, завидевших добычу и готовых пожрать друг друга для того, чтобы овладеть ею. С диким, неистовым криком отворили они затворы главных бортовых орудий, и целый град снарядов посыпался на беззащитное судно. Страшные проклятия, вопли и крики огласили воздух. Я видел, как рослые, здоровые мужчины падали, пораженные насмерть, слышал, как стонали, плакали и рыдали женщины и жалобно кричали дети.

Страшное дело было сделано и сделано разом: от одного удара победа осталась за нами, так как на пароходе спустили флаг и последовало приглашение явиться на судно. Теперь оставалось только забрать свою добычу и поделить ее между собой.

— Спустить шлюпку! Эй, Джон,— крикнул Блэк,— забрать там каждый грош и все, что только найдется ценного, потом вздернуть на мачте негодяя-капитана, этого дерзкого безумца!

— К вашим услугам, капитан! — отозвался Ревущий Джон.— Клянусь небесным громом! Эй, ребята, спускай шлюпку!

— Я бы советовал вам отправиться с ними на «Беллонику»,— проговорил доктор Осбарт, обращаясь ко мне,— это будет весьма интересно для вас! — и он обратился с этим предложением к Блэку.

Тот был чрезвычайно нервно настроен в этот момент, хотя и казался совершенно спокойным.

— Да, он отправится с нами,— решил он.— Если нас повесят, то пусть и его повесят вместе с нами, этого проповедника христианской нравственности, этого самодовольного бездельника! Пусть он отправится на судно, не то я сам швырну его в шлюпку!

Меня тошнило при одной мысли о тех ужасах, какие ожидали меня на судне, но отказаться не было никакой возможности—это было бы равносильно смертному приговору самому себе. Меня втокнули в шлюпку, и, когда мы подошли к пароходу, втащили вслед за собой на палубу, где нас встретил сам капитан со своими четырьмя офицерами. Нас же было семеро.

То, что я увидел, превзошло даже все мои ожидания: мертвые лежали грудами на палубе, судовой врач не успевал со своими двумя помощниками перевязывать раненых. Стоны и вопли стояли в воздухе, душераздирающие картины встречались на каждом шагу. Вся палуба представляла собой сплошное поле битвы. Казалось, будто судно находилось под неприятельским огнем в течение нескольких часов.

— Чего вы хотите от меня и что вам надо здесь, на моем судне?—спросил молодой капитан, на что Ревущий Джон ответил ему со злобной усмешкой:

— Мы явились сюда, чтобы прежде всего повесить вас, затем...

Но тут я не дал ему договорить.

— Ах вы, негодяи! — воскликнул я.— Если вы только посмеете тронуть здесь еще кого-нибудь, я уложу вас всех на месте! Или это ваше ремесло — убивать ни в чем не повинных детей?!

Я указал рукой на труп убитой девочки-подростка и навел на них захваченный с собой револьвер.

Не знаю, кто из двух был более удивлен моей выходкой, молодой капитан «Беллоники» или Джон.

— Ах ты, мальчишка! — крикнул последний.— Да если ты скажешь мне еще хоть одно слово, я с тебя живого сдеру шкуру!

— Господа,—продолжал я, не обращая внимания на его слова,— отдайте этим людям все, что вы имеете,

все до последней копейки, и тогда я вам даю слово, что они не тронут вас.

— Клянусь Богом,— воскликнул молодой капитан,— вы поплатитесь за это жизнью! Я вручаю вам все наличные деньги и драгоценности, но помните, что не пройдет недели, как половина военных судов Европы будет преследовать вас по всем морям!

С этими словами он отошел в сторону, а прибывшие со мной на пароход негодяи осторожно спустили в свою шлюпку деньги, сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, и мешок с разными драгоценностями. Джон, как бы смущенный моим поведением, обходил пароход, громко крича «Эй, посторонись!» каждый раз, когда встречал какого-нибудь пассажира, но не тронул никого.

Я оставался на мостике, не выпуская из рук свой револьвер, безмолвным и безучастным свидетелем всего происходившего. Когда же наша шлюпка отчалила, нагруженная золотом и драгоценностями, мне казалось, что я только что пережил страшный сон.

Шутки и намеки пиратов оставляли меня теперь совершенно безучастным, но я не выпускал револьвера из рук, не доверяя своим спутникам, и только тогда вздохнул свободно, когда мы ступили на палубу нашего безымянного судна и подошли к капитану, стоявшему на мостике.

Джон с негодованием передал Блэку, как я позволил себе воспротивиться его намерению повесить капитана «Беллоники», и я думал уже, что настал час моей смерти.

— Ах ты, дерзкий щенок! — воскликнул Блэк, но более спокойным тоном, чем я ожидал, хотя тон его был строг и грозен. — Как ты смеешь вмешиваться в мои дела и распоряжаться?!

— Я сделал это, чтобы спасти вас от самого себя! — ответил я, глядя ему прямо в глаза. — Знаете ли вы, что там, на судне, вы убили ни в чем не повинных детей? Или это не новость для вас?

У Блэка была в руке большая подзорная труба, и он занес ее над головой, так что я думал уже, что он ударит меня ею, но все-таки продолжал смотреть ему в глаза, и рука его точно застыла в воздухе. С минуту

он молчал, затем опустил руку и, мрачно сдвинув брови, проговорил:

— Иди в свою будку и не смей показываться сюда до тех пор, пока я сам не вытащу тебя оттуда! — И он сердито отвернулся от меня.

Я был счастлив, что он хоть на время отсрочил грозивший мне страшный приговор, и поспешил уйти в свою каюту, но не без того, чтобы яростные крики и ропот команды не убедили меня, что и на этот раз Блэк немало рисковал из-за меня. Даже когда дверь моей каюты закрылась за мной, до меня доносились вызывающие голоса команды, кричавшей Блэку: «Да ты его как будто боишься!», «Может, он будет руководить тобой, капитан?!» Затем еще долго продолжался шум и крики на палубе. И тут я услышал звуки, похожие на удары плетью. Но ко мне никто не приходил, кроме старого негра, в обычное время молча приносящего мне мой обед.

Возникшее было волнение среди людей улеглось, как мне вечером сообщил доктор, благодаря тому, что на горизонте появилось другое пассажирское судно. Гул единственного выстрела, раздавшегося с нашего судна, которым они остановили этот пароход, потряс меня до глубины души. Все картины только что пережитых мною ужасов с новой силой воскресли в моем воображении. Долгое время я не решался подойти к окну своей каюты, а когда наконец взглянул в него, то увидел красивое большое судно на расстоянии не более тридцати саженей от нас и нашу шлюпку у его борта. На палубе судна я различал фигуры наших людей, занятых грабежом пассажиров.

Вечером, зайдя ко мне выкурить сигару, Осбарт рассказал все подробности этого происшествия.

— Мы их очистили, не убив ни одного человека, — говорил он, — славная была потеха! Мы взяли более пятидесяти тысяч фунтов, и Блэк очень доволен этим, так как, говоря правду, среди команды завелся какой-то недобрый дух. А вы еще раздражили их сегодня утром своим неуместным вмешательством! Что же касается Блэка, то я, право, перестаю его понимать: я никогда не видел человека, который мог бы сказать ему то, что вы ему сказали, и после того остался бы в живых. Советую вам, однако, не показываться некоторое

время на палубе, так как наши люди просто убьют вас. Нам и так уже пришлось поставить часового к дверям вашей каюты, так как Блэк опасался, что они, вопреки его строжайшему запрету, ворвутся к вам и учинят расправу.

— А вы, как видно, совершаете на этот раз прибыльный поход! — заметил я.

— Да, и это довольно любопытно: ведь все кругом кишит военными судами! Разве вы не чувствуете, с какой скоростью мы идем? Надеюсь, что они увидят только наши пятки и на этот раз и, быть может, еще много раз до первого числа будущего месяца, хотя Карл уже снова ворчит и беспокоится из-за нехватки жира: эти газовые машины требуют постоянной и обильной смазки, так что если мы завтра не встретимся с нашим маленьким винтовым пароходом, то дела наши плохи!

После этого разговора целых три дня доктор не заходил ко мне, но я видел из окна каюты рано утром следующего дня, что пароход нагнал нас, и из этого заключил, что недостаток смазки более уже не грозит нам.

На другие сутки после разгрома «Беллоники» мы остановили уже третье судно, и хотя я ничего не мог видеть, так как вся борьба происходила с правого борта, а моя каюта находилась на левом, но слышал выстрелы, крики и страшную возню на палубе.

На третьи сутки поутру завязалась горячая перестрелка с судном, отправлявшимся в Капскую колонию, а около полудня мы напали на большой пароход немецкой компании «Северо-Германский Ллойд», возвращавшийся в Бремен.

Как и прежде, доктор Осбарт зашел ко мне и с восхищением рассказал все подробности дела.

— Сегодня нечем похвастать, — говорил он, развалившись в кресле и закуривая сигару, — ни на грош товару и никаких драгоценностей, о которых стоило бы говорить. Да вы не принимайте такого трагического вида, любезный, мы не зарезали там ни одной курицы. Я сам битых полчаса беседовал с какой-то старушонкой, сидевшей на своем сундуке. Я думал, что у нее в нем целая груда алмазов, — и что же?! Когда мне удалось наконец уговорить ее сойти с этого сундучка и раскрыть его, то в нем не оказалось ничего, кроме

детского белья! Право, это, скорее, похоже на какой-то фарс!

— Все это, по-видимому, не очень-то печалит вас? — заметил я, глядя на веселого собеседника.

— Неужели?! А ведь, в сущности, наше положение теперь незавидное! Наш пароход, который Блэк отправлял в Ливерпуль, вынужден был вернуться, так как за ним следили, и вследствие этого он не привез нам ничего, кроме кадки жира для смазки. Это, конечно, ничто для нас, нам необходимо запастись очень большим количеством этого жира, если мы не хотим, чтобы всех нас перевешали. Вот об этом-то я и пришел сообщить вам сегодня. Блэк не может выносить подобного положения и решил лично отправиться в Англию, чтобы разузнать хорошенько, что, собственно, затекает против нас ваш всемогущий английский флот. Наш пароход не сообщил нам никаких сведений на этот счет. Капитан решил взять вас с собой, так как оставить вас здесь было бы все равно, что подписать ваш смертный приговор. Но вы не рассчитывайте на это как на удобный случай для вашего бегства: мы будем следить за вами, не будем отпускать вас от себя ни на минуту! Кроме того, вам придется дать клятву не выдавать здесь никому этого намерения, пока вы не вступите на палубу нашего парохода.

Я был вне себя от радости, но боялся выдать себя и поэтому небрежно спросил:

— Ну, а как вы встретитесь опять с этим судном, как вы его найдете в море?

— Очень просто: мы выбираем определенное место и по прошествии десяти дней они ежедневно около полудня будут там, а мы тем временем уйдем к северу от обычного пути английских крейсеров и добудем хороший запас жира, кроме того, разузнаем все, что затевают наши враги.

— Однако я положительно не могу понять, почему капитан берет меня с собой и в этот раз, — продолжал я, надеясь выведать что-нибудь у моего собеседника, но он ответил:

— Я и сам не могу понять, чем он руководствуется. Между нами говоря, он сам на себя не похож с того времени, как вы находитесь среди нас. Он по-своему любит вас больше кого бы то ни было. Я один подозреваю об этом, мало того, я это знаю, хотя до сих пор

не предполагал, что он способен на подобное чувство!

— Правда, он очень добр, что тратит на меня такое драгоценное чувство,— заметил я с легкой усмешкой.

— Не смейтесь!— укоризненно остановил меня доктор.— Ведь вы обязаны ему своей жизнью!

И мне стало как будто стыдно за свои последние слова.

XXI

Я ОТПРАВЛЯЮСЬ В ЛОНДОН

Спустя неделю после разговора с доктором капитан Блэк, Осбарт и я садились в Рамсгете на поезд, оставив в гавани этого скромного, тихого городка наш винтовой пароход, замаскировав его на этот раз под норвежского китобоя, равно как и весь его экипаж, состоявший из Джона и восьмерых самых отчаянных и буйных молодцов с безымянного судна. Мы благополучно добрались до берегов Англии, не возбудив ни в ком подозрений, несмотря на то, что по пути встречались со множеством судов. Сначала Блэк намеревался оставить меня на пароходе под строжайшим надзором, но я так стремился ступить на родной берег, так мне хотелось взглянуть хоть из окна вагона на родные поля и леса, что дал ему торжественное обещание не делать ни малейшей попытки бежать от него, не выдавать его во все время моего пребывания на берегу и, где бы я ни был, вернуться к концу недели на пароход.

На это Блэк сказал:

— Я настоящий безумец, я это знаю, и тем не менее вы можете ехать с нами.

Остальные широко раскрыли глаза, очевидно, решив, что Блэк сошел с ума.

Когда я наконец расположился в углу вагона первого класса, то мне все еще не верилось, что это не сон, что передо мной расстилается родной ландшафт дорогой Англии с его зелеными пастбищами и жилищами, окруженными садами.

Сознание, что я опять в Англии, опьяняло меня, и, когда впереди замигали огни, целое море огней, и

я понял, что мы подъезжаем к Лондону, мне сразу вспомнился тот день, когда я в последний раз был в этом городе с Родриком и Мэри и старался собрать кое-какие сведения об этом человеке, который теперь сидел рядом со мной в вагоне. Где были теперь эти два дорогих мне существа, Мэри и Родрик? Куда занесло их желание разузнать о моей судьбе? Как опечалилось, быть может, милое личико Мэри при мысли, что меня уже нет в живых? И не странно ли, что, быть может, теперь, когда я здесь, в Лондоне, она тоже здесь и думает обо мне. Но я теперь так же далек от нее, как если бы был в могиле. Мы прибыли в Лондон часов в десять вечера и сели в закрытый экипаж, ожидавший нас у станции. По-прежнему втроем мы молча ехали в течение пятнадцати минут и наконец остановились у высокого каменного дома в глухом переулке. Не встретив никого по пути, мы поднялись по лестнице и вошли в приготовленные для нас комнаты.

Здесь нам подали великолепный ужин, после которого доктор Осбарт удалился, а меня Блэк провел в смежную просторную спальню с двумя кроватями и извинился, что не считает возможным предоставить мне отдельную комнату, а потому предлагает мне ночевать в одной комнате с ним.

— Помните одно, милый мой мальчик,—сказал он,—при малейшей попытке обмануть меня я пущу вам пулю в лоб, даже если бы вы были моим родным сыном.

С этими словами он поспешил лечь в постель. Я последовал его примеру.

На следующее утро Блэк рано вышел из дому и, заперев дверь нашего помещения, оставил нас вдвоем с доктором Осбартом.

— Я делаю это не потому, что не могу верить вашему слову,—сказал он,—а потому, что не хочу, чтобы кто-нибудь случайно пришел сюда.

Он вернулся около семи часов вечера и застал меня за чтением нового романа Поля Бурже. Доктор Осбарт почти все это время спал, жалуюсь на нездоровье.

Томительная скука сидеть взаперти, подобно птице в клетке, как-то особенно удручающе действовала на меня, и я был вовсе не расположен слушать рассказы

Блэка о том, что делается в городе, или рассматривать его покупки — драгоценные миниатюры и другие художественные редкости, которые он разложил на столе, чтобы и мы могли полюбоваться этими произведениями искусства.

Следующий за этим день был одним из самых запоминающихся в моей жизни. Блэк по обыкновению ушел очень рано. Главной целью всех его странствований по городу было желание разузнать, что именно намерено предпринять против него Лондонское адмиралтейство. Осбарт не вставал в этот день даже к завтраку и читал газеты, лежа в постели.

Прошло около часа после того, как мы остались с ним одни, когда доктору пришла телеграмма.

— Капитан немедленно требует меня к себе! — воскликнул он в сильном волнении. — Мне ничего не остается, как оставить вас здесь одного. Мы всецело доверяем вам теперь, но все-таки, если вы попытаетесь обмануть наше доверие, ручаюсь вам, песенка ваша будет спета! Быть может, я вернусь минут через десять, но вам придется примириться с унижительным положением быть запертым на ключ. Кстати, дорогой мой, не пытайтесь найти себе помощника в этом доме. Этот дом принадлежит одному из нас, и если только вы начнете звать на помощь или предпримете еще что-нибудь, то сильно рискуете получить удар обухом по голове!

Все это он говорил торопливо, поспешно одеваясь, и затем ушел, ласково простившись со мной. Я провожал его глазами, не подозревая о том, что уже никогда более не увижу его. Когда он ушел, я придвинул большое кресло к окну и расположился в нем со своей книгой. Через окно до меня доносился шум пробуждающегося города. Я даже мог видеть людей в домах на противоположной стороне улицы. В какой-то момент у меня мелькнула мысль — открыть окно и позвать на помощь, но я был связан клятвенным обещанием, добровольно данным мною Блэку. Нарушить это обещание было не столько грешно, сколько нечестно и безнравственно.

Рассуждая таким образом, я случайно оторвал глаза от книги и заметил, что какая-то тень заслоняет мне свет из окна. Взглянув в окно, я увидел нечто совершенно необычное на железном скосе крыши под

моим окном. Это был маленький, тщедушный человечек с очень длинной шеей, которую он то вытягивал вперед, то разом прятал в свои узкие плечи.

На вид ему можно было дать и тридцать, и пятьдесят лет, ни единого волоска не было на его бесцветном лице с впалыми щеками, а длинные тонкие пальцы, точно лапы паука, которыми он судорожно цеплялся за выступ окна, свидетельствовали о его крайней нервно-сти. Я сразу понял, что этот человек заглядывал в мою комнату. И вот после бесчисленных кивков и подмигиваний в мой адрес, на которые я, конечно, не отвечал, он достал из кармана нож и ловким движением открыл задвижки моего окна, а спустя минуту очутился у меня в комнате. Осторожно ступая своими козыми ножками по ковру, эта странная фигура придвинула себе стул и села напротив меня, забавно кривляясь и многозначительно гримасничая.

Все это время я сидел неподвижно, как истукан, недоумевая, брежу я или же это происходит наяву. Наконец странный незнакомец хлопнул меня по колену и произнес:

— Именем закона! Да, я знаю, я ввел вас в недоумение. Меня вы, конечно, не могли ожидать, но все это мои дела, господин Марк Стронг! Да, дела,— продолжал он, снова вытянув свою шею и как бы оглядывая все уголки комнаты.— В двух словах я скажу вам, что телеграфировал вашему другу, господину Стюарту, и ожидаю его через часок-другой сюда из Портсмута. И еще сообщу вам, что другой ваш приятель, молодой доктор, который только что был с вами здесь, теперь сидит за десятью замками по пустяшному обвинению в преднамеренном убийстве. Теперь, когда нам удастся захватить и капитана Блэка, вся эта милая компания будет у нас в сборе! Ха-ха!.. — и он закашлялся.

Я смотрел на него, не в силах вымолвить ни одного слова, не веря своим глазам, не веря ушам.

— Мне нет надобности говорить вам, кто я такой,— продолжал человек с длинной шеей, которую он все время то втягивал, то вытягивал,— но вот вам на всякий случай моя карточка! Шесть человек наших агентов стоят там, на улице, напротив этого дома, другие шесть следят за этим выступом крыши, по которо-

му можно пробраться сюда. Нам известно, что Блэк уедет отсюда сегодня ночью на своем пароходе, который стоял вчера в гавани Рамсгэта, а сегодня стоит неизвестно где. Всего вероятнее, что он явится за вами, вы отправитесь вместе с ним. Если же он пришлет кого-нибудь за вами, то, так как вы — единственное наше звено между этим неуловимым негодяем и нами, я прошу вас рискнуть еще раз и поехать с ним хотя бы только до той гавани, где теперь находится его судно, чтобы мы имели возможность выследить его. Не правда ли, вы окажете нам эту услугу?

Прежде чем ответить, я взглянул на карточку этого господина. «Инспектор сыскной полиции Кинг, Скотланд Ярл» — стояло там.

— Я отправлюсь с ним не только до гавани, но и на его судно, так как обещал ему это под честное слово, — проговорил я. — А что вы в это время будете делать, меня не касается.

— Да, конечно, — поспешил согласиться мой собеседник, — вы хотите, чтобы мы не теряли вас из виду? Будьте спокойны, мы обязаны это сделать, так как только благодаря вам добрались до этого человека. Правительство, конечно, не оставит эту вашу услугу без должного вознаграждения!

— Видимо, он наделал много шума? — заметил я.

— Да, с самой Французской войны не было такого громкого события, о котором бы столько говорили во всей Европе. Вот прочтите это! Мне же небезопасно оставаться здесь дольше, чем нужно, так как он может каждую минуту вернуться. А при удаче это пахнет десятью тысячами фунтов стерлингов для меня. — И, сделав мне смешной поклон, инспектор сыскной полиции Кинг удалился тем же путем, каким и пришел, то есть через окно и крышу.

У меня в руках осталась газета, где несколько колонок были целиком посвящены делу разграбления «Беллоники». Я прочел эти газетные сообщения с жадностью: наконец-то полиция напала на след злодеяний Блэка. Но вместе с тем я отлично сознавал, что без моего содействия этот удивительный человек опять уйдет от полиции. Не странно ли, что мне, потерпевшему в самом начале такую неудачу, теперь было суждено, помимо моей воли, стать орудием, которое предаст Блэка в руки правосудия?

Было около трех часов пополудни, и я, сидя у окна, вспоминал слова сыщика: «Я телеграфировал вашему другу». Согласно его предположениям он через несколько часов должен быть в Лондоне. И я со страшным волнением стал ждать Родрика. Но пробило четыре часа, затем пять, а ко мне никто не приходил. Наконец в половине седьмого в комнату вошел старый негр со словами:

— Скорее, сэр, прошу вас следовать за мной, господин ждет!

Затем, не дав мне времени опомниться, он взял меня под руку и вывел каким-то задним ходом в узкий переулок, где нас ожидал закрытый экипаж. Но одновременно с нами другой какой-то человек, стоявший на тротуаре, многозначительно подмигнул мне и, подождав другого возницу, поехал за нами.

В этом человеке я узнал инспектора сыскной полиции Кинга и был уверен, что за нами следят.

XXII ТЕНЬ НА МОРЕ

Доехав до станции у французской церкви, мы сели в поезд, отправлявшийся в Тильборо, затем, сойдя там, достигли берега реки, где я увидел шлюпку, на носу которой ясно различил фигуру Джона. Мне показалось странным, что в этом месте не было никаких сторожей, но я молча сел в шлюпку, и мы пошли полным ходом по направлению к Ширнессу. Дойдя до Норе, мы увидели невдалеке в открытом море наш пароход и, подойдя к нему, были приняты на судно. Шлюпку подняли, и мы тотчас же пошли полным ходом к северной косе. Было уже совсем темно. Резкий ветер дул нам прямо в спину. Такая темная, безлунная ночь, конечно, благоприятствовала нам, так как я не сомневался, что нам придется уходить от какого-нибудь полицейского судна, высланного преследовать нас. Но, к моему крайнему удивлению, я убедился, что люди на судне не имели ни малейшего представления о грозившей им опасности. Блэка я не видел нигде, так как меня отвели в кормовую каюту и оставили одного. Джон, бывший в эту

ночь сильно пьяным и имевший при этом чрезвычайно угрожающий вид, приказал мне убратся вниз, что я и сделал вскоре по прибытии на пароход, чтобы, кстати, поразмышлять о всех странных происшествиях минувшего дня.

Для меня было ясно только одно: Блэк сделал громадный промах, посетив Англию и когда, желая спасти меня от звериных инстинктов своего экипажа, взял меня с собой на пароход. Сколько времени в Англии ждали, чтобы узнать хоть что-нибудь о нем или обо мне, я не знаю, но, вероятно, с тех пор, как Родрик дал знать о моем исчезновении и сообщил о Блэке и его таинственном судне все то, что ему было известно.

Теперь я начал понимать, почему полиция хотела позволить Блэку вернуться на его судно: они хотели завладеть не столько самим Блэком, сколько его таинственным безымянным судном.

Но я не заметил ничего, что бы могло навести меня на мысль, что за нами следят во время нашего путешествия по Темзе. Пользуясь мраком этой ночи, мы, по расчетам экипажа, могли надеяться выйти в Атлантический океан на вторые сутки, а через два дня быть уже на нашей плавучей цитадели, служившей нам оплотом против могущества всех наций вместе взятых.

Все эти мысли до того тревожили меня, что я никак не мог заснуть и, невзирая на возможность стычки с экипажем, вышел наверх. На корме не было ни души. Я встал у второго колеса и слышал, как перекликались вахтенные. На мостике расхаживал взад и вперед какой-то человек в дождевике. В это время выглянула луна, и я увидел, что весь канал кишел судами. Возле самого берега Англии выстроился целый флот французских люгеров, два или три судна с углем, возвращавшиеся в Темзу, и несколько английских рыболовных судов, стоявших на якоре немного впереди нас. При свете луны я мог различить, как на этих судах работали и суетились люди. Но нигде не было видно ни одного военного судна, которое могло бы преследовать нас. Ничто не давало повода думать, что за нашим пароходом, делавшим теперь по тринадцать узлов в час по направлению к Дувру, кто-либо следил.

Едва я успел убедиться в этом, не без некоторого со-

жаления, как услышал позади себя чьи-то тяжелые шаги и, обернувшись, увидел перед собой Джона в дождевике. Разбойник приветствовал меня злобной шуткой, которую, очевидно, считал довольно остроумной:

— Что, караулите тот крюк, на котором вам быть повешенным? Хе-хе-хе! И это после того, как я приказал вам отправиться вниз? Нечего сказать, превосходная дисциплина!

Я ничего не ответил ему и, повернувшись спиной, продолжал смотреть на мерцавшие вдали огоньки судов. Но это, как видно, взбесило Джона: он вдруг схватил меня за плечо и с дикой злобой в голосе прокричал над самым моим ухом:

— Вы рядитесь в щегольские куртки да хвастаетесь прекрасными манерами, не так ли? Посмотреть только, какой важный господин! Но будь я проклят, если не собою с тебя эту спесь!

С этими словами он уже протянул руку, чтобы схватить меня за горло, а другой рукой схватил меня с невероятной силой и стал трясти. Я размахнулся и ударил его изо всех сил в солнечное сплетение. У него перехватило дыхание, так что я стал опасаться, что его песенка спета. Но едва только он отдышался, как выхватил свой нож и занес его надо мной. Без сомнения, на этот раз я был обречен на неминуемую смерть, но в этот самый момент другая железная рука схватила, словно тисками, руку Джона. Это был капитан Блэк, следивший за всей этой сценой и подоспевший как раз вовремя, чтобы предупредить убийство. Только теперь я увидел, какой необычайной силой был одарен этот человек. Сжав руку Джона так, что она почти онемела, он вдруг резко повернул ее, нож вылетел и вонзился в палубу шагах в двадцати от нас.

— Ах ты, долговязый негодяй, что это ты делаешь? Как ты смеешь? — заорал на него Блэк, бледный от гнева, и стал крутить его руку с такой силой, что я боялся, как бы он не сломал ее. Затем Блэк принялся жестоко бить пирата, и бил до тех пор, пока тот не упал. Тогда, окровавленного и избитого, он столкнул его на нижнюю палубу.

— Тронь только пальцем этого мальчика хоть раз — и я пропишу тебе шесть дюжин плетей, так что ты у меня не встанешь! — проговорил капитан на про-

щение, но теперь уже совершенно спокойно. Затем отойдя от него, встал подле меня и долгое время стоял молча, опершись о борт и глядя вдаль на удалявшийся берег. Наконец этот странный человек заговорил со мной почти дружески, в голосе его звучало даже что-то ласковое, мягкое, совершенно непохожее на него.

— Скажите, вы не видите вон там чего-то похожего на большое военное судно? — спросил он, указывая вдаль.

— Не вижу ничего, кроме самого обыкновенного угольного судна, — ответил я.

— Значит, опять зрение обманывает меня. — И он продолжал упорно всматриваться в темную даль, словно ему особенно важно было убедиться. С бака доносились смех, пьяные голоса и пение. Он с минуту прислушивался к ним, затем заговорил снова, но как бы сам с собой.

— Смейтесь и пойте, пока можете! Завтра запоете совсем другую песню! Да, — продолжал он, обращаясь уже ко мне, — нас-таки порядком притиснули сегодня! Я был принужден оставить Осбарта в их руках: это был лучший из моих людей, единственный, быть может, на которого я всегда мог вполне положиться. Если бы не он да не ирландец, вся та сволочь давно бы уже болталась на виселице! Ну, быть может, теперь им придется испытать это! Эти псы напали на наш след и будут преследовать нас. Счастье еще, что у меня двадцать пар глаз смотрят на них в Лондоне и вовремя успели узнать игру правительства. Я успел увести этот пароход из Рамсгэта. Но знайте, мой милый мальчик, что нам предстоит борьба, нелегкая борьба — я это знаю. Я ушел в море без капли жира, а нам придется удирать, спасая свои шкуры!

— Почему вы так думаете?

— Почему? Да ведь ясно, что они будут преследовать нас. Очень возможно, что они позволят нам вернуться на судно, и вот тогда-то и начнется травля! Но если только мы управимся со смазкой, то пусть они лучше сразу поджигают хвосты, без смазки же наше дело плохо!.. Но довольно об этом! — вдруг прервал он себя. — Пойдемте вниз, мой милый мальчик, выпьем вина!

Я последовал за ним в его маленькую каюту. Он

поставил на стол бутылку шампанского и пару стаканов.

— Утолим жажду,— сказал он почти совсем весело, поглощая шампанское, как другие пьют простое пиво.— Да, это удача, которая редко выпадает: одно мое судно против целой Европы! Да, дружок, если бы не эта мысль о смазке, то я, кажется, готов был бы теперь же пуститься в пляс! Посмотрим, чем кончится эта игра!

Затем он еще долго говорил о разных вещах, но так как при этом не касался ни своего прошлого, ни истории своего судна, то меня стало клонить ко сну, и вдруг я увидел, что он заботливо укрыл меня одеялом и загасил лампу.

Я проспал, вероятно, очень долго, когда же проснулся, то время было уже далеко за полдень. В каюте на столе был накрыт стол для обеда, но капитана здесь не было. Умывшись, я пошел к нему наверх, на мостик. Он тревожно расхаживал взад и вперед большими шагами, но при виде меня приостановился.

— Теперь видите его?— спросил он, указывая мне на длинный винтовой пароход с двумя трубами и тремя мачтами, бывший на расстоянии нескольких миль от нас по левому борту.— Это английский военный крейсер, замаскированный под пассажирское судно,— шепнул он,— только вы никому об этом не проговоритесь. Он вышел из Портсмута, как я и ожидал.

Это была, конечно, довольно желанная для меня весть, но я принудил себя не выказать своей радости. Между тем судно было еще слишком далеко от нас, чтобы можно было прочесть его название, а по виду, скорее, походило на пассажирский пароход Восточного общества. Наши люди или не заметили, или же просто не обратили на него никакого внимания. Только один Джон, бывший на мостике и с напряженным вниманием следивший за каждым движением Блэка, раза два наводил свою подзорную трубу на черное судно, видневшееся на горизонте. Он, очевидно, совершенно забыл о вчерашнем происшествии и теперь был почти так же встревожен, как сам капитан.

— Что с ним такое?— спросил он меня, когда капитан отошел немного в сторону.— Выпил он, что ли, лишнего? Я еще никогда не видел его таким!

Мало-помалу и экипаж стал замечать тревожное

состояние Блэка и стал стекаться к штирборту. Но Блэк все еще ничего не говорил им, хотя ни на минуту не сходил с мостика, а только грозно кричал каждый раз, когда ход парохода едва заметно замедлялся.

— Что он там думает?! Мы не делаем и тринадцати узлов в час! Эй, Джон, подай звонок в машину — «Полный ход!»

Мы прибавили ходу, огромное же судно, несомненно, преследовавшее нас, стало будто отставать, к великому моему сожалению.

Весь этот день я и Блэк не сходили с мостика, даже первые ночные вахты мы оставались наверху.

Но оказалось, что чтобы мы ни делали, но избавиться от докучливого спутника не могли. Ночью я пошел вздремнуть, но, когда, спустя часа два-три, снова вышел на палубу, а был уже рассвет, вчерашнее судно по-прежнему следовало за нами, как коршун за своей добычей.

— Намерения его ясны как день! — воскликнул Блэк, увидев меня. Лицо его горело гневным румянцем и вместе с тем было бледно от волнения и бессонной ночи. — Они рассчитывают захватить нас в открытом море! Сделайте одолжение! Если я не разнесу их в щепки, то пусть меня повесят!

Три дня и три ночи продолжалось это странное преследование. Под конец третьих суток я был внезапно разбужен среди ночи громом выстрела из единственного нашего орудия, раздавшимся у меня над головой. Быстро одевшись, я выбежал наверх. В первый момент меня совершенно ослепил яркий луч света, падавший на нас с какого-то судна, которое находилось на расстоянии не более двух миль от нас. Это должно было быть наше безымянное судно. Так оно и оказалось. Нестовые крики радости и восхищения, заполнившие пароход, подтвердили, что я не ошибся в своем предположении.

Вместе с тем раздавались угрозы в адрес преследовавшего нас судна, огни которого виднелись теперь на расстоянии менее одной мили.

— Ребята, готовь шлюпки! — раздался голос Блэка.

Мне начинало казаться, что мы благополучно достигнем своей неприступной крепости, — общее радостное настроение до того заразительно действовало на

меня, что я, вместо того чтобы желать схватки, пока мы были еще на пароходе, победы над нами, был искренне убежден, что радуюсь вместе с пиратами.

Но вот английский крейсер показал зубы: с носовой части его раздался выстрел — и снаряд пролетел у нас над головами. Нам стало ясно, что неприятель хочет помешать нам добраться до безымянного судна. Эта жалкая, неудачная попытка только вызвала смех и злобные издевательства у нашего экипажа.

Когда же второе ядро задело нашу кормовую мачту, то смех усилился еще больше, хотя мы не могли отвечать неприятелю, точно так же, как не могли стрелять и с безымянного судна, так как мы находились как раз между ними.

— Спускай шлюпки! — крикнул Блэк и, оставив не более десяти человек на винтовом пароходе, направился к шлюпкам.

Нас отделяло от нашего судна не более четверти мили, но этот небольшой переезд был крайне опасен. Как только шлюпки отплыли от парохода, наше большое судно моментально загасило свои огни, чтобы дать нам возможность укрыться во мраке ночи. Но теперь преследовавшее нас судно навело на нас свой фонарь и стало стрелять. Третий выстрел ударил в нашу переднюю шлюпку, но из восьми человек, сидевших в ней, убило только двоих. Блэк, в припадке бешеной злобы, потряс кулаком в сторону неприятельского судна, воскликнув:

— Стреляйте, стреляйте! Скоро вы будете кусать себе локти!

В этот момент мы уже окликали своих людей на большом судне, и хотя два других ядра шлепнулись около нас в воду, обдав с ног до головы водой, но все-таки благополучно взобрались на палубу под громкие торжествующие крики команды.

Для них это был момент великого торжества. Вид этих двухсот человек с их демоническими лицами, шумно толпившихся на палубе безымянного судна, залитой белым светом военного крейсера и ожидавших приказаний Блэка, с несомненной жадой борьбы, проявлявшейся в каждом их движении, в каждой черте лица, был до того поразителен и до того захватывающий, что

у меня невольно являлся вопрос: «А что если они одержат верх над военным судном, что если этот ловкий и отважный авантюрист еще раз уйдет из рук правосудия?»

Между тем на крейсере стали заметны признаки беспокойства: они направляли свой световой луч попеременно во все стороны, очевидно, надеясь встретить другое судно, которое могло бы оказать им поддержку. Но кругом было пустынное море. Мы да английский крейсер стояли друг против друга среди Атлантического океана...

При всем том нетрудно было заметить, что наше положение было не из веселых. Взойдя на мостик, Блэк застал там Карла Реймея, ломавшего руки и слезами выражавшего свое отчаяние. Четырехглазый тоже казался крайне встревоженным.

— Верите ли, сэр,— сказал он, едва только мы успели взойти на судно,— дело у нас совсем плохо, если вы не привезли нам смазки. Все это время мы пускали в ход только две машины, но скоро придется остановить и их, если вы не выручите нас.

Реймей все время отчаянно жестикулировал, что подействовало на Блэка. Подойдя к перилам мостика, он громовым голосом потребовал тишины, и разом воцарилась мертвая тишина, слышен был даже плеск волн о киль судна. Двести человек с бледными, как у привидений, лицами смотрели на капитана.

— Ребята! — крикнул он. — Там вы видите военный крейсер! Вы знаете, что я не охотник гоняться за военными судами,— это совсем не наше дело, но у нас не хватает смазки. А машины находятся в действии, и если мы в продолжение суток не добудем масла, то или всех нас вздернут на виселице, или мы должны взять у них все масло, какое только имеется на судне. Выбирайте сами, ребята!

Ответ был понятен: толпа разбойников приветствовала речь капитана громким криком, все единогласно хотели идти против крейсера и разгромить его наконец. Но не успел еще затихнуть этот воинственный крик, как наш вахтенный прокричал:

— Смотри за корму! Торпеда!

Остальные подхватили этот крик, и по судну разнесся возглас: «Торпеда! Торпеда!»

Действительно, на поверхности моря в полосе света

крейсера с минуту виднелась узенькая струйка пенящейся воды. В этот момент крейсер загасил свои огни. Но следить за ходом торпеды было уже нетрудно: у каждого из присутствующих замерло сердце.

— Полный назад! — крикнул Блэк. Но маленький черный смертоносный снаряд шел следом. Все быстрее и быстрее уходило безымянное судно, но и торпеда не отставала. Казалось даже, что она вот-вот ударит в самую середину судна.

Нервное напряжение этого момента было до того сильно, что все как будто оцепенели в ожидании неизбежного рокового удара. До меня доносились страшные проклятия экипажа, трусливые жалобы, крики Ревущего Джона и богохульные речи Дика. Я знал, что из всех здесь собравшихся только один Блэк сохранил спокойствие и свой светлый ум. И когда смертоносная пенящаяся головка торпеды была уже не более как в десяти саженях от нашего судна, я взглянул на него. И в этот страшный момент вся сила воли и железный характер этого человека проявились во всем своем могуществе. В течение нескольких минут он оставался неподвижен, не спуская глаз с торпеды, затем вдруг крикнул:

— Быстро! Право руля! — и руль резко повернулся направо. Послушное громадное судно сделало плавный поворот, описав полукруг, и в то время, как все мы, затаив дыхание, ждали, торпеда прошла прямо у нас под носом на один волосок от нашего корпуса. С минуту все молчали, остолебнев, затем громкие крики радости огласили воздух: люди не помнили себя от восторга, плакали, как дети, обнимали друг друга.

— Эй, Дик, отплати-ка им за гостинец, не то я велю самого тебя отодрать! — сказал Блэк.

На это Дик, теперь совершенно пришедший в себя, отвечал:

— Слушаюсь, капитан! Если я не зарежусь в их кишки, то прикажи дать мне шесть дюжин плетей!

— Все по местам! — крикнул капитан. — Пусть ни один не показывается, пока я не позову. Да смотрите, кто не будет биться не на жизнь, а на смерть, пусть заранее знает, что будет повешен!

На палубе с минуту продолжалось движение и тол-

котня; люди поспешно расходились — кто к башенным орудиям, кто в склады внизу.

До настоящего времени Блэк, казалось, не замечал моего присутствия. Но теперь он, обернувшись ко мне, увлек меня за собой в глухую верхнюю башню. Это была небольшая круглая комната, выложенная внутри листами стали, с небольшим оконцем, дававшим возможность видеть то, что делалось вокруг. Здесь находились электрические кнопки, позволяющие поддерживать связь с машинным и рулевым отделениями и со всеми башнями судна, а также с магазином. Сидя в этой металлической башенке, можно было управлять целым судном. Отсюда Блэк стал командовать битвой, длившейся всю ночь и весь следующий день.

— В эту ночь мне придется постоять за себя,— говорил этот отважный вождь пиратов, обращаясь ко мне,— постоять за себя и своих людей всем, чем могу и как могу. А так как ваши глаза моложе моих, то я одолжу их у вас на этот раз: теперь у меня все стоит на карте. Один этот курятник там, под правительственным флагом, был бы нестрашен для меня, но поверьте, за ним стоят еще другие. Помощь близко. Но я хочу отрезать их от этой помощи, и как можно скорее. Встаньте вот здесь и наблюдайте за морем, а я буду направлять световой луч. Ну что? Видите что-нибудь? — стал спрашивать он меня потом, освещая поочередно отдельные части моря.

— Нет, я не вижу решительно ничего, по-видимому, этот крейсер один!

— В таком случае помощи ему Бог, хотя у нас сейчас работают только две машины! Теперь следите за выстрелом,— добавил он и направил свет на английский крейсер, который продолжал шарить своим лучом по воде, очевидно, поджидая помощь. Но в этот момент наше судно содрогнулось от выстрела нашего бортового орудия. На крейсере ярко вспыхнул огонь и разом угас.

— Вот так выстрел! — воскликнул я. — Мне кажется, вы попали ему как раз позади трубы! Ну да, вы им просто снесли трубу!

Но лицо Блэка оставалось невозмутимым.

— Лево руля! — скомандовал он, и мы обратили к неприятелю наши кормовые башни. На крейсере мол-

чали, очевидно, занятые починкой трубы. Блэк подал звонок в башню, и наше кормовое орудие еще раз выстрелило, но ядро не задело неприятеля.

— Если будет еще один такой выстрел, я велю высыпать дюжину палок! — проговорил Блэк совершенно спокойно. — Нас ударило под самую башню, — продолжал он, закуривая сигару с тем же невозмутимым видом, — пускай себе, у нас тут двенадцать дюймов стальной обшивки! Что вы не курите? Возьмите сигару, это как будто придает бодрости. Я всегда курю в такие минуты.

Мы снова сделали поворот и открыли огонь по неприятелю. Один выстрел разнес вторую трубу крейсера, а другой сбил с подставки переднее орудие.

Ответного выстрела не последовало, только видно было, как страшно засуетились люди на неприятельском судне; вся палуба его заполнилась людьми.

— Ах, будь у меня смазка, я бы, кажется, очистил все пространство от Нью-Йорка до Куинстоуна! Что они там делают, эти оборванцы? Боже мой, милый мой мальчик, что же вы ничего не говорите мне? Что они делают? Подают сигнал?

— Нет, они не подают никаких сигналов!

— Я не ослышался, вы говорите, что они поддают пару?! Не может быть! Хм, да, вы правы... Мы возьмем его смазку, а тогда пусть те, кто еще надумает преследовать меня, держат ухо востро!

С этими словами Блэк вышел на мостик. Я последовал за ним. На расстоянии менее полумили по правому борту беспомощно болтался на воде искалеченный крейсер. Под световым лучом нашего рефлектора ясно было видно, как там суетились люди, как они, как безумные, бежали с бака, как будто и там им грозила опасность.

— Что же, капитан, отправляться на это судно? — спросил Ревущий Джон. — Судя по его виду, мы с ним покончили! А если вы промешкаете хоть немного, то вам не добыть их масла.

Между тем наш инженер-механик доходил до полного отчаяния, видя, как истощались последние запасы масла. Он теперь бегал от одного к другому, как будто у нас в карманах были куски жира, нужного ему. Блэк

все это видел, но по-прежнему сохранял свой невозмутимый и спокойный вид.

— А ты уверен, Джон, что мы с ним покончили? — спросил он, обращаясь к гиганту.

— Я так полагаю, а то чего же он молчит? Пошли меня к черту, если он может еще встряхнуться, это дырявое лукошко!

Едва успел он договорить эти слова, как оба кормовых орудия крейсера почти одновременно дали по выстрелу. Одно ядро пролетело как раз через нашу группу и как ножом разорвало пополам несчастного Джона, а всех нас обрызгало его кровью и клочками мяса... Рука его еще дико взмахивала в воздухе, а лицо конвульсивно подергивалось; я невольно отвернулся. Второе ядро слегка задело крышу башни и, перелетев, упало в море.

— Все в укрытие! Я дам им попробовать наше большое орудие!

Мы снова вернулись в стальную башню, и наше судно двинулось вперед, постепенно освещая все части горизонта своим световым лучом. Вдруг далеко, на самой линии горизонта, какое-то судно ответило нам на этот световой сигнал.

— Номер второй! — промолвил Блэк совершенно спокойно. — Это, несомненно, военное судно! Так вот, милый мой, если нам не удастся захватить у этого крейсера весь их запас масла, то через десять минут читайте молитву: больше нам надеяться не на что!

XXIII

НЕМОЙ ЗАГОВОРИЛ

Блэк повернул руль, и наше судно, описав поворот, встало так, что при желании могло ударить тараном обезоруженный крейсер, но Блэк не этого хотел. Он хотел окончательно уничтожить это судно и прикончить его целым градом картечи из главного орудия.

Отложив в сторону сигару, он подошел к одному из рупоров и отдал свое приказание Дику.

Еще не успел он отойти, как оглушительный грохот выстрела из нашего большого двадцатидевятитонного

орудия прогремел в воздухе. Огромный снаряд с пронзительным свистом ударил в самую середину неприятельского судна, в самые магазины. С минуту мы выжидали, но нам не ответили: главное орудие неприятеля было разбито, кругом валялись трупы артиллеристов и матросов. Блэк снова взял свою сигару и дал два звонка малым орудиям.

— Сприсыните их теперь картечью, у них ведь нет прикрытия! Надо с ними покончить и отобрать масло, прежде чем тот, другой, успеет подойти! Не то нам недобровать!

Наше судно стремительно двинулось вперед. В следующий момент мы были менее чем в пятнадцати саженях от побежденного неприятеля и открыли по нему смертоносный огонь картечью. Наши люди находились в укрытии, тем не менее, когда крейсер ответил из своего маленького бортового орудия, несколько человек упало: крики, стоны и проклятия донеслись даже до нас.

Ничего подобного я никогда не видел: и у нас, и на том судне живые, убитые и раненые — все это смешалось в одну кучу. Стоны и вопли стояли в воздухе, а безжалостная картечь продолжала сыпаться градом.

— Пусть поглотают свинца, алчные коршуны, я бы одним выстрелом пустил их ко дну, если бы не их масло. Но дело в том, что они не одни!

Да, это была правда. Я все время не переставал следить за светлой точкой на дальнем краю горизонта, видел, как появился вдаль, словно звезда на темном небосклоне, другой огонь, и знал, что это уже второе военное судно, а когда снова взглянул, то заметил еще и третье. Но у меня не хватило духа сказать об этом Блэку. Нас собирались окружить и отрезать путь к отступлению. Опасность возрастала с каждой минутой, но крейсер все еще не спускал флага и хотя и слабо, но отвечал на наш огонь. Между тем огни становились все яснее и яснее. Блэк тоже видел их, и вдруг сигара выпала у него изо рта, а с уст сорвалось восклицание:

— Вам следовало сказать мне об этом! Теперь я вижу уже три огня. Это означает, что целый флот соберется сюда. Впрочем, я так и знал! Ну что же, рискну еще раз, как рисковал раньше! Если мне удастся заставить их

сдаться после этого выстрела — дело наше еще может быть выиграно!

Затем он дал подробное наставление, когда и куда стрелять, и, как только мы встали в надлежащее положение, наша артиллерия дала последний залп по злополучному крейсеру, причем наш разрывной снаряд упал прямо в машину. Громадное облако дыма и пара вырвалось наружу и застлало на мгновение всю палубу. Стрельба из маленьких орудий крейсера совершенно прекратилась. Мы вышли на палубу — люди уже готовили шлюпку.

— Эй, Четырехглазый, возьми шлюпку и пятерых людей, этого будет достаточно, заберите там все масло, какое найдете. Да живо, если хотите остаться в живых! — сказал Блэк, увидев, что на крейсере спустили флаг.

Я стоял на галерее, следя за нашей шлюпкой, которая стрелой домчалась до крейсера, но там все были так заняты своими делами, что Четырехглазому долго пришлось кричать, прежде чем его услышали и приняли на судно, так как все старшие по званию были или убиты, или ранены. наших людей никто не остановил, и те распоряжались там, как хотели. Нам с галереи было видно все как на ладони. Вдруг Блэк заметил, что корма крейсера стала быстро подниматься над водой, а бак погружаться в воду. На крейсере торопливо спустили шлюпки, оставляя раненых и спасая только свои шкуры. Но Четырехглазый и его товарищи не показывались на палубе. Блэк приходил в бешенство. Между тем другие суда заметно приближались. Для этого железного человека это был вопрос жизни: если крейсер пойдет ко дну, а пираты не успеют спастись, добыв необходимого масла, то его непобедимое судно неизбежно будет окружено военными судами. Капитан нервно расхаживал взад и вперед по мостику, и временами у него вырывались такие фразы:

— Да отчего же их нет?.. Что они делают?.. Видите, это судно не продержится на воде и пяти минут!..

— Бога ради, Дик, дай им знать, чтобы они спешили, время не терпит... Эй вы, там, слышите? Хотите дожить до завтрашнего дня или нет? Ребята, видите вы эти огни? Это военные суда, высланные за нами! Нам надо уходить от них, но мы не можем двинуться с места, так как у нас нет смазки, нет ни галлона! А эти не-

годяи прохлаждаются там! О чем только они думают? Эй, Дик, дай по ним выстрел!

Дик только собирался что-то ответить, но слова застряли у него в горле: в этот момент на палубе показались наши люди. Как сумасшедшие, бросились они к своей шлюпке и едва только успели оттолкнуться багром, как громадное судно колыхнулось и затем, точно камень, пошло ко дну.

Одновременно с этим мы увидели, что три больших броненосца полным ходом шли прямо на нас. Между тем наша шлюпка пришла к борту. Блэк перегнулся через перила и хриплым от душившего его волнения голосом крикнул:

— Добыли вы масло?

— Ни капли! — прозвучал чей-то голос.

Услышав это, железный человек вдруг выпрямился, как стальная пружина, которую нажали и затем вдруг отпустили, и обернулся к стоявшему подле него Карлу. В эту минуту Блэк был действительно велик и могуч. Я никогда не забуду, с каким спокойствием и равнодушием он достал сигару, затем предложил Карлу и мне, после чего оба эти человека, поняв весь ужас нашего положения в этот критический момент, нашли в себе силы оставаться совершенно спокойными.

Закурив сигару, Карл медленно спустился в машину, а Блэк вернулся в стальную башню, куда и я последовал за ним.

— Вот, милый мой мальчик, что я скажу,— обратился он ко мне,— мне часто приходил на ум вопрос, что станется в конце концов с этим судном. Теперь мы с вами узнаем это! Но мы еще потреплем их, сколько можно, если уж нам не суждено пережить их!

— Что же, вы намерены уходить от них? — спросил я.

— Да, но с двумя машинами далеко не уйдешь, нам в любом случае придется сражаться! Ну и, как знать?.. На море, как и на суше, все зависит от счастья... Если я стану уходить, они догонят меня в десять минут, но все-таки мы исполним свой долг и сделаем все, что возможно, чтобы победа не досталась им дешево. А теперь возьмите сигару и выпейте немного виски с содовой!..

Я последовал его совету. Но его удивительного спокойствия у меня не было. Я знал, конечно, что если безымянное судно будет захвачено военными судами, то я буду свободен. Но чем будет куплена моя свобода? Гибелью этого бесподобного, прекрасного судна и ценой жизни многих людей!

— Мы обессилены и лишены возможности маневрировать,— продолжал Блэк,— и я сообщил Карлу свои распоряжения: это судно, которое я построил и любил, как свое родное дитя, не достанется никому, а пойдет ко дну. Но прежде все мы вместе с ним взорвем себя! И что тут страшного? Всякий человек должен умереть... Так пусть же он сам приготовит себе эту смерть! Понятно, мы будем держаться до последнего, пока нас хватит, а затем наполним все цилиндры водородом и взорвем себя! Но я вижу, что вы не курите!

Его слова прозвучали для меня, точно смертный приговор. Я взглянул в оконце и увидел ближайший от нас броненосец на расстоянии всего каких-нибудь двух миль, два других делали маневр, чтобы отрезать нам путь к отступлению. При иных условиях, когда безымянное судно могло проявить себя, мы могли бы только посмеяться над усилиями этих броненосцев, мы улетели бы у них из-под носа, как улетает птица из рук ребенка. Но теперь наше судно не могло делать больше шестнадцати узлов в час, кроме того, каждую минуту могла остановиться и одна из двух работающих машин.

Под утро мне сначала показалось, что мы все же несколько уходим от неприятеля, а преследовавшие нас суда, очевидно, считали бесполезным открывать по нам огонь на таком расстоянии. Судя по громадным султанам густого дыма, можно было с уверенностью сказать, что они всячески старались убыстрить свой ход.

Так продолжалось все утро. Наши люди притихли и присмирели. Блэк курил сигару за сигарой с напускным равнодушием. Карл не раз приходил к нам с жалобами и отчаянными жестами, и только далеко за полдень, когда мы с капитаном спустились в кают-компанию, якобы для того, чтобы позавтракать, положение несколько изменилось.

Мы сидели втроем за столом: капитан Блэк, Четы-

рехглазый и я, принужденно шутя и выражая совершенно невероятные надежды. Прислуживавший за столом негр каждую минуту посылался наверх, чтобы осведомиться, в каком положении находимся мы и далеко ли еще броненосцы.

На пятый, кажется, раз негр вернулся с радостной вестью:

— Вы уходите от них, сэр, далеко уходите! Они совершенно отстают.

— Неужели?! — воскликнул Блэк, вскочив со стула, и, как мальчик, взбежал по лестнице, чтобы убедиться в сказанном самому.

— Да-да, мы уходим от них! — крикнул он. — Откупорьте еще бутылку и дайте негру за добрую весть!

Его радость и оживление были заразительны. Даже Четырехглазый очнулся от своего сумрачного состояния и залпом опорожнил целый жбан вина. Негр, приятно ослабившись, протянул свой стакан. Сам капитан взял бутылку, чтобы налить ему, но бутылка так и осталась у него в руке: в этот момент страшное сотрясение прошло по судну, снизу раздался оглушительный шум, треск, свист, затем вдруг наступила мертвая тишина.

— Вторая машина лопнула! — совершенно спокойно произнес Блэк. — Этого надо было ожидать!

Мы вышли наверх на палубу. Экипаж толпился и роптал, проклиная машину, инженера и судьбу, а Фридрих, старший сын механика, сидя на лесенке, ведущей в машину, закрыв лицо руками, плакал как ребенок.

Теперь мы не делали уже и десяти узлов, а между тем передний броненосец медленно подползал к нам все ближе и ближе. Остальные два были еще далеко.

— Они подают сигнал, что желают явиться к нам на судно! — доложил Четырехглазый.

— Скажи, что мы сначала скрутим их в бараний рог! — ответил Блэк и, приказав позвать к себе Карла, стал объяснять ему что-то знаками.

— Если так, сэр, — сказал Четырехглазый, — то они сейчас же откроют огонь!

На этот раз Блэк подумал, прежде чем ответить. Четырехглазый был, конечно же, прав.

— Ну, так поговори с ними, а мы подойдем поближе да послушаем их рассказы! — ответил капитан с чисто дьявольской усмешкой и заставил меня войти в верхнюю башенку. Броненосец уже считал нас, по видимому, совершенно в своей власти и продолжал подходить к нам, так что вскоре очутился в каких-нибудь ста саженьях от нас. Я выглянул в окно и увидел, что у нас на палубе не было ни души и что машина наша совсем не работает. Но вот раздался резкий звонок и в машине послышался страшный скрип. Наше судно сделало резкий разворот, и затем, пеня воду, нос его стал погружаться постепенно под воду, двигаясь прямо на неприятельское судно. С ревом и рычанием, точно раненый зверь, наше судно устремилось вперед, навстречу своей гибели. Вдруг задумка Блэка стала мне понятна: он хотел потопить броненосец своим тараном. Я никогда не забуду этого страшного момента. Вцепившись изо всех сил в скамью, приделанную к стене стальной башни, я ожидал, когда раздастся страшный удар, и секунды мне казались часами. И вот послышался под водой как бы глухой удар грома, я упал на стальной пол башенки. Стены ее как будто пошатнулись, крыша покривилась; в ушах у меня стоял какой-то страшный шум. Клубы пены захлестывали окна. Шум, треск, крики, вопли и проклятия — все это слилось в один общий хаос звуков. Вдруг Блэк распахнул дверь башенного помещения и вытащил меня просто за шиворот на палубу.

— Посмотрите! Да посмотрите же! — скрежетал он не своим голосом сквозь сжатые зубы. — Ведь они идут ко дну, эти бродяги! Ведь каждый из них полетит к чертям! Ха-ха-ха! Да взгляните вы на эти лица! Мрите, мрите, жалкая мразь, бессильная мошкар! Ребята, слышите, как они орут и молят о пощаде?!

Никто не в состоянии себе представить подобного ужасного зрелища. Мы ударили броненосец под самую его середину киля, где броня всего тоньше, и наш таран прорезался сквозь нее. В первый момент громадное неприятельское судно легло на бок, так что все его орудия, соскочив с подставок, полетели в море. Экипаж же, с криком отчаяния, цеплялся за что попало, чтобы не скатиться вслед за орудиями. С минуту броненосец

оставался в этом положении, затем, тяжело перевернувшись, пошел ко дну.

Только человек сорок несчастных матросов еще боролся в волнах; некоторые подплывали к нашему судну с мольбой о помощи, но наши люди добивали их выстрелами из ружей, другие тонули сами, призывая Бога.

Мы же оставались неподвижны. В машине стоял настоящий содом: наши люди положительно охмелели от вида крови и сознания своего отчаянного положения. Остальные два броненосца были еще далеко, но наугад открыли огонь. Из трех первых их снарядов два заделали нашу мачту — щепки полетели во все стороны. Но вслед за пятым выстрелом раздался страшный треск снизу и люди выбежали наверх, крича, что в трюме на три фута воды. Остальной экипаж принял это известие с глухим ропотом, затем посыпались проклятия — и все пираты, подобно разъяренным зверям, устремились на Блэка, не слушая его приказаний. Тогда он, стоя против них с заряженным револьвером, стал убивать одного за другим, так же спокойно, как если бы отдавал самые обычные приказания; я же искал спасения в стальной башенке. Разбойники свирепели все сильнее, сознавая, что скоро всему конец, и с каким-то озлоблением накинулись на спиртные напитки. Теперь большинство из них было пьяно до последней степени. Некоторые имели при себе огнестрельное оружие. Кто-то выстрелил в Блэка почти в упор, но спьяну промахнулся. Мою же башенку положительно бомбардировали целыми залпами ружейных выстрелов.

Некоторые в припадке пьяного безумия кидались прямо в море и тонули, другие преследовали злополучного Четырехглазого, желая выместить на нем свою злобу за то, что он не сумел добыть смазку, которая могла спасти всех их от гибели. Озверевшие люди стали наносить ему удары ножами куда попало, пока он наконец не упал у самой двери башенки. Мы с капитаном втащили его в башню, но помочь несчастному уже не могли. Он тут же и умер со словами:

— Помоги мне, Господи! Если бы мне привелось умереть на родной стороне, было бы легче на душе!

Тем временем оставшаяся у нас машина продолжа-

ла работать, а громоздкие броненосцы так медленно двигались вперед, что все уже было кончено, прежде чем они успели подойти. Вдруг пираты устремились к шлюпкам и без всякого распоряжения стали спускать их, убивая друг друга, как дикие звери, устремляясь десятками на одну шлюпку, которая тут же тонула на глазах у всех. Крик, гам, проклятия стояли в воздухе. Даже два сына инженера, поддавшись общей панике, бросились было к шлюпкам и потонули вместе с другими. Мы с капитаном молча следили, как отчаливали шлюпка за шлюпкой и потом одна за другой переворачивались и как тонули люди. Одним из последних погиб Дик со страшным богохульством на устах. Когда пробило шесть часов пополудни, на безымянном судне оставались только три живых человека: Блэк, Карл и я. Кругом воцарилась мертвая тишина, и вдруг среди этой давящей тишины раздался страшный треск и громкий крик инженера, к которому в этот последний страшный момент вернулась речь.

Блэк схватил меня за руку и проговорил:

— Милый мой мальчик, они не оставили нам ничего, кроме маленького ялика! Судно это погибло, и вам пора уходить с него, дольше мешкать нельзя!

— А вы? — спросил я.

Он взглянул на меня и на Карла. Я знал, что он хотел умереть вместе со своим судном, но то магическое влияние, какое имело на него мое присутствие, и на этот раз одержало верх, — и он медленно, точно человек, действующий в полусне, последовал за мной на корму, где помог мне снять с баканцев последнюю лодку, забытую пиратами в момент охватившей их паники. Затем этот железный человек так же медленно, как бы нехотя, сходил в свою каюту и принес оттуда ящик вина и ящик сухарей, а я притащил два бочонка пресной воды. Все это мы поставили в лодку.

На эти приготовления у нас ушло с полчаса времени. Когда все было готово, Блэк спустился вниз, в машину, и притащил за собой на палубу Карла. Но ни уговоры, ни угрозы, ни мольбы Блэка не могли убедить гениального немца покинуть безымянное судно, создание его гения.

— Он хочет умереть вместе с судном, и, право, мне кажется, поступает хорошо! — проговорил Блэк и про-

тянул своему верному товарищу руку. После долгого пожатия они молча расстались. Мы на своей утлой маленькой лодочке очутились среди Атлантического океана. В тот самый момент, когда мы отпихнулись багром от своего судна, первый из броненосцев дал залп по нему, но это уже не имело значения, так как в это время Карл пустил водород во все цилиндры и при ярко вспыхнувшем пламени произошел страшный взрыв. Яркое зарево огня осветило море и небо на протяжении нескольких миль, превратив в ясный день только что наступившую ночь. На мгновение золотая крепость приподнялась над водой и затем разом пошла ко дну.

Пока над морем разливалось красное зарево, в моей памяти воскресла подобная картина — страшное зарево пожара яхты «La France» и страшный образ мертвого лица Холля, который видел в своем деле всемогущий перст Божий, и у меня невольно мелькнула мысль, что теперь дело его доведено до конца.

Блэк, уцепившись обеими руками за борт лодки, рыдал в порыве безумного горя и отчаяния.

— О, мое судно! Мое судно!

И горе этого железного человека могло бы тронуть самое черствое, каменное сердце!

XXV

СТРАНИЦА ИЗ ЖИЗНИ БЛЭКА

Не знаю, вид ли ослепительного зарева и взрыва нашего судна или неожиданность подобной развязки так озадачили экипаж броненосца, но только никто там не заметил нас, хотя они некоторое время держались вблизи. Когда же они отошли далеко и ночь пала на море, весь ужас нашего положения вдруг сразу охватил нас, тем более что ветер все крепчал и волнение усиливалось. Правда, к Блэку вернулось его обычное самообладание, и он пил глоток за глотком дорогое шампанское, как бы для того, чтобы поддержать свои силы, но, несмотря на это, упорно молчал, не проронив ни слова в продолжение нескольких часов.

Около полуночи с юга стала надвигаться гроза и море начало волноваться сильнее. Налети хоть небо-

льшой шквал, нашей лодке несдобровать бы, и так ее сильно заливало. Мы оба промокли до нитки, ослепительные молнии сверкали поминутно. Но Блэк продолжал хранить молчание. Только когда взошло солнце, мы оба положили весла и заснули на час-другой. Сон несколько восстановил наши силы, и мы теперь уже с большей надеждой стали ожидать какого-нибудь пассажирского судна, которое бы приняло нас к себе на борт. Проснувшись, Блэк казался совершенно спокойным и часто подолгу смотрел на меня с таким выражением, с каким смотрел в тот день, когда спас меня от своей команды.

— Смотрите, смотрите на восход, милый мой мальчик. Ведь, может быть, вы видите его в последний раз! — вдруг проговорил он.

— Я и смотрю, только этот восход сулит мне жизнь и надежду, — ответил я.

— Да, — продолжал он задумчиво, — вы еще так молоды и потому можете надеяться, что останетесь живы, а я... Так вот, если меня не станет, возьмите вот этот пояс, который теперь на мне, — он будет вам полезен там, на берегу. Если же мы оба останемся живы, то он выручит нас обоих.

— Но ведь мы на пути пассажирских пароходов, — заметил я, — зачем же смотреть так мрачно на будущее? Бог даст, нас заметят!

— Да, для вас это так, а мое сердце, моя душа ушла вместе с моим судном! Другого подобного мы никогда более не увидим!

— Вы сами построили его?

— Да, я построил его, когда восстал против людей и всего мира, и привелись мне опять начинать сначала, я сделал бы то же самое!

— Что вас заставило решиться на такое дело? — спросил я. — Вы, вероятно, много пережили в своей жизни?

Блэк передал мне кружку с вином и несколько штук сухарей. Когда я взглянул на него, то заметил, что лицо его помертвело. Он ничего не сказал мне, но сидел какое-то время молча, неподвижно вперив стеклянный взор куда-то вдаль.

— Я много пережил и испытал в своей жизни, — наконец проговорил он спустя несколько минут, — и

мальчиком, и мужчиной. Моя жизнь была адом. Одно-
му Богу известно, что я перенес...

Я молчал, думая только об одном: доживем ли мы
до следующего дня. Он же теперь как будто находил
облегчение, высказываясь, и потому, согреваясь вином,
продолжал:

— Я был пасынком бессердечного, бессовестного,
бесчеловечного негодяя. Моя мать умерла три месяца
спустя после того, как стала его женой. Тогда я был
бессилен, но попадись мне теперь этот человек, я разда-
вил бы его череп в своих руках, как вот этот сухарь!
Мне страшно вспомнить, как он истязал ее, как изде-
вался над ней. Но это не относится к делу! Знаете ли,
что значит нуждаться в куске насущного хлеба? Что
значит голод, день за днем? Нет? Так вы не можете себе
представить, каково жить в течение более двух лет на
одних объедках и отбросах, а я так жил у себя в Глазго,
на родине, затем жил так и на западе, и в Колорадо.
Мне не было еще тринадцати лет, когда я покинул Шо-
тландию, отплыв на «Савине» в Монреаль, а затем
в Рио-де-Жанейро и оттуда в японские воды. Я плавал
так в течение трех лет, потом бежал с судна в Сан-
Франциско. К этому времени не было такой низости,
гадости и подлости, присущих людям, которых бы я не
знал, но вместе с тем из меня за это время получился
образцовый моряк.

Парусное судно или паровое, я мог справиться луч-
ше всякого другого как с тем, так и с другим. И вот
я поступил на судно, курсировавшее между Фриско
и Йокогамой, и тут заработал хорошие деньги. Два го-
да спустя я вернулся в Европу и стал вести торговлю
между Саутчемптоном и Буэнос-Айресом. В последнем
городе я встретил свою жену. В Мендозе мы повенча-
лись. Она была из богатого, знатного рода, семья ее
презирала меня. Она же была тогда просто девочка,
никогда не знавшая не только нужды и лишений, но
жившая всегда в непомерной и безрассудной роско-
ши, а со мной она стала голодать, и не месяц, не два,
а целые годы! Ах, Боже правый! Страшно вспомнить,
что это было. Это прелестное маленькое существо из-за
меня терпело всякие унижения, всякий позор, голод
и холод,— ведь я был тогда негодяй, горький пьяница,
а мог бы работать, как и всякий другой, мог бы зараба-
тывать хорошие деньги! А я только пьянствовал — пил

до потери рассудка, до полного умопомешательства. Неудивительно, что скоро мы пали так низко, так низко, как последние нищие, бездомные бродяги. Как и чем мы жили, я сам не знаю, но после нескольких лет такой жизни мы оказались в Нью-Йорке и там у меня родился сын. Когда он вырос, он был весь в вас. Ваш рост, цвет волос, ваши глаза... Вот почему я не дал убить вас, когда вы попали ко мне на судно!

Блэк говорил тем нежным, ласковым тоном, который был ему иногда свойствен, и при этом взял мою руку и крепко пожимал ее, и я вдруг почувствовал, что там, где-то в глубине души этого человека таится родник живой воды. Я открыл в нем этот родник, пробуdiv бывшие чувства и дорогие воспоминания, и этому я был обязан своей жизнью.

— Да,— продолжал Блэк, не спуская с меня глаз и продолжая пить вино большими глотками,— да, мой мальчик был такой смелый и решительный! Не было человека более хладнокровного! Но не мне он был обязан всем этим, так как в течение половины его жизни я был мертвецки пьян, а когда бывал трезв, то большую часть времени сидел в тюрьме за то, что наделал во хмелю. Ему было около двадцати лет, когда во мне вдруг совершился переворот. Он стал зарабатывать деньги и приносил их домой, стал любовно увещевать меня, и я, глядя на него, прислушиваясь к его словам, решил побороть в себе этот страшный порок. Не прошло года, как я совсем переродился, стал новым человеком. Рассудок мой вернулся ко мне, и я вдруг осознал все, что мог бы и должен был сделать для этих двух существ, которые делали для меня больше, чем кто-либо когда-нибудь делал для другого человека, но чего я не сделал для них. Я все это осознал и понял. Вы можете себе представить, до чего я высоко ценил этого мальчика, до чего он был дорог мне! Было время, когда я с такой жгучей болью сознавал свою вину перед ними, перед этими двумя святыми существами, что был готов тут же покончить с собой и, вероятно, так бы и поступил, если бы в моей жизни не произошел в это время новый переворот: мы дошли в это время до крайней нищеты. Сын мой работал в это время у некоего Мика Ливестона, владельца небольшой пароходной линии между Бостоном и Баханасом, но дела последнего по-

шатнулись, так что мой мальчик, зарабатывавший раньше весьма порядочные деньги, теперь едва стал получать столько, чтобы прокормиться самому, и принужден был оставить свою мать всецело на мое попечение. В это время судьба столкнула меня с человеком, отправлявшимся в Мичиган искать медную руду. Он стал звать меня с собой, обещая мне по десять долларов в неделю. Я подумал об этом и, уговорившись с Ливестоном, что он будет выдавать моей жене и сыну в течение шести месяцев достаточную сумму, чтобы они могли жить, не нуждаясь в необходимом, согласился ехать в Мичиган, а год спустя уже был богатым человеком. Все это время я ни одну минуту не поддавался своему старому пороку, а как только получил деньги, поспешил отослать их Мику Ливестону в Нью-Йорк для передачи жене и сыну. Денег было столько, что он мог окружить эту женщину, столько страдавшую из-за меня, большей роскошью, чем та, какую она знала в доме своих родителей,—и это делало меня счастливым. Первое время она писала мне и говорила в своих письмах о своей новой жизни. Я носил эти письма на груди, под сорочкой, как драгоценный талисман, и дорожил ими больше, чем если бы это были слитки чистого золота. Весной я отправил Ливестону двадцать тысяч долларов для нее и получил от него расписку в получении этих денег и заявление, что моя жена уехала в Чарлстоун навестить сына, который там работал, а по возвращении оттуда обещала написать мне.

Это было спустя года полтора после моего отъезда из Нью-Йорка. С этого времени я ни от жены, ни от сына не получал никаких вестей. Между тем дело в наших рудниках шло так блестяще, что мы могли считать себя обеспеченными на всю жизнь и надеялись через несколько лет стать богачами. Но я положительно не мог примириться с отсутствием всяких известий о тех, ради кого и для кого работал, и осенью уехал в Нью-Йорк, несмотря на энергичный протест моего компаньона, который ничего не мог делать без меня. Не останавливаясь нигде в пути, я прямо с вокзала поехал к своему дому, но нашел его запертым. Вся мебель была вывезена, нигде не было никаких признаков жизни. На мои расспросы соседи сообщили, что моя жена умерла от голода! Да, от голода, так как этот негодяй, которому

я высылал деньги, выдавал ей и сыну в течение первого года небольшие суммы, а когда получил от меня крупную сумму, то бежал из Нью-Йорка, не оставив жене моей ни гроша, и с тех пор прекратил ей платить вообще. Сына же моего он увез с собой в Сусерн-Сити, уверив его, что по дошедшим до него слухам я умер от оспы, не оставив ни гроша. О, что бы я дал теперь, чтобы вновь вернуть к жизни этого негодяя и задавить его собственными руками!

— Но что же стало с вашим сыном? — спросил я, заинтересовавшись рассказом Блэка.

— Что с ним стало? — повторил мрачным тоном капитан. — Он отправился на юг, где ему сулили хорошие заработки, уехал в надежде, что будет иметь возможность высылать матери деньги. Но едва прибыл в Чарлстоун, как Ливестон, зная, что через месяц-другой мне станет все известно, захотел избавиться от лишнего свидетеля и отправил его в Панаму, где тот и умер от лихорадки. Там его и похоронили. Между тем я вернулся очень богатым. Но деньги жгли мне руки с того момента, когда я узнал, что те, для кого я копил их, для кого берег, уже не нуждаются в них. В то время я еще не знал о смерти моего сына, но, перестав пить, понял, какое неоцененное сокровище была моя жена, и я полюбил ее всеми силами своей души. Ее ужасная смерть чуть не лишила меня рассудка. Придя в себя, я стал совершенно иным человеком. В моей душе кипела ненасытная злоба, такая ненависть ко всему людскому роду, что я был рад отомстить людям за все, что они сделали, рад был видеть их муки и страдания, упиться их кровью.

Между тем мой компаньон присылал мне с наших рудников из Мичигана по тысяче долларов и больше в неделю, и я мечтал только о том, как бы вызвать к себе своего мальчика, а потом лишить жизни того негодяя, который дал умереть моей жене голодной смертью. Все, что мне было тогда известно, было то, что мой сын покинул месяца три тому назад Чарлстоун, чтобы отправиться на Багамы. Но с тех пор ни о нем, ни о судне, на котором он отбыл, не было ни слуху ни духу. Я поставил на ноги всю сыскную полицию, платил им бешеные деньги. И эти люди узнали наконец, что Ливестон отправился на одном из своих судов

в Рио или даже еще дальше на юг. Это известие точно каленым железом обожгло меня. Я знал, что сделать с ним что-нибудь законным образом не мог, разве только судиться, чтобы отобрать эти жалкие двадцать тысяч долларов, чего вовсе не хотел. Мне нужна была его жизнь — и я сам лично хотел придушить его, в этом одном я видел утешение и облегчение. Я стал посещать все трущобы, собирать всех негодяев, воров, разбойников и убийц, скрывавшихся от правосудия, и брал их к себе на службу. Меньше чем через месяц у меня был уже винтовой пароход вместимостью шестьсот тонн с медной броней и быстрым ходом и экипаж, состоящий из самых отъявленных негодяев, каких когда-либо производил свет. Судно свое мы сильно вооружили, равно как и весь экипаж, и, не теряя времени, отправились прямо в Рио.

Здесь мы узнали, что Ливестон отплыл в Буэнос-Айрес, но что через месяц его ожидают обратно в Рио. Мы в тот же день пошли дальше к югу, держась вблизи берегов, и вот счастье помогло мне. Пробило восемь склянок, экипаж собирался идти обедать, когда мой помощник заметил у нас по левому борту судно. Через полчаса мы были уже рядом с ним. Человек, отозвавшийся на мой оклик, был не кто иной, как Мик Ливестон. Увидев меня на корме парохода, он весь позеленел и крикнул, чтобы я отошел от него, если не хочу получить пулю в лоб. Но меня вид этого человека довел до сумасшествия. Я приказал открыть огонь по его судну из всех орудий одновременно, и в несколько минут мы очистили всю его палубу и разнесли все, что там было. Он лежал и молил о пощаде. Я потребовал шлюпку и взошел к нему на судно. Он корчился от страха и ползал у меня в ногах, как уж. На мой вопрос, где мой сын, он отвечал, что он умер в Панаме от лихорадки. И снова, плача, как женщина, негодяй стал молить о пощаде. Но я вынул свой нож и сам, своими руками, перерезал ему горло, затем выбросил тело его, изрубленное на куски, на съедение акулам. Видит Бог, что я тогда был не в своем уме, как это часто бывало со мной впоследствии, — мною овладевает порой какое-то слепое бешенство, какая-то страшная ярость. Я не помню себя, в глазах у меня стоит кровавый туман, я задыхаюсь от злобы и ненависти ко всему человечеству.

Покончив с судном Ливестона, мы пошли в Панаму, и там я разузнал все о смерти своего сына, нашел могилу его и оставался там до тех пор, пока не украсил ее, как только умел. Затем я решил вернуться в Нью-Йорк, но по пути моя команда, которой расправа с судном Ливестона пришлось по вкусу, без меня, так как я был мертвецки пьян в это время, задержала какой-то бриг и открыла по нему огонь. Ограбив бриг, эти звери пустили его ко дну из чистого озорства — и я не остановил их, так как мне было не до них. Когда им вздумалось проделать то же самое еще с дюжиной других судов, я не стал запрещать. А к тому времени, когда мы снова вернулись в Нью-Йорк, я уже вошел во вкус этой новой работы, которая в пылу опасности помогала мне забываться, и мне казалось, что я вправе мстить человечеству, вправе поднять руку на весь проклятый род людской, творящий столько зла и порождающий столько несчастий. Это новое дело, кроме того, приносило нам кучу денег, и, когда я услышал в Нью-Йорке, что на море появились пираты, мне вдруг пришла мысль, что, имея я подходящее судно, я очистил бы весь Атлантический океан. Грандиозность этого смелого дела, страшный риск, сопряженный с ним, вечная ежеминутная опасность — все это прельщало меня.

Вбив в голову эту мысль, я по прибытии в Нью-Йорк не распустил свой экипаж, вскоре отправился в Мичиган, к своим рудникам. Мой компаньон оказался чрезвычайно добросовестным человеком и продолжал выплачивать мне мою долю. К этому времени в моем распоряжении было не менее миллиона фунтов стерлингов. Здесь я встретил Карла Реймея, убежденного в том, что двигательная сила будущего — газ. Он предложил применить его для работы по извлечению руды, затем спроектировал движимый газом катер для перевозки руды. У меня появилась идея дать ему возможность осуществить его идею в более грандиозных размерах — построить большое судно с газовыми двигателями и с помощью этого судна поставить пиратство на широкую ногу, громить и губить один за другим все встречные суда на всем пространстве необъятного Атлантического океана. В моих глазах это было не что иное, как борьба одного человека против целого человечества. Это возбуждало меня и действовало бо-

лее опьяняющим, более одуряющим образом, чем вино. Пока проект такого судна разрабатывался немецким инженером, я со своим прежним экипажем на винтовом пароходе «Росса», вооружение которого было усилено к этому времени, в течение трех месяцев задержал двадцать судов и забрал товаром и деньгами свыше двухсот тысяч долларов. Но я сознавал, что для нас было крайне неудобно и даже небезопасно заходить в порты, чтобы брать уголь, и не иметь в целом мире надежного убежища.

Меня выручил тот же Карл. Этот удивительный, гениальный человек указал мне фиорд к северу от колонии Годшааб, где он раньше бывал, и подал мне мысль устроить там недоступный укрепленный замок. По его плану в Италии для меня построили мое судно из фосфористой бронзы. Применение этого металла в качестве строительного материала также было идеей Карла. Действительно, лучшего материала для постройки судов не существует, но ввиду его громадной стоимости он не всем по силам. Я же не жалел денег на это судно — и оно стало красой морей, царем судов в океане! Да, другого такого судна не было и не будет. С ним я был всемогущим, всесильным царем и властелином морей. Оно было таким же редким произведением искусства, такой же драгоценностью, как любая художественная миниатюра или драгоценный камень, а я считал себя страстным любителем и знатоком этого. Эта страсть и столкнула меня с Холлем. Я, конечно, сразу признал его, несмотря на переодевание, так как видел, когда он пробирался в Специи в мою комнату, и с того самого времени постоянно следил за ним. Он был бы и сейчас жив, если бы не вздумал выслеживать меня. Мы наказали его за любопытство и коварные намерения, но я отдаю ему должное: это был отважный, смелый человек. Это он довел меня до этого положения, он, а не вы...

— И высшее правосудие Божие! — добавил я.

— Может быть, и это, — согласился Блэк. — А все-таки, случись со мной то, что случилось семь лет тому назад, когда я стал пиратом, я сделал бы опять то же самое. Но что говорить об этом? Теперь уже все конечно! Через сутки вы останетесь один в этой лодке, мой милый мальчик. Я чувствую, что во мне все уже умер-

ло, да без своего судна я и не хочу, и не могу жить. Я пойду ко дну, как оно!

Он умолк. Казалось, что его длинная исповедь совершенно истощила его силы. Время было близко к полудню, день был томительно жаркий; даже крашенные борта лодки накалились так, что жгли руку. Нас томила мучительная жажда. Я тянул глоток за глотком воду, захваченную мной с судна, а Блэк продолжал пить шампанское, усиленно стараясь дойти до полного опьянения, что ему, в сущности, очень плохо удавалось.

Час проходил за часом, а я все напрасно окидывал горизонт тревожным взором, надеясь увидеть вдали какое-нибудь судно. Сколько печальных, безрадостных мыслей проносилось у меня в голове, сколько горячих молитв возносил я к Богу! А Блэк все пил и пил. Наконец я стал замечать, что вино начинает действовать на него и им овладевает прежнее безумие, припадок той белой горячки, которой он был подвержен. Несколько раз он громко звал жену, сожалел о прошлом, горячо говорил ей о своей любви, затем начинал шептать что-то о своем сыне, восклицая: «Боже мой, Боже мой, мое судно гибнет! Спускай шлюпки!» Затем он с яростной злобой послал проклятия тому американцу, которого зарыл живым в снежную могилу и который теперь в этот страшный момент оживал в его памяти. Но я тогда почти умирал уже от озноба и истощения сил и смутно осознавал, что происходит вокруг.

Между тем солнце спустилось уже за горизонт. Увидеть еще раз рассвет я уже не надеялся. Но это даже не огорчало теперь меня, до того я был измучен и утомлен. Когда же Блэк накрыл меня, я сразу заснул тяжелым сном, как после сильного опьянения.

Я помню, что в продолжение ночи дважды просыпался на минуту, затем снова впадал в тяжелое забытие. Мне помнится, как сейчас, что я видел звездное небо, а прямо над собой — воспаленные, безумные глаза Блэка, судорожно вцепившегося руками в борта лодки, — и этот взгляд давил меня, как свинцовая гиря. В другой раз я увидел бледную полосу зарождавшегося рассвета и почувствовал капли теплого дождя на своем лице, но я не слышал ни одного звука, кроме плеска волн о лодку. Повернувшись в полусне, я снова забылся. Мне показалось, будто я слышу голос несчаст-

ного, взывающий ко мне из воды. Я хотел помочь этому человеку, рука которого торчала из воды и звала меня на помощь, но какая-то неведомая сила, точно железными клещами, давила меня, не давая возможности подняться и даже шевельнуть головой или рукой. Когда я наконец совершенно проснулся, то понял, что мою лодку зацепили багром и тащат к большой шлюпке, в которой было много матросов. Я поднялся и стал протирать глаза, затем разобрал, что эти люди кричали мне что-то по-немецки, и вдруг увидел, что я один в лодке. Блэка не было со мной!

Оглянувшись, я увидел невдалеке длинный черный пароход. Матросы перетащили меня в свою шлюпку и стали успокаивать. Но меня преследовал мой странный сон, и теперь мне казалось, что этот голос, который я слышал во сне, был голосом Блэка, звавшего меня в тот момент, когда он бросился в море в поисках смерти в волнах Атлантического океана.

Действительно ли погиб этот человек, покончил ли он с этой жизнью, которая являлась сплошным рядом самых ужасных преступлений, или же он каким-нибудь чудом нашел себе спасение в то время, когда я спал, я не мог решить. Вдруг я ощутил на себе тот шелковый пояс, о котором мне говорил Блэк. Ощупав его, я определил, что он весь был набит камнями. Тогда мне все сразу стало ясно: этот человек даже в последний момент своей жизни подумал обо мне, надел на меня свой пояс и завязал его крепким морским узлом. Значит, до самой последней минуты он сохранил свою привязанность ко мне. Но ведь эти драгоценные камни представляли собой часть награбленных им богатств! При мысли об этом у меня появилось непреодолимое желание сорвать с себя этот пояс и бросить все заключавшиеся в нем драгоценности в море. Но мои закованные пальцы не могли распутать узел.

Наконец я очутился на палубе «Надежды» — так называлось немецкое судно. Меня обступили офицеры, все пожимали мне руки, говорили какие-то слова. Члены экипажа столпились вокруг меня и громким, радостным криком приветствовали мое спасение. Но я чувствовал такую непреодолимую слабость, что едва осознавал, что происходит вокруг, и не мог отвечать

этим добрым людям. Мои спасители ласково повели меня вниз, в каюту капитана, и уложили в его постель. Машинально опустившись на нее, я тут же лишился чувств, но вскоре, как оказалось, обморок перешел в крепкий сон, длившийся несколько часов.

Когда, выспавшись как следует, я открыл глаза, мне принесли тарелку горячего бульона и стакан крепкого вина. Это значительно подкрепило мои силы и я почувствовал себя как бы воскресшим к новой жизни. Совершенно очнувшись, я заметил, что с меня сняли платье и сменили белье. Пояс мой, то есть Блэка, лежал у меня в ногах нетронутый. Он не был тяжелым, так как камней в нем было не очень много. Сделан он был из шелкового шарфа и плотно зашит на концах. Я долгое время не решался распороть его. Но потом, захватив зубами узелок нитки, откусил его и потянул за нитку. Тогда мне на колени выпали из пояса один за другим крупные алмазы самой чистой воды. Такой красоты камней я никогда не видел. Я невольно залюбовался ими, восхищенный и ослепленный их блеском, и продолжал тянуть нитку, пока не распорол весь пояс. На коленях, на одеяле у меня лежало теперь не менее пятидесяти великолепных алмазов, огромный изумруд, несколько превосходных черных жемчужин и несколько редких по своей красоте рубинов. Тут же была сложенная в несколько раз записка, в которой я прочел эти трогательные слова: «Сын мой,— я вас считаю своим сыном и потому говорю вам: сын мой, возьмите эти камни, они добыты честным путем, так что ваша совесть не будет упрекать вас за них. Позвольте мне написать вам, пока еще можно, что я, видит Бог, любил вас. Не забудьте этого, сын мой, и вспомните об этом, когда начнете забывать капитана Блэка!»

Больше ничего! Я читал и перечитывал эти строки и едва верил своим глазам. Эти камни— их было тут по меньшей мере на пятьдесят тысяч фунтов стерлингов— представляли собой громадное состояние, совершенно неожиданно упавшее мне с неба. Я проворно оделся, собрал камни обратно в пояс и, завязав их просто в узел, который затем повесил себе на шею, вышел на палубу.

День был ясный и радостный, но мне почему-то не верилось, что от безымянного судна и его экипажа не осталось нигде ни малейшего следа.

«Надежда» шла в Кенигсберг, но мне удалось сговориться с капитаном, и он любезно согласился зайти в Саутчемптон, чтобы высадить меня там: меня непреодолимо тянуло поскорее увидеть своих друзей, очутиться на родине. Перед тем как расстаться, я уговорил капитана Вольфрама принять от меня на память один из моих алмазов, а другой продать и вырученные деньги поделить между членами экипажа. Затем, трогательно простившись, я сел в шлюпку, которая должна была отвезти меня на берег. Но, проезжая мимо разных судов, я вдруг узнал в числе других мою яхту «Сельзис» и Дэна, расхаживавшего взад и вперед по палубе. По моей просьбе шлюпка «Надежды» пристала к яхте и я дрогнувшим от волнения голосом окликнул Дэна.

— Эй, кто там? Спусти лестницу, Даниэль!

— Эй! Эй! — воскликнул старик. — Что это, или я брежу, или это наш господин! — И старик вдруг засуетился, стал кидать канат — словом, совсем потерял голову, приговаривая все время: «Вот видит Бог, это наш господин! Ну да, конечно, это он, или я пьян!»

XXVI

МОЕ УДИВЛЕНИЕ

Я взбежал по трапу прежде, чем старый Дэн успел прийти в себя от радости и удивления. Тогда старик подбежал ко мне и, потрясая мою руку, уставился на меня, как бы желая увериться, что ему не грезится.

— Где же Родрик и Мэри? — спросил я.

— Там, внизу, спят, покушали и легли отдохнуть. Хотите, я разбужу их?

Но я уже сам пошел тихонечко вниз и, отворив дверь в кают-компанию, остановился на пороге, как привидение. Детское личико Мэри, сильно похудевшее и печальное, поразило меня. Она сидела над книгой, лежавшей перед ней на столе, опустив голову на руки, с печальным выражением в прекрасных темных глазах, а Родрик по обыкновению лежал на диване и крепко спал.

Никто из них не заметил, как я тихонько отворил дверь и вошел. Я стоял и смотрел на этих двух дорогих мне людей молча и не шевелясь, как зачарованный.

Вдруг Мэри подняла голову, и глаза наши встретились.

лись. Я не выдержал, перегнулся к ней через стол и крепко поцеловал. Она ухватила за меня и молча смотрела глазами, полными слез. Минуту спустя лицо ее озарилось чисто детской радостью: не только губы ее, но и глаза, и щеки смеялись, и тогда она заговорила, как та прежняя Мэри, которую я знал с детства:

— Марк, голубчик мой, я просто не могу поверить, что это вы! — И она держала меня крепко своими маленькими ручками, точно опасалась, что я опять исчезну, — я всегда думала, что вы вернетесь!

При звуке ее голоса проснулся и Родрик, зевнул, протирая глаза, наконец, увидев меня, словно во сне проговорил:

— А, это ты...

Чай, налитый мне Мэри, казался особенно вкусным и ароматным, как и сигары Родрика. В этот день мы долго просидели за столом. Я рассказывал своим друзьям о своем пленении, хотя, конечно, только в общих чертах. А они сообщили мне, в свою очередь, о своих тревогах и беспокойстве со времени моего исчезновения, а также о том, что они предпринимали, чтобы напасть на мой след. Оказалось, что, когда я не явился к условленному часу в гостиницу, Родрик поспешил на нашу яхту и, узнав от Дэна о моем намерении, тотчас же обратился в сыскную полицию. Но в это время я лежал уже в шлюпке под кормой «Лабрадора» и ловким нью-йоркским сыщикам не удалось напасть на мой след.

Однако сыскная полиция продолжала следить за Паоло, оставшимся в Нью-Йорке, но поймать его живым не удалось: как раз перед тем, как его арестовать, кто-то из его собутыльников в одной из грязных харчевен застрелил его. Он прожил всего несколько часов, успев только послать записку Мэри с извещением, что ее прелестные глаза спасли «Сельзис» от окончательной гибели в Атлантическом океане. В тот же день Родрик и капитан предали гласности все, что им было известно о капитане Блэке, его экипаже. Это вызвало неслыханное волнение повсюду, куда только дошли эти вести, немедленно разнесенные телеграфом во все концы света. Все правительства и все судовладельцы до того всполошились, что некоторое время торговля на Ат-

лантическом океане приостановилась; пассажирские пароходы вооружились артиллерией; военные крейсера различных наций были высланы для охраны пути больших океанских пароходов. Однако, несмотря на самые тщательные розыски, полиции не удалось напасть на мой след.

Вдруг Родрик получил телеграмму от инспектора сыскальной полиции Кинга, что Блэк и я находимся в Лондоне. Но, когда мой друг прибыл туда, меня уже не было. Он поспешил обратно в Саутчемптон, чтобы ждать там дальнейших известий о преследовании безымянного судна и его капитана, за которым вышли в погоню несколько броненосцев.

Мы долго-долго говорили обо всем. Прелестные темные глазки горели ярким огнем, милая маленькая ручка, не переставая, сжимала мою руку. Даже Родрик как будто стряхнул с себя свою вечную сонливость и оживился.

— Завтра, — сказал он, — мы все отправимся в Лондон, там ты потребуешь назначенные адмиралтейством пятьдесят тысяч фунтов за поимку капитана Блэка и его безымянного судна, и другие двадцать тысяч фунтов, обещанные пароходной компанией «Черный якорь». Так что теперь ты человек, обеспеченный на всю жизнь. Затем ничто не мешает нам отправиться в таинственный фиорд, служивший убежищем для капитана Блэка на севере Гренландии, и выгнать оттуда пароход Блэка, ускользнувший от броненосцев. Это будет интереснейшее путешествие, какое только можно придумать!

— Ну, а что скажет на это Мэри? — спросил я.

— Я не намерена больше отпускать вас от себя, Марк! — ответила девушка с очаровательной улыбкой и крепко прижалась ко мне.

В этот момент по палубе над нашей головой послышался сильный топот нескольких десятков ног и веселые голоса людей моего экипажа. Я поспешил наверх поздороваться с ними. Непритворная радость и сердечные приветствия этих добрых, привязанных ко мне людей, которых и сам я привык любить и уважать, тронули меня до глубины души. Но в этот радостный и торжественный момент моей жизни, когда сияющие радостью глазки Мэри смотрели мне в лицо, а ее алые губки улыбались мне, в моей душе вдруг ожило воспомина-

ние о капитане Блэке и сам собою стал напрашиваться вопрос: действительно ли умер этот человек или же мы снова услышим о его страшных подвигах, вселявших страх и ужас в душу каждого, кто видел его, сталкивался с ним. Что-то говорило мне, что этот сильный и глубоко несчастный человек нашел себе могилу на дне океана, могучего и властного, каким был он сам в дни своего могущества и силы... Впрочем, как знать?!

МОРСКИЕ ВОЛКИ

роман

I

ИСКАТЕЛЬ КОЛДУНИЙ

— Держу пари, что она испанка! Посмотрите на ее дочь! — сказал американец Кеннер своему собеседнику, гладко выбритому, длиннолицему англичанину, сидевшему за вкусным завтраком на террасе большой гостиницы в Монако.

— Я наблюдал за ее дочерью с полчаса, — отвечал тот, — и если они останутся дольше, то готов созерцать ее хоть целый час!

Американец весело и громко засмеялся, вынимая сигару из кожаного портсигара.

— Ну, мне приходилось видеть и похуже этой маленькой девочки в соломенной шляпе с развевающимися лентами. Разузнайте-ка лучше о денежном положении ее матери и, думаю, придете в восторг. Старушке, наверно, сто и четыре года, хотя она моложава!

— А знаете, — заметил собеседник Кеннера, — хозяин гостиницы говорит, что у нее четыре стены и пропасть, и это она называет замком, где-то на северо-западе Испании. А ее профессия, пожалуй, не менее оригинальна: она топит корабли и собирает с них припасы. Что вы скажете на это?

— Мне кажется, что хозяин ловкий лгун!

Американцу, как и его собеседнику, было лет тридцать. Он начал задумчиво крутить свои волнистые светлые усы и не мог отвести взора от стола, роскошно обставленного пальмами, около которых сидела испанка со своею дочерью. Из них мать обращала на себя большее внимание. По лицу это была похожая на фурию женщина. Когда же она вставала, то прежде всего бросались в глаза громадный рост, шаги мужчины и твер-

дая походка. Годы провели морщины на коричневой, грубой коже ее свирепого лица, так что с первого взгляда можно разглядеть только ее черты, которые когда-то служили украшением замечательного лица, теперь же безобразили его.

Что касается ее дочери, маленькой Инессы, как ее звали в гостинице, то она ела фрукты с юной беззаботностью, в то время как мать поглощала устрицы и шампанское. Ее темные волосы с роскошным блеском южан, черные, живые глаза и пикантное, красивое личико — все это производило приятное впечатление. Те, кто знал что-нибудь про нее, говорили, что ей восемнадцать лет, но она не оправдывала быстрой зрелости своей страны, так как в ее манерах еще виднелось детское беспокойство и живость воспитанницы английского пансиона.

Эта оригинальная семья, до сих пор никогда еще не прибегавшая к гостеприимству Монако и не приводившая свою яхту в голубые воды моря, возбудила теперь живой интерес в американце Кеннере и равнодушном англичанине Арнольде Мессенджере, известном под именем Принца.

Утро было прекрасное; солнце играло своими блестящими лучами на спокойной поверхности Средиземного моря, освещая беловатые виллы и скалистые мысы с раскидистыми пальмами и группами алоэ. По террасам двигались люди в ярких костюмах. Ветерок упоительной свежести приносил со своим дуновением звуки мечтательной музыки. Несколько яхт стояло на якорях неподвижно. В такое утро нельзя было предаваться грусти, но непреодолимое уныние охватило вдруг американца, и он не мог избавиться от этого чувства.

— Знаете, Принц, что я вам скажу, — сказал он после некоторого молчания, — я когда-то занимался ясно-видением, и вот теперь запомните мои слова. Во-первых, я должен заметить, что раньше видел эту женщину; во-вторых, я снова с нею встречаюсь, и при следующей встрече или она одержит верх надо мною, или я над нею. Это будет серьезное дело, и кто-нибудь из нас погибнет!

Он был грустен, его глаза, блестевшие от возбуждения, были устремлены на старуху, сидящую за столом. Мессенджер слушал и громко смеялся.

В это время испанка, заплатив по счету, ушла с тер-

расы и через час покинула Монако на своей паровой яхте, оставив после себя только воспоминание о своей смешной и странной внешности.

II ЗАМЫСЕЛ

Арнольд Мессенджер, давая мне связку бумаг, из которых почерпнута большая часть эпизодов этого рассказа, забыл в то же самое время снабдить меня данными из своего прошлого, чтобы дать мне, как биографу, возможность вполне оценить этого выдающегося человека. Я видел его недавно в Монтевидео, где он играл по очень большой ставке, но потерял почти все, что поставил, даже несомненную дружбу молодого человека по имени Генри Фишер, бывшего с ним в то время.

Не имея точных данных, мне теперь нелегко выполнить эту задачу. О детстве и молодости его я мало узнал, за исключением того, что он был исключен из колледжа Магдалины Кембриджского университета, не получив никакой ученой степени. Последующие годы его прошли в беспечной роскоши, и если б не денежное вмешательство его дяди, богатого собственника резиновой мануфактуры в Грантаме, то он мог бы очутиться на скамье подсудимых. Но он избежал этого, благодаря помощи дяди, а также своему замечательному уму, хотя и дурно направленному.

Во время своих скитаний по Лондону, спустя два года после выхода из Кембриджа, он познакомился с юношей, которого выдавал за своего брата. Юноша сблизился с ним во время уличной ссоры, и после взаимных признаний между ними возникла странная, необъяснимая дружба. Хель Фишер был сын торговца кофе в Ливерпуле. Он лишился матери при рождении, много перенес от отца, грубо проявлявшего свою родительскую власть; четырнадцати лет вышел из частной школы в Эдгбастоне в Бирмингемском графстве. В Лондон он приехал, подобно многим другим, с надеждою, со страхом, но без друзей, без знания, без плана, без будущности. В первый же вечер своего приезда случайное любопытство привело его в середину толпы, которая собралась, как это часто бывает в Англии,—

смотреть, как пятеро напали на одного. Инстинктивно приняв сторону слабого, он вмешался в драку и в скором времени очутился в комнатах Арнольда Мессенджера, где и рассказал серьезному, сосредоточенному, но симпатичному незнакомцу всю историю своей жизни.

Результатом была дружба, продолжавшаяся без перерыва около трех с половиною лет. Фишер много знал для своего возраста, хорошо владел пером и прочел много книг. Заметьте странную прихоть судьбы, которая ввела такого прекрасного юношу в общество одного из самых ловких и усовершенствованных «рыцарей индустрии» в Лондоне. Арнольд Мессенджер в это время, да, думаю, и впоследствии также, доставал себе средства к существованию мошенничеством. Найдя необыкновенно удобным для себя пользоваться услугами человека, который никогда не расспрашивал его, но с точностью приводил в исполнение его планы без надоедливой любознательности, он, до сих пор не оказывавший внимания даже собаке, был принужден отвечать на привязанность великодушием. Он принял на себя роль старшего брата, охранял юношу от участия в своих опасных похождениях, гордился мыслью, что Фишер считает его честным, и тратил свои деньги на юношу с великодушием, которое доказывало, что у него была и хорошая сторона характера.

Это именно и был тот праздношатающийся, которого я видел в Монако в обществе Кеннера. Его друг, американец, слыл богачом, на самом же деле он привел свою яхту в Средиземное море только с целью обобрать кого-нибудь. Но судьба не улыбалась ни ему, ни Мессенджеру. Они не могли встретить ни одного глупца, у которого бы можно было «почистить карманы». Теперь, особенно для англичанина, ближайшее будущее было так мрачно, что он уже подумывал, как бы бежать из гостиницы, не заплатив по счету. Его плутовская изобретательность уже истощилась.

Это случилось как раз в то время, когда они встретили испанку и ее дочь Инессу. Они наблюдали, как женщины уезжали из города на своей яхте, явно направляясь в Геную. После юноши блуждали с час в красивой, небольшой гавани и потом вернулись по просьбе Мессенджера отыскивать своих приятелей. Из них я достаточно много говорил о Фишере, семнадцатилет-

нем юноше, но мало знал о другом молодом человеке, Сиднее Кепле, лет двадцати четырех. Фишер встретился с ним в Монако. Он называл себя клерком банковской конторы Кепль, Мартингель и К°, во главе которой стоял и считался солидным человеком его дядя. Сидней был совсем мальчиком и по виду, и по убеждениям. Он с удовольствием катался на лодке со своим приятелем. В это утро Мессенджер и американец застали их только что возвратившимися с прогулки верхом, еще в шпорах, в изобилии уничтожающими рыбу, мясо и живность, что служило им завтраком. Во время разговора, который они вели не умолкая, юноши ни на минуту не выпускали из рук ножа и вилки и не давали отдыха слугам.

— Знаете ли что, Принц,—сказал Фишер, принимаясь за блюдо с лесной земляникой с особенным аппетитом,—дорога в Ментону самая грандиозная, какую я когда-либо знал. Никогда в жизни не видел растений, подобных этим громадным кипарисам и молочайникам. Мы снова любовались сегодня утром белоснежными вершинами Корсики. Они были величественны на солнце, подобно горам на картинах, и так ясны, как на фотографии. Не правда ли, Кепль?

Сидней Кепль, который неохотно допускал, что можно найти что-либо красивое в четырех милях от Черинг-Кросса, ответил прозаично:

— Славная старая Корсика!

— Вот животное-то! — продолжал Фишер, не замечая грубости своего собственного замечания.— Я показываю ему на холм, покрытый зелеными оливковыми и лимонными деревьями, а он говорит, что это ему напоминает парк Регента. Мне кажется, единственная вещь на свете интересует Кепля—это кеб или билет в театр!

— Он только смеется над вами, Хель,—проговорил Принц, кутивший и с приятной улыбкой слушавший болтовню.— Но если вы к нему обратитесь серьезно, то он прочитает вам обстоятельнейшую лекцию о гелиотропе и целый трактат о грушах!

— Разве? — возразил Фишер в ожидании сладкого блюда.— Вы себе представить не можете, что это за неартистическая натура: одни факты и цифры, как механический счетчик. Сегодня вечером он возвращается

в Лондон, чтобы везти в Петербург Бог знает сколько бочонков золота.

Американец, читавший во время этого разговора, прислушался. Принц также положил газету, которую держал в руке.

— Что такое? — спросил он. — Вам действительно надо ехать, Кепль?

— Боюсь, что да! Дело в том, что два раза в год наша фирма посылает несколько сот тысяч стерлингов в Петербург. Мой дядя желает, чтобы я был одним из двух, которым поручено это дело! Вот я и уезжаю!

— Вот как! — заметил Кеннер с напускным равнодушием. — А сколько вас будет при этих деньгах?

— Да двое же, как я уже сказал! — отвечал Кепль, зажигая папиросу и откидываясь назад, чтобы посмотреть вдоль береговой линии в Бордигер. — Да ведь опасности нет!

— Конечно, нет! — проговорил Мессенджер. — Я полагаю, что никто и не знает, когда отправляются деньги!

— Вот именно! У нас отдельный поезд от улицы Фэнчирич до Тильбери, отдельная каюта или судно от Тильбери до Флешинга. А оттуда мы едем прямо до русской границы!

— Кстати, — вмешался Кеннер, — я могу проехать в Лондон после здешней цветочной выставки. Скажите номер вашего дома. Может быть, я буду в ваших краях.

— У меня есть его адрес, — отвечал за Кепля Фишер.

Наступило молчание, прерываемое лишь мелодиями Глюка, переносившимися с одной террасы на другую и терявшимися в шуме болтовни и движений да еще в шепоте морского ветерка.

Погода была очаровательная, и у юношей явилось желание прокатиться на лодке.

— Послушайте, Кеннер, — воскликнул Кепль, — можно нам взять вашу лодку?

— Конечно, — отвечал американец, — мы с Принцем вовсе не хотим никуда ехать!

— Да, — вставил англичанин, — мне надо написать кое-какие письма.

— В таком случае я вам нужен? — с грустью спросил Фишер.

— Нисколько! Идите себе спокойно!

Юноши весело встали из-за стола и отправились под руку по направлению к гавани, где стояла паровая яхта американца «Семирамида». Дорогою Фишер воспользовался случаем, чтобы сделать несколько замечаний об образовании своего друга-патрона.

— Бедняга Мессенджер! — проговорил он. — Воображаю, как он путается в словаре без меня. За всю свою жизнь я не знаю никого, кто бы мог писать так безграмотно! А впрочем, все-таки он славный малый. Для меня он был больше брата на свете, а грамотность еще не самое важное!

Он всегда утешал себя этим размышлением, что и было основанием их дружбы, но сегодня Принц действительно мало нуждался в нем. Он не нуждался в секретаре, так как ему вовсе и не нужно было писать писем. Как только юноши удалились, он отложил газету в сторону и обратился к товарищу.

— Мне хочется выкурить сигару и пройтись по нижней части города. Вам это по дороге?

— Я хотел вам предложить то же самое, — отвечал американец с самым откровенным видом. — Поедемте!

Они сошли с террасы и, обогнув гавань по дороге в Ментону, направились по чудной проезжей дороге, составляющей одну из прелестей Ривьеры. Там, кроме нескольких праздношатаев, возвращавшихся с мыса Мартин, никто не встретился им. Некоторое время царило молчание.

Мессенджер снова заговорил первый.

— Кеннер, — сказал он, вдруг остановясь и начав ударять палкою по твердой дороге, — Кеннер, эти деньги ведь можно бы приобрести!

Американец пустил клуб дыма и прямо взглянул своему достойному другу в лицо.

— Вы высказали соображение, которое я уже обдумывал последние десять минут!

Поблизости была скамейка. Друзья сели на нее и продолжали уже свободнее.

— Скажите, — продолжал англичанин, — чем объяснить, что этих двух клерков — иначе их назвать нельзя — посылают дважды или трижды в год в Петербург с несколькими тоннами золота, и никто из наших друзей не попробовал счастья с ними?

— Да очень просто! — усмехнулся Кеннер. — Не предполагаете же вы, что они ходят по всем издателям

газет, объявляя: «Вот снова отправляют пятьсот тысяч в Петербург, послушайте и оповестите об этом». Они это держат в секрете — в этом их спасение!

— Вполне согласен с вами! Но все-таки, согласитесь, рискованно посылать такое громадное количество золота под охраною всего двух юнцов!

— А зачем нужно больше? — спросил Кеннер. — Что ж, вы остановите, что ли, поезд, на котором везут золото?

— Нет. Но предположим, что какой-нибудь умный человек услышал, что Кепль, Мартингель и К° посылают полмиллиона в Россию, положим, через три месяца. Отчего бы ему не рискнуть заполучить это золото себе?

— Да я же вот повторяю, — проговорил Кеннер, — что деньги отправляются в отдельном вагоне, на отдельном пароходе и снова в вагоне!

— Э, — заметил развязно Мессенджер, — вот именно пароход-то и даст возможность успешно устроить это дельце. Нужно только удалить шкипера судна, а там уже будет легко!

— Ну, и что же из этого выйдет? Что можно сделать с судном, нагруженным деньгами, между Гарвичем и Шельдой? Право, я думал лучше о вас! Разве вы не знаете, что пакет будет объявлен пропавшим в каждом порту канала и его задержат?

— Постойте, вы все еще не уловили сути дела. Слушайте! Умный человек, про которого я говорил, начнет с того, что уедет отсюда сегодня вечером и последует за этим Сиднеем Кеплем в Лондон. Там он будет с ним часто видаться (наймет квартиру в его доме, если возможно) в течение следующих трех месяцев. Он пустит в ход весь свой ум, чтобы вступить с ним в дружбу, а свободное от этого занятия время употребит на сближение (купленное какой бы то ни было ценою) со шкипером судна, который обыкновенно перевозит деньги. Не надо больших усилий, чтобы вообразить, что у этого человека могут оказаться важные дела в Петербурге в тот самый момент, когда Сидней Кепль поедет сослитками золота. Поэтому не будет ничего удивительного, если он получит позволение ехать в отдельном поезде и на судне. Затем я представляю себе, что у него есть приятель, владеющий паровой яхтой. Если этот друг

встретит судно в Северном море, как условлено, то дело становится яснее. Вы следите за мною?

— По самой кратчайшей линии! — отвечал американец с видимым интересом.

— Ну-с, у шкипера есть люди, которые зависят от него. Клерки, если они не подкуплены, получают по два выстрела из револьвера. Судно топитя, деньги перегружаются на яхту, и та направляется к северу в Атлантический океан. После этого остается только приятная прогулка!

Англичанин кончил. Кеннер же, быстро встав со скамейки, с бледным лицом и блестящими глазами, воскликнул:

— Принц, вы — гений, клянусь небом!

— Вы так думаете? — проговорил Мессенджер. — Но заметьте, дело требует денег!

— Достанем!

День проходил, запад покрывался темно-красным оттенком, предвестником сумерек. Достойные друзья решили возвратиться в город. Большую часть дороги они шли молча, но при входе в город американец вдруг остановился и порывисто спросил своего товарища:

— Можете ли вы уехать отсюда сегодня вечером?

— Да, — был ответ Мессенджера, — если бы я мог достать пятьсот и обещание получить тысячи две через месяц!

— Это порядочно!

— Зато и дело не шуточное, так что игра стоит свеч. Кроме того, эти деньги, которые мне нужны сейчас, могут пойти в счет, когда придет время. Вы приведете «Семирамиду» в Лондон, как только я телеграфирую вам!

— Кстати, если я уеду, то Фишер будет вашим спутником месяца на два. Согласны?

— Хорошо. Но впоследствии он сойдет на берег, конечно?

— На берег? Не думаю. Разве вы захотите, чтобы он рассказывал о моей истории, когда я расстанусь с ним? Если мы уедем, то и он тоже!

Разговаривая таким образом, сообщники вышли в сад и прошли в комнату Кеннера. Через два часа Сидней Кепль поехал в Лондон, вслед за ним отправился Арнольд Мессенджер.

III НА ПАРОВОЙ ЯХТЕ «СЕМИРАМИДА»

В июле паровая яхта «Семирамида» обогнула Южный Форланд и бросила якорь между судами, задержанными штормовым ветром около города Дили.

В Соленте яхта взяла лоцмана, так как шкипер Роджер Берк, из Сан-Франциско, высокий и здоровый мужчина, ничего не знал об английских водах, а большая часть экипажа состояла из негров и аскарцев. Помощником шкипера был слабый, тихий человек по имени Паркер; главным механиком — итальянец, которого они взяли на борт во время долгого крейсирования по Адриатическому морю. Яхта была построена на Темзе для американца Джека Кеннера. По быстроте хода и по очертанию она имела мало соперниц. Говорят, она двигалась со скоростью торпеды.

Из-за чрезмерных размеров машины кормовая часть судна была тесна, хотя длина судна доходила до двухсот футов. Поэтому удобств на яхте было мало. В общем, «Семирамида» имела обычный вид корабля с экипажем в тридцать человек и находящиеся на ней знали, что она постоит за себя в случае нужды.

Якорь был поднят, и яхта спокойно плыла по зеркальному морю. Капитан Берк сошел с безукоризненного белого мостика и спустился по лестнице, ведущей в общую комнату. Там он застал Хеля Фишера, растянувшегося на бархатном диване и погруженного в героический древний рассказ о морских разбойниках. Юноша с любопытством посмотрел на него и задал совсем ненужный вопрос:

— Что это, якорь подняли?

— Разумеется! Разве вы приняли это за стрельбу или погрузку угля?

— Неприветливое животное! — проворчал юноша, когда колоссальная фигура капитана исчезла за дверью, которая вела в его каюту. Он вспомнил, что они должны были прибыть в Даун.

Юноша страстно желал поскорее увидеть белые скалы Англии после трехмесячного скитания в разных водах. Он сердился на Принца за то, что тот оставил его на яхте Кеннера. Почему это ему нельзя было пое-

хоть с ним в Лондон? Какие это дела мог вести человек почти безграмотный? Эту тайну не мог отгадать семнадцатилетний юноша с его еще очень малым знанием света. Он только мог заключить с грустью в сердце, что снова в руках злой судьбы и что его жизненный путь идет по тернистой дороге. Все это возбуждало в нем сильное желание поскорее приехать в Англию. Конечно, если бы он знал, какие бесконечные опасности ожидали его на берегах родины, то сомнения и страх приняли бы другой характер.

Когда он вышел на палубу, ему бросились в глаза белые здания на холмах и домики красивого Кента. Все было зелено, в цветах благодаря благодатному лету — и всякая грусть исчезла, уступив место радости: он знал, что скоро снова услышит голос своего друга и пожмет руку, которая сделала для него так много.

В таком настроении он стоял на корме «Семирамиды», когда Роджер Берк, шкипер, пошел в свою каюту, где сидел Кеннер. Оба вскоре начали негромкий и серьезный разговор. Перед американцем лежало длинное шифрованное письмо и телеграмма.

— Берк,— проговорил он, понижая голос почти до шепота,— в этой телеграмме сказано: «Оставайтесь в Дауне до моего приезда». Что он хочет этим сказать? Вот шифр. Можете прочесть сами. Тут ясно сказано, чтобы мы были готовы для дела одиннадцатого числа этого месяца, а сегодня десятое. Почему эта отсрочка, почему? Разве только для того, чтобы предупредить об опасности?

Шкипер покачал головою.

— Дело нелегкое! — проговорил он. — Очень может быть, что они одержат верх над ним раньше, чем он достигнет Лондона. Начать с того, что каждому из нас грозит быть повешенным!

— Вы не знаете Принца,— отвечал Кеннер. — Не так уж просто перехитрить его!

— Не спорю! Однако зачем ему нужен этот мальчишка?

— Это его дело! — возразил Кеннер. — Для нас важнее знать, куда мы поедem и куда повезут деньги.

— Вот то-то и есть! — сказал Берк, пожав плечами. — Когда дело кончится, сколько человек будут участвовать в дележе?

У Кеннера был готов ответ, но он остановился,

услышав голоса наверху и шаги на палубе. Через минуту дверь каюты открылась и на пороге появился Арнольд Мессенджер. Хотя прошло три месяца со дня их разлуки, но он нисколько не изменился. Его лицо было так же неподвижно, как и прежде, манеры спокойны. Он был одет в костюм из синей саржи и от хорошего портного; коричневые сапоги блестели, как рефлекторы; белое было безукоризненной белизны. Друзья с радостью встретили его.

— Кеннер,— проговорил он, запирая за собою дверь,— то, что мне надо сказать вам, рассчитано по часам: я должен быть в Лондоне без десяти минут семь!

— У вас в распоряжении полчаса,— отвечал лаконично Кеннер,— Берк, спустите лодку.

— Хорошо! Теперь дайте мне чернил!— с этими словами Принц выложил на стол какие-то бумаги.

Берк пошел к шкафу, а Кеннер, не будучи в состоянии сдержать своего нетерпения, воскликнул:

— Принц, отвечайте скорее, будут ли отправлены деньги или вы отказались от этого дела?

— Деньги отправляют завтра вечером,— ответил Мессенджер, не двигая ни одним мускулом своего лица,— и судно «Адмирал» везет их из Тильбери до Флессингена!

— Ну, а вам удалось узнать сумму?— продолжал американец хриплым голосом.

— Миллион стерлингов!— невозмутимо ответил Принц и затем продолжал:— Дело оказалось сложнее, чем я предполагал три месяца тому назад в Монако. Ну, да это вы знаете из моих писем, теперь не стоит терять на это времени. Лучше скажите, нет ли на вашей яхте какого подозрительного человека?

— Это дело Берка!— отвечал Кеннер.

Шкипер, сидевший на краю скамьи, подперев рукою подбородок, при этом замечании поднял голову и спокойно ответил:

— Если бы я считал кого-нибудь из своего экипажа недостойным доверия, то просто всадил бы ему пулю в лоб, рискуя даже быть повешенным за это!

— Отлично! Теперь я не сомневаюсь. Кому из экипажа можно высказать и когда сказать?

— Полагаю, вам необходимо сообщить им все без утайки,— ответил шкипер,— за исключением стоимо-

сти груза. Это должно быть известно только нам троим!

— И шкиперу судна,—вставил Мессенджер,—он редкий человек. Имя его Кесс Робинзон — упрям, как мул. Я должен был обещать ему двадцать тысяч фунтов и около двух тысяч на каждого человека из его экипажа!

— Взяли ли вы со всех клятву? — резко спросил Берк.

— Зачем же теперь? — ответил Мессенджер. — Разве нам нужно, чтобы они разболтали об этом по всему городу? Выбор хорош, и если между ними будут беспорядки, то это произойдет от помощника капитана Майка Бреннана, честного малого, которого я уговаривал около месяца и не произвел на него никакого впечатления!

— Сколько из них переберется сюда? — спросил Кеннер немного боязливо. — Вы понимаете, что сколько им обещано, столько же и наши должны получить, если все будет идти гладко!

— Я об этом думал, — возразил Мессенджер, — назначим сорок тысяч на всех. Ропота никакого не будет. У нас оружие должно быть наготове, и если они начнут сопротивляться, то нам придется стрелять.

— Понятно! — воскликнул Берк, щелкая пальцами. — Теперь нам остается узнать наши инструкции!

— Я намереваюсь написать их, — сказал Мессенджер, взяв перо и лист писчей бумаги, с видом человека, привыкшего к тому, — как только я сойду, отправитесь к Ширнесу запастись углем, как можно больше наполните палубы и лари. Вы будете стоять в устье реки до завтрашнего вечера, может быть, и до одиннадцати часов. Деньги отправят из Бишопстрита около семи часов и повезут в специальном поезде из Фэнчирич в Тильбери, где сдадут на судно «Адмирал» в руки Сиднея Кепля и Артура Конерза, главного клерка фирмы. Я уже буду на судне, которое сразу поднимет якорь и направится вдоль реки. В Ширнесу мы возьмем несколько в сторону, тогда как вы, готовые к отплытию, последуете за нами так близко, как это позволяет здравый смысл, до тех пор, пока мы не очутимся в Северном море, минуя другие суда. Мы определим курс по направлению к северо-востоку, чтобы не быть на пути других пароходов. А когда мы будем готовы для вас, — что бу-

дет не раньше, чем мы пройдем Гулль,— то пустим две ракеты, вы нам ответите, быстро подойдете,— и мы передадим деньги на вашу яхту. После этого, как я уже говорил три месяца тому назад, все будет зависеть от ловкости...

Американец слушал с большим вниманием, восхищенный этим человеком, ум которого мог разработать такой блестящий план.

— Ну, а как вы избавитесь от клерков?

— Это зависит от них самих или во всяком случае от одного из них! — ответил Мессенджер, продолжая писать. — Вы прочли в моих письмах, что Кепль в наших руках. Я его подкупил за четверть добычи, как было условлено между вами, мною и Кеннером месяц тому назад. Он должен пять тысяч в Лондоне и не может отступить — я уже постарался об этом. Он набросился на дело почти прежде, чем я заговорил о нем. Я вполне доверяюсь ему. Другой же клерк, глупец, болван, или уступит в первой схватке, или погибнет. Но кто может доставить нам хлопот, так это помощник капитана!

— А место назначения? — спросил американец.

— Во-первых, Монтевидео и благодатный край Аргентины или Уругвай!

В то же время Принц продолжал писать, делая подробные указания и обозначив часы ясно, но неуклюжими цифрами. Другие терпеливо ждали его, хотя в них было заметно возбуждение. Закончив все красивым росчерком, англичанин посмотрел на часы и сказал, что у него десять минут свободных; это сообщение вызвало у американца желание распить бутылку на счастье.

— Которое вам будет очень нужно, — проворчал Берк, — я недолюбливаю дело, начатое в пятницу! Мессенджер усмехнулся.

— Берк, — сказал он, — мне были даны хорошие отзывы о вас, и теперь вам придется рискнуть, как никогда раньше. Что же, вы хотите изображать из себя старую бабу?

С этими словами он вышел на палубу и здесь увидел, что его ожидает лодка, а Фишер стоит, задумчиво облокотившись на борт. Одно мгновение он как будто хотел войти в лодку, не обратив внимания на юношу,

но затем поспешно схватил юношу за руку и заговорил с ним тихим голосом:

— Хель, мне вам нужно многое сказать, но теперь не время. Через три дня я буду здесь снова и тогда рассчитываю на вас!

С этими словами он ушел. А пока Фишер обдумывал их, «Семирамида» подняла якорь и вошла в устье реки.

IV

ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ СУДНА «АДМИРАЛ»

Дождь лил как из ведра, безжалостный летний дождь. Обгорелые, засохшие листья и земля впитывали его в себя с неутолимою жадностью. Небо, с полудня покрытое свинцовыми тучами, сделалось почти таким же темным, как бывает ночью. В воздухе ощущалась расслабляющая тяжесть. Казалось, что ветер дул со всех сторон одновременно, сгибая молодые растения, как прутья, и разбрасывая душистые цветы деревьев.

Сидней Кепль стоял, задумавшись, у окна во дворе гостиницы в Дензе, когда пробило пять часов и старая служанка подала на стол чай, последний вечерний чай перед его путешествием в Россию.

Те, которые видели теперь Кепля, говорили, что он очень переменился после того, как был на берегу Средиземного моря, когда смотрел на жизнь так легко. Его лицо побледнело, около глаз образовались красноватые круги; у него был сильный кашель; одежда лишилась прежней щеголеватости. Такую перемену легко было понять тем, кто знал его внутреннюю жизнь в течение тех месяцев, когда Мессенджер крепко опутывал его своими сетями и пока совершенно не забрал его в свои руки. Это было быстрое падение. Кепль оказался мягким, как глина, в руках человека, обращавшегося с ним, как искусный авантюрист и негодяй. Эта ночь должна была решить его судьбу. Ему предстояло расстаться с карьерой, с друзьями и вступить на дорогу опасности, неизвестности и сомнения. Если бы было возможно, он бы вернулся назад, даже теперь, но сеть, опутавшая его, была так плотна, что он не мог освободиться от ее петель.

Часы на набережной пробили четверть шестого, когда он перестал наблюдать за непрерывным дождем и механически собрал свой багаж. Он приготовил себе все те вещи, которые брал в подобные поездки. Механически упаковывая их, он каждую минуту ожидал услышать шаги Мессенджера по лестнице и стук в дверь, и действительно, в половине шестого Мессенджер явился с улыбкою и с необыкновенным румянцем на лице. На нем была надета короткая черная куртка с белым жилетом и легкий макинтош. Поздоровавшись с юношей, вошедший заговорил с необыкновенной быстротою.

— Я вижу, вы готовы?

— Да,— холодно ответил Кепль,— хотя мне сильно хотелось бы не ехать!

Мессенджер злобно взглянул на него, но сдержался и только коротко заметил:

— Я сам был молодым, сам знаю это чувство, хотя давно потерял его. Выпейте-ка стакан коньяку да подумайте о завтрашнем дне!

— Как раз об этом я и думаю,— отвечал Кепль,— о завтрашнем дне и последующих годах!

Мессенджер засмеялся немного резко, но ничего не сказал, и они оба пошли на набережную, где их ожидал кеб. Через десять минут они уже ехали по улице королевы Виктории в банк, у дверей которого должны были расстаться. Мессенджер отправлялся в Тильбери, а Кепль — в контору своей фирмы, где должен был встретить своего сослуживца и получить слитки золота. Быстрое «прощай» вырвалось у Мессенджера, когда он соскочил с кеба на мостовую, но снова обернулся, когда Кепль закрывал дверь, и проговорил:

— Кстати, когда вы войдете на яхту Кеннера, то найдете там Фишера. Он ничего не знает, конечно, о нашем деле, и мы должны сговориться, что ему сказать, прежде чем встретим его. Вы знаете, что он всему поверит, что вы расскажете!

Кепль не успел ничего ответить на это, так как кеб покати́л дальше по направлению Ломбардской улицы. Отсюда Мессенджер направился поспешно в Тильбери и на Южную железную дорогу. В половине восьмого он приехал в док и через пять минут был уже на судне «Адмирал». Здесь на задней палубе не было никого, кроме дрессированной собаки, свернувшейся калачом

около штурвала. Дальше три матроса в клеенчатой одежде были заняты канатом; около них стоял и шкипер Кесс Робинзон, маленький, с головою, как шар, рыжий, одетый в кожаную куртку и остроконечную шапку. Он то и дело произносил различные ругательства на разных языках. Это занятие, по-видимому, так поглотило его внимание, что он не сразу заметил Мессенджера. Увидя его, он обнаружил свое дурное расположение духа.

— Вы пришли на судно? — проговорил он вместо приветствия. — Давно пора!

— Что случилось! — спросил Принц. — Вы как будто не в праздничном настроении! Не случилось ли чего дурного?

— Случилось, — угрюмо возразил тот. — Эта проклятая буксировка отчасти испортила дело, кроме того... Но я вам после скажу!

Вскоре они сидели уже в маленькой каюте шкипера. Осторожный Робинзон тщательно запер за собою дверь каюты и затем, прихлебывая из бутылки голландский джин, начал:

— Дело в том, что с нашим помощником, Майком Бреннаном, не так легко иметь дело, как я бы хотел. Не то что он совсем раскусил нас, но он хочет знать слишком много. Он на берегу, и я ищу двух новичков, чтобы напоить его. Если он придет на судно трезвым, то затруднит наше положение!

— А каковы остальные? — спросил Мессенджер.

— Шесть человек мне известны. Трое новичков — я вчера нанял их в доках, но они также на нашей стороне. Затем — трое бывалых людей, которые готовы работать со мною все время, и помощник. Все-таки, должен сказать, это — рискованное дело!

Принц закурил большую сигару и в раздумье облокотился на подушки. Он не скрывал от себя, что никогда еще в своей жизни не рисковал так, как в этот раз, и сам едва верил в успех задуманного предприятия. Но отступать было поздно, и потому, приняв беззаботный вид, он воскликнул:

— Ба! Чего беспокоиться? Лучше скажите, есть ли у вас револьвер?

— У меня?! — сказал шкипер. — Огнестрельное оружие не по моей части, да я и не думаю, чтобы оно понадобилось нам.

— Но этот помощник, что нам с ним делать?

— Время покажет! — и шкипер больше ничего не прибавил.

В это время постучался матрос, докладывая о приходе других, и оба сообщника торопливо вышли на палубу.

Прилив был полный. Дождь перестал идти. После грозы наступила великолепная ночь. С доков Тильбери мачты многих кораблей обозначались огнями. А красный солнечный шар бросал свой свет на волны реки и крыши некрасивого города. При этом красном освещении на краю пристани видны были фигуры Сиднея Кепля и его товарища Артура Конерза, охранявших груз больших хорошо упакованных бочонков и запечатанных ящиков, в которых лежало колоссальное богатство. Через десять минут слитки были убраны в кормовую часть судна, и, когда клерки закричали стоявшим на берегу «Готово!», судно вышло из доков и быстро поплыло по реке. Кесс Робинзон стоял на мостике, у штурвала — матрос Георг Уайт; помощник же капитана Майк Бреннан, напившись до бесчувствия, спал в своей каюте в передней части судна.

Золото, как уже сказано, было убрано в кормовые отсеки судна. Большая часть его была в слитках, уложенных в бочонки, меньшая же — в соверенах *, запакowanych в обитые железом ящики. Последние, как и бочонки, были сложены в одном и том же помещении. На одном из ящиков сидел Сидней Кепль, одетый в легкий дорожный костюм, в то время как судно проходило мимо Гревзенда и вступало в широкую часть реки. Его товарищ Артур Конерз, неизменно сопровождавший его в подобных случаях, поместился на краю деревянной скамейки капитана. Тут же был и Мессенджер, оживленно разговаривавший, облокотясь на стол под фонарем.

При виде этой группы можно было принять всех за праздных людей, совершающих приятную морскую прогулку до Флессингена. Да и нигде в другом месте на судне не было видно ни малейшего признака катастрофы, которая потом случилась. До сумерек не произошло ничего важного. Судно прошло мимо маяка Чап-

* Английская золотая монета.

ман и направилось в открытое море. Наступила ночь, полная случайностей и смертельной опасности.

Когда «Адмирал» находился против Ширнеса, Мессенджер поднялся по лестнице, бросив взгляд на Кепля, и подошел к капитану на мостике.

— Ну,— сказал он,— видно ли судно Кеннера?

— Не могу сказать! — пробормотал тот.

— Кеннер никогда не торопится! — с неудовольствием заметил англичанин. — Зажгите фонарь!

Синий свет тотчас же блеснул во мраке, но ему ответили только с северного мыса.

— Он выжидает! — сказал капитан. — Еще нет беды!

Он хотел еще что-то сказать, но остановился, заметив внизу на палубе помощника капитана Майка Бреннана, стоявшего там с мигающими глазами от сильного света фонаря. Любопытство придало ему бодрости, и он переносил взор от людей, стоящих на мостике, к месту отдаленного сигнала. Бреннан только наполовину отрезвился и не мог еще хорошо соображать. Он пробормотал что-то с беспечною простотою и скоро снова пошел в свою каюту.

Внимание Мессенджера и капитана снова обратилось на море, где они с минуты на минуту ожидали увидеть яхту Кеннера. На «Адмирале» царила тишина, прерываемая только дежурным у штурвала или звонками в машинном отделении. На небе показалась луна и величественно осветила беловатый кентский берег и мрачные болота острова Кенвей. На обширном серебристом своде неба теперь не было ни одной тучки. Кругом виднелись огни и неясные очертания различных барок и больших пароходов, а дальше, по направлению к берегам Франции и Бельгии, длинный ряд фонарей, мелькающих, вращающихся и неподвижных, указывал глубокую часть канала — великий водяной путь к громадному городу.

— Он встретит нас в открытом море! — заметил капитан Принцу и велел взять курс прямо в Северное море, вместо того чтобы идти прямо, как требовалось. Эту перемену направления заметили трое матросов и вышли на палубу. Даже механик выглянул из своей двери, как будто предвидя что-то необыкновенное.

Вдруг внизу мостика снова появился Майк Бреннан,

на этот раз вооруженный большою железною палкою. Позади него стоял с револьвером Артур Конерз, старший клерк, с видом человека, готового ко всему. Голос помощника, раздававшийся ясно и выразительно, заставил всех обратить внимание на положение «Адмирала».

— Шкипер! — сказал он, встав ногою на одну ступеньку лестницы и держась за перила. — Я должен вас спросить относительно курса!

При первом звуке этого голоса Робинзон побледнел, но, пересилив свое волнение, резко закричал:

— Майк Бреннан, уже не в первый раз вы вмешиваетесь в мои дела! Убирайтесь спать, пока я вас не вытолкал отсюда!

Это оскорбительное замечание взорвало вспыльчивого ирландца, и он, вскочив на лестницу, одним ударом палки сбросил его через козлук в море, куда тот грузно упал, как мешок с камнями. Вслед затем, охваченный жаждою крови, ирландец замахнулся было и на Мессенджера, но, промахнувшись, сам стремглав упал на нижнюю палубу, где в ту же минуту раздался выстрел из револьвера. То выстрелил Конерз, сообразив, что они попали в ловушку. Вслед затем раздалось и другие выстрелы. Пули со свистом летали над головами экипажа. Многие лежали скучившись около люка, другие бегали по палубе и прятались где могли. Во все это время Конерз не переставал сильно кричать. Полагая, что Кепль был его сторонником, он обратился к нему и к Мессенджеру на мостике:

— Кепль, ради Бога, стреляй! Здесь убийство, право, убийство! Мы попали в ловушку, клянусь небом!

Но Кепль не ответил: испуганный, он рыдал на корме.

Когда честный Конерз утомился от крика, в него выстрелили из люка, но неудачно. Между тем, ошеломленный было сначала своим падением, помощник теперь оправился и бросился со своею палкою на троих из присутствующих. Одному он рассек череп, а двое других с воплем попадали в люк. В эту минуту он и Конерз были хозяевами на палубе. Мессенджера, продолжавшего стоять на мостике, они оставили в покое, не соображая, друг он или враг. Но, когда Конерзу понадобилось снова зарядить револьвер, Мессенджер бы-

стро соскочил с мостика и неожиданно появился перед ним.

— Слушайте,—сказал он тем особенным, строгим голосом, которым он умел приказывать при случае,— мне кажется, вы довольно сделали для одной ночи. Уберите этот заряд!

Конерз повиновался ему, как всегда, слабые повинуются сильным, даже в минуту опасности.

— Теперь,—продолжал тот тем же тоном,— идите на корму и не сходите вниз, пока я не позову вас, если вы только не хотите быть убитым.

Конерз, утомленный резнею и переживая уже реакцию, послушно спустился вниз. Мессенджер запер за ним дверь каюты и обернулся посмотреть на бледное лицо и дрожащую фигуру Кепля.

— Кепль, я думаю, вы в большом затруднении. Как случилось, что этот дьявол вырвался?

— Он сошел в каюту, когда вы ушли,— пробормотал тот,— и клялся, что застрелит меня, если я пошевельюсь. Потом он позвал Конерза, и они пошли вместе.

— Я так и думал. Ну, кто-нибудь должен покончить с ним, мешкать нельзя! Я пойду, а вы следуйте за мною.

У Кепля не было особенного расположения к этому делу, но он одинаково боялся и остановиться, и идти вперед; он прятался за Мессенджером и шел за ним, как за новым начальником судна. В это время помощник, разбитый и ошеломленный, бросил свою железную палку и сидел на ящике с балластом. Но при первых тихих звуках шагов он очнулся и вскочил с ужасным криком:

— А, так вы и есть тот негодяй, которого я жду! Дай мне Боже силы! — зарычал он, схватив свое оружие.

Мессенджер легко бы мог покончить с ним выстрелом из револьвера, но побоялся звуком выстрела привлечь внимание других судов. В это время ирландец сильно ударил его палкой по голове. Но удар был слишком большой силы, гладкое железо выскользнуло из его рук, пронеслось над плечом Мессенджера, опустившегося на одно колено, и, не задев его, ударило Сиднея Кепля по лицу так, что кости его черепа затрещали, и он мертвым упал на палубу.

На мгновение этот трагический эпизод заставил

всех замолчать. Помощник дрожал, как будто от страшного холода, экипаж отстранился от него, как от сумасшедшего. Мессенджер один сохранял присутствие духа и, прежде чем обезоруженный ирландец снова ободрился, ударом кулака свалил его, затем приказал связать, а сам поднялся опять на мостик.

Теперь судно находилось между многими другими судами, направляющимися к Шельде и в Голландию, а Мессенджер еще не был готов к передаче слитков золота на яхту, так как не обладал ловкостью покойного Кесса Робинзона. Палуба судна была запятнана кровью, а экипаж, парализованный ужасом, попрятался кто куда. Только штурвальный стоял у колеса да внизу, у машины,— механик-шотландец Алек Джонсон.

— Все ли в исправности внизу, когда настанет время?— сурово спросил он.— Это судно должно исчезнуть спустя пять минут, как мы оставим его!

— Можете положиться на меня,— отвечал шотландец,— оно погрузится, как мешок с камнями, а перед утром будет туман, который поможет нам скрываться!

Действительно, скоро наступил пасмурный день; холодный, пронизывающий белый туман опустился на суда и скрывал море. Вдруг большая полоса темнокрасного цвета, пробившись сквозь туман, рассеяла его — и теперь можно было ясно видеть покрытое пенящимися волнами море. Подбадривающая утренняя свежесть, казалось, призывала к дневной работе. Воздух был чудный, живительный для тех, кто просыпался после долгого сна, но те, которые оставались на судне, были охвачены новым страхом. Когда взошло солнце, оно осветило лицо умершего, лежавшего в том же положении, так что экипаж, выйдя ободренный, отшатнулся. Все боялись дотронуться до него и опустить в море, служащее местом упокоения для умерших. Мессенджер сам понял, что подобное напряжение не может долго продолжаться, и при перемене вахты вдруг приказал направляться прямо к «Семирамиде», хотя риск такого действия был ему очевиден.

Все были в полном восторге при мысли, что освободятся от невыносимого заключения. В одну минуту все ожило. Оставались в бездействии только пятеро из экипажа; из них один был почти мальчик, которого звали Билли и считали полудураком, полуидиотом. Помощник, который после драки лежал около люка почти без

чувств и связанный, был забыт всеми. Между тем «Адмирала» сразу заметили с «Семирамиды» и начали давать сигналы, а через десять минут судно подошло к большой яхте. Немедленно принялись за перегрузку золота. Это было сделано наскоро; затем все поспешили покинуть «Адмирала»... «Семирамида» снова дала ход и стала удаляться от покинутого судна.

Теперь все стали ждать его крушения. Но, прежде чем это произошло, показалось на мостике судна видение, заставившее побледнеть лица торжествующего экипажа и вызвавшее у всех крики злобы и страха. Это был помощник шкипера Майк Бреннан, о котором совершенно забыли. Теперь он вдруг появился у колеса и с бешеными проклятиями обрушивался на отъезжавших. Там он стоял некоторое время. Вдруг раздался сильный гул как бы от мощного взрыва в машинном отделении, и маленький пароход, накренившись на бок, подняв корму над волнами, через несколько минут погрузился в воду. Вместе с судном исчез и помощник. Но, когда он исчезал, раздался голос идиота Билли:

— Я его освободил! Я это сделал! Кто хочет выслушать Билли? Да будут прокляты умные!..

Смерть Бреннана произвела сильное впечатление на экипаж «Семирамиды». Но раздумывать было нечего. Скоро в Лондоне должны были узнать о разбое — и тогда не уйти от погони. Берк велел усилить пары.

V

ТРИ ДНЯ СПУСТЯ

На третий день вечером после гибели «Адмирала» «Семирамида» направилась к Северному морю, держась шотландского берега. Экипаж скоро забыл кровавую драму, разыгравшуюся на «Адмирале», и теперь устремил жадные взоры на ящики с драгоценным металлом, загромождавшие большую каюту. Мысли всех вращались только вокруг золота. Соблазн был так велик, что на второй день Георга Уайта, одного из матросов, застали в каюте, старающимся открыть ящик со слитками. Берк приказал немедленно наказать его.

— Вы будете наказаны для примера другим, — проговорил шкипер, когда виновный стоял перед ним, — а если это не поможет, то я застрелю вас!

— Вы не смеете меня трогать,— крикнул тот сердито,— я не подвластен вам!

Матросы, услышав громкие голоса, собрались вокруг них. Многие роптали, защищая Уайта и соглашаясь с ним.

— Вы не смеете его трогать,— говорили они,— он не ваш, и мы все на его стороне!

Берк посмотрел на них очень спокойно, когда они говорили это, но, когда один из них приблизился к нему с угрожающим видом, он вдруг вытащил большой револьвер из своего кармана и ударил подошедшего по голове с такою силою, что тот упал навзничь.

— Ну,— сказал шкипер по-прежнему спокойно,— кто еще сунется ко мне?

Но желающих не оказалось. Все поспешили скрыться, даже Уайт. Однако Берк, заметив это, так схватил его и потряс, что у того зубы застучали.

— Ты собираешься идти спать, не правда ли?— сказал он.— А я хочу немного разбудить тебя. Сюда! Привяжите его! Это ведь не казенное судно! Не так ли? Вы не подписали мне никакой бумаги? Ну, тогда я подпишу за вас, даже приложу еще печать!

Нашлись покорные исполнители его воли, и Уайт был подвергнут двадцати ударам кнута. Когда кончили наказание, несчастный лишился чувств, но Берк толкнул его тело ногою, сказав:

— Так ты не подписал, дружище? Ну, вот вместо этого моя подпись! Думаю, раньше чем через неделю или две она не сотрется. Бросьте его на скамью,— приказал он матросам,— а если у него еще будут какие-нибудь претензии, когда он очнется, то я готов выслушать их на тех же условиях!

Жестокость Берка запугала всех присутствующих, заставив на время забыть о всяких опасностях.

Хель Фишер, также присутствовавший при наказании, ушел с мрачным лицом. Последние три дня юноша жил как бы во сне, не видя своего друга Принца. Но на четвертый день тот явился к нему и на вопрос Фишера, что тут происходит, объяснил:

— Я могу сообщить вам вкратце, что, во-первых, мы куда-то отправляемся, и это не суточное плавание, как вы видите. Во-вторых, у нас на судне что-то есть такое, чего мы не отдадим дешево, Хель. Это— денежный груз!

Он почти прошептал последние слова и, видя удивление юноши, весело засмеялся.

— Да, у Кеннера и у меня важное дело. Мы должны перевезти этот груз в Буэнос-Айрес для людей, которых я не должен называть. Это важное дело, и здешним людям нельзя его доверять. Нам, может быть, предстоит борьба, нам будет нужна вся ловкость. Вы должны остаться с нами!

Фишер выслушал неловкую ложь, как школьник, слушающий рассказы моряка. Дело в том, что Мессенджер только что выдумал эту историю, чтобы как-нибудь удовлетворить любопытство юноши. К счастью, его ученик так мало знал жизнь, что очевидная нелепость заявления о необыкновенной опасности при перевозке денег в Аргентину никак не запала в его неразвитый ум. Он только думал, что теперь будет принимать участие в таком хорошем деле, и восторженно ответил:

— Стоять за вас? Конечно! За кого же другого я могу стоять, как не за вас?!

Мессенджер теперь был вполне удовлетворен, что у него есть на судне хоть один честный помощник, и если сказать правду, то он доверял только одному этому юноше. Кеннер был плут, который каждую минуту мог выступить против него; Берк же был забияка, но во всяком случае державший всех в своих руках. Англичанину приходилось доверять лишь своему уму и тонкому умению благополучно выходить из любой передраги.

Таково было положение дел на третий день, оно не изменилось и до полуночи, когда Фишер пришел на палубу сменить дежурство. Было решено, что каждый из участников будет дежурить по очереди наверху лестницы, перед входом в каюту, чтобы кто-нибудь из экипажа не соблазнился золотом. Эту обязанность юноша добросовестно разделял с другими. Никто из них не раздевался с первого часа бегства, каждый держал револьвер. Фишеру тоже дали пистолет с наказом стрелять в каждого, кто попытается войти в общую каюту без уважительной причины. А чтобы он не мог колебаться и точно исполнил приказание, Мессенджер и Кеннер в его дежурство спали ближе к лестнице, чем обычно.

Юноша был настороже. Полное спокойствие цари-

ло на судне. Наступил четвертый день. На северо-западе показались шквалы. На море было сильное волнение, вследствие чего палуба на носовой части заливалась водою. Ночь была очень темная; громадные тучи покрывали небо, и в первые два часа вахты не было луны. Холод пронизывал до костей, и Фишер дрожал в своей клеенке, с трудом удерживаясь от желания завалиться где-нибудь потеплее. Берк спал в это время, а на его месте на мостике находился его помощник, худой и очень скромный человек по имени Паркер.

Раза два, когда юноша в темноте ходил взад и вперед, ему показалось, что кто-то еще движется на палубе около него. Но его нервы были и без того расстроены, а скрип каната и завывание бушующего моря еще более раздражали их, и он думал, что это ему только кажется.

Когда пробило на вахте два часа, мрак ночи усилился, ветер — тоже, и движение яхты стало неровным. Юноша прислонился к перилам, ведущим в люк, и задумался.

Вдруг, случайно посмотрев вниз, на палубу, он убедился, что внизу копошится какая-то фигура. Он выхватил свой револьвер. Но человек этот встал и схватил Фишера за руку.

— Не трогайте Билли,— пробормотал он,— ведь вы не застрелите Билли? Они зарежут вас сейчас, всех вас, Билли знает, он видит их!

Удивленный юноша не знал, на что решиться: поднимать ли тревогу или нет? Но в это время двадцать фигур, большею частью вооруженных ножами и железными полосами, а трое с револьверами, перебрались кошачьей походкой с середины палубы на корму.

VI

РАССВЕТ, НО НЕ К ЛУЧШЕМУ

Как ни не опытен был юноша, но злое намерение экипажа стало и ему очевидно. Он выстрелил трижды из револьвера, потом громко позвал находившихся внизу. Его выстрелы удержали толпу на некоторое время. Столпившись около юноши, они стали подбадривать себя криками, отвечая с своей стороны выстрелами и ругательствами. Еще немного — и юноше бы не-

сдобровать, но вдруг все остановились со страшным криком, а многие в ужасе упали на колени. На них падал яркий белый свет, который, отражаясь на морской поверхности, рассекал ночную мглу. Оказалось, это был свет с посланного в погоню крейсера. Но суеверные люди думали, не Бог ли разверз небеса, чтобы осветить их дела. Некоторое время все стояли в каком-то оцепенении.

Вдруг раздался грозный окрик Берка:

— Вставайте, говорю вам! Не думаете ли вы, что это последний день суда?.. Все на палубу, трусы! Двигайтесь, или, черт возьми, я сойду вниз и сам подвину вас!

При звуках голоса грозного начальника все пришли в себя и направились к своим местам. У топки поставили двоих дежурных, два канонира прочищали трехдюймовые орудия, бывшие на носу и посередине судна. Происшедшая схватка из-за золота была забыта в несколько минут. Раздавались звонки, отдавались приказания, усиливали топку. Вся палуба, на которой за десять минут до этого царило молчание, теперь наполнилась движением, голосами, деятельностью. Объяснений не требовалось, инстинктивно все на яхте поняли угрожающую им опасность.

Положение было критическое. На море царил по-прежнему темнота, за исключением беловатой полосы, выходившей из фонаря. Ветер дул сильно, плескавшие на верхнюю палубу волны грозили затопить люки. Яхта дрожала при каждом ударе пенистой волны. Но никто не обращал на это внимания. Все взоры были устремлены на крейсер, который вот-вот нагонит яхту.

Так прошла ночь.

Рассветало медленно. Черные тучи висели над горизонтом. Стихнувший было немного ветер снова подул прямо с запада. На палубу «Семирамиды» лились потоки прохладного дождя.

На всем пространстве моря был слышен шум пенящихся волн, раздававшийся, как рев водопада. Мрак ночи едва ли был хуже нового рассвета: темные тучи низко нависли над бушевавшим морем, грустно завывавший ветер наводил на душу отчаяние.

Большая часть людей лежала вместе около люка, молча следя за крейсером. На мостике также никто не разговаривал.

Такое невыносимое состояние длилось несколько часов и продолжалось бы, вероятно, еще дольше, если бы повар, одноногий Джо, для которого один интерес был в мясе для котла, выйдя из коридора, не начал звать завтракать. Его неровные шаги по люку всегда возбуждали смех в обыкновенное время, но теперь и к нему сначала отнеслись сухо.

Только после долгого зова несколько человек сошли вниз в столовую. Берк последовал их примеру, уводя с собою Кеннера.

Теперь не время было думать о пище, но шкипер знал, что им всем предстоит долгая и усиленная работа. Кроме того, сам он всегда имел хороший аппетит. Наконец, обеденная выпивка должна была поднять общий дух.

Но под влиянием винных паров компания чуть было не передралась между собою. Ссоре положил конец пушечный выстрел, внезапно раздавшийся с крейсера. При звуке его все поспешили наверх.

— Они начали стрелять! — воскликнул Берк, и в одно мгновение его опьянение прошло. Он побежал по лестнице. Остальные последовали за ним и увидели, что преследующий их крейсер окутан дымом, а их собственные люди лежат на палубе, выказывая более страха, чем когда-либо.

VII

НА ЮГ ПО НАПРАВЛЕНИЮ К КОРУННЕ

В течение часа, который Мессенджер, Кеннер и Берк провели в каюте, в состоянии погоды не произошло никакой перемены. Может быть, только резкость ветра немного уменьшилась да темные тучи рассеялись, уступив место светло-серым, но солнце по-прежнему едва проглядывало минут на пять или шесть, скользя веерообразными лучами по зеленой поверхности моря и ослепляя своим блеском.

Окинув взором море, шкипер велел усилить огонь в топке.

— Позвольте сказать вам, они дают сигнал! — скромно заметил ему Паркер.

— А пусть их! — возразил Берк иронически. — Вы думаете, что я начну говорить с ними? Нет!

— Но они говорят, я читаю по флагам,— продолжал помощник, не обращая внимания на слова капитана.— Если вы не пустите их сейчас на яхту, то они будут стрелять в вас!

— Это они говорят, да?— кричал шкипер с жаром.— Я не словарь, но у меня есть слово для них. Приготовьте ту пушку!

При этих словах люди бросились прочищать пушку Норденфельда. Казалось, что они находили большое утешение в работе. Никто из них прежде не был в деле ни на суше, ни на море, и такая стрельба с «Неро» — они теперь знали имя крейсера — вселяла в них ужас, умерить который они могли только своими ответными выстрелами. Даже шотландец пришел в восторг и стоял около группы работающих, крича и жестикулируя с энергией, не свойственной его соотечественникам. Вторичный выстрел с «Неро» застал его взывающим к храбрости своих подчиненных. В этот момент крейсер находился на вершине громадной волны. Пущенное ядро ударило в машинное отделение яхты, выше ватерлинии, снесло бастион и вдребезги разбило окно в общей каюте. Долгое время после выстрела туча густого едкого дыма покрывала палубу яхты, а когда прояснилось, то около пушки лежало трое убитых; шотландца не было видно. Он стоял на том самом месте, куда ударило ядро, и был сброшен в море. Когда последствия этого выстрела стали известны всем, страх экипажа быстро перешел в дикий гнев. Люди, ревя, как звери, с ожесточением начали стрелять, гневно грозить кулаками и просить вина в те минуты, когда их снова охватывал ужас. Сама палуба, на которой они работали, была скользкая от пены и сырости, что затрудняло движение по ней, и щепки, смешанные с кровью убитых, плавали в маленьких лужицах около желобов.

Убитых и раненых оставили лежать там, где они были, с их стеклянными взорами, обращенными к небу, которого они уже не могли видеть. Их тела катались по судну, на них наступали обезумевшие люди, которым угрожала опасность быть захваченными. Все это время крик Берка на мостике заглушался завыванием ветра, который, казалось, набрал новых сил после короткого отдыха. Разрозненные тучи были соединены ураганом в одну темную массу. Полил дождь, бивший в лицо так, что они и все бывшие на крейсере оставили всякую

попытку обмениваться выстрелами, продолжая идти вперед, к горизонту мрака, в самую глубь урагана.

Во время этого перемирия, вызванного ураганом, преследование продолжалось до того часа, когда «Семирамида» вошла в канал, направляясь к югу, и увидела одно из судов «Общества Белой Звезды», отходящее от берегов Англии, а позднее—судно «Общества Кунардер», направляющееся в Америку. По движениям этих судов и по тем фонтанам белой пены, которую они поднимали, можно было судить о силе западного ветра. Суда обменивались сигналами с «Неро». Заметив это, Мессенджер проговорил:

— Берк, дела плохи. Через двадцать четыре часа весь флот будет в погоде за нами!

— Может быть,—отвечал шкипер,—но я не знаю, будет ли нам от этого хуже!

— Да, нам придется поблагодарить этот милый зефир,—заметил Кеннер, выходя на мостик.—Если бы не было такого сильного ветра со вчерашнего дня, то нам бы пришлось теперь купаться!

— Повременим решать этот вопрос, пока мы чего-нибудь не придумаем!—сказал Мессенджер угрюмо, но Берк подхватил, говоря:

— Не думаю. Если верить моим глазам, то крейсер отстает. Кто из вас видит то же самое?

— Отстает!—закричал Кеннер.—Вы ведь так сказали? Да простит вам Бог, мне кажется, вы правы!

— Он прав!—прибавил Мессенджер.—Крейсер на полмили дальше, чем был час назад. Есть старая примета, что в минуту сильной опасности перевес шансов бывает на стороне тех, кто должен одержать победу!

Как только экипаж услышал слова Берка, все закричали с дикой радостью, которая была так же неприятна, как и сильный гнев час назад. Собрались на носу с ругательствами, как всегда, как будто ветер мог их донести до крейсера. Подняли флаг, потом спустили его, снова подняли, выказывая этим свое веселое настроение. Зверская грубость одного из матросов дошла до того, что он предложил выставить своих мертвецов, и они привязали к гафелю одного из убитых.

Все это время Берк был молчалив.

— Они срывают свой гнев,—говорил он,—не мешайте им!

Между тем было видно, что яхта бесспорно удалялась от «Неро». Крейсер находился теперь в трех милях от яхты; можно было предвидеть, что к вечеру он совсем скроется из глаз.

Мессенджеру казалось, что теперь можно было ожидать выстрелов с берега, но Берк привел ему один из своих замечательных доводов, которые он так любил:

— Вы хороший оратор на берегу, Принц, но не стойте и доллара в месяц в таком деле, как наше. Думаете ли вы, что я могу направиться в Монтевидео со ста тоннами угля в запасе?

— Что же вы хотите делать? — спросил Мессенджер; новый страх охватил его.

— Я найду за углем в Корунну в Испании, и перемена ветра только поможет мне в этом!

— Но ведь вы нагрузились достаточным количеством угля для проезда! — воскликнул Мессенджер. — Все было предусмотрено!

— На шестнадцать узлов, — сурово ответил Берк, — а не на двадцать два! А мы делали по двадцать два узла с полуночи вчерашнего дня!

— Я не подумал об этом, — сказал Мессенджер, — я не принял этого во внимание!

— Думаю, что нет! — сказал Берк. — Мы не так умны на деле, как на словах. Но вам надо теперь подумать об этом!

— Во всяком случае дело плохо! — возразил Принц, и в первый раз с тех пор, как он вошел на яхту, его лицо омрачилось.

VIII

ТРАГИЧЕСКОЕ БЕГСТВО

Слух, что на «Семирамиде» не было достаточно угля для переправы на юг, скоро распространился среди экипажа, и на время всех охватили такие же мрачные мысли, какими только что был занят Мессенджер. Было очевидно самому скудному уму, что опасность грозила с европейского берега и что безопасность могла быть только в свободной атмосфере южноамериканской республики, где судебные повестки до-

ставляются очень медленно, а над договором о выдаче преступников смеются.

Поэтому сознание, что они быстро уходили от «Неро», действовало на экипаж как подкрепляющее средство, возбуждая радостное чувство. В то время как крейсер скрывался за горизонтом, они весело пели, и, когда Берк уменьшил ход, чтобы сохранить нужный запас угля до Корунны, можно было опасаться, что экипаж взбунтуется от радости. Такое настроение продолжалось до ночи. Ветер прекратился после восьмой вахты, и луна живописно освещала залив. Но все утомились от долгого бодрствования, и в полночь матросы разошлись, другие тоже последовали их примеру, оставив Кеннера сторожить у двери, а на его месте на мостике поставили кроткого Паркера. Некоторое время им приходилось только слышать завывание ветра и плеск моря или смотреть на затемненный горизонт, где находился крейсер.

Ночью Кеннер и Мессенджер вышли на палубу проводить Паркера.

— Что показывает лаг? — спросил его Мессенджер.

— Кажется, шестнадцать узлов! — был ответ.

— Гм, а не прибавить ли ходу до двадцати узлов?

— Извольте, — согласился помощник шкипера, — я сейчас дам звонок в машину. Только не рассердился бы капитан!

— Пошлите его ко мне! — проговорил Мессенджер, и, взяв Кеннера за руку, они пошли к тому месту, где брезентом было закрыто разбитое окно.

— Я, может быть, туп, Принц, — сказал Кеннер, — но не могу представить себе, что мы действительно участвуем в этом деле.

— Если вы сомневаетесь, — отвечал его собеседник, — то пойдите вниз и выкупайтесь там в деньгах!

— Они, действительно, там, хотя нужно уметь считать, чтобы узнать стоимость миллиона стерлингов в долларах. Только подумать, что вы и я решились на это после нашего разговора с юношей в Монако!

— Ровно три месяца тому назад, — проговорил Мессенджер, — и менее недели с тех пор, как я сказал вам, что мои планы великолепны. Всегда есть риск в такой борьбе, как эта, и если сделаешь ошибку, то надо уметь ее поправить. Моя ошибка была сравнительно невелика, но ее последствия были обширны. Я не со-

мневаюсь, что помощника капитана взяли на какое-нибудь судно и что об этом уже написано в Лондоне буквами величиною с вашу ногу, а она довольно большая, Кеннер!

— Я не понимаю, зачем вы взяли его на судно? — сказал Кеннер задумчиво. — Я бы ни за что не сделал этого!

— Это верно. Удивительно, как вы думаете о многом в то время, когда оно уже больше никому не нужно. Я сомневался в нем, это правда, и был так слаб, что положился на чужое мнение относительно Фишера. Вот тут-то и началась моя оплошность!

— Знаете что, — возразил Кеннер, — все время я был на вашей стороне. Большой проект требует большого ума и только одного. Слишком много умов было замешано в этом деле, с тех пор как мы отплыли. И какой же результат? Мы все находимся в затруднительном положении, и умелых помощников по-прежнему у нас нет. У меня в голове все слышится звон с прошлого вечера, когда мне приснилось, что мы потонули!

— Послушайте, — сказал Мессенджер сердито, — не начинайте снова эту бабью глупость. Я не вижу, чтобы опасность была непреодолима. Она, конечно, велика, но нам нужно зайти в Корунну за углем под чужим именем и рискнуть потом пройти через Долдремз. Шансы на успех одинаковы!

Кеннер еще хотел что-то сказать, но вдруг остановился, когда чья-то фигура показалась в окне. Это был Фишер.

— Эй, вы! — воскликнул он. — Что заставило вас соскочить с постели?

— Не могу спать! — отвечал юноша. — Каждую ночь мне снится что-нибудь неправдоподобное!

— Вы заразились этим от Кеннера, — вставил Мессенджер немного презрительно. — Дня три назад ему снилось, что у него на груди была гора!

— Мне снилось, что крейсер нас догнал и мы были схвачены, — продолжал Фишер. — Право, мне показалось, что вода врывалась в мою каюту, и, только выйдя на палубу, я понял, что ошибаюсь.

— Смотрите! — вдруг проговорил Кеннер, указывая на сноп света, вдруг легший на палубы яхты.

Все обернулись и вскрикнули от ужаса: свет исходил от крейсера, находившегося теперь от яхты не далее по-

лумили. Вслед затем раздался пушечный выстрел, за которым послышался ужасный треск стали и дерева. Винты яхты перестали действовать, из машинного отделения клубами со свистом вырывался пар, и яхта стала заливаться водой. Вскочившие спросонок матросы стояли — многие полуобнаженные — немые от ужаса катастрофы. Разбитое судно тяжело качалось, покрываемое пеною и водою. Его опасные ныряния в волны говорили, вне всякого сомнения, что конец близок.

В это время казалось невозможным, чтобы «Семирамида» могла продержаться еще хоть час. С крейсера уже перестали стрелять в нее, и каждый на яхте ждал момента, когда погрузится в холодное море. Эта неизвестность и то, что яхта продолжала плыть в таком плохом состоянии, увеличивали страдания людей. Берк покачнулся на палубе при первом ударе, но теперь стоял, бормоча что-то, на мостике. Другие искали защиту у снастей на корме; никто не говорил, не думал ни о чем другом, как о быстром приближении смерти. Снова, как и в первую катастрофу, голос одного Джо привел всех в себя.

— Господа,— сказал он, ковыляя скорым шагом,— вас взорвет, без сомнения, вас угостят горячими напитками, вы попадете к дьяволу, и на долгое время, господа, ей Богу!

Он пошел дальше, крича, подсмеиваясь, побуждая экипаж действовать. Даже на Берка подействовали его слова.

— Эй, где Николини? — крикнул тот обычным тоном.

Николини был механик, но он и его помощник лежали мертвыми в машинном отделении. Когда никто не ответил на его вопрос, шкипер обратился к Паркеру:

— Не дрожите, как теленок, взгляните лучше, где яхта повреждена, посмотрите, есть ли сухой заряд, прочистите пушки!

Услышав эти приказания, люди засуетились и, хотя судно погружалось глубоко, стали прочищать обе пушки и стрелять, не надеясь, впрочем, нанести какой-либо вред крейсеру, который готовился теперь спустить лодку.

Близость новой опасности — быть схваченными — отстранила на мгновение всякую мысль о другой опасности, и все стали с угрозами искать оружие. Между

тем скоро лодка была спущена с крейсера и теперь приближалась к ним, освещаемая полосой света с корабля, то высоко поднимаясь на волне, то опускаясь в пучину моря. Это открытие довело экипаж яхты до дикого гнева. Но ничто не спасло бы их, если бы не странная перемена счастья. Как это произошло, они не могли себе представить, но вдруг свет крейсера, следовавший за лодкою, исчез, и снова наступила темнота.

Не смея говорить или надеяться, бывшие на «Семирамиде» ждали прибытия лодки, но она не появлялась. Два раза крейсер стрелял, но ни один заряд не попал в цель. Когда же через некоторый промежуток времени раздался третий выстрел, на «Семирамиде» были уже уверены, что это был дан знак лодке вернуться. Тогда надежда на спасение снова окрепла в их сознании и подействовала ободряюще на самых робких, и, когда Берк стал громко отдавать приказание выкачивать воду, измерять глубину, в экипаже послышалось даже что-то вроде шуток.

Начинало рассветать. Это уже был пятый день странствия. Первою мыслью всех был крейсер, но утром все увидели, что он далеко от них; не было видно даже дыма из труб. Пока матросы продолжали выкачивать воду в машинном отделении, Берк созвал совет в каюте. План его был прост.

— Нас порядком били,— начал он.— Насколько я понимаю, нельзя починить яхту прежде, чем мы не подойдем к Испании!

— А может яхта идти так далеко?— спросил Кеннер.

— Нет, но море стихает, а может быть, и лодки подойдут!

— Ну,— сказал Кеннер,— я не знаю, как могут помочь нам лодки, если вы намерены взять с собою золото!

— Я все-таки спрашиваю себя,— вставил Мессенджер,— почему они перестали нас преследовать в то время, когда, казалось, почти догоняли нас?

— Это вам надо спросить в их машинном отделении, я полагаю!— сурово отвечал Берк.

— Думаете ли вы зайти в Корунну в таких лохмотьях?— спросил Кеннер.

— Попробую. Все равно, хуже здешнего купанья не будет!

Действительно, вода плескалась даже в каюте. Яхта еще держалась, правда, но почти наполовину погружилась в волны, продвигаясь вперед тяжелыми скачками и вся дрожа. Остаться на ней не представляло никакого удовольствия, так как кухня и магазины были наполнены водой. Но все-таки, проходя раза два мимо встречных судов, яхта давала им сигналы, что не нуждается в помощи. Утомленный тяжелой работой экипаж, опьянев от вина, лежал враспашку, где попало.

Весь этот день и следующий оцепенение и изнеможение тяготело над теми, кто рисковал для наживы, и над их начальниками, задумавшими это дело. Многим из них хотелось хоть на минуту согреться и укрыться в сухом месте; это было бы в десять раз ценнее, чем предназначенная доля в добыче. Но облегчения их положению не было.

Вдруг — это было на восьмой день к вечеру — раздался толчок, и вода мгновенно залила все судно. Оказалось, что судно ударилось о скалы северного берега Испании. Среди происшедшего затем переполоха не потерялся один Берк, кричавший: «К берегу, если хотите быть живы! И каждый за себя!»

IX

В НЕИЗВЕСТНУЮ ГАВАНЬ

Крик Берка заглушал даже шум прибоя, раздаваясь по всему судну. Только что уснувшие были люди вскочили со своих коек, но одних сейчас же подхватило водоворотом, другие, будучи невменяемы от выпитого вина, утонули или были смыты и разбивались до смерти об острые камни скрытого рифа. Некоторые же цеплялись за спасательную веревку или привязывали себя к вантам и таким образом переносили удары волн.

Полная неизвестность относительно того, далеко ли спасительный берег, глубоко ли на мели, еще более увеличивала ужас несчастных.

Небо было по-прежнему темно. Гигантские волны, гонимые северо-западным ветром, разбивались о риф, покрывая его пеною, или пускали серебристые фонтаны в ночном мраке, или с дикою силою устремлялись между скалами. А надо всем этим раздавался дрожащий голос бури; рыдание неба и погребальная песнь

океана соединились в один жалкий и продолжительный вопль.

Когда первый выстрел попал в яхту, Мессенджер, Кеннер и Фишер были в общей каюте, завернувшись в одеяла и стараясь заснуть, несмотря на пронизывающую сырость. Они перестали думать о золоте, так как обладание им было слишком очевидной насмешкой из-за подавляющей волю опасности. При первом же толчке они проснулись и, вскочив на ноги, увидели себя борющимися с потоком воды, который ворвался в каюту и угрожал потопить их.

Они стояли, почти захлебываясь. Голос Фишера слышался первым.

— Принц,—закричал он,—Принц, где вы? Боже мой, что это такое?

— Здесь,—ответил ему Мессенджер.— Дайте мне вашу руку! Слышали ли, как ударило в судно? Где Кеннер?

— Тону! — простонал Кеннер, захлебываясь.

— Достаньте лестницу! — кричал Мессенджер, напрягая свои силы с большим трудом.— Хель, держитесь за меня! Если мы теперь не встанем на ноги, то потонем, как собаки! — Потом стал звать: «Берк! Берк!», как будто тот мог его слышать при шуме моря.

Борьба была жестокая, но Фишер, к которому вернулось самообладание, боролся с водою изо всех сил, он схватил наконец своего товарища, поднялся наверх и вытащил Кеннера с собою. Но американец, падая на скользкий пол, очутился внизу лестницы и растянулся там, обдаваемый новыми волнами. Тут ему и был бы конец, если бы снова не Фишер, который, войдя на палубу, тотчас увидел, в какой опасности его товарищи.

— Где Кеннер? — спросил он.

— Я думал, он с вами! Значит, он, наверно, погиб! — задыхаясь от плескавшей в лицо воды и держась окоченелыми руками за перила кормы, проговорил Мессенджер.— Каждый за себя... Какой конец! Боже, какой конец!

Но юноша уже не слышал его, снова бросившись в общую каюту.

Войдя туда, Фишер тотчас был сбит с ног потоком хлеставшей в окна воды. Вода попадала к нему в глаза, в горло, так что он почти захлебывался. Наконец ему удалось встать на ноги; вода доходила почти до груди.

Но, сделав шаг вперед, он ударился головою обо что-то и был отброшен без чувств на промокшие подушки. Однако это падение спасло Кеннера. Когда юношу отбросило назад, он наступил на тело американца и, тотчас же подняв его на руки, пошел к лестнице. Он не знал, что Кеннер жив, до тех пор, пока не положил его на палубу, а затем и сам упал тут же, изнемогая от усталости...

Приближался рассвет. Окружающая мгла немного прояснилась, клототание волн прекратилось. В это время трое лежащих в полном оцепенении услышали голос Берка, чистый и твердый по-прежнему! Рассеянная туча бросала тусклый свет на происходящее, и они увидели громадную фигуру человека на мостике; сильный его голос раздавался над утихавшим морем.

— Вперед! — кричал он. — Мачта падает, берегитесь!

В это время слабый свет распространился по морю, и потерпевшие крушение увидели на расстоянии мили темные крутые скалы берега. Но между ними и разбитой яхтой бешено бурлил прибой. Положение было отчаянное.

— Сойдите с мачты, я вам говорю! — закричал Берк во второй раз.

Фишер и его товарищи подняли глаза и тотчас поняли, в чем дело. На одной из уцелевших мачт, судорожно ухватившись за марс, сидело восемь матросов, не видя, что их убежище давно уже грозит рухнуть. И действительно, не успел Берк закончить своих слов, как мачта с треском рухнула в волны, и несчастные с жалобными воплями упали в воду...

Но спасти их было некому: каждый боялся за себя.

Между тем Берк ходил по капитанскому мостику, как зверь в клетке: под ним всюду была вода и никакой надежды на то, чтобы перебраться на более безопасное место на корме. Увидев позади себя Фишера и двух его товарищей, он спросил:

— Видите вы сушу?

— Ничего, кроме мыса и холмов! — отвечал Мессенджер и спросил в свою очередь: — Что это, отлив или прилив?

— Отлив, мне кажется! — слышался ответ Берка. — Нас разбило во время прилива. Что, ваш конец держится еще или наполнился водою?

— Держится! — ответил Мессенджер.

— Я направляюсь к берегу, — прокричал Берк, — хоть я умру, но больше ничего не остается делать!

Берк был довольно спокоен. Они наблюдали, как он схватил спасательный круг с мостика и надел его на плечи. Он стоял нерешительно над водяною пропастью некоторое время и снова заговорил:

— Где Кеннер?

— Умираю! — простонал Кеннер, который пришел в чувство и сидел теперь против люка, но его хриплый голос не был слышен в завывании ветра.

— Что, он умер? — повторил шкипер, не расслышав.

— Нет, но ему очень худо! — закричал Мессенджер, приложив ко рту руки в виде рупора.

— Ну, мне кажется, мы все получим в аду наш железный груз!

Он собирался еще что-то сказать, но мостик под ним вдруг обрушился от бесконечных волн и исчез в одну минуту, уносимый быстрым потоком, который протекал между скалами. Бывшие на корме видели, как Берк боролся с прибоем, потом он исчез между островками, но, прежде чем они могли подумать о нем, их внимание было обращено на свое собственное положение и на опасно наклонившуюся корму яхты.

Фишер первый заметил это.

— Принц, — сказал он, — нам придется последовать за ним, корма тонет!

— Я это заметил!

— Можете ли вы доплыть до берега, если минуете скалы? — спросил Фишер. — Один из нас должен остаться с Кеннером!

Мессенджер повернулся, чтобы взглянуть на американца, который сидел почти без сознания, и сказал:

— Кеннер, мы собираемся переплыть!

При этих словах американец поднял голову и, пытаясь встать на ноги, жалобно проговорил:

— Вы меня не покинете, я не могу умереть один! — И начал плакать, как женщина. Наконец, собрав свои силы, он направился было к двери лестницы, но поскользнулся и покатился по наклонной плоскости палубы до тех пор, пока не был подхвачен потоком в середине судна и увлечен в водоворот. Фишер инстинктивно последовал за ним и смог схватить его в воде раньше, чем

тот успел погрузиться. С этой минуты началась борьба за жизнь с рифом.

— Два раза,— рассказывал впоследствии юноша,— я чувствовал, как море покрывало мне голову. Потом поднялась огромная волна и увлекла меня вглубь с ужасным завыванием. Каждый раз, что я вставал, держа Кеннера, который, к моему удивлению, не обременял меня в воде, я видел скалистые верхушки, возвышавшиеся (они казались далекими) надо мною. Меня отнесло водоворотом так близко к ним, что я каждую минуту думал: вот-вот ударюсь головою и потеряю сознание. Не могу сказать, как было в действительности, но вдруг, когда Кеннер начал ослабевать, а я тратил все свои силы, чтобы поддерживать его, мы были увлечены на такое место, где не было волнения, и с этой минуты я мог плыть спокойно. Проплыв еще немного, я заметил, что могу достать дно ногами. Опасность миновала нас. Через полчаса мы вышли из моря и опустились, задыхаясь от усталости, на кучу песка у подножия громадной скалы.

Между тем Мессенджер, взглянув с сожалением на погибшую яхту, где оставались его надежды, смело нырнул с кормы и легче, чем другие, достиг сравнительно спокойного места в заливе. Затем уже небольшого труда стоило добраться и до берега, где он, подобно тем двоим, почувствовал, что силы оставили его, и без чувств повалился на песок.

Х

НА ЛУГУ ПОСЛЕ СЕНОКОСА

Наступил южный день. Солнце и теплота опьяняли людей, покинутых Богом в гавани Галиции— северной провинции Испании. Даже Кеннер, который едва не погиб, чувствовал, как кровь текла в жилах. Фишер спал на песке, не обращая внимания на горячие лучи солнца, а Мессенджер лежал мрачный, погрузившись в печальное раздумье о своих разбитых надеждах на обогащение.

Местность, где они находились, была довольно неровная, но во всяком случае живописная. От скалистого мыса, которым оканчивался гористый и темный полуостров, берег круто спускался в тихий залив, в кото-

рый впадала узкая, блестящая речка, стекавшая с холмов так круто, что ее водопады и маленькие пороги были видны с отдаленного берега, куда были выброшены потерпевшие крушение.

В этом заливе берег был покрыт странным золотистым песком, блестевшим на солнце. Море слегка колебалось, маленькие волны нежно ударялись о берег, как бы лаская его. С суши дул легкий ветерок, принося ароматы цветов и сена. Дикие холмы не придавали красоты этой местности; они казались недоступными, находились в отдалении и не были покрыты деревьями. Зато в долинах буйствовала зелень, виднелись церкви, что было доказательством человеческого жилья, хотя никого не было видно ни у моря, ни на том месте, куда пристал экипаж «Семирамиды».

Там все было мрачно и неприступно, везде возвышались целые стены утесов. Не было видно ни следа, ни тропинки, ни береговой стражи или сигнальной станции.

Часов в девять утра, пробужденные жгучими лучами солнца, потерпевшие крушение открыли глаза.

— Где мы и что случилось с остальными? — спросил Мессенджер.

— Да разве это возможно? — сказал Кеннер насмешливо. — Если бы не вы, то и Джеку Кеннеру не пришлось бы пить утренний чай сегодня утром!

— Полноте, — заметил Фишер, — ведь и вы бы сделали то же самое для меня!

Слова великодушного юноши вызвали у американца легкую краску на лице: он знал, что если бы положение было обратное, Фишер пошел бы ко дну, как камень, но, не дав своим мыслям остановиться на этом, протянул руку и сказал просто:

— Пожмите руку и, если я буду жить, надейтесь, что я постою за вас! Я не хотел бы снова пережить эту ночь, даже если бы вернули золото!

При слове «золото» Фишер с участием обратился к Мессенджеру и спросил:

— Вы что-нибудь потеряли при этом, Принц?

— Да, — сказал Мессенджер, пожимая плечами, — Кеннер и я — главные пострадавшие лица!

— Не будут ли некоторые бочонки выброшены на берег? — продолжал Фишер.

— Не думаю, — возразил Мессенджер, улыбаясь

в первый раз.— Золото немного тяжелее льна, не правда ли Кеннер?

— Я не могу говорить об этом! — проговорил тот, отворачиваясь со вздохом удрученного человека.— Каждый раз как я смотрю туда, словно бы нож втыкается мне в горло. Какой конец!

— Этого нельзя выразить словами! — вдруг вставил Мессенджер и потом молча начал ходить по берегу большими шагами, останавливаясь часто и смотря на море или по своей привычке кусая ногти.

— Он что-то придумывает, я полагаю! — проговорил Кеннер, наблюдая за ним.

— Я бы хотел, чтобы он придумал что-нибудь позавтракать! — сказал Фишер.— Я не знаю, что вы чувствуете, но у меня в желудке пустота. А здесь нечего есть, кроме холодной скалы и водорослей!

— Я согласен с вашим мнением с тех пор, как вы меня высадили! — сказал Кеннер сочувственно.— Я бы дал фунт стерлингов за кружку вина!

— Давайте хоть два фунта, результат один! — воскликнул Фишер.— То есть если мы останемся здесь!

— Если мы здесь останемся! — воскликнул Кеннер.— Я не чувствую себя в состоянии идти куда-либо!

— Начнем с того, что высушим платье! — продолжал Фишер.

Он разделся до пояса, покрыл голову платком, разложил на солнце свое платье и Кеннера, а сам расположился в тени под скалами.

— Первое, что мы должны сделать, — начал опять Фишер, — сыскать город. Если не удастся найти города, то село, а если не найдем ни того, ни другого — тогда гостиницу. У кого-нибудь из нас есть, наверное, сбережения, и мы можем обратиться к английскому консулу, заставив его отправить нас на родину. Я бы многое дал, чтобы очутиться на родине и услышать запах горохового супа! А вам не хочется?

Кеннер, свернувшись в комок, посмотрел на юношу искоса и засмеялся.

— Что это? Посмотрите-ка! — вскричал он вдруг.— Принц кричит кому-то.

— Не кричит, — поправил Фишер, взглянув по ука-

занному направлению,—зовет кого-то. Кто-то бежит по берегу, похожий на старого Берка. Да это он и есть, какое счастье!

С этими словами юноша стал одеваться. Кеннер, обрадовавшись не менее его, что еще один жив, тоже встал на ноги. Не было сомнения, что это был Берк, с его раскачивающейся, беспечной походкой. Вот он с непокрытой головой быстро пробирается по песку, направляясь к ним и оглашая холмы своим громким голосом. Наконец он подошел к Мессенджеру и Фишеру с Кеннером. Было видно, как он поспешно указывал то на риф, около которого яхта разбилась, то снова на мрачные холмы и на пустынные луга.

Когда они дошли до него, Кеннер, едва дыша, опустился на песок.

— Я только что начал рассказывать, Кеннер,— продолжал Берк.— Золото, конечно, под водою, но у вас довольно хорошие глаза, чтобы видеть, что корма яхты еще держится. Может быть, стенки и поломаны, а может быть, и нет. Я уверен, что там не больше шести футов воды, и бочонки не трудно будет достать. Нам нужны только тележка и веревка, затем темнота, чтобы работать.

— Зачем темнота? — спросил Кеннер, для которого ночь представляла собой что-то ужасное.— Дайте мне свет и уберите с вашей темнотой!

— Он совершенно прав,— сказал Мессенджер.— Я об этом подумал с самого начала. Здесь где-нибудь должен быть береговой сторож, и если нас увидят, то весть разнесется по всей Европе. Нет, на этом берегу небезопасно. Надо укрыться в холмах и найти какое-нибудь убежище. То же самое относится и к лодке. Мы должны наложить руки на первого, кого встретим, а что достанем с яхты, нужно переправить на берег при первой возможности. Как вы думаете, где мы, Берк?

— Недалеко от входа в залив,— ответил тот,— хотя точно не могу сказать. Берег мне знаком только понаслышке!

— Я слышал странные вещи о нем,— вставил Мессенджер,— но теперь не время о них думать. Нужно найти сначала мясо и питье, а потом кровлю!

— Если на мой выбор, то прикажите принести пить! — вставил Кеннер.— Я слаб, как кролик!

— Вам придется все-таки пройти немного,—

проговорил Мессенджер.— Отсюда идет тропинка на вершину холма, и чем скорее мы найдем место для остановки, тем лучше!

Кеннер послушно встал и пошел по ровному песку к отдаленной реке.

Они прошли спокойно мило или более, не находя просвета в скале направо; мыс был очень возвышенный и крутой. Вдруг послышался грохот в скалах впереди них — и с выступа мыса на мягкий песок соскочила странная фигура.

Это был смуглый испанец средних лет, но очень плохо одетый, со старым ружьем за плечами. На голове незнакомца виднелось черное, с бархатной отделкой сомбреро. Смуглое лицо было покрыто волосами так, что виднелись только темные, дикие глаза да торчащие уши.

При виде четырех человек незнакомец с удивлением взглянул на них, потом бросил пытливый взор на море, как будто желая найти их судно. Но, убедившись, что у них нет судна, и заметив, что и его личность возбуждает любопытство, он незаметно скрылся за низкий куст, как бы погружаясь в глубь скалы. Они увидели его несколько минут спустя повыше, на краю пропасти. Затем стало ясно, что он следовал за ними по тропинке, которая вела к зеленеющим равнинам между отдаленными холмами и низменной частью берега. Часто он оглядывался на них или останавливался, осматриваясь, не последуют ли они за ним, но, заметив, что они этого не сделали, совсем исчез из виду, и только резкий свист, раздавшийся над пропастью, указывал, куда он скрылся. Это внезапное появление и потом исчезновение не понравилось ни Мессенджеру, ни Берку.

— Принц,— сказал последний,— этот молодец не очень-то миролюбив и добродушен, и, наверно, здесь немало подобных ему. Я стою за то, чтобы скорее уйти отсюда!

— Да,— сказал Мессенджер,— рассказы об этой части залива не совсем благоприятны. Пойдем!

Теперь они двигались поспешным шагом и скоро пришли к горной тропинке, по которой исчез испанец. Затем, придерживаясь низкой части залива, направились к реке, надеясь достать какую-нибудь лодку. Но, пройдя с мило, они наткнулись на маленькую хижину, странно построенную, подобно гнезду, на несколько

футов над берегом. Это был простой деревянный шалаш с крышей из камыша, искусно убранный раковинами. Из отверстия на крыше выходил дым, расстилаясь по утесу. Дверь стояла открытой, показывая, что в шалаше живут. Наши путники сразу остановились и, видя, что там никого не было, стали совещаться.

— Я не буду уверять, но мне кажется, что это владение того испанца! — сказал Берк.

— Это, наверно, ужасная яма, — проговорил Мессенджер, просовывая голову в дверь и быстро отдернув ее. — Здесь не пахнет розами, но там может быть пища. Как вы думаете, Кеннер?

— Думаю, не найдете ли вы бочонка с пивом! — отвечал тот. — Мы бы оставили расписку на столе!

— Конечно, — воскликнул Мессенджер, — но кто войдет туда? Я, право, не решусь!

— Вы слишком изнежены! — грубо оборвал его Берк и с этими словами прошел в шалаш.

Другие молча наблюдали за ним, пока он рылся там. Наконец шкипер появился снова, нагруженный тремя бутылками простого вина и большими кусками сухого и невкусного маисового хлеба жителей Галиции. Он выходил уже, когда Фишер закричал:

— Послушайте, нам надо заплатить чем-нибудь. У меня есть полкроны, если этого достаточно!

Берк молча взял деньги, возвратился в комнату, положил монету в свой собственный карман и снова вышел.

— Теперь, — сказал он, — чем скорее мы дойдем до лужайки и возляжем, тем лучше!

Все поспешно зашагали и скоро, поднявшись по тропе, очутились на голой равнине, где росла рожь; за нею виднелся лес. Здесь наши путники и приютились, расположившись вокруг пня каштанового дерева и разложив съестные припасы на нем за неимением стола. Еда была скудная, но они чувствовали такой голод и жажду, что разбирать было некогда.

— Вот если бы нам удалось достать наши бочонки с золотом в таком же хорошем состоянии! — заметил Кеннер.

— Вы пробуждаетесь, Кеннер, — сказал Мессенджер, — это первая умная вещь, которую вы сказали. Вопрос вот в чем: где мы добудем лодку? Милях в пяти отсюда должно быть село или, по крайней мере, гости-

ница, но понадобится много изворотливости, чтобы достать небольшое судно, не возбудив подозрения соседей. Двое должны остаться здесь — наблюдать с берега. Будет чистое безумие потерять из виду это место хоть на минуту!

— Это дело,— проговорил Берк,— двое из нас пойдут на поиски, а двое останутся в миле отсюда!..

Не успел шкипер договорить своих слов, как с берега послышался выстрел, затем второй и третий, отдавшиеся в холмах.

— Слышите?! — воскликнул Берк.— Эти выстрелы не из испанского ружья! Я прозакладываю жизнь, что это ружье сделано Винчестером. Пора нам двинуться!

Все вскочили при этих словах и быстро тронулись в путь.

XI ПЕРВЫЙ ИСПАНЕЦ

Направившись по тропинке, покрытой частым лесом и густой зеленью, Мессенджер и его товарищи скоро пришли к прогалине на вершине низкого утеса, а взобравшись на крутой берег, покрытый колючим кустарником, очутились на небольшом плато, откуда видна была вся бухта. Под ними блестел золотистый песок с набегавшими на него волнами. Вдали виднелись башни, колокольни и зубцы какого-то здания, обнесенного каменной стеной. Внизу, на расстоянии не более четверти мили от них, они увидели лодку со своей яхты. На ее руле находился одноногий Джо, лежавший на спине, свесив здоровую ногу за борт, а деревянную ногу поставив торчком кверху с желтым флагом, развевавшимся на ней вместо сигнала. В то же время видно было, как время от времени он выпускал заряды из своего револьвера в каких-то двух оборванных испанцев, вооруженных только палками, а третий, бывший не кем иным, как тем, которого они встретили утром, поспешно заряжал свое ружье, чтобы снова напасть на негра. Его товарищи лежали, растянувшись на песке, чтобы избежать пуль, и ползли потихоньку к лодке, когда Мессенджер и другие взойшли на скалу.

При виде этой картины Берк и его товарищи невольно были поражены увиденным: они уже совсем поте-

ряли надежду встретить кого-нибудь в живых со своей яхты, и вдруг перед ними появляется одноногий Джо.

— Убейте меня,—сказал Берк,—если этот негр не живуч, как кошка!

— Я лучше побьюсь об заклад, что он подбит пробкой!—пробормотал Кеннер, наблюдая за ним.— Я никогда не видал подобного человека, да еще в лодке на мели.

— Я видел, как лодка плыла,—прибавил Мессенджер, щуря глаза, чтобы лучше видеть.—И ее снесло с остатком мачт. Он должен был приплыть к ней!

— Может быть, его нога помогла доплыть до берега,—вставил Фишер,—но теперь она служит у него сигнальным флагом.

— Однако что же нам-то делать, Берк?—проговорил Мессенджер.

— Что делать, вы спрашиваете?—сказал Берк.— По моему мнению, этот негр взлетит на воздух через пять минут, если мы не сойдем к нему. А нам необходима лодка!

— Я думал об этом,—возразил Мессенджер.— Мы не можем покинуть лодку, это вне всякого сомнения. Вопрос лишь в том, можем ли мы взять еще помощника или оставить негра им.

— Вы не оставите его,—заявил Фишер,—ведь он—один из наших!

— Может быть!—заметил Берк лаконически.— Белые считаются здесь выше черных, по крайней мере там, где замешан Берк. Но теперь, чем мы скорее присоединимся к нему, тем лучше.

— Вот это дело!—воскликнул Мессенджер.— У нас нет оружия, у негра есть. Стоит рискнуть, чтобы достать ружье. Но как это сделать? Если мы покажемся, в нас выстрелят. Если же мы будем ждать, они застрелят его. Знаете, лучше мы спрячемся за те кусты и закричим!

Предложение было принято, и все побежали вдоль утеса, вниз по тропинке, пока не дошли до берега, прячась за колючие кустарники, окаймлявшие пески. В это время положение моряка в лодке сделалось отчаянным. Хотя он попал в испанца с ружьем и несчастный ползал по песку в агонии, но два других подходили уже к лодке... Вдруг в эту минуту позади кустарников раздался крик. Услышав его, испанцы поспешили от-

ступить. Пользуясь этим, одноногий негр вскочил на ноги и, захватив свое ружье, направился с поразительной быстротою к утесу и через минуту был в кустарнике.

— Идите, господа, в лодку,—проговорил он, садясь и едва переводя дух от усталости.— Очень-очень тепло на воздухе, так тепло, как на моей родине, даже теплее, ей-Богу! Мне попало очень много, поверьте моему слову!

Он продолжал болтать таким образом на своем образном наречии, но его уже не слушали. Внимание всех было снова направлено на испанцев, опять подошедших к лодке. Тогда Мессенджер, схватив ружье негра, выстрелил два раза и ранил обоих испанцев. Последние с криками убежали, а еще раньше исчез и третий, раненный негром, так что, когда Берк и его товарищи сошли на берег, там уже никого не было.

ХП

БУХТА С НАВЕСОМ ИЗ ВЕТВЕЙ

Приближался полдень, солнце ярко освещало стеклянное море. Пока люди гребли от берега, они могли видеть огненный свет на верхушках голых холмов и даже в глубоких расселинах долин. На более открытых пространствах, покрытых травой, которые находились между низким сосновым лесом, паслось стадо свиней, а несколько овец искало себе приют в лесу. Жара была сильная, и утомленные беглецы двигались механически (и как бы сговорясь) в тень, к устью реки. Подойдя ближе к косе бухты, они лучше увидели положение своей гавани.

Поток падал с высокой горы в море, и в том месте, где он касался берега, образовалось озеро с крутыми скалистыми берегами, покрытыми растительностью. Деревья висели над водою бухт, покрытых ползучими растениями и кустарниками, представляя собой убежище от морских волн. В одну из них, вход которой был почти скрыт ползучими растениями, наши беглецы ввели лодку и очутились как бы в пещере, покрытой деревьями и пальмовыми листьями, где была масса насекомых. Снаружи невозможно было видеть внутренность

пещеры. Нежный свет проникал сквозь зелень, воздух был приятно-прохладный.

Отдохнув в тени около четырех часов и закусив припасами, найденными в лодке, беглецы приступили к совещанию, что делать дальше и как не упустить золота.

— Я думаю,— начал Мессенджер,— нужно осмотреть как берег, так и море вокруг нас. Пусть Фишер отправится со мною на холмы, а вы трое будете смотреть за лодкою. Выстрел из ружья будет означать, что нам нужна помощь! Я хочу поискать, нет ли поблизости какого-нибудь села, и если есть, то можем ли мы ожидать оттуда помощи.

Все охотно согласилось на это, и Фишер, взяв заряд пороху из ящика с лодки, пошел с Мессенджером на разведку. Выбраться из крытой пещеры было нелегко — надо было выйти в залив, чего им не хотелось делать. Впрочем, им удалось найти проход между растеньями, прилегающими к берегу, а потом вышли к лесу, тянувшемуся по берегу. В него они и направились.

В лесу было темно от тени больших каштановых деревьев и тихо. Только жужжание комаров и мух да пение птиц несколько оживляли царившее здесь безмолвие. Под защитой леса Мессенджер и Фишер могли видеть пасущихся свиней и рогатый скот на более открытых прогалинах; между ними на траве лежали пастухи. Но ни села, ни отдельного жилища не было видно, кроме одного здания, похожего на замок и красиво возвышавшегося перед ними.

Мессенджер шел впереди, за ним — Фишер. Пройдя с милю от бухты, они увидели две дороги — одну вверх, другую вниз, в долине. Мессенджер остановился здесь и тихо проговорил:

— Ступайте по нижней дороге, но не показывайтесь на открытом месте. Если я буду нужен вам, стреляйте, но только когда вам будет грозить опасность, а это возможно, если вы натолкнетесь на людей, которых мы видели сегодня утром! Я полагаюсь на вас!

Фишер кивнул головою в знак согласия, попробовал рукою, заряжен ли револьвер, и быстро пошел по оврагу к более открытой лесной местности.

Через некоторое время он пришел в чащу, образующую природную беседку из мха, папоротника и травы; посередине бил ключ. Местечко было уединенное, и нельзя было надеяться увидеть жилище, но, когда он ду-

мал, что он совершенно один, большая собака датской породы подбежала к нему, преградив дорогу. Вскоре показалась и хозяйка собаки — девушка в бумажном платье и в соломенной английской шляпе. Схватив собаку за ошейник, она отвела ее к пню, на котором раньше сидела. Фишеру показалось, что ее лицо знакомо ему, и, подумав немного, он вспомнил, что прежде часто видел ее. Она оказалась той испанкой, за которую он наблюдал с любопытством в Монако, дочерью женщины, внушившей Кеннеру такие мрачные мысли, а Мессенджера приведшей в веселое настроение.

Это открытие успокоило юношу. Он помнил, что Мессенджер велел ему прятаться от всех, кто встретится на берегу. Но это было по крайней мере цивилизованное существо, от которого можно было ожидать содействия. Юноша решился заговорить с нею, полагая, что Принц одобрит его поступок, и поспешно вышел из чащи, воображая себе, какую печальную фигуру он представляет в своем полинялом одеянии, с мокрыми волосами, в рубашке без воротника. Девушка посмотрела на него с удивлением, но он успокоил ее, произнеся на плохом французском языке (он не знал по-испански):

— Надеюсь, я не испугал вас? Я один из потерпевших крушение. Наша яхта затонула недалеко отсюда, и я отыскиваю ближайшее село. Я думал, что, может быть, вы поможете мне.

Девушка молча выслушала его, затем отвечала совершенно чисто по-английски, только с некоторым акцентом, что, впрочем, придавало ей большую прелесть.

— Я могу говорить на вашем языке, — сказала она, — лучше, чем по-французски. Я воспитывалась в Айльюрте, близ Лондона. Помню, я видела вас в Монако, вы были там с брюнетом-англичанином. Моя мать уехала в Италию. Вон там наш большой дом, и мы ждем, что она вернется сегодня.

— Кажется, счастье нам улыбнулось! — воскликнул Фишер. — Наша яхта в заливе, и, насколько нам известно, только пятеро из нас остались в живых. Нам пришлось очень плохо. Трое, которых мы встретили на берегу после крушения, были так рады увидеть нас, что начали стрелять, когда мы причалили. Я искал какого-нибудь пристанища, когда встретил вас. Может быть, кто-нибудь из ваших слуг поможет нам?

Девушка боязливо посмотрел на него, глядя большую собаку, затем отвечала:

— Я боюсь, что вы найдете мало гостеприимства в селе Эспасантэ или где-нибудь здесь. Но в Карнеро есть станция береговой стражи, и самое безопасное — пойти к сторожу, или вы можете спросить в селе священника, которого зовут Семелло. Наш собственный дом заперт. Кроме того, в настоящее время не совсем безопасно быть одному в этой местности. У вас есть лодка?

— Да, — отвечал Фишер, — лодка яхты была выброшена на песок, и если бы в ней не было бисквитов, нам бы сегодня понадобился обед. Однако я думал, что здесь где-нибудь будет вблизи дом, где мы можем получить пищу и остаться отдохнуть на день.

— Это потому, что вы не знаете берега, — проговорила серьезно девушка. — Это ужасное место, хотя я и прожила здесь половину своей жизни. Если выслушаете меня, то больше не останетесь здесь ни одного часа!

Девушка, казалось, говорила так серьезно, что Фишер решил, во всяком случае, сообщить обо всем Мессенджеру и, не теряя времени, поблагодарив девушку, пошел обратно. Но не прошел он и нескольких шагов, как опять услышал голос девушки и, оглянувшись, увидел, что она бежит за ним с легкой соломенной корзиной в руках. Догнав юношу, она молча подала ему корзинку, затем быстро убежала. В корзинке оказались плоды, бутылка вина и прекрасные овсяные бисквиты. Первым желанием юноши было сесть на траву и утолить жажду сладким виноградом, но, вспомнив о других и их нуждах, он подавил в себе желание и поспешил к берегу. Однако едва он очутился в чаще леса, как услышал треск кустов над ним. На тропинке показался высокий испанец с поднятой палкой в руках в знак того, чтобы тот остановился.

ХІІІ

СНОВА В БУХТУ

При виде испанца Фишер вспомнил поговорку, что британец равен трем французам и одному португальцу. Испанец, стоявший на тропинке, был хотя и высокого

роста, но не очень испугал его. Однако он помнил также приказание Мессенджера, что должен избегать ссоры и, имея это в виду, недолго думая, быстро прыгнул с тропинки в чашу.

Здесь в изобилии росла трава и кусты с колючими ветвями; почва была мягкая, болотистая. Ему казалось, что несколько шагов по подобной топи охраняют его от всякой опасности, но, когда он стал прокладывать путь через чащу терновника, раздался звук выстрела, и, оглянувшись, юноша увидел головы двух других испанцев, выглядывавших между деревьями слева от него. Положение становилось серьезным. Вдруг раздался второй выстрел, задевший его левую руку. Фишер встал на четвереньки, оставив ценную корзину позади себя, и с удивительной быстротою пополз дальше, расцарапывая свое тело и разрывая одежду о кусты. Позади слышались свирепые крики преследователей, на которые отвечали с двух или трех концов леса.

Скоро дорога сделалась более открытой, болото превратилось в луг. Голоса преследователей стали еще громче. Казалось, что все береговые жители собрались тут. Они больше не стреляли. Однако, дойдя до прогалины, юноша понял, что ему нужно или бежать, рискуя быть застреленным, или остаться и получить удар в голову в полутемной прогалине. Раздумывать было некогда. Он вскочил и, сгорбившись, побежал дальше. Позади усиливались дикие крики, когда он показывался, но ни одно ружье не выстрелило, и это его удивило. Задыхаясь, он взбирался по крутому холму, где папоротники росли густо, но не настолько, чтобы ему препятствовать идти. Испанцы кричали все громче, но затем замолкли.

Место, где все это произошло, было на расстоянии мили от лагуны, в которой была привязана лодка, и Фишер, думая, что он бежит к косе залива, в действительности двигался по линии, параллельной косе. Тропинка, по которой он шел через лес, привела его наконец к оврагу, по которому река впадала в море. Задыхаясь до боли, он вышел из лесистой местности и очутился на краю ущелья, внизу которого протекал быстрый горный поток. Его положение теперь было одно из самых рискованных. Ему приходилось главным образом бежать вверх по тяжелой дороге. Один из обрыванцев-преследователей находился в ста ярдах от не-

го, перед ним была пропасть с прямым отвесом в сто футов или более, и он знал, что другие испанцы шли через лес, и ежеминутно мог увидеть их.

Сообразив это, юноша решил выстрелить из своего револьвера. Ответом был выстрел с другой стороны оврага. Минуту спустя появился Мессенджер на скалистой тропинке, которая шла вдоль противоположной пропасти и, сразу заметив положение дела, закричал сильным, звучным голосом:

— Налево! В ста ярдах от вас есть мост!

Фишеру только это и надо было. Хотя дорога, на которой он стоял, имела крутой скат и упиралась в скалу, он быстро побежал по ней, преследуемый одним из испанцев. Минуту спустя, появился другой испанец на верхушке скалы, которая находилась по правой стороне его тропинки, и, схватив тяжелый камень в руку, стал поджидать, когда беглец будет проходить мимо, чтобы сшибить его. Положение было такое: по одну сторону оврага бежал Мессенджер, а по другую — Фишер, которого преследовал испанец; второй стоял на утесе, под которым Фишеру надо было проходить. Остальные прятались в высоком лесу. Хорошо еще, что ружье было только у того, который выстрелил в Фишера в лесу. Остальные были вооружены палками или камнями, поднятыми с тропинки. Им только оставалось бежать, надеясь нагнать его у моста или свалить его, когда беглец пойдет по извилистой дороге холма.

На полпути крик Мессенджера заставил его вдруг остановиться. Юноша взглянул наверх и увидел, что дошел до места, где один из испанцев стоял, целясь в него большим камнем. Но только испанец размахнулся, чтобы бросить камнем, как Мессенджер выстрелил в него. Выстрел попал в руку, и несчастный свалился в пропасть. В ту же минуту предостерегающий крик указал юноше об опасности позади него, и, быстро повернувшись, он увидел, что его преследователь находится почти около него. Испанец уже поднял свою палку для удара, но юноша быстро схватил его за горло.

Никогда не было более рискованного места, на котором двое могли бы бороться. Дорога была не шире трех футов; с одной стороны возвышалась скала, с другой — пропасть. Испанец, падая, увлек Фишера, схва-

тив его за талию, и делал отчаянные усилия, чтобы сбросить его в пропасть. Юноша, в свою очередь, прижал его коленями и схватил руками за горло. Но испанец, почти задыхаясь, вытащил нож из-за пояса. Это принудило Фишера выпустить горло и схватить руку, которая угрожала ему. Он так ловко повернул ее, что конец лезвия пришелся тому в грудь. Во время этой молчаливой борьбы не на жизнь, а на смерть за обоими борющимися наблюдали другие испанцы и Мессенджер. Никто из них не двигался и не кричал. Однако через несколько минут Мессенджер закричал Фишеру, чтобы он освобождался, так как остальные теперь бежали по тропинке помочь своему товарищу. Тогда Фишер откинулся назад с необыкновенным усилием, набросился всей своей тяжестью на испанца и глубоко вонзил ему нож в грудь, так что тот только простонал и замолк. Затем юноша быстро вскочил и скоро перешел на другую сторону моста.

Оба англичанина поспешили пройти через лес к берегу. Их больше не преследовали. У подошвы гористой тропинки, пройдя болото, они подошли к бухте с противоположной стороны от их лодки. Испанцев не было видно. Беглецы засвистели раза два, и маленькое судно приблизилось к ним. Но как только они снова вошли в бухту, в лесу раздались голоса, и в заливе показалась лодка береговой стражи.

XIV

КЕННЕР СОГЛАШАЕТСЯ

День склонялся к концу. Холм и высокие обрывы были освещены красноватым светом. Прилив почти кончился. Странная лодка, приближавшаяся к реке, держалась середины течения. Люди, сидящие в ней, по видимому, плыли к берегу, чтобы узнать причину выстрелов на возвышенности. Большого несчастья, кажется, нельзя было ожидать для беглецов: с одной стороны — испанцы, дикие горные жители Галиции, которые едва ли откажутся от преследования незнакомцев, с другой — представители испанской власти, попасть в руки которых означало для беглецов отправку в Англию.

Увидев береговую стражу, Мессенджер дал рукою

знак молчать, наложил на лодку ветки и шепнул другим держать лодку крепче. И стали ждать, затаив дыхание, когда восемь человек в военной форме в это время пересекали бухту, направляясь к противоположному берегу.

Все пятеро спрятались под ветками и оставались неподвижны. Их положение немного улучшилось: береговая стража не сделала никакой попытки обыскать берега бухты, видимо, она и не подозревала о присутствии лодки у берега. Но их беспокойство усилилось, когда они увидели, что стражники направляются к скалам, где окончила свое существование «Семирамида».

— Принц,—проговорил Кеннер, побледнев,—они гребут прямо к рифу! Видите?

— Да,—отвечал коротко Мессенджер,—разве нам нужно плыть за ними?

— Но ведь они найдут деньги!

— Возможно! Всякий, кто попадет на яхту, найдет там деньги. Если они пойдут туда, то захватят золото с собою!

— Он прав!—воскликнул Берк, скрежеща зубами.—Они идут по направлению к яхте. Посмотрите на них теперь!

Лодка действительно шла по направлению к морю. Раз или два раздались ругательства американца, но Мессенджер сидел очень спокойно; лицо его выражало озабоченность. Это были ужасные четверть часа, когда удалявшаяся лодка направлялась к заливу. Наконец крик, который нельзя было сдерживать, вырвался у пятерых, и Кеннер зарыдал, как женщина. Береговая стража обогнула мыс; в заливе не было никого.

— Эти десять минут,—сказал Мессенджер, вытирая катившийся по лбу пот, когда критическая минута прошла,—были худшими в моей жизни!

Кеннер угощался уже ромом, другие тоже пили, пока Фишер, чиня свои лохмотья, начал рассказывать им, что произошло на берегу. Когда он рассказал о своей встрече с молодой испанкой, Кеннер поспешно посмотрел на него и стал что-то обдумывать. Если бы Мессенджер обратил на него внимание, то вспомнил бы его слова в Монако, что он снова увидит испанку, но настоящие нужды заглушили всякое воспоминание,

и Кеннер хранил молчание до конца рассказа Фишера. Затем ему сделали хорошую перевязку на руке, которая была сильно поранена.

Берк вставил свой совет:

— Без сомнения, мы много повредили себе тем, что входили сегодня утром в этот хлев! Можете быть уверены, что высокий испанец рассказал о нас своим товарищам, а те передали другим, и теперь о нас знает вся округа. Что вы после здесь будете делать, Принц? Я много разъезжал по дорогам, но мне никогда не приходилось так плохо, как теперь!

— Ну,—сказал Кеннер, прерывая наконец свое молчание,—пусть груз лежит там, черт с ним! Деньги можно достать и на берегу. Какие у нас шансы на успех, если ваша жизнь будет в опасности, когда вы покажетесь в городе, и у вас нет другого судна, кроме этой скорлупы, которая не провезет вас и десяти миль по морю, особенно в такую погоду, как теперь?!

— Это довольно верно!—сказал Мессенджер.— Но рассудите сами, как нам пройти по Испании, не имея шиллинга в кармане, когда, вероятно, о нас опубликовано по всей Европе?! Нет, я останусь здесь до тех пор, пока могу двигаться. Если кто хочет, пусть уходит теперь!

— Где останетесь вы, там и я останусь,—сказал Кеннер.— Вы меня хорошо знаете!

К ним присоединился и Берк. О Фишере нечего было говорить. Отдохнув немного и дождавшись темноты, решили выехать в залив — взглянуть, что случилось с яхтой, лежало ли золото все еще на корме судна или яхта сломалась и бочки свалились в море? Увидят ли они когда-нибудь это сокровище или оно исчезло в пучине с бесчисленными мертвецами, с другими судами и богатствами, поглощенными Атлантическим океаном во время своих побед? Завладел ли им кто-нибудь на берегу? Если им удастся найти свое золото, смогут ли они провезти его через Испанию? Это была только десятая доля тех вопросов, которые беглецы предлагали себе, таща лодку по отмелям залива до тех пор, пока большие волны не подхватили ее.

Взоры всех были устремлены на риф, и когда перед ними показалась скала, как темная башня, у Берка вы-

рвался крик торжества, так как корма ясно выделялась над водою.

Несколько взмахов весел привело их к тому месту, в котором лежали останки «Семирамиды». Это было далеко от мели. Они должны были провести лодку в бухту и ждать прилива, который был час назад. Когда течение сделалось более быстрым, Берк соскочил с носа на яхту и, войдя на корму, исчез в каюте. Но другие ждали молчаливо, не находя слов и вполне сознавая важность как хороших вестей, так и дурных.

XV

ЗОЛОТО ИЗ МОРЯ

Время ожидания казалось бесконечным. Четверо в лодке, с трудом придерживаясь выступа скалы, могли слышать плеск воды о судно и шум прилива. Но они боялись говорить, даже не смели дышать полной грудью.

Однако Берк не появлялся. Всех стал охватывать страх: неужто золото смыто в глубь залива? Между тем шкипер пробыл в злополучной каюте не более пяти минут. А для тех, кто беспокойно его ожидал, время тянулось медленно, и, когда он снова пришел на палубу, Кеннер, стоявший на носу лодки, не мог более сдерживать себя.

— Берк! — закричал он. — Ради Бога, скажите, нашли ли вы что-нибудь?

Вместо ответа Берк молча поманил их на яхту. Мессенджер и Кеннер, предоставив другим сдерживать лодку от напора воды, вскочили на палубу и встали около Берка. Американец дрожал от страха, Принц не выказывал никакого волнения.

Велика была радость, когда они увидели, что все на яхте осталось в том же положении, как было и при них. Корма яхты, где находилась каюта с золотом, засела неглубоко на кортах, и волны достигали золота только во время прилива.

Тогда стали обсуждать, что делать. Решили прежде всего устроить дежурство на каком-нибудь высоком месте, чтобы наблюдать за появлением как испанцев на

суше, так и каких-либо судов на море. Затем, плотно закусив найденными на разбитом судне бисквитами, отчалили от яхты, захватив с собою часть бочонков с золотом. Потом все улеглись спать, кроме Фишера.

Рано утром, взобравшись на высокий камень, юноша, до сих пор не замечавший ничего подозрительного, вдруг обнаружил в нескольких милях от берега такое большое судно, какого он еще до сих пор здесь не видел. Он поспешил разбудить Берка.

— Что такое? — спросил тот лениво. — Черт возьми! Я думал, дюжина испанцев напала на нас! Вы увидели что-нибудь?

— Судно идет с севера на запад! — проговорил Фишер. — Я думаю, вам следовало бы посмотреть на него!

Берк взобрался на камни и, взглянув по указанному направлению, тихо засвистал, подзывая Мессенджера.

— Что это такое, по-вашему? — спросил он. — По виду это английское судно, и направляется оно к заливу!

Мессенджер долго и боязливо разглядывал, затем ответил:

— Вы правы! По форме это «Эклипс», и, наверное, направляется он сюда.

Беглецы стали высказывать опасения, что это — погоня за ними. Кеннер уже предложил лучше идти к испанцам, чтобы не попасть в руки англичан, но Берк горячо запротестовал, заявив что, быть может, крейсер просто послан на разведку. Действительно, английское судно, подав несколько сигналов, скоро вышло из залива и исчезло по направлению к востоку.

XVI

БОРЬБА В КАЮТЕ

В полдень жгло так сильно, что экипаж лодки невыносимо страдал от жары. К утру легкий ветерок стих, и горячие лучи солнца беспощадно нагревали скалу. Хорошо еще, что ни одна лодка с берега не приблизилась к рифу, и беглецы спокойно лежали до самых сумерек. Затем принялись усиленно грести по направлению к отдаленному берегу. Войдя в

залив, они стали присматривать место для разгрузки лодки.

На восточном берегу виднелись очертания какого-то села, но туда им нельзя было подойти, а равно и к западному мысу: наверху размещался сторожевой пост.

— Поищем еще! — проговорил Мессенджер. — Нам надо во что бы то ни стало найти место, где можно остановиться, пока один из нас поедет в Ферроль. И приведет судно. Меня лично тянет обогнуть восточный мыс, чтобы узнать, что находится за селом.

Никто не возражал, и лодка медленно поплыла вокруг восточного мыса. Не доходя нескольких миль до села, беглецы остановились у второго залива, который не был так глубок, как первый, но зато был окружен крутыми скалами. Местами скалы расступались, образуя маленькие бухты. В одну из них беглецы и направились.

Это была естественная гавань, казалось, самой природой приготовленная специально для них. В нее вел морской канал около восьми футов ширины, расширившийся в пяти-шести саженях от берега в великолепный фиорд. Скалы больших размеров почти закрывали небо; тихий бассейн воды имел вид лагуны. Это именно была именно такая гавань, о какой беглецы только могли мечтать.

— Если вы найдете на всем расстоянии отсюда до Лиссабона лучшее место для разгрузки, — воскликнул Берк, — то я отдам свою долю! — с этими словами он выскочил на берег, остальные последовали за ним, притянув лодку бортом к песчаному берегу.

— Теперь, братцы, — проговорил радостно Мессенджер, — долой груз, надо еще раз съездить до зари, а ночь довольно коротка!

Через полчаса бочонки и ящики лежали один на другом на песке, и лодка стояла высоко в воде. Затем Берк, измерив поспешно глубину, дал совет, как разместить груз.

— Смотрите, тут скалистое дно, озеро в два фута глубиною. Лучшего и желать нельзя! Опустите туда груз, и пусть он там лежит до второго пришествия, ему ничего не сделается!

Совет был принят, и груз опустили в соленое озеро,

потом снова отправились в море, и до рассвета второй транспорт груза был опущен в тихую воду бухты, после чего беглецы стали придумывать, куда бы спрятать лодку.

По обе стороны от них были скалистые стены, но на левой стороне пропасть была разбита на неправильные рифы. На одной из стен высотой около пяти футов была дорожка, ведущая через ущелье к холмам. Этот выступ и выбрал зоркий Мессенджер для стоянки. Вскрабавшись на него и пройдя не более пятидесяти ярдов, он нашел под скалой пустое пространство, где все они могли найти убежище и почти полную безопасность. Здесь и расположились на весь день, питаясь сухарями да фруктами и страдая от ненасытного желания заполучить какого-нибудь мяса. Рано ночью, оставив Кеннера наблюдать за гаванью, четверо беглецов снова отправились в залив, чтобы посмотреть, нет ли там чего подозрительного.

Луна еще не взошла, и ночь была темна от грозовых туч. Подул свежий западный ветер, который увеличился с рассветом, и они могли видеть серебристый прибой, ударявшийся о скалы, покрывая их пеной. Это им не мешало, но они перестали грести, чтобы решить, как лучше пройти к внутреннему озеру, как вдруг у Фишера вырвалось удивленное восклицание:

— Смотрите! Что это там за человек двигается по корме яхты или я плохо вижу?

— Да, несомненно, человек! — подтвердил Берк, а негр, вторя ему, прибавил:

— Два человека и тащат они бочонок!

Если бы выстрел попал в беглецов, то он не мог бы испугать их больше. Долгое время они сидели безмолвно, положив весла и наблюдая за теми двумя, что катили бочонок на яхте.

А те были так увлечены делом, что шум приближавшейся лодки нисколько не потревожил их, они даже не заметили, как она остановилась. Спустив в свою шлюпку один бочонок, они снова исчезли в каюте, не подозревая, что за ними наблюдают. Тогда Мессенджер, недолго думая, выхватил револьвер, воскликнув:

— Берк, если хоть один из них останется в живых, наше дело проиграно! Есть у вас заряды?

— С полдюжины да пять в пороховнице,— ответил шкипер.— А у юноши?

— Он останется при лодке,— быстро отвечал за того Мессенджер,— и взойдет на яхту только тогда, когда я позову его! Вполне ли вы готовы?

— Да! — воскликнул Берк.

Беглецы быстро схватились за весла, разогнали свою лодку и, проворно пристав к яхте, вскочили на ее палубу.

В глубине каюты горел фонарь, и при его свете они увидели, как двое незнакомцев нагнулись над сломанным ящиком с сокровищами, блеск которых, видимо, очаровал их.

— Прицельтесь,— быстро проговорил Мессенджер шепотом,— и стреляйте наверняка! У них только ножи.

И, быстро сойдя с лестницы, он выстрелил в стоявшего по левую сторону испанца; пуля раздробила несчастному кость. Другой с криком обнажил было свой нож, но сейчас же упал под стол, куда Берк выстрелил дважды... Скоро Принц покончил с раненым. Оставался третий испанец, спрятавшийся за ящики и оттуда умолявший о пощаде. В происшедшей суматохе фонарь, стоявший на столе, упал, и в каюте воцарилась полная темнота. Только по сверкавшим глазам, которые светились в темноте, как у животного, да по шепоту молитв можно было догадаться, где скрывался несчастный. Решено было покончить и с ним. Несчастный, видя неминуемую смерть, защищался отчаянно, ранил Берка в лицо, а Принца в ногу, но все-таки его одолели. В каюте лежало теперь три трупа. Покончив с испанцами, беглецы принялись с помощью негра таскать в свою лодку оставшиеся на яхте бочонки с золотом.

Скоро все, за исключением двух маленьких бочонков, было перетаскано в лодку. Один из оставшихся бочонков стоял возле мертвого испанца, и его левая рука лежала на нем. В каюте к тому времени был снова зажжен фонарь. При свете его Мессенджер заметил забытую добычу и направился взять ее; но искаженное лицо умершего имело такое отталкивающее выражение, что англичанин впервые в жизни был охвачен непреодолимым ужасом и с криком выбежал из каюты. Резкий ветер, поднявшийся в заливе, немного подбод-

рил его, впрочем, не настолько, чтобы рискнуть пойти в общую каюту. Он не решался еще раз взглянуть на это лицо и потому хотел послать негра вместо себя. Но тот заревел при этой мысли и упал на колени, умоляя:

— Сохрани меня Бог, я не трону его, я не пойду туда, он смотрит на меня!

— Вставай тогда, дурак! — огрызнулся Мессенджер, сильно ударив его три раза, так что тот упал ничком в лодку.

Ветер доходил теперь почти до шторма, и море начало волноваться. Фишер все это время сидел у румпеля лодки. Перепалка сразу раскрыла ему глаза на его друзей. Мессенджер велел ему взять весло; он повиновался, но как человек, который слышит, но не может дать ответа. Негр был на носу. Таким образом они покинули яхту и приготовлялись к отплытию, как вдруг Мессенджер вскрикнула:

— Стойте! Я совершенно позабыл о бочонке в их лодке! Вернемтесь туда!

Пришлось вернуться. Кстати, на испанской лодке нашли немного съестных припасов и воды. Затем они поспешно направились к своему убежищу, где их ждал Кеннер. Вдруг вдали блеснула ракета, вслед за которой послышался выстрел из пушки.

XVII

МОРСКИЕ ВОЛКИ ЗА РАБОТОЙ

Выстрел пушки и блеск ракеты остановили гребцов. Некоторое время они сидели, ожидая второго выстрела или какого-нибудь объяснения, и не двигались, пока ответная ракета не упала с мыса в их залив, а другая — со сторожевой башни. Это вызвало второй выстрел с моря, и Мессенджер сообразил следующее:

— Судно или пристает к берегу, или они почуяли Кеннера в его норе. Во всяком случае, это плохо для нас: в заливе появится береговая стража и какие-нибудь суда!

— Боже мой, какая масса фонарей! — закричал негр. — Что это за страна, где все разбойники по профессии!

— Сомнений нет, это фонари,— вставил Фишер,— и мне кажется, я вижу две маленькие лодки, огибающие мыс. Должно быть, судно пристало к берегу и собираются высадить десант!

Мессенджер улыбнулся.

— Если сегодня вечером экипаж судна сойдет на берег,— проговорил он,— то Галиция будет не то, что я думал о ней! Впрочем, это и на руку нам, мы сможем пробраться, пока они заняты другим!

Между тем судно, приставшее к мели второго залива, как они потом узнали, дало еще несколько выстрелов, далеко слышных, несмотря на сильное волнение. Беглецы не сделали и двадцати взмахов, как негр опустил весло и со словами: «Боже, сжался над нами!» закрыл глаза. Другие, взглянув в ту сторону, куда он указывал, увидели труп человека, лежавшего на спине, с бледным лицом. Мертвец подплыл к ним так близко, что они могли видеть, как вода вливалась и выливалась из его рта. Второе тело — женщины с черными волосами и с искаженными от ужаса чертами лица тихо прикоснулось к носу лодки, но его поспешили оттолкнуть. Беглецы, не говоря друг с другом ни слова, стали грести скорее, как будто желая отстранить ужас всего виденного.

Они благополучно проплыли в свой залив, но, когда два испанских люгера прошли мимо них, легли на весла, затаив дыхание, и их не заметили: так жадно стремились морские волки доплыть до судна. Было очень трудно грести в заливе, так как приходилось идти против течения. Более часа они наблюдали за фонарями на берегу и за массою огоньков в той стороне, где была опасность. Огни были так близко теперь, что звук голосов дошел до них. Мыс залива защищал их от сильных волн, и, употребив последнее усилие, они вошли в свою лагуну, где их ждал Кеннер, сильно беспокоясь об их участи.

— Эй! — сказал он, стоя на узкой полосе берега и помогая лодке причалить. — Я уже начинал думать, что с вами что-нибудь случилось. Где старый Берк?

— Вот, лежит на спине, — отвечал Мессенджер, соскакивая на песок, — ему худо! Поднимем его наверх!

— Черт возьми! — воскликнул Кеннер, увидев раненого шкипера. — Где его так угостили?

— Потом расскажу! Помогите высадить его!

Вчетвером раненого Берка, уже впавшего в бесчувствие, высадили на берег, затем опустили на дно лагуны бочонки с золотом. Покончив с этой работой, они опять выплыли на лодке — взглянуть, что делается в заливе.

Скоро тайна разъяснилась. На полмили от противоположного берега был разведен большой огонь; красное пламя освещало мачты какой-то шхуны, стоявшей около мыса и окруженной рыбацкими лодками и небольшими судами, экипаж которых, казалось, терпеливо ждал, пока шхуна не затонет. Костер был большой, ветер подхватывал искры, и они падали с шипением в море. Черный дым подымался тучами над холмами. Красный огонь освещал суда, и наблюдатели ясно слышали восторженные крики. Вдруг началась суматоха. Около освещенной шхуны появились две длинных лодки с людьми. При виде их маленькие суда и лодки обратились в бегство, некоторые — к ближайшему берегу, другие — к гавани, где был Мессенджер с товарищами. Остальные обогнули мыс и достигли села, находившегося за оврагом, где спрятались пострадавшие с «Семирамиды».

Когда лодки обратились в бегство, Мессенджер тотчас увидел опасность.

— Мы должны уйти, — сказал он, — и нам придется рискнуть. Если кто-нибудь из них заметит наше убежище, то ни один из нас не доживет до утра! Все затруднение в лодке!

— Поместите ее в ста милях за бухтой и ложитесь на судьбу, — проговорил Кеннер. — А лучше всего нам вскарабкаться на утес.

— Вот это-то я и хочу сделать, — отвечал Мессенджер. — Нельзя терять времени! Если огонь не ослепил мои глаза, то какой-то люгер идет прямо к нашему месту!

Весь залив был теперь наполнен маленькими лодками, люгерами, катерами, яликами, которые быстро уплыли до прибытия преследователей. А на берегу, на возвышенности, виднелись факелы и множество людей, разъезжавших верхом на лошадях по утесам. Во главе их была женщина.

Мессенджер и другие его соучастники привели свою лодку в глубокий фиорд на четверть мили ниже их убе-

жища и, выждав, когда ушли две чужие лодки и залив опустел, поместили свою лодку в ту часть озера, где было вполне безопасно. Затем возвратились к тому месту, где оставался Берк, и в первый раз после заката солнца могли подумать об отдыхе.

Эту ночь по ее приключениям можно было вполне назвать ужасной ночью; несмотря на всю усталость и утомление, все четверо не могли уснуть. Берк лежал почти без чувств там, где его положили, а остальные, пробавляясь холодной пищей и удрученные своим положением, только и думали о завтрашнем дне с его опасностями и случайностями. До рассвета они строили планы и составляли проекты и при каждом волнении на воде смотрели, не входит ли в бухту броненосец.

Кеннер, казалось, был удручен больше всех. Он мало говорил с тех пор, как увидел на скале людей верхом с женщиною во главе.

Когда рассвело, Фишер и негр наконец крепко уснули на скамьях. Кеннер же, обернувшись к Мессенджеру, заговорил:

— Помните ли вы, что произошло три месяца тому назад в Монако?

— Помню,— ответил тот.

— И испанку?

— Мне кажется, я кое-что припоминаю из вашей болтовни по этому поводу,— вяло ответил Мессенджер.

— Называйте это как хотите. Я намекаю на колдунью, на ту женщину с хорошенькой девушкой. Может быть, вы помните их?

— Зачем мне их помнить?!

— Разве Фишер не говорил, что он видел девушку, когда был на днях на берегу?

— Вы, наверно, не поверили этому рассказу?

— Думаю, что да, и я говорю прямо, что женщина, разъезжавшая верхом по скалам сегодня вечером, и должна быть ее матерью!

— Как это так?— с досадой проговорил Мессенджер.

— Я знаю это! Ее имя— графиня Ивена, и я знал тех, кто убил ее мужа в Новой Мексике.

Принц, несмотря на усталость, засмеялся.

— Кеннер,— сказал он,— вы родились поэтом:

у вас есть воображение. Когда вы заговорили об этом, мне припомнилась ваша болтовня о том, что мы ее еще раз встретим!

— Это я знаю. Мы снова встретимся, и один из нас погибнет.

— Прекрасный рассказ,— перебил его Принц,— но пожалейте свои легкие! Разве мы не порешили, что вы отправитесь в Ферроль, как только стемнеет, и эти разбойники вас пропустят?

— Это верно, но мне придется вернуться.

— Ну, что ж такого? Когда же появится женщина? Кроме того, вы все это выдумали. Ведь не можете вы говорить серьезно, что особа, которую мы видели сегодня вечером, та самая, которая ела устрицы пальцами в саду в Монако три месяца назад!

— Ну, вы мастер убеждать хоть кого! Очень может быть, что рассказ Фишера навел меня на эти размышления и мне не по себе!

— Да кому же из нас хорошо?— спросил Принц.— Лучше подумаем, что нам делать. По моему мнению, вы, имея деньги, можете доехать до Ферроля в два дня; там найдете американского консула. Не забудьте, что вы желаете осмотреть провинции басков с моря и подыскиваете яхту для этой цели. Чем меньше вы судно купите, тем лучше для нас. Затем мы отправимся в Лиссабон под видом туристов, а потом отправим вас обратно в Лондон купить пароход. Как бы ни старались теперь схватить нас, там никогда не будут ожидать нашего возвращения. Кроме того, мы будем переодеты!

— А что если вас схватят, прежде чем я вернусь сюда?

— Я не предвижу ничего подобного. В Европе, конечно, только и говорят про этот разбой. Вы можете быть вполне уверены, что нас ищут в каждом большом городе. Всем сыщикам много дела! Правда, у нас была небольшая драка с береговыми людьми здесь, но не думаю, чтобы кто-нибудь из властей видел нас. А если так будет продолжаться, мы спасены. Вероятно, о нас думают, что мы бежали с яхтой в Южную Америку. Ни один сыщик не предвидел крушения «Семирамиды». Они, может быть, обыскали испанский берег. Может быть, вчерашний броненосец этим и был занят!

— Ну,—сказал Кеннер,—и я бы так рассуждал, если бы не эта женщина, которая не выходит из моей головы. Впрочем, все-таки завтра вечером я уезжаю! Ну, а что Берк?

— Через три дня он поправится. Да вот посмотрим его!

Оба собеседника пошли к тому месту, где лежал шкипер, и нашли его все еще в лихорадочном состоянии, но не в таком жару. Когда совсем рассвело, они не могли бороться с усталостью и, устроив себе постели на твердой скале, сразу заснули крепким сном.

На следующую ночь, как только стемнело, они высадили Кеннера в нескольких милях от берега. С деньгами в кармане и револьвером он отправился по дороге в Ферроль, унося с собою всю надежду четверых, которые остались охранять сокровище.

XVIII

ВТОРОЕ КРУШЕНИЕ

Неделю спустя после отъезда Кеннера из гавани положение четырех оставшихся на берегу представляло печальное зрелище. Запас пищи истощился, осталось лишь немного сухарей, картофеля и вина, взятых с яхты и с лодки испанцев. Больше всего беглецы страдали оттого, что приходилось постоянно быть настороже.

С самого начала Мессенджер запретил что-либо предпринимать без его ведома и для большей безопасности погрузил свою лодку в озеро. Привал также находился в нескольких стах ярдов от тропинки, которая вела через ущелье. Это было удобное место в одном из разветвлений, ведущих в маленькую пещеру, где сверху свешивались сталактиты. В конце убежища был природный камин. Беглецы отважились развести в нем огонь, варили картофель и кипятили воду в ящике, где раньше хранилась амуниция; он сильно тек, но все-таки был пригоден. За это время они привыкли к такой жизни, и если бы у них не было недостатка в пище, то мало страдали бы от климата: жара здесь была невыносима, а солнце приятно только при закате.

Шкипер Берк в это время почти совсем поправился от ран. Другие не отделались бы так легко, но его выносливая натура помогла ему, и хотя лицо его было завязано и, по-видимому, сильно поранено, но он продолжал быть беспечным.

Мы упомянули, что беглецы спрятались в пещере, но это не значит, что они не следили за тем, что происходило в заливе. Каждое утро после первой еды и вечером перед закатом солнца Мессенджер и Фишер уходили из пещеры и, пробираясь однажды по чрезвычайно узкой тропинке, нашли пропасть в пятьдесят футов и вскарабкались довольно легко к естественному окну в утесе. Под ними находился залив, вдаль виднелись горы Астурии с холмами, лесом и долиной, покрытой деревьями. Большую часть дня на заливе не было видно ни одного судна, но часто к закату солнца на горизонте появлялись рыбацьи лодки, и некоторые бросали якорь около мели. Ни один человек не показывался на берегу, и наши беглецы жили в диком уединении, которое увеличивало их страх.

На четвертый вечер и на пятый после отъезда Кеннера подул сильный северо-западный ветер, принося беловатые волны в залив. Воздух был приятный и свежий у окна, где они наблюдали. Мессенджер и Фишер долго сидели там и немало удивились тому, что видели на берегу: поднялся вихрь с завываниями ветра.

В обе эти ночи, как только становилось темно, показывался яркий свет, вероятно, с лодок и, сильно светя по временам, служил как бы сигналом в течение нескольких часов. Во вторую ночь, однако, когда странный фонарь горел на более десяти минут, с берега раздался выстрел, и огонь исчез. Поздно ночью, когда луна выглянула из-за туч, осветив местность, Фишер указал на женщину, бывшую во главе всадников три дня назад. Она снова ехала, но теперь без провожатых, по скалам, и когда Мессенджер заметил ее, он вспомнил страх и опасения Кеннера.

— Хель,— сказал он,— когда вы на днях встретили девушку на холмах, действительно вам показалось, что вы видели ее раньше?

— Я уверен в этом, и она то же самое сказала! — возразил Фишер.— Это та самая девушка, которая была с женщиной, названной нами испанской колдуньей!

— Странно, очень странно! — проговорил Принц. — Я помню, что в нашей гостинице говорили, будто испанка топила суда, и у нее был замок где-то на северном берегу Испании. Странно было бы предполагать, что говорили правду!

Фишер пожал плечами. После недавнего посещения затонувшей яхты он выражал мало воодушевления в чем бы то ни было. Его дружеские отношения продолжались, но были натянуты и, хотя личность Мессенджера все еще оказывала на него влияние, но уж не такое сильное, как в прежнее время. Эта перемена не ускользнула от Мессенджера. Он хотел улучшить отношения, привлечь его шуткой и ловкостью. Однако, когда стало ясно, что юноша совсем не доверял ему, не сделался раздраженным и сдержанным.

— Ну, — сказал он, — веселый вы товарищ, нечего сказать! Что с вами?

— Я думаю о людях в каюте, — возразил Фишер.

— Ну, и что же? Наверно, вы не думали, что я оставляю полдюжины бочонков золота, врученных мне людьми, которые вполне мне доверяют, первым негодяям, пожелавшим украсть их?

— Вовсе нет!

— Что же у вас такое вытянутое лицо? Они хотели нас зарезать, а мы их сами зарезали! Может быть, вы думаете о том, что мы были бы теперь под водой, а они бы тратили наши деньги на берегу?!

— Ваши деньги? — спросил Фишер с ударением.

Мессенджер бросил на него взгляд, который мог убить более крепкого человека, чем этого юношу.

— Как прилично предлагать такой вопрос другу! — сказал он.

Фишер был пристыжен своим собственным подозрением.

— Право! — воскликнул он. — Я бы рад думать о вас все хорошее!

Мессенджер отвернулся, делая вид, что сердится.

— Хель, — сказал он после некоторого молчания, — когда мы благополучно сойдем на берег с этими деньгами, вы услышите все подробности. Если вы не можете доверять мне до тех пор, ступайте своею дорогою, я пойду — своею! Раньше у меня не было друзей, я могу обойтись без них и теперь!

— О,—сказал Фишер, сердце которого разрывалось,—этого никогда не будет, Принц! Бог знает, чего бы я не сделал для вас, я не хочу перечислять всего того, что вы сделали для меня!

— Я только прошу вашей дружбы и вашего доверия,—говорил Мессенджер, который отлично умел притворяться.—За ваше доверие я отплачу вам тем, что расскажу свою историю!

— Вы очень добры ко мне,—заметил Фишер,—и вы единственный человек, который так относился ко мне!

Таким образом, разрыв на время был улажен, и через неделю все ждали возвращения Кеннера с сильной надеждой, разговаривая об этом у разведенного огня в своем привале. У них было мало пищи, и они решились на вылазку ночью. План, однако, нельзя было привести в исполнение, так как в девять часов, как им казалось, раздался пушечный выстрел. Оба кинулись к отверстию в утесе и увидели там сцену, которая имела для них большое значение.

В трех ярдах от мели, где была сожжена шхуна, ясно виднелся длинный черный береговой пароход. Полная луна ярко освещала его, так что можно было разглядеть экипаж, скучившийся на корме. Свирепые волны безжалостно сбрасывали людей в море. Однако самым поражающим зрелищем для Мессенджера была внезапная деятельность на берегу. Едва раздался второй выстрел, как целый флот лодок начал стрелять с высоких утесов в залив и быстро поплыл к погибающему судну. Не успели оглянуться, как экипаж нападающих уже толпился на корме погибающего судна, и можно было видеть яростную борьбу из-за места. Многие падали за борт в катящиеся волны, а многие погибали под ударами ножей и палок. Наконец падающие вполне овладели палубой и начали все грабить и бросать в лодки, которые были поданы с немалым искусством. Это занятие продолжалось до тех пор, пока выстрел с берега не отвлек людей от работы. Они большой толпой вернулись к тому месту, где их ожидало множество факелов. Для тех, кто наблюдал в отверстие ущелья, это происшествие открыло многое. Сам Мессенджер впал в уныние и во все время не сказал ни слова. Но, когда огни исчезли на берегу, он обратился к Фишеру:

— Это удивительное зрелище!

— Я с вами согласен! — отвечал Фишер.

— И рассказ об испанке в Монако был верен — она топит суда. О, она хитрая женщина, и служить здесь в береговой страже выгодно — зарабатывают деньги!

— Это почти невероятно, — сказал Фишер, — хотя я это видел собственными глазами.

— Вполне понимаю, — заметил Мессенджер. — Все случилось так неожиданно, как удар грома. Посмотрите, мы считаем себя в ста милях от жилья, а оказались в самом логове разбойников, сосчитать которых — напрасная трата времени: так их много. Разве вам не ясно, что, если хоть один из них нападет на наш след, нам не прожить и десяти минут?!

— Узнают ли они про слитки? — спросил Фишер.

— Узнают ли? Какой вздор! Конечно, узнают. Женщина здесь играет двойную роль. Я все теперь вижу. У нее — шайка, которая грабит суда, а она тратит барыши в Монако. Можно только мечтать о таком. Удивительная идея пришла ей однажды в голову. Если бы я встретил ее лет двадцать назад, мы с нею составили бы прекрасную парочку.

Мессенджер говорил с иронией, но вскоре посерьезнел.

— Хель, — сказал он, когда они покинули место наблюдения, — сегодня ночью нам мало придется спать. Будем теперь ждать Кеннера. Но кто может знать, в плавании он или на суше, жив или умер? Так как придется ждать, может быть, многие дни, я хотел бы знать, куда ведет вон та тропинка, что проходит через скалы. Не заметили ли вы, что все лодки стреляли с берега ниже нас на милю? Если там есть чей-нибудь привал, то та дорога, о которой мы пока ничего не знаем, может нас привести к нему, но в таком случае и к нам кто-нибудь до утра может наведаться. Я даже не могу себе представить, что бы они стали делать, если бы узнали о крушении!

— Не время ли теперь же увезти золото? — сказал Фишер.

— Нет, не думаю. Мне кажется, мы подвергались большому риску каждый раз, как отправлялись на лодке, хотя и не подозревали этого. Настолько-то счастье нам благоприятствовало! Мы должны еще немного поверить ему.

Они снова пришли к пещере и застали Берка и негра крепко спящими. Огонь был разведен на скале; они побросали дрова в воду и, убрав все, захватили свои пистолеты, длинный канат и вино во фляжке и быстро отправились в путь.

ХІХ

ЧЕЛОВЕК, СТОЯЩИЙ У ВОРОТ

Ночь была ветреная и бурная. По небу пробегали тучи, пропускавшие свет луны только по временам. Ветер грустно завывал по оврагам. В самом начале пути тропинка к пропасти, по которой Мессенджер и Фишер шли, тянулась параллельно с морем, но на расстоянии трети мили от привала был резкий поворот, после которого местность стала более открытой.

Новая дорога была шириной в шесть футов даже в своей узкой части и была удобна для ходьбы, хотя и усеивали ее камни. Когда луна освещала пропасть, то вал блестел, как яшма, как руда антимония и как кварц. Сквозь навес, образовавшийся из верхушек скал, виднелись яркие, красивые звезды.

Мы говорили, что широкая тропинка вела в горы и оттуда к морю. Дальнейшие наблюдения наших героев открыли много извилистых и перепутанных проходов, так что Мессенджер с Фишером совсем не знали, где они в данную минуту находятся и куда их ведет дорога. Тишина прерывалась лишь завыванием ветра да плеском воды горных ручьев, впадающих в залив.

На расстоянии мили от гавани тропинка стала изменяться, крутизна увеличилась. Наконец, поднявшись на возвышенность, тропинка уперлась в ворота, состоявшие из железных полос.

Мессенджер остановился у ворот, дал знак Фишеру припасть к земле, а сам стал прислушиваться. В этом месте, как и в овраге, завывал ветер: буря не прекращалась. Вскоре из глубокой пропасти послышалось шлепанье погружающихся в воду весел.

— Слушайте,— сказал Мессенджер шепотом,— ведь это оклик человека с лодки. Мне кажется, мы напали на поселение!

— Я бы хотел знать, что же находится за воротами? — спросил Фишер.

— Я вам скажу через пять минут, — ответил Мессенджер, — если об этом стоит говорить. Отойдите, чтобы мне можно было осмотреть местность!

Нелегко было удержаться на скале около разрушающихся ворот, но, миновав железные полосы, Мессенджер, опираясь одной ногой на природный карниз, перекинул петлю веревки через одну из железных полос решетки и таким образом несколько поднялся наверх.

— Ну, что, Принц, — спросил стоявший внизу Фишер, — видите ли вы что-нибудь?

— Не говорите так громко! — возразил Мессенджер, наклоняясь, чтобы ответить. — Мне кажется, внизу люди. Ухватитесь за канат, и подниметесь наверх. Вот так. Что вы здесь видите?

Фишер был около него в том же положении, но на противоположной стороне ворот. Сначала ему мало что было видно за верхушками скал, так как было очень темно. Большие утесы возвышались на пятьдесят ярдов от них, но когда вышла луна из-за облаков, то осветила все вокруг них. Было ясно видно, что по этой тропинке уже не ходили, но прежде она вела к большой бухте. Они и теперь видели эту бухту, но с очень большой высоты. Отсюда они наблюдали, что происходило внизу: свет луны падал на лагуну. Но как раз под ними обзор закрывался выступающей крышей какого-то здания, ютившегося по обеим сторонам скалы. Его каменный парапет находился от них не далее десяти футов.

Читая бумаги, относящиеся ко времени этого эпизода, мы часто думали, что судьба людей, переживших «Семирамиду», могла быть иной, если бы Мессенджер воздержался от любопытства пройти через ворота. Если бы выступ крыши не мешал им видеть бухту, нет сомнения, он бы сейчас вернулся в бухту и остался бы там до приезда Кеннера или до тех пор, пока не пришло бы известие о нем. Но, видя только беловатые стены скал и верхушку каменного здания, он решил продолжать свои наблюдения. С этим намерением он обратился к Фишеру, но новый звук голосов вдруг раздался в пропасти. Тогда Мессенджер, отойдя в сторону, сказал:

— Перекиньте канат с петлею на конце и оставьте его там на случай, если надо будет вернуться. Дайте мне ваш конец каната и помогите подняться.

Говоря это, он опять появился у ворот и закинул веревку на одну из железных полос, составлявших решетку ворот. Фишер ловко последовал за ним, и скоро они оба стояли на крыше и смотрели вниз на громадную глубину у их ног.

То, что они увидели под собою, было так чарующе и необыкновенно, что они несколько минут молча все рассматривали. Там им представилась обширная пропасть с озером. Но природа мало их интересовала, так как все внимание было занято тем, что происходило внизу.

В конце бухты, ближе к берегу, был туннель, ведущий, как они предполагали, из лагуны в самую середину утеса. Здесь можно было видеть целую флотилию гребных судов и люгеров. Экипаж ходил взад и вперед по узким выступам прохода, который был весь освещен факелами и оглашался криками моряков. Отражающийся в темной воде свет, клубы дыма, дикие лица, крикливые приказания и угрожающий вид громадного прохода — все это служило разъяснением для Мессенджера и Фишера. Они были очарованы и безмолвны, не были в состоянии оглянуться хотя бы из любопытства, почти не двигались, боясь, что неловкий шаг будет стоить им жизни. Далее они заметили, что сравнительно широкая тропинка шла вдоль пропасти на тридцать футов ниже их, и фасад того дома, на котором они стояли, выходил на тропинку. По его запущенному виду они решили, что им давно не пользовались. Таким образом, их положение было менее опасно, чем они думали раньше. Мессенджер прополз вдоль всего парапета, и когда добрался до его дальнего конца, то поманил юношу следовать за ним. Вскоре они очутились перед полуприподнятым трапом. Отсюда можно было заглянуть внутрь здания. Это была грязная комната без окна, заделанная, однако, железными полосами, но с открытою дверью, скрипевшею на своих петлях. Они уже хотели уйти, как Фишер увидел то, что послужило им грустным предостережением.

— Посмотрите,—сказал он,—я могу поклясться, что в углу около двери лежит человек!

— Ничего не вижу,— заметил Мессенджер,— вы принимаете за человека тень от трапа!

— Нет, это не то, отодвиньте немного трап, и вы сами увидите!

Они отодвинули деревянную крышку отверстия. Тепло лежало на полу поперек порога. Это был мертвец — в нем они узнали Паркера, кроткого помощника капитана с «Семирамиды».

— Боже мой! — воскликнул Мессенджер. — Как он попал в эту яму?!

— Его спасли с погибшей яхты! — сказал Фишер. — Бедняга Паркер, он был самый скромный из экипажа!

— Ну,— заметил Мессенджер,— он достоин скромных похорон. Однако нам пора возвращаться!

— Вы правы,— сказал Фишер и начал отползать назад. Его движения были так неуклюжи, что он задел рукою деревянный трап, и тот с шумом упал в воду. Тотчас раздался чей-то крик, и оба поняли: они обнаружены.

XX

БЕГСТВО В МОРЕ

Мессенджер, пытаясь понять, какие опасности их подстерегали, предложил осмотреть все, что их окружало. Над ними возвышалась скала в тридцать футов высотой, но такая гладкая, что нечего было и пытаться вскарабкаться на нее. Перед ними — пропасть, в которой уже собралась толпа людей, жестикулировавших и ревавших, как волки. Мессенджер отказался бежать через пропасть, ведущую к гавани, опасаясь, как бы не открыли их убежище. Там была еще тропинка на двадцать футов ниже их, но он не знал, может ли она провести их к морю. Но вот раздался выстрел, и пуля, пролетев мимо его головы, попала в скалу. Это заставило беглецов решиться на что-нибудь.

— Можно уйти только через ворота,— сказал Мессенджер,— мы должны к ним бежать без промедлений. Уходите, Хель, или они в вас попадут!

Фишер схватился за канат, чтобы подняться. Но тот

лопнул, и юноша упал на спину с коротким концом каната в руке.

При виде новой неудачи оба встали безмолвно. Скала была такая крутая по эту сторону ворот, что было бесполезно пытаться влезть на нее. Нечего и говорить: опасность была очевидна. Вскоре они увидели людей, идущих по тропинке к дому, на крыше которого они стояли. Мессенджер заметался, но, как только его увидели, вторая пуля ударила в парапет, и рев дикой толпы стал еще громче и свирепей. Двое преследователей уже бежали по тропинке, находясь в пятидесяти шагах от каменного дома, но, к счастью, они не были вооружены. Мессенджер подошел к утесу, который нависал над концом здания, и увидел, что здесь крутизна была преодолимой. В другое время он бы принял за лунатика того, кто попытался бы взобраться на этот утес, но теперь, в полном отчаянии, он ухватился за соломинку и рискнул.

— Хель,—сказал он,—я попробую влезть на эту скалу. Ты пойдешь?

— Попробую,—ответил Фишел лаконично, и Принц вскочил на скалу, нервно цепляясь и перебираясь от одного куста к другому. Раньше чем юноша двинулся, тот уже приблизился к верхушке, висевшей над пропастью глубиной в двести футов. Он продолжал продвигаться там, где никто бы не прошел, где один неверный шаг мог его сбросить вниз. Голова Фишера закружилась, он понял, что не сможет следовать за Мессенджером, хотя его жизнь зависела от этого.

В то время как юноша колебался, не зная, на что решиться, в отверстии показалась голова огромного испанца; громкое восклицание вырвалось у него при виде своей жертвы. Только это и ускорило выбор Фишера. Пробужденный опасностью, он ударил испанца по голове, затем, когда тот отстранился с ужасным криком от боли, юноша поставил ногу на выступ скалы и начал быстро взбираться вверх. Несколько шагов он сделал легко, теперь крыша внизу уже не защищала его, так что если бы он обернулся и посмотрел вниз, то увидел бы страшную пропасть. Поднявшись футов на двадцать, он дошел до большого выступа скалы и дальше лезть не решался. В ужасе он закрыл глаза, поник головой и ждал конца, как вдруг что-то ударило его по

руке, и он увидел перед собою короткую железную полосу, качавшуюся на канате. Он ухватился за нее и через три минуты лежал наверху вала.

— Я вам дам одну минуту, чтобы прийти в себя, не более! — проговорил Мессенджер, наклоняясь над ним. — Вам следует послать благодарственное письмо той женщине, которой принадлежат эти владения, за то, что она натянула канат на скале. Я вытащил последний столб и спустил вам канат. Но нам надо спасаться, я вижу движение людей в лесу!

Фишер приподнялся при последних словах и увидел, что они были на газоне большого парка; направо возвышались скалы, окаймленные группой сосен, налево — лес, состоящий главным образом из каштановых деревьев. Невдалеке, на расстоянии одной трети мили, возвышался замок, который они видели с другого залива; первые лучи солнца озаряли его. Из леса, доходящего почти до дверей этого здания, вышли не менее двадцати человек и с криком побежали по большой лужайке к нашим беглецам.

— Когда-то я хорошо бегал, — сказал Мессенджер, — и знаю, что вы тоже бегаєте быстро. Вы должны теперь пробежать милью, прошу не отставать!

— Постараюсь, чтобы нас не догнали! — сказал Фишер и ринулся вслед за Мессенджером.

Они бежали минут десять с быстротою зайцев, сопровождаемые дикими криками испанцев. Когда они подбежали к лесу, преследующие отстали уже на две трети мили. Но Мессенджер продолжал бежать, прокладывая дорогу через непроходимый кустарник и густую чашу терновника, пока море не исчезло из виду, и тут они остановились передохнуть. Затем беглецы вернулись в лес, но держались параллельно берегу до тех пор, пока не пришли к сухому дну ручейка, над которым образовался навес из листьев. Они прошли таким образом еще четверть мили и наконец оказались в глубокой яме, защищенной кустами и молодыми деревьями, где и легли, прислушиваясь к отдаленным крикам в чаще.

Мессенджер и Фишер прятались здесь в течение всего жаркого дня. Они часто слышали голоса людей; треск валежника и терновника указывал, что поиски продолжались. Но к вечеру звуки прекратились,

и тишина в лесу нарушалась только шелестом осины.

Было около девяти часов, когда Мессенджер, убедившись, что в лесу над ними никого нет, рискнул встать и быстро окинул взором окрестность. Пора было что-то предпринимать.

— Хель,—шепнул Мессенджер,—я совсем не знаю местности! Север, кажется, вон там, между чащею, а бухта лежит восточнее. Но как нам найти туда дорогу, Бог знает!

— Там будет толпа народу,—сказал Фишер.

— Конечно, если они не придумали чего-нибудь лучшего и не разошлись! Но это надо узнать. Видите холм с большим терновым кустом? Я подойду к верхушке холма как можно ближе. Во время моего отсутствия проберитесь к лужайке около чащи и постарайтесь там разузнать что-нибудь. Если вас увидят, советую начать читать молитвы!

— Вас долго не будет?—спросил Фишер.

— Столько, сколько мне понадобится, чтобы узнать, буду ли я спать здесь или с Берком!

— А если нас увидят?

— Спасайтесь бегством! Выстрел может привлечь целый отряд на нас. Нужно соображать, мой друг, нельзя тут все обозначить, как на плане. Мне кажется, что путь свободен.

Сказав это шепотом, он снова пополз через кустарник с удивительною ловкостью. Но Фишер не стал наблюдать за ним, а тотчас отправился к высокой чаще, которая находилась к северу от русла потока. Ему было легче идти, чем Мессенджеру, так как он проходил по траве между посаженными молодыми деревьями, за которыми можно было укрываться. Однако шел он с большою осторожностью. Дойдя наконец до вершины лесистого холма, он почувствовал, что его лицо покрылось потом, и он прилег на несколько минут отдохнуть.

Сквозь чащу виднелось море, серебристое и спокойное, но залива не было видно. На поляне, окруженной парком и лесом, незаметно было ни привала, ни караула. Он хотел уже вернуться на старое место, как вдруг внезапный свет между деревьями заставил его броситься на землю и наблюдать за движением фонаря со стра-

хом и ожиданием, хорошо ему известными со времени крушения яхты.

Откуда этот свет? Фонарь качался низко над землею в руках человека, который и не думал прятаться. Он быстро приближался к чаще, судя по мелькающему свету. Свет падал то здесь, то там на папоротник и на цветы. Это указывало на то, что человек с фонарем бежал; слышался шорох сухих листьев и звук прерывистого дыхания. Юноша, прислушиваясь, еще более тесно прильнул к земле, и, когда легкие шаги стали слышнее, он понял, что только чудом его могут не заметить.

В тот же миг фонарь осветил его, и в тени он увидел лицо и фигуру девушки из Монако. Она шла скоро. Косынка скрывала ее хорошенькую головку. В правой ее руке был кнут. За нею следовал большой дог. Услышав вырвавшиеся у юноши восклицания, она остановилась и, очутившись перед ним, долго не говорила.

— Я видел свет вашего фонаря,—сказал Фишер, предполагая, что она знала о его положении,—и боялся, что шайка опять в погоне за нами! Я со своим другом прятался в том кустарнике, но мы едва не умерли от усталости и недостатка пищи. Если бы вы только могли указать нам безопасный путь к берегу, я не знал бы, как благодарить вас!

— Я знаю всю вашу историю,—отвечала девушка.— У нас в доме говорили, что вы прошли в лес по другому заливу, и теперь вас ищут там. Но я вас увидела в окно сегодня утром и ждала темноты, чтобы вам помочь. Они все еще наблюдают за вами на берегу, но это на расстоянии мили отсюда.

Она погасила фонарь при этих словах, но не раньше, чем он спросил ее:

— Почему вы это делаете для нас?

— Я это делаю для вас,—возразила она совершенно просто.— Вы не можете представить себе, что у меня никогда не было друга. Я стыжусь своей семьи! Я живу очень уединенно. Бог один знает, что это за жизнь!

Она говорила с такою бесконечною нежностью, что Фишер схватил ее руку и поднес к губам. Это прикосновение заставило ее вздрогнуть.

— Если б только я мог отплатить вам!—сказал он.— Но я не могу ничего предложить, кроме своей

признательности, которую нельзя выразить словами. Я буду помнить это до конца своей жизни!

— Я также буду вас помнить,— произнесла девушка, не отнимая руки.— Я никогда не забуду, что вы доставили мне счастье, а я так мало пользовалась им!

Ее печальный тон вызвал у юноши рыцарское чувство. Держа ее руку и чувствуя на своем лице ее горячее дыхание, почти слыша биение ее сердца, когда она прижалась к нему, смотря в глаза, которые пылали южной страстью, он обещал, что вернется, какая бы судьба его ни постигла. Он вдруг притянул ее к себе близко, и их губы соединились в первый поцелуй — до сих пор он не целовал еще женщин. Она прижалась к нему со слезами на щеках, и ее сердце радовалось; теплый ветерок шелестел листьями, и лес, красуясь, затих. Вскоре она освободилась от его объятий и первая пришла в себя.

— Мы оба забыли,— сказала она,— где мы, а этого нельзя забывать! Я вас проведу через наш сад к берегу. Я ничего больше не могу сделать, и если люди вернуться с другого конца залива, то это только может повредить. Но это все, что я могу сделать!

— Я верю вам,— сказал Фишер,— и мы должны воспользоваться вашей помощью. Я скажу Мессенджеру все, что вы сделали!

— Да нет,— проговорила девушка,— это было сделано для вас! Не забудьте этого, вот все, что я прошу.

Ответа не надо было ждать. Однако он продолжал обещать, что никогда не забудет ее и что снова придет поблагодарить ее.

Взяв друг друга за руку, оба направились к холму, где укрывался Мессенджер.

— Ну,— проговорил Мессенджер, заметя их,— вы, кажется, заняты. Это та молодая барышня, про которую вы говорили неделю назад?

— Да,— сказал Фишер просто,— уже второй раз она оказывает нам услугу! Она обещала провести нас через свой сад к берегу, на котором, думает, нет людей.

Принц, глядя на парочку, даже не спросил, не опасно ли идти. Он уже обдумал все шансы, когда юноша с молодой испанкой подошли к нему, и теперь только поблагодарил ее с изысканною вежливостью, которую

всегда умел выказать. Девушка быстро вела их к ближайшему лесу до тех пор, пока они пришли к большой каменной стене. В ней она отперла большую железную дверь, и они проникли в сад, где было много беседок и фонтанов, затем очутились наверху каменной лестницы. Здесь она покинула их раньше, чем Мессенджер мог ей сказать еще что-нибудь или Фишер взять ее руку.

Ступени привели их на берег, который был совершенно пустынен, но, идя постепенно к своей гавани, как они думали, они увидели темную форму лодки, и тотчас узнали, что в лодке греб негр Джо, а Берк сидел у румпеля. Увидя это, Мессенджер остановился и топнул ногою по песку.

— Проклятье! — сказал он. — Ведь их могут увидеть!

Он побежал по берегу, и шкипер, увидя его, повернул лодку к заливу. Немного спустя она причалила, и четверо приветствовали друг друга, как вдруг раздался громкий крик, и шайка людей набросилась на них, свалила всех на спину и связала прежде, чем они могли понять, откуда явилось нападение.

XXI

ЗАЛ ФОНТАНОВ

Четыре англичанина лежали на берегу, затянутые крепко канатами, а испанцы, так легко одержавшие победу, начали выражать свое ликование гортанными криками. Некоторые стояли над пленными, выпуская дикие и резкие восклицания, другие бегали по берегу, громко объявляя своим товарищам на скале, что дело покончено, третьи снова принесли факелы, суя их в лицо пленным под предлогом рассмотреть их. Эта шайка, не лишенная живописности, состояла, по словам Мессенджера, по крайней мере из тридцати человек, вооруженных ружьями. По их пестрой одежде можно было судить о вкусе южан и об их жизни в горах. Виднелись ратеро в пестром одеянии иберийцев, матросы в длинных шелковых плащах, смуглые галицийцы в своих черных костюмах, простые крестьяне, прыгающие при свете факелов, и мальчишки, радующиеся победе. Они долго шумели, угрожая пленникам ножами и палками.

Весьма вероятно, что при том зверском настроении, в каком была шайка, конец пленников наступил бы очень скоро, если б не вмешательство одного из атаманов шайки. Это был великан в шапке, отделанной мехом. При звуке его голоса толпа отошла, а он, подойдя к Мессенджеру и низко кланяясь ему, казалось, извинялся, затем, обернувшись, велел стоящему около него испанцу разрезать канат, которым были стянуты шея и ноги пленных. После этого их посадили в лодки, приведенные к пескам во время схватки. В первую из них, красивую и похожую на лодку яхты, посадили Мессенджера и Фишера, во вторую, простую и вмещавшую по крайней мере двадцать человек, — Берка и негра. Нагрузив таким образом лодки, испанцы быстро направились к заливу, и надежды Мессенджера улучшились, когда он заметил, что они направлялись к лагуне, откуда он убежал утром, а люди, набросившиеся на них, были те, которые кричали друг другу при входе в туннель.

Во время этого короткого пути лодка, которая везла Берка, быстро шла за мелким судном, где находился Мессенджер. Он сидел у кормы, рядом с ним великан; Фишер лежал в сильном страхе на носу лодки. У обоих только руки были связаны канатом, однако они и не помышляли переменить положение, выскочив из лодки, — это было бы безумием.

— Куда вы нас везете? — обратились пленники к испанцу.

— *Sade Dios quien sabe!* — возразил тот.

Мессенджер, не поняв сарказма во фразе испанца, решил снова заговорить, на этот раз по-английски.

— Вы живете на холме?

— *Perdone, senior!* — ответил испанец с улыбкой, показывающей ряд темных зубов. Затем он указал по направлению к гавани, и, казалось, хотел сказать, что положение пленников причиняет ему страдание. Но Мессенджер, полагая, что его поняли, продолжал свой разговор.

— Кажется, в вашем распоряжении довольно много разбойников! Но это вам дорого обойдется! Мы ждем завтра судно из Ферроля, и английский консул узнает, где надо нас искать. Вы затеяли опасную штуку!

К его великому удивлению, испанец разразился смехом.

— Может быть,—сказал он на изящном английском языке,—очень возможно, но мы его встретим с пистолетом в кармане! Я говорю вам это в качестве предупреждения.

— А! Вы, значит, здесь главное лицо,—сказал Мессенджер,—и владетель местечка!

— Оно мое, как вы говорите, и в то же время не мое. Уже тридцать лет я служу своей госпоже и прослужу ей еще тридцать.

— Едем ли мы теперь к ней?

— Нет, я вам скажу со временем. Я только слуга, а слуга не может говорить, когда хозяйка не говорит,—никоим образом!

Мессенджер заметил при этом, что испанец хитрит, и погрузился в молчание. Лодка вошла теперь в бухту, и они поплыли через узкий проход, который возвышался по крайней мере на триста футов над берегом и казался необыкновенно величественным при лунном свете. Крутые каменные стены были наполовину скрыты под соснами и ползучими растениями, растущими на них, но были и пространства, где кварцевая руда выглядывала, как полированное серебро, и сама лагуна блестела, как зеркало, там, где падал на нее нежный свет. Около трети мили лодка скользила молча под жилищем орлов и вершинами, покрытыми лесом, не встретив ни одного судна. Не было видно никакого признака людей, как вдруг при повороте показалось отверстие туннеля и двенадцать грубых людей, собравшихся на краю маленькой стены, приветствовали экипаж лодки. Им ответили тоже приветствием. Крик был повторен трижды, и каждый раз эхо раздавалось в туннеле и, казалось, проникало в глубь холмов. При втором крике лодка подошла к большой бухте. Удручающий мрак закрыл все от взоров людей; они могли только различать мерцание ламп, которые тускло освещали стены, позеленевшие от тины, и воду, казавшуюся черной от окружающей темноты. Туннель переменил направление и пошел направо. Приплыв к повороту, лодка подошла к небольшой деревянной платформе в стене, где ее задержали два матроса с фонарями в руках.

Обмен приветствиями между испанцами был очень

короткий. Атаман сразу встал на площадку и попросил англичан следовать за ним через железную калитку, сделанную в скале. Войдя в нее, они очутились в узком кирпичном коридоре, слабо освещенном лампами. Коридор наклонялся под очень острым углом и был так низок, что нужно было непременно нагнуться, чтобы пройти по нему. Испанец ускорил шаги по склону, и теперь они вошли в каменный двор с чрезвычайно высокими стенами; затем прошли через другие ворота к зданию. Пройдя по нескольким коридорам, они очутились перед самым замком, о чем и не подозревали. Здесь им велели ждать под охраною трех человек.

Насколько Мессенджер мог заметить при тусклом свете, здание, где они теперь находились, имело очень толстые стены, и по каждой арке, по каждому столбу можно было судить о его долговечности. Над ними каменная крыша с богатой скульптурой указывала на влияние мавров, а тонкие колонны, поддерживавшие ее, имели много грации, чего нельзя было ожидать в Галиции. Однако в обширной передней меблировка была скудной, хотя ворота с башенками, украшенными блестящей медью, и много икон с горящими перед ними лампадами, свидетельствовали о постоянном уходе. Вид дома действительно был роскошен и заставлял воображение рисовать себе чудные картины за воротами, откуда доносилось журчание бьющих фонтанов и тихий шепот двух голосов.

В этой передней два пленника, — Берк и негр не были приведены сюда, — ждали около десяти минут, стоя грустно перед своими проводниками. Наконец одни из ворот открылись, и испанец возвратился, давая им знак следовать за ним. Он, казалось, не предвидел никакой попытки пленников к бегству, так как оставался с ними один, и остановился, чтобы разрезать веревку, которой были связаны их руки. Теперь они были в высоком коридоре, освещенном бронзовыми лампами и устланном такими толстыми коврами, что шагов совсем не было слышно. Стены коридора были в изобилии украшены странными аллегориями, изображенными блестящими красками испанской школы. Из большого коридора они прошли в круглую переднюю с позолоченным сводом, где из протянутых рук нереид струились фонтаны. Свет искусно падал на мраморные резервуа-

ры, в которых плавали золотые рыбки. Никогда они не видели комнаты, где бы световая гармония соединялась в таком совершенстве, где бы так заманчиво манили уютные кресла. Едва они вошли сюда, как высокий испанец отдернул занавес, закрывающий одну из стен свода, и пленники очутились перед испанкой.

Комната была обширная, освещенная несколькими свечами в подсвечниках из венецианского стекла. Стены были украшены мрачными портретами. На одном конце была завешенная арка, которая отделяла большую комнату от маленькой, ее можно было видеть через резную деревянную решетку. С одной стороны была галерея, куда вели другие двери. Но более всего поражала в этой комнате женщина, сидевшая на низеньком стуле и окруженная большими догами, которые ворчали на незнакомцев. Свет от кабинетной лампы освещал лицо испанки, которую Мессенджер без всякого сомнения видел в Монако. У нее было такое же отталкивающее лицо, как в первый день их встречи. Ее густые, липкие черные волосы падали на плечи, как у школьницы, руки казались мускулистыми, как у сильного человека, лицо было смуглое и загорелое от солнца, глаза неестественно блестели и сверкали, как глаза орла. Когда пленники встали перед нею, она пронизала их таким суровым взглядом, что они едва могли смотреть на нее.

Когда высокий испанец удалился, старуха заговорила по-английски почти без ошибок, но голос ее действовал на слух резким диссонансом.

— Итак, господин Арнольд Мессенджер, — сказала она, — мы снова встретились!

Мессенджер быстро ответил:

— Сударыня, я не помню, чтобы мы раньше встречались!

— Нет? — сказала она с ударением, лукаво обмахиваясь веером из страусовых перьев. — Значит, вы потеряли память вместе с вашими деньгами — двойное несчастье.

При этих словах он чувствовал, как у него задержался каждый нерв. Плохо, что женщина знала его имя, но она также не скрывала и то, что знает и остальное. Это нарушило его умственное равновесие, и он ответил ей неловкой и бесполезной ложью:

— Сударыня,—сказал он с притворным сожалением,—моя память может поправиться, но деньги теперь в Атлантическом океане! Я не могу понять, каким образом вы узнали об этом.

— Каким образом?! — повторила она.— Право, вы не очень оправдываете свою репутацию! Вот описание вашей жизни и ваших недавних проделок в дюжине газет — испанских, французских и английских. Говорят, что вы большой плут!

— Это очень хорошо с их стороны! — сказал Мессенджер, чувствуя под собою более прочную почву.— Примем с признательностью их мнение и поговорим о другом! Начну с того, что предложу вам вопрос: зачем вы нас привели сюда?

— Чтобы иметь удовольствие видеть первого плута Европы! — возразила испанка с легким смехом.

— Что же, ваше любопытство удовлетворено?

— Нет,—сказала она.— По виду вы недурной человек, во всяком случае думаю, что вы должны быть умны. Я рада, что с вами не случилось несчастья!

Она сказала это с полным равнодушием, но Мессенджер ответил, пожимая плечами:

— Думаю, что хорошо, но в Ферроле находятся остальные, которые не имеют еще удовольствия пользоваться вашим гостеприимством! Они могут вернуться каждую минуту и будут знать, где нас искать!

— А деньги! — воскликнула она с тем же резким смехом.

— Деньги в море! — резко сказал Мессенджер.

— Что мне подтвердит и молодой человек, без сомнения! — продолжала она оборачиваясь к Фишеру, который слушал разговор, удивляясь каждому слову. Посмотрев на него своими пронизательными глазами, она прибавила: — Красивый мальчик, но неумен, мне кажется. Такой молодой не должен слушать подобные вещи!

При этом она дотронулась до звонка, находившегося около нее, и тотчас же появился слуга-испанец, одетый в черное.

— Проводите этого господина в его комнату,—сказала она, и слуга поманил Фишера, который вы-

шел за ним из комнаты, не сказав ничего, надеясь найти ту, которая больше всех интересовала его в Испании.

Когда он ушел, женщина попросила Мессенджера сесть и сразу заговорила:

— Ну, мне жаль убедиться, что вы неумны. Это не достойно вас — лгать так неловко, видя, как это мало вам помогает. Ложь — это последний ресурс. Скажите мне лучше сразу: где деньги?

— На каких условиях? — спросил Мессенджер.

Она облокотилась на кресло и посмотрела прямо на него.

— Ваша жизнь будет спасена, — сказала она, — И, если вы хотите, жизнь юноши!

Мессенджер не мог больше сидеть.

— Сударыня, — проговорил он, стоя перед ней и едва сдерживая гнев, — мы только попусту тратим наше время. Вы очень плохого мнения обо мне, если предполагаете, что я соглашусь на это. Конечно, я отказываюсь!

Он чувствовал, что это была критическая минута. Хотя явно они были одни, но он видел дикие глаза, выглядывавшие из-за решетки в дальнем конце комнаты, даже из дырок на портрете совсем близко кто-то смотрел на него. Он не был уверен, что в следующую минуту его не убьют.

Испанка проницательно посмотрела на него и протянула руку к звонку.

— Вы смелый человек! Я действительно должна подумать о вас.

— Когда вы приметесь за это, — сказал Мессенджер, — советую лучше все обдумать. Не можете же вы предполагать, что вы и подобные вам личности были мне раньше неизвестны и что я не принял мер предосторожности. Мой друг Джек Вильямс, — он вспомнил историю Кеннера, — к счастью, был знаком с вами в Америке. Я каждый час ожидаю его на берегу с полусотней помощников, и он прежде всего будет меня искать здесь!

Она пожала плечами.

— Джек Вильямс, вы сказали?

— Он самый!

— А, это тот человек, о котором в журналах говорят как о Джеке Кеннере. Разве он вернется?

— Конечно! И так как он знает кое-что о вашем прошлом, то могут быть неприятности, если он нас не застанет здесь!

Он сказал это тихо и выразительно, как ему казалось, но женщина, услышав, к его удивлению, не тотчас же ответила.

Во время наступившего после его слов молчания глубокое дыхание испанцев было слышно ясно. Мессенджер отлично знал, о чем сейчас размышляет испанка. Она задумчиво сидела на своем стуле, взвешивая тот риск, который последует после его смерти, и в то же время обдумывала возможность найти деньги без его помощи. Если бы он был на ее месте, он бы поступил, не колеблясь, более смело, и ни один человек с «Семирамиды» не прожил бы и часу. Но она женщина, а женщины более осторожны, чем смелы в каждом действии, в котором принимают участие. Наконец испанка заговорила, ее слова согласовались с его предположениями.

— Ну, это было умно с вашей стороны — послать американца в Ферроль. Мне с ним надо свести много счетов, но, мой друг, может быть, он уже на пути в Англию, арестованный полицией!

— Очень возможно, — возразил Мессенджер, тотчас понявший, в чем дело, — но он непременно передаст наши письма другим!

— А другие будут всем рассказывать, что вы на этом берегу с миллионом денег или около того, которые вы спасли от крушения, и вас надо спасти от меня! Какая умная мысль!

— Это неумно, — сказал Мессенджер, пожимая плечами, — но это наш последний шанс! Если мы погибнем, вы не получите ни шиллинга! Разве только...

— Что только?

— Если вы нам поможете! Я делаю вам такое предложение: я заплачу вам треть из всей суммы, спасенной от крушения, если вы дадите ваших людей в наше распоряжение на неделю и на какое-то время позволите нам остаться в этом доме. Пожалуйста, обдумайте это спокойно. Если мы будем устранены, может быть, вы и найдете золото, но, вернее всего, никогда не найдете его. Если же вам удастся это, наши друзья, узнав о нашей гибели, немедленно обнародуют все происшедшее,

но больше всего будут говорить о вашем участии в этом деле. Обдумайте получше и вы убедитесь, что весь ваш интерес в том, чтобы войти в долю с нами!

— Это все очень хорошо! — воскликнула испанка. — Но есть в ваших доводах пробелы. Позвольте напомнить, что мы можем найти пропажу до восхода солнца. Думаете ли вы, что мы будем здесь сидеть беззаботно и ждать сколько вам угодно? Наверное, вы так не думаете, так как не настолько глупы.

— Имея вас соучастницей, — сказал Мессенджер, — я буду рисковать. В противном случае перевес на моей стороне, и тогда я могу посмеяться над вашими попытками!

Он становился смелее, чувствуя ее колебание, и видел, что она не собиралась звать своих соучастников. Но испанцы все еще стояли за решеткой, и при последних его словах он услышал их ропот. Что касается испанки, то ее спокойное настроение перешло в явный гнев.

— Я пока не стану смеяться над вами, — сказала она, — еще есть время для этого. На сегодня же закончим. Завтра я решу, что делать. Но не забудьте, что я предложила вам вашу жизнь и жизнь юноши.

— Или что и я требую жизни других! — сказал Мессенджер.

— Вы требуете? — ответила она. — Ха, ха, ха! Я принуждена буду проучить вас. За всю мою жизнь вы первый человек, который осмеливается спорить со мною в моем собственном доме!..

— Будем надеяться, что не я последний! — воскликнул Мессенджер, который видел, что он выиграл дело.

— Вы дерзкий, — сказала она вставая. — В следующий раз, когда мы встретимся, я приму меры, чтобы вы вели себя лучше!

Сказав это, она ударила по столу два раза веером и исчезла в стене, которая открылась от прикосновения ее руки. Она ушла в гневе, но ее угрозы нисколько не тронули Принца, и, к его бесконечному удовольствию, он предвидел минуту, когда конец торга вернет ему все, что вчера казалось потерянным. С помощью этой женщины он достигнет Южной Америки на глазах всех

плавающих броненосцев, с ее же помощью избегнет и ареста.

Его размышления были прерваны внезапным появлением слуги, одетого во все черное, с серебряными пряжками на башмаках. Мессенджер не заметил, как он подошел, и, посмотрев на решетку, откуда несколько минут назад выглядывали испанцы, никого не увидел. Толпа янычар исчезла, как картины волшебного фонаря. В дальней комнате было темно, только один слуга терпеливо ждал его. Другой человек, может быть, подумал бы при таких обстоятельствах выбраться на свободу, но он был слишком умен. Мессенджер чувствовал, что много глаз наблюдают за ним.

Убежденный в этом, он последовал за лакеем к каменной лестнице и поднимался по ней до тех пор, пока лакей не отворил перед ним тяжелую деревянную дверь и не указал ему его помещение. Когда он вошел в комнату, его встретили веселыми возгласами. Оказываясь, его поместили с остальными пленниками, считавшими его умершим.

XXII

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

— Ну, как вы расстались с ведьмой в черном платье? — заговорил Берк. — Спрашивала она о моем здоровье?

— К сожалению, нет, — отвечал Принц, — она была слишком занята спором со мною. Где негр?

— Здесь, сударь! — закричал Джо из темного угла комнаты, — совсем разбитый, сударь, как будто меня выбросили из окна!

Комната, где были заперты беглецы, находилась наверху одной из башен замка. Вся ее правая сторона была открыта. Здесь парапет не более четырех дюймов вышиною служил единственным препятствием тем, кто попытался бы уйти из заключения. Посредине комнаты стоял стол, на котором были расставлены бутылки обыкновенного испанского вина вместе с ужином, состоящим из мяса и хлеба. Пол был устлан тростником.

— Чего же хочет от нас эта ведьма? — продолжал Берк.

— Всю сумму взамен свободного пропуска для нас четверых. Я считаю это скромным!

Шкипер изумился.

— Весь груз?

— До последнего совершенна!

— А что она может сделать с нами?

— Многое! Начать с того, что она может отравить нас!

— Я об этом и не подумал! Что вы отвечали ей?

— Я сказал, что дам ей треть груза взамен ее помощи!

— Вы сделали глупость. Что помешает ей получить эту сумму, а потом покончить с нами?

— То, что мне пришло в голову раньше, чем я сделал предложение. Если она примет мои условия, я пошлю вас двоих в Ферроль отыскать Кеннера.

— А можно выйти из этой ямы?

— Так же возможно, как из Ньюгета *, если б мы попали туда!

— Она узнала о деле из газет, я полагаю.

— Именно, помощник капитана с «Адмирала», как я думал, уцелел и теперь направил по нашим следам половину полиции всей Европы!

— Я предвидел это с первого раза. Вы, должно быть, были слепы, отпустив его!

— Ну, что об этом толковать? Давайте лучше со-
снем!

Сообщники примостились поудобнее на тростнике и постарались заснуть. Негр и Фишер заснули ранее. Сон Мессенджера часто тревожило сознание опасности, не открыла ли испанка золотой клад. Эта хищная волчица ни за что не примирилась бы на выговоренной доле, а постаралась бы завладеть всем золотом.

Наконец сон смежил усталые очи Принца, и он крепко заснул. Проснувшись, он увидел себя, к своему удивлению, в другой комнате, носившей уже отпечаток комфорта: кожаное кресло, стол с книгами, зеркало над камином и часы около кровати — все это служило уже некоторым знаком внимания хозяйки к своему гостю. Взглянув на часы, Принц увидел, что проспал целых двенадцать часов. В голове у него шумело, мысли путались: он сообразил, что выпитое им вчера вино привело

* Лондонская тюрьма.

его в бесчувствие, и, чтобы освежиться, подошел к окну, но тут же в ужасе отшатнулся: ему бросились в глаза ноги повешенного на нижнем суку Берка. Нельзя было сомневаться в смерти несчастного шкипера, хотя лицо его было скрыто в зелени.

Будь на месте Мессенджера другой человек, он подумал бы о несчастном сообщнике. Англичанин же только пробормотал про себя:

— Ну, что ж! Одним стало меньше для дележа.

Ему стало ясно, что испанка не нашла денег и, если британский крейсер все еще был в открытом море, вероятно, прекратила всякие поиски. Значит, теперь можно ставить ей более выгодные для него условия! Берка она, очевидно, повесила на страх другим трем гостям. «Не на такого напала! — злорадно подумал Принц. — Посмотрим, что она скажет теперь!»

В это время дверь в комнату отворилась, появился слуга-испанец и молча пригласил Мессенджера следовать за собой.

Оба направились по длинному каменному коридору и затем пришли в главное строение и через ряд больших полинялых комнат дошли до залы с фонтанами и той комнаты, где сидела испанка на их первом приеме. Но теперь Мессенджера приняли не в этой комнате, а в более маленькой, позади стены, которая накануне вечером так таинственно открылась от прикосновения руки испанки. Здесь сидела старуха в большом кресле, около нее стоял человек в лохмотьях. Держа истрепанную фуражку в руке и жестикулируя, он о чем-то ей рассказывал. Увидев англичанина, испанка проговорила:

— Я послала за вами! Есть новости с холмов, и плохие новости. Я боюсь, что в пяти милях отсюда расположился отряд карабинеров. Во главе их стоит один англичанин. Насколько догадываюсь, они наметили этот дом!

При этом известии Мессенджер побледнел.

— Вполне ли верны ваши сведения? — спросил он.

— Судя по словам этого вестника, так же правдивы, как я сама. Он думает, что другая партия уехала из Ферроля, и холмы полны людей. Мы каждую минуту до полуночи можем ждать их появления здесь.

Мессенджер в волнении прошелся по комнате, опустив руки в карман и закусив губы.

— Скажите,— проговорил он через некоторое время,— нет ли от вашего дома другого пути, по которому бы не могло пройти войско!

Испанка засмеялась.

— Вы думаете, что я стала бы жить в таком месте, где бы меня можно было поймать, как крысу в мышеловку?

— Я так и думаю! Тогда я сообщу вам, где деньги, и мы убежим вместе!

— Это единственный исход,— подтвердила испанка,— нам обоим грозит опасность.

— Ну, а можете вы выдержать здесь осаду, пока мы достанем спрятанные деньги? Едва ли они будут ломать ваши двери, если вы откажетесь принять их,— продолжал Принц.

Старуха снова засмеялась.

— Мой друг,— воскликнула она,— вы не знаете испанских карабинеров. Я думаю, мои знакомые в Мадриде рассказали про меня, и потому эти люди пришли сюда с двойною целью: во-первых, поймать вас, во-вторых, оказать подобную же ласку и мне. Но не ваше присутствие на берегу вызвало их сюда. Ведь испанское правительство знало о моих делах в течение десяти лет, и так могло бы продолжаться еще десять лет, если б англичане в городе не потребовали моего преследования. Не будь вас, я бы просто отправилась сегодня вечером в Вену и возвратилась бы сюда к новому году. Они и оставили бы меня в покое.

— Но теперь дело совсем другое,— воскликнул Принц, прерывая ее.— В бухте вашего берега находится миллион денег, их нужно переправить в холмы, не медля ни минуты. Далеко ли стоят войска отсюда?

— Посланный говорит, что в трех милях. Кто они, я теперь поеду и разузнаю сама. К счастью, английское судно подняло якорь и час назад отплыло, так что с наступлением ночи я спокойно выведаю все! Теперь условимся с вами, что, когда мы будем за холмами, я предлагаю отправиться в мой другой дом, в Финистер, спрятаться там до тех пор, пока не уйдут войска, затем разделим то, что следует, и отправимся по различным дорогам!

— Прекрасно! Я согласен,— отвечал Мессенд-

жер,—но ваши люди должны помогать мне до тех пор, пока моя доля не будет выгружена в первом же порту!

— Это само собой понятно! — проговорила испанка вставая.— Однако мы теряем минуты, которые нам могут понадобиться. Готовьтесь к отъезду! Я отослала свою дочь в Каркубион сегодня утром с тремя слугами. Больше мне нечего приказывать, пока вы не исполните своего дела!

— Пойдите еще одну минутку! — остановил ее Принц, видя, что она уходит.— Я хочу еще попросить вас за своих друзей. Надеюсь, вы с ними не поступите, как с Берком?

— Я поступила с ним? У меня никакого дела с ним не было! Он ударил одного из моих слуг в своей комнате, и они убили его во время драки. Он не был умен, и я удивляюсь, что вы жалеете его, вы, такой умный!

Он пробормотал что-то неясное в ответ; его деятельный ум был занят вопросом: опутывала ли его эта женщина искусною нитью лжи или ведет честную игру? Впрочем, по отношению по крайней мере к себе он удостоверился, что более не пленник и что испанка в общении с ним совершенно изменилась.

Выйдя за нею во двор замка, он увидел там на крепких темных пони двадцать всадников, вооруженных ружьями. Появление испанки они приветствовали громкими криками.

— Вот вам мои друзья! — рекомендовала банду старуха.

— Можно ли доверить этим людям наше золото в бухте? — спросил осторожный Принц.

— Смело!

В это время испанец, которого звали Фернандо,— он был во главе банды,—привел двух пони во двор и начал что-то торопливо рассказывать. Наконец испанка заговорила снова:

— Я не могу придумать лучшего плана: пусть вот этот мальчик,—она указала на Фишера, появившегося вместе с негром,—и Фернандо сопровождают лодки, пока вы со мною поедете в горы. Я не могу предложить вам лучшей охраны!

— Я и не прошу! — отвечал Принц.— Но отчего бы сразу не отправиться в холмы?

— Потому, что я предпочитаю видеть опасность позади себя!

— Вы правы. Готовы ли лодки?

Испанка отвечала утвердительно. Принц обернулся тогда к Фишеру, быстро проговорив:

— Хель, ступайте вот с этим человеком и покажите ему бухту. Стойте около него, пока он будет нагружать деньги, и, что бы ни случилось, не спускайте с него глаз! Понимаете?

Фишер кивнул головою, все еще удивляясь, и пошел за испанцем, но тот вскочил в седло пони и выехал из ворот рядом с испанкою.

Это была смешная кавалькада. Всадники были в самых разношерстных одеяниях: некоторые — в плащах, другие — в вышитых бархатных куртках, иные — в овчине. Впереди ехала испанка, сидя сгорбившись на спине коренастого жеребца. У всех всадников на плечах были старинные красивые ружья, за поясом — длинные ножи и револьверы в кобурах. Обычно болтливые и шумные, они ехали теперь молча по парку замка, направляясь к высокой равнине, откуда хорошо просматривалось море. Отсюда можно было видеть три лодки, выходившие из туннеля в бухту, где нашли убежище спасенные с «Семирамиды». Через час лодки вернулись.

Сердце Мессенджера лихорадочно билось от возбуждения. До сих пор оставалось неизвестным, поверила ли испанка тем сообщениям о Мессенджере, которые она прочла в английских и других газетах. Она могла предполагать, что часть денег была перевезена с затонувшей яхты на берег, но что большая часть этого сокровища была спасена, не могла поверить. В эту же минуту ей вдруг все стало ясно; ее лицо озарилось дикою улыбкою радости, и, соскочив с пони, она поцеловала Мессенджера в обе щеки, как это принято у испанцев.

— О, мой друг, — воскликнула она, — если б я знала вас десять лет тому назад!

Затем она отдала какое-то приказание испанцам, и те рассыпались по парку. Галопируя с неудержимой горячностью, вся компания направилась к отдаленному лесу и к холмам. Скоро банда разделилась: часть ее осталась на холме наблюдать за войсками, часть отправилась в другие места. Когда доехали до леса в кон-

це первого залива, служившего гаванью для англичанина, только двое ехали с Мессенджером и с испанкою. Она, очевидно, решила взобраться на большой мыс, который потерпевшие видели с яхты.

На расстоянии мили от берега шла по сосновому лесу тропинка, мох заглушал топот лошадей. Заходящее солнце освещало красноватыми лучами роскошную листву. Испанка поехала тише, постоянно прислушиваясь.

Скоро тропинка круто поднялась на холм, покрытый лесом. Отсюда виднелось внизу село, а вдали море. Близ села показались уланы в голубых мундирах и красных брюках. Они вывели своих лошадей, быстро вскочили на них и поспешно направились к берегу. Переведя взор на море, Мессенджер увидел и причину их появления. К берегу быстро шел какой-то пароход с развевающимся флагом; за ним в погоню плыл британский крейсер, заходивший в залив несколько дней назад. Появление судов вызвало на берегу среди жителей села большую суматоху. Целые толпы их, стоя на песчаном берегу, махали руками или бегали туда-сюда, как будто они могли помочь одному судну или остановить преследование другого. Между тем уланы разъезжали внизу, у берега, казалось, ожидая прибытия крейсера.

— Ну вот вам и новости, друг мой! — проговорила испанка, обращаясь к Мессенджеру.

— Хотелось бы мне знать, — отвечал тот, — нет ли на пароходе Кеннера?

— Мы скоро узнаем. Посмотрите-ка!

В это время с крейсера раздался выстрел. Снаряд упал в море перед самым носом парохода. Тот немедленно бросил якорь и спустил флаг. С крейсера спустили шлюпку. Но и пароход спустил свою; в нее сошли трое, и первый был Кеннер, надеявшийся достигнуть берега раньше, чем лодка, спущенная с крейсера. Испанка, увидя, как усиленно гребут матросы Кеннера, не удержалась от пылкового восклицания:

— Смотрите, мои счета с вашим другом будут сведены! Если он не сойдет на эту мель, то да сохранит его Бог!

— Ему не уйти от уланов во всяком случае! — сказал Мессенджер. — Он всегда был неповоротлив. Вот и теперь я его ждал уже пять дней!

Он говорил грубо, хотя вполне сочувствовал действительно критическому положению Кеннера. Между тем лодка с крейсера приближалась к берегу на большой скорости. Заметив близкую погоню, а на берегу солдат, Кеннер выпрыгнул из лодки, чтобы добраться вплавь до песков. Его прыжок вызвал крики жителей, которые словно предостерегали его о чем-то.

Мессенджер не понимал ничего, но испанка пояснила ему:

— Он попал в зыбучие пески!

Действительно, не успел несчастный, ступивший на мель, сделать и двух шагов по предательской суше, как зыбучий песок стал медленно засасывать его. Долгий, мучительный крик, полный невыразимого ужаса, вырвался у несчастного. Но было уже поздно помочь ему. Песок скоро сделал свое дело, и зрители могли только безучастно смотреть на него, пока несчастный не скрылся с головой в песке.

Тогда уланы вернулись в село. Испанка ударила по-ни и начала спускаться с холма.

— Это была странная встреча,— обратилась она к Принцу,— между мною и вашим другом! Но жизнь полна подобных вещей. Мы теперь должны подумать о себе. Поспешим, становится темно!

XXIII

СИГНАЛЬНЫЕ ОГНИ НА ХОЛМАХ

Испанка ехала некоторое время молча и с большою осторожностью по крутому склону холма. Она, казалось, не боялась, что солдаты скоро нападут на них, и на вопрос Мессенджера кратко ответила:

— Они отстали от нас на час езды! Этого достаточно!

В это время кавалькада въехала в лес. Там, по-видимому, все было спокойно: стада свиней по-прежнему лениво лежали на газоне, птицы беспечно щелкали. До замка оставалось не более полутора миль.

Вдруг на одном из дальних холмов взвился тонкий столбик дыма, похожий на облако. Скоро дым перешел в яркое пламя. Через некоторое время на ближайшем холме показался новый костер, и скоро на всех холмах

и по всем долинам запылали сигналы, освещая лес, как в волшебных сказках.

— Они зажгли огни. Значит, есть опасность в холмах! Не падай духом, мой друг! Тот, кто убьет меня в моем собственном доме, должен быть очень умным человеком,— вскричала испанка.— За мной! — И, натянув поводья, поскакала бешеным галопом. Мессенджер едва поспевал за нею. Англичанин не знал, что и подумать о причине такой скачки, как дело объяснилось само собой: перед ними на тропинку выскочило пять карабинеров верхом. Их темно-синие кафтаны казались черными при исчезающем свете костров, зажженных и в парке около замка. Их появление было так неожиданно, что испанка натянула поводья, и ее лошадь встала на дыбы. Начальник карабинеров выехал вперед, чтобы арестовать англичанина, как вдруг старуха, приподнявшись на стременах, изо всей силы ударила его по лицу концом своего кнута. Удар был так силен, что карабинер вылетел из седла. Другие карабины, ошеломленные этим нападением, растерялись было от неожиданности, но, скоро оправившись, схватились за ружья. Но испанка, выхватив из кобуры револьвер, двумя выстрелами свалила двух; остальные в ужасе попятились перед этой фурией. В это время из лесу показался отряд уланов.

Испанка встретила их появление диким криком и, прищпорив лошадь, полетела как вихрь к замку. Мессенджер летел вслед за нею. А в замке, за спущенным мостом, ревела и волновалась толпа жителей, осыпавшая солдат проклятиями.

При виде этой толпы из груди старухи вырвался торжествующий крик.

— Как только мы переедем мост, мой друг, мы спасены,— крикнула она Мессенджеру.— Пусть они тогда догоняют меня! У меня сотня слуг за воротами, а другая сотня на холмах: пусть придут, если не дорожат своею жизнью! Святая Богородица, какая музыка!

Она говорила о бряцании оружия и залпах, которыми ее слуги встречали солдат. Двадцать человек уже упало с седел и более двадцати попадало на траву ранеными. Солдаты попятились и этим дали возможность Мессенджеру и старухе беспрепятственно перейти мост, который вслед за тем был со скрипом поднят.

XXIV ВТОРАЯ ГИБЕЛЬ СУДНА

Нельзя описать того совета демонов, который собрался во внутреннем сквере замка. Погонщики мулов, слуги, пастухи, матросы, горные жители жестикулировали и болтали так громко, что вызвали со стороны испанки требование тишины. Почти половина из них была вооружена ружьями и пистолетами, у остальных были только дубины. Все они были готовы разбить кавалерию и всех, кто бы им ни попался. Они толпились около Мессенджера и испанки, выслушивая приказания.

Голос старухи звучал здесь звонко.

— Позовите их сюда,—кричала она по-испански,—позовите их и стойте у моста. При выстреле опустите цепи. Фернандо, все ли готово внизу? Встаньте сюда и охраняйте ворота так, как вы бы охраняли свою жизнь!

В это время раздался звук трубы, и уланы на рысях подъехали к спущенному мосту.

Впереди ехал молодой офицер с обнаженной шпагой.

— Теперь,—продолжала старуха, наблюдая за их приближением с ужасною улыбкою на потемневшем лице,— пусть они поплавают! — и ведьма выстрелила из револьвера в офицера, как только его лошадь ступила на доски моста, и, когда он упал, злобно закричала. А так как цепи были опущены, то всадник и лошадь упали в ров с водою. Следовавшие за начальником двенадцать солдат не смогли остановить своих лошадей и, напирая друг на друга, также упали с наклонившегося моста. В ту же минуту большие ворота замка захлопнулись, и снова ликующие крики раздались во дворе.

Обескураженные смертью начальника, солдаты не знали, что им делать, и бестолково разъезжали вокруг рва. Наконец решили ждать подкрепления из Ферроля.

В это время внутри замка происходила такая сцена.

Мессенджер грустно размышлял, удастся ли ему поживиться с таким трудом добытым золотом. Испанка отвлекла его от этих размышлений.

— Теперь не время мешкать,—говорила она,— они

нас ждут! Все идет, как я рассчитывала! Мы будем далеко в холмах до заката солнца. Завтра вечером эти войска вернутся и найдут мой дом пустым!

— Принесли ли бочонки с судна?—спросил Принц.

— Все до одного! Теперь ими нагружают мулов. Выпейте!

С этими словами испанка налила два стакана вина, затем предложила своему спутнику сигар. Вскоре после этого они вышли во двор. Здесь двое слуг с фонарями ждали у железной двери коридора, ведущего в туннель бухты. Испанка и Мессенджер вошли через узкую арку, не слыша больше голосов извне, когда заперли калитку, и быстро направились в глубину пещеры.

В туннеле царила глубокая тишина. Двое сторожей с развевающимися волосами, стояли у входа, обращенного к морю, вооруженные ружьями. Мерцание освещавших туннель факелов бросало неровный свет на грубых, бородатых матросов, лежавших с своими ружьями по краям узкого залива. Вдоль этого залива испанка шла теперь скорым шагом и наконец, выйдя из пещеры, указала на последнюю внутреннюю лагуну, составлявшую небольшую естественную гавань в самой середине ее владений.

Здесь, как вскоре заметил Мессенджер, была ее пристань. Высокие стены скалы возвышались по обеим сторонам лагуны. Густые деревья росли на скалах. Там было бесчисленное количество маленьких каменных складов, построенных на различной высоте. На южной стороне, вместо прежней крутой тропинки, проложенной несколько веков тому назад ручейком, шла теперь дорога, на которой стоял гурт мулов.

В этом месте испанка прятала то, что грабители приносили ей с моря; здесь же теперь остановились две черные лодки. Дюжина сильных испанцев, вооруженных с головы до ног, снимали с них ящики, привязывая их на спины мулов. Тут же были и Фишер с негром.

Увидев Мессенджера, юноша с радостью приветствовал его.

— Какое тяжелое время мы пережили!—говорил он.—Лодка с испанского судна крейсирует в заливе, мы ее ждем каждую минуту. Нам нужно еще полчаса, чтобы все погрузить!

— Все ли здесь?— спросил Принц, произнося слова с особым ударением.

— До последней унции, нам все удалось! Испанское судно бросило якорь через десять минут после того, как мы пришли в убежище. Только я хочу знать, как мы положим два больших ящика на спину мула? Это все равно, что заставить его везти собор!

— Увидим! Пусть погрузят остальное. Мне надо поговорить об этом с испанкой, Хель, это серьезное дело!

— Это верно! У меня голова горит как в огне. Бог знает, где мы все будем завтра!

— Не здесь во всяком случае, но я вижу, что она везет бочонки. Не правда ли, она проворна? Она, должно быть, видела большой ящик, когда мы переезжали. Я никогда не видел женщин с подобным умом!

— Я также!— сказал Фишер.

Между тем испанка предвидела затруднения. По ее приказанию большой ящик с соверенами был открыт,— и испанцы стояли теперь, удивленные блеском золота при свете факелов. Испанка также подняла руки, затем, топнув ногою, напомнила им о работе. Те повиновались и разложили деньги в маленькие бочонки. Вдруг раздался тихий свист из туннеля, и все рабочие разом опустили свои факелы в воду.

— Что это такое?— спросил Мессенджер, ложась плашмя вместе с остальными и прислушиваясь.

Ему ответом было журчание воды в озере и отдаленный звук весел. Он ждал, тяжело дыша. Звук сделался яснее. Несомненно, к туннелю подходила лодка. Он было вынул пистолет, но испанка, взяв его за руку, произнесла:

— Спрячьте это, если не хотите привлечь сюда сотню людей! Это — казенная лодка с залива, она совершает плавание в последний раз!

Лодка была теперь очень близко к входу в туннель, но между испанцами по-прежнему царил полное молчание. Они удалились во внутреннюю лагуну, так что нельзя было предположить, что в бухте были люди: не было слышно ни звука. Матросы в лодке начали обсуждать свое положение и зажгли синий фонарь. Поворот туннеля мешал им видеть испанцев. Мессенджер не мог

сказать, какими средствами его друзья будут бороться с опасностью и как одолеют ее. Ни один из слуг испанки не поднял ружья, ни один не обнажил ножа, они только лежали на скале, и по их смуглым лицам было видно, что они выжидают что-то. Головы их были почти наравне с поверхностью воды. Все хорошо сознавали, что если они допустят тем уйти, то это все равно, что сразу сдать солдат.

Между тем казенная лодка остановилась. Слышно было, как сидевшие в ней спорили о чем-то. Все это время слуги испанки едва переводили дух от волнения. Но вот споры умолкли. Испанцы стали готовиться к чему-то, и Мессенджеру сделалось понятным намерение испанки. Он видел, как некоторые из испанцев быстро проползли в пещеру, чего раньше не замечал. Большая железная спускная решетка закрывала конец туннеля, выходящий на море. Здесь туннель имел сравнительно небольшой свод. Эта решетка должна была совершить то, чего не могли сделать ни нож, ни пистолет. Механизм был устроен грубо и приводился в действие цепями, которые наворачивались на железный ворот. Нижняя часть решетки была заострена. Вес этого ограждения измерялся десятками пудов. К такой-то ловушке лодка тихо приближалась, и все зорко наблюдали, подобно змее, собирающейся броситься на кролика.

В самом начале туннеля гребцы, бросив весла, встали под ловушкою, зажегши другой фонарь. Яркий синий свет осветил прятавшихся испанцев. При виде их шестнадцать матросов на лодке громко вскрикнули от удивления и снова бросились было к своим веслам. Но в эту минуту испанка, сжав кулаки, закричала пронзительным голосом, гулко раздавшимся в пещере, — и большая решетка, приведенная в действие, со страшным скрипом и треском упала на лодку. Раздался мучительный крик несчастных солдат. Одна из копьевидных полос пронзила тело крепкого матроса, сидевшего на середине лодки, и, разбив ему череп, приколола его к дну, как прикалывают бабочек на доску. Сама лодка была разбита и расколота почти пополам; оба ее конца поднялись расщепленные, и матросы с отчаянием ухватились за них. Четверо находились под затвором туннеля; двое остались на стороне, выходящей к морю, а десять человек были в озере. Все они, хватаясь за потонувшую лодку и пытаясь попасть в залив, жалобно

умоляли о сострадании, но никто не внимал их мольбам.

Подстрекаемые криками испанки, слуги ее с диким восторгом пустили в дело свои дубины и ножи. Если показывалось лицо над водою, они поражали его; били и рубили руки тем, которые направлялись к заливу. Озверевшие люди даже ныряли в воду, закалывая тех, которые приютились на обломках лодки. Через десять минут уже не раздавалось больше ни одного крика, ни звука там, где только что была суматоха. Толпа дикарей задыхалась, утомленная такою бойнею.

Таким образом, опасность с моря была устранена, и через час — было около одиннадцати часов — все деньги были привязаны к спинам мулов. Караван двинулся по крутой дороге и скоро достиг лесистых холмов позади замка.

XXV

СТРАННЫЙ КРИК В ХОЛМАХ

Ночь была светлая, небо безоблачно. После первого подъема на холмы тропинка пошла по узкому карнизу вдоль глубокой пропасти.

Кавалькада, ехавшая теперь по нему, представляла живописный вид. Во главе шли шесть человек с ружьями на плечах, одетые в бархатную, вышитую серебром одежду. За ними — шестнадцать мулов, без обычных колокольчиков, но украшенных лентами и розетками, как обыкновенно украшают мулов в Испании. Погонщики мулов сидели в большинстве случаев на бочонках и пакетах с золотом, остальные шли, щелкая кнутами в трудных местах и произнося «*mascho, mascho*» — местное понукание для лошади или осла. Позади мулов ехали верхом испанка, Мессенджер и Фишер в сопровождении шестерых слуг, вооруженных ружьями.

С милю или больше любопытная процессия шла вдоль пропасти, затем вступила в лес, находившийся между двумя ближайшими горами. Здесь испанка, соскочив на землю, осмотрелась. Прямо под нею виднелся двор ее дома, где теперь было много фонарей и солдат, привязывавших лошадей; повсюду блестели начищенные каски. На море тоже маячили фонари, ярко горевшие на главной мачте двух броненосцев. Но

это зрелище возбуждало в испанке скорее веселье, чем беспокойство.

— Пусть они делают, что хотят, и вредят себе,— сказала она насмешливо.— Я возвращусь раньше, чем пройдет год, и сведу с ними счеты.

— Если они раньше не сведут с вами счеты!— прибавил Мессенджер.

— Полноте!— воскликнула она.— Для этого понадобится целый месяц! У меня есть друзья в Мадриде, которые позаботятся обо мне. А служащие меняются, мой друг! Поедьте, пока темно, завтра мы должны быть в нескольких милях отсюда!— она тронулась вперед.

Мессенджер последовал за нею.

Вдруг с холмов над ними раздался дикий крик и замер в глубоком, жалобном рыдании.

Крик был так печален, отголосок так долго звучал в холмах, что все всадники вдруг остановились и в суевверном страхе стали ударять себя в грудь, бормоча молитвы. Даже сама старуха растерялась первое время и, не находя слов, вопросительно смотрела на Мессенджера.

— Что это такое?— спросила она.— Был ли это крик животного? Мне как будто полили на спину холодной воды!

— Мне кажется, это крик какого-то горного жителя, сошедшего с ума при виде огня!— заметил Принц, умолчав почему-то, что он уже слышал этот крик раньше, только не мог припомнить, где и когда.

— Странно!— проговорила старуха.— Я прожила здесь полжизни и никогда не слыхала ничего подобного. Это не был человеческий крик, иначе все отнеслись бы к нему легко. Посмотрите на них!

Зрелище было в самом деле странное. Разбойники молились с лихорадочною набожностью фанатиков.

— Пора бы им поторопиться!— проговорил Мессенджер, с презрением наблюдая за ними.

Испанка ничего не ответила. Видимо, страх ее слуг распространился и на нее. Старуха потеряла свой самоуверенный вид. Наконец, собравшись с духом, она приказала двигаться вперед. Скоро дорогу перегородила огромная пропасть, через которую был переброшен небольшой железный подъемный мост на цепях. Когда через него проехал весь караван, последний слуга с по-

мощью ворота поднял мост. Опасность преследования была таким образом устранена. С этого времени настроение испанцев улучшилось, они стали даже напевать свои баллады, закурив сигареты.

Лучшей дороги нельзя было и желать. До путников доходил вместе с освежающим ветерком сильный запах чудных цветов и сена: окружавшие холмы сияли, как куполы и башенки при освещении луны. Таким образом, они положили первую преграду между собою и своими врагами, путь к свободе казался открытым.

— Ну,— проговорил Мессенджер, погоняя свою лошадь,— если вся дорога такая, то мы доедем благополучно!

— Подождите, мой друг!— отвечала испанка.— Настоящая опасность начнется, когда мы покинем горы! Как только мы выедем на открытое место, должны разделиться и направимся в мой замок по два и по три человека.

— Далеко ли будут преследовать нас войска?

— Они вернутся к себе при первой возможности. Испанский карабинер не преследует никого. Он только охраняет закон и порядок! Конечно, теперь дело серьезнее: ведь мы убили нескольких солдат. Но в Испании скоро забываются и не такие дела, особенно если есть друзья, а у меня их много!

— А если все кончится благополучно, каковы будут ваши дальнейшие планы?

— Мы достанем судно и отправимся в Адриатическое море, а затем на восток, если вы меня послушаете. Вы, англичане, стремитесь обыкновенно укрыться в Америке, это — ошибка с вашей стороны. У меня есть гавань близ Скутари, где никто из правительства не сможет найти меня. Мы останемся там, пока не забудется все происшедшее, затем вернемся сюда.

Мессенджер пожал плечами: подобная перспектива не нравилась ему, но он ничего не ответил.

В это время они начали обходить низенький холм, на котором все еще горел костер. Густой красный цвет бросал мрачный оттенок на сосновый лес. Когда наконец они повернули и вошли в лесистый овраг, от костра распространялся сильный свет, освещавший заросшую лесную тропинку. При свете такого грубого фонаря они выехали из долины на узкий выступ шириною не более трех футов, огибавший внутреннюю сто-

рону холма; налево от выступа был лес, направо — глубокая пропасть. Внизу открывалась длинная плодородная долина, покрытая хижинами и пастбищами. Даже при лунном свете местность имела красивый вид. Ветерок на холмах опьянял, как крепкое вино. Испанцы, уверенные в твердом шаге мулов, даже не сошли с седел, испанка ехала бодро, как двадцатилетняя девушка, разговаривая с Мессенджером, ехавшим за нею. Казалось, ничто не угрожало им, как вдруг раздался первый сигнал, предупреждая об опасности.

Это было повторение дикого, пронзительного крика, который они услышали в первый раз в лесу. С пронзительным стоном и продолжительным рыданием раздался в лесу крик над горною тропинкой, повторясь три раза. Затем откуда-то из пропасти раздался сильный голос человека, перекликавшегося с товарищем.

— Эй, вы! — кричал невидимый голос. — Эй, Билли, где вы? Выходите, Билли!

Если бы Мессенджер увидел перед собою кого-нибудь из умерших, то не испугался бы больше, чем теперь, узнав во втором голосе — голос Майка Бреннана, пьяного помощника капитана с судна «Адмирал», которого он видел в последний раз погибающим в водах Северного моря. Этот крик казался Мессенджеру голосом мертвеца, взывающего о правосудии, а для испанки и ее слуг был предзнаменованием чего-то ужасного.

— Святая Богородица, что это такое? Что это значит? Откуда это? — воскликнула она.

В ответ снова раздался крик с продолжительным рыданием, затем ужасный взрыв смеха, который как нож резал ухо всем, кто слышал его. Жалобный стон и пронзительные крики последовали за смехом, — и снова в ответ раздался сильный голос, но звук человеческого голоса не мог разубедить испанцев. Беспредельный ужас охватил их теперь. Некоторые громко кричали, другие старались направить своих мулов на тропинку; одни впали в религиозный экстаз, другие же бранились и проклинали. Между тем в долине стало заметно оживление. Из домов высыпали солдаты и, построившись в ряды, выехали на дорогу.

Появление солдат положило конец панике беглецов. Теперь было ясно, что враги — люди, а не привидения.

Как скоро это стало несомненно, испанка перестала бояться и начала снова командовать.

— Труссы! — воскликнула она, забывая о собственном страхе. — Труссы! Допустите ли вы, чтобы они теперь убили вас? Где ваша храбрость? Неужели вы боитесь горсти карабинеров, которых можно сравнить с грязью под вашими ногами? Мне стыдно за вас!

Мессенджеру же старуха тихо прибавила:

— Теперь настало время действовать! Второй мост находится в трехстах ярдах отсюда. Как только мы переедем его, опасность минует нас. Но мы должны рискнуть и некоторым придется погибнуть. Как светло, проклятье! Я никогда не видела такой светлой ночи!

— Вы не рассчитывали встретить здесь людей, по крайней мере, вы об этом не упоминали мне! — сказал Мессенджер, закусывая губы.

— Да, я не предвидела этой неожиданности! — и, вдруг обернувшись, вскрикнула: — Боже мой, лес горит!

Яркий свет падал на них в эту минуту, бросая красноватый оттенок на темные тени леса и ярко освещая пропасть. От сигнального костра, зажженного наверху холма для испанки, загорелась вся чаща. Огонь переходил с лужайки на лужайку, с куста на куст, с дерева на дерево, пожирая все встречающееся на пути. Даже те, которые шли по тропинке, могли хорошо видеть свой путь. Казалось, огромный вулкан выбрасывал пламя, охватывавшее величавые сосны, развесистые каштаны и ползучие растения. Шипя, с треском прокладывая себе путь через пропасть и чащу, быстро поднимаясь по высочайшим стволам, спугивая кричащих птиц, загоня свиней в пропасти и овраги, окрашивая небо в багровый цвет, огонь распространялся повсюду.

Вскоре долина окрасилась в багровый цвет. Отряд солдат стоял освещенный, как при солнечном свете. Река казалась окрашенной в кровавый цвет. Стада перебегали в ужасе с пастбища на пастбище. В церквах раздавался звон; спавшие в хижинах проснулись. Но находившиеся на выступе онемели от страха, не будучи в состоянии идти к отдаленному мосту, который бы вывел их из холмов. Огонь подкрадывался к ним все ближе, горящие головни падали на мулов. Горячие прутья били им в лицо, им грозила опасность задохнуться от дыма и гари, окружавших их.

Солдатам в долине это зрелище казалось необъяснимым. Они были посланы, чтобы поймать беглых англичан, но здесь природа исполняла эту обязанность. Они стояли, онемев от удивления, пока мулы кричали на тропинке, а испанка бранила погонщиков. Между тем огонь дошел уже до края горной тропинки; люди, мулы и лошади начали падать вниз на скалы. Из шестнадцати мулов семь скатились в долину; из всей шайки осталось только восемь человек, когда показалось небольшое плато, ведущее к выступу через вторую пропасть шириною в тридцать ярдов, где был новый мост. Огонь бушевал вверх; горящие головни падали на деревянный мост, угрожая каждую минуту истребить его. Сзади каравану угрожала та же опасность.

Мулов оставалось теперь только пять, а из испанцев только шестеро человек, да и те падали, задыхаясь, призывая смерть. Мессенджер, почти падая с лошади, начал жалобно стонать и нервно ухватился за Фишера. Огонь опалил ему лицо, и несчастный совершенно ослеп.

— Хель! — воскликнул он, крепко схватывая протянутую ему руку. — Я лишился зрения! Хель, я ослеп, голова горит! Дайте мне ваши руки. О, какой мрак, я лишился зрения!

— Этого не может быть! — воскликнул Фишер, крепко держа протянутые руки. — Держитесь теперь за меня, нам надо перейти через мост. Это не продлится более десяти минут. Слыхали ли вы, чтобы кто-нибудь так неистовствовал, как эта старая ведьма?!

— Где она? — спросил Мессенджер, держась за юношу в полном отчаянии. — Где они все? Спасены ли деньги? Разве вы не видите, что я слепой? Голова горит, я не могу переносить этого, теперь у меня в глазах огонь! Боже мой, какая боль!

— Испанка теперь бьет погонщиков кнутом, по крайней мере тех пятерых, что остались в живых! — отвечал Фишер. — Они не идут на огонь, а она заставляет их. Разве вы не слышите ее голос? Но здесь не место останавливаться, пусть пропадают деньги: скалы накаляются и мост начинает гореть!

— Во всяком случае я не оставлю испанку, — сказал Мессенджер, отступая назад, — мы вместе погибнем или спасемся! Она не покидала меня, кроме того, здесь замешано пятьсот тысяч фунтов стерлингов.

Слышите? Я говорю о деньгах, приведите меня к ним! Где Берк, Кеннер? Эй, Кеннер! Что же вы не откликаетесь? Вы всегда мешкали, Кеннер, и думали только о вине. Ха, ха! Утопитесь в нем. Сведите меня к испанке, слышите?

Фишер, не обращая внимания на этот бред, быстро провел его через мост, говоря, что дорога к деньгам шла здесь. Переход был короткий; выстрелы солдат в долине не попадали в них. Но мост во многих местах так сильно горел, что их обувь серьезно пострадала. Перейдя на другую сторону, Мессенджер упал в изнеможении на лужайку, а Фишер остановился наблюдать за испанкою, которая, принуждая погонщиков попытаться перевезти груз, сама выжидала, пока эти шестеро и пять мулов въезжали на мост.

Выдержит ли мост? Этот вопрос задавали себе сотни людей, наблюдавших за транспортом. В этот момент огонь сильно бушевал, холмы были освещены потоками света, скалы блестели, как драгоценные камни. Все пространство, охваченное огнем, было покрыто обуглившимися деревьями и опаленной травой. Местами высокие деревья горели, как факелы. Мост также был охвачен пламенем, и люди, находившиеся на нем и над ним, тяжело дышали.

Возможно, что если б испанка и ее соучастники пошли пешком, они были бы спасены. А всем известно, что лошади и мулы боятся огня, и страх мулов был причиною трагического исхода всего дела. Хотя погонщики завязали глаза животным полосами, оторванными от своего белья, но им стоило большого труда заставить животных подойти к опасному месту; да и то, при первом прикосновении пламени мулы пятились назад, падая на шедших сзади. Вот два из них вместе с грузом и погонщиками слетели вниз на скалы, перевернувшись два раза в воздухе. Из троих, шедших позади, двое пытались проехать по узким доскам, но сломали перила и быстро упали. Последний мул стоял неподвижно, его нельзя было заставить идти ни словами, ни кнутом. Таким образом, дорога была загорожена. Испанка стояла вне себя от нетерпения. Между тем огонь охватил мост и он наконец рухнул, выбросив большое пламя с фонтаном искр; бревна, люди и животные провалились вниз.

Обрушившийся мост увлек за собою испанку — ее

предсмертный крик разнесся по холмам; в ответ опять слышался прежний зловеющий крик сверху, звучащий как предсмертный стон погибающего человека.

XXVI

В ДОЛИНЕ МОЛЧАНИЯ

Рано утром на второй день после перехода моста Фишер и Мессенджер стали обдумывать, как им теперь поступить. Перейдя пропасть, они пришли в большую тихую долину. Лес и озера здесь были мрачные. Негромко шумели только маленькие каскады в том месте, где река стекала с высоких гор, направляясь к морю. Непроходимые пропасти окружали Фишера и Мессенджера со всех сторон; это защищало их от преследования. Но Фишер не знал, что ему делать.

Мессенджер все еще ничего не мог видеть. Он безнадежно ослеп и знал об этом. Он мог только лежать на траве маленького леса, куда его привел Фишер, дрожа от боли и едва осмеливаясь спрашивать, что случилось, где остальные, где они сами находятся. Фишер ухаживал за ним, как любящая женщина. Он завязал ему глаза мокрыми тряпками, принес в изобилии сладких плодов и, стараясь утешить его, сказал, что со временем все исправится к лучшему.

Это несколько успокоило Принца, но было ясно, что если он не встанет, то оба умрут здесь от голода. Орехи, корни и плоды были плохой поддержкой для людей, разбитых нравственно и физически; потрясение ужасной ночи требовало более существенного питания. В кармане Мессенджера нашлась бутылка коньяку, но и этого было недостаточно для подкрепления.

На вторую ночь Фишер заговорил со своим спутником серьезно, уговаривая его отправиться в путь.

— Послушайте, лучше бы я видел вас в руках испанских солдат, чем в таком состоянии! По крайней мере они облегчат вашу боль, а я ничего не могу сделать, совсем ничего!

— То, что вы могли сделать, вы сделали! — отвечал Мессенджер. — Если бы не вы, я бы умер. Я никогда не буду видеть!

— Кто это может знать? — воскликнул Фишер серьезно. — Если мы опять будем между интеллигентны-

ми людьми, то многое может быть сделано для вас. А здесь мы умрем с голоду!

— Если б не вы,—продолжал Мессенджер,—я бы перерезал себе горло! Что меня ожидает в будущем? Жизнь в стране, мне незнакомой! Может ли быть что-нибудь хуже этого?

— Вы говорите это теперь, но, когда опасность пройдет, иначе будете думать! У вас осталась голова, Принц, а я могу быть вашими глазами!

— Ах,—воскликнул тот с внезапной надеждою,—вы теперь будете моим другом, теперь, когда это мне необходимо. Хель! Послушайте, вы меня снова заставили думать. Если б мы могли выйти на дорогу! У меня есть деньги в кармане, я наполнил его соверенами и слитками, когда сломался ящик. У меня по крайней мере тысяча фунтов стерлингов!

Он вытащил из тряпки желтую полосу золота, а из кармана — горсть соверенов и другие монеты, рассыпав их на траву и сосчитав три раза.

— Сколько это составляет? — спросил он, начиная снова считать и жадно трогая золото. — Составляет ли это сотню? Оно меня отягощало, но я вынес это. Хель, вы меня теперь не обманете?

— Обмануть вас? — воскликнул Фишер, отскакивая. — Обмануть вас? Сохрани Бог!

— Ах, я знаю, что вы этого не сделаете, но моя голова так же плохо работает, как и глаза. Вы не знаете, как важно зрение для человека, а я теперь узнал! Дайте мне деньги!

Фишер собрал все ему, и тогда Мессенджер накинулся на деньги с волчьей жадностью и начал снова считать, причем механически сорвал повязку с глаз, обнажив лоб, с которого сошла кожа. Его опаленные и поблекшие зрачки смотрели в пространство и ничего не видели. Тогда он заскрипел зубами и начал рыть траву руками; пена показалась на губах!

— Я хочу видеть,—воскликнул он,—и увижу! Кругом все темно, как в могиле!

Его бред продолжался недолго, но во время параксизма он рассыпал все деньги и сидел, обнимая свои колени и болтая, пока Фишер обвязывал его голову тряпкою, намоченной в воде. Затем юноша собрал деньги с травы и возвратил их слепому.

Но Мессенджер снова пришел в сознание.

— Нет,—сказал он,—мне денег не надо, возьмите вы! Я был сейчас как безумный и говорил вещи, которые вы должны забыть. Скажите мне, как погибла испанка.

— Она погибла, когда сгорел мост, она была на дальнем его конце и никуда не могла двинуться. Разве вы не слышали ее крика?

— Да, я должен был слышать! Что за голос у нее был! Ха-ха! мы бы составили хорошую парочку. Итак, ведьма разбила себе голову о камни. Это была умная голова! Я никогда не видел кого-нибудь подобного ей, у нее был ум десяти мужчин. Как вы думаете, что она мне сказала? Ее владения приносили три тысячи в год благодаря кораблекрушениям, которые случались около берега. Кажется, она и ее родные жили здесь издавна. Это — фамильная собственность, и нет ни одного из них, кто бы не топил суда. Она была последней в роду, ее муж-мексиканец был убит на своей родине несколько лет тому назад. Но она и пожила! Не было ни одного человека на расстоянии пяти миль, который бы не был с нею в союзе. Они привозили груз с судов в ее лагуну, а затем продавали на суше. Тот свет, который мы видели в заливе, она поставила, чтобы приманивать лодки. Подумайте об этом теперь! От одного этого можно прийти в ужас, и это все было ее делом!

— Я удивляюсь, почему они не набросились на нас, когда мы подошли к берегу! — заметил Фишер.

— Они бы это сделали, если бы мы пришли днем. Ночь спасла нас. А тут еще этот зловещий крик! Если бы не было его, мы бы благополучно прошли. В этом крике было проклятье. Я сказал это в первый же раз, как услышал.

— Это кричал сумасшедший Билли,—сказал Фишер задумчиво,—он спасся с корабля, а мы этого не знали!

— Это верно! С самого начала над нами тяготело проклятье!

— Должно быть! — ответил Фишер.

— Теперь мои глаза выжжены, и вы скажете, что я сам навлек на себя это несчастье! — сказал Мессенджер резко.— Вы готовы упрекнуть при случае. Если снова мне придется быть в порядочной стране, то я надену на вас белый галстук и пошлю вас каркать. Вы наживете себе состояние, предсказывая старухам. Вы как

раз подходите к этой роли. Мне нужны люди, а болтуны надоели.

Фишер не перебивал его. Мессенджер же, успокоившись, спросил:

— Где мы теперь? Что это за местность?

— Мне кажется, что это лес между холмами,— сказал Фишер.— Налево от нас лес, а впереди луга.

— Здесь должна быть дорога,— сказал Мессенджер нетерпеливо,— иначе испанка не пришла бы сюда. Что это за мелодичный шум я слышу? Не водопад ли это?

— Вчера вечером я шел по этому направлению. Там река!

— Тогда пойдем вдоль нее. Дорога должна идти около холмов. У меня теперь есть силы, и нам нечего обращать внимание на темноту.

— Я думаю, вы правы. Но вы, Принц, очень резки со мною!

— Резок? — повторил Мессенджер.— Резок с вами? Нет! Дайте мне ваши руки, дайте мне, чтобы я мог держать их крепко. У меня нет глаз, и темнота меня тяготит. Теперь вы будете моими глазами, вы — единственный человек, которого мне приятно видеть, я вас люблю!

— Мы проведем это трудное время вместе,— проговорил Фишер,— если вы хотите иметь меня своим другом, Принц!

Тот засмеялся при этом заявлении.

— Хель,— сказал он,— кажется, у меня нет другого выбора, я должен довольствоваться вами. Дайте мне облокотиться на вашу руку! Мне кажется, я схожу с холма и земля опускается под моими ногами. Мне будет лучше, если я пройду немного. Какова дорога впереди?

— Там небольшая долина, покрытая травой и массой цветов. Место это очень дикое и мрачное от тенистых деревьев.

— Вы уверены, что никого не видно?

— Ни души!

— У меня тонкий слух, и я думаю, вы правы. Но нам будет нелегко идти, когда мы выйдем на открытое место. Вы не забудьте, что они будут наблюдать за дорогою как за ловушкою, и я не вижу, что может им помешать поймать нас.

— Мы здесь умрем в любом случае,— отвечал Фишер,— но отчего не рискнуть?

Они перешли в глубь чащи. Высокая болотная трава, из которой выглядывали орхидеи и плющ, вела их по уединенной аллее, где летали птицы с разноцветными перьями, испуганные их появлением. Мириады мух жужжали над ними. Затем они направились по берегу реки, постепенно суживавшейся в ручей шириною не более пятнадцати ярдов.

Несколько раз Мессенджер прислушивался, но все было тихо.

— Ясно,— проговорил он,— что испанка выбрала эту реку как путь для выхода из холмов. Мы должны тоже им воспользоваться. Как? Я не могу вам сказать этого теперь, но дорога нам укажет!

Между тем голод все сильнее давал себя чувствовать. Но путники не отдыхали. Наконец река кончилась, образовав озеро. Тут, к несказанному удивлению Фишера, ему попался на глаза плот. На плоту находился шест и большой ларь.

— Принц! — воскликнул юноша в восхищении. — У вас теперь глаза за десятерых! Вот то, что вы искали, — плот у берега и при нем шест!

— Я его ждал полчаса тому назад! — отвечал слепой. — Взойдем на него, а остальное предоставим случаю. Быстро ли течение?

— Как мельница!

— Тем лучше! Куда испанка ездила, мы тоже можем отправиться! Поместите меня так, чтобы я мог держаться крепко, и держите плот посредине течения.

Фишер привел его на плот, прислонив спиною к ящику, затем оттолкнул плот, и его быстро понесло течением.

Мессенджер ощущал быстрое движение воздуха, слышал, как плот скрипел, ударяясь о скалы. Он догадывался, что его товарищ был в постоянной напряженной деятельности. Но Фишеру картина представлялась совсем иначе. Хотя тяжелый деревянный плот был очень крепок, но юноша каждую минуту ожидал, что он разобьется в щепки, так как течение несло его вперед с большою скоростью и озеро скоро опять превратилось в бурный поток.

По мере того как плот продвигался, оба берега становились выше, так что, наконец, казалось, плот втяги-

вало в самые недра земли. Глубокий, темный и зеленый поток протекал по скалистому руслу, опускаясь все ниже, пока не достиг подножья холма. С плота можно было видеть только каменистые пропасти и вершины, недоступные для человека. И все-таки плот шел прямо, как по линейке, и от крушения его удерживал только искусно управляемый шест. Вдруг сделалось темно, раздался страшный рев громадного каскада, наступила совершенная тьма. Беглецы не могли даже вскрикнуть от страха, когда плот начало с треском подбрасывать.

Дело в том, что они вошли в природный туннель под большим холмом и теперь находились в недрах земли. Фишер еще раньше заметил отверстие этого туннеля, но выжидал, пока они подойдут ближе, чтобы сказать Мессенджеру, что тот должен лечь плашмя, а сам, не выпуская из рук шеста, лег, держась изо всей силы за перекрестные доски. С этой минуты он уже не мог видеть ни самого туннеля, ни того, как он устроен. Юноша сознавал только ужас переправы, когда в темноте почувствовал, что плот вертится как волчок, ударяясь о скалы и летя стремительно вниз. Но вот глаза юноши снова увидели чащу с зеленой лужайкой, а справа село в ложине, вдали — лиловатые холмы и беловато-туманное небо. Он встал, схватив свой шест, и плот тихо поплыл к берегу.

— Принц! — воскликнул он радостно. — Мы прошли через туннель! Вот снова открытая местность!

— Что вы видите? — спросил Мессенджер садясь.

— Большое пространство сожженных лугов, а на левом берегу лес. Эге!

— Что такое?

— Там лежат на берегу два солдата!

XXVII

ПРИСТАНЬ В БУХТЕ

Плот шел теперь очень быстро. Два солдата лежали на берегу около леса. Их ружья были поставлены к стволу каштанового дерева. Видна была зола тлеющего костра; пара пустых бутылок скатилась к самому краю реки. Солдаты крепко спали.

— Принц,— проговорил Фишер, посмотрев на них,— их только двое, и они спят!

— Вы уверены? — шепнул Мессенджер.

— В этом нет сомнения. Я вижу, как их ноги торчат в траве, и они надвинули фуражки на глаза.

— Направьте плот прямо на них и остановитесь! Если плот в середине реки, то он легко пойдет. Какова здесь река?

— Двадцать ярдов и покрыта тростником, но течение быстрое!

— Тем лучше, мы пойдем скорее!

Он больше ничего не сказал и стал ждать, пока Фишер выведет плот из тростника и направит в середину течения. Они были теперь в пятидесяти ярдах от часовых. Спящие продолжали лежать без движения, мухи жужжали над их ушами; их лица были в тени. Проснутся ли они? Юноша был взволнован, задавая себе этот вопрос.

На краю лесной чащи росли кустарники, свешиваясь над водою. Река здесь текла почти наравне с лугами, но заросла травой, и когда плот подошел к тому месту, где лежали часовые, то задел за высокую траву, произведя шум, заставивший Фишера и Мессенджера содрогнуться. Шум этот был настолько силен, что его услышал один из часовых, проснулся и сел. Если бы не густой куст, находившийся между плотом и часовыми, плавание окончилось бы тут же, но густая трава задержала плот, шум прекратился. Часовой ничего не увидел, толкнул своего товарища, ругнул его, выпил чего-то из бутылки и снова растянулся на траве. Тогда Фишер, лежавший на передней части плота, направил его в середину течения; оно быстро подхватило и понесло вперед мимо майсовых полей, в середину большой долины за горами.

В течение часа после этого беглецы оставались на плоту под лучами палящего солнца. Через час плот вышел из реки в большое озеро, окаймленное зелеными берегами, покрытыми пестрыми цветами. Гавань эта так манила к себе, ее тишина была так успокоительна, так соблазнительна для изнемогающих от усталости, что Фишер направил плот к его берегам. Здесь, положив головы на траву, под тенью ив, где было прохладно, утомленные и усталые, почти

готовые плакать, беглецы проспали жаркую часть дня до тех пор, пока не зазвонили в сельской церкви.

XXVIII ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

Просматривая некоторые сцены, относившиеся к трагедии Арнольда Мессенджера и его сообщников, я вспоминаю, что ничего еще не сказал, с чего же началось преследование беглецов и как в Англии узнали, куда они направились.

В объяснение этого нужно заметить, что ирландец, помощник капитана на судне «Адмирал», был принят вместе с Конерзом, которого он освободил, на пароход, показавшийся на горизонте в то время, когда «Семирамида» направлялась в Северное море. Пароход доставил спасенных в Берген, откуда они телеграфировали в Лондон. Это известие взволновало весь город.

Для Кепль, Мартингель и К° это известие было ударом, потрясшим фирму до основания. Глава ее, пристыженный нравственным падением своего племянника Сиднея Кепля, с этого времени сделался разбитым человеком с потерянным разумом. Но его компаньоны продолжали усердно работать, чтобы помочь страхователям покрыть потери. Эта солидная фирма употребила все свое влияние на правительство. Искусные сыщики были посланы в Лиссабон, в Париж, в Монтевидео; послали и несколько крейсеров. Общее мнение было таково, что яхта Кеннера отправилась в Голландию или в Норвегию; другие крейсера искали в канале; наконец, некоторые искали на берегу Ирландии, хотя никто не предполагал, что яхта обогнет мысы Шотландии.

Как случилось, что «Неро» заметил «Семирамиду» и преследовал ее, об этом уже сказано. А странное прекращение преследования в минуту очевидного успеха может быть объяснено просто. У судна сломалась ось гребного винта, когда оно было близко к победе. С большим трудом оно достигло Бордо и оттуда послало в Англию известие о происшедшем. Другие крейсера искали по берегам Франции и по северному берегу Испании. Один из крейсеров, наконец, бросивший якорь в том заливе, где остановились наши беглецы,

хотя и напал на их след, но уже тогда, когда деньги были на берегу, а люди скрывались в замке. С этого момента все шансы перешли на сторону преследователей.

Власти в Лондоне ждали каждый день известий о слитках золота и исчезнувшем экипаже. Кепль, Мартингель и Компания, недавно реализовавшие испанский заем, воспользовались своим влиянием в Мадриде, и отряды солдат были посланы из Вивера и Финистерра. С каждым из этих отрядов был английский сыщик, а для удостоверения личностей беглецов отправили Майка Бреннана, прежнего помощника капитана на «Адмирале». Это он и слышал, как идиот Билли кричал в холмах. Он узнал его голос и ответил на крик, к ужасу погонщиков мулов.

Когда наступил конец катастрофы, старуха погибла вместе с золотом. Но так как было возможно, что Мессенджер спасся, то поиски продолжались. Несколько недель спустя через пропасть снова навели мост. Часовые были поставлены по всему амфитеатру холмов. Молчаливая долина была обыскана из конца в конец, и дело кончилось тем, что офицер, бывший во главе отряда, послал в Мадрид свое окончательное мнение, что англичанин никогда не переходил мост, так как выйти за пределы долины не было возможности ни человеку, ни животному. Предположение, что существовал проход через туннель, никогда не приходило ему в голову.

Таким образом, публика в Лондоне была разочарована в своем ожидании увидеть главного негодяя на суде и начала спрашивать, что же стало с деньгами. Это выяснилось, когда почти все слитки один за другим были доставлены фирме, у которой их украли. Некоторые из них были найдены во внутренней лагуне близ дома испанки; многие — в долине под горной тропинкой, где на беглецов обрушились опасности, а остальные в овраге и в пепле рухнувшего моста. Когда сосчитали стоимость найденного золота, то фирма нашла, что потеряла 250 000 фунтов. Из этой суммы большая часть была разграблена испанскими солдатами; слуги испанки тоже не пренебрегли захватить что было можно. Мессенджеру досталась лишь частица.

XXIX ОКОНЧАНИЕ ОТЧЕТА

Фишер, проснувшись на берегу тихого пруда, испугался и готов был закричать: чья-то рука тронула его за плечо. Он вскочил на ноги, думая, что солдаты поймали его во время сна, но увидел только старика с седой бородой; его ряса и воротник указывали на сан священника. Вслед за тем кроткий голос сперва заговорил на плохом французском языке, потом, пытаясь говорить по-английски, старик сказал:

— Доверьтесь мне, я пришел как друг! От солдат не ждите добра! — и он покачал головою, как будто это ему было больно.

Мессенджер вскочил при первых словах священника, но скоро успокоился, поняв в чем дело. Да у беглецов и не было другого выхода, как принять сделанное им предложение.

В сопровождении священника беглецы направились по тропинке в лес, но священник держался окраины леса минут десять, прежде чем вышел на болотистый луг и к задним строениям деревни, почти закрытым каштановыми деревьями. Затем так же осторожно ввел беглецов в свой дом. Что осторожность была не лишняя, Фишер понял, увидев в окно проходивших по селу солдат.

В доме священника беглецы приютились на три недели. В конце второй недели к ним привели Инессу, которая была обязана всем этому священнику. Он поместил ее в монастырь в Кадиксе. Девушка была теперь гораздо счастливее, чем в то время, когда ходила с Фишером по саду. Теперь, снова увидевшись с нею, юноша стал было строить разные планы, но с грустью вынужден был сознаться, что из-за привязанности к Мессенджеру должен расстаться с нею. Та соглашалась, что слепой имел на него права, и он, несмотря на ее поцелуи, остался верен выбранному им трудному пути.

Недели счастья прошли слишком скоро, и, когда настало время расставания, Хель, осушив поцелуями детские слезы Инессы, отправился со священником и Мессенджером. Переодевшись испанскими крестьянами, они дошли благополучно до Виго, где, благодаря влия-

нию священника и его деньгам, достали билет в Монте-видео.

В этом городе я встретился с ним спустя два месяца после их приезда. Мессенджер все еще не видел, юноша ходил за ним, как брат.

— Я не мог бы теперь оставить его! — говорил он. — У него нет других глаз кроме моих!

Нельзя передать то сострадание, какое звучало в его голосе, когда он произносил эти слова.

БЕАТРИСА
В ВЕНЕЦИИ
роман

Перевод с английского
В. А. Магской

Часть первая

ВЕНЕЦИЯ

I

— Итак, в дело, значит, все же замешана женщина!

Гастон, граф де Жоазе, удивленный голосом, раздавшимся в его комнате, отбросил красную розу на одеяло и с ярким румянцем на щеках обернулся к говорившему.

— Как, Вильтар, ты в Венеции?

— Да, это я, только что приехал, но разве ты не рад видеть меня, Гастон, мой дорогой Гастон, мой милый мальчик?

Оба друга горячо обнялись после долгой разлуки; они предлагали друг другу вопросы, на которые не успевали отвечать, а в это время приезжий успел скинуть свой плащ и осмотреть невзрачную комнату, в которой жил Гастон уже три месяца со дня своего приезда в Венецию.

— Генерал в Граце, — рассказывал Вильтар, — твои письма очень заинтересовали его, но они недостаточно познакомили нас с подробностями дела, гусарам, как видно, здесь нечего было делать, и поэтому я очутился в твоём гнездышке, где, по-видимому, цветут красные розы. Ха-ха, нет, молчи, не возражай мне: я и без тебя знаю, что каждый лепесток ее, может быть, имеет свою историю, что каждый шип ее причинил тебе, может быть, страдание. Чем был бы Жозеф Вильтар без женщин? Простым писцом, рабочей клячей у какого-нибудь нотариуса. Нет, видит Бог, я люблю женщин. Мы не можем ни в чем обойтись без них. Ты поступил очень умно, и я доложу об этом генералу.

— Лучше ничего не говори ему об этом, — довольно резко перебил его Гастон. — Эта женщина не станет помогать нам. Ну, а теперь довольно об этом,

ты, вероятно, устал, проголодался и хочешь пить. Надо будет поднять нашего старого хозяина и испробовать его кипрское вино. А за едой ты можешь мне сообщить не торопясь все последние новости. Подумай только о том, что в продолжение целого месяца я видел только официальных гонцов, мне надоела эта тяжкая ссылка.

Вильтар уже до этого заметил усталый и недовольный вид своего приятеля; по свойственной ему проницательности он не верил в то, что усталость вызвана тайной миссией, возложенной на графа в Венеции, а также не верил тому, чтобы какая-нибудь сердечная неудача могла вызвать хоть единый вздох у такого опытного и закоренелого гусара. Графа, по-видимому, мучило что-нибудь более серьезное, и Вильтар дал себе слово немедленно же узнать, в чем дело.

— Да, конечно,— продолжал он вслух,— я верю, что человек может соскучиться даже и в таком мраморном городе, как Венеция. Я вполне понимаю тебя, Гастон. Но почему ты поселился в этой дыре? Неужели в Венеции нет более приличной гостиницы? Поступили ты так из расчетливости или из мудрости? Мне говорили...

Гастон приложил палец к губам. Перед ними вдруг неожиданно явился хозяин гостиницы «Белого Льва» — Жан Моро. Француз с ног до головы, но уже говоривший с заметным венецианским акцентом, Жан Моро славился своей скупостью: про него говорили, что он готов продать родную мать. Согнувшись в три погибели, потирая руки, он стоял с отвисшей губой и крючковатым носом, похожим на клюв попугая, и распространялся о том, как ему приятно видеть своего соотечественника.

— Ваше сиятельство,— говорил он,— я узнал по вашим шагам, кто вы: только гусар...

— Хорошо сказано, мосье Жан, но так как я не гусар...

— Простите, ваше сиятельство, если бы вы дали мне досказать свою мысль, я бы сказал, что только гусар или драгун может обладать подобной походкой. Я знаю, что эти шаги могли принадлежать только другу графа, и этого вполне достаточно для меня. Теперь в Венеции настали странные времена, господа, очень странные, особенно для моих соотечественников, но здесь вы можете быть спокойны, как у себя дома.

— В таком случае завтра утром я был бы уже мертв. Вы — плохой оратор, Жан Моро, если ваше вино не лучше...

— Мое вино, ваше сиятельство, будет говорить само за себя. Его священство назвало его вином галилейским, если и этого недостаточно, то...

— Хорошо, хорошо, мосье Моро, так подайте нам вина его священства, и побольше. А затем приготовьте мне головля или каплуна и подайте один из ваших золотистых сыров с маленькой флягой живительной влаги. Разве я не артист в составлении меню, мосье Моро?

Хозяин пожал плечами и с видом глубокого сожаления заметил, что артист налицо, но нет материала для исполнения его планов.

— Ваше сиятельство, — сказал он, — хотя бы вы и привезли целый мешок дукатов из Брешиа в Маестре, вы не найдете ни одного каплуна, который мог бы вознаградить ваши труды. У моих соотечественников много добродетелей, но умеренность чужда им. Они съели все, чуть ли не листья с деревьев. Ах, моя бедная Венеция!

— Как ваша бедная Венеция, Моро?

— Да, ваше сиятельство, моя чудная родина превратила эту несравненную страну в убежище дьяволов. Я говорю вам это в лицо и готов повторить то же самое генералу Бонапарту, если бы я имел счастье находиться в его присутствии.

— Это счастье скоро выпадет вам на долю, Моро, могу вас уверить в этом. И пусть все в этом доме знают — я видел, входя по лестнице, что несколько человек там внизу играли в экарте, — пусть все они знают, что в скором времени Наполеон потребует у них отчета в том, как они обходились с моим другом графом и со мной, бедным путешественником, который имеет честь быть слегка знакомым с генералом. Поняли вы меня, мой друг? Ну, так отправляйтесь теперь и помните, что осторожность прежде всего, затем еще раз и еще раз осторожность во всем, или, призываю в свидетели Небо, этот дом запылает первый, когда господин мой и повелитель явится в Венецию.

Жозеф Вильтар прекрасно знал цену угрозе и знал, где следует применить ее. Опытный во всякого рода интригах, он умел быть галантным с женщинами, ласков, убедителен и даже смирен с мужчинами, но малейшее

сопротивление или простая случайность могли заставить его выказать и другие стороны своего характера. Старый Моро молча проглотил угрозу, но глаза его на минуту сверкнули, и первым долгом, очутившись в кухне, он созвал своих слуг и послал одного из них к начальнику своего квартала с извещением, что в Венецию прибыл один из эmissаров Бонапарта из Граца и в настоящую минуту обедает у него в доме.

— А вы остальные, — крикнул он собравшимся слугам, — отправляйтесь сейчас на крышу дома и подслушайте их разговор, не упустите ни одного слова. Он ведь прислан сюда самим Бонапартом, как он говорит. Если вы дорожите своими ушами, ребята, пустите их в ход. Но осторожность прежде всего, а затем еще и еще раз будьте осторожнее. Он грозил мне, Моро, своему соотечественнику. Я заставлю его понять, с кем он имеет дело!

Совершенно не думая о неприятности, которую он причинил толстяку Моро, и очень заинтересованный рассказами Гастона, Жозеф Вильтар тем временем уселся на стул у окна и старался узнать от графа все новости дня, касающиеся его лично, а также и положение дел в городе. Трудно было найти более разительный контраст, чем тот, который представляли оба эти человека: один из них находился в периоде ранней юности, другой уже достиг полного расцвета своей жизни, один из них казался вполне салонным кавалером, другой представлял собою тип боевого солдата. В разговоре они также резко отличались друг от друга: первый говорил быстро и охотно, не заботясь о выражениях и о том впечатлении, которое производили его слова, второй только изредка открывал рот и взвешивал каждое свое слово.

— Твой хозяин, по-видимому, самозванец — это дурное начало, — произнес Вильтар, как только закрылась дверь за Моро. — Каким образом ты попал сюда, Гастон, почему именно ты выбрал эту гостиницу? Генерал меня, наверное, об этом спросит, и мне придется дать ему удовлетворительный ответ на это. Ведь не хочешь же ты, чтобы он думал, что его посланники действовали без плана и необдуманно, верно, у тебя есть свои очень веские причины? Скажи мне их раньше, чем мы будем говорить о чем-нибудь другом.

Гастон тоже придвинул себе стул к окну и стал

глядеть на канал, по которому двигались взад и вперед гондолы. На площади, на углу канала раздавались отдельные плачевные звуки умирающего карнавала, казалось, они оплакивали бедствие, грозившее городу. Гондолы скользили так быстро от дворца к дворцу, как будто от одной этой быстроты зависела вся участь Венеции; все, видимо, чего-то ждали, и даже дети притихли, предчувствуя грядущие бедствия.

— Я живу здесь,— проговорил граф, отворачиваясь от окна, как бы недовольный представившимся ему там зрелищем,— я живу здесь по двум причинам: первая—здесьняя убогая обстановка является для меня убежищем, а вторая—здесьний хозяин негодяй, но этот негодяй—француз, а следовательно, хоть на одну йоту лучше своих итальянских соседей. Правда, что его друзья в настоящую минуту прислушиваются к каждому слову, которое я говорю, но ведь то же нежное внимание к себе я могу ожидать и в других местах, а тут во главе этой шайки все же хозяин француз. Что касается бедности, царящей в этом доме...

Но Вильтар не дал ему кончить. Он уже вскочил на ноги и внимательно осматривал комнату, давно уже привыкнув ко всякого рода шпионству.

— Ты позволяешь им шпионить за собой, Гастон?

— Конечно, позволяю, зачем же их лишать этого удовольствия?

— Но твои дела, поручение генерала?

— Свои дела я обделываю в гондоле, Вильтар, там все же в этом отношении безопаснее.

Он рассмеялся, как бы очень довольный этой ложью, предназначавшейся для ушей подслушивавших его людей. Но Вильтар вовсе не довольствовался этим, он продолжал внимательно осматривать комнату, постукивал по стене, заглядывал в соседние каморки и даже приоткрыл дверь на лестницу, чтобы убедиться, что там никого нет. Очень удивленный тем, что не нашел ничего подозрительного ни в стенах, нигде в другом месте, он уже собирался опять сесть на свой стул, как вдруг падение тяжелого тела на чердаке привлекло его внимание. Он поднял голову и увидел, что рядом с крюком, на котором висела люстра, виднеется небольшое отверстие в потолке. Недолго думая, он схватил свой меч и вонзил его туда. Когда он вытащил его на-

зад, лезвие его было окрашено слегка кровью и запачкано известкой.

— По-видимому, тут много крыс, Гастон,—сказал он, указывая на свой меч, и добавил: — одна из них во всяком случае ранена. Продолжай рассказывать, мой друг, теперь ты можешь говорить спокойно: нас уже больше никто не подслушает.

Глухой стон на чердаке подтвердил его предположения, чьи-то тяжелые шаги медленно протащились над их головой, известка посыпалась на пол. Вильтар рассмеялся, довольный своей шуткой и нисколько не пораженный всем происшедшим.

— Отверстие в замочной скважине никогда не может быть опасно,—проговорил он,—если только в комнате достаточно места, чтобы свободно владеть оружием. Теперь эти люди ушли, вероятно, за доктором. Надеюсь, ты ни на минуту не испугался их. Но что с тобой, Гастон, ты побледнел, ты вздрогнул?

Вильтар замолчал, пораженный, как видно, неожиданной мыслью. Одну секунду — только одну секунду — он приписал бледность и видимое расстройство молодого графа истории, связанной с красной розой, которую тот уронил еще так недавно на одеяло. На самом же деле Гастон в эту минуту и не думал вовсе о гостинице «Белого Льва» или о том, что происходило в ней. Глаза его были устремлены на гондолу, видневшуюся вдали на канале и направлявшуюся, очевидно, в Риальто. Он сейчас же сообразил, что это Беатриса, маркиза де Сан-Реми, выехала из дворца и едет или к дому «Духов», или к дому своего родственника, лорда Брешиа. Подозрение, мелькнувшее в голове Вильтара, рассердило его, и он заговорил более оживленно, чем раньше, обращаясь к своему гостю:

— Дорогой Вильтар, ты приехал в Венецию не для того, чтобы говорить глупости. Ты волнуешься по пустякам. Я так привык ко всему этому, что положительно ничему не удивляюсь больше. Я принимаю свои меры предосторожности, вот и все. Если французы останутся в Венеции...

— Понравится ли твое «если» генералу, Гастон?

— Позволь мне докончить, Вильтар. Если французы останутся здесь и если их жизнь значит здесь немного больше, чем жизнь дворовой собаки, охраняющей кухню, то человеку придется бороться с бóльшими

опасностями, чем с опасностью быть подслушанным. Он должен быть прежде всего терпелив, дружелюбен и должен знать обычаи этого народа. Все венецианцы — шпионы: сыновья шпионят за отцами, мужья за женами, везде полиция, западни на каждом углу, каждая улица скрывает в себе опасность, — мы должны привыкнуть к этому и должны или примириться с этим, или же совершенно бросить Венецию. Я это понял с самого начала. Когда генерал послал меня сюда как защитника французских интересов, он знал это. Я дам ему отчет во всем, когда настанет для этого время, но пока я могу только сказать тебе: действуй осторожно и, если тебе надо что-нибудь сказать, говори это при всех, когда никто не подслушивает тебя. Пойдем теперь к Флориану, выпьем кофе. Там ты найдешь нескольких наших соотечественников, уцелевших еще в этом городе. Их, к сожалению, немного, Вильтар, мы пережили ужасное время и даже стали думать, что генерал забыл про нас.

— Он никогда не забывает, Гастон. Я приехал сюда, чтобы напомнить тебе об этом. Будь уверен в том, что они будут отомщены; самый смиренный слуга Франции — и тот не будет забыт при наших расчетах с Венецией. А расчеты эти ужасны, особенно если производятся таким человеком, как Бонапарт.

Он накинул свой плащ, и они вместе вышли из дома и сели в гондолу графа, которая быстро доставила их через канал на маленькую площадь, где находился ресторан, в который они направлялись. Хотя путешествие их длилось всего только несколько минут, но они успели услышать за это время и подавленные проклятия, посылаемые им гондольерами, и угрозы, сыпавшиеся с других гондол, когда они проезжали мимо. На площади встречавшиеся им люди плотнее закутывались в свои плащи, чтобы нечаянно не коснуться проклятых французов. Женщины при их приближении прятались в дверях и воротах дома, чтобы не видеть ненавистных им чужестранцев. Эта враждебность со стороны женщин сильно забавляла самоуверенного Вильтара.

— Как видно, здесь на розы нечего рассчитывать, Гастон, — сказал он, оскорбительно оглядывая с ног до головы своих хорошеньких врагов: — нас ждут здесь только одни шипы; многие из нас, вероятно, уколутся о них. А вот, кажется, и знаменитый Флориан? На-

деюсь, мы будем себя чувствовать там как дома. Ты, кажется, говорил, что мы увидим там Шатодена. Я буду очень рад повидаться с ним.

— Тише,—сказал Гастон, оглядываясь кругом, чтобы убедиться, что поблизости нет шпионов. Когда слуга подал им кофе и удалился, он небрежно облокотился на стол и, как бы внимательно разглядывая находящийся напротив собор, проговорил намеренно равнодушным тоном:

— Шатоден умер, разве ты не слышал об этом, Вильтар?

— Умер Шатоден? Неужели это правда, Гастон?

— Они пригвоздили его за горло к дому Фрари. Говорят, что за смерть его было заплачено сто серебряных дукатов. Все это знают и молчат. А Раппе? Его убили, как собаку, в турецкой лавке, и затем тело его похоронил какой-то великодушный рыбак. Севенн умер в церкви, и действие яда они приписали апоплексическому удару. Ришар убит среди бела дня в Риальто, а полиция говорит: что же мы могли сделать? Кровь кипит во мне, Вильтар, когда я вспоминаю все эти ужасы. Я удивляюсь тому, что генерал еще не разрушил этого проклятого города, я бы камня на камне не оставил в нем.

— Он находит нужным поступать так, а не иначе в настоящее время. Гастон, вспомни, что мы ведь состоим теперь в мире с республикой. Мир считается благом в каждой стране. Мы сжигаем фермы и съедаем их хлеб, и увозим их женщин на материк, а между тем мир еще не нарушен. Генерал не желает войны с Венецией — почему? — потому, что он является служителем народа, и народ должен царствовать. Но настанет время, и он проучит вашего дожа. Я уверен, что через три месяца все будет кончено; еще три месяца они будут царствовать здесь. А затем они перестанут существовать, они будут сметены с лица земли. И все те, которые теперь ведут войну против Франции: ваши Цезарии, ваши Фалиеры — сумасброд Лоренцо, Беатриса, — все они обречены умереть первыми. Как, ты, кажется, жалеешь их? Послушай, я перестаю понимать тебя, Гастон!

Вильтар лгал: наблюдая за Гастоном и заметив, как он побледнел, как сверкнули его глаза при имени Беатрисы, он сразу сказал себе, поняв все:

— Женщина найдена!

Лоренцо Брешиа любил театральные эффекты, он остался совершенно доволен позой, принятой им в тот ясный февральский день, когда Беатриса, маркиза де Сан-Реми, должна была услышать от него знаменательные новости; ему казалось, что эта поза вполне соответствует занимаемому им в городе положению и его высокому сану. Усевшись на высокий резной стул посередине обширной комнаты дворца Бурано и разложив перед собой перья, чернила и книги в драгоценных переплетах на столе, сделанном из слоновой кости, он облачился в пурпуровые одежды и на голову надел маленькую бархатную шапочку того же цвета, покрывавшую его седину и скорее пригодную для двадцатилетнего юноши, чем для пятидесятисемилетнего старика, прошедшего бурную молодость. Но сердце Лоренцо было еще молодо, и в голове его было столько мыслей, что они могли бы составить счастье целой страны. Невыносимо тщеславный, он сам, не сознавая того, находился всецело под влиянием леди Беатрисы, чего, однако, никогда не признавал, говоря даже с ней с глаза на глаз. «Вы много делаете для меня,— говорил он ей,— но вся суть все же здесь», и с этими словами он многозначительно указывал на свой лоб, а Беатриса, смеясь, отвечала на это: «Это — ваша тайна, милорд, которую вы, вероятно, и сохраните до гробовой доски».

Нечего и объяснять, что она была права, говоря так.

Но все же, несмотря на этот самообман, старик Лоренцо сумел завоевать себе завидное положение в стране. Народ преклонялся перед ним, сенат накануне полного своего разложения охотно прислушивался к его мнению. В клубах и кофейнях его прославляли как умного человека. Его красноречие, его остроумные статьи восхищали весь город, не подозревавший, что все это получено им извне и заимствовано у другого.

Его величественная голова, могущая служить моделью самого Тинторе, вместе с величественностью и очарованием его манеры держать себя, приобретенной им при итальянских дворах и особенно в Риме,— все это говорило в пользу его непогрешимости. Венеция, старающаяся ухватиться хоть за соломинку ввиду

неминуемой гибели, призвала Лоренцо, чтобы он спас ее.

А Лоренцо, отведя леди Беатрису в сторону, спрашивал ее:

— Что мне написать им, как ответить им?

Лоренцо принял избранную им позу, чтобы встретить Беатрису в этот знаменательный февральский день, ровно в двенадцать часов; но она все не ехала, и ему пришлось поневоле слегка изменить свою позу и даже ленивой рукой набросать несколько строк на лежавшей перед ним бумаге; он снова и снова красиво драпировал складки своей пурпуровой мантии, чтобы она имела более величественный вид, а Беатриса все не ехала, он начинал сердиться, стал посылать к ней слугу за слугой, стал грозить всем им чуть ли не смертной казнью и так напугал всех, что даже его верный слуга Ноэлло собирался уже улизнуть от него, чтобы избежать его гнева, как вдруг дверь отворилась и на пороге неожиданно показалась Беатриса, а бедный Лоренцо как раз в эту минуту представлял из себя ужасный вид, он весь побледнел от злости и яростно топтал ногами свой пурпуровый плащ, причем шапочка его давно упала с головы и седые волосы растрепались и окружали неровным ореолом его лицо; он остановился как вкопанный при виде маркизы, а та громко рассмеялась и весело захлопала в ладоши.

— Прошу вас, продолжайте, милорд,— сказала она,— наши дела, вероятно, блестящи, так как я вижу вас танцующим.

Ноэлло быстро поднял плащ с полу, а Лоренцо повел Беатрису к стулу около стола, извиняясь перед ней, как мог.

— Маркиза,— сказал он,— наступите ножкой на этот плащ, и я прижму его к своему сердцу. Я действительно был очень рассержен. Нечего и говорить, что причиной моего гнева была женщина. В вашем письме вы писали, что приедете в полдень, а теперь час. Судите сами, прав ли я.

— Никогда не доверяйте женщине, милорд. Я получила ваше письмо и приехала, когда мне это было удобно. Если я беспокою вас, я могу сейчас же ехать обратно. Если Лоренцо нравится изображать карнавал во дворце Бурано, то мне хоть позвольте напомнить о том, что моя гондола ждет меня внизу.

Он старался умиловить и успокоить маркизу и стал собирать свои бумаги и перья, стараясь принять в то же время свой обычный величественный вид. Маркиза в это время, сидя на своем высоком стуле, с улыбкой наблюдала за ним и говорила себе в душе, что из всех пустых голов Венеции эта голова больше всего способна рассмешить ее. Но, несмотря на это, она все же сгорала от нетерпения узнать, зачем он просил ее приехать во дворец и какие важные новости он сообщит ей.

— Полиция донесла мне, что Жозеф Вильтар прибыл сегодня сюда из Маестре, — сказала она наконец. — Я получила это известие в одно время с вашим посланием. Мне кажется, связав оба эти факта вместе, я могу угадать причину, по которой вы пожелали видеть меня, не так ли? Или мы будем говорить с вами о синьорине Рицци или об артистах театра Святого Луки? Говорят, они великолепны, хотя и французы. Я, кажется, уже видела их во Франции, когда недавно жила в этой счастливой стране. Итак, значит, мы будем говорить с вами об этих артистах?

Лоренцо в немом протесте поднял руки к небу, хотя при имени синьорины Рицци глаза его как-то странно засверкали. Ему было обидно, что она сразу поняла, зачем он приглашал ее к себе, он рассчитывал, что известие о приезде Вильтара поразит ее, и никак не ожидал, что она узнает об этом чуть ли не в одно время с ним. Он собирался поразить ее этим известием, приготовив ее заранее темными намеками и недомолвками, а между тем она не только уже знала эту новость, но даже так мало интересовалась ею, что могла говорить о каких-то актерах.

— Маркиза, — сказал он с глубоким вздохом, которым хотел выразить порицание ее легкомыслию, — если вы хотели говорить со мной об актерах, то предупреждаю вас, что я плохой для вас собеседник сегодня. Я посылаю за вами, как вы верно угадали, потому, что Вильтар здесь. Вы знаете Париж и знаете этого человека. Мы надеемся, что вы нам расскажете все, что знаете о нем, чтобы мы могли действовать наверняка, как подобает охранителям народной чести. Эта бумага должна быть отправлена через час к светлейшему принцу. Вы видите, что время дорого, а вы медлите.

Беатриса откинулась на спинку стула и с удоволь-

ствием полубовалась своей фигурой, отражавшейся в одном из огромных зеркал, украшавших эту дивную комнату, и только после этого она не торопясь заметила:

— Почему бы не помедлить, Лоренцо? Если нечего делать, незачем и торопиться. Я была в Париже и знаю Вильтара. Если я скажу вам, что он умен, что вы от этого выиграете? Разве такой человек, как Бонапарт, прислал бы сюда глупца? Сказать вам, что он проницателен и его не обманешь? Да вы в этом завтра же сами убедитесь. Нет, об этом я не буду говорить с вами. Отправляйтесь куда-нибудь в другое место и поговорите об этом хотя бы с актерами в театре Святого Луки: они, может быть, многому научат вас.

Она рассмеялась серебристым смехом, наблюдая за Лоренцо, как он взял листок бумаги и написал что-то своим красивым аристократическим почерком, гармонирующим с его наружностью. Он не обращал никакого внимания на ее насмешки. Ему было важно только дать понять главарям города, что он хорошо знает Вильтара и может дать им полезные советы относительно его. Она сама указала ему путь, по которому он должен следовать, и он со спокойной совестью спешно записал, что с Вильтаром ничего в настоящую минуту сделать нельзя и что его надо считать опасным человеком.

— Дорогая моя,— проговорил он, обращаясь к леди Беатрисе,— никто лучше вас не знает этого человека: вы говорите, что он умен и проницателен и является послом самого генерала Бонапарта; но в таком случае ведь мы, и без того довольно пострадавшие от требований этого французского авантюриста, отлично понимаем, зачем явился сюда этот человек. Неужели же мы должны и на этот раз покорно исполнить все требования, которые нам будут предъявлены этим Вильтаром? Если совет послушает меня, он быстро покончит с этим господином. Я бы на месте совета в несколько часов изгнал этого Вильтара и всех остальных французов из пределов нашего города: они ведь только приносят нам несчастье, но вы сами знаете, как у нас делаются дела. Начнутся сейчас дебаты, споры, все столы будут немедленно завалены разными документами по этому делу, а Вильтар останется здесь, как волк в овчарне, и, пожалуй, даже с ним будут возиться и нянчиться, так как он послан самим Наполеоном. Все это я предвидел с той

минуты, как получил это известие. Это — начало конца, сказал я себе: Венеция потеряла рассудок и обречена на гибель.

Он говорил горячо, как истый фанатик, и Беатриса смотрела на него с сожалением, так как много правды было в его словах, несмотря на то, что они смотрели на дело с разных, вернее, даже противоположных сторон: он думал, что спасение Венеции заключается в открытой войне с Францией, она же твердо верила в то, что только дружба с ней может спасти ее родной город.

— Если Вильтар и будет устранен, то на его место придет кто-нибудь другой, — заметила она с грустью. — Запишите это золотыми буквами и прочтите в сенате, Лоренцо. Пять лет тому назад вам представлялся прекрасный случай обеспечить благосостояние нашего города, но вы отвергли его, а еще раз он уже не представится. Я вам повторяю каждый день одно и то же: если найдется во всей Венеции хоть один способный человек, она будет спасена. Скажите мне: что вы делаете, чтобы спасти ее, где ваша мудрость? Вы открыто восстаете против Бонапарта, не имея никаких способов защиты против него; вы обращаетесь к Небу с мольбой увидеть наши страдания и пишете памфлеты, чтобы отомстить за них; вы хотите оттянуть развязку, не думая о том, что слезы женщин уже орошают нашу страну, и на небе видно зарево от наших горящих домов. Пять лет тому назад мы могли бы добиться всего. Этот человек предлагал вам выгодный и почетный союз, но вы отвергли его с бранью и не сдержали ни в чем ваших обещаний. Вам не нужно было союзников, Венеция должна была быть до конца самостоятельна. А теперь, когда уже поздно, когда все потеряно, вы отвечаете Бонапарту тем, что убиваете посланных им сюда людей. Я преклоняюсь перед вашей мудростью, милорд. Как благородная компания убийц вы не имеете себе равных во всей Европе.

Милорду очень не понравился тот оборот, который принял их разговор. Он быстро встал с места и стал ходить взад и вперед по комнате, останавливаясь изредка у серебряного подсвечника, в котором горело пять восковых свечей, несмотря на то что было светло и вся комната была залита ярким солнечным светом. Лоренцо с нежностью гладил свечи, как мать ласкает любимое дитя.

— Я ничего не знаю про убийства, о которых вы говорите,— заметил он строго.— Если народ недоволен своеволием этого корсиканца и расправляется с его посланниками, при чем же я тут? Мне говорили, что умер Шатоден, и мне это очень жаль: было бы гораздо лучше, если бы на его месте был Жоаез...

— Вы говорите, что...

— Я говорю, что если бы это был Жоаез, на моем подсвечнике горело бы сегодня одной свечой меньше.

Эта мысль показалась Лоренцо такой отрадной, что он еще раз с любовью погладил свечу и слегка подул на нее, но так, чтобы не погасить ее, и затем продолжал:

— Во всяком случае Жоаез должен умереть, это дело решенное. Он слишком деятелен, не так ли, маркиза?

— Вы хотите сказать, милорд, что он слишком заботлив в деле охранения жизни своих соотечественников?

— Если хотите, да, я говорю только, что он слишком опасный враг, и поэтому он должен быть устранен.

— Устранен из Венеции, Лоренцо?

— Да, из Венеции, дитя мое.

— Говорят, этот путь бывает иногда очень долог, Лоренцо?

— Да, но он никогда не бывает утомителен. Графу, впрочем, не приходится никого обвинять, кроме самого себя. Месяц тому назад наш светлейший принц звал его к себе и предупредил, что все французские пришельцы должны покинуть Венецию. Вместо ответа он вызвал сюда этого Вильтара. Они размещают своих сторонников в наших дворцах, как будто это их казармы, и на наших площадях они производят обучение своих солдат. Неужели они могут быть в претензии, если мы постараемся отделаться от них? Нет, Жоаез должен исчезнуть, это будет урок для Бонапарта.

— Говорят, что корсиканец плохо понимает преподаваемые ему уроки, Лоренцо.

— Ничего, мы научим его быть восприимчивее. Когда он наконец поймет, что дружбу Венеции можно купить только ценою...

— Ценою, продиктованною вами, Лоренцо?

— Может быть, но во всяком случае я поступлю только согласно решению совета. Я сегодня же хочу набросать на этой бумаге план моего окончательного

решения. Через десять дней ни одного француза не должно быть в Венеции. Вы должны мне в этом помочь, маркиза, мы должны превзойти сами себя, мы должны пустить в ход просьбы, угрозы, иронию, ум. Французы должны уйти. Жоазе должен умереть.

— Умереть, милорд?

— Это только сорвалось так с языка, нет, он только должен обратиться отсюда, если же нет...

— Что тогда?

— Тогда я загашу одну из этих свечей.

Беатриса, все время не сводившая глаз с лица Лоренцо, не выдала себя ни единым словом, ни единым движением, но усилия эти стоили ей большого труда, и голос ее звучал довольно резко, когда она сказала:

— Вы знаете графа, милорд?

— Я встречался с ним в палаццо Гримани.

— Мне говорили, что он человек недюжинный и что Бонапарт очень любит его. Слышали ли вы об этом?

— Да, слышал кое-что, но самому мне не пришлось в этом убедиться на деле.

— Да, конечно, тем более что вы ведь особенно и не интересовались им.

— Он меня интересуется настолько, что, когда я встречусь с ним в вашем доме...

— Как в моем доме, Лоренцо?

— Так, я встречусь с ним у вас через неделю, согласитесь со мной и устройте мне это. Если иностранцы куда-либо идут без всякого подозрения в Венеции, так это только в ваш дом, маркиза. Вы его не знаете, но вам стоит только поманить его пальцем, чтобы он очутился у вас в доме. Постарайтесь сегодня же познакомиться с ним: в этом вам никто не будет препятствовать, так как я предупрежу о чем надо инквизиторов. Я сегодня же представлю им свои требования и прибегну к чувствам патриотов. Но справедливость требует того, чтобы Гастон получил хоть одно предостережение, я позабочусь и об этом. Пусть он покинет Венецию добровольно, пока еще есть время.

— Как вы благородны, Лоренцо, какое сострадательное сердце бьется в вашей груди! Я не удивляюсь тому, что народ любит вас, и все это вы делаете для моей бедной дорогой родины!

Милорд поднял глаза к небу с видом мученика

и еще раз подтвердил ей, что он делает все что может для блага Венеции и ее сынов (эту фразу он не раз уже говорил громко на площадях и с трибун). Уверенный, что он совершенно завоевал себе опять сердце маркизы, он снова взял перо в руки и приготовился писать.

— Надо приступить к делу,—сказал он,—сегодня я должен прочесть это в сенате.

— И вы так уверены в моей помощи?

— Я нисколько не сомневался в ней.

— Вы собираетесь сказать народу, что спасение в том, чтобы ни одного француза не осталось в Венеции?

— Я считаю это необходимым. Мы должны дать понять Бонапарту, что терпение наше истощилось.

— И мы пригрозим ему в случае чего сахарными пушками от Флориана? Храбрая нация! Итак, я готова, пишите, Лоренцо!

Лоренцо хорошо знал страсть леди Беатрисы иронизировать, он терпеливо выслушал все и терпеливо ждал, пока она стояла, отвернувшись к окну, и задумчиво смотрела на темные каналы и суетливые гондолы, скользившие по ним. Потом она обернулась к нему и стала диктовать ему то, что он хотел написать. Красноречивее ее никого не было во всей Италии: слова лились с ее языка свободно, плавною речью, логической непрерывной нитью. Лоренцо с восторгом думал о том, какое впечатление произведет он в сенате, прочитав эту речь. Сколько ума, сколько пыла, сколько глубокого пафоса заключалось в ней! Он уже заранее торжествовал победу и представлял себе впечатление от своих слов. Через полчаса леди Беатриса, сказав все, что хотела, замолкла, Лоренцо же вскочил с места и, бросившись к ней, с жаром поцеловал обе ее руки.

— Вы обладаете красноречьем Демосфена и грацией Венеры, маркиза,—сказал он,—не знаю, как отблагодарить вас. Единственный мой ответ может быть написан брильянтами вокруг вашей шейки.

Она оттолкнула его и закуталась в свой плащ.

— Вы надоедаете мне,—сказала она резко, удивив его неожиданной переменой в своем настроении,—когда-нибудь вы не станете так благодарить меня, Лоренцо.

Он проводил ее до гондолы и уверял, что если даже в Венеции не останется и камня на камне, то все же

он сумеет построить храм, в котором будет молиться ей. Но, когда он вернулся к себе и стал собирать свои бумаги, губы его беззвучно прошептали:

— Еще немного, и вы будете мне не нужны, маркиза!

А Беатриса, оставшись наконец одна, с ужасом, наполнявшим ее сердце, подумала тоже в свою очередь:

— Этим обращением к патриотам вы подписываете себе смертный приговор, мой милый Лоренцо.

III

Жозеф Вильтар в противоположность своим другим соотечественникам не привык рано вставать; он всегда читал или работал до поздней ночи, когда кругом все было тихо и спокойно, и поэтому на рассвете засыпал тяжелым, непробудным сном. Приезд в Венецию в этом отношении не нарушил его привычек, и, когда его новый слуга Зануккио, далматинец, вошел к нему в шесть часов утра и стал будить его, он спал так крепко, что слова не могли разбудить его и слуге пришлось наконец потрепать его за плечо, чтобы заставить проснуться. Когда Вильтар наконец открыл глаза, он долго озирался кругом, не понимая, где он и что с ним, и грубо закричал на разбудившего его:

— Что за черт разбудил меня? Кто ты такой?

— Я — ваш слуга Зануккио, ваше сиятельство. Вы вчера наняли меня.

— Вчера, вчера... Почему же вчера?

— Да почему бы и не вчера, ваше сиятельство, такой же день, как все остальные, лучше, чем если бы это было завтра. Я пришел к вам, чтобы сообщить, что теперь шесть часов и что ваш приятель пошел в церковь.

Вильтар рассмеялся при мысли, что одного из его приятелей можно было заподозрить в таком проступке, как хождение в церковь, и, протерев хорошенько глаза, стал рассматривать довольно странную фигуру своего нового слуги, при этом он припомнил, при каких обстоятельствах он нанял его.

— Да, теперь я вспомнил, — сказал он, — ты далматинец-негодяй, которого мне рекомендовал мой приятель Бернарди, ведь так?

Зануккио с достоинством поклонился.

— Да, это я, ваше сиятельство.

— И ты сделал то, что я тебе приказал?

— Все сделал: мои друзья — теперь ваши друзья за какие-нибудь десять дукатов в неделю. Не беспокойтесь об этом: я, Зануккио, уже похлопотал обо всем.

— Какая услужливость! Что же, ты разбудил меня, чтобы сообщить мне об этом?

— Я осмелился нарушить покой вашего сиятельства, чтобы доложить, что граф отправился в церковь. Если ваше сиятельство даст себе труд вспомнить, то...

— Да, Зануккио, я помню, что приказал тебе уведомить меня об этом. А теперь принеси мне сейчас горячей воды. Я пойду за графом.

— Я так и думал, что ваше сиятельство последует примеру этого достойного молодого человека. Но я еще должен доложить вам об одном обстоятельстве, ваше сиятельство.

— В чем дело?

— Весьма известный портной, за которым вы изволили посылать вчера, прибыл и горит нетерпением снять мерку с вашего сиятельства.

Вильтар вскочил с постели и стал поспешно одеваться. Один из его приятелей рекомендовал ему этого странного слугу, наполовину итальянца, наполовину славянина, и он взял его по той причине, что считал более верным находиться под присмотром одного негодяя, чем многих. Пышные фразы Зануккио, которым он выучился, пресмыкаясь при нескольких восточных дворах, несказанно смешили его, и он был уверен, что небольшая сумма, которую он пожертвовал друзьям этого негодяя, будет служить ему более действенной защитой, чем пропускной лист самих инквизиторов. Далматинец знал положительно всех в Венеции, биография каждого мало-мальски известного лица была ему знакома во всех подробностях, и тот, кому он прислуживал, мог считать себя в безопасности от случайных нападений. Несмотря на это, однако, его присутствие могло действовать компрометирующим образом и невольно бросалось всем в глаза, так как он питал пристрастие к живописному и яркому наряду и обладал неистощимым запасом различных тем для разговора, чем мог бы привести в отчаяние человека, любящего одиночество и молчание. В болтливости его Вильтар

имел случай убедиться, как только покинул гостиницу «Белого Льва» и направился через площадь в тот собор, где находился Гастон. Зануккио готов был рассказать ему историю каждой колонны, более или менее правдоподобную и остроумную, только бы у него была охота слушать его.

— Вон там, милорд, эти две колонны...— начал он.

Но Вильтар перебил его словами:

— Зовут их «осторожность» и «говори, когда тебя спрашивают». Пожалуйста, запомни это, Зануккио.

Старик с удивлением взглянул на своего господина: в первый раз он видел иностранца, который нисколько не заинтересовался колоннами Святого Марка.

— Но, ваше сиятельство...— начал было он.

— Молчать, Зануккио, и жди, пока я заговорю с тобой. Так ты говоришь, что граф в соборе?

— Да, он в соборе, который раньше когда-то был часовней во дворце герцога. И, если позволите, ваше сиятельство, я осмелюсь обратить ваше внимание на то, что земля, на которой мы теперь стоим...

— Убирайся к черту, старик!

— Я следую за вашим сиятельством.

Вильтар рассмеялся на этот дерзкий ответ и спокойно пошел дальше по направлению к собору. Солнце еще не взошло, и почти во всех окнах еще горели огни, на улицах было темно и пустынно, и только изредка мелькали темные фигуры, завернутые в плащи и направлявшиеся в запертые еще лавки или в церкви. В этот ранний час на улицах Венеции не было еще никаких признаков того волнения и беспокойства, которые охватывали ее в часы досуга; колокола звучали не менее мелодично от того, что французы уже перешли горы; жены рыбаков были так же многочисленны, как всегда на рынках, и крики их раздавались не менее оглушительно, как всегда, как будто они и не задумывались над тем, как жалок их сенат, как ужасна сила инквизиции в их городе. Город просыпался в своей обычной деятельности, как будто впереди ему не грозило нечто ужасное. Вильтар прошел незамеченным, благодаря темноте, а отчасти и тому, что на нем был темный плащ, делавший его неузнаваемым; никто не обращал на него внимания, каждый торопился в церковь или молиться, или поспеть туда на свидание. И Вильтар невольно удивлялся, видя этот народ, назначавший лю-

бовные свидания в церквах до восхода солнца. Он остановился у одной из колонн и огляделся внутри собора. Вдали где-то раздавалось пение монахов и шла служба, и перед одним из алтарей горело несколько свечей, все остальное пространство было погружено в глубокий мрак, так что Вильтар решился наконец пройти почти к самому алтарю, где он и увидел в скором времени своего приятеля.

Гастон стоял на коленях перед алтарем, погруженный, по-видимому, в молитву, а рядом с ним, так близко, что он мог бы дотронуться до нее рукой, стояла Беатриса, маркиза де Сан-Реми. Она держалась просто, но с большим достоинством и с серьезностью, не соответствующей ее молодости.

Если бы Тициану или Беллини понадобилась модель для изображения Мадонны, лучшего лица, чем у маркизы, трудно было найти для этой цели. Ее классический профиль смягчался глубокой женственностью, прелесть ее опущенных глаз и наклоненной головы не поддавалась никакому описанию. Но, если бы эти глаза открылись и веки, скрывавшие их, приподнялись, красноречие и выразительность этих глаз поразили бы всякого; несмотря на искусство, с которым она владела своим языком, оно далеко уступало перед тем, что могли бы сказать ее глаза. Вильтар смотрел на нее и любовался ею, вполне понимая, что слухи, ходившие о власти и о могуществе этой женщины, не могут быть преувеличены. Она была закутана в испанскую темную мантилью, скрывавшую ее стройные руки; казалось, она так погружена в свое молитвенное созерцание, что видит перед собой только фрески алтаря и статуи святых, смотревших на нее, но в ту минуту, как священник сказал: «Мир с вами!», — черные глаза ее широко открылись и блеснули в сторону молодого графа, стоявшего рядом с ней, и в этом взоре было выражено все, что может сказать женщина в подобные минуты. Вильтару показалось, что луч солнца осветил сразу всю церковь. «Я говорил, что в дело замешана женщина», — подумал он про себя.

И вот перед глазами его началась обворожительная комедия. Каждый раз, когда священник говорил «мир с вами», черные глаза открывались и озаряли своим светом стоявшего рядом графа, но все это делалось так незаметно, что никому и в голову не пришло бы, что

движение этой чудной головки, этих дивных глаз преднамеренно и заранее рассчитано. Он ясно видел, что и граф отвечает тем же своей обворожительной соседке, и с восторгом наблюдал за игрой этих двух искусных актеров. Как все было рассчитано у этой красавицы, которая во все время службы только четыре раза поднимала голову и открывала глаза и по окончании службы сейчас же покинула собор, как будто Гастон никогда и не существовал для нее. Но она все же не обманула Вильтара, его невозможно было ввести в заблуждение, он ясно видел каждое ее движение и улыбаясь сказал себе: «Вот как, она бросила на пол розу, скоро у нас будет дома целый ботанический сад».

Он дал Гастону время выйти из собора и затем последовал издали за ним, подозревая к себе Зануккио.

— Кто эта женщина, Зануккио? — спросил он.

— Это — очень важное лицо в Венеции, ваше сиятельство, это — сестра лорда Цорци.

— Как ее зовут?

— Ее зовут маркиза де Сан-Реми. Она живет в старом доме «Духов» близ церкви Святого Захария. Дом этот построен еще в царствование светлейшего...

— Ради Бога, замолчи! Кто эта женщина и где ее муж?

— Я уже докладывал вашему сиятельству, что это Беатриса, сестра лорда Цорци. Что касается ее мужа, он умер, и почему я могу знать, где он находится?

— Значит, она вышла замуж за француза?

— Да, за маркиза де Сан-Реми, посланника его величества короля французского при дворе нашего светлейшего принца Паоло Рение; у Сан-Реми на дверях молоток, сделанный самим Сансовино, ваше сиятельство.

Зануккио с удовольствием выложил все эти сведения и с особенным удовольствием повторил, как бы про себя: молоток, сделанный Сансовино! Вильтар же глубоко задумался, стараясь вспомнить обстоятельства, сопровождавшие назначение Сан-Реми посланником в Венецию.

— Сан-Реми, Сан-Реми! Да, теперь я помню, его послали сюда из Лиона. Сколько лет от роду она вышла замуж, Зануккио?

— Она вышла замуж шестнадцати лет и прожила с мужем два года во Франции. Теперь ей не больше

двадцати трех, если только можно верить женщинам, ваше сиятельство.

— Да, это верно, Зануккио. Женщина молода до тех пор, пока может причинять кому-нибудь зло, а когда она не в состоянии его больше причинять,— она стара. Она богата, эта Венера?

— Она так богата, что самая дешевая драгоценность ее дома могла бы доставить мне возможность пить целый год кипрское вино. Маркиз ведь недаром купил эту Беатрису Цорци, да к тому же она потом получила хорошее наследство. Во дворце ее висят картины всех наших великих художников, есть даже картины, писанные Тицианом в...

— Да, да, множество дорогих картин и других драгоценностей, но что ты скажешь про ее политические убеждения, Зануккио? Любит ли она моих соотечественников?

— Она так их любит, что, если находят повешенного француза, обыкновенно говорят: этот человек обедал вчера у маркизы де Сан-Реми. Подумайте, как неблагодарны бывают женщины, ваше сиятельство. Ваша республика обезглавила ее мужа, бывшего на тридцать лет старше ее, а она благодарит вас тем, что бросает трупы ваших соотечественников в канал перед своими окнами.

— Ничего, мы дадим ей урок, Зануккио, и, надеюсь, скоро. Позови мне теперь гондолу, я хочу ехать в дом «Духов». Ведь так зовут дом, в котором она живет?

— Да, это — старый дом, в городе только два дома и носят такое название. Только я бы не советовал вашему сиятельству ехать туда, даже я не в состоянии защитить вас там.

— Не беспокойся. Я слишком дорожу своим горлом и не люблю воды. Но пусть гондольер едет прямо к ее дому, я хочу осмотреть его.

По знаку Зануккио к ним быстро приблизилась гондола, и несколько минут спустя они уже отчалили от площади и подъезжали к городскому саду и к церкви Святого Захария. Утренний туман уже успел рассеяться, и яркое солнце заливало своим теплым светом голубые воды лагун и темные гондолы, скользящие по ним. Вильтар, очарованный представлявшейся его глазам картиной, которую он видел в первый раз в своей жизни, с удовольствием облокотился на мягкие

подушки гондолы и на минуту предался самым приятным размышлениям. Зануккио, однако, не выдержал долгого молчания и прервал его объяснениями и рассказами истории прелестной церкви Святого Захария, но Вильтар резко перебил его вопросом:

— Чья это гондола стоит у подъезда дома, Зануккио?

Старик вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть гондолу, но не успел он промолвить и слова, как его господин уже сам ответил за него:

— Да ведь это и есть сама леди Беатриса, она остановилась у своего дома?

Зануккио подтвердил догадку Вильтара, хотя, по-видимому, был очень недоволен тем, что господин его и на этот раз обошелся без его помощи. Он не мог удержаться от того, чтобы не прибавить:

— Взгляните на художественную отделку фасада дома, ваше сиятельство.

— Меня совсем не интересует фасад дома, мой друг,— перебил его Вильтар,— лучше спрячь, пожалуйста, свою уродливую голову, чтобы не напугать маркизы. Так ты говоришь, что это второй дом от второго моста, с двойной бронзовой дверью?

— Да, и молоток на ней работы Сансовино, ваше сиятельство.

— Ладно, ну, а теперь можешь доставить себе удовольствие, старик. Покажи мне хорошенько весь город и главным образом проводи меня туда, где бы можно было хорошо пообедать... Подобное поручение, наверное, пришлось тебе по вкусу, Зануккио?

Старик испустил крик радости и сейчас же поспешно велел гондольеру повернуть по направлению Риальто и дворцов. И, никем не сдерживаемый, он принялся болтать теперь без умолку, но Вильтар даже не слушал его болтовни, он думал теперь только о том, что первой его заботой будет не забыть про дом с двойной бронзовой дверью и с хорошенькой хозяйкой. Когда часам к двум он вернулся в гостиницу «Белого Льва» и спросил там своего друга Гастона, ему сообщили, что граф еще не возвращался. Тот же ответ был ему дан и немного позже, когда он опять повторил свой вопрос, таким образом прошел целый день, и Гастон не явился и к ночи; сначала Вильтар только слегка удивился этому, потом серьезное беспокойство охватило его.

— В дело действительно замешана женщина,— говорил он себе,— и, к сожалению, такая женщина, которая охотно заботится о том, чтобы мои соотечественники незаметно исчезали с лица земли.

IV

Между тем вот что случилось с Гастоном, графом де Жоаезом. Проведя все утро в хлопотах об участии своих соотечественников и исполняя этим миссию, с которой он и был послан Бонапартом в Венецию, он наконец зашел к Флориану позавтракать. Он уже собирался выйти из ресторана и отправиться в гондоле к себе в гостиницу, как вдруг одна из девушек Св. Марка (они целыми дюжинами сновали вокруг ресторана) подошла к его столу и мимоходом бросила ему на скатерть белую розу, взглянув на него в то же время многозначительным взглядом, и затем быстро скрылась, звонко смеясь и радуясь, очевидно, своей находчивости. Гастон, только третий месяц проживавший в Венеции, однако уже настолько изучил ее нравы и настолько был опытен в подобных любовных выходках, что, нимало не медля, с самым равнодушным видом быстро накинул салфетку на розу и затем незаметно спрятал ее у себя на груди под плащом. Заплатив по счету и надев свою шляпу, он вышел затем не торопясь из ресторана и с видом гуляющего человека вошел в ближайший узкий переулок, где, осмотревшись во все стороны и убедясь, что за ним никто не следит, он осторожно вынул свою розу и стал внимательно осматривать ее. Он несколько не сомневался в том, что цветок содержит в себе какое-нибудь послание, и действительно, оборвав осторожно все лепестки, он нашел внутри нее тонкий клочок бумаги, на котором было написано:

«Сегодня в шесть часов на Riva degli Schiavoni с вами будет говорить друг».

Гастон разорвал бумагу на мелкие клочки и пустил их по ветру, затем медленными шагами побрел назад, задумавшись так глубоко, что не замечал, как толкает прохожих, громко ворчавших что-то насчет невежества французов. Зная прекрасно, какой опасности подвергались все французы на улицах и на каналах Венеции, он первым же долгом подумал о том, что эта запи-

ска — хитрая западня, в которую его хотят завлечь, чтобы легче покончить с ним. Чувство самосохранения подсказывало ему, что он никоим образом не должен идти на место назначенного ему свидания, но, к сожалению, он был молод и скорее склонен к тому, чтобы руководствоваться тем, что ему подсказывали собственные желания, чем тем, что ему предписывала простая осторожность.

Он рассуждал так:

— Я — солдат, и в своей жизни знал немало женщин. Послание это, без всякого сомнения, исходит от маркизы, так как белая роза — ее эмблема. Я готов доверить ей свою жизнь с полным убеждением, что она не предаст меня. Стоит только взглянуть в ее глаза, чтобы убедиться в чистоте ее намерений. Она должна быть уверена, что я бы сам воспользовался первой возможностью быть представленным ей; по-видимому, у нее есть важные причины сделать в этом направлении самой первые шаги. По-моему, дело может касаться только моей личности, может быть, даже моей жизни. Говорят в Венеции, что она очень не любит французов, но здесь говорят так много неправды, что я поверю этому только по собственному опыту. Кроме того, маркиза находится в самых лучших отношениях с некоторыми людьми, которые могут быть нам очень полезны, как, например, этот старый негодяй Лоренцо. Может быть, она считает, что лучше нам по виду оставаться чужими друг для друга; а если она хочет сообщить мне что-нибудь важное, что может быть полезно генералу Бонапарту, то мой прямой долг — идти на это свидание.

О собственном желании увидеться с Беатрисой он старался даже не думать. Если мужчина очень стремится увидеть какую-нибудь женщину и убежден в том, что это крайне неосторожно с его стороны, он никогда не сознается, что идет на свидание только потому, что ему этого хочется. Так же было и с Гастоном: он старался уверить себя в том, что исполняет только свой долг по отношению к родине, а между тем сердце его трепетало от радости при мысли, что он наконец очутится лицом к лицу с Беатрисой в ее собственном доме.

Гастон целый день раздумывал о том, как бы скрыть это приключение от Вильтара, который, он чувствовал это, следит за каждым его словом, за каждым поступком. Он решил в этот день вовсе не показыва-

ться в гостиницу «Белого Льва» и целый день провел или на улице, или в ресторанах, где отыскивал своих друзей и узнавал от них последние новости относительно всех членов их небольшой французской колонии. Без четверти шесть он сел в гондолу и через пять минут был уже у Riva degli Schiavoni.

В это время ночь уже спустилась на землю, и отблеск огней ярко отражался в темных водах лагуны. Безоблачное небо было так ясно, что предвещало ослепительную луну, а пока все оно было покрыто яркими звездами, сверкавшими, как золотые лампы над куполами церквей. Гастон любил Венецию, она становилась ему дорога, благодаря своей волшебной красоте; особенное впечатление производила она в сумерки, когда темнота надвигалась на нее со всех сторон, когда по улицам мелькали таинственные, закутанные в плащи силуэты, когда везде кругом чудилось что-то таинственное и страшное. Для Гастона в эту минуту эта тишина, этот мрак были полны одним — видением леди Беатрисы; он слышал ее голос, видел перед собой ее очаровательное личико. Что бы ни случилось потом, сегодня по крайней мере он будет говорить с ней, дотронется, может быть, до ее руки, что будет дальше — не все ли равно?

На Riva degli Schiavoni царило еще оживление: нагруженные носильщики переносили тяжести с небольших судов на сушу, моряки разных национальностей переругивались на различных языках или же шумной толпой отправлялись в ближайшие питейные дома; хорошенькие девушки смеялись и кокетничали на террасах кофеен или толпились у мраморных ступеней мостов, но среди них, однако, Гастон все еще не видел той, которая бросила на стол белую розу. Прошло четверть часа, а ее все еще не было. Гастон начинал терять терпение; он стал мало-помалу убеждаться в том, что над ним или посмеялись, или он попал в западню, от которой его не спасет ни его храбрость, ни шпага, на рукоятку которой он опирался; он хорошо знал, что в этом мраке совершаются злодеяния, которые так и остаются навсегда не раскрытыми. Многие из его друзей отправлялись на такие свидания и никогда не возвращались больше назад, а тела их находили потом или в темных водах каналов, или же пригвожденными к дверям домов. И какое право имел он, со-

бственно говоря, верить почему-то в преданность чужой ему женщины? Конечно, никакого, и, говоря себе это, он поднял голову и вдруг увидел перед собой ту, которую он так ждал в эту минуту.

К ступеням лестницы, около которой он стоял, подъехала гондола, и при свете факела, мелькнувшего на одну секунду, он увидел смеющееся личико девушки, бросившей ему белую розу в ресторане Флориана.

Он удивился тому, как быстро рассеялись все его подозрения и мрачные мысли при виде этой веселой фигурки, и, недолго думая, он спустился вниз к воде и сел в гондолу. Девушка все еще продолжала смеяться, когда он уселся рядом с ней на скамье, и черные глаза ее лукаво сверкали и светились даже в темноте. Не говоря ни слова, оба они сидели молча рядом, пока гондола быстро плыла по темным водам канала и наконец решительно завернула к тому месту, где вдали виднелась купола церкви Святого Захария. Тогда наконец Гастон заговорил со своей веселой соседкой.

— Мы, как видно, приближаемся к цели, синьорина, — сказал он.

— Да, синьор, каждое путешествие приближает всегда к цели.

— Но мне хотелось бы раньше узнать, в чем дело.

— Вы узнали уже все через белую розу, синьор.

— Язык белой розы незнаком мне, синьорина, хотя мне и знакома эта эмблема, так как я нахожусь тут рядом с вами, как видите, и нахожусь в вашем полном распоряжении. Не забудьте только, что вы видите жаждущего перед собой.

— Мужчины всегда чего-нибудь жаждут, синьор, и не позволяют нам забывать об этом.

— Я во всяком случае смиренно преклоняюсь перед вами, синьорина, и всецело вручаю свою судьбу в ваши руки.

— Я ценю это и поэтому направляю вас в дом, где цветут белые розы, синьор.

Она рассмеялась веселым, как бы победным смехом, который слегка покоробил Гастона, но он все же решил довести приключение до конца, каков бы ни был этот конец. Да к тому же они уже успели подъехать к дому, и гусар, подняв голову, увидел прямо перед собой двойные бронзовые двери, а позади них, так как они были полуотворены, виднелась мраморная лестни-

ца, покрытая пурпуровым ковром. Нечего и говорить, что он уже достаточно долго пробыл в Венеции, чтобы сразу понять, кому принадлежал этот дом. Это — дом «Духов», сказал он себе, и там, где-то в комнатах, его уже ожидает она, маркиза де Сан-Реми. Гастон не был бы мужчиной, если бы его не тронула честь, которую ему оказывала самая прелестная, самая влиятельная женщина всего города. Он положительно не мог выговорить слова от волнения, пока шел вверх по лестнице за лакеем, который поспешил закрыть за ним тяжелые бронзовые двери. Никогда не думал он, что интрига, завязавшаяся в церкви от безделья, могла кончиться для него, может быть, самым серьезным образом. Он не спрашивал себя уже больше, куда приведет его судьба, он думал только о том, что эта женщина, по видимому, полюбила его, и он своею жизнью готов был защищать теперь ее честь.

Наверху его встретили еще два лакея, и наконец третий провел его в салон самой хозяйки дома. Гастон думал, что его примут в большой гостиной в нижнем этаже, как это предписывает обычай в Венеции, но в этом он ошибся, так как лакей повернул налево от лестницы (дурное предзнаменование) и, пройдя пустой и довольно длинный коридор, открыл тяжелую дверь в конце его и затем через вторую дверь ввел его в роскошно обставленное, уютное гнездышко, подобного которому гусар еще не видал на своем веку. Все здесь было французского производства, за исключением высоких хрустальных канделябров и хрусталя, расставленного на буфете, работы Беровиеро, некоторые из ваз были бесценны по своей редкости. Гастон смело мог вообразить, что он находится в одной из маленьких гостиных Версали или Фонтенебло: так все здесь напоминало ему Францию. Каждая подробность отделки комнаты, чудные фрески на потолке и на стенах свидетельствовали в то же время, что хозяйка обладала не только тонким и изящным вкусом, но и большими средствами, которые могли удовлетворить ее потребности. Здесь, как и в зале внизу, горели везде восковые свечи, бросавшие мягкий свет на собранные тут сокровища, густые ковры заглушали шаги, и толстые драпри на окнах не допускали почти ни малейшего шума с улицы. Гастон, внимательно оглядевшись кругом, увидел, что посередине комнаты стоит накрытый стол, и крайне удивился то-

му, что на нем только один прибор: гостей здесь, по-видимому, не ждали. Удивленный этим, он обернулся к слуге и спросил:

— Ваша госпожа ожидает меня?

Молодой человек, к которому он обратился с этими словами, мало походил на лакея: его бледное лицо было очень осмысленно и красиво, манеры его были изысканны и платье хорошо сшито и не похоже на ливрею.

— Ваше сиятельство ожидают. Прикажете подавать ужин?

— Дорогой мой, я пришел сюда не для того, чтобы ужинать, как вы легко себе это можете представить. Доложите маркизе, что я здесь и горю нетерпением предстать перед нею.

Молодой человек подошел к окну, задернул немного плотнее драпри и ответил:

— Я доложу ее сиятельству. А пока, ужин готов, и если... впрочем, вашему сиятельству стоит только позвонить.

Он жестом указал на шелковый шнур от звонка, висевший по левую сторону камина, и поставил стул к столу, затем, поправив одну из свечей, юноша направился к двери и еще раз повторил:

— Будьте здесь, как дома, ваше сиятельство.

— С большим удовольствием.

— Приказывайте нам, что угодно.

— Я уже сделал это, доложите своей госпоже, что я здесь.

Юноша поклонился и вышел из комнаты. Гастон, взволнованный немного подобной встречей, но уверенный, что он скоро увидит маркизу, принялся ходить взад и вперед по комнате, причем изредка бросал критический взгляд на себя в одно из многочисленных зеркал, украшавших комнату. Отражение в нем каждый раз наполняло гордостью его сердце, так как действительно он обладал лицом, заставлявшим биться не одно женское сердце в Венеции, но до сих пор он не обращал на это никакого внимания, так как все мысли и помыслы его были обращены на то, как бы лучше исполнить миссию, возложенную на него Бонапартом. Ему только что исполнилось тридцать лет, и лицо его носило еще совершенно юношеский облик, между тем как его шелковистые светлые волосы (со времен революции косы были уже не в моде) красиво обрамляли его

высокий белый лоб. Глаза его были почти так же темны, как у леди Беатрисы, и вообще, что уже было замечено многими, оба они походили несколько друг на друга, так что можно было принять их за сестру и брата. У обоих были открытые красивые лица, которые невольно возбуждали к себе доверие. Гусарская форма, которую носил Гастон, также прекрасно оттеняла его свежий цвет лица, а короткий плащ делал еще более широкими его могучие плечи и выказывал стройные сильные ноги, привыкшие к тяжелой походной жизни. Это был человек, которого нельзя было не заметить, и, не лишенный известного самолюбия, как и все мужчины, он с удовольствием смотрел на свое отражение в зеркале и все больше удивлялся тому, почему маркиза заставляет его ждать так долго. Так прошло полчаса, наконец ему надоело ждать, и он позвонил, немедленно вслед за звонком в комнату вошел опять тот же молодой человек.

— Ну,—спросил его Гастон,—что же, доложили вы своей госпоже обо мне?

— Я не мог исполнить вашего приказания, ваше сиятельство: моя госпожа только что уехала во дворец Бурано к лорду Лоренцо.

Гастон стоял пораженный, но удивление его было смешано с известной долей юмора.

— Ваша госпожа во дворце Бурано, но в таком случае зачем же вы заставляете меня ждать здесь?

Юноша опустил глаза и произнес нерешительно:

— Госпожа моя скоро вернется, ваше сиятельство.

— Хорошо, нечего сказать. Но разве ее задержат там так долго?

— Без сомнения, лорду, вероятно, о многом надо переговорить с ней.

— Но разве это все, что вам надо было мне сказать? Мне почему-то кажется, что вы что-то скрываете от меня.

Юноша сделал шаг вперед и, заглянув Гастону прямо в лицо, сказал:

— Маркиза желает, чтобы этот дом на время стал и вашим домом, ваше сиятельство.

Гастон откровенно рассмеялся. Если бы молодой человек сказал ему: «Пожалуйста, возьмите дом «Духов» с собой и сохраните его на память о нас»,—он не был бы больше удивлен. Можно ли было сделать более

оригинальное предположение, чем то, что бы он, посол генерала Бонапарта, ненавидимый всеми, оставался под итальянской кровлей? Но во всяком случае не пу-скаться же в рассуждения с лакеем, он только заметил ему:

— Пожалуйста, передайте мой привет маркизе и скажите, что я, к сожалению, не могу воспользо-ваться ее гостеприимством. Лучше, если бы она была от-кровенна со мной с самого начала. Пожалуйста, вызо-вите мою гондолу.

Он взял свой плащ и свою шпагу, говоря это, и со-бирался выйти из комнаты, когда юноша проговорил тем же мягким и почтительным тоном:

— Значит, ваше сиятельство не прочитали письма? Гастон остановился в изумлении и спросил:

— Какое письмо?

— Письмо от маркизы, ваше сиятельство, вон оно лежит на столе.

Он не видел его, хотя оно все время лежало на ска-терти обеденного стола. Гастон порывисто схватил пи-сьмо, разорвал конверт и начал читать с лихорадочной поспешностью.

«В оправдание моего поступка, благодаря которому вас хитростью заманили в мой дом и приняли таким странным образом, я могу сказать только одно: я это сделала ради вашей личной безопасности и ради чести и спасения моего города, к которому я привязана всем сердцем. Так как настал час истины, я должна сказать вам прямо, что только в моем доме вы можете найти надежное убежище в эту ночь, только в нем одном вы найдете защиту от людей, которые ищут вашей смерти и решили сегодня ночью покончить с вами. Оставайтесь в нем, милорд, заклинаю вас, пока не минует крайняя опасность и пока я не найду средств как-нибудь иначе добиться вашей безопасности. Если вы непременно хо-тите предупредить своих друзей о том, где вы находи-тесь, доверьтесь моим слугам и пошлите известие об этом кому найдете нужным, помните только, что чем меньше людей будет знать об этом, тем более безопас-но будет это убежище. Умоляю вас, милорд, уничтожь-те это письмо, как только прочтете его. Я прибегла к помощи письма только оттого, что в данную минуту не могла поступить иначе, верьте моей бескорыстной преданности. Беатриса маркиза де Сан-Реми».

Первым движением Гастона по прочтении письма было сложить его аккуратно и немедленно сжечь на одной из свечей. Покончив с письмом и бросив пепел его в камин, он оглянулся и вспомнил, что не один в комнате; он увидел, что глаза юноши устремлены на него, но он прочел в них полное одобрение своему поступку и убедился из этого, что ему известно содержание письма. Тогда Гастон спросил его:

— Как вас зовут, юноша?

— Меня зовут Галла, Джиованни Галла, ваше сиятельство.

— Вы уже давно служите у ее сиятельства?

— С самого детства, синьор, я был с ней и во Франции.

— Значит, вы — верный слуга?

— Надеюсь, что я заслуживаю это название, синьор.

— Я вижу, что вы довольны моим поступком, друг Джиованни, не так ли?

— Это дело не касается меня, синьор, но если хотите знать мое мнение, то вы поступили очень умно.

— Вы довольны, что я сжег письмо маркизы?

— Да, ваше сиятельство, нет писем, настолько драгоценных, чтобы уничтожение их не служило нам на пользу.

— Я вижу, вы дипломат. Я еще предложу вам один вопрос: если бы вы были на моем месте, Джиованни, что бы вы сделали?

— Я приказал бы подать себе ужин, ваше сиятельство.

— Совершенно верно. Пускай подадут. Пусть подадут вам ужин, Джиованни, а мне гондолу. Не так ли?

— Нет, ваше сиятельство, ужинайте вы, а потом оставайтесь здесь. Зараз можно делать только одно дело, синьор.

Гастону понравились его ответы, он сел за стол и велел подавать себе ужин, который оказался достойным такого дома, как дом маркизы. Сначала подали прекрасно приготовленного головля, потом очень вкусный суп из овощей, затем миног из Бинека, диких уток из Догадо, всемирно известную телятину из Киоджиа, перепелов из Ломбардии и, наконец, знаменитый сыр из Пиачерица. Вино подавали красное и белое, первое — производства Капри, второе — венгерского про-

исхождения, очень распространенное во всей Венеции. Вместо десерта, так как фруктов в то время года уже не было, подали засахаренный виноград и апельсины и, наконец, флягу мараскино из Цары. От последнего, однако, Гастон отказался и, обращаясь к одному из лакеев, прислуживавших ему, приказал подать себе гондолу. Слуги молча удалились из комнаты и закрыли за собой двери.

Надо сказать, что Гастону даже и в голову не приходило оставаться дольше в доме «Духов». До тех пор, пока он рассчитывал познакомиться ближе с хозяйкой дома и насладиться ее обществом, он ничего не имел против своего пребывания в этом доме, но, как только он понял, что маркиза хитростью завлекла его сюда, он совершенно забыл о ней и о ее красоте и думал только о том, чтобы остаться верным своему долгу по отношению к Бонапарту; для этого, конечно, он должен был как можно скорее снова очутиться на свободе. Тот факт, что она предупредила его об опасности, глубоко тронуло его, и он собирался поблагодарить ее за это при первой же возможности. Ему хорошо были известны опасности, которые подстерегали его на темных водах канала: недаром трупы его друзей свидетельствовали об этом, но за себя лично он не боялся и даже, пожалуй, охотно встретился бы с врагами лицом к лицу. Главным образом его озабочивала теперь мысль, что он должен спешить к Вильтару и сообщить ему и другим своим соотечественникам о грозящей ему опасности.

Он обязан был это сделать, так как недаром Бонапарт поручил ему следить за безопасностью его соотечественников: они должны были знать, что, может быть, скоро лишатся его.

Прошла четверть часа, а слуги все еще не возвращались; он наконец потерял терпение и снова позвонил изо всех сил.

На этот раз звонок его остался совершенно без ответа. Ни единого звука не было слышно в доме. Гастон быстро накинул свой плащ и направился к дверям, намереваясь узнать лично, в чем дело. Он подошел к дверям комнаты, открыл их и очутился в темной передней; пришлось вернуться в комнату и взять с собой свечу, но, когда он подошел к тяжелой двери красного дерева, ведущей из передней и коридор, и взялся за ручку ее, он

убедился, что дверь заперта, и он очутился, таким образом, пленником в этом доме.

Он вернулся опять в салон и поставил свечу на камин. В душе он чувствовал, что невольный страх сжимает его сердце, но с виду он был совершенно спокоен, руки его не дрожали, мысли не путались. Он понял, что попал в западню, и в западню, расставленную ему женщиной. Неужели Беатриса могла предать его? Ему не хотелось верить в это, но невольно сомнение закралось в его душу, недаром он знал, сколько его соотечественников погибло таким образом бесследно в темных итальянских домах, куда их заманивали хитростью. Он знал хорошо, что услуги, которые он постоянно оказывал всем французам, заботы его о них хорошо были известны сенату, и он понимал, что инквизиторы уже давно мечтают о том, как бы навсегда отделаться от него, но неужели Беатриса согласилась быть орудием в их руках? Неужели он мог ошибиться в этой женщине, которая произвела на него такое глубокое, неизгладимое впечатление?

Он поставил свечу на место и стал внимательно прислушиваться. Затем он снова оглядел всю комнату, на этот раз уже гораздо внимательнее, и заметил еще дверь, которая раньше как-то не бросилась ему в глаза. Теперь он подошел к ней, отворил и очутился в следующей комнате, немного поменьше первой, обставленной тоже во французском вкусе и освещенной множеством восковых свечей. Посередине комнаты стояла кровать, немного подальше виднелся письменный стол-буль, кругом стояли шкафы с книгами в чудных переплетах, все вещи были почти художественной работы, и отделка многих из них была из серебра. Но все эти признаки роскоши интересовали Гастона гораздо менее чем те приготовления, которые были сделаны, очевидно, для его приема. Все, что могло понадобиться для туалета молодого человека из хорошего общества, все это было расставлено на столе у окна; на постели лежало приготовленное ему бархатное платье венецианского покроя, и Гастон невольно подумал про себя: «Она, видимо, очень желала бы сделать из меня венецианца», — но во всяком случае последнее обстоятельство значительно успокоило его относительно того, что она ничего худого не затевала против него, так как ни одна женщина не стала бы заботиться о наряде

мужчины, которого бы она собиралась утопить под окнами своего дома. Наоборот, он ясно понял, что она именно и приготовила ему это платье, чтобы легче было скрыть его и сделать неузнаваемым для других. Совершенно успокоенный всем этим, он подошел к одному из двух больших окон, освещавших комнату, и открыл его. Под окном он увидел дерево и сообразил, что оно выходит в сад, тут же он вспомнил, что дом «Духов» действительно был окружен с трех сторон садом, что составляло одну из его достопримечательностей. За стеной сада возвышался величественный купол церкви Святого Захария. Из этого он мог заключить, что стоило перелезть через эту стену, и он очутился бы на темном канале, ведущем по направлению к его дому. Раздумывая об этом, Гастон вдруг услышал голос человека, который, по-видимому, пел в гондоле, и голос этот был так странен, так немусыкален, что он невольно рассмеялся и сказал:

— Ну, это — Вильтар, только он один может петь так.

Появление его друга под окнами в канале удивило его больше чем что-либо, виденное им в этом доме.

V

На следующий день после приключения Гастона, бывшего с ним в доме «Духов», ровно в пять часов слуга вошел в библиотеку палаццо Бурано и доложил лорду Брешиа, что его желает видеть Жозеф Вильтар по очень важному и спешному делу. Очень удивленный этим неожиданным посещением и застигнутый врасплох, так как он не успел сделать всех нужных приготовлений, чтобы поразить ими посетителя, Лоренцо собирался уже велеть сказать, что его нет дома, но маркиза де Сан-Реми, присутствовавшая при этом, перебила его и велела просить посетителя. По уходе слуги завязался короткий, но горячий спор между Лоренцо и его гостьей, так что он даже не успел как следует задрапироваться в свой пурпуровый плащ; этого обстоятельства он никогда в жизни не мог потом забыть.

— Я положительно не могу принять этого человека, маркиза, — говорил он горячо, — ведь вы знаете, что я сегодня никого не принимаю.

— Но имейте в виду, милорд, что этот человек не придет уже к вам во второй раз.

— Если вы думаете, Беатриса, что будет умнее...

— Он уже идет по лестнице, милорд, принимайте скорее позу, я бы на вашем месте села, облокотившись на руку: это вам больше всего идет. Он, наверное, пришел сюда по делу Жоаеза. Будьте же тверды, Лоренцо, мы ничего не знаем об этом, ничего не слышали о нем.

Разговор на этом месте прервался, так как Вильтар уже входил в комнату своей осторожной кошачьей походкой. Он увидел лорда, восседавшего в своем кресле с чисто отеческим выражением лица, и маркизу, сидевшую у окна и как бы с благоговением прислушивавшуюся к словам своего почтенного родственника. Но Вильтара нелегко было обмануть подобными позами. Хотя он пробыл только двадцать четыре часа в этом городе, но он успел уже убедиться на деле, каким влиянием пользовалась здесь маркиза де Сан-Реми и каким умным государственным мужем считался всеми Лоренцо; он прекрасно понял с первой же минуты, что оба они уже приготовились, какой дать ему ответ.

— Сударыня,—сказал он, отвешивая низкий поклон маркизе,—я счастлив этой неожиданной встречей с вами, а что касается вас, милорд, я должен извиниться перед вами, что являюсь с грустным известием, но печаль моя так велика, что по-настоящему я бы мог даже не извиняться перед вами, так как я оплакиваю человека, которого любил как брата.

— Да, конечно, это ужасно,—промолвил Лоренцо и остановился нерешительно, встретив гневный взгляд широко раскрытых глаз Беатрисы; не зная, как вывернуться из неловкого положения, он не нашел ничего иного, как сказать:

— Вы говорите об отъезде генерала Бонапарта из Граца? Конечно, мы смотрим на этот факт с различных точек зрения. Что касается меня, я должен сказать, что как итальянец я могу этому только радоваться, вы видите, я честно и открыто говорю вам то, что думаю.

Слова эти очень понравились самому Лоренцо, и он с достоинством откинулся на спинку стула, наблюдая за тем, какое впечатление произвела его речь на Вильтара. Тот только улыбнулся отчасти презрительно, отчасти насмешливо и, не спуская глаз с Беатрисы, ответил Лоренцо:

— Честность — великая вещь, особенно в наше время. Если господин мой, генерал Бонапарт, и вышел из Граца и направился в Верону...

— Как в Верону? — воскликнул Лоренцо: — но ведь это преступление по отношению к нам!

— Это — вопрос дипломатии, милорд. Слово «преступление» может быть применимо теперь только в разговорах с женщинами. Но уж если говорить вообще о преступлениях, то, собственно говоря, ведь я и пришел сюда, чтобы сообщить вам о вопиющем преступлении. Ведь вы знали графа де Жоаеза, милорд?

Лоренцо посмотрел на Беатрису, быстрое и неровное дыхание которой не ускользнуло от наблюдательных глаз Вильтара, и, принимая небрежный вид, проговорил неохотно:

— Вы говорите о молодом французе, который совершенно неуместно взял на себя роль провокатора в нашем городе?

Вильтар отвечал совершенно спокойно, мягким голосом:

— Да, я говорю именно о нем — о флигель-адъютанте генерала Бонапарта, присланном сюда, в Венецию, когда ваша полиция уже не была больше в состоянии защищать жизнь и имущество моих соотечественников, живших здесь. Граф де Жоаез убит: его убили сегодня ночью недалеко от церкви Св. Захария. Мои слуги были свидетелями этого ужасного преступления, за которое дорого придется расплатиться впоследствии этому городу. Я пришел к вам первому рассказать об этом ужасном происшествии только потому, что много наслышан о вашем уме, о вашей мудрости. Я любил графа как родного брата, и я поклялся, что жестоко отомщу за него. Я пришел, милорд, сказать вам это, чтобы вы знали о моих намерениях.

На самом деле Вильтар пошел, конечно, во дворец Бурано только для того, чтобы узнать, известно ли леди Беатрисе что-нибудь о судьбе его друга, и, пока он говорил с Лоренцо, глаза его из-под опущенных век все время не переставали наблюдать за ней, и ни одно мимолетное даже выражение ее лица не ускользнуло от его зорких глаз. Сначала на лице ее выразилось самое искреннее удивление и даже ужас, но потом она, по видимому, обдумала все, взвесила все обстоятельства этого дела и совершенно успокоилась, даже улыбку-

лась и с веселым видом, в совершенстве владея собою, опять лениво откинулась на спинку своего стула.

— Я удивляюсь только тому,— произнесла она вслух,— что ваши слуги присутствовали при этом убийстве и не могли захватить преступников, чтобы предать их суду.

Лоренцо остался в восторге от этого вопроса: ему казалось, что он сам именно его-то и хотел предложить в эту минуту Вильтару.

— Да это просто невероятно,— воскликнул он,— никто не поверит подобной истории. Я уверен, что ваш приятель просто уехал на время из Венеции и вернется потом обратно. Я ведь не сторож ему, я не знаю, куда он ездит и зачем. Мы ведь сами были с вами когда-то молоды. Ведь, если мы на время отлучались из родительского дома, из-за этого не обвиняли потом целую нацию в неслыханном злодействе. Как видите, мы не особенно доверяем вашим словам.

В душе, конечно, лорд Брешиа ни одной минуты не сомневался в том, что графа де Жоаеза постигла печальная участь и что наконец-то он понес заслуженную кару за свое вмешательство в их дела. Человека этого он почти вовсе не знал и вряд ли бы даже узнал, если бы они встретились где-нибудь лицом к лицу, а поэтому не все ли равно, если какой-нибудь наемный убийца почему-либо покончил с ним и этим освободил сенат от злейшего врага? Что ему за дело до этого?

Жозеф Вильтар сидел молча и не спускал глаз с маркизы, наконец он снова заговорил:

— Недоверие еще не всегда является признаком мудрости, милорд, призываю маркизу в свидетельницы. Я уверен, что она — всецело на стороне убитого. Не так ли, сударыня? Ведь вы не согласны с милордом? Я вижу, что так, и это дает мне смелость сказать, что я могу только пожалеть Венецию, которая из-за такой грубой ошибки, в случае если мои слуги действительно ошиблись, должна будет так дорого поплатиться. Мне кажется, однако, что я не ошибаюсь, и когда сегодня вечером я буду писать генералу Бонапарту...

Он немного остановился, как бы ожидая, что леди Беатриса взглянет на него, и не обманулся в своих ожиданиях, так как она действительно быстро взглянула на него, и по глазам ее он сразу понял, что друг его в безопасности и находится в ее доме.

— Значит, вы будете писать генералу Бонапарту? — спросила она.

— Непременно, я должен во всем давать ему отчет. Недаром я считаю его величайшим воином нашего времени, который в скором явится сюда судить вас и ваш народ. Он первый должен узнать об этом ужасном убийстве, и я очень доволен, что могу сообщить ему об этом письменно, а не устно, так как гнев его, вероятно, будет ужасен. Что касается вас, милорд, я должен вас предупредить, что лучше для вас сейчас же принять все меры к выяснению загадочного исчезновения моего друга. Убийцы должны быть найдены, и возмездие должно совершиться. Я ни днем, ни ночью не буду знать покоя, пока друг мой не будет отомщен. Даю вам клятву в этом, а я не часто прибегаю к клятвам, маркиза. Милорд, я прошу вас, обратите внимание на мои слова и не забудьте их.

Он встал, чтобы уйти, но Лоренцо, который теперь только понял, как велика опасность, стал умолять его дать ему отсрочку и дать время узнать все подробно.

— Я не верю в это убийство,— говорил он, волнуясь,— по крайней мере, прошу вас, не пишите хоть сегодня генералу, дайте время навести необходимые справки. Ни один порядочный человек в Венеции не решился бы на подобный злодейский поступок. Я говорю это смело от имени всех граждан нашего города.

— Вы оправдываетесь и теперь, как и всегда, милорд, не забудьте, что за последнее время вам слишком во многом приходилось оправдываться. Когда генерал будет здесь, дай Бог, чтобы ваши оправдания спасли вас. Я бы со своей стороны посоветовал вам лучше заботиться о том, чтобы больше следить за безопасностью моих соотечественников и строже карать убийц их. Не забудьте об этом. А вам, сударыня, я скажу только одно: друг моего друга — опасный человек, помните об этом.

Он вежливо раскланялся и удалился, сопровождаемый Лоренцо. Выйдя на лестницу, он обернулся к нему и еще раз напомнил о том, что спасение Венеции в дружбе с Наполеоном; затем он заговорил самым равнодушным тоном о посторонних делах, чем поверг лорда Лоренцо в немалое удивление. И только на прощание он опять повторил, что требует узнать имена убийц, а также требует немедленного суда над ними.

— Сенат должен наконец примерно наказать за убийство француза,— прибавил он,— и чем скорее, тем лучше для вас.

С этими словами он вышел из дома и направился к своей гондоле.

Лоренцо, однако, не сразу вернулся к маркизе, он остановил своего слугу Ноэлло и сказал ему:

— Вот идет человек, без которого мы можем прекрасно обойтись.

Ноэлло, как верный слуга, сейчас же направился в кухню, где всегда сидело несколько человек «bravis», так назывались наемные убийцы, и повторил им многозначительно слова своего господина: «Вот идет человек, без которого мы можем прекрасным образом обойтись». Слова эти произвели огромное впечатление. Один из злодеев, по имени Цукка, бросился к окну, чтобы посмотреть на Вильтара, садившегося в эту минуту в гондолу, Лоренцо же в это время вернулся к Беатрисе и спросил ее, не знает ли она, что хотел сказать Вильтар словами: друг моего друга — опасный человек. Не намекал ли он этими словами на то, что именно она и есть этот друг, и знала ли она уже раньше хорошо этого Вильтара? Беатриса, которая в присутствии Вильтара только два раза открывала рот и все время сидела, погруженная в глубокое раздумье, вдруг вспыхнула и, стремительно обернувшись к Лоренцо, сердито проговорила:

— Я вовсе не желаю разгадывать загадки, милорд, и верьте, что вам нечего разыгрывать передо мной роль дельфийского оракула. Вы спрашиваете, знала ли я Вильтара,— я говорила вам, что знала его уже пять лет тому назад в Париже, он и тогда уже славился как лучший следователь и дипломат Франции, и если вы дорожите расположением Бонапарта, постарайтесь примириться с Вильтаром: можете быть уверены, что окажете этим огромную услугу нашей бедной Венеции.

— Если бы я повторил ваши слова и стал бы их отстаивать с народной трибуны, будьте уверены, что меня тут же повесили бы на первой колонне, Беатриса. Нет, дитя мое, мы будем тверды в своем решении, мы поднимаем брошенную нам перчатку и на угрозу отвечаем угрозами. Если даже граф де Жоазе убит, что же нам из этого? Неужели мы должны все стать полицейскими для того, чтобы следить за безопасностью французских

граждан? Я стою только за то, чтобы сенат высказал Бонапарту свое сожаление по этому поводу, и больше ничего; это тем легче сделать, что ведь мертвые не воскресают.

— Ну, смотрите, Лоренцо, не пройдет и нескольких недель, как вы будете рады отдать половину своего состояния, только бы видеть живым этого человека. Неужели вы думаете, что Бонапарт удовольствуется вашим сожалением в такую минуту, когда он уже почти подошел к воротам города, а вы можете выставить против него не больше сотни людей, готовых пролить кровь за свой город?

Лоренцо покачал своей мудрой головой и важно заметил:

— Вы—женщина, и многого не можете понять, Беатриса, тем более что, может быть, Вильтар и не будет в состоянии свидетельствовать против нас. Я взвесил все шансы за и против, и молчание этого человека уже принято мною во внимание.

— Милорд, вы всегда придумывали необыкновенно удачные планы. Приветствую ваше решение, но могу только сказать, что мне жаль вас, если вы высказали его действительно серьезно.

— Вы многого не понимаете,—повторил Лоренцо, думая о словах, сказанных им Ноэлло.

«Смешно было бы, если бы он не мог справиться с таким человеком, как этот Вильтар»,—рассуждал про себя Лоренцо. Он достал перо и бумагу и стал придумывать речь, которую он скажет в сенате после того, как будет приведено в исполнение задуманное им дело. Леди Беатриса, подсмеиваясь над ним в душе, стала деятельно помогать ему при составлении этой речи, в которой, между прочим, говорилось, что граф де Жоаез погиб вследствие того, что оказался изменником и принял на себя роль шпиона в Венеции. Беатриса, подсказывая Лоренцо что писать, в то же время думала про себя, как умно она поступила, заполучив Гастона к себе и этим обеспечив в будущем примирение с Бонапартом, которое только одно и могло спасти ее родной город от гибели.

Жозеф Вильтар покинул палаццо Бурано с легким сердцем, так как он убедился теперь в том, где находится его друг.

— Гастон в доме «Духов»,— сказал он себе,— прекрасное помещение, я с удовольствием бы поменялся с ним. Маркиза прелестна. Веласкес с удовольствием нарисовал бы ее головку, и весь Париж стал бы гордиться ею. Да, Гастон сумел устроиться очень хорошо, а те, которые говорят, что она жаждет крови моих соотечественников, отъявленные лгуны. Маркиза мне положительно понравилась. У нее царь в голове, глаза видят то, что надо видеть. Интересно знать, что она подумала обо мне. Мне кажется, что я не особенно понравился ей, но она решила задобрить меня, так как поняла, что я могу быть ей опасен. Гастон очутился в ее доме, чтобы спастись от убийц, подосланных этим стариком. Ужасный негодяй—этот старик, очевидно, он думает о себе, только о себе одном. Совести у него нет ни капельки; я видел, что, когда я уходил, он говорил что-то своему слуге, я нисколько не удивлюсь, если этот человек следит теперь за мной.

Гондола Вильтара в это время подплыла к площади, которую он должен был перейти, чтобы попасть к Флориану, где он рассчитывал поужинать. Кругом было темно, и жуткое чувство охватило его при виде мрачных теней, скользивших в этом темном пространстве. Он сожалел теперь о том, что оставил старого Зануккио дома, теперь бы тот пригодился ему; нечего и говорить, что Вильтар никогда не был трусом, но ему было неприятно сознавать, что голова его, вероятно, оценена, и за какие-нибудь двадцать дукатов ему придется погибнуть безвременною смертью. Ему было обидно, что он должен умереть только из-за того, что нанят какой-то убийца, что улицы худо освещены, что крик убиваемого никого не встревожит в этом городе. Вильтар сознавал, что он был неосторожен, и поэтому теперь удвоил свою осторожность и быстро двигался вперед, скользя между колоннами, стараясь держаться середины и чутко прислушиваясь к малейшему шуму. Большинство магазинов было уже закрыто к этому времени; пешеходы направлялись или в рестораны, или в оперу, или в театр Св. Луки. И много бы-

стрых черных глазок мимоходом поглядывало на него; при свете факелов он видел нередко перед собой стройные и изящные ножки и невольно с горечью думал о том, что даже близкое появление Бонапарта не может удержать венецианцев от стремления к развлечениям. Они женились и любили, посещали театры, играли в клубах, наполняли рестораны, нисколько не заботясь о завтрашнем дне; никто не задумывался над тем, что принесет ему в близком будущем безжалостная судьба. Венеция смеялась и ликовала на пути к полному разрушению, и она вряд ли бы даже стала потом сокрушаться о том, чего не могла спасти по своей бесхарактерности,— говорил себе Вильтар с глубоким презрением, и он невольно еще ускорил шаги, и мысли его снова вернулись к Гастону.

— Мой друг находится в полной безопасности; в доме «Духов» никто не тронет его; я очень рад, что обстоятельства так сложились. Я сегодня же напишу генералу Бонапарту и сообщу ему о том, что мы здесь можем ожидать всего худшего, это немного ускорит развязку. Наполеон, конечно, будет возмущен всей этой историей и поспешит явиться сюда; тогда эти трусы поплатятся наконец за ту двойную игру, которую они все время ведут с нами. Вместе с тем мне удастся таким образом заставить молчать маркизу и...

Тень, мелькнувшая на тротуаре, вывела Вильтара из сладкого раздумья; он опять вспомнил об опасности, угрожавшей ему в эту минуту, и решился приготовиться к ней. Он понял, что предположение его оправдалось на деле и кто-то из дворца Бурано идет следом за ним. Ему вспомнилось все, что он слышал о зверствах этих венецианцев, о том, как его друга Шатодена нашли пригвожденным к дверям дома; вспомнил многих других своих соотечественников, исчезнувших без следа в темных водах каналов; рука его невольно крепче сжала рукоятку кинжала, он ускорил еще шаги и даже не удивился тому, что так легко поддался на этот раз чувству безотчетного страха.

«Да, мне непременно следовало взять с собой Зануккио»,— думал он, рассчитывая все шансы за и против своего спасения.

Более молодой человек, пожалуй, предпочел бы выйти на освещенное место и, пожалуй, даже решился бы громко звать к себе на помощь, но Вильтар хорошо

знал итальянцев и знал, что они ненавидят французов, поэтому он рассудил очень умно.

«Хоть и сто человек теперь ужинают вот в том ресторане напротив,— сказал он себе,— но ни один из них не шевельнет и пальцем, чтобы спасти меня».

И действительно он был прав. Положение его было отчаянное, хотя недалеко он уже видел светлые огни у Флориана, и прямо перед собой увидел силуэты женщины и мужчины, шедших под руку и сопровождаемых из осторожности слугою, несшим факел. Вильтар еще ускорил шаги и постарался идти с ними рядом, но слуга, несший факел и узнавший в нем француза, грубо крикнул на него, чтобы он отошел.

Он иронически раскланялся с гнавшим его и принужден был слегка замедлить шаги, хотя он прекрасно знал, что враги уже гонятся за ним по пятам и скрываются где-то здесь, вблизи, под покровом темной ночи. Он задумался теперь о том, отбросить ли в сторону всякие предрассудки и броситься бежать изо всех сил или же идти навстречу судьбе и перейти самому в нападение. Последнее было ему больше по вкусу. Он рассудил совершенно правильно, что темнота, скрывавшая их, в свою очередь может служить и ему защитой и тоже скроет от них все его движения; он решил произвести в этом направлении опыт, остановился и вплотную прижался к стене. Он стоял неподвижно и слышал, как мимо него осторожно прошли чьи-то шаги и раздался тихий шепот; преследователи его, очевидно, действительно потеряли его из виду и прошли дальше ярдов тридцать или сорок и, пожалуй, удалились бы еще дальше, если бы в конце улицы не стоял, очевидно, их сообщник, который и остановил их тихим, чуть слышным свистом. Хотя Вильтар и был вполне храбрый человек, но сердце его болезненно сжалось, когда он понял, что со всех сторон окружен врагами. Он слышал, как преследователи его вернулись осторожно назад, как они искали его и то удалялись, то снова приближались к нему. Один раз он уже решил выйти наконец из темноты и бегом броситься через площадь, но как раз в это время почти у самого своего уха он услышал их шепот и только вовремя успел отодвинуться немного дальше под ворота дома, где он стоял.

Прошла целая четверть часа такого напряженного ожидания. Преследователи, очевидно, устали искать

его и решили, что он, вероятно, спасся, зайдя куда-нибудь в дом; они стали смелее, заговорили уже почти громко, и трое из них вышли на полутемную площадь, чтобы лучше обсудить дальнейший ход дела. Из разговора их он понял, что одного из них зовут Цукка и он, по-видимому, считается предводителем этой шайки, а остальные — просто голодные, жалкие люди, которые сетовали на то, что если им не удастся исполнить возложенное на них поручение, то им придется в продолжение нескольких дней сидеть опять на пище Св. Антония. Вильтар одну секунду боялся, что эти негодяи решатся наконец зажечь огонь, чтобы скорее найти его, но они, конечно, не сделали этого из боязни быть открытыми в свою очередь, так как ремесло их ни для кого из венецианцев не могло оставаться тайною. Слыша их нерешительные речи и сознавая, что они и не подозревают о его близости, Вильтар опять было хотел рискнуть своею жизнью и броситься бежать по направлению к кафе, как вдруг, к его изумлению, дверь за ним быстро отворилась, на пороге показалось двое мужчин с фонарем, они чуть не упали, наткнувшись на него, и грубо спросили, что он здесь делает.

— Я спасаю свою жизнь, — был его ответ, — вот те господа там на площади преследовали меня все время, начиная от дворца Бурано. Заклинаю вас всеми святыми, синьоры, дайте мне убежище у себя, пока мне не удастся созвать своих друзей.

Один из двух мужчин, толстый, неуклюжий лавочник, который не раз сталкивался уже с французами, поднес фонарь к самому лицу Вильтара и проговорил недовольным тоном:

— Ведь вы француз?

— Я не отрицаю этого, — ответил Вильтар, — наоборот, моя национальность должна способствовать тому, чтобы вы укрыли меня у себя.

Толстый купец задумался, не зная на что решиться; спутник дернул его за рукав и сказал:

— Это дело полиции, Беневелли, пожалуйста, не вмешивайся не в свое дело; к тому же у этого человека такое неприятное лицо.

Купец кивнул головой и пошел дальше, крикнув Вильтару:

— Я пойду поговорю с теми господами!

А затем, минуто спустя, Вильтар услышал его голос, кричавший ему:

— Напрасно, синьор, вы боитесь их: они вовсе не хотят вам зла, они только пошутили с вами.

Оба друга пошли дальше, но Вильтар следовал за ними по пятам, решив сделать их, по крайней мере, свидетелями нападения, если оно будет, и действительно это ему удалось. Не прошли они и двадцати шагов, как убийцы очутились уже за спиной Вильтара; он быстро обернулся и бросился с кинжалом на одного из них с горьким восклицанием:

— Вот как мы шутим в Париже, синьор! Вы видите, как я нуждался в вашем гостеприимстве!

Приглушенный стон был ему ответом, кинжал его погрузился во что-то мягкое.

«Надо защищать свое лицо», — мелькнуло в его голове, и он быстро вытащил свою рапиру, и стал размахивать ею во все стороны, таким образом ему удалось добраться до стены какого-то дома, к которой он и прислонился спиной, благодаря чему враги его не могли уже напасть на него сзади. Стоны, раздававшиеся неподалеку от него, ясно говорили о том, что один из негодеев опасно ранен. Предположение это подтвердилось еще тем, что остальные нападавшие крикнули ему, чтобы он лежал пока, они потом поднимут его, когда справятся со своей жертвой. Вильтар, насколько ему позволял тусклый свет, различил, что перед ним еще четверо убийц, и решил дорого продать свою жизнь, недаром же он славился как лучший фехтовальщик в своем отечестве. К сожалению, однако, рапира немного помогала ему в данном случае, так как негодяи были настороже и не подходили близко к нему: они, очевидно, решили взять его хитростью, не рискуя своей жизнью. Вильтар понял, что расчет их совершенно верен, нервы его со временем не выдержат, рука устанет, и когда он будет совершенно бессилён, тогда они нападут на него. Смертельный ужас охватил его при этой мысли, погибнуть такой ужасной смертью казалось ему выше его сил, он уже стал думать, не покончить ли лучше с собой, но в эту минуту негодяи, очевидно, сговорившись, пустились на следующую хитрость. Один из них бросился на землю и стал подползать к нему снизу, а в то время, как он невольно взглянул на него и приготовился отразить его нападение, остальные

бросились на него, и минуту спустя он уже лежал на земле, стараясь вырваться от наседавших на него врагов, которые наносили ему удар за ударом куда попало. Вильтар, забыв все на свете, стал громко звать на помощь, и вдруг совершенно неожиданно дверь дома, у которой они все лежали, отворилась, и на пороге появился старик с факелом в руке. Увидя происходившую перед ним свалку, он, недолго думая, ринулся на сражавшихся и стал бить их своим горящим факелом. Убийцы вскочили с криками ярости и хотели ринуться на него, но вдруг увидели, что имеют дело ни с кем иным, как с секретарем сената. Появление этого важного должностного лица произвело на них самое неожиданное действие: они моментально рассыпались в разные стороны, оставив лежать на земле одного Вильтара, который слышал, как они побежали по направлению к площади, и слышал, как один из них крикнул другим:

— Этого нечего брать с собой, он уже умер!

Известие о смерти одного из врагов заставило его улыбнуться злорадной улыбкой.

Встав на ноги, Вильтар обратился к секретарю со словами:

— Вы успели как раз вовремя, синьор, и выбрали себе прекрасное оружие... Могу я узнать, кому я обязан удовольствием продолжать свое земное существование еще некоторое время?

Секретарь, поправляя свой факел, взглянул на француза и сказал угрюмо:

— Я не нуждаюсь в вашей благодарности. Разве можно спать, когда у самых дверей происходят подобные скандалы? Впрочем, вы, я вижу, француз; очень сожалею, что продлил ваше существование, как вы говорите: будь я на месте сенаторов, я перевешал бы всех французов в Венеции.

Вильтар, ощупывая свои члены, чтобы убедиться, что все они целы, и потирая свои плечи, отвечал ему:

— Я люблю откровенных людей, синьор, и не намерен ссориться с вами. Совершенно согласен с вами, что многие из моих соотечественников стоят того, чтобы их повесили, так же, как и большинство ваших, конечно. Но, во всяком случае, позвольте поблагодарить вас, ваш факел оказался прекрасным оружием, хотя он и причинил мне порядочные ожоги на руках.

— Удивляюсь, что вы еще живы, я никогда не видел, чтобы кого-нибудь отделили так, как вас. Но вы, французы, народ живучий: у вас воловья шкура вместо кожи.

— Скорее, стальная, чем воловья,— любезно поправил его Вильтар.— Видите ли, синьор, я хорошо знаю обычаи вашей страны, и поэтому на теле у меня всегда надета железная кольчуга.

— Ах, вот в чем дело, ну, теперь мне все ясно. А жаль, что с вами не покончили; чем меньше вас, французов, тем лучше!

И с этими словами он вошел в дом и бесцеремонно захлопнул за собою дверь. Вильтар, все еще улыбаясь, направился к Флориану и плотно поужинал там каплуном и бутылкой бургундского. Только беспорядок в одежде и глубокий шрам на левой руке свидетельствовали о только что пережитой драме, но все же в душе Вильтар решил никогда впредь не ходить одному без провожатого по этим темным улицам, наполненным убийцами и трусами.

Все еще улыбаясь, он приказал подать себе перо и бумагу и начал писать Бонапарту письмо, в котором уведомлял его о смерти Гастона, графа де Жоаеза, которого он любил как брата. Занятие это очень забавляло Вильтара, и он сожалел только о том, что не мог лично присутствовать при том, как Бонапарт прочтет это послание.

VII

Жозеф Вильтар не отличался особенно музыкальным голосом, наоборот, звуки, воспроизводимые им, были хриплы и неприятны, но для Гастона, услышавшего его пение из окон дома «Духов», оно показалось ангельским и сразу так ободрило его, что он как-то невольно поверил тому, что действительно в доме маркизы для него безопаснее, чем где-либо в другом месте. И действительно, что могло привести Вильтара к церкви Св. Захария, если не спасение его друга? Гастон был уверен в том, что Вильтар тщательно исследовал все дело и убедился в безопасности своего соотечественника; если бы было наоборот, он, ни минуты не медля,

дал бы знать Наполеону об опасности, угрожающей его посланнику.

Немного успокоившись, Гастон не без удовольствия остановился на мысли, что, вероятно, жизнь его очень дорога маркизе, если она решила не только хитростью завлечь его в свой дом, но и устроить так, что он не мог выйти теперь из него.

«Эта женщина любит меня»,— решил он.

Он не боялся ее никогда, несмотря на рассказы о ее жестокости по отношению к его соотечественникам; он всегда доверял ей и не боялся ее даже и теперь, когда находился в ее власти и сидел взаперти. «Вильтар сумеет вовремя освободить меня отсюда,— думал он,— а пока я могу заняться маркизой». И с этой мыслью он лег в постель и скоро заснул крепким здоровым сном, и во сне ему снилась женщина с черными глазами, прижимавшаяся пурпуровым ротиком к его устам.

Гастон спал, не просыпаясь до самого утра, и только когда в семь часов к нему вошел Джованни Галла, он открыл наконец глаза и приказал поднять драпри у окна.

— Ну, юноша,— начал он,— что вы скажете мне сегодня?

— Спрошу у вашего сиятельства: что вы желаете — кофе или шоколада?

— Это честно, по крайней мере здесь и узнику предоставляется некоторый выбор.

— Узник — слишком жестокое слово, ваше сиятельство.

— Как, вы запираете мои двери, загораживаете решетками окна, не отвечаете на мой зов и обижаетесь на слово «узник»? Однако, юноша, будьте же откровеннее со мной.

— Я совершенно откровенно говорю, ваше сиятельство. Дверь была заперта и окна закрыты решетками, но ведь это же для вашей пользы. Вы знаете Венецию, ваше сиятельство, вы знаете ее слуг, следовательно, ввиду того что и мы знаем их хорошо, вы должны понять, что мы действовали так только в силу необходимости. Иначе что бы нам пришлось сказать своей госпоже по ее возвращении сегодня?

— Сегодня? Вы уверены, что она вернется сегодня, Джованни?

— Она будет ждать ваше сиятельство в саду ровно в двенадцать часов.

— А теперь который час?

— Теперь семь часов. Вы долго спали, ваше сиятельство.

Гастон быстро вскочил с постели и стал одеваться с особенной тщательностью. Джiovанни неспешно двигался по комнате, приводя все в порядок, потом позвал лакея, чтобы он помог одеться графу. Этот лакей молчал так упорно, что Гастон решил про себя, что он нем, но в ту минуту, когда тот убирал свои бритвы, а Джiovанни ушел в соседнюю комнату, чтобы велеть подавать кофе, лакей этот вдруг внезапно заговорил, обращаясь к графу:

— У вашего сиятельства есть друзья в Венеции?

— Да, у меня много друзей, но почему вы спрашиваете об этом?

— Потому что я должен передать вам послание одного из них.

— Ах, вот почему и немые заговорили вдруг!

— Да, я нем, когда я знаю, что меня слышат другие, и... как я уже говорил вашему сиятельству, и у нас бывают солнечные дни в феврале.

Гастон кивнул головой на эту фразу, так как увидел, что Джiovанни вернулся в комнату, и терпеливо стал ожидать, когда лакей найдет опять возможность поговорить с ним без свидетелей. Когда наконец они остались одни, он прямо предложил тому вопрос:

— Вы посланы ко мне Вильтаром?

— Да, так зовут друга вашего сиятельства.

— А в чем состоит его послание?

— Он очень просил благодарить вас за те преимущества, которые дает ему ваше пребывание в этом доме. Он просит вас остаться здесь, гостить еще несколько дней у маркизы.

— Значит, он знает, где я нахожусь?

— Я доложил ему об этом, ваше сиятельство.

— Надеюсь, что он вознаградил вас как следует за эту услугу?

— Да, благодарю вас, ваши соотечественники так же щедры, как, вероятно, будете щедры и вы, ваше сиятельство.

Гастон понял, что и здесь повторяется старая история. В то время как маркиза хвалится преданностью

своих слуг и молодой Джiovанни клянется, что все они готовы умереть за нее, один из них одинаково охотно служит и ей, и французам, только бы ему платили хорошо за услуги. Очевидно, Вильтар действительно имел серьезные причины желать, чтобы он оставался в этом доме. Гастон с радостью решил исполнить желание своего друга, тем более что оно совпадало с его собственным.

Он дал лакею дукат и продолжал заканчивать свой туалет.

Комнаты, в которых он находился, со всеми сокровищами, наполнявшими их, казались еще уютнее при дневном свете, вливавшемся в огромные окна. Ему нравились старинные книги, стоявшие на полках под рукой, прелестные миниатюры, висевшие в золотых рамках на стенах, чудный письменный стол с красивым письменным прибором и безукоризненной бумагой и перьями. Весь дом этот, по-видимому, свидетельствовал об изысканном вкусе самой хозяйки, которая усыпала путь Гастона розами, чтобы искуснее заманить его в эту золоченую клетку. Гастону нравилась эта клетка, но не нравилось одиночество в ней. Может быть, он сам не сознавал, насколько страстно желает видеть маркизу, пока совершенно неожиданно не увидел ее внизу в саду у фонтана, где она, по-видимому, поджидала его.

Гастон быстро шагнул к дверям, открытым теперь настежь, и, спустившись по винтовой лестнице, очутился в саду около маркизы. Ему многое надо было сказать ей, но, когда он так внезапно очутился лицом к лицу с ней, он не мог вымолвить ни слова, так ослепительно хороша она была вблизи. Он видел ее до сих пор только всегда в полумраке собора и никогда не встречался с нею на улицах. Гастон был так поражен, что стоял как окаменелый, его молчание было лучшим комплиментом, который он мог бы сказать прелестной маркизе де Сан-Реми.

— Итак, граф, я вижу, что вы еще сердитесь на меня? — произнесла она первая, улыбаясь.

Она протянула ему белую, нежную ручку, совершенно утонувшую в большой руке гусара. Он наклонился, галантно поцеловал ее и наконец решился взглянуть прямо в черные глаза, обворожившие его.

— Сударыня, — произнес он прочувствованным то-

ном,—если я могу в чем-нибудь упрекнуть вас, так это только в излишней доброте. Если причины, по которым я оказался в этом доме, и представляются мне недостаточно обоснованными, то все же я благодарен вам за ваш поступок. Я благодарю вас, жену француза, как француз, которому вы хотели оказать услугу.

Все это было сказано очень красиво, но звучало немного странно, если принять во внимание, что оба они уже в продолжение многих недель вели совершенно иной разговор взглядами в церкви Св. Марка. По всей вероятности, мысль эта пришла тоже в голову маркизы, так как она весело рассмеялась и, отнимая свою руку, горевшую еще от его поцелуя, ответила немного презрительно:

— Я не только хотела оказать услугу французу, я ее оказала вам, граф де Жоазе. Неужели вы думаете, что я решилась бы опрометчиво вызвать вас из вашего дома, возбудить ваше подозрение и подвергнуть опасности вашу жизнь и свободу только потому, что мне показалось, что вам грозит серьезная опасность? Нет, граф, я действовала так, потому что знала все наверняка. Если бы вы не провели сегодняшней ночи под моей кровлей, меня обвинили бы сегодня в вашей смерти. Но пойдемте лучше в комнаты, где мы можем говорить без свидетелей, и прежде всего подкрепим свои силы легким завтраком.

Они вернулись в дом и прошли в маленький белый салон, где уже был накрыт для них завтрак, а затем, закусив, они перешли пить кофе в смежную комнату, выходившую на открытую веранду, с которой открывался вид на площадь перед церковью и на узкие каналы, кишевшие гондолами. Маркиза все время поддерживала оживленный разговор, сопровождаемый выразительными жестами. Она расспрашивала Гастона о Франции, о французском народе, о республике, о только что пережитых страшных днях революции, но ни слова не сказала про Наполеона, пока в комнате еще находились слуги. И только когда Джиованни Галла, получив от нее секретные инструкции, удалился, закрыв за собой дверь в салон, она опять перешла к интересовавшей их обеих теме.

— Я вполне доверяю своим слугам,—сказала маркиза,—но, чтобы не вводить их в искушение, я ста-

раюсь им не говорить ничего. Теперь мы с вами одни и можем снова вернуться к прежнему разговору.

Гастон в эту минуту вовсе не был расположен к серьезному разговору; вино возбуждающим образом подействовало на него; присутствие хорошенькой женщины располагало к легкой салонной болтовне, и он невольно подумал, что хорошо было бы, если бы вместо всяких разговоров маркиза взяла лютню и спела ему что-нибудь... Но она не дала ему времени предаваться приятным мечтам.

— Дело в том, — начала она, — что я не буду говорить теперь ни о вас, ни о себе; мы, в сущности, ведь отдельные единицы, исчезновение которых пройдет почти незамеченным в истории. Не будем же враждовать между собою, вы должны вполне довериться мне и быть уверенным, что я имела серьезные причины поступить так, а не иначе; а я, со своей стороны, постараюсь подавить в себе недоверие к вашей мудрости. Вы — невольный пленник в моем доме, и вы жаждете свободы, как ребенок тянется к солнечному лучу. Вы ни на одну минуту не забываете, что я женщина, и говорите себе: «Разве она может судить о подобных вещах? Неужели же я послушаюсь ее?» Я за это, собственно говоря, и не очень осуждаю вас. Мужчины так привыкли недоверчиво относиться к уму женщины, что вполне понятно, если в данном случае и вы думаете, как и все мужчины. Вы не доверяете мне, и вот с этого-то пункта мы начнем и, таким образом, скорее дойдем до конца, верьте мне, граф.

Гастон выслушал ее с интересом, но и с чувством некоторого разочарования. До сих пор он приписывал ее поступок расположению к нему и заботе о нем, которые заставляли ее сильно преувеличивать опасность, угрожавшую ему. Но теперь он убедился в том, что маркиза не похожа на других женщин Венеции. Он почувствовал даже некоторый страх перед ней и в душе своей не мог не сознаться, что в умственном отношении, пожалуй, даже уступает ей. Подобное чувство, конечно, не могло возбудить в нем особенной радости. Он решил не уступать и доказать ей, что мужская самостоятельность не так-то легко покоряется чужой и особенно женской воле.

— Дорогая маркиза, — начал он, — я прекрасно понимаю, какими мотивами вы руководствовались

в этом деле, и я очень благодарен вам за оказанную мне услугу. Но в то же время позвольте сказать вам, что, в сущности говоря, я не особенно верю в опасность, о которой вы говорили; конечно, по отношению к другим эта опасность существовала, что доказывает таинственное исчезновение и убийства моих соотечественников, но не забудьте, что я — адъютант самого генерала Бонапарта.

Он посмотрел на нее с таким видом, как будто хотел добавить: «Вы видите, что это невозможно», — но она выслушала его молча и терпеливо, как мать выслушивает лепет неразумного ребенка.

— Да, это правда, что вы — адъютант генерала Бонапарта, — сказала она с горечью, — адъютант человека, который послал вас сюда с гнусной целью шпионить за нами; вы — адъютант того, кто готов продать за один дукат честь родного отца, только бы этим подвинуться хоть на один шаг ближе к нашим воротам. Благородная должность, нечего сказать! Позвольте вам сказать, что я глубоко сожалею вам, что вы принуждены ее занимать.

— Мне очень жаль, маркиза, что вы повторяете слова других, которые знают о генерале Бонапарте то, чего никогда не было на деле и что создано их воображением. Когда-нибудь вы будете глубоко сожалеть о сказанном, маркиза. Я знаю, что поступаю правильно, что я нахожусь под начальством величайшего гения наших времен и за целое царство не согласился бы оставить своей теперешней службы. Я верю в этого корсиканца, маркиза, и вы должны с этим примириться, если хотите, чтобы между нами установились дружеские отношения.

Маркизе понравился жар, с которым Гастон произнес свою короткую речь, хотя содержание ее, конечно, не могло поколебать ее давно сложившихся убеждений. Несмотря на то, что на язык ее просились теперь самые нежные слова, она сдержалась и снова заговорила холодным убедительным тоном:

— Я очень добра к своим друзьям, граф, но требую от них полного доверия. И только если доверие их завоевано мною, я говорю, что наконец-то они начинают понимать меня. Впрочем, что об этом говорить? Вот возьмите, прочтите это, и тогда вы заговорите со мной иначе.

Она наклонилась к маленькому письменному столику, придвинутому к ее креслу, и достала из него пачку бумаг, скрепленных золотою брошью. Гастон сейчас же признал в них оригиналы или копии тех секретных документов, которые рассылаются инквизицией ее младшим исполнительным органам в Венеции. Пробегая глазами одну за другой эти бумаги, Гастон понял, что читает подробное описание своей жизни за последние три месяца, проведенные им в Венеции. Нечего и говорить о том, насколько заинтересовало его подобное чтение.

Содержание бумаг было следующее.

Прежде всего шло подробное описание наружности француза, лет тридцати от роду, светловолосого гусара, состоящего на службе у Наполеона Бонапарта, известного инвизиторам и под номером седьмым, проживающего в гостинице «Белого Льва». Тут же значилась пометка: «Необходимо самое тщательное наблюдение за ним!»

Затем следовало подробное описание времяпрепровождения этого француза в продолжение двух месяцев: посещения домов его соотечественников, дворцов, церквей, театров, кафе и даже посещения часовни Св. Марка. И опять стояла пометка: «Fortuna sequatur».

В третьем пункте предписывалось слуге, по имени Мандувине, постоянно присутствовать в часовне Св. Марка при утреннем богослужении.

И, наконец, на запечатанном конверте, адресованном служителям Отто и Витале, стояло одно таинственное слово «fас».

Затем следовала еще бумага, в которой члены совета свидетельствовали о том, что этот француз покинул Венецию и отправился в Грац к генералу Бонапарту.

Гастон прочел все эти бумаги с большим вниманием, как бы с сожалением расставаясь с прочитанным. Окончив свое чтение, он взглянул на маркизу. Она сидела неподвижно, откинувшись на спинку кресла, полужакрыв глаза.

— Итак,— сказал он задумчиво,— это интересная особа, о которой так красноречиво повествуется тут, отправилась действительно в лагерь Наполеона?

Маркиза, не открывая глаз, ответила спокойно:

— Так говорится в этих бумагах.

— А между тем во всех других отношениях они

удивительно подробно осведомлены обо всем, что касается этого француза!

— Иногда умнее не знать что-нибудь, чем знать, граф.

— Тем более что писавшим эти бумаги, вероятно, прекрасно известно, что я нахожусь в вашем доме.

— Тем более, что, если бы они знали о том, где вы находитесь теперь, целый полк ваших гусар не был бы в состоянии удержать их за дверями моего дома.

— Но ведь в таком случае ваше дружеское отношение ко мне может доставить вам много неприятностей?

— Да, конечно, в этом вы правы, я буду совершенно откровенна с вами. Но я все же рискнула этим, так как считаю, что для Венеции будет больше пользы от того, что вы живы, чем от вашей смерти. В этом весь секрет, граф. Я забочусь не о вас, я забочусь только о своей родине, честью которой я дорожу. Не будь этого, совет давно привел бы в исполнение свое намерение. Насколько подобные намерения быстро исполняются, вы могли уже судить по своему другу Шатодену.

Гастон тяжело вздохнул при мысли о том, как мало он знал о настоящем положении дела и как близок он был к смерти, и только теперь понял он, сколь многим обязан маркизе: ее мужество спасло его от руки убийцы; спасение его в то же время могло ей стоить не только ее репутации, но и жизни. Он не мог допустить этого и решил немедленно покинуть ее дом, чтобы никто не мог заподозрить, что он когда-нибудь находился в нем.

— Да, я знаю участь Шатодена,—сказал он,—недаром он был моим другом, и только теперь, маркиза, понял я, какую услугу вы мне оказали. Вы, с которой я до сегодняшнего дня не сказал еще ни слова, вы спасли меня от смерти. Но я постараюсь отплатить вам за это как могу; как только стемнеет, я уйду отсюда и буду всегда думать о том, что у меня есть истинный друг в доме «Духов», воспоминание о нем никогда не изгладится из моей души. Маркиза, верите вы в мою искренность?

Гастон, как многие пылкие люди, всецело отдавался всегда своим чувствам; он вскочил со своего места и, встав на одно колено, схватил руку маркизы и покрыл ее горячими поцелуями. Она не отнимала ее и только

повернулась к стене, чтобы он не видел румянца, вспыхнувшего на ее бледных щеках.

— Какие пустяки вы говорите, милый граф,— сказала она, наконец отнимая руку.— Пожалуйста, успокойтесь немного и помните, что, спасая вас, я оказывала только услугу своей родине, и больше ничего. Ну, а теперь вернемтесь опять к этим бумагам.

Гастон, с сильно бьющимся сердцем, весь красный от волнения, отдал бы все, что мог, за возможность в эту минуту прижать маркизу к своему сердцу и осыпать поцелуями ее милое личико, но она держала себя с таким достоинством, говорила так холодно, что он волей-неволей поднялся с колен и только еще раз повторил в упоении:

— Вы спасли мою жизнь. Я не знаю, как благодарить вас за это!

— Вы уже благодарили меня, граф; повторять это излишне, всякие повторения скучны!

— Но во всяком случае я не имею права подвергать вас опасности; я сейчас же покину ваш дом.

— Конечно, сделайте это, таким образом весь мир узнает, что вы были моим гостем и скрывались в моем доме.

— Я уйду отсюда, когда стемнеет, и никто не увидит меня.

— Дорогой граф, вы прожили в нашем городе целых три месяца. Неужели вы верите в то, что никто не увидит вас?

— Так вы думаете, что за мной все еще следят?

— Нет, не думаю! Ну, можно ли быть таким простодушным, граф? Неужели вы не понимаете, что, раз след ваш потерян, они немедленно станут следить за тем, что делается в моем доме? Разве вы забыли про белую розу? Прочитайте-ка вот ту страницу.

Он исполнил ее приказание и прочел подробное описание того, как они встретились в часовне Св. Марка и как ею была брошена белая роза к его ногам. Гастон понял теперь, что она была права.

— Они знают, что я жив, и догадываются, что я здесь,— это несомненно.

— Совершенно верно, и поэтому я попрошу вас даже не подходить к окнам, чтобы ничем не рисковать.

— Значит, за мной следят; но и ваши слуги, вероятно, следят за ними, маркиза?

— Вечером все кошки серы, милый граф.

— Но вы забыли про собственную опасность! Подумайте, что будет, если они убедятся в том, что я здесь. Нет, маркиза, как хотите, а я сегодня же ночью уйду отсюда.

Она весело рассмеялась.

— У вас короткая память, граф! — воскликнула она.

— Почему так?

— А вы забыли про окна с железными решетками?

Гастон быстро повернулся и взглянул на нее.

Ее грациозная головка красиво выделялась на голубых подушках кресла, пунцовые губки были полуоткрыты, глаза лукаво улыбались. Забыв все на свете, не понимая, откуда у него взялась храбрость, он быстро подошел к ней и поцеловал ее прямо в уста. Секунду спустя ее руки обвились вокруг его шеи, и грудь ее покоилась на его груди.

— Да, — сказал он вздохнув, — умнее будет, если я останусь тут!

VIII

Старый Зануккио, задумчиво поглаживая свою длинную седую бороду, послал одного из слуг к своему господину в гостиницу «Белого Льва», чтобы передать ему, что он желает видеть его на минуту по делу необыкновенной важности. Происходило это на другой день после приключения, бывшего с Жозефом Вильтаром на площади перед кафе; настроение духа его было ужасно вследствие полученных царапин и ожогов. Он принял старика очень невежливо и не пожелал слушать его длинные повествования о достопримечательностях города. Коротко и грубо прервал он речь Зануккио словами:

— Что тебе надо, старик, зачем ты пришел ко мне?

— Я пришел к вашему сиятельству с очень хорошими вестями. Только надо раньше удостовериться, что никто не подслушивает нас.

— На этот счет можешь быть спокоен. Последний из подслушивавших у моих дверей отвезен еще вчера на кладбище. Они, кажется, начинают понимать теперь,

с кем имеют дело. Но говори, в чем дело, я слушаю тебя.

Зануккио вышел на лестницу посмотреть, нет ли там кого, потом осторожно запер дверь и, приложив палец к губам, стал шепотом сообщать свои новости. Надо было видеть комичные жесты и движения этого старика, в котором проснулась алчность при мысли о том, как щедро должен вознаградить его француз за принесенные им вести.

— Ваш друг, ваше сиятельство, ваш друг!..

— Ах, мой бедный друг!.. Зачем, старик, ты мне опять напоминаешь о моем горе?

— Напоминаю потому, что он жив.

Вильтар быстро повернулся на стуле и высоко поднял брови от удивления.

— Мой друг жив? Старик, будь осторожнее и помни, о чем ты говоришь.

Зануккио щелкнул губами, глаза его прыгали от радости при виде произведенного им эффекта. Предоставьте ему этих иностранцев, и он прекрасно сумел бы обработать их,— подумал он.

— Ваше сиятельство, я прекрасно знаю, что говорю. Ваш друг не умер, он жив. Мои старые глаза видели его. Он даже находится вне всякой опасности, ваше сиятельство. Я видел его здесь, в Венеции, в саду. И в этом саду он проводил очень весело время, честное слово.

Волнение старика достигло своего апогея. Он лез своей белой бородой почти в самое лицо Вильтара и, переступая с ноги на ногу, захлебываясь, рассказывал все, что знал.

Граф был в Венеции; Зануккио мог даже указать дом, где он находится в данную минуту,— за сто дука-тов дверь этого дома может открыться для них в эту же ночь. Он говорил все это, дрожа от волнения, уверенный в щедрой награде, которая ожидает его; как он мог знать, что происходило в душе Вильтара, сидевшего перед ним? Мог ли он в своей радости предполагать, что Вильтар именно больше всего на свете и старался о том, чтобы судьба его друга оставалась покрытой мраком неизвестности. Старый Зануккио и не подозревал всего этого, а поэтому и не мог себе объяснить внезапную суровость своего господина, бледность, покрывшую его лицо.

— Ты говоришь, старик, что мой друг жив и ты видел его? Так почему же ты тотчас же не прибежал ко мне? Почему ты не говоришь мне, в каком доме он скрывается? Так вот как ты благодаришь меня за все мои благодеяния? Смотри, берегись, чтобы терпение мое не лопнуло. Я ненавижу сюрпризов, старик, они слишком вредно отзываются на моем слабом здоровье.

Старик был так взволнован, что ничего не замечал, он воображал только, что плохо рассказал все и его не поняли, и поэтому он начал бы свой рассказ сначала, если бы Вильтар не крикнул на него.

— Смотри, старина, я побью тебя!

— Избави Бог, ваше сиятельство. Я хотел вам только сказать, что у меня есть хороший знакомый, лакей, по имени Отто. Это — самый большой сплетник нашего города. За полдуката он готов, кажется, продать черту родную бабушку. А между тем маркиза доверяет ему и держит его у себя в доме. Он — наш друг. Если бы мы пошли теперь к нему, захватив с собой небольшую сумму, он распахнул бы перед нами дверь, и ваше сиятельство очутились бы в доме «Духов». А тогда уже маркизе пришлось бы платить нам за наше молчание. Таким образом мы оба с Отто не остались бы внакладе. Конечно, что касается меня, то я только исполнил свой долг и не хвастаю этим, но вы, наверное, захотите вознаградить меня, ваше сиятельство, за мою верную службу; я вижу это по вашим глазам.

Он говорил совершенно серьезно, и именно этот факт вывел из себя окончательно Вильтара и вызвал его на следующий поступок. Под рукой, около кресла, где он сидел, лежал большой хлыст, он взял его в руки и, обращаясь к Зануккио, сказал:

— Ты поступил очень умно, Зануккио, чрезвычайно умно. Значит, мой друг находится в доме этого лакея, который готов помочь нам в деле похищения моего друга. Так я понял? Говори!

Зануккио удивленно взглянул на него.

— Нет, ваше сиятельство, вы ошиблись; граф находится не в доме лакея, а в доме «Духов», где еще бронзовые двери, на которые я обращал внимание вашего сиятельства.

— Да, теперь я вспоминаю это. Ты уверен в том, что говоришь, старик?

— Я готов поклясться в этом могилами моих предков.

— Ну, в таком случае я удовлетворен этим, Зануккио, совершенно удовлетворен.

С этими словами, насмешливо улыбаясь, вне себя от ярости, Вильтар схватил старика левой рукой, а правой стал наносить ему удар за ударом своим хлыстом. Удары были так сильны, Зануккио кричал так громко, что Моро и его слуги столпились все у лестницы, не решаясь входить в комнату только из страха перед ужасным французом. У Вильтара была действительно сильная рука. Он гонялся за несчастным стариком по всей комнате и, нанося ему удары, приговаривал:

— Мой друг умер, Зануккио, помни это. Он умер, его убили здесь, в Венеции, три дня тому назад. Хорошая ли у тебя память, Зануккио? Я вдолблю тебе это, насколько могу. Мой друг не находится в доме маркизы, он умер. Повторяй за мной, что граф умер, что его нет в том доме.

Старик, выбившись наконец из сил, свалился на пол и, жалобно поднимая руки кверху, проговорил:

— Графа нет больше в живых — он умер!

Жалкая гондола, управляемая полуидиотом-подростком, находящимся в услужении у Зануккио, быстро отделилась от гостиницы «Белого Льва» и направилась прямо к дворцу Бурано.

В гондоле сидел Зануккио, весь избитый, в разорванной одежде, но, по правде говоря, он не питал к своему истязателю такой вражды, как этого можно было бы ожидать. Старик не мог не чувствовать своего рода уважения к своему суровому господину, который ничем не стеснялся, только бы добиться своего. Ввиду этого Зануккио решил пока оставаться у него на службе и предоставить самой судьбе свести счеты. Француз этот был слишком опасен для того, чтобы сразу изменить ему. Кроме того, новость, которую знал Зануккио, могла пригодиться ему и в другом отношении; в мозгу его шевелился план один грандиознее другого. Он не сомневался в том, что найдет кого-нибудь, кто дорого заплатит ему за такую новость; обдумывая все дело, Зануккио вдруг вспомнил про Лоренцо Брешиа

и удивился тому, как это раньше ему не приходило в голову обратиться к нему. Старик рассуждал так:

— Маркиза — родственница лорда Брешиа. Он, наверное, поступит в данном случае так, как надо. Этот француз может устроить так, что повесит их обоих, если они заблаговременно не примут своих мер. Члены совета, конечно, накажут жестоко леди Беатрису за то, что она скрывает в своем доме беглеца — может быть, они даже казнят ее. Она, таким образом, подвергается двойному риску, так как Бонапарту скажут, что молодой человек убит в ее доме, и трусы, конечно, спасая свою шкуру, выдадут ее. Если Лоренцо попадет в ту же ловушку, народ его разорвет на клочки. Поэтому выгоднее всего явиться посредником в этом деле. С молодым человеком можно легко покончить, никто и не узнает об этом, и старику Лоренцо не придется больше дрожать за свою жизнь. Да, надо ехать во дворец Бурано. Эта поездка будет оплачена по крайней мере тысячу дукатов.

Рассуждения эти были очень хороши, но результат оказался далеко не тот, которого ждал Зануккио. Как только Зануккио объявил слуге Лоренцо, что приехал от имени леди Беатрисы, как сейчас же был допущен в покои лорда Брешиа. Но каково было его смущение, его ужас, когда он увидел рядом с Лоренцо смеющееся личико Беатрисы, которая с любопытством ждала, что-то скажет человек, явившийся сюда от ее имени! Бедный старик задрожал всем телом, ноги его подкосились и язык прилип к гортани. Лорд Брешиа восседал в своем кресле с видом человека, каждое слово которого оценивается на вес золота. Он сидел и молча смотрел на вошедшего.

— Итак, вас зовут Карл Зануккио и вы явились от моего имени? — обратилась к старику маркиза, улыбаясь. — Позвольте мне усомниться в последнем, милостивый государь.

— Будь краток, — изрек лорд Брешиа, не меняя своей позы.

Но бедный Зануккио, застигнутый врасплох, совершенно растерялся и нерешительно мялся на одном месте, не зная что сказать.

— Если ваше сиятельство позволит, — начал он дрожащим голосом, — если вы сооблаговолите выслушать меня...

— Мы слушаем тебя, старик. В чем дело?

— Я благодарю вас за вашу снисходительность, ваше сиятельство, я пришел просить...

— В чем же дело, старик? Ведь я велел тебе быть кратким.

— Ваше сиятельство, простите меня, ради Бога, за мой проклятый язык, но то, что я пришел сказать, можете слышать только вы один.

Маркиза перестала улыбаться и слегка нахмурилась.

— Ведь вы же явились сюда от имени маркизы де Сан-Реми? — сказала она. — Так в чем же дело, старик, почему вы не говорите правды?

И, обращаясь к Лоренцо, она добавила:

— На вашем месте я бы не приняла его одна.

Лоренцо с достоинством поклонился, величественно протянул правую руку к звонку и сказал вошедшему вслед за тем Ноэлло:

— Выкиньте этого человека из моего дома — это какой-то мошенник, и больше ничего.

Слуги быстро исполнили это приказание и повлекли старика прочь, несмотря на его крики, что они пожалуют об этом, особенно маркиза, которая хорошо знает, зачем он пришел. Натешившись над ним вволю, они наконец выпустили его, и он, еле живой, добрался до своей гондолы.

В продолжение целого часа бедный идиот принужден был возить его взад и вперед от Риальто до Дога-ны, пока он обдумывал, как бы отомстить своим обидчикам и в то же время выручить хорошую сумму за свою новость.

Была минута, когда он почти решился идти в сенат и объявить там свою животрепещущую новость, но мысль о Лоренцо, имевшем такое влияние в городе, остановила его, так как скорее поверили бы лорду Брешиа, чем ему. Сколько он ни думал и ни размышлял, он не мог найти удовлетворительного исхода из своего настоящего положения, и решил наконец сохранить свою новость пока для себя, чтобы потом при случае продать ее за хорошую цену, но как раз в эту минуту он увидел служанку, выходящую из церкви Св. Марка и направляющуюся к одному из дворцов. Счастливая мысль осенила его внезапно; он вспомнил, что дворец этот принадлежит Франциску Цезаро, и дочь его Бианка за-

платит за его новость больше, чем кто-либо другой во всем городе.

Дело в том, что ни для кого во всей Венеции не было тайной, что Бианка равнодушна к графу де Жоазу. Своевольная, энергичная девушка ни в чем не слушалась своего отца, сенатора, а поступала всегда так, как хотела. Она ни от кого не скрывала своей страсти, повсюду показывалась с молодым французом и всячески старалась заслужить его любовь, но до сих пор все старания ее не увенчались еще успехом. Граф очень дорожил ее обществом, как дочери сенатора, игравшего видную роль в Венеции; он ясно сознавал, что это знакомство может быть очень полезно для него как агента Бонапарта, и поэтому старался поддерживать его, но никогда со своей стороны не выказывал ни капли любви к красивой девушке, влюбленной в него. Она, однако, несколько этим не смущалась и продолжала открыто покровительствовать ему, хотя все кругом посмеивались над ее несчастной страстью. Он старался, насколько мог, убедить ее в том, что ей нечего ждать от него, что она напрасно подвергает себя опасности из-за него, она оставалась верна себе и продолжала оказывать ему услуги, где могла.

Старый Зануккио знал об этом, как и все остальные жители города, и он сразу понял, что она по достоинству оценит его новость и щедро наградит за нее. В ту минуту, как гондола старика подплывала к дворцу Цезаро, сама Бианка как раз вышла из подъезда и собиралась сесть в свою гондолу. Сопровождавшие ее слуги хотели было прогнать старика, но Бианка услышала его крики и пожелала узнать, в чем дело. Зануккио быстро нагнулся к ней и шепнул:

— Дело касается одного иностранца, ваше сиятельство.

Бианка сейчас же вернулась в дом, уводя с собой старика, так как она сразу поняла, что дело касается графа де Жоазеа. Высокая, стройная девушка от волнения дрожала так сильно, что сначала не могла произнести ни слова: она, как и все остальные, думала, что Гастон убит, но слова старика наполнили ее душу надеждой, она надеялась, что он сообщит ей, что любимый ею человек жив и ждет ее где-нибудь на материке.

— Вы пришли от имени графа де Жоазеа? — спросила она наконец трепетным голосом.

Старик отвесил ей глубокий поклон.

— Я пришел с таким известием, что заранее уверен, что получу за него богатую награду от вас.

— Ну, в этом вы напрасно так уверены. Если я награжу вас, так только за то, что вы долго не задержите меня: вы ведь видели, что я собиралась ехать из дома.

— Как же, я видел это, однако мое известие таково, что многие бы хорошо заплатили за него, но все же леди Бианка окажется наверное щедрее всех.

Бианка нетерпеливо топнула ногой, глаза ее горели гневом, когда она воскликнула невольно:

— Боже, какой противный старик!

— Но именно этот противный старик и пришел к вам, чтобы сообщить, что граф де Жоазе жив и счастлив и доволен, насколько можно быть счастливым вне вашего присутствия, ваше сиятельство.

Девушка выслушала его с напускным равнодушием, но щеки ее горели от радости, когда она произнесла не торопясь:

— Значит, граф жив, и вы, вероятно, приехали с материка?

— Нет, ваше сиятельство, я не с материка, а из темницы.

— Из какой темницы?

— Из темницы, дверь которой может быть открыта за тысячу дукатов.

— Вы получите их, когда приведете графа сюда.

Лицо Зануккио вытянулось, он невольно воскликнул:

— Но, синьора, ведь без этой тысячи дукатов я не в состоянии буду открыть дверей дома «Духов».

Бедный старик до конца дней своих проклинал себя за эти сорвавшиеся у него невольно слова. «Не будь этой случайности,—говорил он,—у меня в кармане была бы теперь тысяча дукатов». Друзья смеялись над ним, слушая это, и, конечно, не верили ему. Как только Бианка услышала слова: дом «Духов», так сразу все поняла, вся картина исчезновения Гастона ясно представилась ее воображению. Так, значит, своим спасением он обязан маркизе де Сан-Реми? Следовательно, не она одна покровительствовала этому иностранцу? Сердце ее наполнилось ревностью и завистью к Беатрисе, она готова была в эту минуту разорвать ее на клочки.

— Синьор,—сказала она спокойным голосом, за-

ставившим задрожать старого Зануккио,— если то, что вы говорите, правда, так лучше вам прямо отправиться отсюда в полицию: это ее дело, а не мое.

Она хотела пройти мимо него, но он схватил ее за рукав и умолял выслушать его. Мечты о дукатах разлетелись в прах, он готов был примириться теперь хоть с горстью серебра.

— Да, ваше сиятельство, это, конечно, дело полиции, но ведь полиция не поможет вашему другу, если его безопасность дорога вам.

— Дорога мне? Что вы хотите этим сказать, мой милый?

Старик наклонился к ней и шепнул ей на ухо:

— Если дверь в дом «Духов» будет отворена, то ведь и она, и он погибнут оба, ваше сиятельство.

Бианка радостно захлопала в ладоши.

— Мне только этого и надо,— воскликнула она,— пусть оба погибают!

Зануккио остался стоять на месте как окаменелый, а Бианка быстро скользнула мимо него и направилась к своей гондоле со словами:

— Пусть оба погибнут — и она, и он!

IX

Гастон де Жоазе находился в доме «Духов» уже седьмой день, когда вдруг по всем кафе и салонам Венеции разнесся слух о новом послании генерала Бонапарта, содержание которого совершенно ошеломило членов совета, и они положительно не знали, что им ответить на него. В высшей степени презрительный тон этого послания, совершенно несовместимый с самыми примитивными понятиями дипломатии, эпитет «трус», примененный к самому дожу, брань, которою Бонапарт без всякого стеснения осыпал всех остальных,— все это в другой стране сразу подняло бы республиканский дух и вызвало бы отпор, достойный народа, населяющего страну, но для Венеции давно уже миновало время, когда она заботилась еще о своей чести или о чести своих сенаторов. В продолжение нескольких дней послание это обсуждалось на всевозможные лады решительно повсюду. Несколько жалких отрядов оборванцев явились из Далмации и с островов и в виде охраны

расположились на площади Св. Марка, к большой потехе празднующих и уличных мальчишек. Венецианцы волновались, однако очень недолго, в самом скором времени они пришли к убеждению, что французы могут сжигать дома на материке, могут вытаптывать там посеы до последнего зерна, могут уводить женщин и детей, но никогда они не решатся переплыть лагуны и ворваться в Венецию. И, успокоенный этими рассуждениями, город снова отдался своей обычной дремоте, нарушаемой только пением и пляской.

Темой для послания Бонапарта послужило, конечно, предполагаемое убийство его адъютанта, графа де Жоаеза. Он открыто обвинял в этом убийстве сенат и народ и решительно заявил, что мера его терпения переполнилась, и он жестоко отомстит за смерть своего друга. Всякий другой город на месте Венеции, прочитав последнее послание, понял бы, насколько серьезно положение дел, и приложил бы все старания уладить недоразумение посредством дипломатии, чтобы спасти город от гибели.

Послание было из Граца, и написано оно было от имени генерала Бонапарта одним из командиров южного отряда, адресовано оно было к дожу и к его советникам.

«Светлейший принц, милостивые государи! Глава Французской республики все время ставил на вид вашей светлости и вам, господа, все те преступления, которые совершены в Венеции против французов. Правительство давно должно было положить им конец.

Но этого не было сделано, и поэтому число преступлений увеличивалось с каждым днем, кровь французов проливалась на ваших глазах, она требует мести и будет отмщена. Я требую мщения от имени всего французского народа. Я требую, чтобы немедленно все члены инквизиции, виновные в смерти моих соотечественников, были подвергнуты смертной казни. Я требую, чтобы наказаны были сенаторы, знавшие о заговоре против жизни графа де Жоаеза. Рекомендую вашей светлости и господам сенаторам позаботиться о том, чтобы ответ ваш был предъявлен представителю Французской республики ровно через сорок восемь часов, а главнокомандующему армией в Италии ответ этот должен быть доставлен в Мануа не позже, чем че-

рез девяносто шесть часов, начиная с сегодняшнего дня».

Итак, городу, значит, предлагалось наказать на этот раз не только наемных убийц, совершивших преступления против французов, но и самих сенаторов, руководивших этими убийцами. Относительно того, что сенаторам были известны все подробности убийства графа де Жоаеза, не могло быть никаких сомнений, так как они слишком часто перед тем выражали свое желание как-нибудь избавиться от него. В серьезности намерений Бонапарта и в том, что он приведет свои угрозы в исполнение, не могло быть тоже никакого сомнения. Бонапарт требовал ока за око и за своего адъютанта требовал смерти одного из сенаторов. Но кем же пожертвовать для удовлетворения его требований, как утолить его гнев? Вопросы эти все предлагали друг другу, но никто еще не дал никакого ответа.

Девяносто шесть часов — из них двенадцать часов господствовало полное уныние и безмолвие; двенадцать часов подряд инквизиторы с бледными, перепуганными лицами сновали по всему городу, еще двенадцать часов ушло на пересуды и разные толки на площадях и на улицах, и, наконец, настал девяносто первый час, тогда только открылась истина, поразившая всех.

Гастон, граф де Жоаез, не был убит, он жил еще! Он находился в плену у женщины. Вся Венеция разразилась громким смехом, когда решено было выдать Наполеону не только графа, но и женщину, скрывавшую его.

Когда пробил двенадцатый час после получения ужасного послания Наполеона, леди Беатриса направилась из дворца Бурано в свой дом у церкви Св. Захария. Она вся ушла в свои тяжелые мысли и не обращала внимания на необыкновенное оживление, царившее везде на каналах и на улицах; она не видела толпы инквизиторов, спускавшихся и поднимающихся по ступеням княжеского дворца. Она всею душою стремилась в свой дом, где ждала ее тайна, которая через несколько часов уже должна была перестать быть тайной, так как узник должен был вернуться снова к свободе и к своим друзьям. В душе она сознавала, что человек этот стал ей невыразимо близок за последнее время;

она была ему глубоко благодарна за то, что он доказал ей, что и она такая же женщина, как все, и что сердце ее тоже может биться от страстного чувства. Она знала, что полюбила этого француза, и он должен был расстаться с нею в этот день, который для нее мог стать днем возмездия, так как она хорошо понимала тяжелые последствия, которые должен был иметь для нее ее смелый поступок.

Между прелестной маркизой и ее узником все это время господствовали какие-то странные отношения; она не сомневалась в том, что сумела возбудить в его душе пылкое чувство к себе, но старалась сдерживать его страсть и свою, так как боялась потерять над собой власть и таким образом лишиться возможности хладнокровно служить своему отечеству; после первого поцелуя, которого она не отвергла, чтобы крепче привязать его к себе и заставить остаться в ее доме, она всячески избегала свиданий с ним и держалась с ним очень холодно и далеко.

Но в этот день, в день их прощания, она могла уже больше не сдерживать себя, так как клетка была теперь открыта и птичка должна была вылететь из нее, куда — не известно.

Она решила переговорить с Гастоном, как только приедет домой. Выйдя из гондолы, она направилась прямо в сад к фонтану; там она нашла его сидящим за столом, заваленным разными кистями и красками: он старался изобразить ее портрет на полотне, но старания его увенчались таким жалким успехом, что при виде этого портрета она не могла не рассмеяться, и он весело вторил ей.

— Это не мое ремесло, — сказал он, вставая и отодвигая от себя портрет. — Я по ремеслу солдат, и больше ничего. Ведь большинству из нас дано по одному таланту, и не более, и мы всю жизнь не можем примириться с этим и обыкновенно стремимся к большему. Я в этом отношении не составляю исключения. Я не умею рисовать, но зато воображение у меня таково, что ваш портрет, маркиза, всегда будет в моем сердце. Пожалуйста, верните мне этот портрет, — добавил он, видя, что маркиза взяла его в руки. — Он ведь все равно вам не нужен.

— Нет, я не отдам его, — ответила она, крепко сжимая полотно своими белыми, нежными пальчиками. — Я

сохраню его на память о вас, ведь кроме этого у меня ничего нет от вас.

Глаза маркизы были так красноречивы, что ей незачем было еще что-нибудь прибавлять к этим словам. Гастон, однако, понял не все, что прочел в них, и, предчувствуя только, что она хочет сказать ему что-то особенное, тревожно спросил:

— В чем дело, Беатриса, что вы хотите сказать мне?

Она ответила коротко:

— Мне многое надо сказать вам. Пройдемтесь немного, Гастон. Здесь так холодно.

Она положила портрет на стол и, осторожно дотронувшись кончиками пальцев до его рукава, пошла рядом с ним по узким аллеям своего небольшого садика. День был пасмурный, и кругом все казалось серо и печально. Гастон на второй же день своего добровольного плена снял свою форму и облекся в темно-синий костюм с красивыми кружевами на рукавах и на вороте; свою треугольную шляпу он держал под мышкой, и в таком виде он вовсе не походил на блестящего гусара, каким был так недавно еще. Оба они шли молча, глубоко задумавшись, каждый боялся предложить другому вопрос, чтобы не услышать ответа, который должен был причинить им обоим одинаково глубокое горе. Наконец Беатриса решилась первая прервать молчание:

— Что нового узнал сегодня мой пленник?— спросила она.

— Ничего, кроме новых доказательств бесконечной доброты моего милого стража,— ответил ей Гастон.

— Неужели ничто не подсказывало вам, что сегодня настал день нашей разлуки?

— К чему вы спрашиваете об этом, Беатриса? Вы знаете, что я стараюсь не думать о близкой разлуке.

— Наши желания здесь ни при чем. Судьба не справляется с нашими желаниями и распоряжается по своему. Прислушайтесь, Гастон, вы слышите шум на улицах Венеции?

Она остановилась, и оба стали прислушиваться.

Вдали, точно рокот моря, слышался гул толпы и раздавались отдельные восклицания, направленные по адресу графа де Жоаеза и самого генерала Бонапарта. Шум этот был вызван только что прочтенным наро-

ду посланием Бонапарта. Гастон, конечно, не мог знать этого и поэтому спокойно заметил:

— По всей вероятности, венецианцы получили известие о том, что Бонапарт наступает на Верону, и испугались этого. Ведь я же говорил вам, Беатриса, что дело кончится этим.

Она пошла дальше по дорожке и тихо заметила:

— Нет, Гастон, сенат, правда, напуган, но не тем, что Бонапарт подступает к Вероне, а тем, что он требует мести за смерть одного из своих соотечественников.

— Неужели убит Вильтар?

— Нет, не Вильтар, а граф де Жоазе.

Гастон громко рассмеялся при этих словах.

— Они оплакивают меня, ну, в таком случае мне придется показаться им, чтобы они убедились в том, что я жив.

— Да, я за тем и пришла к вам, Гастон: вы должны показаться, чтобы спасти этим Венецию, спасти мою родину.

Он не понял ее, так как более глубокие нити этой интриги были скрыты от его глаз, он и до сих пор только думал, что Беатриса руководствуется в этом деле личными симпатиями к нему, а не хорошо обдуманном планом, который, по ее мнению, мог только один спасти ее родину от мести Наполеона.

— Как я спасу ваш народ, Беатриса? — спросил он. — Какую роль я должен играть во всем этом?

— Послание Наполеона, полученное сегодня в Венеции, требует мести за вашу смерть, Гастон.

— Неужели?

— Генерал требует, чтобы ему вернули вас целым и невредимым или выдали ему ваших убийц.

Он весело рассмеялся при мысли, что Бонапарт настолько дорожил им, что ради него решился на такую экстренную меру, как это послание.

— Ну, так в чем же теперь дело? — воскликнул он радостно. — Мы вместе с вами предстанем перед Бонапартом, — вот и все!

Она вздрогнула при мысли о том, как мало он понимает настоящее положение дел, как он далек от мысли, что она рискует потерять не только свою честь, свою свободу, но даже и самую жизнь.

— Да, — сказала она задумчиво. — Бонапарт тре-

бует мести за вашу смерть, и поэтому вы можете спокойно теперь удалиться из моего дома, ваша жизнь вне опасности. Уходите же, если хотите, нет, вернее, уходите непременно, так как это — ваш долг, ваша обязанность по отношению к себе и к нам. Я, со своей стороны, готова...

Она старалась не смотреть на него, голос ее заметно дрожал.

И только теперь впервые Гастон догадался, в чем дело.

— Боже мой! — воскликнул он. — Неужели же они обвиняют вас в моей смерти?

— Нет, меня ни в чем не обвиняют, так как пока еще ничего не известно. У нас впереди еще несколько часов, если только ваш друг Вильтар согласится дать нам их.

— Значит, во всем деле виноват Вильтар?

— Да, это он придумал весь план. О, мой милый Гастон, как рискованно поступает та женщина, которая хочет угодить себе и в то же время спасти свою родину. Разве вы не понимаете, что нам теперь придется вдвойне расплачиваться за вас?

Она принужденно рассмеялась и, взяв его опять под руку, продолжала свою прогулку. Ей было невыразимо приятно сознавать, что она исполнила свой долг по отношению к нему и к своей родине, ему же просто не верилось, что эта женщина пожертвовала всем, рисковала положительно всем, только бы спасти его. Одну минуту он желал только одного. Уехать с ней куда-нибудь на материк и там в тиши насладиться жизнью вместе с этой очаровательной женщиной, занявшей такое исключительное место в его жизни, но потом в нем проснулось опять чувство долга и чести, он понял, что раньше, чем устраивать себе семейный очаг, он должен еще послужить на пользу своего отечества, должен еще оставаться верным своему непосредственному начальнику Бонапарту, перед которым он благоговел.

— Послушайте, Беатриса, — сказал он, — я сделаю все, чтобы вам не пришлось пострадать за меня. Я сделал большую ошибку, уступив вашим неосторожным просьбам и оставшись здесь. Сегодня же я уеду из вашего дома и расскажу всем правду, все, как было, этим я хоть немного отплачу вам за все ваши жертвы. Со временем, надеюсь, мне удастся на деле доказать вам

мою глубокую благодарность и преданность вам, а пока я могу только еще и еще раз поблагодарить вас за все, за все! Теперь же я должен проститься с вами, Беатриса.

Она ничего не ответила ему и шла несколько времени молча, не выпуская его руки из своей.

— Я вполне понимаю вас, Гастон,—сказала она наконец,—но, право же, вы напрасно в чем-то обвиняете себя: вы поступили очень умно, оставшись здесь. Когда-нибудь со временем, может быть, я снова брошу к вашим ногам белую розу, но тогда уже не будет Венеции. Она исчезнет, как этот солнечный луч, но разница между ними та, что солнечный луч вернется, а Венеция уже не возродится вновь. У нас нет больше мужчин, Гастон, а наши женщины умеют только смеяться и веселиться. Да, да, Гастон, я знаю, что моя роза вырастет уже во Франции, и, знаете ли, кажется, даже не сожалею теперь, что случилось то, что должно было случиться.

Она отняла у него руку и стояла молча, немного отстранившись от него, так как он, вне себя от жалости и любви, готов был заключить ее в свои объятия и сказать ей, что, где бы ни росли ее розы, она сама всегда будет царить в его сердце.

— Я уверен в том, что еще не все потеряно для Венеции, Беатриса,—сказал он ей сочувственным голосом,—конечно, трудно теперь что-нибудь сказать наверняка, но я уверен, Беатриса, что, если наши соотечественники будут только немного умнее в своих поступках, спасение Венеции еще возможно. Что же касается вас и вашей безопасности, то, я думаю, будет лучше всего, если я тайком выберусь отсюда и явлюсь как ни в чем не бывало в гостиницу «Белого Льва», о вас же я не скажу ни слова. Конечно, другие могут объяснить мое исчезновение иначе, но я ни словом не обмолвлюсь о вас.

— Другие просто скажут, что вы вышли из дома «Духов» ровно в двенадцать часов. Неужели, Гастон, вы думаете, что кто-нибудь может выйти днем из этого дома незамеченным?

Он подумал, немного озадаченный, потом сказал:

— Да, вы правы, в таком случае я дождусь лучше сумерек.

— И вы пойдете прямо к человеку, который скажет: мой друг, вы вернулись от маркизы?

— Как Вильтар может знать, что я был у вас?

— Подумайте сами, разве можно что-нибудь скрыть от такого человека, как этот Вильтар?

Гастон густо покраснел. Не получил ли он известие от Вильтара в первый же день своего появления во дворце маркизы? Он сразу понял, что хитрый Вильтар знал все подробности его таинственного исчезновения. И не он ли сообщил Бонапарту об этом исчезновении? И вот оба они вовлекли в опасность эту женщину, которая хотела спасти честь своей родины и жизнь своего друга. Нет, ему не следует возвращаться в гостиницу «Белого Льва», но в таком случае где же ему искать убежища?

— Ваша мудрая головка права и в этом, как всегда,— сказал он.— Вильтар все поймет, об этом нечего и думать, но что же делать Беатрисе?

— Я уже нашла выход из этого положения, Гастон. Вот идет мой слуга, он сообщит нам нечто, касающееся этого выхода.

Лакей быстро шел им навстречу и, не доходя нескольких шагов, остановился у фонтана, ожидая, пока маркиза обратится к нему с вопросом.

— Лорд Брешиа ожидает ваше сиятельство в салоне,— сказал он в ответ на ее вопросительный взгляд.

— Лорд Брешиа! — воскликнул Гастон.— Но ведь это — самый отъявленный негодяй во всей Венеции!

— И в то же время мой родственник. Благодарю вас за комплимент, Гастон.

— Простите меня, я совершенно забыл об этом. Но ведь зато я не могу забыть других вещей, связанных с этим именем.

— Сегодня забудьте про них. Нам нужны наши друзья.

— Наши друзья?

— Да, особенно такие друзья, которые откроют вам эту дверь. Она говорила вполголоса и, отозвав его в сторону, добавила:

— Единственный путь спасения — это ехать в Грац к Наполеону, и этот человек даст вам пропуск туда.

— Я поверю этому, когда увижу этот пропуск.

— Он сам вам даст его. Пойдемте!

Принимать позы было такою насущною потребностью для Лоренцо, что он не забывал этого делать не только дома, но и повсюду, где бы он ни показывался:

в своей гондоле он нарочно не устраивал каюты, чтобы все могли видеть его и наслаждаться этим зрелищем. Слабость его была известна всей Венеции, и все мальчишки на улицах во всякую минуту, по первому требованию, с удовольствием передразнивали все жесты, манеры и даже голос лорда Брешиа. В салоне Беатрисы Лоренцо чувствовал себя как дома. Высокий золоченый стул заменял ему трон, под ноги ему ставили золоченую скамеечку, огромная комната позволяла ему свободно принимать какие угодно позы; он как раз был занят этим, когда в салон вошла Беатриса. Граф расстался с ней на лестнице, откуда он прямо прошел на галерею для музыкантов, чтобы слышать и видеть все, что происходит внизу в салоне; так приказала ему маркиза. Он не поверил ни одному слову, сказанному ею насчет пропуска, так как хорошо знал старика Лоренцо, ненавидевшего всех французов.

Беатриса вошла в салон поспешными шагами, как бы торопясь приветствовать своего гостя, и тот благосклонно взял обе руки, протянутые ему хозяйкой дома, и рыцарски нежно поцеловал их. Сначала они обменялись дружескими приветствиями, потом начали разговор, но так тихо, что Гастон потерял всякое терпение и чуть не сделал огромного промаха, но в ту же минуту маркиза, указав на вышедших из комнаты лакеев, объявила, что они теперь могут говорить громко, не стесняясь.

— Вы приехали прямо из дворца, Лоренцо?—спросила она.

— Да, прямо оттуда,—ответил он.

— В таком случае вы должны первый рассказать мне свои новости.

— Новостей немного. Я говорил целый час, но без всякого результата. Ответьте этому французу в таком же тоне, как он пишет,—говорил я.—Они выслушали меня с большим нетерпением. Мне кажется, что вообще настроение толпы очень изменилось за последнее время: меня даже многие вовсе не признают в публичных местах.

— О мой дорогой лорд!

— Да, да, я сознаю это. На площади собралось десять тысяч народу, и никто не признал меня. Никто не снял своей фуражки передо мной, решительно никто!

— Однако до чего они дошли, Лоренцо, но вы, конечно, после этого отрясли прах от ног своих?

— Нет, я не думал о себе, я в эту минуту думал о своей несчастной родине, об этом беспомощном сенате, который мне жалко до глубины души.

— Да, но все же...

Она остановилась, не договаривая и перелистывая нетерпеливою рукою какой-то альбом, лежавший на маленьком столике из слоновой кости, рядом с которым она стояла.

— Но все же, Беатриса?..— повторил Лоренцо.

— Я хочу сказать, Лоренцо, что если народ глух теперь к словам такого мудрого человека, как вы, то все же, может быть, и вы сами в этом отчасти виноваты. Оставим, однако, это. Скажите мне, ведь вы должны все же ответить что-нибудь Бонапарту?

— Да, мы ответим ему тоже угрозой, ответ должен быть дан не позже восьми часов, начиная от этого часа.

— Но ведь угрозы, милорд, страшны только тогда, когда сила на стороне угрожающего.

— По-моему, угрозы — признак мужества, и на это способны только великие и сильные духом люди.

— Значит, вы приготовились сопротивляться до последней капли крови?

— Вы не поняли меня, маркиза, ведь я же говорил вам, что на мои слова теперь никто не обращает внимания. Мое мнение теперь не принимается в расчет.

— Бедный Лоренцо, и вы миритесь с этим?

— Как я могу мириться или не мириться с этим, если моего мнения даже не спрашивают?

— Заставьте их слушать себя, Лоренцо!

— Можно заставить слушаться отдельную личность, Беатриса, но не целый народ, не могу же я взять Венецию за плечи и...

— Да, милорд,— спокойно сказала она,— возьмите ее за плечи, вот и все.

— И заставить ее преклонить колени перед Наполеоном, не так ли?

— Да, конечно, Лоренцо.

— Слушайте, Беатриса, вы говорите загадками, объясните мне ваши слова.

Она придвинула стул к столу и обмакнула перо в чернильницу. Гастон наверху на галерее встал на колени, чтобы лучше расслышать каждое ее слово. Ло-

ренцо тоже нагнулся немного вперед, с жадностью ловя каждый ее жест, каждое слово.

— Я решу вам эту загадку, Лоренцо. Начнем с Бонапарта. Чего, собственно, он требует?

— Он требует или вернуть к жизни мертвеца, или казнить живых, способствовавших этой смерти.

— А каков ваш ответ?

— Мой ответ, что мы не пророки, чтобы творить чудеса и воскрешать мертвых.

— Разве ответ этот уже послан, Лоренцо?

— Нет, но сегодня же еще он полетит на континент, а оттуда с быстротой молнии будет передан в Грац.

— Я умоляю вас, Лоренцо, задержите этот ответ, ведь он безумен.

Лоренцо хотел было сказать, что ответ этот продиктован им самим, но вовремя спохватился и ничего не сказал. Беатриса, со своей стороны, слегка покраснела и старалась не смотреть на него. Она рисковала в эту минуту столь многим, что руки ее тряслись, и она не могла быть спокойна, как всегда.

— Это — безумный ответ, — продолжала она, — и если бы в Венеции нашелся хоть один умный человек, он восстал бы против него. Так я думаю, по крайней мере, Лоренцо. Вы говорите, что только пророк может сотворить это чудо. У меня как раз есть такой пророк: он в этой комнате.

Лоренцо полуобернулся назад, чтобы посмотреть, нет ли действительно кого-нибудь в комнате, кроме них, но, убедившись, что никого нет, и увидев собственное отражение в зеркале, он почувствовал себя очень польщенным и милостиво улыбнулся.

— Этим человеком вы считаете меня, Беатриса? — спросил он.

— Да, этот человек — вы.

— Вы думаете, что я могу воскрешать мертвых?

— Нет, не то, вы только можете доказать, что мертвый — жив.

— Говорите яснее, Беатриса. Я слушаю вас, но не понимаю.

— В таком случае буду говорить яснее. Гастон де Жоазе умер — вы уверены в этом?

— Я боюсь, что это действительно так.

— А между тем если бы Гастон де Жоазе покинул

вот этот дом с пропуском, подписанным вами, разве это не было бы ответом, требуемым Бонапартом?

Он слушал ее с удивлением, но не понимал ее.

— Но ведь Гастон де Жоазе умер,— проговорил он нерешительно.

— Вы вернете его к жизни, Лоренцо. Выслушайте меня. У меня в услужении есть один юноша, очень похожий лицом на убитого графа. Он предан мне, скромен и исполнителен. С пропуском, подписанным вами, он сегодня же ночью мог бы уже быть на континенте, а копия с этого пропуска будет доставлена нашим посланником Бонапарту. Стража Маэстрэ будет в этом деле нашей свидетельницей. Мы объявим у нас при дворе, что имели свои особые причины, по которым пощадили жизнь этого графа. Вы должны будете в данном случае взять, конечно, инициативу на себя, так как на меня, как на женщину, может пасть еще какая-нибудь тень. Вам же это принесет только честь и славу, и те, которые готовы были растерзать вас за это неделю назад, будут теперь целовать ваши ноги. Вот в чем состоит мое чудо, Лоренцо.

Она рассмеялась нервным смехом, который ясно выдавал ее волнение, но Лоренцо ничего не замечал и сидел как окаменелый от удивления; когда он наконец понял всю смелость ее плана, он забыл свое величие, встал с места и поцеловал с почтением ее руку.

— Я спасу свою родину,— сказал он.— Велите привести сюда нашего француза.

— Прежде подпишите бумагу, Лоренцо, пропуск в Грац.

Он подписал пропуск, дрожа от волнения.

— Я раздавлю их всех силою своего ума,— сказал он торжественно.— Позовите юношу, я растолкую ему, что делать, и затем награжу его как подобает.

— Он не нуждается ни в каких наградах,— сказала она.

— Глупости, не родился еще человек, который не нуждался бы в награде.

Призвали Гастона, и старик, который всего только два раза, да и то мельком, видал графа де Жоазе,— конечно, не узнал его и принял его очень благосклонно и приветливо.

— Вы готовы оказать важную услугу маркизе?— спросил он.

— Да, я рад служить маркизе,— ответил Гастон. В душе он до сих пор не мог оправиться от удивления: так поразила его факт, что глупость может скрываться под такой благообразной наружностью, как у Лоренцо.

— Вы возьмете этот пропуск,— сказал лорд,— и поедете в Грац, а затем проберетесь во Флоренцию, молодой человек. Помните, что вы это делаете для блага маркизы.

— Я понимаю это, милорд.

— Она рассчитывает на вашу преданность, а я на вашу благодарность, так как я дам вам сто дукатов.

— Мне ничего не надо, довольно и того, что я могу служить маркизе.

— Тем не менее вы найдете эти деньги в вашем кошельке — в наши дни нельзя путешествовать без денег. Я вполне доверяю вашей преданности, которая должна спасти две страны от неприятности.

— Вы можете смело рассчитывать на меня, милорд.

— В таком случае не теряйте времени, я буду ждать от вас известия из Маэстрэ на рассвете.

— Обещаю вам исполнить в точности ваше поручение.

Молодой человек поклонился и вышел. Лоренцо, не чувствуя под собою ног от радости, сел в свою гондолу и вернулся к себе во дворец.

«Они будут целовать мои ноги»,— говорил он себе с восторгом.

Х

Гастон окончил все свои приготовления к предстоящему путешествию с тем, чтобы покинуть дом «Духов» еще до ужина. Он с удовольствием думал о том, что снова вернется к своей обычной жизни, исполненной опасности и постоянных тревог, но в то же время не мог отделаться от грустного чувства ответственности за то, что ради него произошло в этом доме; сердце его болело при мысли о разлуке с Беатрисой, и он старался по возможности оттянуть последнюю минуту прощания. До сих пор он всегда очень легко относился ко всем своим победам и увлечениям, но на этот раз он

чувствовал, что никогда не изгладится из его души память о той, которая наполняла теперь все его мысли. Он ясно сознавал, что не только ее красивая наружность, но главным образом ее ум окончательно обворожили его. Он прекрасно понимал, что Беатриса тоже любит его и даже ради него готова была бы покинуть все и идти за ним, куда он велит. Но от этого поступка его удерживало самолюбие, так как не мог же он забыть, как много надежд возлагал на него Бонапарт и как много ждала от него Французская республика. Да, кроме того, какое-то внутреннее чувство подсказывало ему, что все равно Венеция падет несколько недель спустя, и тогда, может быть, ему удастся отблагодарить как следует за оказанную ему услугу.

Но, как ни хороши были все эти рассуждения, как ни логичны они были, Гастон все же не мог расстаться с комнатой, в которой он прожил целую неделю, с комнатой, где все ему говорило о нежной заботливости к нему хозяйки дома. Он любовно дотрагивался до вещей, которые она когда-либо брала в руки, и думал о том, что ему приходится покидать этот дом как раз в такое время, когда каждая вещица в нем стала ему дорога. Он вспоминал садик, где гулял с ней, он смотрел из окна на фонтан, около которого увидел ее здесь в первый раз, он глядел на кусты белых роз, напоминавших ему о ней, и на сердце его становилось все тяжелее, он медлил со своим отъездом и оттягивал минуту расставания.

Как умна была Беатриса, как ловко она провела этого дурака Лоренцо и заставила его плясать под свою дудку! Прислушиваясь к ее словам, пока она говорила со стариком, Гастон отчасти извинял его уступчивость, так как понимал, что нелегко ответить отказом и сохранить душевное равновесие в то время, как она убеждает в чем-нибудь своим ласковым, волшебным голосом. Ведь в данном случае он во многом походил и сам на Лоренцо, так как согласился играть роль, навязанную ему ею. Он оказался ее слугою Бернадином, преданным ей, а разве это не было так на самом деле? Да, конечно, разве в этом можно было сомневаться? Разве можно было пользоваться доверием Беатрисы и не быть преданным ей? Он обдумывал все это, а время шло, и настал наконец час ужина. Он отправился в комнаты Беатрисы и поужинал с ней, а после

ужина явился Джиованни и доложил, что гондола ждет у дверей и все уже готово для путешествия на континент. Как бы по обоюдному согласию, оба они до сих пор ни словом не обмолвились о близкой разлуке, а теперь говорить уже было некогда, пора было расставаться. Все это время Беатриса старалась быть веселой и беззаботной. Одета в белое бархатное платье, с белыми розами в волосах и крупной ниткой гранатов на белоснежной шее, она не переставала весело болтать и рассказывала разные смешные эпизоды из времен своего девичества и кратковременного замужества. Гастон тоже казался очень оживленным и с удовольствием говорил о том, как он рад, что снова очутится на континенте, снова увидит своих друзей и Бонапарта. Беатриса смотрела на него задумчивыми глазами и наконец улыбаясь сказала:

— Как я завидую вам, через два часа вы уже будете по дороге в Падуа, и вы настолько честны, что открыто высказываете свою радость по этому поводу: честность — большая заслуга в наше смутное и тяжелое время.

Они были в это время одни в комнате. Он подошел к ней, положил свою руку на ее маленькую ручку и сказал, глядя ей прямо в глаза:

— Я в данную минуту не совсем искренен и честен, Беатриса. Я ничего не упомянул о том, что смущает меня глубоко. Мне надо так много сказать вам, спросить вас о многом, а между тем...

— Гондола уже ждет у дверей, — ответила она, принужденно улыбаясь.

— Я знаю это, Беатриса. Целый день слово «пора», «пора» звучало у меня в ушах, и тем не менее я старался гнать от себя мысль о близкой разлуке. Вы не можете понять этого, вы не поверите тому, что я рад, что еду, и в то же время хотел бы остаться здесь. Если бы вы были на моем месте, ваша умная головка наверное бы не мучилась такими сомнениями, как моя. Вы решили бы дело сразу и думали бы только о том, что надо ехать, а все остальные личные чувства и мысли вы заставили бы замолчать в себе, в этом сила вашего характера. У меня же наоборот, вечно происходит колебание между чувством долга и моими личными чувствами. Но я стараюсь все же поступить так, как следует, и я уверен, что вы не осудите меня за это.

Беатриса крепко пожала ему руку, и на минуту покрасневшие веки скрыли взор ее глаз от него.

— Я понимаю вас, но я хотела спросить, вполне ли вы уверены...

— В чем, Беатриса?

— В моем чувстве к вам?

— Я стараюсь быть уверенным в этом. Мне кажется, что я действительно могу быть уверенным в вашем расположении ко мне. Когда я вернусь в Венецию...

— Разве об этом надо еще говорить, Гастон?

— Да, надо, я уверен, что, вернувшись сюда, я буду в состоянии отплатить вам за все заботы обо мне. Ничто не в состоянии изменить тот факт, что я считаю вас своим самым дорогим, самым близким другом. Мысль о вас будет наполнять мою душу днем и ночью. Я должен сказать вам, Беатриса, что я люблю вас. До сих пор я еще никого никогда не любил. Но вы не похожи ни на одну из тех женщин, которых я знал, вы заставляете меня говорить то, что, собственно, надо было отложить до поры до времени, но я не в состоянии молчать теперь.— Он действительно не собирался говорить этого, но ее присутствие, ее грустное личико лишили его последнего самообладания, и из души его вырвался целый поток красноречивых признаний и уверений в любви. Она слушала его молча, с разгоревшимися щеками, слегка отвернувшись от него.

— Я не могу запретить говорить это, Гастон,— сказала она наконец после долгого молчания,— если вы любите меня, уезжайте сегодня же из Венеции и отправляйтесь к Бонапарту, и помните, Гастон, о моем народе, о моем городе, которые так дороги моему сердцу, этого я вправе требовать от вас.

— Я пойду,— сказал он,— постараюсь оправдать ваше доверие ко мне.

Она обернулась к нему с сияющим личиком, он наклонился и поцеловал ее руки, и в эту минуту он убедился, что она любит его не менее своей родины, которой она была так преданна. Когда Джиованни вернулся, чтобы напомнить, что время уходит и пора ехать, он увидел их стоящими рука в руке и забывшими, по видимому, все на свете, кроме своей любви. Застигнутые врасплох, они, видимо, смутились, и Гастон заторопился сказать:

— Теперь в Грац — полечу туда как птица!

— Бог да хранит вас, друг мой, — напутствовала она его.

Ночь была тихая и безветренная, ярко-золотистая луна бросала целые снопы света на темные воды каналов. Несмотря на поздний час, в кафе повсюду еще светились огни, и в то время, как гондола тихо и бесшумно скользила вдоль каменных домов, Гастон мог видеть все происходящее в этих освещенных окнах и убедиться лично в том, что даже и теперь, еще венецианцы думали только о веселии и развлечениях. Гастон невольно глубоко задумался над тем, стоит ли этот город того, чтобы его спасти, да, кроме того, в душу его закралось сомнение, в силах ли он вообще сделать это. Неужели действительно для Бонапарта так важно, жив он или умер, что в зависимость от этого он поставит неприкосновенность города или его полное разрушение. Однако сомнения эти недолго волновали Гастона, он дал слово Беатрисе сделать все, чтобы спасти ее родной город, и он исполнит это слово, насколько от него зависит. Он расскажет всю правду Бонапарту, и тот, тронутый подвигом Беатрисы, сжалится над этим несчастным городом и пошлет Гастона возвестить ему это. Гастон представлял себя уже в ту минуту, когда от него будет зависеть жизнь и безопасность Беатрисы, как он будет нежен и кроток с нею, как она будет благодарить за все, что он сделает для нее и для ее города. Но для того чтобы достигнуть всего этого, ему предстояло еще совершить длинное путешествие, предстояло предстать перед лицом самого Бонапарта, и он думал об этом с удовольствием, весь охваченный стремлением к деятельности, он уже слышал голос Бонапарта, говорившего с ним, он уже придумывал ответы, которые даст ему на все его вопросы, как вдруг голос Джиованни вывел его из задумчивости.

— Ваше сиятельство, — сказал он, — вы заметили уже, что за нами следят?

— Как следят? Что вы хотите сказать этим, Джиованни Галла?

— От самого моста Св. Франциска за нами все время следует гондола с двумя белыми фонарями и одним красным.

Гастон высунул голову из окна гондолы и убедился, что юноша говорит правду.

— Вы узнаете эту лодку? — спросил он Джиованни.

— Нет, не узнаю, таких лодок в Венеции целые тысячи.

— Значит, эта лодка не из вашего дома?

— Нет, не из нашего: у нас над белыми фонарями висят зеленые.

— Не полицейская ли лодка?

— На ней никогда не бывает фонарей, если она отслеживает кого-нибудь.

Гастон рассмеялся и удобнее расположился на своих подушках.

Они выехали теперь на открытую лагуну, и огни островов казались далекими звездочками. Гондол кругом уже почти не было, и поэтому каждый всплеск, производимый веслом, раздавался гулко и ясно в ночном воздухе. Далеко впереди опять виднелись огни — это был уже Маэстрэ, там начинался континент. Местность вокруг была пустынная, как раз очень удобная для ночного нападения. Гастон прекрасно сознавал это, а между тем сам был безоружен, так как все его оружие и гусарская форма лежали в чемодане на корме.

— Что вы думаете об этом, Джиованни? — спросил он. — Почему за нами следят?

— Я не могу знать, в чем дело, ваше сиятельство, особенно если даже вы сами не знаете что это.

— Ничего не знаю, Джиованни, но, во всяком случае, грабить меня не стоит, так как у меня ничего нет.

— Не говорите, ваше сиятельство, в Венеции бывают и такие люди, которые готовы взять у бедняка последнее. Но я не думаю, чтобы дело шло о грабеже. Господа воры никогда не грабят на воде, вернее, что у вас есть враги, ваше сиятельство.

— Конечно есть, Джиованни, по крайней мере, надеюсь на это. Какая же это жизнь, если даже и врагов нет? Пожалуйста, откройте мой чемодан и достаньте мне мою шпагу. Я, правда, давно не упражнялся с ней, но все же, надеюсь, сумею дорого продать свою жизнь. Вы, как я вижу, тоже вооружены, Джиованни.

— У меня только кинжал, я скорее расстался бы с рубашкой, чем с кинжалом, ваше сиятельство.

Гастон рассмеялся и, получив свою шпагу, со вздохом стал рассматривать ее, так как она оказалась покрытой ржавчиной. Между тем гондолы быстро не-

слись вперед, между ними завязалось ожесточенное соревнование, и гондольеры обменивались громкими криками и ругательствами, столь свойственными их ремеслу, но очень неприятными для постороннего слуха. Состязание это было настолько интересное, что Гастон забыл про опасность и увлекся представлявшейся ему картиной, подбадривая своего гондольера одобрительными восклицаниями. Потом ему вдруг пришло в голову, зачем, собственно говоря, они стараются уйти от гондолы и не лучше ли остановиться и узнать, в чем дело, но Джиованни и слышать не хотел об этом и то и дело подгонял гондольера, и долгое время благодаря этому расстояние между двумя гондолами оставалось все то же, пока наконец Джиованни не воскликнул с восторгом:

— Посмотрите, ваше сиятельство, они, кажется, отстают немного, значит, мы все-таки доберемся до Маэстрэ.

— Вы хотели бы, чтобы мы непременно добрались до него, Джиованни? — спросил Гастон.

— Да, хотел бы этого не меньше вашего, вероятно.

— Ну, я об этом вовсе не особенно забочусь.

Лицо юноши сразу стало серьезным.

— Но ведь от вашей безопасности зависит честь моей госпожи?..

— Ах, да, ты и об этом помнишь, мой друг!

— Еще бы, разве могло быть иначе? Если вы не доедете до Маэстрэ, вы не исполните слова, данного моей госпоже.

— Да, но ведь этого никто не узнает!

— Не говорите этого, синьор, ее жизнь, может быть, зависит от ваших поступков.

— Ее жизнь?

— Да, ее жизнь, помните об этом, ваше сиятельство, так как она доверилась вам.

Гастон подумал немного, потом сказал:

— Вы — честный человек. Я доберусь до Маэстрэ, даже если бы мне пришлось сделать это вплавь. Мы все еще опережаем их?

— Да, значительно. Они очень отстали.

— В таком случае можно будет убрать эти игрушки.

Он, улыбаясь, указал на свою шпагу, но юноша ничего не ответил ему. В эту секунду раздался выстрел,

и гулкое эхо его пронеслось над тихой водной поверхностью. Раздался второй выстрел, и на этот раз более удачно, так как пуля пробила деревянную стенку каюты и разбила фонарь на корме. Гастон тоже стал серьезен: он только теперь понял, что ему грозила действительная опасность.

— Ваш кинжал недостаточно длинен, мой друг Джиованни, лучше будет подождать их.

— Ваше сиятельство, вы забываете Маэстрэ.

— Нисколько, только я не желаю добираться туда вплавь.

— Во всяком случае мы ради моей госпожи обязаны уже продвигаться вперед.

— Ваш гондольер думает, кажется, иначе: посмотрите, он решил почить на своих лаврах.

— Нет, ваше сиятельство, но он сбился с фарватера. Боже мой, мы, кажется, пристаем к берегу.

Он встал и начал пробираться к носу гондолы... И так велика была его преданность своей госпоже, что крупные слезы показались у него на глазах. Гондольер, спасаясь за стеной каюты от выстрелов, нечаянно причалил к берегу, и теперь спасения уже не было. Преследователи настигли их, и уже другой гондольер бросился на первого и повалил его в воду, где и старался придушить его. Гастон выскочил из каюты и с удивлением смотрел на происходившую перед ним сцену. Затем, ни минуты не медля, он быстро бросился на противника своего гондольера и проткнул его своей шпагой, несчастный, вероятно, тут же простился бы с жизнью, если бы в это время не раздался в темноте громкий голос, воскликнувший:

— Гастон, Гастон, черт вас возьми, что вы там делаете?

Узнав этот знакомый голос, Гастон рассмеялся так громко, что его, вероятно, было слышно в отдаленном Мурано.

— Жозеф Вильтар, это ты? — воскликнул он.

— Да, я, вы удирали от меня, как пират с добычей. Послушай, Гастон, ведь генерал посмеется потом над тобой.

— Пусть смеется, ведь ты чуть было не убил моего гондольера, Вильтар.

— Ну, гондольеров много в Венеции, дай ему ду-

кат, и он утешится. А вот малого, кажется, придется лечить. Давай деньги на лечение.

— Я пришлю их тебе из Маэстрэ!

Вильтар рассмеялся.

— Разве ты направился в Маэстрэ, Гастон?

— Да, почему бы и нет?

— Потому что генерал приказал тебе оставаться в Венеции.

— Генерал?

— Да, вот тебе письменный приказ его.

— Но послушай, я должен ехать, это вопрос чести.

— Мы поговорим об этом позже. Я уверен, что мне удастся удовлетворить тебя вполне. Никогда не следует ослушиваться приказаний генерала. Пойдем теперь ко мне и поговорим об этом. Тебе незачем бояться за своих друзей в доме «Духов», Гастон, я уж позабочусь о них.

Он протянул руку и хотел помочь Гастону выйти из его гондолы, но в эту минуту Джиованни дотронулся до руки графа и взглянул ему с упреком прямо в глаза. Граф остановился в нерешительности, не зная, как быть, и наконец спросил недоверчиво:

— Но если генерал прислал мне этот приказ, значит, он знает, что я жив?

— Конечно, знает,— ответил Вильтар, не задумываясь прибегнуть ко лжи, лишь бы достигнуть своей цели.— Но фарс этот длится и без того довольно долго, едем со мной назад, и я объясню тебе, как ты можешь услужить своим друзьям. Ты совершенно прав, что думаешь о них, но верь мне, в сущности, это довольно бесполезно. Ведь главное все же — приказ Бонапарта, ты должен исполнить его.

Джиованни опять тронул Гастона за рукав и сказал ему с упреком:

— Ваше сиятельство, поезжайте в Маэстрэ, вы обещали это моей госпоже.

— Но ведь вы же слышали, Джиованни, что в этом больше нет никакой надобности?

— Честь и данное слово прежде всего, сударь, к тому же я не доверяю этому человеку.

— Вы ничего не понимаете в этом, Джиованни. Возвращайтесь домой и скажите, что мне теперь не надо ездить в Маэстрэ. Если же окажется, что генерал Бонапарт не знает о том, что я жив, я сейчас же поеду к нему.

— Но ведь в это время госпожа моя может пострадать из-за вас, ваше сиятельство!

— Послушайте, Джиованни, я позволю себе отрубить руку раньше, чем допущу, чтобы маркизе Беатрисе причинили хоть малейшее зло.

— Иди, иди,— кричал Вильтар из другой гондолы.— В чем дело, граф? Не беспокойся о своих людях! Они сами позаботятся о себе. Чего ты медлишь еще?

— Я не медлю, я уже иду, Вильтар!

Он протянул юноше руку и крепко пожал ее, как бы извиняясь перед ним за свой поступок.

— Не бойтесь ничего, вы в скором времени получите добрые вести обо мне,— сказал он.

Но Джиованни ничего не ответил, только крупные слезы навернулись у него на глазах.

ХІ

На третий день после отъезда Гастона Беатриса отправилась, как всегда, к ранней обедне в собор, она встала опять на то же место, где впервые увидела любимого человека, и, сама не зная почему, бросила на пол белую розу, хотя на этот раз некому было поднимать ее, и она увяла, растоптанная чужими ногами. Беатриса не могла дать себе отчета, почему она сделала это, она просто чувствовала безотчетное стремление хоть этим помянуть прежнее, в душе при этом она невольно подумала: как эта роза растоптана ногами посторонних лиц, так и моя любовь, наверное, погибнет в самом расцвете.

Она была настолько умная женщина, что не могла не понимать человека, ради которого она пожертвовала так много и ради которого ей еще, может быть, предстояло выстрадать даже еще больше. Она понимала, что Гастона подкупила жалость к ней, а может быть, и ее красота, а на самом деле он оставался таким же свободным и независимым, как и до первой их встречи. Галантный, вежливый, любитель приключений, он еще не научился любить как следует ни одну женщину. Беатриса не скрывала от себя, что та, которая сумеет пробудить в его сердце истинную любовь,— пробудит в нем и все лучшие, дремавшие еще в его душе чувства, но будет ли она этой счастливницей или кто-

нибудь другой, этого она не знала и даже боялась задумываться над этим. Она осторожно опустила на пол свою белую розу и подумала о том, что на кусте вскоре распустится другая такая же роза, подобно тому, как и для нее начнется теперь другая жизнь, еще не известная ей.

Она довольно долго оставалась в церкви и, когда наконец вышла из нее в сопровождении своего верного Джиованни, с удивлением заметила, что на площади перед собором собралась целая толпа молодых людей и молодых девушек. Сначала она думала, что какая-нибудь знаменитость прошла в церковь и все ожидают теперь ее выхода оттуда, но потом еще больше удивилась, когда при виде ее все расступились и чей-то голос громко крикнул из задних рядов:

— Да здравствует Беатриса!

Крик этот был восторженно повторен всей толпой, и все кругом на улице и по дороге к ее гондоле проводжали ее этими криками, из лавок повысыпали все приказчики, из домов выбежала прислуга, все смотрели вслед маркизе и громко кричали:

— Да здравствует Беатриса!

Беатриса испугалась, сама не зная чего, нервная дрожь пробежала по ее телу. «Почему они так приветствуют меня? — подумала она. — В чем дело?»

И она обратилась с этим вопросом к шедшему рядом с ней Джиованни:

— В чем дело, Джиованни? Почему эти люди следуют за нами?

— Они следуют все за нами, маркиза, чтобы выразить вам свои чувства.

— Но почему это им вдруг вздумалось, Джиованни, чем вызваны эти чувства ко мне?

— Они считают, что вы много сделали для них, для их города.

— Я не понимаю ничего, Джиованни, говори яснее.

— Мне кажется, они узнали все про графа де Жоаеза, маркиза.

— В таком случае мне грозит неминуемая опасность, Джиованни.

— Опасность уже давно грозит вам, маркиза, только сегодня она немного ближе, чем прежде.

Толпа сопровождала их до гондолы, а затем, усевшись в другие гондолы, проводила их аж до самого до-

ма. К месту происшествия поспешили цветочницы, и многие купили цветы для того, чтобы бросить их теперь в каюту, где сидела Беатриса. Всем жителям Венеции, по-видимому, очень понравилась подобная забава, они стекались со всех концов, и число гондол все возрастало, и наконец они совершенно запрудили узкий канал, ведущий к дому Беатрисы, так, что в дело вмешалась полиция. Никогда Беатриса еще не радовалась тому, что наконец-то она дома, как именно в этот день, но и тут ее ждал новый сюрприз. В доме все было пусто, на лестнице не видно было лакеев в красных livreaх, и только одна служанка, по имени Фиаметта, явилась откуда-то на зов своей госпожи.

— Куда делись все слуги?— спросила Беатриса дрожащим голосом.

— Они все покинули ваш дом, маркиза, они ушли уже час тому назад.

— Но кто же приказал им уйти, дитя, говори скорее!

— Не знаю, маркиза, я знаю только, что сюда приходил посланный из дворца. Они сейчас же после его ухода разбежались все в разные стороны.

— Ты говоришь, был посланный из дворца? Ты не знаешь его имени?

— Это был капитан Пауль да Понте, ваше сиятельство.

Джиованни при этом имени сделал шаг вперед, а Беатриса схватилась рукой за перила, чтобы не упасть. Лицо ее было блее мраморных стен. Она уже раньше слышала имя этого человека, который один во всей Венеции мог вселить в нее чувство страха и ужаса. Пауль да Понте— в этом имени сосредоточивалось все, что может быть низкого, жестокого и подлого на земле. Зачем они присылали его к ней?

— Оставил ли он мне какую-нибудь записку?— спросила она слабым голосом.

— Нет, ваше сиятельство, он сказал только, что скоро вернется опять.

Она больше не могла оставаться равнодушной при этом известии и, ни слова не говоря, поднялась наверх по лестнице, прошла анфиладу пустых комнат и, погруженная в глубокое раздумье, остановилась наконец у одного из окон своего салона. Настал роковой час, она знала, что жребий брошен, но каков был результат

этого, она еще не знала, и поэтому, содрогаясь от ужаса, отошла опять от окна в нерешительности. В это время кто-то постучал внизу, и в дверях в скором времени появился лорд Брешиа, улыбающийся и довольный. Он пришел объявить, что теперь все уже известно, и просил ее прислать скорее Гастона де Жоаеза в сенат.

— Что случилось в вашем доме, что мне приходится являться к вам без доклада, Беатриса?— сказал он, улыбаясь иронической и многозначительной улыбкой.— Неужели для услуг вашего гостя нужно столько людей, что даже некому доложить вам о приходе близких родственников? Понимаю, понимаю все, милое дитя, и так как мы— все люди, все грешны, то я и не осуждаю вас. Час осуждения прошел, настал час торжества, все прославляют имя Беатрисы. Зачем я стану бранить ее?

— Дорогой лорд,— сказала Беатриса холодно,— вы, кажется, явились ко мне прямо с веселого ужина? Пожалуйста, опомнитесь и подумайте о том, где вы находитесь. Вы находитесь в доме «Духов» у своей родственницы. Вы, кажется, забыли это?

Лоренцо всегда немного трусил Беатрисы, даже когда она была в хорошем настроении духа, и теперь ее слова произвели на него отрезвляющее впечатление; он сразу принял смиренный и покорный вид и заметил заискивающим тоном:

— Я шучу, конечно. Но все же я хотел бы узнать истину, Беатриса. Все говорят, что этот человек находится в вашем доме, что его присутствие здесь выручит нас и спасет город. Я пришел сюда узнать, следует ли заставить замолчать эти колокола, откройте окно, и вы услышите их звон. Расскажите же мне скорее всю правду, маркиза!

Беатриса, все еще стоя у окна, тоже слышала этот веселый звон колоколов, говоривший о том, как удалось обмануть ненавистного Бонапарта, но она ничем не выдала своего волнения и спокойно сказала:

— Я скажу вам правду: граф де Жоаез покинул этот дом три дня назад.

— Он покинул этот дом, превосходно, значит, честь наша спасена! Молодой человек скрывается до тех пор, пока не потребуются его отсутствие. Ловко придумано! Я бы никогда ничего подобного не придумал, Беатриса.

— Я не сомневаюсь в этом, Лоренцо.

Слова эти были сказаны с горькой усмешкой. Беатриса медленно отошла от окна и приблизилась к креслу, где сидел Лоренцо.

Она чувствовала, что играет опасную игру, что каждый шаг приближает ее к опасности, и тем не менее она в совершенстве владела собой, говоря Лоренцо:

— Да, граф покинул этот дом и не вернется обратно. Ваши колокола должны были бы звонить немного раньше, теперь уже слишком поздно.

Лоренцо громко рассмеялся, приняв ее слова за остроумную шутку.

— Понимаю, понимаю, молодой человек отправился на континент, а там стража арестует его и вернет обратно. Трудно придумать что-нибудь более умное, вы — положительно гений, Беатриса... Я сегодня же расскажу это светлейшему и сенату, они вспомнят тогда, что вы мне родственница. Итак, значит, вы послали его в Маэстрэ?

Он был так доволен этой удачной шуткой, что долго не мог успокоиться и смеялся так, что слезы выступили у него на глазах.

— На чьей же гондоле спасся этот молодой человек? — спросил он наконец, немного успокоившись.

— На одной из ваших гондол, Лоренцо, которую доставил сюда из дворца Джиованни.

— Но ведь в таком случае заслуга в этом деле главным образом моя, маркиза?

— Не могу отказать вам в этом, особенно если это доставляет вам такое большое удовольствие, Лоренцо.

— Вы положительно для меня лучше родной дочери, Беатриса. Я расскажу об этом сегодня же на утреннем заседании в сенате. Это подольет масла в огонь, Беатриса, и надо, чтобы народ тоже узнал об этом. Ведь вы не захотите этого скрыть от народа, Беатриса?

— Ничего не имею против этого, пока народ в таком же настроении, как теперь.

— Вы думаете, что настроение это изменится?

— В настоящее время все возможно.

— Ну, что заглядывать в будущее? Надо жить настоящим. Что может случиться сегодня? Ведь не пробрался же ваш Гастон мимо стражи и не добрался же он до Бонапарта?

— Почему бы и нет, Лоренцо?

— Ах, пустяки, но какой же офицер решится пропустить его?

— Тот, кто прочтет ваш пропуск.

— Какой пропуск?

— Данный вами в моем же доме, вы забыли про него?

— Но ведь я же его дал юноше по имени Бернадин.

— Нет, вы дали этот пропуск на имя графа де Жоаеза, я сама прочла его.

Лоренцо вскочил с места как ужаленный. Ужас открылил его.

— Как, вы говорите, что это не был пропуск на имя Бернадина?

— Спросите стражу в Маэстрэ, кто проехал там на рассвете.

— Но ведь это может стоить мне головы, маркиза. Вы не понимаете того, что говорите.

— В таком случае можете мне не верить, Лоренцо. Предоставим все времени, как вы говорите. Зачем заглядывать в будущее?

— Умоляю вас, будьте откровенны со мной, Беатриса. Был ли тот юноша, которому я дал пропуск, который выехал из вашего дома в моей гондоле, Бернадин.

— Нет, Лоренцо, это не был Бернадин.

— В таком случае кто же это был?

— Гастон де Жоаез.

— Господь да хранит меня — я погиб, в этом не может быть сомнения!

— А вы за меня тоже не хотите помолиться, Лоренцо?

— Нет, не хочу, вы ведь и так насмеялись надо мной, к тому же вы — женщина и умны как бес. Велите вызвать мою гондолу. Я сейчас же поеду во дворец, надо сейчас же принять какие-нибудь меры.

Беатриса весело рассмеялась и протянула ему руку.

— Так как у меня не осталось больше слуг, Лоренцо, то некому вызвать вашу гондолу. Но не бойтесь так за себя: у нас ведь так мало великих людей — кто решится дотронуться до вас?

Он обдумывал тот же вопрос, интересовавший его, и казался таким беспомощным, таким жалким в эту минуту, что будь это не он, а кто-нибудь другой на его месте, маркиза непременно пожалела бы его, но в этом

случае она не чувствовала ни малейшей жалости, так как в эту минуту опасности он даже ни разу не вспомнил о ней самой.

— Я пойду во дворец, они выслушают меня, я обращусь, наконец, к народу. А вы, маркиза, молитесь, больше вам ничего не остается делать. Может быть, сегодня еще я буду лишен свободы. О, милосердный Боже!..

Он ушел, а Беатриса осталась одна в пустом доме.

ХП

Беатриса и не заметила даже, как пусто было в ее доме, пока не стало совсем темно и в ее комнату вошел Джиованни, чтобы зажечь свечи. Увидев свою госпожу, сидящую в глубокой задумчивости над разбросанными по столу бумагами, он спросил ее нерешительно:

— В котором часу, ваше сиятельство, будете ужинать?

Беатриса подняла голову, отложила перо, которое она держала в руке, и спросила его в свою очередь:

— Разве слуги вернулись, Джиованни?

— Нет, ваше сиятельство, но мой отец здесь, и, кроме того, сестра Фиаметты тоже еще здесь.

— Ну, в таком случае мы справимся и без других. Но скажи мне, Джиованни, откровенно, почему все остальные слуги покинули меня.

— Я уже думал об этом, ваше сиятельство, но...

— Говори, Джиованни, я слушаю.

— Они все видели капитана да Понте и знают его, ваше сиятельство.

Беатриса вздохнула, и при виде ее огорченного личика Джиованни стал смелее; он подошел к ней, опустился перед ней на колени и умолял ее выслушать его.

— Ваше сиятельство, они умно сделали, что ушли,— сказал он.— Ради Бога, выслушайте меня до конца. Когда капитан вернется, вы будете одна. Этот дом уже не может больше служить вам защитой, послушайтесь моего совета и позвольте отвезти вас в дом моего отца: там вы будете в безопасности. У меня много друзей среди народа, ваше сиятельство. Теперь еще не поздно, но каждая минута дорога. Ради Бога, послушайтесь моего совета.

Никогда еще в продолжение своей десятилетней службы в доме «Духов» Джиованни не обращался так смело к Беатрисе, и теперь он сам был так поражен своей смелостью, что ноги его дрожали, и он должен был опереться на руку, чтобы не упасть. Его глаза, казалось, читали на ее лице и старались угадать, что она изберет: смерть или жизнь, но она отвернулась от него, чтобы скрыть выражение своего лица, скрыть свои слезы.

— Благодарю вас, Джиованни,—сказала она тихим голосом,—благодарю вас за вашу любовь, за вашу преданность, я нуждаюсь в них сегодня больше, чем когда-либо, но о том, чтобы я ушла отсюда, не может быть и речи, это невозможно! В Венеции мужчины иногда бегут от женщин, а не наоборот, я не уйду отсюда. Это — мой дом, и я останусь в нем, пока у меня есть такие верные слуги, как вы. Теперь уходите, я вполне поняла вас и благодарна вам, но скажите и другим, что я ничего не боюсь.

Он покинул ее очень неохотно, а она опять принялась писать что-то. В доме было тихо, как в могиле, но это была зловещая тишина. Беатриса сидела теперь в комнате, которую недавно еще занимал Гастон; всякая вещица в ней напоминала ей о человеке, которого она так сильно и едва ли не напрасно любила. Зачем он покинул ее? — спрашивала она себя. — Разве они не могли вместе бежать из этого города, добраться до Маэстрэ, а затем укрыться где-нибудь в горах? Она говорила себе, что Гастон чувствует к ней жалость, похожую на любовь, но это не есть настоящая любовь. Когда-нибудь другая женщина научит его любить как следует, она будет счастлива там, где бедная Беатриса пожертвовала всем и не выиграла ничего. Горечь наполнила ее душу. Но какие же недостатки мог он найти в ней? Неужели она была недостаточно хороша собой, недостаточно умна, недостаточно любила его? Она взглянула на себя в зеркало и убедилась в том, что красивее ее трудно было найти другую женщину, и зеркало ей действительно говорило правду.

Да, она была прекрасна, и новый фасон платья времен Директории, только что полученный ею из Парижа, удивительно шел к ней и еще больше оттенял ее редкую красоту. А между тем кому нужна была теперь ее красота? Кто будет любоваться ею? Капитан да Пон-

те — величайший негодяй всей Венеции! Беатриса прекрасно знала, какая опасность грозит ей от этого человека, а между тем, несмотря на свой страх перед ним, она решилась мужественно встретиться с ним лицом к лицу. Она ждала его теперь и считала минуты до его прихода; как тревожная тень, мелькала она по темным комнатам и останавливалась, прислушиваясь наверху лестницы, чтобы посмотреть, не идет ли он.

Что-то ждало ее впереди? — думала она со страхом и трепетом. Наконец внизу раздался сильный стук в двери: это пришел Пауль да Понте. Она стояла наверху на площадке и смотрела, как он поднимался по лестнице в сопровождении своих помощников. Она хорошо знала этих помощников: это были самые свирепые, самые жестокие люди, состоявшие на службе великой инквизиции. Она подождала немного наверху, потом медленно прошла в комнату, где только что сидела перед тем.

Паулю да Понте пришлось пройти через много комнат, пока он добрался наконец до маленького салона, и Беатриса ясно слышала по его твердым, решительным шагам, что он совершенно уверен теперь в том, что птичка сидит в клетке и уже не улетит от него. Когда он вошел наконец в комнату, где она сидела, он остановился на минуту, ослепленный ярким светом и удивленный тем, что застал ее за письменным столом с пером в руках: она как раз перелистывала бумаги, когда он появился на пороге ее комнаты. Пауль да Понте запер за собою дверь и вежливо поклонился маркизе. У него были довольно приличные манеры и даже представительная наружность.

— Простите, маркиза, что я беспокою вас, — проговорил он громко, — но я уверен, что вас уже предупредили о моем посещении.

Беатриса сейчас же отложила в сторону перо и сказала:

— Да, синьор, и я вас жду уже с полудня.

Он сделал шаг вперед, так, что свет свечей падал прямо на него и освещал его большие рыжие усы. Одет он был в зеленый кафтан с золотыми пуговицами, на ногах были высокие сапоги, на плечах виднелся темный плащ, на голове возвышалась треугольная шляпа. Он улыбнулся на слова маркизы и показал свои превосход-

ные зубы. Руки у него были грубые и некрасивые, губы — слегка оттопыренные и ярко-красные.

— Я очень рад, что вы ждали меня,— сказал он, опять кланяясь,— а то неприятно врываться насильно, особенно к женщине. Я явился к вам только по приказанию свыше, маркиза.

Он достал какую-то бумагу из своего кармана и подал ее маркизе. Пока она читала ее, он ясно выражал признаки нетерпения.

— Вы, вероятно, осведомлены насчет содержания этой бумаги?— спросила она.

— Да, конечно, маркиза. Наши сенаторы остались очень довольны вашим поступком и хотят теперь продолжать дело уже сами. Я явился сюда за тем, чтобы снять с вас ношу и взвалить ее на их плечи.

— Найдете ли вы эту ношу, синьор? Вы не подумали об этом?

— Я решил во что бы то ни стало ее найти.

Беатриса встала с места так спокойно и с таким достоинством, что капитан вообразил, что она сразу сдалась и идет выполнять его поручение, но она остановилась посередине комнаты и сказала:

— Иногда решимость менее полезна, чем покорность, капитан. Позвольте же вам прямо сказать, что графа де Жоаеза нет в моем доме.

— Как вам угодно, сударыня,— сказал он, улыбаясь и еще раз кланяясь.— Я подожду, пока он вернется сюда. Не бойтесь, что окажусь слишком навязчивым: я постараюсь ничем не беспокоить вас.

Она вздрогнула, услышав в его голосе насмешку, и холодно ответила:

— Я никаких беспокойств не боюсь. Граф покинул мой дом три дня назад и, вероятно, на следующий же день проехал уже Маэстрэ. Стража подтвердит это. Пусть сенаторы пошлют справиться на континент и напрасно не беспокоят меня по этому поводу.

Капитан Пауль выслушал ее с восторгом, он радовался тому, что она говорит заведомую ложь, так как это давало ему возможность остаться дольше в ее доме. «А ведь прекраснее этой женщины нет никого в этом городе»,— думал он про себя, любуясь ею.

— Сударыня,— сказал он, опускаясь в кресло и многозначительно покачивая головой,— я вижу, вы не доверяете мне, позвольте повторить вам данные мне

инструкции. Прежде всего мне велено явиться к вам и поблагодарить вас от лица светлейшего принца: это — первый мой долг. А затем можно уже приступить к делу. Ваш друг, граф Гастон, и я должны немедленно же вместе явиться в сенат. Теперь, как видите, мы с вами говорим вполне откровенно: вы сказали мне то, что считали нужным сказать, я говорю то, что должен сказать. Покончим же на этом и посмотрим теперь, что скажет сам граф.

— Если вы желаете говорить с графом, — сказала маркиза, — вам придется ехать в Маэстрэ. Конечно, вы не верите мне, но, тем не менее, я повторяю вам, что граф Гастон отправился в Грац.

— Это неправда, маркиза, вы лжете.

Она отпрянула назад, и руки ее судорожно сжались: если бы у нее было какое-нибудь оружие в руках, она бы бросилась на капитана.

— Капитан да Понте, это сенат поручил вам сказать мне это?

Он грубо ответил ей:

— Сенаторы велели мне исполнить мой долг. Послушайте, чего вы боитесь? Ведь в Венеции всем известна эта история. Неужели вы думаете, что можете спрятать этого человека, как жемчужину? Нет, сударыня, я должен его увидеть сейчас же, здесь же, он должен отправиться со мной в сенат. Что касается Маэстрэ, мне нечего отправляться туда, так как стража там уже давно допрошена, и оказывается, что в продолжение целой недели ни один француз не переходил там границы. Вы все это придумали очень правдоподобно, сударыня, но тем не менее будет лучше, если вы все же скажете мне наконец правду. Будьте же благоразумны!

Более проницательный и чуткий человек, чем капитан да Понте, по лицу маркизы угадал бы, что она говорит правду, так как при известии, что ни один француз не проезжал Маэстрэ, она вдруг зашаталась и чуть не упала; на лице ее выразилось глубокое удивление и затем почти отчаяние. Значит, человек, которому она доверяла, который дал ей слово, не сдержал его.

— Послушайте! — воскликнула она вдруг с отчаянием, — даю вам слово, клянусь вам, что граф де Жоазе находится теперь на пути в Грац.

— Напрасно все, сударыня, я знаю, что он находится в этом доме!

— В таком случае ищите его, синьор, и найдите, если можете.

Так говорила она презрительно, в то время как все, казалось, было уже потеряно и вся комната кружилась перед ее глазами. Она не думала ни об опасности, угрожавшей ей самой, ни о злых языках, которые, конечно, не пощадят ее репутации; в сердце ее кипела только обида при мысли о том, что человек, которому она доверилась, обманул, по-видимому, ее доверие, и мысль об этом заставила ее содрогнуться на мгновение. Пауль да Понте, зорко следивший за ней, увидел ее колебание и истолковал его по-своему.

— Да, маркиза,—сказал он,—я буду искать его и очень сожалею о том, что вы только напрасно затрудните меня. Я обещаю вам со своей стороны, что не сделаю вам никакого вреда, но предупреждаю, что не могу поручиться за своих людей. Они побывали не раз на войне и выучились там жечь дома и грабить их в честь нашей великой республики. Я слышал, что их называют славянскими дьяволами, посмотрим, оправдают ли они свою репутацию.

Он отвернулся, грубо рассмеявшись, и позвал своих людей; они бросились все сразу наверх и через секунду рассыпались по всем комнатам, как собаки в поисках добычи. Сам же да Понте остался стоять в дверях будуара и оттуда отдавал им свои приказания. Они бродили повсюду, срывая везде занавесы и портьеры, разбивая вдребезги все запертые двери. Их громкие грубые голоса слышались решительно со всех сторон. И когда вдруг где-то вдали раздался громкий женский крик, да Понте впервые взглянул опять на маркизу, как бы наблюдая за тем, какое впечатление этот крик произвел на нее.

— Как видите, они допрашивают ваших слуг,—сказал он,—я вижу, что вам это неприятно, что делать! Зачем вы заставляете меня это делать, маркиза? Почему вы не хотите быть благоразумны?

— Я ведь уже сказала вам все, что знаю,—ответила она ему спокойно и с достоинством.

— Вы не сказали мне правды, а я только и добиваюсь ее. Вы слышите, как действуют там мои люди, они, по-видимому, не верят вам, да и я ведь тоже не ве-

рю вам. Неужели вы думаете, что мы съедем его? Ничего подобного. Нам пришлось заплатить большую сумму за его тень, и теперь мы хотим вернуть хоть часть денег обратно. Пусть он доверится мне и пойдет со мной, и я ручаюсь вам, что худшее из того, что его ждет,—это хороший ужин и пропуск в Маэстрэ. Вы должны знать, зачем он нам нужен, маркиза. Я не верю в то, что вы этого не знаете, а что вы думаете выиграть своим молчанием, право, я не знаю. По-моему, ровно ничего.

Беатриса слушала его молча, она стояла и обдумывала все то, что он ей сказал относительно любимого человека, и чем больше она думала, тем тверже становилось ее убеждение, что да Понте обманул ее и Гастон уже давно миновал Маэстрэ. «Ну, а если он даже и не проезжал Маэстрэ,—думала она,—разве это значит, что он еще находится в Венеции? Очень может быть, что обстоятельства сложились так, что ему вовсе незачем было ехать туда. Может быть, он просто сел на одно из французских судов, стоявших в Лидо». Да, это было крайне неблагоразумно — сомневаться в его верности и неподкупности. Она могла обвинить Гастона в легкомыслии, но сомневаться в его честности и правдивости она не имела ни малейшего права.

Пауль да Понте не спускал с нее глаз и, к удивлению своему, заметил, что, несмотря на все еще большую бледность, она как будто сразу ожила и на устах ее даже появилась улыбка,—он положительно не знал, чем объяснить эту видимую перемену в ней.

— Капитан да Понте,—сказала она, и по голосу ее он слышал, что всякий страх к нему исчез с ее стороны,—вы совершенно правы в том, что мне незачем скрывать графа де Жоаеза, если бы он еще находился в моем доме. И к чему мне лгать, если после десятиминутного обыска все равно присутствие его выяснилось бы непременно? Вы положительно оскорбляете меня, но не забывайте, что у меня хорошая память и что я обещаю при первой же возможности припомнить вам сегодняшний день.

Эта угроза показалась ему настолько смешной в данную минуту, что он рассмеялся, подошел к дверям и широко распахнул их, чтобы она могла лучше видеть все, что происходит в доме. Он с удовольствием прислушивался к тому, как его люди с дикими криками

и воплями бегали по всем комнатам, повсюду втыкали свои длинные штыки и кинжалы и осматривали тщательно каждый уголок; они походили на свору собак, только что спущенных с цепи. Наверху на площадке виднелись Джиованни и его отец Педро, связанные по рукам и ногам. Негодяи с громким криком стали скатывать их вниз по ступеням. Фиаметта, горничная маркизы, бросилась откуда-то к своей госпоже и, упав к ее ногам, воскликнула с мольбой:

— Спасите меня от них, ваше сиятельство, ради Бога, спасите!

Беатриса крепко прижала к себе девушку, но не сказала ни слова, чтобы еще больше не раздражить да Понте. Он пришел сюда только затем, чтобы убедиться, что графа действительно здесь нет, но он хорошо понимал, что, позволив своим людям искать его, как и где они захотят, он в то же время не должен был забывать, что не следует переходить известных границ, иначе ему придется отвечать перед сенатом. Он крикнул им, чтобы все они шли вниз искать там, и только некоторым из них приказал оставаться с ним в салоне.

— Маркиза,—сказал он с напускной вежливостью,—вы позволите мне допросить ваших слуг? Я думаю начать прежде всего с этой девушки.

Около дюжины его слуг выстроились шпалерами около обеих женщин так близко, что Беатриса чувствовала их дыхание на своем лице. Сам да Понте уселся в другом конце комнаты, у стола и, взяв перо в руки, начал свой допрос, обращаясь к Фиаметте со словами:

— Послушайте, кто вы и как вас зовут?

Фиаметта дрожала так сильно, что только крепче прижалась к своей госпоже и не могла вымолвить ни единого слова. Терпение да Понте быстро истощилось.

— Заставь ее отвечать, Джузеппе,—сказал он, обращаясь к своему сержанту,—заставь говорить эту кошечку.

Джузеппе не стал ждать вторичного приказания. Огромного роста, с большими черными усами и маленькими, хитрыми глазками, он ринулся на девушку, грубо схватил ее за руку и поволок к столу.

— Ты слышала, что сказал капитан? Так отвечай ему.

Беатриса задрожала, но не вмешивалась ни во что.

Она знала, что каждое слово подвергнет ее только лишним оскорблениям. «Когда-нибудь да Понте дорого заплатит за эту ночь»,— думала она. Ему, по-видимому, понравился страх и ужас этой несчастной девушки; он схватил ее за руки и потащил к себе:

— Говори свое имя!— крикнул он.

Фиаметта молчала. Страх лишил ее языка. Три раза да Понте повторил свой вопрос и наконец с нетерпением отбросил перо, которое держал в руке.

— Отведи ее вниз, Джузеппе, там ей развяжут язык. Пусть она покричит немного.

Бедную девушку схватили и потащили вниз, не слушая ее отчаянных криков. Беатриса бросилась к ней, но ее схватили и оттолкнули в сторону, причем платье ее разорвали в клочки и на ее нежных плечах появились синяки от грубых рук, схвативших ее. Почти в полуобморочном состоянии она опустилась на стул. Да Понте снова взялся за свое перо.

— Я вижу, вы хорошо тренировали своих слуг, маркиза,— сказал он.— Но мы начнем снова, если позволите,— и затем, обращаясь к Джузеппе, добавил:— Пусть приведут сюда отца и сына. Я уверен, что они наверное расскажут нам что-нибудь.

Сейчас же в комнату были введены Джиованни и его отец, веревки с них были сняты, у старика на лбу сочилась из раны кровь, губы Джиованни были плотно сжаты, он оглядывался кругом, как будто глаза его, ослепленные внезапным светом, плохо различали окружающие его предметы; он старался не встречаться, однако, глазами со своей госпожой, а при виде да Понте лицо его сразу вспыхнуло гневом.

— Итак, значит, это вы— Джиованни Галла?

— Точно так, ваше сиятельство, я— Джиованни Галла.

— Я вижу, что вы будете отвечать, и даже очень вежливо. Прекрасно. Я должен предложить вам несколько вопросов, Джиованни Галла. Прошу отвечать на них как можно внимательнее и осторожнее.

— Отвечать надо всегда осторожно, ваше сиятельство.

— В таком случае в данную минуту будьте же вдвойне осторожны. Вы знакомы с графом де Жоазом, Галла?

— Да, я прекрасно знаю его, ваше сиятельство.

— И вы знаете, что он находился в этом доме, так как вы прислуживали ему?

— Вы говорите истину, ваше сиятельство.

— А вот наконец-то мы доберемся до правды. И граф, значит, уехал из этого дома, Джиованни Галла, не так ли? Когда же он покинул вас?

— Третьего дня, в полночь, ваше сиятельство.

— Очень послушный лжец, нечего сказать. Постойте-ка немного, молодой человек, а мы пока допросим вот этого почтенного и древнего оракула. Это — ваш отец, если не ошибаюсь? Итак, старина, я вижу, с вами обошлись немного жестоко, но это ваша вина. Будьте же хоть теперь благоразумны. Я пришел сюда не для того, чтобы причинять неприятности вашей госпоже, но для того, чтобы оказать ей услугу. Скажите мне, где я могу найти графа, и я сию же минуту покину этот дом.

Старик поднял голову, посмотрел да Понте в лицо и, сделав шаг вперед, произнес:

— Вы никогда не найдете графа де Жоаеза, для этого вы слишком глупы.

Гневный шепот, пробежавший по рядам слуг да Понте, не нашел в нем, однако, отголоска; ему, по-видимому, напротив, понравилась смелость старика. Он ведь и не мечтал вовсе быть умным, он предоставлял это духовенству и старым бабам, заседавшим в сенате. Он был солдат в глубине своей души и вовсе не желал обладать большим умом.

— Может быть, я и недостаточно умен, старик, — проговорил он, — но вам-то незачем мне было это говорить. Скажите мне, где я найду графа, и я готов простить эту дерзость.

И он угрожающе посмотрел на старика.

— Если вы не скажете мне правды, — добавил он грозно, — я велю вам вырвать язык.

Старик выслушал эту угрозу совершенно спокойно и сказал:

— Клянусь небом, я не скажу вам больше ни слова.

Да Понте вскочил с места и угрожающим жестом указал на старика.

— В таком случае ответственность да падет на вас самих, безумец! Джузеппе, выучи говорить этого старого дурака. Живей, учи его говорить!

Он встал и поднял свечу, чтобы хорошенько все видеть.

«Неужели он говорит серьезно? — подумали невольно жертвы, остававшиеся еще в этой комнате. — Неужели он приведет в исполнение эту угрозу?»

А между тем Джузеппе уже подошел к старику твердыми, уверенными шагами, остальные слуги схватили его за руки и поставили на колени.

— Говори, старик, будешь отвечать?

— Я уже все сказал.

Они отклонили назад его голову и старались поймать пальцами язык. Раздался ужасный крик, и опять все смолкло в комнате, тогда Джиованни схватил со стола тяжелую металлическую фигуру и пустил ее прямо в лицо Джузеппе.

Негодяй упал, не издав ни малейшего стога, и лежал безжизненным трупом на ковре. Потом вдруг раздался единомудушный крик нескольких голосов, послышался женский вопль, и в продолжение нескольких минут в комнате видны были только мелькавшие в воздухе сабли и кинжалы, преследовавшие чью-то убегающую фигуру. Джиованни, ловко изгибаясь, ускользал от своих противников, кругом валялись осколки стекла и хрусталя, все толпились в одном направлении, но Джиованни обладал увертливостью угря и подвижностью животного. Он показывался то в одном, то в другом месте, в воздухе мелькали клочья одежды, слышались стоны раненых, так как слуги да Понте в пылу битвы уже не разбирали друг друга и наносили удары один другому. Джиованни все это время не переставал пробиваться к окну. Он достиг его наконец, перепрыгнув через бесчувственное тело своей госпожи, и одним ударом своего могучего плеча выбил раму и выскочил на веранду, преследуемый еще тремя врагами. Да Понте кричал во все горло, чтобы его схватили, чтобы его убили во что бы то ни стало, но все напрасно: ему хорошо известен был каждый шаг предстоящего ему опасного пути, он спустился по плющу на землю, быстро перебежал сад, вскарабкался на стену и оттуда ринулся вниз в темную воду. Никто, конечно, не осмелился следовать за ним. Джиованни быстро переплыл канал, очутился на площади перед церковью Св. Захария и оттуда побежал по узкому переулку. Он, казалось, хорошо знал, куда ему следовало бежать. Он оглянулся еще

раз на дом, из которого только что спасся, содрогнулся при воспоминании о том, что он видел там, и побежал еще быстрее, чтобы успеть вовремя помочь своей госпоже.

В доме маркизы царили тишина и смятение. Мертвое тело Джузеппе все еще лежало на ковре, прикрытое чьим-то плащом. Его товарищи спустились все вниз и обсуждали все дело с криками и проклятьями. Пауль да Понте оставался наедине с Беатрисой и не знал, жива ли она или нет. Он позвал Фиаметту и велел ей помочь ее госпоже. Затем он прикрыл дверь в будуар маркизы и стал прислушиваться к тому, что там делается. Он теперь далеко не был уверен в том, что сенат оценит по заслугам его похождения в эту ночь. Кроме того, поручение, возложенное на него, все же не было еще выполнено. Ему следовало быть менее жестоким,— подумал он,— так как ему пришлось иметь дело с женщиной, которой недоступно чувство страха.

XIII

Капитан да Понте оставался у дверей маркизы до тех пор, пока не убедился в том, что она пришла в себя; затем он отправился вниз, чтобы дать инструкции своим людям. Он прекрасно понимал, что молодой Галла, очутившись на свободе, сейчас же постарается рассказать всем о том, что происходит в доме маркизы; поэтому, чтобы не дать захватить себя врасплох, Пауль да Понте сделал немедленные приготовления. В продолжение целого часа гондолы перевозили гонцов из дома «Духов» во дворец дождей. Сенату Пауль да Понте донес следующее. Французский граф Гастон де Жоазе не находится больше в доме маркизы, но весьма возможно, что он вернется сюда, и тогда капитан немедленно же доставит его на суд сенаторов. Он просил сенат сообщить дальнейшие инструкции, по которым он, верный слуга отечества, должен был действовать дальше; затем, нимало не медля, он отправил также гонцов к своим друзьям, чтобы заручиться их поддержкой на случай, если ему грозит опала со стороны правительства. Хотя его и нельзя было назвать умным, но все же капитан да Понте обладал известной долей хитрости, заменявшей ему ум и служившей ему надежной защи-

той в эти дни упадка Венеции. Теперь, казалось, фортуна стала покровительствовать ему, и он решил извлечь из этого как можно больше пользы для себя. Еще накануне он и подумать не мог, что от него в некоторой степени будет зависеть судьба такой могущественной женщины, как маркиза де Сан-Реми. Богатая, независимая, привыкшая к успехам и почестям, она до сих пор проходила мимо него, даже не замечая его существования. Зато теперь, благодаря превратности судьбы, он очутился в ее доме почти как властелин, во всяком случае как судья. Он был бы глуп, если бы не воспользовался этим,— говорил он себе, и он решил попробовать все и предложить ей купить его дружбу ценою хотя бы замужества с ним, которое дало бы ему власть не только над нею, но и над всем ее состоянием. Обдумав все это, он невольно обругал себя в душе за то, что позволил себе при ней проявить жестокость и грубый произвол. Это была не та женщина, которую можно было покорить силой; он решил теперь подействовать на нее путем убеждений.

Эта мысль так понравилась ему, что он решил сейчас же привести ее в исполнение. Он коротко приказал своим подчиненным очистить верхний этаж от их присутствия, так как они снова явились туда, чтобы спросить у него позволения пограбить немного, чего им давно хотелось. Да Понте постарался отослать их подальше под разными предлогами, а сам на цыпочках отправился наверх и осторожно постучал в дверь комнаты маркизы. Велико было его удивление, когда он застал ее там сидящей за письменным столом с пером в руках.

— Маркиза,— воскликнул он голосом, который заставил бы ее рассмеяться в другую, менее серьезную минуту,— маркиза, я пришел просить у вас прощения,— прошептал он смиренно.

Это смирение стоило ему немалых усилий, и поэтому он удивился еще более, когда заметил, что маркиза не обращает на него никакого внимания и даже не повернула головы на его слова. Он решил, что неожиданность лишила ее способности двигаться и говорить, и поэтому он снова повторил:

— Я пришел извиниться, маркиза. Все случившееся глубоко огорчило меня. Но ведь, в конце концов,— сказал он как бы в нерешительности, застенчиво пере-

бирая края своей шляпы,—ведь ничего особенно важного не случилось.

Беатриса отложила наконец свое перо в сторону и повернула к нему лицо с распухшими веками и красными щеками, свидетельствовавшими о пережитом волнении.

— Капитан да Понте,—сказала она спокойно,—я приму ваши извинения тогда, когда вы покинете мой дом.

Да Понте бросил свою шляпу на стол и сел в низкое кресло поближе к маркизе; он решил выступить сам защитником своего дела.

— Это невозможно,—сказал он,—вы знаете, что я не могу уйти отсюда. Если бы вы сказали мне правду с самого начала, ничего этого не было бы и жизнь одного честного человека была бы спасена. Это крайне прискорбно, маркиза, но я должен исполнить свой долг.

— Трус всегда ищет защиты в своем долге. Разве ваши извинения служат доказательством того, что мой верный слуга Джиованни тоже убит?

Вопрос этот, по-видимому, стоил ей немалого труда, и она почти дрожала, произнося его. Да Понте сразу увидел преимущество, бывшее на его стороне.

— Ничего подобного,—поспешил он сказать,—ваш верный слуга жив и находится теперь, вероятно, по дороге в Маэстрэ. Положительное чудо—этот человек, он бегаёт, как грек. Дело в том, что мне велено оставаться в вашем доме, и вот за это я пришел извиниться перед вами. Все должно быть обставлено так, как будто ничего не случилось. Я послал свой доклад в сенат, и, может быть, меня отзовут отсюда; это будет счастьем для нас обоих. Но пока я не вижу причины, почему бы нам не поужинать вместе, я положительно умираю от голода. Да, маркиза, я должен сказать вам, что удивляюсь вашей храбрости. Если вы захотите считать меня своим другом, мне кажется, я смогу устроить все к лучшему, но прежде всего вы должны сказать мне правду: пока я не буду знать ее, я ничего не смогу сделать.

Беатриса сначала слушала этот монолог довольно рассеянно, потом она совсем перестала слушать и снова взялась за перо. Когда она снова заговорила, она

имела вид человека занятого и говорящего, почти не думая о том, что она говорит.

— Вы знаете всю правду, капитан да Понте, я больше ничего не могу сказать вам. Если вы считаете себя господином в моем доме, то вам и незачем справляться о моих желаниях. Пожалуйста, распоряжайтесь, как хотите, велите служанке дать вам ключи от погреба. Может быть, вы будете чувствовать себя свободнее, если я отклоню ваше лестное предложение поужинать с вами.

— Ну, полноте, ведь я прекрасно понимаю вас. Вы начали с того, что дразнили меня, а теперь вы стараетесь оскорбить меня. Но я знаю женщин! Вы ведь такая благоразумная женщина, что поймете, насколько от меня зависит, как повернуть это дело для вас. Вы можете принять мое предложение или нет, это ваше дело, но помните, что я уже больше не повторю его. Я извинился перед вами за то, что только исполняю свой долг. Согласитесь сами, что немногие в Венеции поступили бы так на моем месте?

— Несчастливая Венеция! Нечего говорить о том, что я очень польщена, капитан, но, послушайте, вы правду говорите, что хотите мне добра? Могу я рассчитывать на вас?

— Даю вам в этом честное слово солдата!

— В таком случае выйдите из моей комнаты и не входите в нее, пока я вас не позову. Я подвергну вас испытанию. Оставьте меня— и я начну вам доверять.

Он сейчас же встал и взялся за шляпу.

— Я, конечно, уйду,— сказал он и прибавил, смеясь,— и, конечно, возьму ключ от погреба с винами, но предупреждаю вас, что я многого жду от вас. Если хотите, назначим завтрашнее утро для окончательных переговоров?

Он подошел к ней, наклонился над ее ухом и прошептал чуть слышно:

— Итак, завтра утром мы сговоримся с вами?

— Как вам будет угодно, синьор,— ответила Беатриса, не поднимая головы. Она осталась одна и, с видимым облегчением отбросив перо, подошла к двери и заперла ее на ключ. Он ни на секунду не мог обмануть ее. Она знала, что он останется в ее доме до тех пор, пока вся история бегства Гастона сделается известной в сенате. Она знала, что завтрашний день принесет для

нее новые опасности и новые оскорбления. Она прекрасно сознавала, что происходит теперь в умах ее соотечественников, и главным образом в душах сенаторов. Пока они думали, что им удалось обмануть Наполеона, они были в восторге от ее выдумки, но как только до них дойдет слух о том, что действительно Гастон спасся и миновал их рук, вся сила их ярости должна обрушиться на нее, способствовавшую этому бегству. Народ, приветствовавший ее еще сегодня цветами и криками восторга, завтра же будет швырять в нее камнями. Если бы даже ей удалось бежать из Венеции, ей грозила бы не меньшая опасность на материке или на островах. Но все же, несмотря на все эти грустные предчувствия и думы, маркиза нисколько не теряла присутствия духа и твердо верила в то, что находчивость и ум спасут ее даже в последнюю минуту. Когда в комнату ее вошла Фиаметта, она была удивлена, увидев свою госпожу спокойной, почти веселой. Она твердо верила в то, что ей удастся провести Пауля да Понте так же, как она всегда проводила Лоренцо и многих других в Венеции.

— Ваша постель готова, маркиза,— сказала Фиаметта.

Беатриса притянула к себе девушку и поцеловала ее в обе щеки.

— Послушай, дитя,— спросила она,— откуда ты набралась такой храбрости?

— Я взяла пример с вас, моя госпожа.

— Да, наконец-то мы с тобой одни, не знаю, к лучшему это или к худшему. Зажги свечи, дитя, зажги все свечи. Я боюсь мрака, особенно боюсь его сегодня ночью, каждая свеча кажется мне другом. Как ты думаешь, ты можешь спать, Фиаметта? Мне кажется, что ты тоже не в состоянии спать. В таком случае будем бодрствовать и молиться, дитя, ведь нам только и осталась молитва и надежда на Бога.

Фиаметта подтвердила почти бессознательно: да, мы можем молиться и надеяться,— она думала теперь о том, что опасность для нее, по-видимому, миновала, но все же казалось, что каждую минуту да Понте опять может войти в комнату, и с ужасом спрашивала себя, что будет тогда.

— Джуованни, наверное, выручит нас,— сказала она,— я верю в Джуованни! Он пойдет к нашим дру-

зьям и расскажет им все, он сказал мне это, когда они вязали его на лестнице. Да Понте дорого заплатит за все это, сказал он, и я верю Джиованни, он такой умный.

Беатриса покачала головой, но не стала пугать Фиаметту и ничего не сказала ей о том, что помощь для нее теперь почти уже невозможна, так как опасность грозит ей со всех сторон. Она с ужасом думала о том, что в настоящую минуту она в безопасности, но сейчас же к ней может ворваться да Понте, и тогда ей предстоит, может быть, что-нибудь похуже даже смертной казни. Но об этом она не проронила ни слова.

— Будем ждать и надеяться, — сказала она, — утро вечера мудренее.

Но до утра оставалось еще целых шесть часов, и Беатриса хорошо сознавала, что часы эти будут тянуться убийственно медленно, и Бог знает, что еще принесут они с собой. Теперь, когда дверь в коридор была закрыта, она не могла слышать уже ничего, что происходит в доме, но зато все яснее слышала она то, что делалось перед ее окнами в Венеции. Там пели и пировали, как всегда; звон раздавался почти со всех колоколен; этот звон, казалось, говорил ей: вчера, вчера! Да, вчера она была еще свободная женщина, вчера ее еще любили и уважали в Венеции. А теперь пришел час расплаты, и ей дорого придется расплатиться за несколько счастливых часов, проведенных еще так недавно в обществе любимого человека.

Она попробовала заснуть, но сон бежал от ее глаз; она бредила наяву: ей казалось, что она видит Гастона, говорит с ним. Она невольно удивлялась тому, какую власть он приобрел над ней.

Почему с самого начала она почувствовала к нему необыкновенное влечение и решила во что бы то ни стало спасти его от угрожавших ему в Венеции опасностей? Она рисковала при этом не только собственной безопасностью, но и добрым именем, которым дорожит каждая женщина. Она знала только, что любит его первой пылкой любовью, и чувство это так сильно в ней, что она всем готова пожертвовать ради любимого человека. Одно имя Гастона уже волновало ее. Несмотря на все свое мужество, она в эту минуту так охотно прибегла бы к его защите и отдалась бы ему навсегда.

Она любила Гастона и, как настоящая женщина, находила ему тысячу оправданий. Ни одной минуты она не верила в то, что он может обмануть ее или может предать ее. Она все время думала только о том, что Гастон, кажется, действительно любит ее, и эта мысль помогала ей терпеливо переносить ужасные часы неизвестности и тревоги. Мало-помалу мысли ее стали путаться, она тихо заснула и видела во сне опять Гастона, видела, как он раскрывает ей свои объятия, и она с безумной радостью бросается к нему. Она спала в продолжение целого часа. Проснувшись она с большим трудом, когда Фиаметта стала будить ее, чтобы обратить ее внимание на шум, раздававшийся внизу.

— Маркиза, — сказала она, — вы слышите, как там внизу шумят?

Беатриса быстро поднялась с постели, на которую она прилегла полуодетая, и испуганно оглянулась кругом. Начинался рассвет, свечи почти догорели, и в комнате было совершенно темно. Внизу за дверями ясно слышались чьи-то крики, поспешные шаги, звук сабель, там, видимо, происходило что-то особенное. Фиаметта разбудила свою госпожу после того, как сама проснулась от какого-то громкого голоса, раздавшегося с гондолы, подплывшей к дверям дома. Ей показалось, что это был голос Джиованни; обе они сидели теперь молча, прислушиваясь к тому, что происходит в доме; затем Беатриса накинула на себя капот и босая подошла осторожно к двери. Впоследствии она долго еще вспоминала, какой холодный был паркет и как она долго возилась с ключом, прежде чем ей удалось наконец отпереть дверь. Фиаметта же в это время куталась в простыни на постели и плакала и стонала, как маленький ребенок. Беатрисе наконец удалось повернуть ключ в замке, она приотворила чуть заметно дверь и стала опять прислушиваться. Она сначала не могла ничего рассмотреть в темноте коридора, но потом вдруг увидела труп солдата, неподвижно лежавший недалеко от ее комнаты; в груди его зияла страшная рана, фонарь его, еще горевший, стоял тут же на полу.

Глаза убитого были устремлены наверх в потолок; на него, по-видимому, напали внезапно и застигли его врасплох. Это неожиданное зрелище так поразило Беатрису, что она в ужасе не могла двинуться с места, а между тем она ясно сознавала в эту минуту, что человек

этот убит ее друзьями и они сами находятся где-нибудь поблизости от нее. Кто же, кроме друзей, мог прийти в ее дом, когда все венецианцы будут бояться ее как заразы? Она думала о том, кто бы это мог быть, и не могла вспомнить ни одного имени, кроме Джiovанни, да, это был, очевидно, Джiovанни, но откуда же он явился? И если это был он, то почему же вдруг везде воцарилось мертвое молчание? В коридоре не было видно ни души, она прислушивалась напряженно, но не могла расслышать ничего, по-видимому, тот, кто убил солдата, испугался чего-то и снова выбежал из дома. Но где же был да Понте и все остальные? Неужели он спал? Темнота кругом царила прежняя, ответа на этот вопрос не могло быть, надо было ждать, пока взойдет солнце и озарит наконец совершенно этот коридор и большую лестницу. Беатриса опять прикрыла дверь и в изнеможении прислонилась к ней.

— Они убили одного из солдат, Фиаметта,— сказала она шепотом, едва слышно.— Скажи мне, что, собственно, ты слышала? Я никого не вижу, мы совсем одни, дитя. Что, собственно, тебя разбудило?

Фиаметта встала и невольно содрогнулась, заметив, что дверь не совсем заперта.

— Кто-то крикнул,— сказала она.— Затем я слышала голос капитана, да, это был его голос, я это знаю наверное. Джiovанни вернулся, я это тоже знаю, но, пожалуйста, маркиза, закройте дверь, мы и так все услышим. Боже мой, как я напугана! Неужели они убьют нас, маркиза? Я так боюсь смерти, я еще так молода! И зачем им причинять мне зло? И почему это Джiovанни молчит? Хоть бы он подал голос, ведь он знает, что мы ждем его с нетерпением.

Бедная девушка совсем растерялась, панический ужас овладел ею, она не сознавала больше, что говорит; она смотрела на эту приотворенную дверь, и ей казалось, что убийцы уже стоят за нею и сейчас ворвутся к ним и убьют ее. Маркиза, видя ее отчаяние, ничем не могла помочь ей, так как и сама она в эту минуту не могла себе дать отчета в том, что именно происходит в доме. «Если это Джiovанни,— думала она,— хоть бы он пришел к нам». И, не веря возможности подобного счастья, она тоже, как обезумевшая, металась от окна к дверям и обратно, а Фиаметта, глядя на нее, невольно

подумала: «Маркиза тоже боится, значит, для нас все потеряно!»

Но маркиза не боялась, она была настолько мужественна, что уже приготовилась, как отвечать да Понте, когда он утром явится к ней за ответом; она не боялась его, не боялась также и убитого солдата, это зрелище потрясло ее только в первую минуту своей неожиданностью, но что действительно расстроило ее вконец, так это была полная неизвестность того положения, в котором они находились. Она не могла себе объяснить, почему друг, явившийся к ней на выручку, опять оставил ее во власти врагов. Она чувствовала, что не успокоится, пока не узнает всего; она велела Фиаметте одеться, взяла канделябр в руку и велела девушке следовать за собой.

— Мы должны знать худшее, — сказала она. — Если ты боишься, пройди со мной хоть немного. Нам необходим свет. Ты боишься Пауля да Понте, Фиаметта? Не бойся его, он страшен только для меня, он только мне одной может причинить зло, а я не боюсь его, следовательно, и ты можешь быть спокойна.

Говоря это, она собрала три свечи, оставшиеся незажженными на камине, и вставила их в свой канделябр. Фиаметта в это время тоже оделась и запаслась со своей стороны свечами. Затем они тихонько открыли дверь и осторожно вышли в коридор и оттуда прошли на площадку большой лестницы; свет от свечей освещал только эту площадку, боковые же ходы с колоннами оставались по-прежнему в темноте. Кругом царил мертвая тишина, и Беатриса в своем белом пеньюаре, с канделябром в руке казалась каким-то неземным созданием, спускавшимся по ступеням лестницы. Она шла медленно, останавливаясь на каждой ступени, но все же не решаясь вернуться назад. И вдруг ей показалось, что близко от нее стоит кто-то. Она была уверена почему-то, что это был Гастон; она тихонько назвала его по имени, но никто не ответил ей. Она сделала опять несколько шагов и опять остановилась, прислушиваясь; кто-то совершенно близко от нее дышал ей прямо в ухо. Она подняла свечи повыше и увидела, что это был Пауль да Понте. Он стоял, спрятавшись за колонну, со шпагой в руке; увидев ее, он громко вскрикнул и бросился вперед в освещенное пространство; сейчас же вслед за ним появилась вторая фигура — это

был Гастон де Жоаез, который считал минуты до восхода солнца, чтобы покончить со своим врагом. И вдруг внезапно явился свет и обнаружил ему местонахождение этого врага.

Да Понте быстро повернулся так, что свет падал ему теперь в спину; он стоял наготове, вытянув вперед свою тяжелую шпагу. Гастон был вооружен более легким оружием, но зато он владел им мастерски. И вот между обоими врагами началась ожесточенная борьба; они сошлись вместе и скоро в воздухе послышался резкий свист от размахов шпаги. Да Понте яростно нападал на своего противника, все время заливаясь громким насмешливым хохотом. Гастон молчал, он спокойно отражал все нападения своего врага, не утомляясь и не двигаясь с места, но все время настороже, так как ожидал, что его противник не постесняется прибегнуть к хитрости, чтобы покончить с ним. Беатриса стояла тут же, высоко подняв канделябр и освещая всю сцену. Она знала, что Гастон любит ее, и видела, что этот человек может убить Гастона; лицо ее было бледно и безжизненно; она переставала сознавать время и не замечала, как минуты проходят за минутами, а борьба все еще продолжается. Да Понте все еще смеялся, но вот Гастон ловким ударом шпаги коснулся его плеча, и по одежде да Понте потянулась струйка алой крови; да Понте перестал смеяться, он крепче закусил губы и нападал с удвоенной силой. Он чувствовал, что имеет дело с искусным противником, и впервые в голове его мелькнула мысль, как должен чувствовать себя человек, которому проткнули шпагой сердце. «Сначала почувствуешь боль,— думал он,— потом настанет бессознательное состояние, но если удар попадет не в сердце, а в легкие, тогда человек может протянуть дольше и скончаться при полном сознании». Многие таким образом погибли от его шпаги, но он их нисколько не жалел; теперь он чувствовал невольную жалость к себе и говорил себе мысленно: «Я умираю за эту женщину, так как мой долг велел мне остаться в ее доме»,— и эта мысль несказанно тешила его самолюбие, он казался себе героем и боролся с отчаянной храбростью. Гастон, все внимание которого было устремлено на противника, чувствовал и знал, что Беатриса находится где-то поблизости от него, но он старался не думать о ней, чтобы не отвлекаться, и все же был уверен, что счастье

в конце концов не изменит ему. Прошло еще несколько минут, вдруг Гастон почувствовал острую боль в руке и только вовремя успел отпарировать удар, который чуть не стоил ему жизни. Да Понте между тем нападал все яростнее и быстрее, так что надо было удивляться тому, что Гастон успевал отражать его удары. Наконец они остановились на секунду, чтобы перевести дыхание и собраться с новыми силами. Гастон чувствовал, что Беатриса стоит сейчас же за ним; он слышал даже, как она прошептала про себя: «он умрет, его убьют», но он не оборачивался к ней и не спускал глаз с да Понте; он старался прочитать на его лице волновавшие его чувства и то сомневался, то отчаивался совершенно в успехе. «Он очень ловок, но недостаточно терпелив,— думал про себя Гастон,— а между тем все спасение его в терпении».

И, действительно, Гастон угадал. Несмотря на то что от этого зависела его жизнь, да Понте начинал терять терпение, он привык всегда и всюду идти напролом, его раздражало искусство противника, и он решил теперь разом покончить с ним, он не дал себе времени отдохнуть и опять ринулся на Гастона, шпаги снова встретились, искры сыпались во все стороны от яростных ударов, каждый из сражавшихся надеялся на победу и ни один не уступал другому.

Все это происходило около одной из колонн, слабо освещенной свечами, которые держала Беатриса. По мере того как сражавшиеся отступали все дальше назад, ближе к ней, она тоже отходила к стене и наконец прислонилась к ней. Гастон находился около нее так близко, что она могла свободно коснуться его рукой. Фиаметта, последовавшая сначала за своей госпожой, увидев это зрелище, бросилась опять вверх по лестнице и остановилась там на площадке, дрожа всем телом и закрывая глаза рукой, чтобы не видеть этой борьбы не на жизнь, а на смерть. Когда она, однако, оглянулась назад и увидела, что борьба все еще продолжается, она громко вскрикнула и, держа свечу в руке, бросилась к своей госпоже. В эту минуту раздались тяжелые удары в наружную дверь, да Понте подумал, что это идут к нему на помощь, и с новой энергией бросился на своего противника. В это время, однако, Фиаметта успела уже сбегать вниз и отворить дверь. Уви-

дев там темную мужскую фигуру, она бросилась на колени и стала умолять спасти ее госпожу.

Вильтар—это был он—оттолкнул ее в сторону и бросился в дом с громким криком:

— Гастон, Гастон! Куда ты пропал, Гастон?

Этот внезапный крик, странный голос кричавшего и французский говор подействовали на да Понте ошеломляющим образом. Он внезапно повернул голову и сделал шаг назад. Не успел он опомниться, как уже острая сталь вонзилась в его сердце, и он, сраженный, бесчувственным трупом упал на пол, не сознавая больше ничего. Он упал почти к ногам Беатрисы, и шпага от падения его тела сломалась под ним надвое.

Гастон быстро обернулся, как раз вовремя, чтобы успеть похватить маркизу, которая упала ему на руки.

XVI

Она лишилась чувств, но руки, державшие ее, были сильны, они подняли ее легко, как ребенка, и понесли к бронзовым дверям, у которых их уже ждал Вильтар. Циничный, как всегда и во всем, он и теперь смотрел с иронической улыбкой на молодого человека, бережно выступавшего со своей драгоценной ношей; он хотел, по-видимому, сказать ему что-то, но сдержался и только отрывисто произнес:

— Ланжье ждет нас, у него шестнадцать человек команды, нам нельзя терять времени, если бы я знал, конечно...

Он вдруг оборвал свою речь и стал осматриваться кругом. Фиаметта, увидев, что они собираются уходить, стала умолять его взять ее тоже с собой, но он отстранил ее без всякой церемонии.

— Нет, нет,—сказал он,—довольно и одной представительницы вашего пола, нас и так на судне будет двадцать человек. А, кстати, там у ворот находится и ваш друг Джиованни. Пойдите к нему и скажите, чтобы он прислал сюда Георга и других; вы будете в гораздо большей безопасности с ним.

Фиаметта подумала то же самое и быстро бросилась бежать к каналу, где она рассчитывала найти Джиованни, которого считала своим спасителем. Когда матрос, по имени Георг, и два других матроса во-

шли в дом, они застали Вильтара все еще стоящим на пороге.

— Возьмите эти тела,—сказал он, указывая на да Понте и его убитого солдата,—и бросьте их в канал да, кроме того, принесите сюда остатки шпаги графа, он будет рад и этим остаткам. Но только торопитесь, я даю вам всего лишь пять минут времени.

Матросы быстро исполнили приказание. Равнодушно, будто это не трупы, а поленья дров, они взвалили их себе на плечи и затем бросили в узкий канал, протекавший мимо сада; потом они направились к ожидавшей их лодке, где сидел молодой офицер в треуголке и расшитом золотом мундире. Он отдал приказание, и шестнадцать пар весел разом опустились на воду.

— Ваше сиятельство, вы желаете отвезти эту даму на судно? — обращаясь к Вильтару, спросил Ланжье — так звали офицера.

Вильтар ответил, что это его неизменное решение.

— В таком случае я снимаю с себя всякую ответственность.

— Да, ответственность падет на меня, капитан Ланжье,—ответил ему Вильтар.

Офицер, видимо, удивился такому решению, но ничего не сказал и обратился к своим матросам со словами:

— Ну, ребята, что бы ни случилось, мы должны постараться; докажем его сиятельству, на что мы способны. В путь-дорогу теперь!

Шестнадцать человек налегли на весла, и легкая лодка, как стрела, помчалась вдоль узкого канала, минуя Большой канал и Догано и направляясь прямо в лагуну, как раз напротив арсенала.

— Теперь нам придется иметь дело с полицией, ваше сиятельство,—сказал Вильтару офицер.

— Ничего, едем дальше. Я беру на себя все переговоры.

Было шесть часов утра, на воде было холодно, дул резкий, холодный ветер, а между тем сама Венеция уже грелась в лучах утреннего солнца. Ее грациозный, прелестный силуэт ясно вырисовывался на еще темном фоне, и, благодаря тому, что еще нигде не топили печей, ее не окутывал густой туман или дым, как это было всегда в более поздний час. Но те, кто теперь сидел в лодке, быстро мчавшейся по воде, не обращали никакого вни-

мания на ее красоту, глаза их были устремлены на открытое море, где вдали виднелся контур французского судна «Лафайет», стоявшего там на якоре. Туда-то и хотел направить своего друга Вильтар, так как он сознавал, что только там они могут быть в безопасности от Венеции, где у него было так много врагов.

— Все ли готово на судне? Готовы ли вы к отплытию, Ланжье? — спросил Вильтар, когда они поравнялись с набережной арсенала, где уже начала собираться небольшая кучка людей.

— Я отдал все нужные приказания, — ответил Ланжье. — Лейтенанту было приказано держаться как можно ближе к форту, настолько близко, насколько они позволяют.

— Ну, это не особенно близко, — заметил Вильтар. — Я знаю наших друзей на форте, капитан! Свое позволение они пришлют, вероятно, в виде пушечного ядра. Ведь, кажется, командир там — Доминик Пиццамано? Он обещал расстрелять нас, если мы осмелимся слишком близко подойти к форту. Я все же уверен, что в будущем мне предстоит удовольствие собственноручно повесить этого молодца.

— Как жаль, что вы не можете сделать этого сегодня. Вы ведь знаете, чего я давно добивался. Будь у меня три фрегата и это судно, я бы нагнал на них такого страха, что они и пикнуть не посмели бы, но ведь вы, дипломаты, не любите торопиться. Если бы судно мое стояло в Догано, сколько бы наших соотечественников было теперь в числе живых, а не мертвых, я уже много раз говорил об этом.

— Подождите немного еще, Ланжье. Бонапарт ведь уже сказал, что он скоро явится сюда пообедать, и сам светлейший князь будет прислуживать ему за столом. Для нас всех тоже найдется развлечение. На каждого из нас придется по десяти итальянцев и по одной хорошей картине. Вы должны уже теперь решить, какую картину вы возьмете себе. Я решил взять Мадонну с младенцем работы Беллини в церкви Св. Захария. Я впоследствии возьму ее с собой в Париж. А вам рекомендую обратить внимание на картину «Тайная вечеря», это удивительно эффектная вещь, и она, я уверен, чрезвычайно украсит вашу столовую.

Эта веселая болтовня, по-видимому, очень понравилась матросам, они гребли, улыбаясь и переглядываясь

между собою. Но, несмотря на этот смех, все хорошо понимали, что настала торжественная минута, одинаково знаменательная как для Франции, так и для Венецианской республики. Дело в том, что Бонапарт дал свое честное слово, что ни одно французское судно не будет заходить в Лидо, которое отделяет Венецианскую лагуну от Адриатического моря. И до сих пор это обещание свято исполнялось. Но за последнее время появились некоторые признаки, сильно смущавшие венецианцев: французские суда начали усиленно маневрировать в Адриатическом море, целые десанты матросов то и дело показывались в самой Венеции, и на этот факт, конечно, нельзя было не обратить внимания. Вильтар прекрасно знал все это и решил со своей стороны устроить так, чтобы открыто нарушить данное генералом слово; он давно уже отыскивал для этого какой-нибудь предлог и очень обрадовался, что наконец нашел его, благодаря Гастону. Он молил Бога теперь только о том, чтобы полицейская лодка решилась преследовать его, и молитва его была услышана. Едва только они миновали арсенал, как вдруг из-за угла показался черный катер, хорошо известный всем как полицейский, команда на нем работала, как один человек, и катер стал быстро нагонять удалявшихся французов.

Капитан Ланжье, стоявший на носу лодки, первый увидел полицейский катер и воскликнул радостно:

— А! Вот и полиция! Надеюсь, ваше сиятельство, что вы приготовили уже свой ответ?

Вильтар тоже встал и, прикрыв слегка рукой глаза, внимательно оглядел арсенал и его набережные. Там виднелось множество рабочих, уже принявшихся за работу; по воде гулко раздавался стук их молотков, и неясный говор долетал до ушей французов. Вильтар видел, как они вдруг все забежали по берегу, отыскивая высокий пункт, с которого они могли бы наблюдать за погоней, и вскоре на воде появилось целое множество гондол, которые приняли оживленное участие в погоне за французским судном. Все это Вильтар окинул взором раньше, чем он ответил Ланжье:

— Они очень внимательны к нам. Пожалуйста, Ланжье, подайте знак нашему бригу, так как, по видимому, французы не могут даже и подойти к форту без того, чтобы за ними не погнались. Нам приходится,

конечно, думать о своей защите. Выстрелите из ружья, чтобы предупредить наших.

Ланжье немного колебался, он не уверен был даже еще теперь, как отнесется к его поступку Бонапарт и поддержит ли он его впоследствии.

— Вы говорили, что берете во всем ответственность на себя? — спросил он Вильтара.

— Поймите, капитан, что если вы не подадите этого сигнала, так я сам подам его. И чего вы смущаетесь? Разве вы не читали письма генерала?

— Он дал вам полное полномочие на суше, но не на воде...

— Однако и трус же вы! — воскликнул Вильтар. — Вы можете еще колебаться, когда знаете, что приказание отдано самим генералом? Мне придется донести об этом Ланжье. Приготовьте себе заранее какое-нибудь оправдание, иначе вам плохо придется.

Ланжье покраснел, как девушка, потому что он никогда не был трусом, и он решил про себя, что заставит когда-нибудь Вильтара раскаться в только что сказанных словах. Его положение было довольно щекотливое, и поэтому он невольно колебался, но теперь он сразу оправился и ответил довольно резко:

— Дело не в трусости. Если на суше нет порядочных людей, то они, по крайней мере, есть еще на море. Дайте мне ружье, Георг, я исполню приказание этого господина.

Он выстрелил из ружья. Это был сигнал его судну, чтобы оно вошло в гавань. Вильтар выразил ему свое одобрение по этому поводу, сказав:

— Прекрасно, юноша. Я скажу генералу, чем мы обязаны вам. Пусть, однако, эти господа помнят, что времени терять нельзя. Каждому из наших матросов я дам по дукату, как только мы очутимся на палубе нашего судна.

Матросы ничего не сказали, им не понравилось, как Вильтар обращался с их капитаном; да, кроме того, положение их было настолько рискованно, что невольно каждый спрашивал себя, что с ними будет, когда полицейский катер настигнет их.

Каждый удар весла заметно уменьшал расстояние между ними. Венецианские гондольеры гребли, как один человек, и катер летел, как стрела. По всему берегу около арсенала, на Лидо, на островах виднелась мас-

са народу, все с любопытством следили за этой гонкой, и все понимали, что рано или поздно французы будут настигнуты, так как скрываться им будет некуда. В море они выйти не могут, так как они попадут под выстрелы форта. Когда раздался одиночный выстрел из ружья Ланжье, он был встречен взрывом хохота, но, когда вслед за ним послышался гул от выстрела пушки на французском судне, народ в Венеции переполошился, из уст в уста полетела молва о том, что французские суда приближаются к городу, они миновали уже Лидо.

Сначала полицейский катер, по-видимому, не знал, что ему делать дальше, там даже не сообразили, что Ланжье подал сигнал военному судну. Следуя приказанию преследовать всех французов, минующих форты и не представлявших свои паспорта, он отправился в погоню за французами с целью допросить их, и поэтому, когда катер наконец догнал лодку Вильтара, начальник полиции встал и сказал, обращаясь к французам:

— Прошу вас, господа, остановитесь на минуту.

Никто не обратил на него ни малейшего внимания, лодки продолжали быстро двигаться вперед, бок о бок. Это было совершенно неожиданно для полицейского офицера; он крикнул опять:

— Разве вы не слышите, что я вам говорю? Прошу остановиться и предъявить ваши бумаги.

Но в лодке Вильтара никто, казалось, не слышал этих слов, гребцы еще больше налегли на весла, сам Вильтар сидел, улыбаясь, на корме, Ланжье стоял на носу, Гастон и Беатриса сидели молча на скамье, закутавшись в один плащ.

Когда полицейский офицер убедился наконец в том, что французы решили не слушать его, он рассердился и крикнул с угрозой:

— Ну, берегитесь! Послушайте, братцы,— обратился он к своей команде,— прибавьте ходу, мы им покажем, как нас не слушаться.

Один из команды встал, схватил большой крюк и попробовал зацепить его за борт неприятельской лодки, ему удалось это после нескольких напрасных усилий, и полицейский офицер обратился снова к французскому капитану:

— Покажите мне свои бумаги, господа! Если они в порядке, вы можете ехать дальше, вас никто не будет задерживать. К чему вы оказываете сопротивление?

Говоря это, он нагнулся вперед, как бы собираясь перебраться в лодку к Вильтару, но тот протянул руку и вместо того, чтобы поддержать его, вдруг размахнулся и кинул его в воду. В ту же минуту Ланжье вытащил револьвер и ранил в руку помощника полицейского офицера; тот громко вскрикнул и выпустил крюк, который держал; лодка, освободившись, рванулась вперед и быстро понеслась по воде.

В полицейской лодке все были так заняты спасением своего начальника, что никому не пришло в голову преследовать французов или, по крайней мере, выстрелить в них. Все зрители на берегу говорили потом, что все это произошло так быстро, что они не успели опомниться, как лодка с французами подплыла к своему бригу и оттуда был спущен катер им на помощь. Когда наконец они поняли, в чем дело, были сейчас же посланы гонцы в княжеский дворец, и вскоре вслед за тем раздался тревожный звон колоколов, возвещавший о том, что французы вошли в лагуну, миновав Лидо.

Конечно, разговоров по этому поводу было очень много, все говорили о низости французов, о том, что Бонапарт не сдержал своего слова. Все сенаторы собрались немедленно в сенат, туда же явился дож, и начались дебаты, как поступить в данном случае, пропустить ли французское судно дальше, так, чтобы оно могло подойти к Венеции, или же употребить все усилия, чтобы не пускать его дальше. Лоренцо и более передовые сенаторы — все стояли, конечно, за последнее; наконец дож отдал распоряжение потопить во что бы то ни стало французское судно. Вильтар в это время успел уже со своими спутниками добраться до брига и, очутившись на нем, объявил, что наконец-то они в безопасности.

XV

Когда Гастон вынес Беатрису из ее дома и усадил ее в лодку, она была еще в бессознательном состоянии, и только когда они очутились наконец на бриге, где Вильтар велел отвести ей отдельную комнату, она пришла в себя и поняла, что случилось. Долгая ночь с пережитыми ужасами не могла, конечно, не отразиться на

ней, она чувствовала себя так худо, что врач с «Лафайета» подверг ее тщательному осмотру, удовлетворившему даже Гастона; они оба сидели теперь около ее изголовья, думая только о том, как бы она скорее оправилась и окончательно пришла в себя. Не зная еще, как отразится на ней ее бегство, Гастон прекрасно понимал, что она покинула свой дом и свой город, который так любила, она пожертвовала своим добрым именем и тем почетом, которым пользовалась среди своих граждан. Он знал, что Венеция назовет ее теперь изменницей, а между тем кто был преданнее ее по отношению к своему отечеству? Это была благодарность ей за ее труды, ее считали изменницей ее соотечественники, а французы говорили про нее, что именно она — виновница смерти многих их соплеменников. Нигде в Италии она не могла уже найти себе теперь приюта, а Гастон, несмотря на свою близость к Наполеону, не мог тоже наверняка рассчитывать на то, чтобы он решился принять ее под свое покровительство. Будущее для них обоих не предвещало ничего хорошего и было очень пасмурно и темно.

Подобные размышления не давали покоя Гастону и тогда, когда врач объявил, что опасность для жизни миновала и что ей теперь только необходим сон и покой. Каюта, в которой она лежала, была очень тесна и едва освещалась маленькой масляной лампой; ей приготовили одну из офицерских коек, и она лежала в ней бледная и неподвижная, как мертвец. На вид она казалась совершенным ребенком, несмотря на весь свой ум и житейский опыт; белокурые волосы ее разметались по подушке и золотистым ореолом окружали ее голову, темные ресницы еще больше оттеняли бледность щек. Гастон смотрел на нее и все яснее сознавал, что чувство его за последнее время так окрепло, так развилось, что личной жизни без нее у него уже не может быть, что судьба их связала навсегда, а между тем он увозил ее из Венеции, из ее дома, куда и для чего, он сам не знал.

В данную минуту он довольствовался только тем, что мог сидеть рядом с ней, мог охранять ее сон и следить за ее покоем. Он совсем не заботился о том, что происходит на палубе, над их головой.

Гастон слышал тяжелые шаги матросов наверху, он слышал, как им раздавали оружие, но он думал, что это

только предосторожность на всякий случай, и когда Вильтар вскоре вслед за тем зашел к нему в каюту, он его даже не спросил об этом. Так как Жозеф Вильтар никогда долго не мог посидеть на одном месте, он и теперь забежал, по-видимому, на одну минуту, чтобы узнать, как себя чувствует маркиза.

— Как дела, старина, лучше?—спросил он Гастона.

— Да, Вильтар, кажется, теперь она спит. Войди сюда и скажи, как ты ее находишь.

Вильтар вошел на цыпочках и бросил быстрый взгляд на распростертую перед ним маркизу.

— Поздравляю тебя, Гастон, она действительно — красавица. Но я боюсь, что шум наверху разбудит ее, надеюсь, впрочем, что мы скоро справимся с ними,—сказал он задумчиво,—а затем—свидание с генералом и лагерь, не так ли, Гастон?

Гастон ничего не ответил и продолжал смотреть на Беатрису. Вильтар, потирая от удовольствия руки, весело направился к дверям каюты.

— Ланжье решил принять самые решительные меры,—сказал он,—кажется, он собирается стрелять в форт.

— Но ведь это против договора, Вильтар?

— Да, конечно, но ведь согласись сам, милый Гастон, что вообще многое было сделано против договора. Эти господа стреляют в суда дружеской нации и воображают, что мы будем снимать перед ними шляпы. Хорошо, мы это сделаем, но в другой руке зато будем держать зажженный факел. Генерал ведь тоже не особенный любитель разных договоров, а мне он безусловно доверяет. Я думаю, что поступаю правильно, Гастон.

— Удивительно, право, удивительно, Вильтар, надо будет записать это на память; Вильтар поступает правильно. Вопрос только в том, как это понравится генералу.

— Дело в том, что, может быть, я и забуду спросить его мнение по этому поводу... Береги эту женщину, Гастон, она может обойтись нам очень дорого.

— В таком случае отправляйся наверх и прикажи там людям не так шуметь. Они точно с цепи сорвались. Слышишь, наверху как будто раскаты грома?

— Да, наверное, скоро будет буря и гроза, мой милый.

И с этими словами очень довольный собой Вильтар направился на палубу и, отыскав там Ланжье, стал вместе с ним следить за приготовлениями к предстоящему маневру.

— Ну, как дела, капитан?— спросил Вильтар Ланжье.

— Дела наши плохи,— ответил тот,— как вы видите, ни малейшего ветерка.

— Да, это верно, но скажите, что они делают там, на фортах? Почему никого не видно у них?

— Они, вероятно, заняты теперь своими молитвами, молятся о том, что они затевают что-то недоброе.

— Они затевают это недоброе уже целых шесть месяцев. Следовало бы захватить их врасплох и расправиться с ними по-своему. Но что вы намерены делать, Ланжье?

— Я снова салютую им. Если они так невежливы, что не отвечают на салют, это уже их вина. Не могу сказать, чтобы мне нравились пушки. Я надеюсь, что они не заряжены.

— Они так же пусты, как головы их обладателей. Да, это страшно неприятно, что нет ветра, мне бы хотелось посмотреть ваше искусство, Ланжье.

— Искусство бежать от них?

— Вот именно. Тот мудр, кто знает, когда следует бежать. Ведь могут потопить наше судно первым же выстрелом. Я со своей стороны предпочел бы теперь выйти в открытое море.

— Ну, теперь я считаю вас трусом,— сказал Ланжье, возвращая назад слова, сказанные ему в лодке Вильтаром.

Собеседник его, однако, нисколько не обиделся на это, он уже давно убедился в том, что не все ли равно, как вас называют люди, если жизнь ваша в опасности.

— Я согласен с вами, совершенно согласен,— отвечал он,— я был бы трусом, но зато я спас бы Бонапарту судно. Однако это я называю королевским салютом!— воскликнул он, вдруг прерывая свою речь.

Молодой капитан, не спускавший глаз с форта, на котором виднелись грозные пушки, видел, как из жерла одной из них показался дымок, и сейчас же вслед за тем раздался оглушительный выстрел. Комендант форта

требовал, чтобы французское судно сдалось ему. Ланжье с удовольствием прислушивался к этому выстрелу. Он отдал приказание стоявшему рядом с ним лейтенанту, тот пошел и передал матросам, чтобы они готовились к битве и не отходили от своих орудий.

Вильтар, видимо, обеспокоенный, отошел немного от борта и тревожно осмотрелся кругом. Он видел, что как раз против «Лафайета» виднелось ровно тридцать пушек, направленных на него. Положение было критическое — в этом не могло быть сомнения.

— Что вы намерены делать, Ланжье? — спросил он офицера, подходя к нему. — Мне кажется, что нам предстоит порядочная передрыга...

— Да, мы повеселимся, — ответил Ланжье радостно, — но прежде всего надо соблюдать все правила вежливости: на их выстрел мы должны ответить выстрелом. Вот так, — сказал он, когда одна из пушек на судне ответила действительно громовым раскатом на сделанный выстрел.

Вильтар, не привыкший к подобному шуму, поморщился и отошел немного подальше от пушки, причем даже заткнул себе уши. Но вдруг, к удивлению Ланжье и Вильтара, вместо повторного салюта, который они ожидали от форта, раздался снова выстрел и огромное ядро упало почти около самого носа судна. Очевидно, венецианцы не шутили, и выстрелы были направлены прямо в бриг.

— Что вы думаете об этом? — спросил Вильтар слегка дрожащим голосом.

— Ну, что же, ответим им тем же. Ребята, не прошайте, все по местам, я со своей стороны готов на все.

Все матросы принялись с новым рвением за дело. Одни из них откатывали пушки на место и тщательно чистили их дула, другие тащили, куда следует, порох и ядра, лейтенант Жакмар держал в руках зажженный факел и направил пушку прямо на форт.

— Стрелять? — спросил он Ланжье.

— Да, и цельтесь хорошенько, — ответил тот спокойно.

Жакмар нагнулся, еще секунда, и раздался оглушительный выстрел, пушка откатилась почти на середину палубы, черное облако дыма на одно мгновение скрыло Венецию от их глаз. Когда этот дым рассеялся, стоявшие на палубе «Лафайета» увидели, что в форте

сделана огромная брешь, из которой еще сыпались куски камней в воду. Подобный успех привел в восторг Ланжье, и он громко воскликнул:

— Прекрасный выстрел, Жакмар, я думаю, его следует повторить.

Жакмар только что собирался ответить, что и он считает необходимым продолжать пальбу, как вдруг с форта открыли убийственный огонь по бригау, вся палуба его была покрыта свинцом, летевшим на него градом. Первым залпом напавал убило матроса, стоявшего у пушки. Он упал как подкошенный. Еще трое матросов свалились один за другим, два из них остались лежать, третий приподнялся и сел на полу, держась двумя руками за борт. Жакмар был ранен в руку; он стоял молча, прикрывая дрожащей рукой свою рану.

Вильтар и Ланжье остались невредимы, но объяснялось это тем, что Пиццамано, — так звали коменданта форта, — нарочно не велел стрелять в офицеров. Один из этих офицеров, Вильтар, не обращая внимания на окружающих, на четвереньках стал пробираться в более безопасное место.

— Не подвергайте себя напрасно опасности! — крикнул он Ланжье. — Что хорошего в этом?

Ланжье подошел к нему ближе и с вполне заслуженным презрением заметил, смеясь:

— Однако вы и трус, вы бы лучше спустились вниз в каюту к нашей даме, она бы придала вам немного храбрости, и, знаете ли что, Вильтар, молитесь Богу, чтобы поднялся ветер.

Ланжье представлял из себя весьма привлекательное зрелище в своей треуголке, красиво обрамлявшей его юношеское лицо, в прекрасно сшитом синем мундире, в белых чистых перчатках, со спокойным, самоуверенным видом, который не покидал его, так как он уже давно привык ко всяким случайностям и опасностям на море и нисколько не боялся их. Неожиданная опасность только больше возбуждала в нем желание померяться силами с врагом; он одним опытным взглядом окинул положение своего судна и понял, что положение это далеко не блестяще; он вполне понимал, что спасение его заключается только в своевременном появлении французской эскадры, стоявшей поблизости, которая должна была явиться на поле сражения, так как выстрелы, очевидно, успели долететь до нее.

Эскадра эта состояла из пяти фрегатов, и стоило им повернуться так, чтобы пушки их были направлены все на форт, и дело кончилось бы пустяками, но ветер стих, и шесть судов, пять в Адриатическом море и шестое в лагуне, были так же далеки теперь друг от друга, как будто находились в различных океанах. Ланжье охотно отдал бы все, что имел, хоть за маленький ветерок, который дал бы ему возможность подвинуться к Лидо, но так как желание это было неисполнимо в данную минуту, ему не оставалось больше ничего, как подбадривать своих людей и уговаривать их встретить отважно новый залп, которым стали их обстреливать с форта. Положение их было незавидное. Они находились так близко от форта, что палубу их обстреливали прямо из ружей; кроме того, одним ядром снесло главную мачту, которая в своем падении придавила трех лучших матросов, к тому же мачта эта упала поперек палубы, совершенно загородив ее. Кругом раздавались крики и стоны, а также слышалась команда офицеров и непрерывная трескотня ружей; течением судно все больше и больше относилось к берегу, и Ланжье ничего здесь не мог поделать; он ходил по палубе взад и вперед, спокойно рассчитывая, когда должен наступить неизбежный конец. Изредка он покрикивал на Жакмара и спрашивал, почему не стреляют из пушек, но при виде убитых и раненых, лежавших на палубе, он не удивлялся тому, что каждый раз вопрос его оставался без ответа.

Жозеф Вильтар, добравшись до более или менее безопасного места, уселся на палубе и стал внимательно оглядываться кругом; он первым заметил на горизонте быстро приближавшуюся к ним черную точку.

— Послушайте, Ланжье,—крикнул он,—они нам шлют на помощь галеру с матросами. Как вы думаете, могут ли они оказать нам какую-нибудь помощь? Собственно, пора бы положить этому конец.

Ланжье совершенно забыл про эскадру, занятый уборкой с палубы мертвых тел. Он быстро взял подзорную трубу и воскликнул с радостью:

— Да, вы правы, это галера с матросами, Детурвилль выслал нам помощь, он — честный малый, только вряд ли помощь эта окажется для нас действительной.

Вильтар ничего не ответил, он внимательно следил

за тем, как быстро приближалась галера; на ней виднелось человек тридцать матросов, вооруженных с ног до головы; они направлялись к берегу, где, по-видимому, собирались сделать высадку и тем отвлечь внимание форта от несчастного брига, но замысел их не удался, с форта раздался выстрел, и ядро ударило в самую середину галеры, послышался страшный крик, видно было, как матросы в испуге бросились в море, спасаясь вплавь.

— Мне жаль Детурвилля,— сказал Ланжье, увидев это, и, грустно пожав плечами, отвернулся от этого ужасного зрелища.

Появление галеры, действительно, на минуту отвлекло внимание от его судна, но, как только она пошла ко дну, снова свинцовый град осыпал палубу «Лафайета»; теперь на ней не было ни единого человека, кроме самого капитана. По-видимому, комендант форта решил стрелять до тех пор, пока не перебьет всех на судне, и поэтому оставшиеся в живых и попрятавшиеся матросы считали истинным чудом, что капитан их до сих пор цел и невредим и продолжает по-прежнему разгуливать по палубе. Пиццамано, видя это, потерял терпение и приказал своим людям целить прямо в капитана, чтобы покончить наконец с ним. Но в ту минуту, когда, казалось, судьба брига была уже решена, случилось нечто, остановившее разрушительное действие пушек и ружей форта. Дело в том, что в сенате, где уже никто не слушал Лоренцо и его единомышленников, начались опять горячие прения, и наконец решено было прекратить всякие враждебные действия против французов, так как нельзя было сомневаться в том, что в скором времени явится Бонапарт и жестоко отомстит за смерть своих соотечественников. В форт были посланы гонцы, чтобы отдать приказание Пиццамано прекратить стрельбу, но горькая ирония судьбы захотела, чтобы последний выстрел, выпущенный с форта, уложил на месте храброго Ланжье, до последней минуты не покидавшего своего поста.

Беатриса простилась с Венецией на следующий день, когда французский фрегат «Мирабо» поднял якорь и вышел из гавани Киоджиа. Ее перенесли на этот фрегат в числе оставшихся в живых после бомбардировки несчастного брига, ей отвели там адмиральскую каюту и приветствовали ее с изысканной вежливостью, на которую только способны французы. Никто не оставался в заблуждении относительно того, почему она вдруг очутилась во французском флоте, и все понимали, как жестоко подшутила судьба, заставив обратиться в бегство эту гордую патрицианку и патриотку; все старались утешить ее тем, что говорили ей о скором возвращении ее на родину, и больше всех говорил об этом Гастон. Он не отходил от нее и всеми силами старался доказать ей, что наконец-то понял и оценил ее по достоинству. Но в то же время он ничего не говорил ей о своих чувствах и воздерживался от всяких советов, предоставляя своему другу Вильтару говорить ей о том, что она должна теперь предпринять.

Вильтар со своей стороны выказал молодой маркизе глубокое и почтительное внимание. Он первый заботился о всех ее нуждах и старался предугадать все ее желания, он написал угрожающее письмо сенату, в котором требовалось, чтобы ей немедленно было выдано свидетельство на право жить, где ей угодно; кроме того, он требовал, чтобы все ее имущество оставалось неприкосновенным и чтобы ей выслали на фрегат ее слуг.

«От имени господина моего, генерала Бонапарта,— писал он,— предупреждаю вас, что дама эта теперь находится под его покровительством, и всякая враждебная мера, направленная против нее, вызовет весьма нежелательное для всей Венеции политическое осложнение». Надо отдать справедливость сенаторам, они поторопились исполнить все эти требования, так как были сильно напуганы всем происшедшим. На бронзовые двери дома «Духов» была немедленно же наложена печать, Джиованни и Фиаметта были тотчас же доставлены на фрегат на полицейской лодке, и сам светлейший принц лично засвидетельствовал свое почтение Вильтару и уверил его в том, что, если леди Беатрисе заблаго-

рассудится вернуться в Венецию, ее ждет там самый радужный прием. Получив официальное послание, уведомлявшее его о том, что все требования его исполнены, Вильтар, нимало не медля, направился к маркизе и, показывая полученное письмо, сказал ей:

— Как видите, сударыня, начало оказалось лучше конца — вам стоит только поднять палец, и все эти люди, ваши соотечественники, окажутся у ваших ног. Это самое лучшее для них положение, я уверен, что они жаждут его, — прибавил он серьезно.

Маркиза рассмеялась невольно на эти слова и протянула руку за письмом.

Каюта, в которой она сидела, была обставлена со всем комфортом, столь обыденным у французов; кругом нее виднелись бархатные диваны, красивые бронзовые украшения, везде висели зеркала, а с потолка спускалась бронзовая лампа. В ту же минуту, как в каюту вошел Вильтар, Беатриса сидела за круглым столом и что-то писала, Гастон помещался как раз против нее на диване, он не спускал с нее глаз и невольно думал о том, какого рода мысли бродят в ее милой головке, низко опущенной к столу. Прочитав письмо, она подняла голову и взглянула Вильтару прямо в глаза.

— Благодарю вас, синьор, — сказала она, — вы много сделали для меня, но теперь я хотела бы знать, советуете ли вы мне вернуться в родной город.

— Нет, сударыня, — ответил Вильтар, садясь против нее, — я уже и раньше говорил вам, что Венеция не может больше служить убежищем для людей, расположенных к вашей республике; как патриотка, вы, конечно, принадлежите им, подумайте только о том, что случится с вами, когда Наполеон явится в ваш город.

Он обернулся к Гастону и спросил:

— Что ты скажешь на это, граф? Какой ты дашь совет маркизе?

Гастон ответил с невольной грустью:

— Я советую ей руководиться ее собственным умом. Нечего и говорить о том, что возвращаться теперь в Венецию — очень опасно. Но, в конце концов, маркиза ведь не француженка.

Беатриса глазами поблагодарила его за эти слова.

— Нет! — воскликнула она. — Француженкой я ни-

когда не буду, до гробовой доски я останусь Беатрисой из Венеции.

— Я вполне это понимаю, маркиза,— спокойно заметил Вильтар,— и вот именно потому-то, что вы Беатриса из Венеции, вы должны сами знать, насколько полезно или вредно для Венеции все то, что вы предпримете на континенте.

— Вы хотите сказать, синьор, что я должна буду выступить защитницей своего города в глазах Наполеона.

— Да, конечно, маркиза, и верьте мне, что генерал отнесется к вам очень снисходительно. Я уверен, что он примет вас очень благосклонно.

— По-вашему, я должна буду просить его помиловать город, в котором убито столько его соотечественников?

— Не совсем так, маркиза. Вряд ли он согласится совершенно помиловать Венецию, ваша просьба только смягчит ожидающую ее судьбу. Ведь, в сущности, нам очень важно, чтобы Венеция была с нами заодно.

— Так неужели же теперь она против вас? Не забудьте, что при первом же пушечном выстреле ее сенаторы стали кричать: остановитесь, довольно!

— Ну, это-то пустяки, не забудьте, что у вас есть еще армия на континенте и шесть тысяч славян, стоящих здесь лагерем. Почему бы им не присоединиться тоже к генералу, чтобы помочь ему водворить мир в Италии? Если вы полагаете, что в сердцах ваших соотечественников нет действительной вражды к Франции и что сенат не совсем верно истолковывает их чувства,—генерал будет очень рад слышать это.

Беатриса медленно покачала головой.

— Нет, я не верю в это, синьор,— ответила она,— каждый венецианец думает то же, что и я, самый счастливый день в нашей жизни будет тот, когда последний француз покинет наш город. Если я и отправлюсь к Наполеону, так только для того, чтобы просить его справедливости. Я не могу поступить иначе, я должна буду говорить с ним откровенно. Вы хорошо это знаете сами, синьор Вильтар. Дело проиграно, но справедливость должна все же восторжествовать — другого ничего не могу я сказать вашему генералу.

— Он большего и не спросит у вас, маркиза. Я же со своей стороны постараюсь, чтобы между вами

не произошло каких-нибудь недоразумений. Не отправимся ли мы сегодня ночью в Верону? Граф, я уверен, будет к вашим услугам. Ведь не правда ли, Гастон, для тебя все равно — ехать в Париж или в Верону? В Падуге стоят наши гусары, я прикажу им явиться сюда, чтобы эскортировать вас, пусть они явятся сюда к шести часам.

Беатриса ничего не возразила на это, но глаза ее старались не встречаться с глазами любимого человека. Что касается графа, сердце его билось так сильно, что он с трудом перевел дыхание раньше, чем ответить:

— В шесть часов я буду готов, Вильтар.

И затем он спросил:

— Значит, мы тронемся ровно в шесть? А якорь поднят?

— Разве вы не слышите, что как раз теперь поднимают якорь? Может быть, маркиза захочет взглянуть на эту процедуру, на палубе сегодня прохладно.

Беатриса встала, не говоря ни слова, и, заколов свою черную мантилью бриллиантовой брошью, она молча последовала за Гастоном наверх. Ей страстно захотелось проститься еще раз со своей дорогой родиной. Ничто не могло обмануть ее, ничто не могло смягчить для нее этого расставания; она хорошо знала, к чему оно должно было привести ее. Благодаря ее собственному поступку, благодаря ее желанию спасти родной город, она сама добилась того, что ей приходится навсегда покидать свою Венецию. Никогда уже она снова не поселится в ней, думала она, а между тем каждый камень здесь был ей дорог, все кругом было полно воспоминаний о ее детстве, когда ей были чужды все интриги, все осложнения, которые влечет за собой жизнь. Она была убеждена в том, что больше уже не увидит Венеции, но все же даже в эту горькую минуту она не могла не сознавать, что поступила правильно и жалеть ей не о чем.

Вильтар стоял рядом с Беатрисой и, прислушиваясь к веселому пению матросов, смотрел на чудный город, расстилавшийся перед его глазами, и думал свои думы. Он говорил себе: «Вот здесь стоит жена француза, которая скажет Наполеону о том, что ей пришлось бежать из Венеции, так как она советовала своим соотечественникам перестать наконец убивать живущих в Венеции французов. Она умна, хорошо образованна, кра-

сива. Бонапарт сумеет справиться с ней и заставит ее поступать так, как он захочет. Он заставит дорого заплатить этих венецианских трусов за их обращение с ней. Директория в Париже услышит о том, что он выступает в защиту француженки; и будет весьма довольна им. Правда, мой друг Гастон очутился здесь не вполне уместно, но в этом отношении я уже дам нужный совет генералу, и он сделает все, что я скажу ему, да, надо будет разлучить этих голубков, пока еще не поздно, иначе произойдет Бог знает что».

Что думала Беатриса? Она думала только о своей родине, о своем отечестве. Будет ли она в состоянии отвести от Венеции удар, который должен был сразить ее? Беатриса знала, что любимый ею человек стоит рядом с ней, но она старалась не думать о нем, чтобы не отвлекаться от мысли о своем несчастном городе.

Гастон, в свою очередь, тоже стоял погруженный в мечты. Он думал о том, что только в прошедшую ночь научился наконец понимать эту женщину, он только теперь почувствовал, что для него жизнь без нее не будет иметь уже больше никакой ценности. Он решил, что отныне уже ничто не будет в состоянии разлучить их, и он посвятит всю свою жизнь ей, с тем, чтобы наслаждаться не изведанным еще блаженством.

Между тем «Мирабо» тихо снялся с якоря и, подгоняемый благоприятным ветром, быстро стал удаляться от Венеции, которая в скором времени превратилась в маленькую черную точку на горизонте, быстро исчезнувшую вслед за тем из глаз.

Часть вторая

ВЕРОНА

XVII

Ровно в шесть утра они были уже на дороге в Падую и, несмотря на усталость, пробирались дальше по направлению к лагерю в Боволетте, где они думали найти французские войска. Смятение и паника, царившие в сенате, дали возможность Вильтару достать для Беатрисы все, что ей нужно из ее дома; главным образом она постаралась запастись деньгами и вещами, необходимыми в путешествии. Со своей стороны он позаботился о более существенном, и его агенты на материке купили лошадей и запаслись эскортом для путешественников. Его желание устранить все препятствия с ее пути было совершенно бескорыстно, хотя в то же время он хорошо сознавал, что все делается так, как он желал. Прелестная француженка, как он про себя называл леди Беатрису, пришлась ему очень по душе; ему казалось, что из нее и из него вышла бы превосходная пара, и поэтому он не без зависти относился к своему более счастливому сопернику.

— Вы поедете прямо до тех пор, пока не найдете генерала,— сказал он, прощаясь с ними,— вы не можете не найти его, так как всякий знает, где он находится. Расскажите ему все, как было, и предоставьте все остальное случаю.

Но затем, оставшись наедине с Беатрисой, он сказал ей:

— Берегитесь генерала, он будет ухаживать за вами, ведь это — его единственное развлечение.

И вот они поехали по нескончаемым болотам через горы и долины прямо в Падую. Всего их было двенадцать человек, считая восьмерых стражников, приставленных к ним Вильтаром, Джиованни Галла и Фиамет-

ту, которые следовали немного позади с багажом. В продолжение долгого времени Беатриса и Гастон ехали рядом молча, но по мере того, как стало рассветать и как стражники мало-помалу отстали от них, Беатриса стала заговаривать со своим спутником, и он подъехал немного ближе к ней, чтобы удобнее было разговаривать.

— Каким образом вы попали вчера ко мне в дом, Гастон? — спросила она. — Кто послал вас туда?

— Меня позвал Джиованни. Я находился в то время у Вильтара. Джиованни рассказал мне, что случилось с вами. Я не должен был покидать вас, Беатриса, я теперь сознаю это.

— Так неужели же раскаяние ваше так глубоко, что вы из-за этого все время молчите, Гастон? — спросила она ласково.

— Нет, дело не в этом. Я все думал о том, как бы выразить вам словами все то, что происходит в моей душе. Я боюсь, что это никогда мне не удастся, слова так бедны, а чувство мое так глубоко и искренно. Я знаю, Беатриса, что я нарушил слово, данное вам, и это гнетет меня; я знаю также, что и вы думаете об этом, хотя вы ни одним словом не упрекнули меня. Но, может быть, вы уже решили в душе, что никогда больше ни в чем не доверитесь мне.

— Гастон, я никогда не думала этого. Если вы и нарушили слово, то потому, что, вероятно, у вас на то была важная причина. Я хотела бы знать ее, Гастон. Не скрывайте от меня ничего, это будет лучше для нас обоих.

Ее ответ понравился ему, и он решил высказать ей все. Он рассказал ей, как обманул его Вильтар, сказав, что генералу уже известно, что он жив. Он не думает, что Вильтар своей ложью хотел причинить ей зло; он — прежде всего политик и как таковой, конечно, прежде всего заботится о пользе своей родины. И поэтому им не следует никогда вполне доверяться такому человеку, как Вильтар, но «все же, — прибавил он, — я готов многое простить ему, так как только благодаря ему мы едем теперь рядом». Она молчала, это молчание еще больше воодушевило его, и он заговорил опять с жаром.

— Я ушел тогда от вас из вашего дома потому, что думал, что мой долг по отношению к Наполеону при-

казывает мне поступить так. Когда я находился в вашем присутствии, Беатриса, я не мог еще разобраться в своем чувстве, так как все дни были одинаковы и радостны для меня тогда. Я просыпался утром и уже прислушивался к вашим шагам в саду. Даже тогда, когда вы уезжали куда-нибудь, я не скучал, так как стоило мне взглянуть на часы, и я говорил себе: через столько-то минут она опять будет со мной. Жизнь без вас казалась мне невозможной. Я верил в то, что судьба предназначила нас одного другому, и все же, признаюсь вам без стыда, я не отдавал себе отчета в том, что люблю вас. Вы знаете более или менее мою жизнь и можете себе представить, что мне приходилось иметь дело со многими женщинами. Я ушел из вашего дома, как уходил из многих домов, с бесконечной нежностью в сердце и с горячим желанием увидиться с вами опять как можно скорее. Как я люблю вас и почему я вас люблю, это я узнал уже позже. Одиночество стало томить меня, мне не доставало повсюду вашего милого лица, ваших приветливых речей. Ах, уж это одиночество! Только тогда я понял, что сам виноват во всем, счастье было так близко, а я не сумел воспользоваться им и овладеть им навеки. И впервые в жизни я понял наконец, что значит слово «любить». В то же время совесть моя говорила мне, что я обманул вас, и вы, наверное, не простите меня, мучения мои были ужасны. И вот в это-то время и явился ко мне Джiovанни, я сейчас же последовал за ним. Знаете ли вы, Беатриса, что мужчина только тогда узнает, насколько женщина дорога ему, когда около нее появляется другой? Ах, Боже мой, если бы мне пришлось переплыть океан, то и тогда этот путь не показался бы мне так долог, как дорога до вашего дома в ту ночь. Все время я говорил себе: «Он там, может быть, уже пытается ее». Джiovанни говорит, что я предлагал ему тысячу разных вопросов. Может быть, так и было на самом деле. Но теперь еще я помню только одно в эту страшную ночь — я помню то мгновение, когда увидел вас на площадке лестницы с канделябром в руках. Этой минуты я никогда не забуду. Вот я вам и рассказал все, Беатриса, теперь я уже не в состоянии скрывать от вас что-либо. Мы с вами должны начать новую жизнь, Беатриса, но только вместе, если бы и вы этого желали, как скоро можно было бы привести в исполнение наше общее желание?

Он смотрел на нее и ждал ее ответа, ему казалось, что и она ответит ему: «Да, это мое желание тоже», — но она отвернулась от него, и только яркая краска, залившая ее щеки, была ответом на его слова. Дело в том, что она ни одной минуты не заблуждалась относительно чувств Гастона, она видела его насквозь и хорошо понимала тоже, что он действовал до сих пор под влиянием Вильтара, она знала также, что действительно он не подозревал о своей любви до тех пор, пока не покинул ее дома.

Но все же его откровенная исповедь доставила ей высокое, несказанное наслаждение. Гастон получил хороший урок, — думала она, — но теперь не дело сводить прежние счеты, впереди все было так темно и неясно, их ждали, может быть, такие опасности и приключения, что здесь не место было говорить о любви, и поэтому, выслушав его объяснение, она все же не дала ему в эту минуту никакого ответа.

Они ехали несколько времени молча, потом она вдруг сказала:

— Да, Гастон, мы должны начать новую жизнь, но только дело в том, что мы не имеем права думать только о самих себе. В настоящее время между нами лежит еще большая пропасть, чем раньше. Подумайте только, я — женщина, изгнанница из родного города, а вы — воин враждебного ему народа. Ведь только одно чудо может нас соединить теперь для совместной жизни. Если хотите, я буду навсегда вашим товарищем, даже другом, но больше ничего, мы будем путниками, идущими по одной дороге, но готовыми каждую минуту разойтись в разные стороны. Да, судьба так жестока, но мы должны поступать так, как велит нам долг. Если настанет когда-нибудь день, когда я, Беатриса из Венеции, буду иметь право ответить вам иначе на предложенный вами вопрос, верьте мне, что я не буду медлить ни одной минуты. А теперь я должна сказать вам: забудьте, так будет лучше, Гастон.

Она протянула ему руку, и он приложился к ней так же почтительно, как будто он был мальчик, впервые целующий руку женщины. Яркие солнечные лучи освещали прелестное личико Беатрисы, и ее золотистая головка казалась окруженной ореолом. Гастон понял, что она ответила ему на его вопрос, но он не хотел мириться с таким ответом. В Падуе, в Вероне, где еще не-

известно, что ждет его впереди, могло легко случиться, что он снова очутится вблизи ее. Да, кроме того, разве весь мир не был к их услугам? Разве не от них зависело удалиться от шумного света в какой-нибудь укромный уголок и зажить там спокойной мирной жизнью? Он посмотрел опять Беатрисе в лицо, но выражение ее лица было серьезно, почти сурово. Он понял, что она теперь во что бы то ни стало разыщет Наполеона, хотя бы для этого ей пришлось объездить полсвета. Каждый час, каждая минута между тем приближали их к месту стоянки французских войск, где она должна была увидеть много вещей, способных возмутить и взволновать ее. Опустошенная страна, обездоленный народ должны были быть ужасными свидетелями в ее глазах. Уже и теперь им стали попадаться навстречу бегущие крестьяне, старающиеся укрыться где-нибудь в дебрях лесов от безжалостного врага. Они увидели полуразрушенную церковь, на паперти которой валялись раненые и оборванные нищие. Гастон ждал, что она обратится к нему за разъяснениями и боялся ее вопросов, но, когда наконец она действительно обратилась к нему с такими, он ответил ей совершенно откровенно.

— Так вот, значит, из-за чего ваши соотечественники избиваются у нас в Венеции? — спросила она его, и он без всякого смущения возразил ей:

— Война всегда безжалостна, я знаю, что все это ужасно, но не думайте, что ваши воины поступали лучше. Эти люди отказываются накормить голодных солдат, и вот на этой почве возникают все эти ужасы. Моро, по-видимому, прошел по этой местности, а между тем он — вполне порядочный человек. Моро никогда бы не допустил ничего подобного, если бы сами крестьяне не вызвали ненужной жестокости. Надо стараться смотреть на эти вещи со всех сторон, Беатриса.

— Я так и делаю, Гастон, — ответила Беатриса, — но все же я не верю в то, что жестокость эта была действительно необходима и неизбежна; крестьяне глупы, они иногда сами не знают, что делают. Неужели необходимо было сжигать все эти дома и выгонять на улицы беззащитных сироток? Нет, не говорите этого, Гастон, а то, в конце концов, мы еще поссоримся с вами.

На этот раз он ничего не мог ответить, так как они как раз проезжали деревушку, которая еще три дня назад была цветущим уголком, а теперь, после несколь-

ких часов стоянки французов, обратилась в кучу развалин, на дорогах всюду валялись голые бледные люди, с ужасом смотревшие на приближавшуюся кавалькаду. Первый из домов — большая вместительная гостиница — еще горел и дымился; церковь была разрушена почти до основания, но ужаснее всего был вид крестьянина, пригвожденного копьем к дверям собственного дома. Ужасное выражение муки, застывшее на лице убитого, его широко раскрытые глаза еще долго потом преследовали Беатрису; она раздала детям, окружившим ее, кой-какую мелочь и поторопилась уехать подальше от этого страшного места.

— Поедьте туда, где нет таких порядочных людей, как Моро, — сказала она, обращаясь к Гастону, — нервы мои не настолько крепки, чтобы выдерживать подобные испытания.

Он вполне понимал ее и не старался уже больше разубеждать ее. Вся страна кругом говорила о доблестном и славном походе французской армии и о необыкновенном рыцарстве корсиканца, командовавшего ею. И вот к этому-то человеку ехала Беатриса, чтобы умолять его пощадить ее город и оказать поддержку ей самой. Она не удивлялась теперь уже тому, что мужество мало-помалу стало покидать ее, и чем темнее становилось, тем более одинокою чувствовала она себя. Но все же, несмотря на это, она с радостью приветствовала наступление ночи, так как, благодаря темноте, она не могла уже больше видеть этих ужасов кругом. Теперь она проезжала уже не по своей Италии, а по чужой стране, опустошенной нашествием этих вандалов, которые, казалось, за неимением хлеба пожирали сами дома; ей стало страшно при мысли, что она в некотором роде является союзницей этих мародеров, и она чувствовала себя покинутой и угнетенной. Она чувствовала, что помогает врагам своей родины, но в то же время здравый смысл говорил ей, что это — неправда. Иногда она спрашивала себя, неужели только страсть к прекрасному воину, ехавшему рядом с ней, заставила ее покинуть Венецию. Она старалась разубедить себя в этом, придумывая всевозможные оправдания для себя. Между тем Гастон все время не спускал с нее глаз; даже когда стало уже совсем темно, она чувствовала на себе его горячий взгляд, и она чувствовала, что ее влечет к нему та же сила, которая когда-то заставила ее

броситься к нему на шею, чтобы удержать его в ее доме и этим спасти ему жизнь. Да, она любила его, но все же любовь их должна перейти в дружбу, так как иначе не могло быть. Несмотря на все эти рассуждения, целый день, проведенный вместе, еще более сблизил их, и, когда стало совсем темно, он взял ее руку в свою, и она не отнимала ее, несмотря на то, что горячее пожатие почти сжигало ее нежную ручку.

— Моро находится в Боволетте,— сказал Гастон, прерывая довольно долгое молчание,— пусть он сам защищает себя в ваших глазах. Я уверен в том, что его довели до крайности, иначе не было бы всего этого. Нечего говорить, что мне все это тоже очень неприятно, Беатриса, особенно теперь, когда я узнал вас. Когда я находился со своей армией в Ницце, я и не думал даже о подобных вещах. Ведь подобные вещи всегда бывают на войне, и раз вы воюете, вы должны быть готовы к ним. Мы должны исполнять приказания начальства, а не критиковать их. Я, конечно, не мог не желать успеха собственному полку, вы должны это понять, Беатриса. Я верил в гений Наполеона, я и теперь верю в него. С моей стороны было бы нечестно утверждать, что события в Венеции в чем-нибудь поколебали мою веру в него. Я буду служить Франции с таким же усердием, как и раньше, но если я буду в состоянии сделать что-нибудь для ваших соотечественников, то, конечно, я это сделаю. Во всяком случае, ведь до сих пор война Венеции еще не объявлена и все может быть еще спасено. А вот и огни вдали, это, вероятно, Боволетта. Сам генерал находится тоже где-нибудь поблизости.

Беатриса с удовольствием слушала его речи, она верила в то, что он говорит искренно, и не могла не согласиться с ним. К тому же она была рада, что наконец-то достигнут первый пункт их путешествия, она с радостью приветствовала отдаленные огни Боволетты. Должно быть, там — огромный лагерь, думала она, глядя на красное зарево, освещавшее вдали горизонт, и чем дальше они продвигались, тем больше она дивилась необыкновенно яркому свету на горизонте. Наконец дорога сделала крутой поворот, они взобрались на небольшую гору и с вершины ее увидели, что происходит внизу, в долине перед ними. Это не были лагерные огни, это было пламя ярко пылавших домов Боволетты.

Это тяжелое зрелище, открывшееся им так неожиданно, поразило всех всадников настолько, что они, как бы по команде, сразу остановили своих коней. Перед ними, как на картине, расстилалась вся местность; сомнения быть не могло, вся деревушка Боволетта пылала, как один большой костер. Пламя настолько было ярко, что освещало все кругом, и дорога, проходившая через деревушку, казалась расплавленной огненной рекой; там и здесь виднелись отдельные группы солдат и людей, оказывавших им отчаянное сопротивление. На крыше церкви виднелось множество женщин и детей, столпившихся там в надежде найти спасение, но уже из окон церкви поднимались целые столбы дыма и пламени, кругом церкви сновали взад и вперед солдаты и как бы убеждали жертвы спуститься вниз к ним, где они могли бы прикончить их, но так как единственная лестница, ведущая наверх, была объята пламенем, то несчастные были обречены на верную смерть в огне, они испускали жалобные крики и в безумном страхе прижимались друг к другу. Кругом по всей деревне шла самая безжалостная и беспощадная бойня, солдаты гонялись за крестьянами из дома в дом, настигая их повсюду и убивая на месте; девушек они хватали без всякой церемонии и уходили с ними в горы; детей тоже никто не щадил.

В группе, стоявшей на горе, царило молчание; французы, сопровождавшие леди Беатрису, если и сочувствовали в душе разыгрывавшейся перед ними драме, то все же не смели вслух выражать своего удовольствия из уважения к ней. Гастон тоже не находил слов для оправдания, он знал, что подобные вещи случаются, и даже сам делал то же самое, переходя со своим полком через Альпы, но теперь он положительно не находил этому никаких оправданий и поэтому упорно молчал. В душе он невольно рассчитывал на то, что здравый смысл в этом случае подскажет Беатрисе, что его соотечественники уже не так виноваты, как это кажется на первый взгляд. Ведь не может же она, например, считать его ответственным за эти зверства, в которых он сам не принимал никакого участия.

— Это не может быть Моро,— сказал он, когда пожарище стало уменьшаться,— это, наверно, наши аванпосты. Я думаю, что скорее всего это — люди Аллемана. По всей вероятности, они требовали провианта

и получили отказ. Мы должны, во всяком случае, узнать, кто они, эти драгуны, иначе мы не можем идти туда с вами, Беатриса. Вы устали, вероятно, я тоже устал, и поэтому пошлем туда кого-нибудь разузнать, в чем дело. Мы как-нибудь устроимся со своим багажом на ночь. Я ужасно жалею о том, что вы видели все это, Беатриса, но, право же, я тут ни при чем.

— Да, да, конечно,— сказала она быстро,— вы ведь только исполняете чужие приказания. Я постараюсь забыть это, Гастон. Нам необходимо действительно отдохнуть, я очень устала, дорога показалась мне бесконечной.

Он был очень рад, что она не осыпала его упреками, как он ожидал, и, подозревая к себе двух стражников, приказал им отправиться в деревню, узнать там, кто командует этим отрядом и где можно найти генерала Моро.

Местечко, где они расположились, оказалось очень удобно для ночлега. Они привезли с собой провизию и вина из Киоджиа, и пока некоторые из людей занялись разборкой багажа, а другие стали расседлывать лошадей, Гастон отвел Беатрису немного в сторону, к старым руинам, находившимся тут же на горе, и разостлал для нее свой плащ на шелковистой траве.

С этой стороны стены развалин как раз закрывали от их взоров сожженную деревушку, и никто не мешал им. Им подали в скором времени скромный ужин, состоявший из мяса и хлеба и самого простого красного вина, которым обыкновенно довольствуются крестьяне.

Наконец для них обоих настал час полного покоя и гармонии, когда никакие волнения внешнего мира не мешали им, и они всецело могли предаться своим личным чувствам. В эту ночь Беатриса в первый раз в жизни забыла, что ей принадлежит ответственная роль в истории ее родного города, что она до сих пор руководила почти всеми окружавшими ее высокопоставленными и важными людьми, что все это кончилось для нее изгнанием и позором. Дивная красота природы, мягкий лунный свет, глубокое молчание кругом — все это разбудило в ней женщину, и она почувствовала, что наконец-то может всецело отдаться своему чувству, не насилуя своей воли. Гастон сидел тут же около нее, и хотя они говорили очень мало, но оба чувствовали

в эту минуту, что души их сливаются воедино, и они составляют как бы одно целое. Несмотря на это, Беатриса все же не переставала владеть собой, она смеялась и шутила с Гастоном, вырывала у него бутылку из рук, мешала ему доставать провизию из корзины и затем, смеясь, ела с ним из одной тарелки на разостланной перед ними скатерти. Они говорили о самых обыденных вещах. О своей первой встрече в часовне, о розах, которые она бросала перед ним на полу, о днях, проведенных им в ее доме, но она старалась не говорить о той минутной слабости, которая нашла на нее, когда она так старалась удержать его в своем доме, и когда он заговорил об этом, она промолчала с недовольным видом. Таким образом время ужина прошло в полном молчании, хотя глаза их то и дело встречались и говорили друг другу: я люблю тебя. Наконец, когда ужин был кончен, Гастон как бы пришел в себя и сказал, вздохнув:

— Теперь пора подумать об отдыхе. Нам предстоит еще долгая дорога, до Вероны ведь еще далеко. Я вообще удивляюсь тому, зачем нам, собственно говоря, ехать теперь в Верону. Ведь перед нами весь мир, если вы желаете того же, что и я. Зачем нам возвращаться опять ко всем этим волнениям и невзгодам, Беатриса? Разве нам недостаточно самих себя?

— Я сама не знаю, чего я хочу, Гастон,— сказала она нерешительно,— я только знаю, что очень устала, так как пришлось пережить так много. Нет, нет, не держите меня так крепко за руки, не надо этого, не надо!

Но взгляд ее глаз противоречил ее словам, и Гастон обхватил ее стан одной рукой, другой привлек ее голову к себе на плечо. Они забыли в эту минуту все на свете, и очень может быть, что результатом этого явилось бы то, что они действительно удалились бы навсегда куда-нибудь в скромный уголок, вдали от шумного света, если бы в это время не явились посланные, которые вернулись с ответом, требовавшим немедленного присутствия Гастона во французском лагере.

— Генерал Моро здесь, и он ждет вас, ваше сиятельство,— доложил ему один из посланных.

— Итак, Моро все же, значит, здесь,— задумчиво произнес Гастон, отрываясь от своих любовных мечтаний.— Как жаль, что он пришел немного поздно.

Он спросил посланного, один ли генерал Моро или с ним есть еще кто-нибудь.

— Он не один, ваше сиятельство,— был ответ,— с ним генерал Бонапарт.

— Генерал Бонапарт?

— Да, ваше сиятельство, он только что прибыл из Вероны.

Гастон обернулся к Беатрисе, видимо, взволнованной этим известием.

— Я могу поехать туда и вернуться сюда через час,— сказал он,— и я, конечно, объясню ему все. Может быть, это и к лучшему, что я поеду туда один и расскажу им все. Вы находитесь здесь в полной безопасности, и к тому же я сейчас же пришлю вам еще конвойных. Постарайтесь заснуть, Беатриса, вам сон необходим.

Беатриса стояла молча, она ни одним словом не выразила своего сожаления по поводу того, что он должен покинуть ее. Сердце ее, правда, замерло при мысли о разлуке с ним, но она пересилила себя и сказала, улыбаясь:

— Конечно, так будет лучше, а к завтраку я вас жду, смотрите.

Посланный ушел, и они снова были одни. Он обнял ее и страстно поцеловал.

— Ну, нет, к завтраку— это слишком поздно,— промолвил он,— я вернусь еще до двух часов ночи.

Он вскочил на лошадь, еще раз помахал ей рукой в знак прощания и быстро поехал по направлению к деревушке.

XVIII

Джиованни Галла приготовил своей госпоже мягкое ложе из листьев и травы, под защитой полуразвалившейся каменной стены, и когда Гастон окончательно скрылся из виду, она попробовала лечь и заснуть, несмотря на окружающую ее необычную обстановку. Кругом было все тихо, и в ночной тишине она смогла свободно предаться своим мыслям и обдумать яснее свое положение. Если посланный был прав и Бонапарт находился так близко от нее, то на следующий же день

она могла повидаться с ним и узнать, какого рода ответ она может отвезти от него своим соотечественникам. Однако, несмотря на то, что она сама старалась себе в этом не сознаваться, мысли ее все реже и реже останавливались на вопросе, касающемся ее родины, и переходили постоянно на блаженные минуты, проведенные в обществе любимого человека. Она сама не знала, каким образом за последние дни она изменилась настолько, что почти совершенно утратила собственную волю и готова была с радостью преклониться перед волей другого человека, которого она любила. Она не упрекала себя за это и находила даже, что это вполне естественно. В эту долгую темную ночь, предоставленная собственным мыслям, она поняла великую истину.

Решительная и самостоятельная обитательница города Венеции, ярая патриотка, от души ненавидевшая притеснителей своей родины, потрясенная глубоко только что виденными ужасами по дороге сюда, она в эту минуту забыла решительно все на свете и думала только о тех минутах, когда руки Гастона сжимали ее руки, когда голова ее покоилась на его плече. Она убедилась теперь в том, что прежде всего она — женщина, а уже потом патриотка, и поняла, что так и всегда бывает со всеми.

Ночь была темная и тихая, но все же изредка до нее долетали отдельные звуки: она слышала топот лошади одинокого всадника, слышала, как где-то вдали на колокольне били часы, слышала изредка звук рожка, на который отвечал другой такой же рожок. Но все эти звуки не возбуждали в ней ни малейшего интереса, она думала теперь о том, как снова вернется к ней Гастон, он, вероятно, придет с тем, чтобы передать ей приглашение от Бонапарта, и вот она вместе с ним поедет в лагерь, она будет просить за свой народ, а затем уже, когда устроит все для своих соотечественников, тогда она будет иметь право подумать и о себе. Но будущее еще представлялось ей очень неясно, она сознавала, что вернуться назад, в Венецию, ей уже нельзя, оставалось ждать, чтобы Гастон сказал решительное слово. Может быть, он пожелает ехать с ней в Париж? Она, конечно, предпочла бы жить в Италии, но так как при первом муже она уже жила во Франции, то мысль о Париже несколько не пугала ее.

Беатриса только что дошла в своих думах до представления о том, как они обзаведутся своим домом в Париже, как сон наконец сломил ее, и она проснулась только на рассвете. Но глаза ее еще слипались, и она сразу не могла сообразить, каким образом она очутилась в этом уединенном месте. Вчерашние руины, казавшиеся ей живописными при лунном свете, предстали теперь ее очам в виде высокой полуразрушенной стены, очень непривлекательной с виду. Все кругом было покрыто такой густой пеленой тумана, что ей не видно было с горы ни деревушки, ни дороги, проходившей мимо нее. Она удивилась тому, что могла так крепко заснуть, и еще больше удивилась тому, что Гастона все еще нет с нею. Почему он не вернулся, как обещал? Она еще не сумела ответить себе на этот вопрос, как вдруг увидела человека, приближавшегося к ней и шедшего прямо из деревни, расположенной у подножия возвышенности, на которой она находилась.

Это был маленького роста человек, одетый в грубый серый мундир, с треугольной шляпой на голове, в высоких сапогах и белых брюках, под мышкой он нес большой бинокль. Лицо его казалось очень бледным при утреннем освещении, но черные пронизательные глаза горели, как угли; они были устремлены на нее и так смутили ее своим настойчивым любопытным взглядом, что она невольно опустила глаза. Долгое время человек этот смотрел на нее молча, не говоря ни слова, так что она решила наконец повернуться и идти назад, чтобы отыскать Джиованни; тогда только он заговорил с ней.

— Так, значит, это вы — маркиза де Сан-Реми?

— Да, — ответила она, не глядя на него, — я маркиза де Сан-Реми, но, к сожалению, я не знаю, с кем имею честь говорить, сударь.

Он весело рассмеялся и подошел к ней еще ближе, так что ей теперь уже было невозможно уйти от него.

— Я очень рад вас видеть, сударыня, — сказал он, — мы с вами старые друзья, хотя, к сожалению, вы и не узнаете меня... Но, как видите, я вас не забыл, я узнал вас сразу.

Он снова рассмеялся, как бы наслаждаясь ее смущением. В манере этого человека держать себя, в голосе и в его глазах было что-то такое повелительное

и властное, что маркиза положительно растерялась и не знала, что ответить ему.

— Я, к сожалению, действительно не узнаю вас,— ответила она наконец,— хотя ваше лицо мне очень знакомо. Может быть, вы принадлежите к лагерю Моро? Или, может быть,— и при этих словах ее лицо сразу просветлело,— вы принесли мне какое-нибудь известие от графа де Жоаеза? И как только я не догадалась об этом сразу?

Незнакомец все еще продолжал пристально рассматривать ее своими черными пронизательными глазами, но в эту минуту звук рожка в долине привлек его внимание, он достал бинокль и стал смотреть в него, не обращая на нее больше никакого внимания. Беатриса стояла рядом с ним, сама не понимая, почему она тут стоит и не идет искать Джиованни Галла. Тем не менее она все же оставалась на прежнем месте, пока наконец незнакомец опять не повернулся к ней, причем фамильярно положил ей руку на плечо. Она невольно обратила внимание на то, что, несмотря на то что он, по видимому, был всецело погружен в созерцание того, что происходило в долине, где полки выстраивались за полками, он ни на одну минуту не забыл о своем разговоре с нею.

— Да,— сказал он спокойно,— женщины часто бывают неразумны, сами того не сознавая. Я слышал, однако, что вы в этом случае составляете исключение, так, по крайней мере, мне говорил мой приятель, граф де Жоаез.

Лицо ее вспыхнуло. Самый недалновидный человек при взгляде на нее сразу бы понял, какое значение для нее имело имя Гастона.

— Значит, вы пришли ко мне по поручению графа де Жоаеза?— спросила она.

— Да, от него.

— Но почему же он сам не вернулся сюда?— сказала она, и вся краска отлила от ее лица.

— Он не мог прийти сюда, так как поехал в Верону.

— В Верону?

— Да, по приказанию генерала. Он уехал в Верону, и поэтому я явился сюда в качестве его посланного. Я пришел извиниться за него и сказать вам, что он вернется, как только будет возможно. А до тех пор нам придется отыскать для вас подходящее помещение.

Загадочность положения, по-видимому, очень нравилась ему, он еще фамильярнее наклонился к ней и сказал ей, смеясь:

— Да, вам придется пока довольствоваться моим обществом. Я — посланный графа... Я — его брат, я — его единственный родственник... Вы должны будете подчиняться моему авторитету и слушаться меня во всем. Прежде всего я закажу вам завтрак, чтобы вы могли немного подкрепить свои силы, а затем позабочусь о том, чтобы вам дали сухую одежду. Вы — итальянка и решились ночевать под открытым небом, это прямо сумасшествие! Как хорошо, что мне приходится заменить теперь графа, но вы, — он слегка взял ее за руку, — вы, вероятно, не согласны в этом со мной? Да, женщины все на один лад. Для каждой существует только один мужчина, и счастлив этот мужчина, нечего сказать!

Беатриса положительно не понимала, как она может допускать подобную фамильярность с собой и почему она не выражает своего неудовольствия. С каждой минутой лицо говорившего с ней становилось все более и более знакомым. Сначала она подумала, что это, может быть, сам генерал Моро. Ей даже показалось, что это еще более важный генерал, но его простая одежда и тот факт, что он пришел без всякой свиты, невольно приводили ее в смущение.

— Если вы отведете меня куда-нибудь, где можно будет переодеться в сухое платье, — сказала она, — я действительно поверю, что вы родственник графу де Жоазу. Если ваши соотечественники сжигают наши дома, разве это не естественно, что нам приходится ночевать под открытым небом? Но, во всяком случае, это такие пустяки, о которых не стоит и говорить, и поэтому прошу вас не особенно беспокоиться обо мне.

— Я и не беспокоюсь, — ответил он спокойно и затем громко крикнул:

— Жюно, вот наша пленница, прошу вас позаботиться о ней.

Таким образом оказалось, что он пришел сюда не один. Не успел он крикнуть, как из-за кустов показался генерал на черной лошади, сопровождаемый небольшой свитой адъютантов и штабных офицеров. Они вытянулись все в струнку перед незнакомцем, и генерал Жюно сейчас же подъехал к Беатрисе.

— Маркиза де Сан-Реми,— сказал он вежливо,— я хорошо знал вашего отца и помню, что видел вас тоже в Ницце, но вы, вероятно, забыли меня?

— Нет, не забыла вас, но только я никак не ожидала вас увидеть здесь. Пожалуйста, представьте мне вашего друга, с которым я только что говорила.

Генерал Жюно залился громким смехом, гулким эхом отозвавшимся в лесу.

— Я не могу этого сделать, маркиза, право же, не могу,— сказал он ей сквозь слезы, выступившие у него от смеха.

Она поняла тогда свою ошибку.

— Вы — генерал Бонапарт? — спросила она, спокойно обращаясь к Наполеону. — Я могла бы догадаться об этом по вашим глазам.

Ответ этот понравился ему.

— Запомните это, Жюно,— крикнул он весело,— меня можно узнать по глазам. Да, иногда они многое могут видеть, что скрыто от других. Ну, а теперь, господа, отправимся пить кофе, если только маркиза согласится сопровождать нас.

Он махнул рукой по направлению к одинокой ферме, стоявшей в долине. Беатрисе подвели лошадь, и генерал Жюно помог ей сесть в седло. Бонапарт в это время говорил со своим адъютантом и, казалось, забыл про нее.

XIX

Ферма стояла посреди долины и имела вид длинного белого здания с зелеными ставнями. Весь двор был заполнен лошадьми и экипажами штаба; здесь виднелись люди всех полков и слышался оживленный шум, всегда присущий главной квартире армии в походе. Каждую минуту приезжал какой-нибудь адъютант за поручениями от генерала, здесь как бы смешались люди всех положений и званий, каждый заботился только о себе, был занят своим личным делом. Генералы охотно принимали приказания от полковников и радовались тому, что им хоть таким образом удавалось добиться чего-нибудь. Простые солдаты, которые могли указать, куда поставить лошадь и как добраться до генерала Бонапарта, имели вид маршалов. Голод срав-

нял всех, и самые гордые люди унижались, чтобы получить только кусок хлеба, который являлся в данном случае драгоценнее алмазов. Но, несмотря на суматоху, царившую во дворе, в самом доме все было тихо, так как все комнаты были отведены под квартиру Наполеону и его ближайшей свите. Длинный стол, накрытый около заднего крыльца дома, был уставлен скудными яствами, добытыми мародерами-солдатами и служанками фермы, и, хотя эти яства большей частью состояли только из хлеба, фруктов и овощей, они были все расставлены на безукоризненно белой скатерти и сопровождались веселыми ласковыми взглядами служанок, по-видимому, совсем не разделявших общей ненависти к французам. Генерал Бонапарт, со своей стороны, умел быть очень любезен и ценил по достоинству каждую маленькую ручку, хотя бы она и принадлежала простой служанке.

Когда Бонапарт въехал во двор, там воцарилось на мгновение молчание; все были заинтересованы тем, что в свите его оказалась прелестная незнакомка. Кое-кто из присутствующих узнал Беатрису, когда генерал Моро помог ей сойти с лошади, и они приветствовали ее, но не как итальянку и горячую приверженку своей несчастной родины, а как свою соотечественницу, которая, благодаря обстоятельствам, должна была жить в изгнании вдали от прекрасной Франции. Она старалась не показывать никому, как ей это было неприятно; как умная женщина, она прекрасно понимала, что, только подчинившись теперь обстоятельствам, ей удастся добиться, может быть, своего. И поэтому она весело отвечала на приветствия, обращенные к ней, и последовала за генералом Моро, который повел ее к столу, где сидел уже Бонапарт. К своему удивлению и даже отчасти к своей радости, она увидела, что ближайшим ее соседом оказался Вильтар. Он, сломя голову, прилетел сюда, как только узнал, что Бонапарт находится в этих местах и должен в скором времени встретиться с Беатрисой. «Такая умная женщина, как она, может испортить мне все дело»,— говорил себе Вильтар и решил во что бы то ни стало присутствовать при этом разговоре.

— Как все хорошо сложилось!—сказал он, вставая, чтобы приветствовать маркизу,—я всегда был

счастлив в жизни, но на этот раз удача положительно превзошла мои ожидания.

И, обращаясь к Бонапарту, он прибавил:

— Маркиза де Сан-Реми, наверно, будет слишком скромна и, пожалуй, не все решится рассказать вам, поэтому мне много придется рассказать за нее.

Бонапарт, который ел с жадностью и почти залпом выпил большую чашку кофе, внимательно посмотрел в упор на Беатрису, как бы стараясь составить себе о ней мнение независимо от мнения других.

— Мне кажется, что маркиза сумеет говорить сама за себя,— сказал он с убеждением,— не думаю, что она попросит вас быть своим адвокатом, Вильтар. Как вы скажете, маркиза, прав ли я?

— Так как он считается моим другом, то мне приятно иметь его и своим адвокатом,— ответила Беатриса, с улыбкой глядя на того и другого. Ответ этот очень понравился Бонапарту, и он сейчас же приступил к делу.

— Почему ваши соотечественники убивают французов? — спросил он вдруг коротко. — Чем они объяснят мне смерть Ланжье, маркиза, как они оправдают ее в моих глазах? Я уверен, что они будут так же скромны в своих оправданиях, как они трусливы. Ведь стоит кому-нибудь из моих солдат громко крикнуть, чтобы обратить в бегство самого храброго их генерала. Но, во всяком случае, они дорого мне заплатят за тот день, когда был убит несчастный Ланжье. Я могу оказаться очень неприятным кредитором, в этом скоро убедятся эти трусы-венецианцы. Ведь надеюсь, сударыня, что вы приехали сюда не для того, чтобы говорить со мной по поводу убийства Ланжье?

Он пристально посмотрел на нее. В комнате воцарилось мертвое молчание. Глаза всех были обращены на Беатрису, заметно покрасневшую от последних слов Бонапарта, но она все же ответила ему очень спокойно и сдержанно. Может быть, она и не подозревала, как много зависит от ее ответа, но Вильтар знал это, и поэтому он взвешивал каждое слово, вылетающее из ее уст.

— Нельзя сказать, чтобы в Венеции все глупости делались только с одной стороны, генерал,— сказала Беатриса,— ведь в каждом правлении есть умные люди и наоборот, даже и в Париже.

За столом раздался взрыв смеха; все посмотрели сразу на Бонапарта. Только десять минут назад он горько жаловался при всех присутствующих на скаредность и бестолковость французского правительства, которое отказывалось дать ему необходимые средства для войны с Италией. Когда Беатриса обернулась к нему, она увидела, что он сидит в глубокой задумчивости, но потом он вдруг точно очнулся и, громко стукнув кулаком по столу, воскликнул:

— Однако вы — философ, нечего сказать. Вы правы, сударыня, повсюду есть умные люди и дураки, но из этого еще не следует, что надо перестать вешать дураков.

— Пусть их, конечно, вешают, если это будет хорошо для умных людей. Но ведь не всегда можно судить по правительству о самом народе.

— Конечно, маркиза, но мы судим о нем по деятельности этого правительства. Неужели же мне простить тех, кто убил Ланжье, только за то, что и в Венеции есть умные люди? Подобный аргумент мне непонятен. Пожалуйста, разъясните мне это.

— Ведь это — не мой аргумент, генерал, и поэтому я не могу вам разъяснить его. Наказывайте, конечно, виновных, но не наказите в то же время и себя. В Венеции много есть людей, очень расположенных к Франции, но малейшая несправедливость восстановит их, конечно, против всех французов. Если бы я хотела помочь Италии, я не начинала бы с пушек и войны, нет, я раньше бы узнала, кто мои друзья, и постаралась бы обеспечить их безопасность.

— Вы хотите этим сказать, маркиза, что и другие, кроме нас, находятся в опасности из-за этих негодяев?

— Нет, я хочу скорее сказать, что Венеция нуждается прежде всего в том, чтобы она могла защищать свои интересы и интересы своих союзников-французов. Иначе вместо одного врага у вас их окажется два. Вы накажете виновного, а вместе с ним и невинного. Конечно, я рассуждаю как женщина, но, может быть, и мужчине могут пригодиться мои рассуждения. Я говорю, конечно, как жена француза, но в то же время не скрываю, что я люблю Италию и стою за ее свободу.

— И вы говорите как особа, про которую рассказывают, что ее дом являлся могилой для моих соотече-

ственников? Я вижу, что вы даже не потрудились оправдаться в данном случае.

— Есть вещи, в которых лучше не оправдываться, генерал. Я ссылаюсь в этом случае на моего друга Вильтара.

Вильтар выслушал этот диалог с большим вниманием и очень радовался тому, что мог теперь заговорить и отвлечь внимание Бонапарта от рассуждений, которые могли причинить вред его тайным планам.

— Я вполне согласен с маркизой,— заметил Вильтар,— и должен сказать, что если в Венеции и есть один дом, где мои соотечественники могут быть в полной безопасности, так это именно ее дом. Я ведь писал вам об этом в том же письме, где сообщал о смерти этого бедного Ланжье. Бедный малый, он умер, призывая Францию отомстить за него, он умер с вашим именем на устах.

— И он не напрасно призывал меня в свой смертный час: никогда ни один француз не будет приывать меня напрасно. Я приехал сюда, чтобы сказать это венецианцам через их послов, которые должны прибыть сюда сегодня утром. Они услышат сегодня мой ответ.

Он встал из-за стола и, подозвав Моро, отправился с ним в комнаты. Все, один за другим, последовали его примеру, так что в скором времени Вильтар остался наедине с Беатрисой, и, к видимому ее удивлению, в первый раз с тех пор, как она его знала, он казался не расположенным к разговору.

— Маркиза,— начал он наконец нерешительно,— итак, ваш друг Гастон в Вероне?

Она ответила ему с напускным равнодушием, что так, по крайней мере, сказал ей сам Бонапарт.

— А вы, маркиза, конечно, последуете в скором времени за ним?— спросил он ее.

— Я еще не составила себе никаких планов относительно будущего,— ответила она.

— Простите меня, но я их составил уже за вас; мы с Бонапартом обсудили все, он желает, чтобы вы отправились в Верону и там открыли свой салон. Ведь очень невыгодно для города, если знать покидает его. Мы вовсе не хотим, чтобы по всему миру разнеслась весть о том, что мы—такие варвары, что с нашим появлением прекращается всякая общественная жизнь. Вы отправитесь в Верону и поселитесь в приготовлен-

ном для вам доме, чтобы служить хорошим примером как для французов, так и для иностранцев. Граф Гастон уже, наверное, ждет вас там, не надо слишком долго томить его ожиданием, маркиза.

Сделанное ей открытие чрезвычайно удивило ее, но она сейчас же поняла, в чем дело. Бонапарт хотел устроить так, чтобы суметь сказать всей Европе: лучшие из итальянцев расположены ко мне и приглашают к себе в дом моих соотечественников. Инстинкт подсказывал ей, что она должна отказаться служить простым орудием в руках политики, но Вильтар уже воспользовался ее минутным молчанием и высказал еще следующий аргумент.

— Это — очень опасная миссия, — сказал он ей, — и очень немногим можно было бы доверить ее. Умная женщина сумеет многое сделать для Италии, если только у нее хватит мужества на это. Она найдет прекрасного союзника в лице моего друга Гастона, который назначен начальником отдельного отряда. Я знаю, что в данном случае он сильно рассчитывает на вас.

— Дайте мне подумать, — сказала она тихо, — а затем я дам вам свой ответ, Вильтар.

— Хорошо, маркиза, думайте до захода солнца, а пока поедemте посмотреть драгунов Моро. Генерал делает им сегодня смотр, и они поедут с вами в Верону. Да, я уверен в том, что вы не заставите ждать Гастона напрасно.

Беатриса молча последовала за ним, раздумывая о том, как странно устраивает все судьба, заставляя ее все время невольно встречаться с человеком, которого она любила.

Что касается Вильтара, он больше уже не сомневался в том, что она поедет в Верону.

XX

Джиованни Галла стоял у дверей фермы, когда Беатриса выходила из нее, и он сообщил ей несколько новостей, сильно удививших ее.

— Лорд Брешиа здесь, — сказал он, подсаживая ее на лошадь, — он в настоящее время говорит с Бонапартом.

Она подумала немного, потом сказала ему:

— Мне бы хотелось поговорить с ним, Джиованни. Постарайся устроить мне это.

— Это легко сделать, ваше сиятельство; положитесь на меня.

Он больше ничего не прибавил, так как к ним подъезжал Вильтар на красивой серой лошади, радостный и сияющий под впечатлением прекрасного утра и веселого зрелища. Воздух был свеж и приятен, в долине перед ними двигались отряды конницы и пехоты, гремела артиллерия, картина менялась каждое мгновение и представляла собою поистине величественный вид. Сам Бонапарт в своей серой куртке и треугольной шляпе расположился на небольшом холме, окруженном высокими соснами, и вместе со своей свитой, состоящей из ста офицеров самых разнообразных форм, ждал, пока драгуны Моро выстроятся перед ним на равнине.

— Вот, посмотрите на этих людей, маркиза,— сказал Вильтар, не без гордости поглядывая на стройные ряды солдат,— с ними мы заставим даже Австрию говорить так, как нам захочется. Не правда ли, они великолепны, маркиза? Не правда ли, несмотря даже на правительство, мы умеем заставить помнить о себе?

— Да, это верно. Стоит только взглянуть на эти обгоревшие дома, и невольно вспомнишь ваши войска.

Вильтар, несколько не смущенный этим замечанием, ответил совершенно спокойно:

— Видите ли, маркиза, ведь, если бы не было этих обгорелых домов, не было бы и мира. Сознаться, что вы ничего не имели бы против подобного свидетельства, если бы это были французские дома? Ведь известно, что только побежденные жалуются всегда на жестокость войны. Мы, французы, по природе своей совсем не жестоки. Но мы должны одерживать победы, а для этого необходимо воевать.

Он искусно отвлек ее внимание, указав ей в эту минуту на блестящую кавалерию, устанавливавшуюся рядами, чтобы пронестись галопом мимо Наполеона. Сцена эта была действительно поразительна, и забыть ее было нелегко. Вдруг раздался рожок, и затем послышался шум приближающейся кавалерии. Отряд Моро приближался, как ураган, ужасный и непобедимый в своем стремительном движении. По мере его приближения раздавался все громче и громче гул голосов, при-

ветствовавших Бонапарта, этого гения в серой куртке и треуголке, сумевшего создать подобное грозное оружие войны. Беатриса, когда она наконец была в состоянии отвести глаза от этой сверкающей массы людей и лошадей, взглянула на Бонапарта и увидела на лице его выражение высокого, истинного наслаждения. Лицо его оставалось по-прежнему бледным и неподвижным, но глаза его сияли, как две звезды, в них сосредоточивалась в данную минуту вся жизнь этого человека. Бонапарт, казалось, в эту минуту заглядывал в будущее и видел уже у своих ног королей и царей всей Европы; он видел себя властелином всего мира. И он говорил себе, вероятно, в этот момент: «Дело мое начато!»

Кавалерия уже скрылась из глаз среди облаков пыли, и только вдали раздавались еще трубные звуки. Когда все затихло, Беатриса заметила, что она составляет центр блестящей группы, самым выдающимся в которой был генерал Моро, весело принимавший похвалы своей кавалерии, которые раздавались положительно со всех сторон. Когда он выслушал их все и также получил заслуженную благодарность от Бонапарта за блестящий вид конницы, он с видимым удовольствием обратился к Беатрисе и вступил в разговор с ней. Она же со своей стороны приветствовала его, как самого достойного и доблестного из генералов, сопровождавших Бонапарта в этом походе в Италию. Она очень охотно согласилась на его предложение проехаться с ним по направлению к деревушке.

— Генерал отправился к церкви принять депутацию от Венеции,—сказал он ей,—мне говорили, что в этой депутации ваши близкие друзья.

— Очень может быть,—ответила Беатриса,—но кто же эти депутаты, как их зовут?

— Секретарь Франциско Пезаро и ваш старинный друг, ужаснейший шарлатан, простите за выражение, синьор Брешиа.

Она невольно рассмеялась вместе с ним при этом прозвище, данном Лоренцо.

— Он приехал, вероятно, чтобы объяснить причину смерти вашего бедного соотечественника Ланжье?

— В таком случае ему придется пустить в ход весь свой ум, так как это была отвратительная шутка, надо

признаться. Я не удивляюсь тому, что вы решили переселиться в Верону.

Он говорил очень добродушно и мягко, как бы угадывая чувства, волновавшие ее.

— Ведь я еще не решила, что поеду в Верону, генерал. Почему вы говорите это так уверенно?

— Дело в том, маркиза, что генерал решил, что вы будете вице-губернатором Вероны. Я не могу предположить, чтобы можно было отказаться от подобного поста, особенно такой женщине, как вы, маркиза.

Беатриса промолчала. Она поняла, что о решении ехать в Верону было известно уже всему штабу, и поэтому отказ с ее стороны невозможен. Они сделают ее орудием в своих руках, а между тем сами всему свету возвестят о том, будто сама она захотела сослужить службу Франции. Весь ее патриотизм пробудился в ней с новой силой, и она сказала себе, что лучше претерпеть всевозможные унижения, чем открыть салон в Вероне.

— Я очень польщена выбором генерала Бонапарта,— сказала она,— но я не разделяю его уверенности в том, что сумею быть достойной его. По-моему, между вашими соотечественниками и моими не может быть никогда особенной дружбы. Если я отправлюсь в Верону, французы не будут доверять мне, а итальянцы отнесутся ко мне с презрением. Вы, должно быть, очень плохого мнения о моем уме, если думаете, что я соглашусь исполнить подобную задачу. Это, конечно, делает честь вашей откровенности, но я отплачу вам тем же, и поэтому говорю вам прямо, что я не поеду в Верону.

Он не стал противоречить ей, но рассмеялся, как бы уверенный в том, что он прав, а не она.

— Увидим,— сказал он,— я уверен, что осознание трудности положения больше всего повлияет на то, что вы, маркиза, согласитесь взять на себя эту миссию. Вы говорите, что мои соотечественники не будут доверять вам. Мне кажется, что вы ошибаетесь на этот счет. Они наоборот с радостью будут приветствовать умную женщину, которая возьмется помирить их с прежними друзьями. Подумайте, какую пользу может принести ваше присутствие там в это тяжелое время. Не забудьте, что от положения дел в Вероне будет зависеть и судьба Венеции: пока в Вероне будет царить мир, до тех пор Венеция в безопасности. Вы, маркиза, со своим

влиянием и тактом сделаете больше для взаимного примирения, чем все эти войска и пушки. И поэтому я и говорю так смело, что вы поедете в Верону: этого требует уже ваше чувство долга по отношению к Венеции.

Она покачала головой, очень польщенная сделанным ей комплиментом, но все же уверенная в том, что она не согласится плясать под чужую дудку.

— Но, если генерал Бонапарт думал так, как вы говорите,— наивно заметила она,— почему он не позволил графу де Жоаезу проститься со мной?

Моро, по-видимому, ожидал этого вопроса.

— Потому, маркиза, что нельзя было терять ни одного часа. Верона накануне взрыва, один неосторожный шаг, одно неуместное слово может стоить нам многих жизней. Ваш друг Гастон— как раз такой человек, который сумеет теперь действовать с тактом и осторожно. Мы послали его в том убеждении, что он сумеет сохранить мир в Вероне до тех пор, пока мы не пришьем туда дивизию, чтобы поддержать его. Все те, кто остались здесь, нужны нам в настоящую минуту именно здесь. Наши соотечественники должны как-нибудь выдержать до тех пор, пока не решится окончательно этот вопрос. Мы послали им Гастона, он сумеет уладить пока все дело.

— Но ведь вы рисковали его жизнью?

— Но кто же из нас, французов, не рискует теперь своей жизнью?

— Но ведь это не дело военного, его могут, наконец, убить прямо на улице, на глазах у всех.

— То же самое ему грозило и в Венеции. Говорят, что он обязан своей жизнью исключительно вам, маркиза. Может быть, в Вероне вы вторично спасете ему жизнь.

— Не думаю. Разве я пользуюсь там каким-нибудь авторитетом? Мне кажется, что моя дружба не спасет его; по-моему, даже будет лучше, если я не поеду в Верону.

— Но ведь вы же не вернетесь в Венецию, по крайней мере, до тех пор, пока мы не займем ее силой?

— Тогда-то я наверное не вернусь туда.

— Я восхищаюсь вашим патриотизмом. Если бы вы не были наполовину французенка, конечно, тогда нечему было бы удивляться. Ведь, собственно говоря,

мы не желаем Венеции зла, но она сама так настойчива, маркиза.

— А вы тоже со своей стороны не менее упрямы,— ответила маркиза, и оба они засмеялись, несмотря на важность обсуждаемого ими вопроса.

Они доехали как раз до церкви, в которой Бонапарт принимал депутацию из Венеции, и когда они подъехали ближе, они услышали его гневный голос, говоривший о смерти Ланжье, тон его речей был таков, что Беатриса невольно задрожала. «Рабы, трусы, убийцы!»— слышались его отрывочные восклицания. Они услышали, как он кончил свою речь угрозой, что лев Св. Марка исчезнет с лица земли и он отдаст своим генералам приказание не щадить никого из венецианцев.

— Когда вы доставите мне живыми или мертвыми убийц моего бедного лейтенанта Ланжье, тогда только я выслушаю вас, господа.

В ответ на эти слова послышались просьбы Франциско Пезаро, старавшегося умиловить Наполеона, а вслед за тем раздалась и напыщенная речь Лоренцо, которая вывела Бонапарта окончательно из терпения.

— Я велю повесить тебя, старик,— кричал он,— убирайся, пока не поздно!

Офицеры и солдаты, стоявшие при входе в ограду около церкви, посторонились и пропустили венецианцев, когда те показались в воротах. Моро попробовал удалить Беатрису, но это ему не удалось, а между тем он сильно опасался того, что сцена, предстоящая ей, могла оказаться для нее унижительной. Но она стояла впереди всех и первая увидела Пезаро: престарелый вельможа шел, низко опустив голову, на глазах его видны были слезы. Беатриса сама чуть не прослезилась при виде его печали, вызванной тем, что ему не удалось умиловить Бонапарта. При виде его она вдруг решила сейчас же покинуть французский лагерь и вернуться вместе с ним в Венецию, будь что будет, но в ту же секунду показался Лоренцо, красный от гнева, весь взъерошенный, как большая хищная птица; он приблизился к ней и в одно мгновение ока успел испортить впечатление, вызванное в ней видом Пезаро.

— Вы видите, как ваши друзья обращаются со мной,— прошептал он ей,— недоставало только того, чтобы вы, маркиза, присутствовали при этом. Меня

выгнали, как собаку, и, как собака, я возвращаюсь в свою конуру.

— Благодарите Бога за то, что у вас еще есть эта конура! — воскликнула разгневанная Беатриса, но Лоренцо был так полон своим негодованием, своим поражением, что не обратил внимания на ее тон. Она так много раз помогала ему преодолевать различные затруднения, что он решил, что и на этот раз она еще может выручить его.

— Какой ответ я дам сенату? С чем я вернусь в Венецию? — продолжал он жалобно. — Если я скажу всю правду, мне не поверят. Хорош посланник, которого обругали, как дурака. Разве можно это рассказывать сенату?

— Так не рассказывайте этого, Лоренцо, — заметила Беатриса, тронутая его горем. — Я уверена, что Франциско Пезаро не скажет ничего, что бы могло еще увеличить его позор. Пусть сенат узнает, что Бонапарт — не такой человек, который испугается угрозы. Он несколько не заботится о вашем высоком происхождении — ему это безразлично, так как он сам — выходец из народа; этим вы ничего не возьмете, но мне кажется, что лестью от него можно чего-нибудь добиться.

Эта мысль очень понравилась Лоренцо. Он несколько оправился и, завернувшись покрасивее в свой плащ, принимая гордую осанку, ответил ей как бы нехотя:

— Наша нация не умеет льстить.

Но Беатриса перебила его словами:

— Восхваляйте Бонапарта как спасителя Италии и положитесь на его милосердие. Это — самое умное, что вы можете сделать, Лоренцо. Лучше вас никто не сумеет этого сделать, он с удовольствием выслушает похвалы себе, все мужчины в этом отношении одинаковы. Я видела его и уже составила себе о нем определенное мнение. Вы должны быть щедры в своих восхвалениях, помните это.

— Я готов сказать все что угодно, раз это нужно для спасения моей родины. Ах, Беатриса, если бы вы были со мной при этом! Зачем вы покинули нас? Зачем вы пренебрегли нашей благодарностью? Я не могу этого понять!

— Только дьявол или маленький ребенок может постичь женщину, Лоренцо.

— Да, это верно. Мне говорили, что вы едете в Верону, чтобы открыть там свой салон?

— Вам сказали неправду. Я поеду в Рим, в монастырь Сакр Харт, я желаю забыть все и быть наконец одной. Монастырь — мое единственное убежище.

— Но ведь в римские монастыри запрещен вход мужчинам,— сказал Лоренцо, зорко всматриваясь в маркизу.

— Вот потому-то я и отправляюсь туда, Лоренцо. Мы в последний раз встречаемся с вами; решение мое непреклонно.

— Как и всякое женское решение; впрочем, не будем ссориться. Верона — такое место, куда не должны ехать истинные патриоты. Там готовятся странные вещи,— заметил он осторожно, точно вскользь.

— Да, я слышала уже об этом,— ответила она, стараясь не показать своего любопытства.— Говорят, наши соотечественники задумали что-то несообразное. Надеюсь, что это — неправда?

Она сказала это совершенно равнодушно, как бы вовсе не интересуясь подобной темой разговора. Лоренцо забыл о своей осторожности и сдержанности, и, осмотревшись кругом, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает, он нагнулся к ее уху и сказал:

— Нет, это правда. Если все пойдет как следует, в скором времени в Вероне не останется ни одного француза. Мы рассчитываем на это. Общее народное восстание против своих притеснителей — сначала в Вероне, потом во всех городах континента. У нас тогда будет время организовать свое войско. Я говорил об этом сенату, это — мой план.

— В таком случае, Лоренцо,— сказала Беатриса с жаром,— вы еще глупее, чем я думала.

Он посмотрел на нее с яростью, так как впервые в жизни она высказала ему правду в глаза. Эта женщина осмелилась усомниться в его уме. Он собирался уже ответить ей, нисколько не сдерживаясь, как вдруг в эту минуту к ним подошел Вильтар, уже давно наблюдавший за ними.

— Вам приготовлена закуска в лагере, синьор,— сказал он, обращаясь к Лоренцо,— я советовал бы вам не медлить и закусить немного.

— Я иду уже,— ответил гордо Лоренцо, и, еще раз с презрением смерив глазами маркизу, он молча после-

довал за своим спутником Пезаро. Когда он ушел, Вильтар снова заговорил с Беатрисой о приготовлениях к ее отъезду в Верону.

— Завтра утром выступают драгуны,— сказал он,— я велел приготовить для вас двух лошадей. Ваш слуга Джиованни будет следовать за вами с багажом.

— В таком случае вы не принимаете во внимание моего отказа ехать в Верону?

— Я никогда и не думал о том, что отказ этот может быть серьезен, маркиза.

— Но я твердо решила настоять на своем.

— Простите, но это — отличительная черта женского характера. Еще вчера была здесь другая женщина, которая отказалась ехать в Верону, а сегодня она, вероятно, прибыла уже туда.

— Неужели вы думаете, что пример другой женщины может подействовать на меня?

— Не знаю, предоставляю вам самой судить об этом. Бианка Пезаро, кажется, давно уже знакома и дружна с Гастоном, маркиза?

Беатриса поспешно отвернулась, так как почувствовала, что лицо ее сразу побледнело.

— Вы убеждены в том, что говорите? — спросила она Вильтара.

— Маркиза, вы сами убедитесь в этом. Стоит только поехать в Верону.

— Да, да,— ответила она поспешно,— но мое решение не ехать туда все же осталось неизменным.

Вильтар не мог скрыть улыбки торжества.

— Драгуны выступают утром,— ответил он.— Я велю приготовить вам на сегодня комнату на ферме,— и с этими словами он покинул ее.

XXI

В то время, как Вильтар совершенно успокоился, уверенный, что Беатриса отправится в Верону, Гастон уже прибыл в этот город. Он застал там народ, доведенный до крайности и готовый открыто начать возмущение; французскую армию, упоенную своими победами и привыкшую властвовать, и, наконец, наместника Валланда, только ожидающего какого-нибудь предложения, чтобы окончательно сбросить маску и предъявить

требования своего господина, генерала Бонапарта, как правителя города. Верона переживала дни полного унижения, и не было улицы, где не виднелись бы явные следы ее упадка и разрушения.

Гастон приехал в полдень вместе со своими драгунами, служившими ему эскортом; у него были самые неясные понятия относительно того, что он должен был теперь делать, окончив свое путешествие. Бонапарт сказал ему:

— Вы будете отстаивать мои интересы, я же поддерживаю ваш авторитет. Сохраните, насколько можно, мирные отношения между французами и итальянцами. Это необходимо для нас в настоящее время.

Выслушав это, Гастон доверчиво отправился в Верону, но не проехал он и ста шагов от ворот Св. Георга, как истина уже стала ему ясна, и он понял, что приехал слишком поздно для того, чтобы оказывать услугу Франции или Вероне.

Был полдень, солнце стояло над головой и немилосердно жгло раскаленные крыши великолепных храмов. Так как время было не обеденное, Гастон невольно удивился тому, что только одни французские солдаты попадались ему на улицах, и в кофейнях виднелись тоже только французы. Он повсюду слышал свой родной язык — в лавках, в церквях и даже на балконах в узких, кривых улицах. Французский флаг развевался из многих окон; он видел несколько сценок, где французский язык тщетно старался смиростивить итальянские глазки. Но вот он въехал в улицу Собора, и там, на закрытом балконе, над своей головой, он увидел закутанную женскую фигуру, которая протянула белоснежную руку и бросила вниз на улицу красную розу, упавшую к его ногам. Хотя видение это было мимолетно, но Гастон узнал эту девушку и покраснел сам, как красная девица, при воспоминании о том, при каких обстоятельствах он в последний раз виделся с ней.

«Это Бианка, дочь Пезаро,—подумал он,—но что она делает теперь в Вероне?»

Он не поднял ее розы, и лошади драгунов растоптали ее. Ему было неприятно, что сам он отчасти виноват в том, что темноглазая Бианка считала себя вправе бросить ему розу. Взгляд на женщину у Гастона стал совершенно иной с тех пор, как он побывал у Беатрисы и убедился в том, что не в состоянии жить без нее.

Этот незначительный случай, казалось, еще сильнее привязал его к Беатрисе, он постарался скорее забыть о нем и направился прямо в замок. Пробравшись мимо целого ряда пушек и гарнизона, вооруженного, как на войне, он наконец добрался до Валланда и тотчас же вручил ему нужные бумаги.

— Я прочту их потом,— сказал ему приветливо последний.

Это был коренастый, некрасивый человек с большими глазами и таким же ртом и зубами.

— Вы должны немножко почиститься, а затем мы можем позавтракать в стенах нашей небольшой крепости. Вы, кажется, удивляетесь тому, что видите нас в полном вооружении, но впоследствии вы поймете это, конечно, лучше. Приветствую вас от души, граф, тем более что вы явились с такой рекомендацией.

Гастон промолчал и не сказал ему, что его наместничество продлилось бы не больше нескольких часов, если бы он нашел эту рекомендацию недостаточно хорошей. Он отправился к себе, быстро переоделся, умылся и вернулся в садик в крепости, где они должны были завтракать. Это было прелестное местечко, защищенное живописной стеной, покрытой плющом и диким виноградом. Позади них высились высокие башни древнего замка, обращенного в крепость, а перед ними, далеко внизу, лежала Верона, сверкавшая на солнце, как будто ее красноватые крыши были покрыты кристаллами. Собор, огромный амфитеатр, стены, колокольни, сонный и мирный Адидже, кативший свои воды среди цветущих садов, в которых виднелись оливковые деревья,— все вместе взятое представлялось таким мирным и прелестным зрелищем, что невольно усталый путник с удовольствием согласился бы отдохнуть здесь, решив про себя, что он нашел наконец свое Эльдorado.

Гастон, почти ничего не евший с тех пор, как он расстался с Беатрисой, с большим удовольствием приступил к вкусному завтраку, и только тогда, когда он запил его достаточным количеством прекрасного белого вина, он обратился наконец к Валланду с вопросом о том, что, собственно говоря, происходит в настоящее время в городе. Наместник, человек грубый и невоспитанный, старался во всем выгородить себя и свои

оправдания подтверждал разными клятвами и ударами тяжелого кулака по столу.

— Гарнизон вооружен, потому что теперь война,— говорил он.— Они угрожают мне, я угрожаю им. Гараветта и Эмили, предводители веронской черни, находятся там, в горах, и у них девять тысяч солдат, у нас же нет и ста на весь город. Не сидеть же мне и ждать, пока они нападут на нас. Генерал вряд ли бы одобрил это. И поэтому я заряжаю свои пушки, чтобы быть наготове. Вы поступили бы так же на моем месте, граф.

Гастон ответил очень терпеливо:

— Весьма возможно, если бы я был уверен, что победа останется на моей стороне. Вы говорите, что Эмили в горах с девятью тысячами человек. Если так, то, пожалуй, может случиться, что он явится сюда посмотреть ваши пушки, Валланд. Вряд ли человек может верить в ваше желание сохранить мир, когда вы приставляете пистолет к его голове. По-моему, вы должны умерить свой пыл и сохранить его к тому времени, когда он вам понадобится. Я, со своей стороны, намерен начать с того, что вызову для переговоров Эмили и Гараветту. Мы выясним тогда, по крайней мере, чего нам ждать от них. Если они захотят войны, мы, конечно, в этом им не откажем, но в настоящее время мы с ними в мире, и поэтому мир этот должен соблюдаться, как следует.

Валланд рассмеялся при мысли, что кто-либо может быть в мире с ними, и, выпив чашку вина, он взглянул на свои невзрачные серебряные часы, висевшие на медной цепочке, и сказал:

— Граф, я покажу вам, как храню мир по отношению к этим дьяволам. Теперь как раз час, и они хотят заставить нас думать, что все теперь спят, но я разбужу их, и вы увидите, что случится. Потом вы можете сколько хотите переговариваться с ними, только, пожалуйста, берите с собой эскадрон драгунов. Но подождите только, вот и знаменитая оливковая ветвь.

Он подозвал одного из часовых, и тот быстро отправился передать его приказание артиллеристам. Прошло несколько минут. Гастон и не подозревал того, что должно было сейчас произойти, и вдруг раздался пушечный выстрел, ядро пролетело над всем городом и ударилось наконец в крышу старого белого дома в пятидесяти ярдах от церкви Св. Афанасия. Как

только рассеялся дым, разрушенные стены дома и его разбитые вдребезги трубы ясно доказывали, как метко стреляют из замка по мирному городу. Часть дома свалилась на улицу, другая же часть, обнаженная после разрушения крыши, ярко вырисовывалась на синем фоне неба, так что даже видна была мебель в верхних этажах. Прохожие на улицах могли издали слышать крики несчастных, погибающих под развалинами дома, и наблюдать картину, как одна женщина, держа на руках ребенка, умоляла снять ее с верхнего этажа, так как лестница тоже была разрушена.

Граф Гастон в негодовании вскочил на ноги, как только выстрел донесся до его ушей, но он не мог сразу заговорить, настолько велико было его удивление при виде представившейся его глазам картины. Не успело эхо от пушечного выстрела улечься в горах, как вдруг из всех домов высыпали люди: некоторые бежали, испуганные и встревоженные, другие выскочили, вооруженные мушкетами, мечами и кинжалами, и все они бросились по направлению к амфитеатру, в центр Вероны, как к заранее условленному месту. В ту же минуту на всех колокольнях раздался усиленный перезвон; все слилось в один немолчный ужасный гул. Сцена этого внезапного появления стольких вооруженных людей страшно поразила Гастона, он обернулся к Валланду и сказал ему:

— Объясните мне, ради Бога, что все это значит. Говорите мне правду. Теперь ведь я отвечаю за все, а не вы, как вы скоро в этом убедитесь.

Он говорил спокойно и тихо, но в глазах его горел огонь такой решимости, что даже недалекий Валланд не мог не понять этого.

— Раз в день я стараюсь напомнить им, что я еще здесь,— сказал он, как бы оправдываясь.— Это мое предупреждение всем негодьям, наводняющим Верону. Ведь не проходит ни одной ночи, чтобы кто-нибудь из этих проклятых итальянцев не зарезал хоть одного француза. Я стараюсь дать им понять, что их ждет впереди, и даю вам слово, я сожгу все их дома до единого, если урок этот не послужит им на пользу. Если ваш долг предписывает вам поступать иначе, действуйте, как хотите. Но пока за все отвечаю я, я буду продолжать так, как начал, и вы можете передать это Бонапар-

ту, если не согласны со мной. Что касается этой падали...

— Наших союзников в Вероне, прошу не забывать этого.

— Называйте их, как хотите, от этого они не изменятся, и мушкеты по-прежнему останутся в их руках. Я говорю, что они не лучше собак, и с ними надо поступать, как с таковыми, а если вам не нравится...

— Мне это настолько не нравится, что я тотчас же прекращу все это. Вы можете мне в этом помочь, если хотите.

— Скажите как, и я охотно помогу вам, если смогу.

— Отправляйтесь к собору и извинитесь за это оскорбление перед всей Вероной.

— Только в том случае, если они принудят меня к этому силой.

— В таком случае мне придется передать генералу Бонапарту, что вы не согласны исполнить его приказания.

— Вы можете сказать ему, что я — простой солдат и что я готов перестрелять всех этих негодяев, раньше чем извинюсь перед ними.

Сомневаться больше было невозможно: Валланд твердо стоял на своем и ничто на свете не могло изменить его убеждений. Гастон в душе не мог не похвалить его за это, тем более что он отчасти понимал и оправдывал его поступки.

— Ну, хорошо, — сказал он, — я ведь вовсе не желаю унижать кого бы то ни было, Валланд, но мне кажется все же, что вы не так взялись за дело. Если вы не желаете извиниться перед ними, так извинюсь я. Прежде всего надо быть справедливым и действовать честно. Я сейчас же отправлюсь в город, чтобы сообщить об этом жителям Вероны.

— Если вы поедете, вы никогда не вернетесь оттуда живым, — ответил Валланд.

— Я надеюсь на вашу поддержку, Валланд. Дайте мне эскадрон ваших гусар, и больше мне от вас ничего не надо. Подобное безумие не может продолжаться дальше, генерал никогда бы не потерпел этого.

— Ну, что касается этого, генерал обыкновенно терпит все, что в конце концов оказывается удачным.

— Может быть, но докажите мне удачу, и я, может быть, соглашусь с вами. Дадите вы мне эскорт?

— Сейчас же прикажу людям готовиться. Жаль мне, что вы хотите ехать. Придется, видно, опять мне по-прежнему оставаться здесь наместником.

— Вы и будете им с большим успехом, если только будете немного благоразумнее, Валланд.

Итак, утверждая каждый свое: один — что Гастон не вернется живым, другой — что он поступает правильно, — они оба направились к воротам замка, где их ждал эскадрон гусар, о котором просил Гастон.

Не заботясь нисколько о личной безопасности, Гастон встал во главе своего небольшого отряда и спокойно поехал по направлению к амфитеатру Вероны. И как только он доехал до того места, где больше всего собралось инсургентов, он начал говорить им своим молодым звонким голосом о том, что сожалеет о том, что происшедшем и что Бонапарт обещает веронцам новую эру, где правосудие и честное отношение к делу будут играть первую роль. Они слушали его с удивлением, и мужество его было так велико, что никто не решался поднять на него руки. Он знал хорошо, что одно неверное слово, один неудачный шаг, и минуты его сочтены. Но Гастон, несмотря на некоторые недостатки и довольно нерешительный характер, обладал львиным мужеством. Он обращался теперь с толпой, как будто был в одно и то же время ее судьей и другом. Народу понравилось подобное отношение, и все слушали его со вниманием. Он вспоминал потом до самой своей смерти этот день, когда он говорил перед лицом пяти тысяч граждан Вероны и видел десять тысяч глаз, устремленных на него; все эти люди щадили его жизнь только потому, что он возбудил их любопытство.

Стройная тонкая фигура на прекрасной черной лошади, кругом и позади вооруженные гусары, оживленный и возбужденный город, огромная толпа, ловящая каждое слово, — вот какую представлялась потом та картина в воспоминаниях Гастона. Каждый человек из этой толпы мог спокойно застрелить его без всякого риска для себя, и все же ни один курок не был спущен. Но если он вообразил бы себе, что стоящие перед ним люди напуганы его появлением, то, что случилось вслед за тем, сейчас же разубедило бы его в этом. Впереди этой толпы стоял человек среднего роста и светловолосый, он, казалось, взвешивал каждое слово, выле-

тавшее из уст Гастона, и одобрял все, что он говорил о правосудии и перемирии, наконец он вдруг возвысил голос и крикнул:

— Да здравствует Франция!

Спохватившись сейчас же, что он сделал большую бестактность, могущую стоить ему жизни, он пробовал скрыться в толпе, но было уже слишком поздно, не успел он крикнуть, не успел взмолиться о пощаде, как уже упал, сраженный чьим-то кинжалом.

Поступок этот вызвал глубокое, мертвое молчание, всегда следующее за подобной трагедией. Глаза всех были устремлены на Гастона, все старались услышать, что он скажет. Не постигнет ли и его та же участь? Не выразит ли он гнева и презрения при виде этой напрасно пролитой крови? Все ждали с затаенным дыханием, что-то он скажет. Но холодное, бесстрастное лицо молодого человека сбивало их с толку. У этого человека каменное сердце,— думали они. Слова его продолжали литься без всякого перерыва, он снова заговорил о надеждах, которые Франция питает по отношению ко всем итальянцам. Он говорил о том, что французы и итальянцы вместе должны спасти Верону. И они могли ответить на это только словом «да», так как в них проснулась любовь к родине, к свободе и надежда на правосудие. Они стали бросать свои шапки в воздух с криками: «Верона, Верона!»; они забыли о том, что в руках у них оружие.

Но последнее слово еще не было сказано. Граф Гастон поднял руку, чтобы заставить их снова слушать себя.

— Граждане,— сказал он,— если правосудие награждает, то оно также и карает. Если мы согласны жить друг с другом как братья, мы не должны проливать братскую кровь. Я говорю с вами, как мужчина с мужчинами, и вы должны дать свое согласие, свободно, по доброй воле. Преступление, совершенное сегодня на наших глазах, не может остаться безнаказанным. Те, кто убил совершенно невинного человека, должны ответить перед судьями. Именем Вероны арестую их сейчас же, выдайте мне их, чтобы могло совершиться правосудие.

И, повернув свою лошадь, он указал пальцем на двух негодяев, убивших человека, крикнувшего: «Да здравствует Франция!». Все это произошло так быстро,

что никто не успел оглянуться, как уже гусары схватили двух человек из толпы, прежде чем кто-либо успел заступиться за них, и, следуя данному приказу, эскадрон повернул и по четыре человека в ряд направился прочь от площади.

Раздался единодушный крик ярости со стороны пришедшей наконец в себя толпы, все бросились в погоню за гусарами, чтобы отбить пленников. Многие в бешенстве стали стрелять в солдат, шальные пули попали в других бегущих, и множество трупов скоро усеяло весь путь. Гусары тоже потерпели урон, многие из них покачнулись в седле и затем тяжело свалились на землю раньше, чем была достигнута наконец площадь Эрбе. Здесь, около собора, где Гастон собирался было говорить речь, образовалось целое побоище, люди нападали друг на друга, не обращая внимания на то, с кем они имеют дело, раздавались крики и вопли, колокола продолжали тревожно трезвонить, со всех сторон прибывали сражающиеся; все соединились теперь и пытались окружить дерзкого юношу. Гастон согласился теперь с тем, что Валланд был прав, и вряд ли ему удастся опять побывать в замке Св. Феликса.

— Что нам делать, старина? — обратился он к старому сержанту Дженси, скакавшему рядом с ним.

Дженси покачал седой головой и объявил, что ничего поделать нельзя.

— Надо бы сжечь их проклятый город, — сказал он, — в хорошую переделку мы попали, нечего сказать.

— Да, да, но словами делу не поможешь. Отразить ли нам их нападение или ехать дальше? Вы — человек старый и умный, Дженси, говорите, что лучше!

— По-моему, лучше сразиться с ними, — сказал старик, — уж если умереть, так, по крайней мере, не даром: отправим на тот свет нескольких проклятых итальянцев.

Гастон с удовольствием выслушал его. Трубач достал свой рожок и протрубил атаку. Они находились в это время на улице, наполненной типичными старинными балконами, почти совершенно закрывавшими от них голубое небо над головой. Темные глаза смотрели на них из многих окон: наверху было небо, внизу был ад.

Эскадрон при звуке рожка быстро повернул, и все люди сидели на лошадях с оружием в руках, готовые по

первому приказанию броситься вперед на густые ряды своих разъяренных врагов. Раздался еще раз звук рожка, потом послышался шум, заглушивший все крики на улице, женщины попадали в обморок у окон, дети решили, что настал последний судный день, все смешалось и слилось в один дикий, невообразимый шум. Толпа дралась, как опьяненная, бросаясь прямо на штыки солдат; грязные лужи на улицах обратились скоро в потоки крови; голубые мундиры гусар были разорваны в клочья, смельчаки бросались прямо на лошадей и ставили гусар вниз на целое море стилетов. Кругом раздавались стоны, проклятия, и все же еще не было ни на чьей стороне победы. Гастон понял все безумие своего поступка, как только он совершил его. Он должен был подождать, по крайней мере, пока они выедут на открытое место, а то узкая улица оказалась для них западней.

Его собственная жизнь висела на волоске, хотя Дженси и еще дюжина других солдат защищали его своими телами. С самого начала толпа указывала на него пальцами и кричала: вот этот человек! Пули свистели вокруг него, как град, он чувствовал, что ранен, но не испытывал никакой боли, и когда наконец на него навалился труп убитого солдата, ему не оставалось больше ничего сделать, как спокойно сидеть и ждать, когда настанет конец. Почти без чувств, он вместе с другими был оттеснен к дому, под ворота которого давно уже стремился старый Дженси. Там можно было, по крайней мере, защищаться, так как стена прикрывала спины, и довольно было места, чтобы размахнуться мечом. Гастон пришел наконец в себя, как раз вовремя, чтобы убить наповал негодяя, собиравшегося уже вонзить нож в его лошадь, но вместо него явился другой; куда бы Гастон ни смотрел, он видел себя окруженным со всех сторон враждебными, зловещими лицами; ослабевший от потери крови, он решил, что умирает, он пошатнулся в седле, ухватился за старого Дженси, и тот стащил его с лошади и увлек под ворота. Гастон лежал без чувств.

В той комнате, где он наконец очнулся, горел ярко камин и красноватый отблеск его скользил неровными лучами по потолку, по раскрашенному и позолоченному когда-то карнизу. Подножие его огромной постели закрывало от него совершенно нижние оконные стекла, но в противоположном окне он видел неясный свет лампы, и этот жалкий свет свидетельствовал о том, что только что начались сумерки. Сама по себе комната была меблирована очень бедно. По левую сторону от него почти вся стена была завешена огромной картиной, отдельные фигуры которой он не мог рассмотреть в темноте, другая стена была лишена всяких украшений, за исключением крошечного зеркала с канделябрами под ним. Несколько стульев с высокими спинками, стол с инкрустациями и еще несколько маленьких столиков, расставленных по комнате в живописном беспорядке, причудливой формы кушетка, придвинутая к камину, составляли всю бедную меблировку этой комнаты. Все было тихо кругом, и только в камине ярко пылало и трещало огромное пламя.

Граф Гастон открыл глаза, но тотчас же опять закрыл их. Он не мог еще остановиться на какой-нибудь связной мысли, и, хотя он смутно помнил, при каких обстоятельствах попал в этот дом, он все же не мог дать себе отчета, что произошло на самом деле и в какой части города или на какой улице он находится. Но мало-помалу, по мере того, как он все больше приходил в себя, умственному взору его ясно представилось все, что произошло с ним. Он вспомнил свой разговор с Валландом, свою поездку в амфитеатр, затем бегство по направлению к собору, узкий переулок и толпу кругом. Да, он упал тогда, и старый Дженси спас его, вероятно, с опасностью для собственной жизни. Он вспомнил, как он соскользнул с лошади, вспомнил, как старый сержант тащил его куда-то. Вся картина представлялась ему так ясно, что, будь он художник, он мог бы нарисовать на память все лица, окружавшие его в ту минуту. Но этот дом, куда он попал? Он ничего не знал о нем. Кто принес его сюда, почему он лишился чувств? Еще не совсем придя в себя, он все же провел рукой по своему телу, чтобы убедиться, не ранен ли он. Таким образом он сразу убедился в том, что плечо его и рука

забинтованы; острая невыносимая боль вернула ему полное сознание. Он попробовал сесть на постели, но для этого он был еще слишком слаб.

— Пожалуйста, не двигайтесь, граф: вы должны лежать, подождите, я сейчас принесу огонь.

Говорила это женщина, и ему показалось, что он узнает голос, мягкий и мелодичный, который он слышал когда-то в Венеции. Но он не мог видеть говорившую, и пока он старался догадаться, кто она, глаза его осмотрели всю комнату, и тут он только заметил, что на кушетке, придвинутой к камину, сидел странный старик с длинным худым лицом и в бархатной черной шапочке, борода у него была тоже седая и необыкновенно длинная. Старик держал между ног маленький деревянный столик, на котором раскладывал с методической точностью какие-то предметы, оказавшиеся при ближайшем осмотре небесным глобусом, квадрантом и песочными часами; он тщательно обтирал их своими тонкими пальцами и затем осторожно ставил их на стол перед собой. Когда Гастон заговорил, он обернул к нему свое умное и сосредоточенное лицо, но не сказал ни слова, а затем вынул из кармана маленький хрустальный флакон и посмотрел его на свет, как будто в нем заключался какой-нибудь целебный эликсир. Гастону показалось его лицо удивительно интересным, он следил за каждым изменением, производимым в нем мыслями старика, и был еще занят этим, когда вдруг в комнату внесли свет, и сразу объяснилась ему тайна его местонахождения.

Бианка, дочь Пезаро, так как это была она, поставила свечи на столик около кровати и затем нагнулась так близко к Гастону, что ее черные кудри почти коснулись щек Гастона. Стараясь казаться как можно спокойнее, она провела своей прохладной рукой по его лбу и, покрыв больного тяжелым покрывалом, обратилась к старику доктору, так как разговор с Гастоном был ей запрещен.

— У него больше нет жара, Филиппи,— сказала она.— Нам больше не нужны будут твои лекарства.

Старик покачал головой и подошел к постели, где он и остановился рядом с ней. Он говорил ей, что этот иностранец умрет, и теперь он ждал его смерти, чтобы спасти свое самолюбие.

— У него снова будет жар, раньше, чем настанет еще утро,— ответил он с видом непогрешимого папы,— есть симптомы, которых нельзя отрицать, жар вернется.

— А по-моему, эти симптомы свидетельствуют о том, что он поправится,— прошептала Бианка.— Но тише, он, кажется, опять уснул.

Филиппи протянул длинную костлявую руку и пощупал пульс Гастона.

— Если не будет жара,— заговорил он торжественно,— так не будет и кризиса, а без кризиса, синьорина, не может быть и выздоровления. Я не могу ошибиться. Я похоронил человек пятьдесят, которые имели больше шансов на жизнь, чем этот человек. Но мы составим еще гороскоп его, и тогда само небо будет руководить нами. А до тех пор я — только беспомощный слуга слепой судьбы.

Успокоенный этим глубокомысленным рассуждением, он вернулся к камину и снова принялся за составление гороскопа. Гастон слышал каждое слово этого многообещающего диалога. Он открыл глаза и посмотрел в смуглое лицо Бианки, смотревшей на него с страстным вниманием, скрыть которое она не была в состоянии.

— Синьорина,— сказал он спокойно,— если вы можете мне, я уверен, что я буду в состоянии подняться.

Она покачала головой, но пальцы ее невольно крепко сжали руку, которую он протянул ей, и она все же помогла ему подняться, как он этого желал.

— Это вам строго запрещено,— сказала она и затем, обращаясь к старику, добавила.— Ведь правда, Филиппи, вы стоите за то, чтобы граф не поднимался?

— Если бы он мог надеяться на то, что останется жив, конечно, я настаивал бы на этом. Пусть он вооружится терпением, я ничего не могу обещать,— заметил он задумчиво.

Гастон чувствовал себя очень слабым от большой потери крови, голова его кружилась.

— Дайте мне глоток вина,— сказал он,— и я всем буду говорить, что вы — самый лучший доктор во всей Вероне.

Беатриса, очень довольная тем, что он обратился

к ней с просьбой, на этот раз не стала спрашивать мнение Филиппи, она наполнила кубок вином и поднесла к губам больного, он выпил залпом драгоценный напиток и, вернув кубок обратно с благодарностью, спросил ее:

— Правда ли, что меня принес в этот дом старый сержант Дженси?

— Нет,— сказала она с торжествующим видом,— вас принес сюда не Дженси.

— Но кто же? Я ничего не помню, в голове моей все перепуталось.

Бианка подумала немного, потом рассказала ему все, как было.

— Когда вы выехали из замка сегодня утром, я была все время с вами, но только вы не видели меня. Я слышала, как вы говорили с народом в амфитеатре, и мне сказали, что вы проедете мимо моего дома, чтобы попасть к собору. Я поспешила домой и созвала своих слуг, может быть, я уже тогда думала о том, что мне придется спасать вас, и я впоследствии была рада, что оказалась на месте в минуту опасности. Мои слуги ввели лошадь вашего сержанта в мой двор, я приказала им это сделать, я следила за вами из окна, хотя вы этого, конечно, не могли знать.

Он понял ее и спросил, что же сделалось с остальными; ответ ее он почти предугадывал.

— А что случилось с моими людьми, синьорина?

Она отвернулась от него, говоря:

— Сержант Дженси и еще трое солдат вернулись в крепость.

— А остальные?

— Они не вернулись.

Он знал, что они были убиты, и он опустилсЯ снова на подушки с тяжелым вздохом человека, сознающего, что его постигла неудача. Его обещания Валланду в это утро, его уверенность, разговор о правосудии и братстве — к чему они привели? Бонапарт через несколько часов узнает всю эту историю. Он, Гастон де Жоазе, присланный для того, чтобы поддержать мир, сразу же попал в уличное побоище, при первой же своей попытке водворить этот мир, и оскандалился перед целым народом. Дело Франции было почти проиграно, а веронцы, напротив, набрались новой храбрости при первой, хотя и неважной победе. А сам он, раненый и беспомощ-

ный, должен находиться в доме, известном повсюду своей непримиримой ненавистью к Франции. Он не мог бы придумать более унижительного положения. Ему оставалось одно — уйти из этого дома во что бы то ни стало.

— Если Дженси вернулся в крепость, — сказал он, — значит, он не ранен?

— Очень легко ранен, граф. Я думала, что вы будете рады, что он вернулся туда.

Он подумал немного, потом сказал:

— А наместник Валланд присылал сюда ко мне?

— Да, он прислал сказать, чтобы вы ничего не предпринимали до тех пор, пока силы не вернутся к вам.

Гастон грустно улыбнулся.

— Он очень мил, а я калека теперь, остается только исполнить его приказание, — заметил он с горечью. Беатриса сразу поняла горечь его замечания и грустно улыбнулась при мысли, что дом ее кажется ему тюрьмой.

— Хотя вы и калека, может быть, — сказала она с мягким упреком, — но все же вы живы.

Он понял упрек и ответил поспешно:

— Простите меня, синьорина, я не забыл, чем я вам обязан. Больной человек чувствует глубоко, но не всегда умеет выразить то, что он чувствует. Да, я знаю, что я обязан вам жизнью, и никогда не забуду этого.

— Вы можете выразить вашу благодарность тем, что будете во всем слушаться меня. Позвольте мне ухаживать за вами. Большого я не прошу.

Она села в ногах его постели и не спускала с него глаз; она положительно не умела скрывать свою страсть к этому человеку. Она сказывалась в расширенных зрачках ее прекрасных черных глаз, в дрожании ее губ и рук. Если бы он в эту минуту взглянул ей в лицо, она не удержалась бы и поцеловала его в губы. Но сердце Гастона как будто окаменело от ее слов. И если бы даже его жизнь зависела от этого, он все же не мог бы себя заставить взглянуть на нее.

— Синьорина, — сказал он, помолчав, — я должен вернуться к себе: этого требует моя честь.

— Ваша честь, граф?

— Да, моя честь, которая служит вечной преградой между мной и вами.

— Но разве ваша честь не допускает даже дружбы между нами?

— Иногда бывают обстоятельства, где даже и это невозможно для меня. Ведь подумайте только о том, что я являюсь врагом вашего народа.

Она презрительно рассмеялась и, нагнувшись к нему, прошептала:

— Разве я из-за этого перестала быть вам другом? Подвергните меня испытанию, может быть, мне и удастся даже оказать вам услугу.

— Нет, с моей стороны было бы неблагородно воспользоваться этим.

— Неблагородно? Неужели женщина, которая готова пожертвовать своей жизнью для любимого человека, думает о том, что благородно?

— В таком случае мужчина должен подумать об этом за нее. Сегодня же ночью я должен уйти из вашего дома, синьорина.

— Послушайте,— сказала она, как игрок, который поставил на карту последнее свое состояние и во что бы то ни стало хочет выиграть.— Я совершенно не забочусь об Италии, раз она не может меня сделать счастливою. Все равно, конец будет один и тот же. Бонапарт явится сюда, а итальянцам придется уйти отсюда. Я могла бы помочь ему добраться до цели, так как обладаю секретами, которые могли бы спасти тысячу жизней и могли бы помочь Италии так же, как и Франции, к чему мне молчать? Почему вам не выслушать меня? Разве вы несколько не заботитесь о жизни своих соотечественников? Я этому не верю. Вы, как и все другие мужчины, хотели бы славы и известности. Вы хотели бы унижить Валланда, и я могла бы вам дать возможность сделать это. Я все это вам обещаю сделать, но только при одном условии — вы не должны уходить отсюда. Я не прошу вашей любви, я буду вашей служанкой, вашей сестрой. Видит Бог, это самое большее, что я могу сделать. Но, может быть, зато вы когда-нибудь поймете меня и поблагодарите. Я должна надеяться на это: это все, что мне остается в жизни. Она покраснела и закрыла лицо руками при мысли, что она высказала ему так много. Гастон, со своей стороны, в продолжение нескольких минут испытывал страшное

искушение — его самолюбие мужчины было польщено, в нем проснулось страстное, властное чувство. Одно слово любви к этой прелестной девушке дало бы ему все, что он стремился найти в Вероне, оно дало бы ему власть, почет, могущество. Он был убежден в том, что она действительно сдержала бы свое слово и выдала бы ему секреты, которые совершенно уничтожили бы Валланда и обеспечили бы Франции власть в Вероне. Все это пронеслось в его голове, пока он лежал несколько минут, не говоря ни слова, потом он, однако, тяжело вздохнул и сказал:

— Синьорина, если бы вы обещали мне целое царство, то и тогда я не стал бы слушать вас.

Бианка встала и, взглянув на него, с глубоким чувством, но без всякого гнева промолвила:

— Я, по крайней мере, буду все еще надеяться. Вы не можете покинуть моего дома без моего позволения, вы мой узник, граф, и время примирит вас с этим.

Говоря это, она вышла из комнаты и оставила его наедине с тревожными мыслями, которые она возбудила в нем своими словами. Старый доктор, убедившись, что она вышла из комнаты, тихо встал со своего места и, неслышными шагами приблизившись к постели больного, нагнулся к нему и прошептал чуть слышно:

— У вас будет еще жар, сын мой, но я могу избавить вас от него. Стоимость моей услуги — тысяча дукатов. Тише, я не хочу, чтобы кто-нибудь услышал нас.

Гастон наклонил голову, но не проронил ни слова. Он очень устал и снова уснул тяжелым, глубоким сном, от которого проснулся только на другое утро, благодаря звуку труб и барабанов под его окнами. Он не знал, что трубы эти приветствуют въезд Беатрисы де Сан-Реми, прибывшей в Верону вместе с драгунами Моро и сопровождаемой самим Вильтаром, который сейчас же и проводил ее в дом, отведенный ей Бонапартом.

XXIII

Маркиза де Сан-Реми поселилась в Бернезском дворце, в этом чудном здании, находящемся вблизи от церкви Св. Афанасия, в котором прожило столько людей, имена которых прославили Верону. Вильтар

явился к ней на третий день после ее приезда в Верону. С первого же ее шага положение Беатрисы в Вероне выразилось уже совершенно ясно: французские подданные льнули к ней со всех сторон, коренные жители Вероны относились к ней с не меньшим уважением, помня о той роли, которую она играла в Венеции. Весь двор ее кишел целый день людьми, сюда являлись кардиналы, епископы, префекты, офицеры гарнизона, а также и вся веронская аристократия, остававшаяся еще в городе и решившая мужественно сопротивляться всем оскорблениям, которым подвергал их Бонапарт. Все эти люди, услышав о возложенной на нее миссии, стекались к ней со всех сторон, как овцы, нашедшие наконец надежного пастуха. Всякий желал, чтобы она помогла выиграть ему дело и навредила, сколько можно, его врагам. Все они находили тысячу способов спасти Верону, и каждый старался убедить ее в том, что именно только он один способен это сделать. Всех их Беатриса выслушивала одинаково любезно, но еще не могла хорошо разобрать во всех этих противоречивых просьбах. Бегство из Венеции, поездка из Боволетты, а, может быть, и сознание своего униженного положения, казалось, притупили на время ум бедной женщины. Она приехала в город, уверенная, что сейчас же увидит Гастона, выехавшего ей навстречу, но прошло уже три дня, и она не получила от него ни слова приветия; она была удивлена и напугана этим, ей казалось, что ей приготовили какую-то ловушку, и теперь ей предстоит собственным умом дойти до сути дела и избежать грозящей ей опасности.

Она только что готовилась приступить к этому делу, как ровно в восемь часов вечера ей доложили о приходе Вильтара, прибывшего сюда с целью объявить ей, что ее Гастон находится по доброй воле в доме Бианки, дочери Пезаро. Никогда еще ни одна новость не доставляла Вильтару такого удовольствия, как эта. Он явился во дворец вместе с Валландом, и все время по дороге из крепости до дома Беатрисы они только и говорили об этой животрепещущей новости.

— Он полетел туда, как стрела, — рассказывал Валланд, — я не успел прибавить и слова, как он уже проехал полдороги к собору, я невольно напутствовал его словами: Бог с вами, мой друг, и да покоится ваша душа в раю сегодня же вечером, — и, наверное, это так

и было бы, если бы не эта женщина, всегда в дело непременно замешается женщина,— она сама взяла его лошадь за повод, и никто не посмел дотронуться до нее. Теперь она поместила его у себя в доме на Пиаццо Рено, и я молю Бога о том, чтобы она сохранила его для меня.

Валланд говорил горячо и откровенно, Вильтар внимательно выслушал его и потом заметил:

— У моего друга Гастона много достоинств, но он еще должен выучиться уметь ждать. Этот ангел Бианка заслуживает нашей благодарности. Если ей удастся удержать своего пленника до тех пор, пока дело будет сделано, я готов сам влюбиться в нее. Мы — старые друзья, если годы вообще могут принести пользу, так это именно в отношении дружбы. Я буду заботиться о Гастоне, когда настанет время, но теперь он не должен посещать маркизу де Сан-Реми, по крайней мере в настоящее время.

Оба приятеля обменялись взглядами, прекрасно понимая друг друга. Валланд уже слышал историю Беатрисы, и, хотя он не вполне был посвящен в планы Вильтара, он все же отчасти догадывался, куда тот метит.

— В Венеции все были убеждены, что эти двое вскоре встанут под венец,— заметил Валланд шутливо,— если так, вам придется пуститься на хитрости, чтобы разлучить их, Вильтар, но, впрочем, вы, вероятно, знаете, что делаете.

— Прекрасно знаю, мой друг. Я готов держать с вами пари на сто крон, что завтра же маркиза навсегда отвернется от него. В данном случае весьма поучительно заметить, как многое зависит вообще от женщин. Если у вас неприятности с одной из них, непременно вы должны сойтись с другой, и дело кончено. Я должен сознаться, что судьба помогла мне. Я даже не смел рассчитывать на что-либо подобное. Судьба знает, что делает, друг Валланд, запомните это.

— Без сомнения, без сомнения,— ответил Валланд, который вообще в жизни признавал только грубую силу.— Стоит только натравить одну женщину на другую, или, еще лучше, стоит их посадить вместе в одной клетке.

— Я всегда придерживаюсь этого правила, Валланд. Доверяй им настолько, насколько можешь следить за ними, и всегда держи их в известной узде.

— Вам предстоит много волнений, Вильтар, и, по моему, чем меньше женщин будет замешано в это дело, тем лучше.

— Вполне согласен с вами, Валланд, когда настанет время, на сцену выступят и мужчины, пускай женщины сеют, а я буду пожинать их труды.

— Смотрите, чтобы они вам не посеяли чего-нибудь такого, чего вы и пожинать не захотите.

— Ничего, ведь главное, Валланд, в данную минуту нам надо, чтобы здешний народ наконец возмутился и восстал — это заставит Бонапарта прислать нам сюда дивизию. Время разговоров прошло, пора действовать. Конечно, я знаю, что некоторым из моих соотечественников придется сложить свои головы в Вероне, что же делать, приходится помириться с этим. Вы, я и мои друзья в этом случае останемся, конечно, только зрителями, мы будем только оплакивать погибших и будем умолять небо и Бонапарта отомстить за них. Наше положение в глазах Европы останется вне всякого подозрения, а между тем Венеция падет. Вы понимаете, Валланд, насколько маркиза де Сан-Реми может нам помочь в данном случае? Она прислана сюда, чтобы завязать дружеские сношения с французами, — почему? Потому что она влюблена в одного из них. Я превращу ее любовь в ревность, и что из этого произойдет? Наверное, вы настолько хорошо знаете женщин, что можете предвидеть все последствия моего поступка.

Он тихо рассмеялся, стоя в дверях дома маркизы. Валланд с восторгом хлопнул его по руке и воскликнул:

— Положительно, Вильтар, в вас сидит какой-то демон.

Вильтара уже слишком часто сравнивали с нечистой силой, так что этот комплимент несколько не тронул его. Он откинул назад свой плащ и, гордо подняв голову, пошел вслед за Валландом вверх по лестнице. На улицах было уже темно, но зато весь дворец сверкал огнями, весело горевшими в великолепных хрустальных канделябрах. Лакеи, в голубых ливреях и в брюках канареечного цвета, мелькали во всех направлениях, их было, казалось, не меньше, чем гостей. Великолепная мраморная лестница кишела самыми разнообразными мундирами, среди которых виднелось также много дамских светлых и нарядных туалетов. В этой толпе, поднимавшейся по лестнице, слышались самые разно-

образные наречия, но преобладающим языком был французский, и говорившие на нем чувствовали себя увереннее и свободнее, чем итальянцы, которые, конечно, не могли забыть ни на минуту, что окружены своими недругами.

Валланд, самоуверенный и решительный как всегда, пробивался сквозь эту толпу без всякой церемонии, кивая направо и налево довольно небрежно и высокомерно; он в скором времени очутился в дверях салона и увидел издали Беатрису, принимавшую своих гостей с видом королевы, наконец-то очутившейся снова в своем царстве.

— Это она? — шепнул он Вильтару с видимым удивлением, — но ведь она прямо красавица, надо сознаться. Вам придется запастись хорошей веревкой, чтобы держать ее на привязи, — сказал он, улыбаясь.

— Нет, — ответил Вильтар улыбаясь, — я сумею управлять ею и при помощи тоненькой ниточки.

И действительно, Беатриса никогда еще не была так хороша. Уверенная в душе, что наконец-то в этот вечер Гастон явится к ней, она не пренебрегла ни одним украшением, которое предписывали ей ее положение и имя. Платье ее было выткано из золота и серебра на прозрачной ткани, бриллианты ее были известны всему миру, так как фамилия Порци обладала ими уже много веков. На ней надеты были рубины из Венгрии, изумруды, эмблема верности, бриллиантовая диадема из Индии, сапфиры, украшавшие ее обнаженные руки, бросали на них какие-то изменчивые лучистые тени. Но венцом всего была «золотая роза»: эта семейная драгоценность являлась единственной в мире и принадлежала исключительно роду, к которому она имела честь принадлежать.

Маркиза стояла посреди огромной комнаты, чудный роскошный потолок которой почти совершенно скрывался массою люстр и тысячами свечей, служивших ей украшением. Беатриса была окружена кардиналами в пурпуровых одеждах и другими духовными лицами; тут же стоял Эмили, начальник скудных итальянских войск, Верита, который, несмотря на свою старость, приложил все свои старания, чтобы спасти Верону; Джон Батист Валента, славившийся своею ученостью. Все они группировались вокруг нее, как бы стараясь защитить ее, а также и город от этого нашествия болтли-

вых и хвастливых французов, относившихся так легко к самым серьезным вопросам. Французы же, как бы сговорившись, столпились все в другом конце комнаты, они занимали правый угол салона, а итальянцы левый, и хотя все говорили о самых простых и обыденных вещах, каждый из присутствующих думал только о настоящем положении дел. Это были, собственно говоря, союзники, а между тем они сторонились друг друга.

В Вероне царил мир, а между тем каждый шепотом спрашивал себя: «Не будет ли завтра сражения?». Единственный человек, который мог бы соединить эти два различных общества, лежал в данную минуту в доме Бианки, дочери Пезаро.

Беатриса сразу увидела Вильтара, как только он вошел в комнату, она сделала знак веером, как бы приветствуя его. Он подошел к ней и представил ей Валланда, она же со своей стороны познакомила его с кардиналом Зено и с другими епископами и сановниками, и некоторое время все они поддерживали пустой светский разговор. Но Беатриса и Вильтар только ждали минуты, чтобы поговорить наедине; наконец Беатриса уловила минуту и спросила Вильтара вполголоса:

— Где граф? Что его задержало?

Вильтар, ожидавший этого вопроса, ответил с видом человека, который охотно бы скрыл истину.

— Дорогая маркиза, я думал, что вам уже все известно.

— Известно? Но что же мне может быть известно?

— Мне хотелось бы, чтобы вы это узнали от кого-нибудь другого, маркиза, не забудьте, что я ведь друг Гастона.

Она широко открыла свои прелестные глаза, как бы опасаясь какого-то невиданного, но ужасного удара.

— Значит, с ним что-нибудь случилось? — воскликнула она.

— Да, как вы и говорите, с ним случилось что-то.

— Он ранен? Болен?

— Хуже, маркиза.

Она приготовилась уже к дурным вестям, но эти слова почти лишили ее чувств; она тяжело оперлась на спинку золоченого стула.

— Говорите яснее, что может быть хуже болезни?

— Неосторожность.

— Так, значит, это была только неосторожность с его стороны.

Маркиза снова порозовела и оправилась.

— Но ведь если неосторожность считать преступлением, то мы — все преступники, — воскликнула она почти весело.

— Я не согласен с вами, маркиза, мы преступны, если только наша неосторожность причиняет кому-либо вред.

— Но что же Гастон сделал? Почему вы говорите все это так таинственно?

— Мне хотелось бы пощадить вас, вы и так слишком скоро узнаете об этом.

— Пожалуйста, не заботьтесь обо мне. Мне уже нечего терять.

— То же самое можно сказать и про нашего друга Гастона, ему тоже больше нечего терять.

— Что вы хотите сказать этим?

— Он уже и так потерял восемнадцать человек гусар, они были убиты три дня назад вашими соотечественниками, маркиза.

Она сразу опечалилась, так как поняла, что с Гастоном случилась какая-нибудь неприятность.

— Неужели вы не можете быть откровенны со мной, если я прошу вас об этом? — сказала она довольно резко.

Вильтар осторожно дотронулся до ее руки и сказал шепотом:

— Я не хотел причинить вам горя, но если вы непременно хотите...

— Говорите скорее, лучше знать худшее.

Он пожал плечами и стал говорить, не глядя на нее:

— Наш друг Гастон — горячая голова: он вообразил, что ему удастся победить предрассудки, накопленные годами, одним эскадроном гусар. Он мог бы быть прекрасным епископом, если бы только это не было так скандально: он отправился на рынок и стал там проповедовать, как монах. Вот и все дело в нескольких словах. Он вообразил, что ему стоит махнуть рукой, и сразу же повсюду водворится мир и тишина и воцарятся дружеские и братские отношения. Так как народ не согласился сразу с ним, он попробовал хорошенько пугнуть его, чтобы он сразу поумнел. Но, к сожалению, эта публика стала стрелять из своих мушкетов, и некото-

рые даже возымели счастливую мысль нагородить полную улицу трупов, чтобы наш друг не мог вернуться к нам. Гастон попал в ловушку, и все его люди были перебиты, потому что расчет его оказался не верен. Наш друг погиб бы вместе с ними, если бы одна прелестная женщина не сжалилась над ним. Мне интересно знать, знакомы ли вы с ней?

Беатриса окинула его быстрым, пронизывающим взглядом и спокойно ответила:

— Назовите ее имя, и я скажу вам, знаю ли я ее.

Он все еще старался не смотреть на свою собеседницу и продолжал, не торопясь:

— Мне кажется, что вы ее знаете, так как мы уже говорили о ней,— это Бианка, дочь Пезаро.

— Вам прекрасно известно, что я знаю ее,— что же дальше?

— Дальше? Дальше ничего не было, маркиза. Гастон не мог прийти сегодня к вам, так как он находится у нее в доме.

Слова эти Вильтар произнес с напускным равнодушием, как бы мимоходом. Он несколько минут еще не решался после того взглянуть на Беатрису, но, когда он наконец поднял на нее глаза, она улыбалась и говорила о чем-то с кардиналом Зено.

— Кажется, ужин готов,— заметила она потом окружающим.— Пройдемте в столовую, господа.

Музыка на галерее заиграла какой-то венгерский марш. Двери, ведущие из салона в столовую, широко распахнулись, впереди шел кардинал, предшествуемый людьми, несшими канделябры, а за ним под руку с Вильтаром следовала маркиза де Сан-Реми.

XXIV

Гастон ничего не знал о приезде Беатрисы в Верону, все обитатели дома, в котором его приютили, тщательно скрывали это от него. Рана у него была тяжела, и он потерял очень много крови, но молодость взяла свое, и, благодаря тщательному уходу Бианки, он стал быстро поправляться. С каждым днем он заметно оживал, все больше привязывался к Бианке и с нетерпением ожидал ее появления. Хотя больше она ни единым словом не упоминала о своей любви, чувство это проска-

льзывало в каждом ее движении, в каждом взгляде, он понимал это и, конечно, не мог не быть благодарен за такое отношение к себе. Что касается старого Филиппи, тот проводил свою жизнь около камина на кушетке, с которой поднимался для того, чтобы изредка изрекать разные нравоучительные сентенции и говорить о том, что бы он сделал, если бы снова температура больного повысилась. Странное предложение, сделанное им в первый день Гастону, уже больше не повторялось им, он все время молча сидел в своем углу и приготовлял различные лекарства, которых, однако, никто не принимал.

Дни проходили один за другим, очень медленно для Гастона и слишком быстро для влюбленной в него девушки. Граф спал очень мало в первую неделю своего вынужденного плена и в тихие ночные часы постоянно вспоминал время, проведенное им в Венеции. Он вспоминал, как впервые встретился с Беатрисой в соборе, как восхищался ее красотой и боялся ее начитанности и необыкновенного ума. Тогда он ее еще не любил, это он ясно теперь сознавал, но теперь она научила его любить, и он чувствовал, что не в состоянии будет жить без нее. В доме Бианки он, конечно, не осмеливался спрашивать о том, приехала ли Беатриса, но с каждым днем он все больше беспокоился о ней, и по мере того как восстанавливались его силы, решение бежать из этого дома становилось в нем все сильнее.

Бианка прекрасно понимала все, что происходило в нем, и старалась окружить его заботами и ласками, чтобы вознаградить за претерпеваемые им муки. В комнате больного повсюду были расставлены розы в прелестных вазах, на столике перед ним лежали его любимые фрукты и цветы. Открытое окно, к которому была придвинута постель, выходило на узкую темную улицу, и он мог следить часами за проходящими по ней гражданами, а также французскими солдатами. Вдали из-за красных крыш виднелись горы и долины с красивыми деревушками, утопавшими в зелени. Гастон проводил целые часы у этого окна, в то время, как Бианка читала ему повести и сказания древней и средневековой Италии, но, собственно говоря, он плохо слышал то, что она читала, так как мысли его обыкновенно блуждали в собственном недалеком прошлом: он вспоминал о своей неудаче, о своем позоре и старался

себе представить, как он будет жить дальше, принужденный подать в отставку. Он чувствовал, что Бонапарт уже потерял к нему всякое доверие: подобный человек не прощает неудачи. И поэтому ему, Гастону, придется выйти из военной службы и отправиться во Францию совершенно опозоренным и посрамленным; он невольно спрашивал себя, согласится ли Беатриса разделить с ним это печальное будущее. Он верил в то, что она согласится, но все же ужасался мысли, что ему придется рассказать ей о своем позоре. Все было бы иначе, будь судьба хоть немного благосклоннее к нему. Они читали в этот день как раз «Дон Кихота», так как в библиотеке, находившейся в их распоряжении, было не больше дюжины разных книг. Бианка, кроткая и покорная, откинув с белоснежного лба свои черные как смоль волосы, сидела в ногах его постели, прижавшись лицом к спинке его кровати. Старый Филиппи мирно дремал на своей кушетке, пригретый горячими солнечными лучами, врывающимися в открытое окно. Неясный гул голосов с улицы, отдаленная музыка в одном из кафе, тихий, ясный день невольно навевали на девушку и ее слушателя какое-то тихое, мирное настроение. Она читала как раз фабулу о том, как Базилиус женился на Квинтерии из-за спасения души, и, увлеченная рассказом, она читала с большим чувством до того места, где обман наконец открылся и бедный больной был исцелен силою любви. Прочитав это место, Бианка остановилась и заметила, что Гастон не слушает ее.

— К чему вам читать, граф, если вы даже не слушаете меня? — сказала она.

Гастон очнулся от своей задумчивости и сконфуженно ответил:

— Почему вы думаете, что я вас не слушаю, синьорина?

— Да ведь ваши глаза закрыты, вы даже не знаете, вероятно, что именно я читаю.

— Простите меня, но, право же, это такая глупая история, ну, как можно быть настолько наивным, чтобы воображать, будто любовь находится в связи со спасением души.

— А разве это не так? — спросила она быстро. — Разве в любви нет самопожертвования?

— Конечно, нет, синьорина. Мы стараемся только доставить себе удовольствие с полным пренебреже-

нием к последствиям, что и служит всегда почти источником наших несчастий. Самопожертвование никогда не следует смешивать с любовью: если требуются жертвы, не может быть уже больше любви. Дружба — дело другое. Жертва, принесенная дружбе, священна, и в настоящую минуту я это чувствую больше, чем кто-либо.

Бианка подумала немного, глядя Гастону прямо в глаза, потом сказала:

— Я уже запретила вам раз навсегда благодарить меня за что-нибудь. Вы знаете, что я счастлива тем, что вы находитесь здесь, у меня. Зачем вы опять заставляете меня говорить об этом? В данном случае нет никаких жертв, приносимых дружбе, — нет, я не верю в дружбу и в другой подобный вздор, я смотрю на дело так: вы пришли сюда ко мне за помощью, потому что не могли поступить иначе, а я ухаживаю за вами, потому что хотела этого. Я в этом вижу простой договор и нисколько не обманываю себя. Вы не забудете меня так скоро, покинув даже мой дом, а я только этого и хочу; я знаю, что этим все кончится между нами, так как предчувствие подсказывает мне, что мы с вами уже больше никогда не встретимся. Я чувствую себя так, как будто мне угрожает большое несчастье, но я ничего не могу сделать, чтобы предотвратить его. Вы уедете обратно во Францию, а я, вероятно, выйду замуж за другого, да, я знаю, что это неизбежно, отец будет настаивать на этом, и я не стану противиться его желанию. Так где же здесь дружба? Неужели вы верите в то, что у женщины могут быть друзья? Я в это не верю, и поэтому меня считают какой-то особенной и оригинальной. Я выйду замуж и всю свою жизнь промечтаю где-нибудь в Венеции или в Риме, и так будет лучше для нас обоих, верьте мне.

В глазах ее блеснули слезы, но гордость помогла ей не расплакаться и Гастон, тронутый до глубины души, не находил все же слов утешения и думал то же самое, что так будет лучше для них обоих. Он понял теперь, что чувство Бианки к нему действительно глубоко и бескорыстно, и он дал себе слово при первой же возможности покинуть ее дом, этого требовала его честь.

— Вы в скором времени ждете возвращения вашего отца? — спросил он, нарочно переменив разговор, чтобы избежать еще более щекотливых объяснений. — Я

думал, что найду его здесь по приезде сюда из Боволетты.

— Мой отец еще в Венеции,— ответила Бианка равнодушно,— я получила от него письмо с извещением, что он приедет сюда завтра или послезавтра. Позвольте мне быть откровенной, граф, я не хотела бы, чтобы вы встретились с моим отцом, по крайней мере здесь. Вы, конечно, поймете почему, так как вы знали его в Венеции.

— Я прекрасно понимаю это, синьорина, так как я знаю, что ваш отец не любит моих соотечественников. Я очень сожалею о том, что по долгу службы мне приходится всегда действовать против него. Но, я надеюсь, в будущем многое изменится. Лежа здесь, я все думал о том, как бы мне отплатить вам и всему вашему дому за доброе отношение ко мне.

— Этот день настанет, когда вы отдадите мою отчизну Бонапарту,—с горечью ответила Бианка,— неужели вы думаете, что мой отец—Пезаро, и вдруг согласится принять какое-либо одолжение со стороны француза в этот день?

— Я надеюсь на это, ваш отец слишком умен для того, чтобы взваливать провинность целого народа на одного человека; если для Венеции настанет тяжелый день, я спасу его и его дом ради его дочери.

— Этот тяжелый день уже настал,—сказала она,— мой отец никогда не согласится благоденствовать тогда, когда гибнет его родина. Нет, граф, прошу вас, не думайте о нас. Мы исполним свой долг, остальное мы можем предоставить Богу.

Он не стал ей противоречить, так как слова ее возбудили в нем мучительные мысли, которые были еще более тягостны ему, чем ее объяснение в любви. Недельку тому назад она готова была открыть ему секреты своих соотечественников, готова была их передать, только бы добиться ответа на свое чувство. Сегодня же она говорила о спасении души и самопожертвовании. В последнем случае она была сама собой, теперь только он понял, насколько велико было ее искушение, если она готова была предать своих друзей по первому его слову. Он решил покинуть ее дом как можно скорее. Если бы он был настолько силен, что мог бы обойтись без посторонней помощи, он ушел бы в этот же день, но каждая его попытка подняться с постели сопровожда-

лась обмороком и такой слабостью, что ему и думать было нечего уйти самому, оставалось одно — обратиться за помощью к Валланду. Но гордость мешала ему сделать этот шаг, и он был настолько откровенен, что сказал об этом Филиппи, когда Бианка вышла из комнаты.

— Доктор,—сказал он,—я должен сегодня же покинуть этот дом.

Старик стоял у камина и грел свои руки, когда Гастон обратился к нему с этими словами; на устах его мелькнула неприятная улыбка, когда он повернулся к говорившему.

— Сын мой,—сказал он,—попросите ангела одолжить вам крылья, так как вы знаете, что сами вы не в состоянии двинуться с места.

— Я в этом не вижу ничего невозможного,—недовольным тоном ответил ему Гастон.—Пошлите к Валланду и скажите, что я желаю его видеть.

Старый Филиппи опять повернулся к огню, чтобы греть свои руки, и еще ниже опустил свою седую голову.

— Вы говорите, как ребенок,—сказал он.—Разве вы не знаете, в чьем доме вы находитесь?

— Я нахожусь в доме Пезаро, сенатора, но что же из этого?

— Да, в доме Пезаро, слуги которого, конечно, так мало понимают свои обязанности, что сейчас же так и откроют двери французам, которые явятся за вами,—с иронией ответил старик.

— Вы хотите сказать этим, что я не могу уйти отсюда, когда захочу?—сердито воскликнул Гастон.

Филиппи утвердительно кивнул головой.

— Что касается Бианки,—сказал он медленно,—то она готова была бы сделать для вас все, что угодно, но и помимо ее и преданных ей слуг есть еще и слуги, преданные ее отцу. Спросите их, выпустят ли они вас.

— Но что же они выиграют тем, что удержат меня здесь?

— Что они выиграют? Неужели вы настолько скромны, что не догадываетесь, что они рады, что захватили самого умного человека в Вероне, который уже второй раз не сделает ошибки, которую только что сделал.

— Вот как,—воскликнул Гастон,—значит, они предпочитают моего друга Валланда?

— Да, они предпочитают вашего друга Валланда.

— Значит, они действуют по собственной инициативе?

— Нет, они действуют по приказанию нашего господина, который завтра придет к нам.

— Я непременно повидаюсь с ним,—сказал Гастон.—Он поступает очень неосторожно. Неужели он не понимает, что стоит мне только сообщить о себе куда следует, и завтра же мои друзья ворвутся в его дом. Стоит мне крикнуть в окно и остановить первого же французского солдата, и что тогда будет? Нет, право, ребенок и тот поступал бы осторожнее в данном случае.

Филиппи вскочил на ноги и, приложив палец к губам, проговорил:

— Тише! Вы говорите, стоит вам сказать слово первому попавшемуся французскому солдату или известить Валланда о том, где вы находитесь, но вопрос в том, станут ли они слушать вас? Вы плохо знаете людей, если рассчитываете на это. Нет, сын мой, нам надо найти другой выход.

Он говорил теперь на ухо Гастону и шептал ему чуть слышно:

— Дайте мне чек на тысячу дукатов, и я сегодня же ночью освобожу вас. Не ждите, пока вернется Пезаро. Его возвращение может стоить вам жизни.

Гастон без малейшего колебания живо воскликнул:

— Я дам вам этот чек, как только пожелаете!

Он спал в этот день почти без перерыва, благодаря лекарству, данному ему Филиппи; когда он проснулся, он почувствовал, что силы его возвратились, и он понял, что слабость, прежде не покидавшая его, во многом зависела от медикаментов, предписанных ему прежде этим доктором. Голова его была совсем свежа, он сам, без посторонней помощи поднялся на постели и даже встал затем с нее. Но темнота, царившая в комнате, не позволяла ему тотчас же испробовать хорошенько свои силы, и хотя сердце его билось при мысли о скором освобождении, он все же решил еще предпринять что-либо, тем более что вслед за подъемом сил сейчас же началась реакция, и он, утомленный, снова лег в постель, раздумывая о том, сдержит ли Филиппи

свое обещание. Гастон, проснувшись среди ночи, открыл окно, чтобы взглянуть на улицу, и постарался уловить там признаки того, который теперь может быть час. Прямо над ним сияло безоблачное небо, покрытое мириадами звезд, по улице проходили редкие прохожие, засидевшиеся где-нибудь в кафе, в открытое окно доносился шум шагов патрулей, слышался где-то женский голос и звук арфы. Он глубоко задумался снова о том, с какими радужными надеждами он въезжал в Верону, как он мечтал о том, что ему удастся примирить французов с итальянцами. Несмотря на постигшую его неудачу, он все же был глубоко уверен в том, что, будь он здоров, он мог бы привести в исполнение свою мечту. Он боялся только одного, что народ, выведенный из терпения жестокостью Валланда, не вытерпит, и вспыхнет открытое восстание, которое можно будет погасить только оружием. Но все же, несмотря на это, ему казалось, что если только старик сдержит свое обещание и поможет ему выбраться из этого дома, он еще успеет устроить все к лучшему.

В доме в эту минуту царила мертвая тишина, огонь в камине ночью почему-то не зажжен. Гастону вспомнились слова Филиппи, что ему грозит опасность не со стороны Бианки, а со стороны фанатиков-слуг, преданных всею душою Пезаро, этому злейшему врагу Бонапарта. Конечно, весьма возможно, думал он, что приверженцы Пезаро постараются удержать его как заложника в доме, но чего они хотели достигнуть этим? Ведь, во всяком случае, они могли удержать его здесь только в продолжение еще нескольких дней. Бианка, наверное, первая бы помогла ему спастись в том случае, если бы против него замыслили что-нибудь дурное. Обдумывая все это, он почувствовал, что его снова клонит ко сну. Он закрыл глаза и проспал, по крайней мере, целый час; когда он проснулся, над ним стоял уже Филиппи; лица его Гастон не мог рассмотреть, но он услышал его голос, шептавший ему:

— Ни слова, граф, если вы дорожите своею жизнью. Пезаро вернулся и все узнал. Слушайте меня, не спрашивая ни о чем: каждая минута дорога.

Гастон быстро поднялся на постели и огляделся кругом еще сонными глазами. Лицо доктора было совершенно скрыто густыми складками плаща, ниспадавшего почти до самых его пят. Он вынул потайной фо-

нарь из кармана и поставил его на столик перед камином, так что видны стали уже заранее приготовленная бумага, чернила и перо. Филиппи был не один, ему прислуживал какой-то юноша, одетый зажиточным мещанином. Гастон никогда еще не видел старика таким озабоченным и деятельным. Смешно было смотреть, как он сновал из угла в угол, приготовляя лекарства, прислушиваясь к тому, что делается в комнатах внизу, он казался каким-то видением, а не живым человеком, в полумраке, царившем в комнате. Его беспокойство и суетливость явно свидетельствовали о том, какой опасности они все подвергались; он двигался с такой осторожностью, будто внизу находилось множество вооруженных людей, готовых ринуться наверх при первом шорохе. Но, по-видимому, Филиппи боялся больше, что его услышит Бианка, чем все остальные в доме.

— Выпейте,— сказал он Гастону, поднося к его губам высокий бокал с жидкостью, которую он раньше посмотрел на свет, как бы желая убедиться в том, что она приготовлена совсем так, как надо.

Граф выпил весь бокал и вдруг сразу почувствовал необыкновенный подъем сил, как он уже это раз испытал при своей первой попытке подняться с постели.

— Но ведь вы, право, волшебник!— воскликнул он.— Вы даете мне положительно крылья.

— Но зато я и требую платы за них,— ответил старик.— Вот здесь чек, когда вы его подпишите, мы тронемся в путь.

Гастон быстро поднялся с постели и встал на пол. Голова его кружилась, свет фонаря мелькал перед глазами, но тем не менее он оказался в силах пройти всю комнату и подписать чек.

— Я хожу, точно клоун,— сказал он, смеясь,— но вот вам чек, доктор.

— Я через три дня предъявлю его в крепости, тогда там будет уже новый начальник, не так ли? Но, впрочем, нам некогда терять времени. Пьетро, помоги-ка графу одеться,— и затем, побледнев вдруг как смерть он воскликнул: — Что это такое?

Все трое стали прислушиваться, слышно было, как внизу кто-то двигался. Они ясно расслышали, как кто-то медленно стал подниматься по ступенькам наверх. Тяжелые шаги, казалось, пригвоздили старого Филиппи к месту. Голова его была откинута назад, глаза го-

товы были выскочить из орбит, казалось, что он считает шаги с трясущеюся челюстью и дрожащими губами. Более громкий шум вызвал холодный пот на его лбу. Человек, поднимавшийся вверх, уронил что-то, и тяжелый предмет со стуком полетел вниз по лестнице. Вдруг шаги прекратились, и все опять стало тихо кругом.

— Это были шаги Пезаро, — воскликнул старик, нарушая наконец молчание, — но мы вовсе не желаем услышать их еще раз. Одевайтесь скорее, граф. Пьетро, помоги одеться синьору.

Возбуждение и тревога иногда утраивают силы. Гастон испытал это на себе в данную минуту, он забыл свою слабость и головокружение и думал только о свободе, он быстро двигался по комнате, совершенно забыв, что еще так недавно лежал здесь без сил, почти без движения. Когда он оделся, Филиппи спрятал фонарь опять под складки своего плаща, и, быстро оглядевшись кругом, чтобы убедиться, что ничего не забыто, он велел своим спутникам следовать за собою, и они тихонько, гуськом, стали подниматься по узенькой лестнице, ведущей на крышу дома. Они достигли ее без всяких препятствий, но только тогда, когда очутились на свежем воздухе, они вздохнули наконец свободно полной грудью.

— Теперь что? — спросил Гастон, он даже в эту минуту еще не вполне доверял Филиппи, — вы заработали свои дукаты очень легко, старина, но я только тогда назову вас действительно лучшим врачом в мире, когда вы дадите мне возможность добраться до земли.

Он чувствовал себя как-то странно возбужденным: чистый воздух, звездное небо — все это, казалось, еще больше подкрепило его силы... Теперь он уже не думал о том, что покинул дом Бианки, ему это казалось так неважно в эту минуту, со свободой к нему вернулось и честолюбие. Он решил идти к Валланду и объявить себя его заместителем, на другое же утро все жители Вероны должны были узнать, что у них новый губернатор. Он снова решил завоевать себе право командовать имеющимися здесь войсками, и на этот раз уже он, конечно, не пойдет на компромиссы и даст хороший урок веронцам. Гастон воображал, что старый Филиппи, стоящий рядом с ним, и не подозревает, о чем он думает; он считал его шарлатаном и негодяем, неспособ-

ным испытывать какие-либо патриотические чувства, но в этот момент он жестоко ошибался, старик зорко следил за ним из-под полуопущенных век и, казалось, читал каждую его мысль.

— Вот дорога вниз, на землю,—сказал он, обращаясь наконец к Гастону,—пройдите три следующие крыши, и вы очутитесь на колокольне церкви Св. Афанасия. Дверь колокольни открыта, об этом я уже условился с церковным сторожем, а вот этот юноша проводит вас дальше, до западного выхода из храма, идите же теперь с Богом.

— Значит, вы не проводите меня дальше, Филиппи?

— Нет, синьор, я предоставляю поле действия более молодым силам. У дверей храма вы найдете коляску, ожидающую вас, не медлите и идите, иначе вы заставите всех ждать вас.

Он накрыл снова голову плащом и исчез тем же путем, как пришел наверх. Если даже Гастон и подозревал старика в измене, то теперь было уже поздно предпринимать что-либо. Он решил следовать за юношей и предоставить все дальнейшее судьбе.

— Вы служите у доктора Филиппи?—спросил он юношу, идя за ним.

— Я—его сын.

— Значит, он говорил вам обо мне, Пьетро?

Юноша отрицательно покачал головой.

— Мой отец—человек скрытный, синьор,—ответил он.

— Прекрасно, тем лучше. Вы хорошо знаете дорогу, Пьетро?

— Ребенок мог бы найти ее, синьор, посмотрите, вот и церковь, нам стоит перешагнуть эти перила, и мы на колокольне, нам даже не нужно больше фонаря, будьте только осторожнее, ступени очень узкие. Тот дом там, внизу, где еще виднеются огни, принадлежит теперь маркизе де Сан-Реми, она приехала сюда несколько дней тому назад.

Гастон не сказал ни слова. Он смотрел не отрываясь на этот дом, как будто увидел вдруг перед собою привидение.

Итак, значит, она приехала в Верону, как Бонапарт обещал ему. Впрочем, Гастон никогда не сомневался в своей возлюбленной, он скорее не доверял тому, кто принял тогда на себя роль его посланного. Собственно говоря, Бонапарт, конечно, ничего не обещал ему, он только сказал тогда: «отправляйтесь»,— и он повиновался ему, как солдат своему начальнику. Он несколько не раскаивался в этом, но все же какое-то странное чувство недоверия не покидало его все это время. Он не верил также и тому, что Беатриса действительно решится следовать за ним в Верону и этим доказать открыто свои чувства к нему. Ее присутствие и обрадовало, и в то же время смутило его: он вспомнил, как он попал в дом Бианки, вспомнил эту девушку, страсть которой чуть было не нашла отклика в нем самом. Да, Беатриса, вероятно, уже слышала о его неудаче, он представлял совершенно ясно, как Валланд постарался все это выставить в ее глазах так, чтобы повредить ему в ее мнении. Гастон был очень огорчен тем, что Беатриса уже узнала о его пребывании в доме Бианки, и ему захотелось поскорее увидеться с ней. Он верил в то, что ему удастся объяснить ей все, как было, но все же на душе ему было нелегко, совесть невольно упрекала его и подсказывала ему, что он не мог бы очутиться на свободе раньше, если бы действительно хотел этого.

Все эти мысли промелькнули, как молния, в его голове, пока он стоял на колокольне церкви и смотрел на дом, где жила Беатриса. Возбужденное состояние, вызванное снадобьем старого Филиппи, вдруг сразу исчезло, голова его закружилась, и он едва успевал следовать за юношей, уже начавшим свой спуск по крутой лестнице. Он схватил юношу за руку, и медленно, шаг за шагом, они спустились наконец с колокольни и очутились у дверей, ведущих в церковь. Их отделяла только кожаная занавесь от внутренности церкви, и они уже собирались поднять ее и войти внутрь, как вдруг услышали шепот голосов и невольно замерли на месте. Присутствие людей в эту пору ночи в темном храме не предвещало ничего хорошего для тех, кто решился явиться туда незваным. Гастон сделал знак юноше погасить фонарь, затем он осторожно шагнул вперед и стал

прислушиваться к шагам, раздававшимся в церкви. Шаги эти подвигались медленно, как бы нерешительно, осторожно ощупывая под собою почву, за этими шагами слышались другие, на темных стенах вдруг показалось отражение фонарей, и ясно слышался чей-то шепот. Было ясно: вся церковь была наполнена людьми, собравшимися сюда для тайных совещаний, которые не мог открыть даже зоркий глаз такого человека, как Валланд.

Гастон понял это сразу, но ему и в голову сначала не пришло, что старик Филиппи, посылая его в эту пору ночи в церковь, совершил подлый поступок, прекрасно сознавая это. Хитрый негодяй уже давно, по-видимому, придумал этот план, его рассказы о возвращении Пезаро и о настроении его слуг были, конечно, вымышлены, в этом мог убедиться теперь даже ребенок. Гастон проклинал теперь свою доверчивость, но был так слаб, что даже не мог уже испытывать чувства страха, опасность еще более ослабила его силы, на его месте всякий другой вернулся бы назад, а он остался стоять на месте и принялся слушать то, о чем говорили в церкви.

— Так вот, значит, что ваш скрытный отец задумал,— сказал он юноше,— так вот, значит, экипаж, который ждет меня у ворот церкви.

Пьетро ничего не ответил, он, по-видимому, сильно трусил, он ничего не знал об этом заговоре, так как отец ничего не рассказывал ему. Почувяв опасность, он бросился опрометью наверх по лестнице.

— Ради Бога, идите скорее назад, синьор,— крикнул он.

Но Гастон не шевельнулся с места, он чувствовал, что будет уже не в состоянии подняться снова наверх, да к тому же он и не хотел этого вовсе. Может быть, он считал себя даже в большей безопасности здесь в церкви, чем там наверху, на этих предательских крышах; он равнодушно прислушивался к удалявшимся шагам трусливого юноши.

«Уж лучше быть одному,— говорил он себе, и, храбро отодвинув уголок занавеси, он заглянул в церковь и сразу понял угрожающую ему опасность».

Середина церкви была совершенно окутана мраком, и только слабые огоньки на алтаре бросали чуть замет-

ный отблеск в окружавшую тьму. Скамьи тонули тоже в глубоком мраке, в этой части церкви, по-видимому, никого не было, голоса слышались в небольшой часовне, находившейся около главного алтаря. Человек, менее владеющий собою, чем Гастон, наверное, почувствовал бы себя жутко от этого неясного гула голосов, то возвышавшегося, то превращавшегося почти в шепот, но Гастон мало заботился об этом, он сразу сообразил, что это — какое-нибудь тайное собрание, цель которого, наверное, враждебна французам, и поэтому он счел своим долгом осторожно выбраться на середину церкви и оттуда уже стараться пробраться поближе к часовне. Он подвигался вперед медленно, осторожно ощупывая каждый шаг, так как хорошо понимал, что малейший шум мог выдать его присутствие; наконец он добрался таким образом до стены, отделявшей часовню от церкви, и оттуда он мог свободно все видеть и слышать.

Их было всего человек тридцать, не больше, все они собрались группами вокруг небольшой кафедры, на которой стоял какой-то человек и говорил о чем-то с серьезностью, доходившей до трагизма; восковые свечи, горевшие перед аналоем, бросали мягкий колеблющийся свет на вдохновенное лицо оратора, все остальные лица были в тени, так как большинство присутствующих поставило свои фонари на пол, так что освещались их ноги. Никто не двигался с места и не говорил, чтобы не прерывать речь оратора; он говорил о притеснениях и несправедливостях французов, восстанавливавших против себя все местное население. Когда он перестал говорить и отблагодарил за аплодисменты, вознаградившие его красноречие, на его место выступил другой оратор, который затронул уже более насущный и интересный вопрос. Он напомнил о том, что маркиза де Сан-Реми собиралась дать большой банкет на следующий вечер в честь французских офицеров.

— Если вы действительно мужественны и храбры, — сказал он, — вы знаете, как поступить теперь; отделайтесь раз навсегда от всех этих пришельцев, и делу конец. Не выпускайте никого живым из ее дворца, чтобы никто не мог рассказать о том, как все это произошло.

Он очень остроумно стал доказывать своим

слушателям, что им нечего церемониться с французами.

— Ведь сами французы пожертвовали тысячами своих жизней, только бы добиться свободы. Они не пощадили даже жизнь самого Людовика, когда он стал препятствием для достижения этой свободы. Что касается меня самого,— продолжал он,— я убил бы француза с таким же легким сердцем, как и собаку. Наши дома, наши дети, наши соотечественники требуют отмщения.

Слова оратора действовали возбуждающим образом на его слушателей, многие среди них вытащили свои мечи и потрясали ими в воздухе. «Да пусть будет так!»— кричали они, и Гастон невольно содрогнулся: так много ненависти и злобы было в этом крике. Что они сделают с ним, если кто-нибудь случайно наткнется на него? Он старался не думать об этом и даже напротив, еще ближе подполз к толпе, чтобы все лучше слышать, но в эту секунду совершенно инстинктивно он вдруг почувствовал, что кто-то стоит поблизости от него и как будто следит за каждым его движением. Впоследствии он говорил, что это был самый ужасный момент в его жизни.

Гастон медленно выпрямился и повернулся в сторону, чтобы встретиться лицом к лицу со своим неприятелем. Он был вполне уверен, что этот человек собирается убить его, и не понимал, почему он медлил нанести ему удар. Ужас ожидания был настолько велик, что мысль о смерти совершенно не страшила его. Незнакомец, завернутый в темный плащ, стоял неподвижно как изваяние, и наконец Гастон понял, в чем дело. Повидимому, это был такой же шпион здесь, как и он сам, и он так же боялся, чтобы его не открыли, как и сам граф. Подобной странной встречи, вероятно, еще никогда не происходило нигде. А между тем на самом деле здесь ничего не было странного, так как обоих привлекла сюда забота об одной и той же женщине, но Гастон этого пока, конечно, не мог еще знать.

В продолжение целых пяти минут оба они простояли рядом совершенно неподвижно, не делая никакой попытки к сближению. Наконец незнакомец слегка коснулся руки графа и прошептал ему на ухо:

— Джиованни Галла, синьор.

Джиованни Галла, слуга Беатрисы! Здесь, в этой

церкви! Гастон сразу отгадал всю истину. Преданный ей человек предугадал грозящую ей опасность и пришел сюда, чтобы все разузнать хорошенько. Конечно, Гастон не мог бы желать себе более надежного союзника, это была счастливая для него встреча, он сразу почувствовал и понял это.

— Здорова ли маркиза? — спросил он шепотом, не смотря на опасность быть открытым. Джиованни судорожно сжал ему руку, и губы его не шевельнулись. Собравшиеся в часовне люди как раз замолчали в эту минуту и ясно расслышали шепот в церкви. Они стали прислушиваться, и один из них вышел из часовни и стал всматриваться в темноту церкви, но его маленький фонарь не выдал шпионов, и он тотчас же вернулся к своим товарищам и объявил, что они ослышались, и это был только шум ветра.

— Пойдемте туда, где не так много ушей, — прошептал Джиованни на ухо Гастону. — Мы можем пройти через алтарь, у меня есть особый ключ.

Они только что собирались идти, как вдруг из рук Джиованни выпал небольшой фонарь и с шумом ударился о каменный пол церкви. В часовне сразу воцарилось мертвое молчание, все столпились в одну кучу, оратор так и остался стоять с поднятой вверх рукой, слышно было дыхание каждого. И потом вдруг все они точно очнулись и, подняв кверху мечи, бросились в церковь. Никто уже больше не соблюдал тайну, все кричали и шумели, кто-то крикнул, что шпион, вероятно, бросился в алтарь, и тотчас все ринулись по тому направлению.

Гастон и Джиованни сразу поняли всю опасность своего поведения, вызванную их же собственной неосторожностью, и одну секунду они в нерешительности застыли на месте, им и в голову не приходило, что они могут прорваться сквозь толпу этих рассвирепевших людей. Джиованни нагнулся, чтобы поднять свой фонарь, а Гастон в это время уже поражал своим мечом первого выбежавшего из часовни и чуть не наткнувшегося на него человека. Бедняга упал без стога, сраженный насмерть, Джиованни схватил Гастона за руку и повлек его в отдаленный конец церкви, где было совершенно темно, там проворный малый прибегнул к следующей хитрости: он помахал своим горящим еще фонарем в воздухе, так что все должны были видеть его

свет, а затем изо всех сил швырнул фонарь в противоположный угол церкви. Он упал со страшным звоном и шумом, и моментально все преследователи бросились в ту сторону. Джиованни не преминул воспользоваться тем, что хитрость его удалась.

— Скорее, синьор,— крикнул он,— еще двадцать ступеней до алтаря, и мы спасены.

— Двадцать ступеней для меня слишком много, Джиованни, я не могу осилить их, бегите и бросьте меня.

— Разве они ранили вас?

— Да, только не теперь, а уже десять дней тому назад у дома Пезаро. Теперь спасайтесь, Джиованни, и бросьте меня.

И действительно, силы почти совершенно оставили Гастона, и он бы упал, если бы Джиованни не поддерживал его. В церкви опять стало тихо: преследователи, потеряв их след, совещались теперь между собой шепотом. В этом можно было предвидеть новую опасность: Джиованни понял это и, почти подняв Гастона, повлек его к дверям алтаря.

Одну секунду он был почти уверен в успехе, несмотря на то, что чьи-то голоса слышались почти уже около них; им предстояло теперь осилить только еще десять ступеней, но один из веронцев вдруг заметил их, он громко крикнул своим товарищам, что шпион найден, и все бросились к нему на помощь.

Это неожиданное нападение на безоружного Гастона и Джиованни, вооруженного только кинжалом, должно было стать роковым для обоих. Гастон уже с самого начала не надеялся на то, что ему когда-либо снова удастся взглянуть на свет Божий, и он был почти доволен, что наступает наконец развязка. Их могло спасти только чудо, а граф де Жоазе не верил в чудеса. Тем больше было его удивление, когда вдруг напавшие на них люди сразу отступили от них от нескольких слов, произнесенных волшебником Джиованни. Джиованни, увидев, что игра почти проиграна, решил пустить в ход свою последнюю карту, поэтому он крикнул им громким голосом:

— Синьоры, разве вы не узнаете меня? Джиованни Галла, слугу маркизы де Сан-Реми?

Все остановились молча, многие приблизились к Джиованни, чтобы лучше рассмотреть его. Он отки-

нул назад капюшон своего плаща и повернулся так, чтобы свет фонаря падал на его лицо, многие сейчас же признали его и воскликнули: да, это Джиованни Галла!

— Я пришел сюда, господа, в качестве друга своей госпожи и Вероны. Если вы выслушаете меня, вы узнаете, что я забочусь о вашем спасении так же, как и о своем.

Слова его произвели, очевидно, впечатление, а главное — возбудили любопытство присутствующих, некоторые, правда, еще называли его шпионом, но другие возражали на это: нет, это слуга Беатрисы, мы выслушаем его, а затем будем действовать! Никто не заметил при этом, что незаметно он отступал все дальше и дальше назад, и что Гастон уже был за порогом алтаря, сам же Джиованни продолжал говорить с ними, стараясь как можно больше овладеть их вниманием. Он говорил им о том, что удивляется, что они не хотят довериться Беатрисе, что возмущается тем, что даже ее слуг осмеливаются принимать за шпионов, и что неужели они не знают, что церковь окружена французскими солдатами, и одно громкое слово может погубить всех. Слова его возбудили горячий спор и пререкания, все стали совещаться и на Джиованни уже не обращали особенного внимания.

— Да, синьоры,—говорил он дальше,—вы здесь занимаетесь тем, что ловите шпионов, которых нет, а между тем вся площадь перед церковью занята драгунами. Уходите отсюда, пока еще есть время. Я сам подам вам в этом первый пример, вот в той галерее,—сказал он, указывая рукой в противоположный угол, куда немедленно устремились все взоры присутствующих,—в той галерее находится двадцать веревок, это дурное предзнаменование, помните об этом, а теперь позвольте мне проститься с вами.

Говоря это, он был уже за порогом алтаря, а Гастон впереди него. Джиованни одним движением захлопнул дверь и так же быстро запер ее на ключ.

— Синьор,—сказал он совершенно спокойно,—предоставим их теперь их молитвам.

Джиованни зажег свечи в своей комнате в Бернезском дворце, находящемся почти рядом с церковью Св. Афанасия, и, когда он поставил на стол вино и стаканы, он обратился к графу, в первый раз с тех пор, как они вошли в темный и мрачный дом.

— Синьор,—сказал он,—кто бы мог предсказать заранее, что мы сегодня ночью встретимся с вами в этой церкви? Наверное, ни я, ни вы не могли этого знать заранее, особенно вы, как я думаю, а между тем судьба все же свела нас, и я уверен, что все кончится для нас хорошо.

Гастон согласился с ним и выразил ему свою благодарность в нескольких словах. Бегство из церкви совершенно обессилило его, он лежал на бархатной кушетке, подвинутой к самому окну, он видел, как стало рассветать, как мало-помалу заалел восток. Да, странный случай привел его как раз в этот день в дом Беатрисы! Как-то она встретит его? Сколько ему надо еще узнать, сколько надо расспросить обо всем!

— Давно вы уже в Вероне, Джиованни? — спросил он.—Когда вы приехали?—предложил он наконец давно мучивший его вопрос. Джиованни понял его и ответил ему прямо:

— Мы последовали за вами через двадцать часов, граф, моя госпожа думала, что вы будете ожидать ее в воротах города. Вам придется просить у нее прощения за причиненное ей разочарование.

— Меня нечего прощать, Джиованни, вы знаете, почему я не мог раньше прийти. Мне пришлось иметь дело с жителями этого города, и я дорого заплатил за свое безумие,—в продолжение десяти дней я молил, чтобы меня вернули моим друзьям, а я все не вижу их и теперь. Вы сами видите, что я перенес за это время.

— Вы, значит, были в доме дочери Пезаро, нам говорили это, но мы не хотели верить.

— А между тем это правда, я упал у ворот ее дома, и ее слуги внесли меня в дом. Валланд был рад, что отделался от меня, а других друзей у меня здесь не было. Да, я остался там, и красавица Бианка ухаживала за мной. Что же из этого? Но во всяком случае я не подозревал, что вы здесь,—прибавил он, как бы оправдываясь.

Джиованни недоверчиво рассмеялся, он прекрасно знал, почему Беатрисе не говорили до сих пор правды, и в душе своей невольно не мог не сожалеть о том, что ему пришлось оказывать услуги графу де Жоазу. Он, простой слуга, любил свою госпожу не меньше этого человека и, как и он, готов был каждую минуту пожертвовать ради нее своею жизнью. В то время как мысли эти мелькали в его голове, Гастон думал о том, как он объяснит Беатрисе свое пребывание в доме Пезаро — поймет ли она его? Ведь и она только женщина — поймет ли и простит ли она?

— Я должен повидаться с маркизой рано утром, — сказал он серьезно. — Вы должны понять причины, заставляющие меня желать этого свидания. Я глубоко сожалею о том, что она приехала в Верону. Здесь не место женщине, особенно же Беатрисе из Венеции. Я оставил ее в полной уверенности, что она поедет в Рим. Видит Бог, я жалею о том, что уехал тогда.

Серьезность, с которой он говорил эти слова, примирила с ним несколько пылкого юношу, который понимал и сочувствовал только тому, что чувствовало его собственное сердце.

— Да, синьор, — сказал он, — но все же не вам обвинять в чем-либо мою госпожу. Простите, если я буду говорить с вами откровенно. Уж если она здесь, надо постараться, чтобы с ней ничего не случилось. Вы говорите, что хотите повидаться с ней рано утром; по моему, будет умнее, если вы предоставите обстоятельствам выбрать время для этого свидания. У меня нет других интересов, кроме моего долга, но, если бы я был на вашем месте, я не пошел бы к маркизе де Сан-Реми прямо из дома Бианки Пезаро.

Гастон не старался делать вид, будто не понимает его.

— Да, конечно, Джиованни, вы правы со своей точки зрения, но я знаю, что лучше: я уж расскажу ей обо всем сам, чем предоставлю кому-нибудь другому сделать это за меня. Если я не ошибся, вы хотели сказать этим, что не уверены в том, что маркиза захочет повидаться со мной?

— Совершенно верно, синьор, я боюсь, что она не захочет принять вас.

— Тем больше у меня причин повидаться с ней, бу-

дем говорить совершенно откровенно. Вы ведь сегодня ночью были вместе со мной в церкви, и вы все знаете. Как по-вашему, не нуждается ли она теперь в друзьях более чем когда-либо?

— Да, конечно, теперь особенно ей нужны друзья. Ведь мы слышали сегодня все, что говорилось в церкви. Раньше, чем солнце сядет сегодня, мы увидим странные вещи в Вероне.

Гастон не совсем понял то, о чем говорил Джиованни, и поэтому он заметил:

— Ведь каждый день в Вероне случаются странные вещи, Джиованни, так, например, что же может быть более странного, чем мое присутствие в этом доме теперь?

— Да, вам везет, граф, нечего сказать!

— Хорошо везет, если я даже не могу повидаться с маркизой.

— Да, вам придется немного подождать, и чувство ваше будет подвергнуто, вероятно, испытанию. Может быть, вам даже придется принести ради нее жертву.

Гастон широко раскрыл глаза и несколько нетерпеливо спросил юношу:

— Будьте вполне откровенны со мной: что случилось за время моего отсутствия?

Джиованни замялся и не решался говорить дальше.

— Граф,— сказал он нерешительно,— собственно говоря, я не вправе говорить вам все, но и скрыть от вас я ничего не могу. Сегодня вечером госпожа моя хотела собрать у себя всех ваших соотечественников. Если вы имеете какую-нибудь возможность убедить их всех не приходить сюда, ради Бога, не теряйте времени. Лучше будет, если никто из них не явится сегодня, больше я ничего не могу сказать вам, вы умны и можете говорить там, где я должен молчать. Помогите нам, сеньор, спасти нашу честь, так как дело дошло уже до этого.

— Вы хотите сказать, Джиованни, что если мои соотечественники явятся сегодня вечером сюда, с ними приключится что-нибудь недоброе?

— Я хочу сказать, что это будет последний вечер в их жизни.

— Боже мой, неужели же в таком случае этот дом служит убежищем для убийц?

— Жители Вероны готовят сегодня вечером восстание, они решили перерезать всех французов.

— Но маркиза?.. перестаньте, все это пустяки! Джиованни, вы сами не знаете, что говорите!

— Я желал бы лучше умереть, чем быть вынужденным говорить то, что я уже сказал, синьор.

Он вздохнул и отвернулся от окна. Но сейчас же снова заговорил, так как для него существовала только одна мысль: спасти во что бы то ни стало маркизу.

— Маркиза ничего не знает,— продолжал он,— она служит приманкой в их руках. В продолжение трех ночей я уже не сплю, время дорого, каждый час дорог, так как их остается уже очень немного. Мы должны употребить их с пользою. Выслушайте меня терпеливо. Дело в том, что здешний народ доведен наконец до крайности. Ваши соотечественники ограбили его и оскорбляли ежечасно во имя свободы и под покровом дружбы. Настал день, когда этот народ не хочет больше страдать и терпеть, это не трусость с их стороны, я это знаю, так как я жил среди них, я вместе с ними принес клятву и теперь изменил ей. Я сказал: день возмездия настал. Когда сегодня ударят в колокола ко всеобщей, это значит, что пробил смертный час для десяти тысяч французов. Сегодня ночью ни один из ваших соотечественников не останется в живых. Так решил сам народ. И они начнут с этого дома, где, собственно говоря, французы больше всего могли бы рассчитывать на защиту. После этого вы, вероятно, не удивляетесь тому, что маркиза нуждается в своих друзьях именно сегодня ночью.

Он замолк, ожидая ответа, но Гастон молчал, собираясь с мыслями; он внимательно выслушал каждое слово, сказанное Джиованни, и старался взвесить их. Сцена в церкви; намеки Бианки на то, что она может что-то сообщить ему важное; грубое и жестокое обращение Валланда с народом; опасения Наполеона и особенно слова Джиованни — все убеждало его в том, что сомнения быть не могло и юноша говорит правду. Из всего этого главным образом, конечно, вытекало то, что он, Гастон, должен спасти женщину, которая спасла его еще так недавно в Венеции.

— Джиованни,— воскликнул он, как бы еще не со-

всем придя в себя,— так вы говорите, что маркиза ничего об этом не знает?

— Синьор, этот вопрос не делает чести вам.

— Простите меня, я поставлю его несколько иначе. Скольким людям в этом доме вы можете довериться?

— Только одному, граф.

— Ах, самому себе; значит, все остальные слуги откроют ворота при первом требовании жителей Вероны?

— Откровенно говоря, не знаю, синьор, но опасность грозит со всех сторон, может быть, она подстерегает нас даже в эту минуту. Я могу вам только сказать одно: опасность настала, спасите маркизу от нее!

— Если я буду жив, Джиованни, я спасу ее. В котором часу ваша госпожа начнет прием моих соотечественников?

— В восемь часов вечера.

— Имеете ли вы понятие о том, что именно готовится?

— Я знаю только одно, что ни один француз, пришедший сюда, не выйдет отсюда живым.

— В таком случае считайте и меня в числе их, Джиованни. Да, вы правы, нельзя терять ни одной минуты. Я должен уже отправляться. Дайте мне еще стакан вина, дружище, мои силы возвращаются, так как впереди мне предстоит немало работы.

Джиованни налил еще вина, и Гастон выпил его залпом. Он встал, взял свой плащ и накинул его на плечи.

— Если бы мне удалось повидаться с маркизой, хотя бы на одну минуту, Джиованни,— начал он нерешительно.

Джиованни покачал головой, но в глазах его заметно было колебание.

— Синьор,— сказал он,— если вы увидите ее, вам уже не удастся спасти ее.

Он замолчал и отвернулся к окну. Гастон подошел к нему и тоже взглянул в окно; он увидел вдруг Беатрису, медленно прогуливавшуюся по саду; она плохо спала эту ночь и вышла в сад освежиться. Лицо ее было пасмурно и грустно, как будто она предчувствовала что-то недоброе. Она знала, что совершенно одна в Вероне, так как любимый ею человек находился в это время, должно быть, в доме Бианки Пезаро.

Верона уже проснулась, когда Гастон быстро зашагал по улицам по направлению к замку Св. Феликса. Хотя солнце стояло еще невысоко в небе, но жара была так сильна, что крестьяне, прибывшие в город на рынок, вытирали себе пот со лба и уверяли, что весна в этом году наступила чересчур рано, так что надо ожидать очень жаркого лета. Там и здесь в открытых дверях церквей виднелись коленопреклоненные фигуры мужчин и женщин. По улицам уже сновали мелкие торгаши, мало заботившиеся о том, продают ли они свои товары французам или итальянцам, только бы побольше и подороже продать эти товары. Гастон шел по улицам и невольно удивлялся тому, что этот мирный, спокойный народ замышлял сегодня же вечером кровавую резню; слова Джиованни казались ему каким-то бредом, ему не верилось в то, что церкви, где теперь молились так пламенно, в тот же день должны были стать убежищами убийц. Но собственный опыт подсказывал ему, что все, что он видит, очень обманчиво, он уже настолько освоился с Италией, что прекрасно понимал противоречия в характере итальянцев. Граф Гастон быстро шел по направлению к крепости, не заботясь уже теперь о том, что видит кругом себя: мысль об опасности, угрожавшей любимой женщине, окрыляла его шаги. Он удивился только немного тому, что на улицах встречал сравнительно мало французов, но приписал это какому-нибудь новому распоряжению Валланда, и первым делом, добравшись до крепости, он спросил губернатора, а затем осведомился о старом сержанте Дженси. Часовой ответил ему, что Валланд отправился в Падую с дивизией кавалерии и тремя батальонами пехоты, а сержант Дженси в дежурной, и его можно будет сейчас же вызвать. При виде Гастона старый солдат сначала очень обрадовался, но потом на лице его мелькнула забота, которую он и не старался скрыть.

— Нам было сказано, что вы уехали отсюда пять дней тому назад, граф; я сам был в доме Пезаро, там мне подтвердили этот слух. Бог знает, что нам предстоит сегодня вечером, губернатор уехал в Падую. Я желал бы, чтобы вы были вместе с ним, если мне позволено говорить откровенно.

— Я только и прошу откровенности, Дженси,— проходя в свои комнаты, ответил ему Гастон.— Видит Бог, мы с вами говорили вполне откровенно в тот день, когда нам пришлось расстаться с вами. Но сегодня, впрочем, мне предстоит еще другое дело. К чему Валланду понадобилось ехать в Падую, когда его присутствие необходимо здесь? Мне это очень интересно знать.

Старый сержант весь как-то выпрямился и, очевидно, решившись сказать наконец все, что мучило его, почти крикнул Гастону на ухо:

— Бог да покарает их всех: в дело замешалась женщина, а с ней и сам черт не сладит. Я ведь каждый день приходил в дом Пезаро, и знаете вы, что мне всегда говорила эта маленькая ведьма? Передайте Валланду, что граф чувствует себя прекрасно и останется там, где он есть. Я говорил себе, что действительно вам в этом доме лучше, чем где-либо, я сам согласился бы лежать раненым, чтобы за мной ухаживала такая красавица и чтобы меня поили и кормили как только можно лучше. Я приходил к Валланду и докладывал ему то, что мне было поручено ему передать, а он говорил на это: «Ну и пусть его там остается, я предпочитаю иметь дело с пушками, это куда безопаснее», и знаете ли что: призываю в свидетели Бога, что вы находились в большей безопасности в доме Пезаро, чем если бы вам пришлось сидеть за одним столом с Валландом.

Старый Дженси прекрасно знал, что за слова эти он заслужил, собственно, смертную казнь, нарушая дисциплину, но он так любил Гастона и так был привязан к нему, что верил ему безгранично и считал своим долгом высказать ему, что думал. Что касается Гастона, он несколько не удивился тому, то Валланд нерасположен к нему, он давно это знал, и поэтому он только сказал:

— Видите, Дженси, как мы, французы, любим друг друга. Я верю в то, что этот старый негодяй не только меня, но и свою родную мать повесил бы с удовольствием, если бы мог выиграть что-нибудь через это. Но это безразлично для нас, гораздо важнее узнать, почему он поехал теперь в Падую — из трусости, или же он изменник, или то и другое вместе. Я должен это узнать раньше, чем солнце сядет, мой друг.

Сержант Дженси прекрасно знал, зачем Валланд поехал в Падую, но он любил из всего делать секреты, и поэтому он ответил загадочно:

— Когда лисица гибнет, цыплята сейчас же возвращаются, там теперь много цыплят, и они съедят наши семена, прежде чем пройдет еще неделя. Я говорю вам правду, граф, хотя я и служил этому человеку, но я утверждаю, что еще никогда ни один француз не поступал более гнусно чем он. У нас здесь только полбатальона и шесть пушек, между тем нам может понадобиться положительно целый корпус. Бог да простит меня, но я уверен в том, что здесь кроется измена. Полковник Валланд вернется сюда, чтобы считать мертвых, и я уверен в том, что это не будут веронцы. Я — старик, но я готов был бы пожертвовать своею жизнью, только бы не было сделано это страшное дело.

Старый сержант, говоря это, покраснел как рак, и рука его, опиравшаяся на стол, заметно задрожала. Для графа слова его явились целым откровением, теперь для него стали ясны все мелочи, которые раньше он не мог понять и объяснить себе. Чтобы француз был в состоянии подвергнуть смерти сотни своих соотечественников ради каких-то политических соображений, ему, конечно, не приходило и в голову, так чудовищна казалась эта мысль. А между тем, по-видимому, это было так. Все факты только подтверждали слова солдата. В продолжение нескольких месяцев Бонапарт старательно делал все, чтобы вызвать открытое восстание в Вероне, но народ сносил безропотно все оскорбления, грабеж, издевательства, и, наконец, только теперь настал час возмездия.

— Они желают войны, Дженси,—сказал Гастон грустно.— В этом не может быть никакого сомнения, они сделали все, чтобы вызвать ее. Они увели войска, раздражили народ, и когда убийства будут совершены, они вернутся назад, чтобы судить этот же народ. Если бы генерал Бонапарт знал об этом...

Дженси не выдержал и воскликнул отрывисто:

— Не упоминайте имени Бонапарта, мне хочется верить, что он здесь ни при чем. Мы должны стараться верить в то, что он невиновен в том, что здесь произойдет.

Он посмотрел на Гастона, тот опустил глаза, оба

в душе сознавали, что считают Бонапарта виновным, и старались скрыть это друг от друга.

— Да, вы правы, Дженси, — сказал Гастон, — теперь не время говорить об этом, мы должны исполнить свой долг, вот и все. Начнем же сейчас же. Я немедленно расставляю везде караул, но раньше мне надо еще кое о чем поговорить с вами. Знаете вы о том, что сегодня у маркизы де Сан-Реми большой прием вечером?

— Все знают это, граф. Прием этот делается по приказанию губернатора Валланда и, говорят, даже по приказанию самого Бонапарта. Но я считаю, что это не особенно умно; если бы кто-нибудь из моих друзей захотел сегодня отправиться туда, я запер бы его на ключ и не пустил его туда.

— Вы думаете, там будет не вполне безопасно, Дженси?

— Весьма возможно, граф, есть люди, которые любят испытывать сильные ощущения, — я не принадлежу к числу их.

— Я вижу, что вы думаете, что там будет небезопасно, Дженси. Предположим, что все эти люди отправятся к ней, их будет человек четыреста-пятьсот, что же из этого? Ведь все это будут штатские люди, не вооруженные, и если в дело вмешается измена, что тогда?

— Да спасет их Бог, мы им помочь не можем.

— Вы думаете, что у нас слишком мало войска?

— Я хочу сказать, что мы можем защищать крепость, но на улицах каждому придется защищать самого себя. Мы ведь раз побывали с вами на улицах и знаем, что это такое. Ведь довольно мы повалялись в постели, не так ли?

Дженси произнес эти слова с лукавой улыбкой, очень довольный своею шуткой. Но так как он не собирався обижать своего собеседника, он продолжал:

— Довольно с нас валяться в постели и терять время на пустые разговоры. Я вижу, что вы пришли ко мне за советом, граф, так выслушайте меня. По моему мнению, с наступлением вечера должны быть подняты все мосты. Надо приготовить факелы и посмотреть, чтобы порох был на месте и в сухом виде. Если наш флаг будет еще развеваться в тот момент, когда Бонапарт войдет в город, это будет что-нибудь да значить.

Что касается тех бедняков, которые останутся в городе, да спасет их Бог, повторю я еще раз.

— Очень умно, Дженси, но немного эгоистично, я очень благодарен за ваш добрый совет, но попрошу теперь выслушать и мое мнение. Во-первых, относительно Бернезского дворца я должен сказать вам, что я буду там в восемь часов сегодня вечером.

— Вы, граф? Но ведь это сумасшествие!

Гастон продолжал, не обращая внимания на это восклицание:

— Я буду там вместе с сотней отборных людей, ведь согласитесь сами, Дженси, что крепость эта недоступна, и, следовательно, все равно, защищают ли ее пятьдесят человек или пятьсот. Чернь не будет в состоянии взять ее приступом. Вы говорите о пушках, но к чему они вам? Ведь не будете же вы стрелять в дома, где, может быть, скрываются ваши же соотечественники. Это было бы совсем не умно и не принесло бы нам много пользы. Нет, мой старый друг, позвольте вам сказать еще больше. Я был сегодня ночью в церкви Св. Афанасия и знаю, что должно случиться. Они намерены убить сегодня ночью всех до единого, кто войдет в Бернезский дворец. Произойдет это в ту минуту, как французы начнут уже расходиться. Когда ударят ко всенощной, на улицах Вероны будет пять тысяч вооруженных людей. Вы говорите, что нас всего пятьсот против них, это, конечно, немного, но мы постараемся сделать все, что можем. И поэтому даю вам слово, что я или спасу Бернезский дворец, или сгорю вместе с ним сегодня ночью.

Дженси выслушал Гастона с большим удивлением. Его собственный совет был дан не из трусости, а просто оттого, что он не особенно верил в возможность восстания всех жителей Вероны. Что бы ни предприняли эти итальянцы, он все же не ожидал, что они прибегнут к убийству и насилию. Как солдат, он думал только о том, чтобы не покидать своего поста, но слова графа разбудили в нем более рыцарские чувства.

— Я прошу вас только об одном,— сказал он.— Позвольте мне всюду следовать за вами, я ведь ничего этого не знал, и если половина того, что вы сказали, правда, так и то это ужасно.

— Аминь! А теперь не будем терять времени и приступим сейчас же к делу.

Только далеко после полудня Гастону удалось снова забраться к себе в комнату и прилечь, чтобы отдохнуть до того ужасного часа, когда должна была решиться его судьба. Если ему и казалось странным, что он прямо с постели очутился опять в крепости как ее начальник, то все же личные мысли занимали его меньше, чем то обстоятельство, что он успел вовремя, чтобы позаботиться о благе других. Он невольно задумался над тем, как все сложилось бы совершенно иначе, если бы старый Филиппи не решился на свою гнусную измену или Пезаро отложил бы свой приезд в Верону. Без сомнения, старый негодяй, пославший его изменническим образом в церковь Св. Афанасия, был вполне уверен в том, что он погиб там, и Гастон невольно дал себе клятву при первой же возможности повесить старого изменника. Мысли его мелькали с быстротой молнии, он едва успевал останавливаться на них. Он решил спасти сегодня ночью Беатрису во что бы то ни стало, так как он был уверен, что именно с этой целью Провидение сохранило его собственную жизнь. Его умственному взору Беатриса предстала в эту минуту, как живая, и воспоминание о Бианке исчезло в нем бесследно. Он заснул и во сне все еще видел перед собой Беатрису и слышал ее ласковый голос, обращенный к нему. В продолжение пяти часов он проспал непробудным, тяжелым сном.

Старый Дженси разбудил его, подкравшись к нему на цыпочках и дважды прикоснувшись к его плечу раньше, чем он проснулся.

— Теперь пять часов, граф, звонят ко всенощной. Через полчаса вам подадут обед, если это вам угодно.

Гастон сел на постели и взглянул на Дженси, но с трудом узнал его: вместо старого воинственного солдата перед ним стоял итальянец, закутанный в темный плащ, с нахлобученным на лицо капюшоном; только голос Дженси выдавал его.

— Однако, милый Дженси, вы очень похожи на «bravo», наемного убийцу,— сказал Гастон, заливаясь своим обычным беспечным смехом и вставая, чтобы привести в порядок свой туалет. Старик, со своей стороны, несмотря на серьезность и опасность их положения, не мог не улыбнуться, рассказывая Гастону все, что он успел сделать за это время.

— Дефорэ берет на себя команду тут и будет защи-

щать ворота до последней возможности. Ваши приказания к Легро и к Канторэ отосланы полчаса тому назад. Они все будут на своих местах, указанных вами, и каждый будет исполнять свой долг, как ему велит совесть. Что касается нашей отборной сотни, я нарядил ее, как умел, к сожалению, только наши повара остались в своих обычных костюмах, впрочем, вы все сами увидите, я велел собраться им всем во дворе.

Когда Гастон оделся и умылся, он в сопровождении старого Дженси отправился во двор крепости и там увидел необыкновенное зрелище. Вместо сотни храбрых солдат перед ним предстали люди различных профессий: здесь были повара в своих белых колпаках, лакеи, лодочники, монахи, нищие, садовники со своими корзинами — никогда еще не собиралась во дворе крепости подобная разношерстная компания. Но, несмотря на раздававшиеся повсюду смех и остроты, все сто человек хорошо сознавали, что их ожидает в Бернезском дворце, куда они должны были отправиться. Гастону стоило заговорить с первым из них, чтобы убедиться в этом. Это был красивый повар с кастрюлей в руках.

— Как зовут тебя, малый? — спросил Гастон.

Тот поклонился и ответил с большим достоинством:

— Жан Боро, синьор.

— Твое ремесло весьма почетно.

— Я стряпаю на пользу своих товарищей.

— А твои блюда?

— Это сердца людей.

Он рассмеялся и, подняв немного свою одежду, показал металлическую кольчугу и под ней пару блестящих пистолетов. И так было у всех, у каждого имелось с собой оружие или кинжал. Когда они все прошли перед ним церемониальным маршем, Гастон обратился к ним со словами, глубоко тронувшими их:

— Ребята, я не спрашиваю вас, готовы ли вы следовать за мной. Наши соотечественники там внизу, в городе спросят скоро, какую помощь думает им оказать наша крепость. Я рассчитываю, что вы ответите на этот вопрос, так, как вы всегда отвечали на призыв своей родины — Франции. Сержант Дженси скажет вам, что делать, когда вы прибудете в Бернезский дворец, и вы исполните свой долг, как подобает воинам, служащим под командой генерала Бонапарта. Теперь

отправляйтесь ужинать, так как на голодный желудок немного сделаешь. Идите и действуйте быстро, так как вы знаете, что от вас сегодня зависит сохранить честь и славу Франции.

Они хотели приветствовать его речь восторженными криками, но по знаку Дженси разошлись молча, затем Гастон, отпустив их, отправился один к зубцам крепости и стал оттуда смотреть на темные улицы расстилавшейся у его ног Вероны. Гастон, обладавший превосходным зрением, сразу заметил, что главные улицы почти пусты, зато на других улицах заметно большое движение, все стекались небольшими кучками к церкви и к монастырю. Увидев это и вспомнив все, что говорилось вчера в церкви, он уже не сомневался теперь в том, что в Вероне готовилось что-то недоброе. Почти во всех домах было темно, и только ослепительный свет лился из окон дворца, где в эту минуту маркиза де Сан-Реми готовилась к приему своих многочисленных гостей. Он чувствовал, что, несмотря на то, что она была окружена в эту ночь столькими людьми, только один он был предан ей всею душою, и от него зависело ее спасение или же его собственная гибель.

XXVIII

Гастон и сержант решили, что они не уйдут из крепости до самых сумерек, и только когда пробило девять часов, все сто человек собрались на берегу и уселись в четыре баркаса, которыми Бонапарт из предосторожности снабдил крепость. Они решили действовать по следующему плану: высадиться в саду Бернезского дворца и, заняв его ближайшие окрестности, покрытые парком, закрыть затем ворота и предоставить все дальнейшее судьбе. Уверенные в том, что первое нападение будет сделано непременно на дворец, они все же не знали приблизительно часа, когда это произойдет, и не хотели никого спрашивать об этом, чтобы не выдать себя. Гастон решил вооружиться терпением и выжидать, что будет дальше, не предпринимая ничего со своей стороны.

На реке стоял туман и царило мертвое молчание, которое было вдруг прервано ружейным выстрелом

и пронзительным женским криком. Гастон невольно вздрогнул при этом крике, как будто кто-нибудь неожиданно тронул его за плечо. Очевидно, убита была женщина, но была ли это француженка или итальянка, никто не мог бы сказать, да Гастон и побоялся бы предложить этот вопрос. Он знал, что много еще в эту ночь раздастся таких же криков несчастных жертв, ценою крови которых Бонапарт рассчитывал завладеть Вероной.

Как только лодка отчалила от берега к саду дворца Беатрисы, старый Дженси немедленно стал наставлять своих людей, отдавая шепотом последние приказания.

— Говорите как можно меньше,—советовал он им,—и старайтесь, чтобы вас замечали как можно меньше до полного наступления темноты. Первый выстрел кого-нибудь из наших должен соединить нас всех опять вместе, будьте же мужественны и храбры и исполняйте каждый свой долг.

И, обращаясь к Гастону, он сказал:

— Если бы они знали, что нам все известно, они, наверно, заперли бы ворота, но так как они хорошо знают настроение Валланда, то им и в голову не приходит, что кто-либо из французских солдат выйдет в эту ночь из крепости и вмешается в дело; они в полной уверенности, что могут действовать совершенно свободно, и поэтому, наверно, в садах нигде еще не расставлена стража, так как они не ждут нападения с этой стороны. Мы найдем пока еще совершенно безопасный и свободный путь: что будет потом, одному Богу известно. Во всяком случае, мы не сдадимся им даром.

Гастон не мог не согласиться со словами старика и молча уселся в последнюю лодку к рулю; кругом еще царил мертвая тишина; они бесшумно плыли по реке, подернутой туманом; с одной стороны возвышались высокие городские здания, составлявшие как бы неприступную стену. Церкви, дворцы и обыкновенные дома принимали самые причудливые формы по мере того, как лодки скользили мимо них; изредка сквозь туман виднелся где-нибудь яркий свет освещенного кафе или же мелькал вдруг целый ряд фонарей в узкой темной улице. По большей части улицы эти были совершенно пусты, но вот лодки обогнули угол и очутились почти в самом центре Вероны, и тут сидевшим в них представилась такая картина, что они забыли всякую осторо-

жность и готовы были громко вскрикнуть от неожиданности и ужаса. Здесь в этой узкой улице разыгралась первая сцена ужасной кровавой драмы, навеки обесчестившей Верону. С дикими криками: Верона! Свобода! Долой французов! — обезумевшая толпа ринулась на ярко освещенное кафе, принадлежащее одному из старейших французов в городе — синьору Жардину. С лодок хорошо было видно, как сам старик, его жена и дочери из верхнего окна умоляли толпу пощадить их, но вместо того раздался ружейный залп, слышались дикие крики и удары в дверь и затем страшный крик испуганных женщин. Как стая разъяренных собак, преследователи бросились внутрь дома, и несколько секунд спустя все здание запылало от их факелов. Внезапно в толпе воцарилось мертвое молчание, все они выбрались опять на улицу, вытащив с собой трупы убитых, и молча смотрели, как догорали остатки дома, но затем, видимо, спохватившись и поняв, что от этого дома могут загореться другие дома, и так как в то же время пожар этот возник раньше определенного часа, все вдруг бросились тушить пожарище: кто работал топорами, кто бегал к реке за водой, несколько человек стали выбрасывать на улицу догоравшую рухлядь и поломанную мебель, другие же стояли в нерешительности, как бы не зная, что же теперь предпринять.

Солдаты в своих лодках замерли от злобы и негодования, видя, что они бессильны прекратить эту сцену; крики их несчастных соотечественников тронули их до глубины души, и в сердцах их вспыхнула вдруг жестокая злоба к убийцам. Многие из них схватились уже было за оружие, но Гастон и старый сержант приложили все старания, чтобы несколько образумить их и удержать от неосторожного шага, тем более что семья Жардина уже погибла и помочь ей они больше не могли; они покорились грустной необходимости и только сильнее налегли на весла, чтобы скорее добраться до места своего назначения. Гастон следил за тем, как они высадились потом в саду дворца Беатрисы молча и с большими предосторожностями; на душе его было грустно и тяжело, он сознавал, что эта ночь должна была решить его судьбу, но будет ли она благоприятна для него или нет, этого он, конечно, не мог знать наперед.

Как и предсказывал старый сержант, никто не охра-

нял ворот, выходивших на реку, и они могли высадиться совершенно безопасно и незаметно. В садах никого не было, и избранная сотня быстро рассыпалась по ним во всех направлениях.

XXIX

Маркиза де Сан-Реми принимала своих гостей в большой зале, носившей название картинной галереи. Около восьми часов вечера сюда стали стекаться все те, которые верили в то, что во дворце Бернезском готовится дело примирения Франции с Италией.

Это была великолепная картина, окруженная соответственной обстановкой: кругом со стен смотрело множество портретов великих деятелей, прославивших себя на различных поприщах искусства и военной славы. Огромный пурпуровый ковер, залитый светом тысяч канделябров и вывезенный специально для этого вечера с Востока, еще больше оттенял роскошные дамские туалеты и вышитые золотом мундиры военных. Почти все более или менее значительные лица города Вероны присутствовали на вечере, который давался в этот день в Бернезском дворце. Епископы в пурпуровых одеждах и кардиналы в своих ярко-красных мантиях, молодые офицеры в туго затянутых мундирах (последних, впрочем, было сравнительно очень мало), самые красивые женщины Франции в роскошных парижских туалетах, французские граждане в шелку и в бархате, молодые и старые, красивые и уродливые,— все это двигалось нестройной толпой по чудным покоям Бернезского дворца, где их собрало влияние избраницы Бонапарта. И никогда еще не проявляла она больше грации и изящества и не была так ослепительно хороша, как именно в ту минуту, когда стояла посреди залы, приветствуя своих гостей со свойственной ей одной любезностью и искусством. На голове ее виднелась роскошная брильянтовая диадема, на шее красовалось дорогое кольцо из изумрудов и брильянтов, белые руки оттенялись рубиновыми браслетами, на талии в виде пояса висела крупная нитка жемчуга, спускавшаяся почти до самых ног; все видевшие ее в таком наряде говорили, что, если Вероне нужна была бы царица, Бона-

парт не мог бы найти более подходящую, чем маркиза де Сан-Реми. А между тем, если бы все эти люди могли заглянуть в сердце этой женщины, могли бы прочесть то, что делалось в ее душе, они почувствовали бы к ней глубокое сострадание. Дело в том, что Беатриса все знала — она знала, что им готовит эта ночь. В руке ее была записка, предупреждавшая ее обо всем.

Герцог Верденский, адъютант Моро, написал ей эту записку и отослал со своим камердинером в ту минуту, как сам покидал Верону; он писал ей: «Сударыня, друг ваш предупреждает о готовящейся опасности и постарается помочь вам, если сможет. Весь город накануне восстания. Закройте ворота вашего дома и никого не выпускайте из него. Я еду к Валланду и, если смогу, вернусь вместе с ним к вам на помощь».

Беатриса два раза прочитала эту записку, вся комната, казалось, кружилась вокруг нее, в глазах ее потемнело. Громкая, веселая музыка, яркие огни, оживленный говор — все это сразу приняло другой отпечаток в ее глазах. Другая на ее месте приняла бы все за шутку и стала бы показывать гостям записку герцога, но она слишком долго жила среди итальянцев и слишком хорошо знала все, что происходит в городе, чтобы усомниться в истине того, что ей писали. Кроме того, Джиованни Галла пять дней тому назад еще умолял ее покинуть, как можно скорее, Верону и поселиться в Риме, где она была бы в полной безопасности. Да, Джиованни оказался прав, и она не могла теперь не согласиться с ним, но в эту минуту до сознания ее долетел голос одного из епископов, говорившего ей что-то, и, сделав над собой усилие, она снова приняла участие в общем разговоре, который вертелся вокруг предстоящей новой эры примирения Италии с Францией. Беатриса успевала поговорить со всеми: с художниками она говорила о живописи, с артистами о музыке и операх, с простыми смертными о самых обычных вещах. И все это время ее не покидала ужасная мысль о готовящемся погроме. Неужели, — думала она, — всем этим людям, собравшимся под кровлей ее дома, суждено погибнуть, не выходя из него? Неужели все ее жертвы: ее бегство, ее приезд сюда — все это напрасно, и он, любимый ею человек, проведет эту ночь в доме Пезаро? Неужели ниоткуда нельзя ждать помощи? Неужели нигде не было спасения?

— Синьор,— сказала она, обращаясь наконец к епископу,— мой друг, герцог Верденский, прислал мне очень грустное и тревожное известие. Будьте добры, потрудитесь позвонить, чтобы ко мне явился мой доверенный слуга, Джиованни Галла.

Любезный епископ сейчас же распорядился послать одного из слуг за Джиованни, а между тем гости все прибывали и прибывали, так что казалось, что даже в такой огромной комнате, как эта галерея картин, не хватит места для всех присутствующих. Но Джиованни не показывался, Беатриса заметила, кроме того, еще, что в комнате было гораздо меньше слуг, чем раньше, а те, которые еще находились тут, старались избегать ее и как бы знали что-то о готовящихся ужасах. В это время вернулся посланный и сообщил следующее:

— Джиованни нет дома,— сказал он.

Несчастный в это время лежал без чувств в подвалах дворца, о чем, конечно, не могла знать маркиза.

— Джиованни нет дома, но ведь этого не может быть. Прошу вас прислать его ко мне, как только он вернется,— сказала Беатриса неуверенным тоном.

Слуга удалился с видимой поспешностью, а так как толпа все прибывала и добраться до нее было почти невозможно, маркиза попросила одного из близстоящих дать ей руку, чтобы она могла обойти комнату и поговорить со всеми; все расступались перед ней, и каждый старался сказать ей хотя бы одно только слово. О своих собственных чувствах она в эту минуту и не думала совсем. Опасность, угрожавшая ей, была так велика, что она могла обращать внимание только на пустяки, стараясь не думать о главном. В душе она невольно спрашивала себя, кому бы она могла настолько довериться, чтобы показать полученное письмо, и в то же время внимательно разглядывала какую-нибудь розу в вазе, пуговицы на рукавах или брильянты на чьей-нибудь шее. Она слышала и запоминала каждое слово, сказанное ей. Кто-то из присутствующих спросил ее, где находится теперь Вильтар; это имя заставило усиленное забиться ее сердце. Она хорошо понимала, что именно ему она обязана теми ужасами, которые произойдут в эту ночь. Она не могла простить ему, зная, что не будь его и его советов, наверное, Гастон и она не очутились бы теперь в Вероне.

Она прошла между тем всю картинную галерею,

миновала несколько комнат поменьше и наконец очутилась в гостиной, выходявшей на юг, где вдаль виднелись горы и у ног расстилалась долина. Сюда успели проникнуть еще очень немногие, и только в отдельных углах виднелись уединенные парочки, удалившиеся сюда, чтобы поговорить на свободе. Музыка и шум голосов из картинной галереи долетали сюда чуть слышно. Этот переход от духоты и шума в прохладную спокойную атмосферу благотворным образом подействовал на маркизу, она сразу ободрилась и даже решила про себя, что, может быть, опасность совсем не так велика и существует только в воображении герцога, слишком поспешно покинувшего Верону. Она решилась даже заговорить теперь об этом с епископом и показала ему записку, которую все еще держала в руке.

— Наш общий друг, герцог Верденский,— заметила она,— решил, что лучше провести эту ночь в Падуе, чем в Вероне, впрочем, не только он один находит, что пребывание в Вероне не особенно приятно в настоящее время.

— Напрасно вы так думаете, маркиза,— ответил дипломат-епископ,— я уверен, что среди нас герцог был бы в большей безопасности, чем в Падуе. Впрочем, французов трудно заставить верить в это,— прибавил он, как бы оправдываясь.

— Они верят только в собственные доблести: мы, итальянцы, по крайней мере откровенны, мы сознаем свои недостатки и не скрываем их. Но французы— эгоистичная нация, и мы приносимся в жертву их тщеславию. Я не удивляюсь, что наш народ теряет терпение. Разве найдется другая нация, которая терпела бы так долго и покорно подобное ярмо? Вы, к которому так часто прибегает народ в своей нужде, должны все это знать лучше меня. Я прекрасно понимаю опасения, наполняющие вашу душу, хотя вы стараетесь скрыть их от меня.

Говоря это, она внимательно и зорко следила за своим собеседником, но епископ, добродушный, мирный старичок, молившийся каждый день за своих врагов, ответил ей совершенно просто:

— Я не сомневаюсь в своем народе. Все, что он терпит, он претерпевает, покоряясь воле Господней. Мы отдаем кесарю кесарево, но наша родина дорога нам, и ради нее мы жертвуем собою. Если ваш друг герцог

испугался жителей Вероны, то он — большой трус, маркиза. Впрочем, вы, вероятно, только пошутили, говоря о нем.

— Нет, я не шучу, ведь вы читали записку, он пишет, чтобы я заперла ворота своего дома и никого бы не выпускала из них, так как он опасается за безопасность тех, кто посетил меня сегодня. Как вы видите, записка написана совсем не в шутливом тоне, и вы можете себе представить, что я испытывала, читая ее.

Она остановилась и прислонилась к мраморной колонне, лицо ее было так же бледно, как этот мрамор, а на душе было тяжело до слез. Почему она рассказала обо всем этому человеку, когда решила сама ничего не говорить никому, она и сама не знала. Но она не могла скрывать в себе эту тайну, она должна была поделиться ею с кем-нибудь, иначе она сломилась бы под тяжестью ее. Епископ смотрел на нее, уверенный, что она все еще шутит, и наконец заговорил нерешительно:

— По-моему, маркиза, — сказал он, — если герцог писал все это серьезно, он с ума сошел, простите меня за откровенность. Если что и случится здесь в городе, то это произойдет, конечно, не в Бернезском дворце и при этом не пострадают беззащитные люди. Я сам отвечаю за это. Ведь недаром я в продолжение пятнадцати лет был священником в церкви Св. Афанасия, прежде чем я сделался епископом. И поэтому верьте тому, что я знаю о тех, о ком говорю. Я знаю, что они — живые, страстные люди, да иначе они и не были бы итальянцами, но герцог судит о нас по своим соотечественникам. Ведь это — не Париж, и нам не надо убивать ни короля, ни королевы. По-моему, запереть ворота — это значит нанести оскорбление всем вашим гостям. Герцог — трус, и ему действительно надо армию из Падуи, чтобы защитить его.

Он был так уверен в том, что говорил, что даже рассмеялся, и минуту они оба стояли молча друг против друга: маркиза — бледная и трепещущая, а епископ — уверенный и спокойный. Хотя она готова была, как утопающий, схватиться за соломинку, в душе ее еще не рассеялись все сомнения, она чувствовала, какая ответственность лежит на ней по отношению к тем, кто находился в данную минуту в ее доме, и ужас сковывал ее члены при мысли об опасности, грозившей ей.

— Весьма возможно, что вы и правы, — сказала

она,— я готова верить этому, ради нашего же народа, но все же...

— Но,— перебил он ее,— так как нашелся глупец, который сумел нарушить ваш душевный покой, вы говорите... но все же...

— Я повторяю сказанное, представьте себе, что если хотя одно из всего этого сбудется на деле, что тогда?

— По-моему, следует скорее сжечь эту записку, так встревожившую вас,— ответил епископ, поднося письмо к зажженной свече. Бумага вспыхнула, и оба молча смотрели, как она медленно сгорала, как вдруг раздался ружейный выстрел на берегу реки. Беатриса вздрогнула и прислонилась к стене, несмотря на то, что выстрелы в те времена были весьма обычным явлением в Вероне.

Епископ бросил догоревшую записку и подошел к окну, выходившему на реку; яркий свет, падавший из окон дворца, не позволял ничего рассмотреть из того, что происходило вне его, и епископ собирался уже закрыть окно, как вдруг до слуха их ясно долетел шум человеческих голосов, в котором слышались подавленная ярость и бессильная злоба, и сейчас же вслед за тем послышался стук металла о металл, как будто тысячи человек ломались в железные ворота, а затем послышался гул колоколов, показались везде зажженные факелы и началась мрачная трагедия, подобной которой никогда не было и не будет в Италии.

Руки епископа невольно задрожали, когда он запер окно, и, не глядя на Беатрису, он ей подал руку, чтобы проводить ее обратно к гостям.

— Мы должны сказать им все, маркиза,— заметил он,— я, собственно, не знаю, что нам грозит, но во всяком случае мы должны предупредить ваших гостей, что им грозит страшная опасность.

Она не отвечала ему, так как в эту минуту ей пришла в голову мысль, достойная такой храброй и мужественной женщины, как она; она решилась обойтись без помощи епископа и самой сообщить обо всем своим гостям, чтобы быть в состоянии отразить упреки или обвинения, которые они могут предъявить ей, подозревая ее в измене.

Она вошла в залу и попросила епископа заставить всех послушать ее.

Он возвысил голос и крикнул на весь зал:

— Дети мои, маркиза де Сан-Реми желает говорить с вами.

Все столпились вокруг Беатрисы и приготовились слушать ее.

— Дорогие мои друзья,—заговорила маркиза громко,— я должна предупредить вас, что в городе восстание, дворец окружен со всех сторон, я надеюсь на всех вас в эту ужасную для нас ночь. Синьоры, я прошу вас своим мужеством поддержать мою честь и доброе имя. Вы же, дорогие синьорины, поддержите меня своими молитвами. Мы должны выказать себя истинными чадами Италии и Франции. Полковник Дюкло, готовы ли вы принять на себя мою обязанность и сделаться хозяином и распорядителем этого дворца? Синьор Коррер, вы отвечаете за своих друзей, теперь не время тратить попусту слова, я умоляю вас начать действовать. Надо сейчас же закрыть все ворота и защитить дворы. Кто желает принять участие в защите, кто ответится на мой призыв?

Легко себе представить, как эти слова подействовали на всех присутствующих, собравшихся сюда с целью повеселиться. На минуту в зале воцарилось мертвое молчание, слышно было только бряцание оружия за стенами дворца и дикие крики нападавших. И пока все стояли молча, растерянные и недоумевающие, в зале опять раздался голос, но это был уже мужской голос, говоривший:

— Маркиза, приказание ваше уже исполнено, ворота заперты!

Толпа расступилась, чтобы пропустить вперед говорившего, так, чтобы он мог подойти к Беатрисе.

И таким образом Беатриса и Гастон очутились лицом к лицу, он низко склонил перед ней свою голову и почтительно поцеловал обе протянутые ему руки.

XXX

Гастон быстро занял место рядом с маркизой и обратился с следующей речью к изумленным гостям:

— Господа, теперь не время разглагольствовать, и поэтому я буду краток. У ворот этого дома собралась огромная толпа, мы должны приложить все усилия,

чтобы она не могла ворваться сюда. Я попрошу тех из вас, кому дорога честь наших дам, следовать за мной во двор. Наша хозяйка, маркиза, отведет всех дам наверх. Господа, если нам удастся удержаться в этом доме в продолжение двадцати часов, я могу обещать вам, что Бонапарт придет к нам на выручку. Если никто другой не согласится сообщить ему обо всем случившемся, так я сам как-нибудь к нему проберусь, теперь все зависит от вас самих!

И только. Это была короткая, чисто солдатская речь, но зато на любимую им женщину он обратил взор, полный глубокой преданности и мольбы о прощении. В зале в это время происходили ужасные сцены. Первый испуг миновал: гости стали мало-помалу приходить в себя и соображать, в чем дело, слышались истерические вопли женщин и сердитые возгласы мужчин. Почти повсюду слышалось слово «измена», все французы были уверены, что эта женщина предала их, дом ее оказался ловушкой, их заманили сюда как в западню, она сама была на стороне жителей Вероны, в этом не могло быть никакого сомнения. Некоторые даже стали сомневаться в том, что граф искренен, многие дошли до того, что были готовы убить маркизу на месте. Гастон сразу заметил эту новую опасность. Хотя ему и было стыдно за своих соотечественников за их недоверие к Беатрисе, он все же понимал, что они для этого имели некоторое основание, и, действуя под впечатлением минуты, он предложил руку маркизе и повел ее сквозь расступившуюся толпу. Он оказался в эту минуту как бы рожденным для того, чтобы предводительствовать толпою. Он шел не торопясь, обмениваясь несколькими словами то с одним, то с другим из присутствующих, бросая то угрожающие, то ласковые взгляды на толпившихся кругом людей, он прекрасно знал, что одно неосторожное движение с его стороны, и смерть любимой женщины могла бы произойти на его глазах.

— Мужайтесь,— шепнул он ей,— я верю в ваше счастье. Отведите всех женщин в верхний этаж и там ждите меня. Мы закрыли ворота и защищаем их. Если им не удастся ворваться сюда со стороны реки, мы спасены, Беатриса, победа будет на нашей стороне.

Он снова поцеловал ей нежно и почтительно руку, и, подождав, пока она скрылась наверху, он пропустил

мимо себя всех женщин, поднимавшихся по лестнице, и затем обернулся к мужчинам, собравшимся вокруг него.

— Друзья мои,— сказал он,— я знаю, что вы все думаете. Но это — ложь, и вы должны стыдиться за свое низкое подозрение. Маркиза де Сан-Реми знала об этом не больше, чем всякий иностранец здесь в Вероне. Если найдется кто-нибудь, утверждающий противное, то я готов ответить ему как следует.

Он подождал немного, но никто не принял его вызова. «Нет, нет,— крикнул кто-то,— мы верим ей», и все остальные подхватили этот крик и стали умолять его не говорить теперь об этом, а позаботиться о том, как бы лучше и скорее приступить к защите и спасению себя и женщин. Он воспользовался этим благоприятным моментом и сказал им вкратце то, что он намерен делать.

— Мы уже выставили стражу у ворот сада,— сказал он,— и если только она выдержит натиск толпы, мы спасены. Я попрошу самых молодых из вас отправиться к моим людям в сад. Остальные останутся здесь внизу у этой лестницы, чтобы защитить до последней возможности себя и тех, кто им должен быть дороже жизни. Мы сражаемся за честь наших женщин и за честь нашей страны: больше мне нечего прибавить к этому.

Они ответили ему, что готовы исполнить все, что он прикажет, и пятьдесят человек отправились тотчас в сад, остальные во главе с одним молодым драгунским офицером, Жеромом, остались во дворце. Гастон последовал за теми, кто пошел в сад, чтобы распорядиться там как следует.

Беатриса повела всех женщин в одну из верхних комнат, окна которой выходили на улицы Вероны и на реку. И оттуда, в продолжение целого часа, она смотрела вниз на все происходящее у ее дома; хотя она сама по себе была всегда мужественна и бесстрашна, она впоследствии признавалась, что только возложенная на нее Гастоном обязанность утешать других спасла ее от помешательства. Она все время уговаривала и утешала плачущих и рыдающих женщин, впадавших в истерику или же молчавших в каком-то безумном иступлении. Но, хотя она утешала их и уверяла, что особенной опасности нет, она ни на одну секунду не обма-

нывала себя. То, что она видела внизу на улицах, ясно говорило ей, что настал конец, что смертный час уже близок. Она могла только молиться и надеяться и ждать той минуты, когда ворота поддадутся под натиском толпы, которая ворвется затем во дворец.

Дело происходило раннею весною, в ясную лунную ночь. Знакомые очертания крепости и гор совершенно отчетливо вырисовывались на темном звездном небе, сам же город был ярко освещен, и поэтому все было видно, что происходило в нем. Вокруг дворца было еще светлее, там видны были мельчайшие подробности, за закрытыми воротами Беатриса могла различить тысячу лиц, с ненавистью и злобою взиравших на ее дворец.

Дикий рев этой разъяренной толпы, напрасно напиравшей на ворота, долетал до ее ушей. Она видела, как изредка отделялись группы и направлялись в отдаленные районы города, где сейчас же вслед за тем раздавались крики и видно было зарево пожара. Беатрисе отчетливо было видно, как беззащитные жертвы со стоном валились от рук озверевших убийц, топтавших уже мертвые тела ногами. Но то, что она видела, была лишь, вероятно, сотая доля ужасов, происходивших во всем городе; в своей ярости веронцы не щадили ни пола, ни возраста французов. Они вытаскивали на улицы спящих детей и там безжалостно разбивали их о камни, они своим громким смехом заглушали предсмертные мольбы и стоны несчастных женщин. Довольно было того, что кто-нибудь обвинялся в хорошем отношении к французам, чтобы его немедленно же приговорили к смерти и тут же приводили приговор в исполнение.

Все это Беатриса видела или угадывала, но ни слова не говорила об этом собравшимся вокруг нее женщинам.

— Они никогда не сломают ворота,—говорила она.— У нас есть надежная защита в лице графа де Жоаеза, мы можем спокойно довериться ему, постараемся же быть твердыми, теперь уже скоро конец всему.

Она говорила эти слова и в то же время сознавала, что ужасная ночь только началась, что каждая минута может быть гибельной.

Большие ворота выдерживали все время безумный натиск толпы, и она поняла наконец, что здесь все уси-

лия ее тщетны. Многие притащили лестницы и влезали на ворота, откуда начинали стрелять в людей, стоявших во дворе дворца Беатрисы. Но в ответ им раздался дружный залп, и все смельчаки попадали мертвыми обратно в толпу, из которой они вышли. Старик Дженси находился во дворе, а с ним пятьдесят его отборных людей, которые могли отразить какую угодно атаку. Но, тем не менее, то здесь, то там раздавались среди них стоны, доказывавшие, что шальные пули неприятеля все же имели некоторый успех. Но ворота оставались закрытыми, и в продолжение целого часа положение не изменилось ни на йоту. Но вот кто-то в толпе крикнул, что надо поджечь дворец, сначала крик этот был встречен насмешками, потом его поддержали другие, и наконец вся толпа стала требовать одного: «Поджечь их, поджечь!» Сейчас же откуда-то появились связки соломы и около двадцати факелов, и затем раздался восторженный крик толпы, приветствовавшей первое появление огня. Но ворота Бернезского дворца были выстроены пятьсот лет тому назад, они были окованы кругом железом, костры, пылавшие вокруг них, не причинили ни малейшего вреда и сейчас же потухли.

Снова стали зажигать костры, притащили опять соломы, запылали костры, и опять та же неудача, ворота стояли целы и невредимы, в толпе на минуту воцарилось мертвое молчание, и вдруг раздался чей-то крик:

— К реке, надо забраться туда со стороны реки!

И вся толпа ринулась по указанию кричавшего прямо к реке, лениво катившей свои сонные волны. Сейчас же в дело были пущены все имеющиеся налицо суденышки: кто поехал в лодках, кто в челноках, кто на плотах, и все это направлялось прямо к саду дворца. И как это только никому не пришло раньше в голову? — удивлялись все, спрашивая друг друга. Ведь пробраться в сад очень легко, а во дворце их могли встретить только пятьсот человек, без оружия, разодетые в шелк и в бархат. Все невольно ощупывали свои кинжалы и мечтали уже о том, как они перережут горло этим французам.

Но старый Дженси и с этой стороны приготовил им ловушку. Как только люди его впервые высадились в сад, он сейчас же приказал им вырыть огромный ров вдоль берега, не щадя кустов роз и сирени. И действительно, люди его принялись с таким жаром за работу,

что рыхлая, мягкая земля так и летела комьями под их лопатами. Когда ров был вырыт, Гастон тихонько вошел во дворец и приказал лакеям вынести своим людям вина для подкрепления их сил, а сам пошел отыскивать Джиованни Галла. Солдаты напились вволю и, не сознавая даже хорошенько, чего от них требуют, были готовы беспрекословно исполнить каждое приказание графа или старого Дженси.

Время от времени Гастон снова выходил к ним в сад, чтобы подбодрить их ласковым словом, при этом он о чем-то очень серьезно толковал каждый раз со старым сержантом. На душе Гастона было тяжело, исчезновение Джиованни Галла сильно беспокоило его, он упрекал себя за то, что оставил его утром во дворце вместо того, чтобы взять его тогда с собой.

— Бедный юноша знал все и за это поплатился, вероятно, своей жизнью,— говорил он Дженси.— Два часа назад его вынесли замертво из комнаты. Я послал к нему врача, но тот подает очень мало надежды. Нет, Дженси, все же хорошо, что мы вовремя явились сюда с вами.

— Я не сомневаюсь в этом, граф, я уже несколько дней назад предчувствовал все это. Но мы сделаем все, что сможем, а генерал Бонапарт пришлет нам подкрепление. Он еще никогда не отказывал никому в помощи. Но только дело в том, когда до него дойдет известие о том, что здесь творится. Если он узнает это только от Валланда, так нам нечего ждать: этот негодяй продаст родную мать ради своей выгоды. Бедные женщины, им плохо придется, если спасение их зависит только от него. Я жду только случая сказать это ему прямо в лицо.

— Если это будет зависеть от меня, Дженси, то я постараюсь вам представить этот случай поскорее. Но, в сущности говоря, надо ведь принять во внимание и то, что ему нелегко здесь приходилось и, кроме того, он плохой политик. Я не верю, чтобы француз мог сознательно сделать такую низость, как он.

— Трудно сказать, граф, будем надеяться, конечно, что все обойдется и так, но лучше было бы, чтобы кто-нибудь другой отправился к Бонапарту, чтобы известить его обо всем.

Оба они нерешительно посмотрели на другой берег реки, так как чувствовали, что один из них должен пере-

правиться через нее, чтобы добраться до лагеря Бонапарта, и каждый из них желал, чтобы пошел другой, так как каждый хорошо знал, что в саду его ожидает большая опасность, чем на том берегу. В ту минуту, как они еще обсуждали этот вопрос, раздался гул колоколов, а затем первый крик разъяренной толпы. Солдаты вскочили, как один человек, готовые броситься во двор, откуда раздавались крики, но старый Дженси поднял вверх руку и крикнул на них:

— Вон, ложитесь скорее в траншеи и молчите, пока вас не спросят.

Затем он отсчитал пятьдесят человек и повел их во двор.

Гастон же пошел во дворец, чтобы выручить Беатрису в трудную для нее минуту. Дженси сначала мужественно защищал ворота, как мы видели, затем быстро бросился в сад, где уже солдаты его приготовили ружья, видя, как по воде к ним приближается целая флотилия рассвирепевших граждан, твердо уверенных в том, что с этой стороны им нечего опасаться, так как во дворе остались только беззащитные гости Беатрисы и несколько преданных ей слуг. Ужасно было видеть, как разъяренная толпа, не ожидая, пока лодки пристанут к берегу, прыгала из них в воду, многие попадали под лодки и тонули, другие сшибали друг друга с ног. Никто из них ни на минуту не допускал мысли, что их ждет засада, и поэтому, когда вдруг в темноте раздалась французская команда открыть огонь и послышался первый залп, переполох произошел невообразимый, все бросились, как безумные, обратно в воду, давя друг друга в паническом страхе. А за ними вслед неслись выстрелы за выстрелами, гулким эхом раздаваясь над водой.

У большинства из них в руках были только кинжалы, так как они рассчитывали, что им придется только резать беззащитных французов. Некоторые были вооружены пистолетами и ружьями, но большинство было даже совсем без оружия, и поэтому все они бросились скорее к лодкам и обрушились на тех, кто первые закричали «к реке». И все бежали с поля сражения, покинув своих раненых и мертвых, павших от выстрелов верной сотни Дженси. Всю ночь продолжалось попеременное нападение то на железные ворота, то на скрытые траншеи, в которых засели солдаты. Во дворце на-

строение духа менялось по мере того, как приходили утешительные или грустные вести. Когда стало рассветать, на мраморной лестнице дворца видно было множество растянувшихся фигур, богатые и нарядные платья были выпачканы, светские люди сбросили свои маски и оказались простыми смертными с испуганными бледными лицами, тревожно спрашивающими друг друга: «Придут ли к нам на выручку?» Более мужественные в нескольких словах описывали все положение дел. В горах было не менее пяти тысяч вооруженных итальянских солдат, Бонапарту придется встретиться с ними по дороге в Верону; весьма возможно, что он не слишком будет огорчен тем, что несколько сот его соотечественников погибнет в Вероне, ведь это только даст ему случай обелить себя в глазах Европы. Он скажет всем:

— Смотрите, как итальянцы поступили с моим народом, я должен отомстить этим изменникам и убийцам.

А если он действительно так рассуждает, какая же может быть надежда на то, что он придет им на помощь? В Падуге у него только шесть тысяч войск, он должен сразиться с солдатами Эмили и республиканцами, пожелает ли он это сделать? Не мудрено, что лица всех присутствующих были очень бледны, но особенно бледно было лицо Беатрисы, когда в пять часов утра Гастон поднялся к ней наверх и на одну минуту отвел ее в другую комнату, чтобы поговорить без свидетелей.

— Я пришел проститься с вами,—сказал он,—но я не могу уйти, пока вы не поймете моих поступков по отношению к вам.

Она поняла, что он говорит о своем пребывании в доме Бианки, и поэтому остановила его движением руки, говоря:

— Вы пришли ко мне, следовательно, о прошлом не может быть и разговора. Иногда трудно разобраться в вещах, но потом все становится ясно, с каждым днем я учусь понимать все больше и стараюсь только о том, чтобы поступать соответственно вашим желаниям.

Он нагнулся и поцеловал ее в лоб.

— Когда опасность пройдет, Беатриса, мы постараемся начать новую жизнь и будем жить только друг для друга. Я отправляюсь к Бонапарту, чтобы расска-

зять ему, что вы сегодня ночью сделали для него, как вы спасли моих соотечественников. Ведь я понимаю жертву, которую вы принесли, Беатриса, я знаю, что вам нелегко находиться здесь, и знаю, чего вы лишились, покидая Венецию ради меня. Подобные вещи не забываются, особенно — любящим человеком. Я знаю, что до сих пор я был большой эгоист, но в будущем я надеюсь загладить это всей своей жизнью.

Эта его исповедь совершенно расстроила ее, она задрожала при мысли, что он собирается отправиться к Бонапарту.

— Гастон, не уезжайте, не покидайте меня, подумайте о том, что будет со мной, если вы покинете меня. Пусть пойдет кто-нибудь другой, вы должны остаться со мной, и почему непременно вы должны идти? Разве, кроме вас, нет других людей?

— Я послал бы Дженси, но он ранен, а никому другому я не могу поручить этого. Беатриса, разве вы не понимаете, что нас ждет всех, если сегодня к нам не подоспеет помощь? Я переправлюсь через реку и помчусь изо всех сил; если мне это не удастся, что делать, все же это лучше, чем оставаться тут и упрекать себя потом, что мог бы спасти вас всех. Подумайте об этом, дорогая! Вспомните ответственность, которая лежит на мне, вспомните ужасы, происходившие там на улицах! Неужели человек, достойный вас, согласился бы смотреть на все это равнодушно, не делая попытки к спасению? Нет, не говорите этого.

— Но разве вы забыли, — сказала она, — что в Боволетте вы тоже хотели вернуться через час, а между тем сколько времени прошло, пока мы опять увиделись, я так хорошо помню то утро. Да, вы прислали тогда странного гонца, Гастон. Уверены ли вы в том, что он придет и на этот раз по вашему зову?

Он рассмеялся при этом воспоминании и заглянул в глаза, смотревшие на него с упреком.

— Он не хотел дать мне ни одного часа срока, он верил в то, что я могу спасти Верону, а между тем что я вместо того наделал? Да, я знаю, мне уже суждена на роду всегда неудача, но что же я могу сделать? Я приехал сюда с добрыми намерениями, мечтал о примирении, о дружбе. Они ответили мне на это камнями. На вашей родине, в Венеции, я тоже старался установить более дружеские отношения между двумя нациями,

и чем же это кончилось? Я должен был бежать, как вор, оставив после себя только ненависть и недоверие.

— Всем этим вы обязаны Вильтару,— сказала Беатриса, и лицо ее затуманилось,— да, Гастон, этот человек имеет роковое влияние на нашу судьбу, я и сегодня чувствую, что обязана ему тем, что вы хотите покинуть меня. Все несчастья наши произошли только благодаря ему. И вы отправляетесь к нему в Падую, и еще верите в то, что он вам друг?

— По моему мнению, Беатриса,— сказал он,— есть два Вильтара: один из них — друг Франции, другой — мой друг. Я докажу вам это. Когда я приеду в Падую, я явлюсь прямо к Бонапарту и возьму с собой свидетелей. Мне, кажется, что особенной опасности быть не может. Я перееду реку на лодке, а на том берегу уже вполне безопасно, да, впрочем, теперь не время думать о собственной безопасности.

Беатриса видела, что Гастон теперь только жил мыслью перебраться на тот берег и поднять на ноги весь лагерь Бонапарта, но она все же сделала еще попытку остановить его.

— Умный человек всегда обдумает все,— проговорила она,— подумали ли вы о том, что будет лучше, если вы поедете не один? Разве только один человек может пробраться через неприятельскую сторону? Разве нельзя чем-нибудь помочь этим беднякам? Подумайте об этом, пока не поздно, ведь они все доверились нашей чести, разве мы только и можем посоветовать им, что ждать?

Высказанная маркизой мысль поразила Гастона своей неожиданностью.

— Вы хотите сказать, что я должен взять всех с собой? — спросил он в недоумении.

— Я говорю, что следовало бы подумать об этом. Если вы можете свободно переправиться через реку, почему бы другим не попробовать этого же? Я знаю, что это вам не приходило совсем в голову, обдумайте же теперь все, пока еще не поздно. Они ведь надеются на нас, дорогой, мы не можем бросить их. Мы должны пожалеть их, они, право, заслуживают этого.

Слова ее поразили его, и он невольно спросил себя, что он может возразить против ее предложения. Ведь французские шлюпки еще стоят у берега в саду дворца. Почему бы всем этим несчастным, запертым во дворце,

не отправиться вместе с ними к Бонапарту? Действительно, мысль об этом не приходила ему в голову; теперь он всецело предан заботе, как бы исполнить ее.

— Я прежде всего переговорю с Дженси,— сказал он, выходя из комнаты.

Она осталась одна и опустилась на колени, чтобы помолиться за него.

Старик Дженси был ранен пулей в колено и лежал на траве, медленно прихлебывая из кубка воду и проклиная веронских жителей на трех языках. Когда пришел Гастон и сообщил ему план Беатрисы, последний так поразил старика своею неожиданностью и просто-тою, что даже он прослезился и совершенно забыл о своей ноге.

— Боже мой,— воскликнул он,— я, право же, не достоин даже поцеловать подол ее платья. Конечно, надо будет взять их с собой, граф, и как это только нам раньше не пришло в голову? Помогите мне встать на ноги, чтобы я все лучше мог обдумать. Черт побери человека, прострелившего мне ногу, которая мне как раз так нужна теперь! Она говорит, что крепость должна будет защищать нас, совершенно верно, да благословит ее Бог за эту счастливую мысль. Вы бы, граф, сейчас собрали всех господ и объявили им об этом, пока мы здесь приготовим все со своей стороны. Сегодня ночью мы еще, пожалуй, доберемся до Падуи, если у нас хватит мужества.

Гастон быстро удалился и минутуспустяужесобирали всех находящихся во дворце, как гостей, так и слуг, а между тем Дженси ломал себе голову, как бы лучше выполнить план, придуманный умной женщиной. Он не мог сомневаться в том, что им удастся перебраться через реку, но он думал о том, как бы, благодаря какой-нибудь хитрости, устроить эту переправу как можно лучше, и эта мысль так заняла его, что он даже забыл про свою больную ногу. Было уже четыре часа утра, небо было пасмурно, шел мелкий дождик, несколько лодок, атакующих ночью дворец, все еще сновали взад и вперед по реке, но сидевшие в них, очевидно, уже не решались предпринимать что-либо, а просто оставались там из любопытства, чтобы посмотреть, что будет дальше. Дело в том, что эта толпа, как и всякая бессмысленная случайная толпа, вовсе не желала рисковать собственной шкурой, и как только она узнала, что

дворец защищается вооруженными людьми, она сразу остыла и стала ждать благоприятного случая для своего нападения. Ведь, в сущности, и помимо этих людей во дворце было еще достаточно других французов во всем городе, в домах и особенно в церквях. Один за другим все заговорщики отходили от больших ворот и небольшими группами, с кинжалами в руках, отправлялись в город на поиски жертв. Во дворце об этом узнали, потому что перестал раздаваться гул голосов за воротами, и, конечно, порадовались, что хоть с этой стороны опасность на время миновала. На реке же неприятельские лодки продолжали сновать по-прежнему, так что старый Дженси велел поднять себя, чтобы лучше сосчитать эту вражескую флотилию и соответственно этому уже составить план бегства.

— Надо будет прибегнуть к хитрости, дети мои,— говорил он,— и чем скорее, тем лучше. Посмотрите, на этот раз они все вооружены ружьями, и нам нечего ждать пощады, если мы отважимся прямо выплыть им навстречу. Но во всяком случае не будем ждать, пока они первые нападут на нас. Мне понадобится теперь двадцать человек из вас, выберите их сами, но помните, что вас ждет почти верная смерть.

Затем он объявил, что решил сделать так. Двадцать человек сядет в один из катеров и поплывет по направлению к крепости Св. Феликса, чтобы отвлечь на себя все внимание неприятеля, а в это время остальные катера со своим беззащитным экипажем постараются переплыть на ту сторону реки. Нечего и говорить, что люди в первом катере подвергнутся смертельной опасности, так как неприятель, конечно, будет стрелять в них. Несмотря, однако, на то, что в последнем никто не сомневался, желающих ехать именно в этом катере нашлось так много, то решено было прибегнуть к жребию. Когда через некоторое время Гастон вернулся, он застал уже все в порядке: двадцать человек во главе с сержантом Дженси сидели уже в первом катере, остальные стояли на берегу, держа наготове свои ружья.

— Хромой человек может видеть и командовать, хотя он и не может ходить,— весело крикнул Дженси Гастону.— Мы поедем по течению и обогнем выступ реки, а вы в это время рассаживайтесь по лодкам и поезжайте с Богом. Только смотрите, не сажайте слишком много сразу, чтобы не потопить лодок. Я уверен,

что в крепости увидят, что мы делаем, и поспешат к нам на помощь. Я нарочно еду вперед, чтобы поспеть с вами потом встретиться на том берегу. Однако если нам суждено больше не встретиться, то да благословит вас Бог, но я все же, откровенно говоря, верю в свою счастливую звезду и верю в то, что мы еще увидимся с вами.

Он протянул свою грубую загорелую руку. Гастон пожал ее с большим чувством. Затем Дженси скомандовал «вперед», и лодка быстро помчалась по направлению к крепости.

Гастон в это время уже успел предупредить всех гостей Беатрисы о том, что он собирается предпринять для их спасения; он ходил из комнаты в комнату, уговаривая и успокаивая всех, и, наконец, собрал их всех в саду. В это время катер, на котором ехал Дженси, уже обогнул изгиб реки и скрылся из виду, но, очевидно, он достиг своей цели и отвлек внимание неприятеля, так как сейчас же вслед за тем раздался ружейный залп. В ответ на этот залп раздалась правильная перестрелка: по-видимому, люди Дженси не теряли времени и стреляли в свою очередь. Гастон в душе порадовался этому, но тут же увидел, что им грозит новая опасность: множество лодок, привлеченных шумом выстрелов, отделилось от берега, направляясь к месту происшествия; каждая минута была дорога, он должен был спешить с переправой своих пассажиров, если не хотел подвергнуть их новой опасности.

— Мы должны трогаться в путь, Джером,— сказал он, обращаясь к молодому офицеру, стоявшему рядом с ним,— покажите нам дорогу и скорее рассаживайте всех в лодки, чтобы как можно скорее плыть к тому берегу, пока еще есть время, я же со своей стороны еще постараюсь задать баню неприятелю.

Молодой француз быстро вскочил в первый попавшийся катер, посадил туда дюжину мушкетеров и предложил близстоящим женщинам садиться тоже быстрее в катер. Бедные женщины, большею частью еще молоденькие существа, которые только и думали всю свою жизнь о веселье и танцах, теперь же бледные и перепуганные, в эту минуту поняли, что такое смертельная опасность. Трудно передать чувства, волновавшие их, когда они садились в лодку, поддерживаемые грубыми солдатскими руками, владельцы которых старались

ободрить и развеселить их. Но вот лодка полна, она отчалила от берега и понеслась быстро, как стрела, по направлению к противоположному берегу.

Много глаз следило за этой лодкой, но никто не приветствовал ее так радостно, как небольшая шлюпка, вдруг отчалившая от берега немного ниже крепости и наполненная разным сбродом, который уже давно поджидал здесь верную добычу.

Эти люди до сих пор сидели в кабаке, но привлеченные выстрелами, они бросились к своей лодке и увидели, что напротив в саду дворца аристократы собираются рассаживаться по лодкам и плыть на ту сторону. Они подстерегли лодку и подпустили ее совершенно близко, а затем вдруг сразу атаковали ее, когда все уже думали, что они почти в безопасности. Это смелое нападение и, по-видимому, предстоящий полный успех сразу ободрили и других негодаев, все они бросились в первые попавшиеся суденышки, чтобы плыть к месту происшествия. Хитрость старого Дженси, по-видимому, не удалась. Бедные, беззащитные женщины были окружены теперь со всех сторон разъяренными извергами, жаждавшими их крови. С берега, где остались стоять остальные гости Беатрисы, раздались отчаянные крики, поощрявшие их двигаться как можно скорее вперед. Гастон подумал, что все потеряно, и сердце его забилося от сострадания к этим несчастным, но он ошибся. Старые ветераны и предводительствующий ими Джером не растерялись: они схватили свои ружья и стали стрелять в своих преследователей, прицеливаясь как можно лучше; результатом этого залпа было несколько убитых и раненых среди неприятеля, но зато и несколько из них поплатились жизнью за свое мужество.

Нечего и говорить о том, с каким напряжением следили оставшиеся на берегу за судьбой своих товарищей по несчастью; они стояли под дождем, дрожа всем телом от холода и от страха.

Что касается Гастона, никогда еще он не испытывал чувства такой ответственности, как в этот знаменательный день. Он не знал, на что решиться: продолжать ли переправу на тот берег или же снова скрыться во дворце, чтобы защищаться в нем до последней возможности; решение этого вопроса зависело всецело от него. Беатриса сказала ему:

— Делайте, как найдете нужным, Гастон.

Его соотечественники тоже не знали, что лучше посоветовать. Он должен был решить один за всех.

— Если бы мы могли дать сигнал в крепость,— повторял он не раз.— Не понимаю, почему они не слышат нас. Неужели Эмили занял крепость или там случилось что-нибудь другое?

И затем, обращаясь к окружающим, он спросил:

— Как, по-вашему, господа, что лучше: остаться здесь или попробовать перебраться на ту сторону?

Все решили в один голос, что лучше рискнуть переправиться. Но, когда он огляделся кругом, увидел рыдающих женщин, увидел точно окаменелое лицо Беатрисы, ему показалось, что он переживает самый трудный час в своей жизни. Он хорошо сознавал, что если переправа не удастся, его будут упрекать в том, что они не остались во дворце; если, наоборот, будет взят приступом дворец, его станут упрекать за то, что он не решился на переправу.

Наконец он решился и велел приготовить остальные лодки.

— Друзья мои,— сказал он,— другого выхода нет, рассчитываю на вас, что вы будете благоразумны, можете мне устроить все как следует.

Все с облегчением выслушали его решение, всякий риск был приятнее, чем эта неизвестность; он отобрал несколько человек солдат, посадил их в третью лодку и посадил туда же около двадцати женщин; лодка сейчас же отвалила от берега. Оставалась только еще одна лодка и сто человек на берегу, из них каждый просил, чтобы его взяли в эту лодку. Когда последняя лодка тоже была уже полна, Гастон обернулся к Беатрисе и сказал:

— Есть еще одно место: сядьте в лодку, Беатриса, вы знаете, что вы успокоите этим меня.

Она покачала головой и тихо шепнула ему:

— Нет, мы лучше останемся вдвоем там, где мы есть.

Лодки поплыли по направлению к крепости, появление их вызвало крик восторга у нападавших негодяев; с дикими воплями окружили они лодку с беззащитными женщинами, и невольку у оставшихся на берегу мелькнула мысль, что настал конец и несчастные сейчас очутятся в воде. Но в эту секунду в дело вмешалась на-

конец артиллерия крепости, молчавшая так долго. Комендант крепости, видя, что и на воде вспыхнули схватки, решил положить конец этому и приказал стрелять из пушек, не разбирая, попадут ли ядра в друзей или в врагов, и первое же ядро попало прямо в лодку, где сидели инсургенты, и разбило ее в щепки; сидевшие в ней бросились в воду, испуская дикие крики. На воде поднялся невообразимый переполох, все старались скрыться, кто куда мог, так как ядра со свистом летели во всех направлениях, не щадя ни правого, ни виноватого. Но это еще не все: в самый разгар сумятицы из-за поворота реки показалась вдруг лодка, в которой сидели только старик и девушка, последняя стояла на корме и говорила всем попадавшимся ей навстречу: «Бонапарт в городе, спасайтесь!» Слова эти произвели еще большее впечатление, чем пушки крепости; в одно мгновение ока они облетели почти все население Вероны; никто не думал о том, чтобы проверять их достоверность: настолько был велик страх перед этим магическим именем. Все спешили укрыться, кто куда мог, и несколько минут спустя на воде остались только шлюпки французов, уже подплывавшие к противоположному берегу, к крепости. Слова, сказанные этой женщиной, спасли их от гибели. Гастон, всматриваясь в нее, понял, что это не кто иной, как Бианка Пезаро, и сообщил об этом Беатрисе; она низко склонила голову и в душе простила все этой девушке за ее хитрость, спасающую жизнь стольким людям.

Комендант крепости, которому был дан приказ Валландом, чтобы отнюдь не выводить гарнизона за пределы крепостного вала, до сих пор не принимал никакого участия в подавлении бунта, так как и не догадывался даже о размерах его, но когда ему доложили в чем дело, и он увидел лодки, переполненные спасающимися французами, он сейчас же прекратил пальбу и выслал сто пятьдесят лучших стрелков, чтобы встретить их на берегу и проводить под охраной в крепость, где они могли быть в полной безопасности. Последними вошедшими в ворота крепости оказались Гастон и маркиза де Сан-Реми. Они последними отчалили также от берега, где стоял дворец, и то они сели в лодку только после того, как принесли туда Джиованни, еще очень слабого, но жизнь которого была в безопасности, как подтвердил это опять присутствующий при этом

врач. Гастон и Беатриса велели снести Джиованни в лодку, после чего сели в нее сами, в последний раз оглянувшись на только что покинутый дворец, который неминуемо должен был сделаться жертвой разъяренной толпы. Так и случилось на самом деле: не успела отчалить последняя лодка с французами, как уже нашлись смельчаки, которые перелезли через ворота, никем теперь не защищаемые, открыли их, и во двор ворвалась вся толпа, ринувшаяся сейчас же во дворец, в котором скоро было разграблено все дотла. Этот факт настолько расстроил Беатрису, что на глазах ее выступили слезы, которых не было там в минуту смертельной опасности.

— Вот чем все должно было кончиться,— сказала она, нежно сжимая руку Гастона и отворачиваясь от него, чтобы скрыть свои слезы,— я не могу винить свой народ за это, потому что он слишком долго терпел целый ряд унижений и бедствий, но больше я не в силах выносить всего этого.

— Да и незачем, Беатриса,— ответил ей Гастон,— перед нами весь мир. Мне кажется, в каждой жизни бывает нечто подобное, но потом вслед за горем должно наступить мирное, радостное время. Если хотите, мы поедем с вами в Рим; ни Верона, ни Венеция не могут быть больше вашей родиной.

— Да, Гастон,— ответила она,— но что же вы будете делать с собой? Ведь не можете же вы пожертвовать своей блестящей карьерой ради меня, вы должны продолжать ее, чтобы служить человеку, гений которого нельзя отрицать. Я теперь вижу, что мы были слишком неблагоразумны и отвергли его дружбу, мы должны поплатиться теперь за это. Будьте же счастливы, мой друг, забудьте меня и идите туда, куда вас зовет честь ваша и слава.

— Как, Беатриса, вы этого хотите? Повторите мне это еще раз, тогда я только поверю вам, но вы молчите. Что мне до славы, когда сердце мое наконец заговорило? Неужели я буду жить во Франции, когда душа моя в Риме? Нет, Беатриса, я посвящу себя теперь югу: где вы, там и я. Запретите мне находиться в вашем присутствии, я буду издали следовать за вами, но покинуть вас я не в силах.

Он нагнулся и поцеловал ее руки, будучи не в силах говорить дальше.

Двадцать четыре часа спустя после того, как в Вероне инсургенты выпустили последний выстрел, Вильтар разгуливал по двору дворца в Падуе, и по лицу его и жестам было видно, как его мучит любопытство узнать, что происходит в эту минуту в стенах этого дворца.

Это был знаменательный день. Послы из Венеции целый час уже сидели, запершись с Бонапартом, и все еще не уходили от него. Адъютанты, сновавшие по всем направлениям по двору дворца, не могли ничего рассказать Вильтару, так как сами они не присутствовали в той комнате, где происходило совещание. А между тем Вильтар сгорал от нетерпения узнать решение Бонапарта относительно судьбы Венеции. Будет ли этот город подвергнут разрушению или дело кончится мирным путем? Вильтар не верил в последнее, он слишком хорошо подтасовал свои карты, сначала он написал из Венеции длинное письмо, в котором подробно излагал все страдания и мучения своих соотечественников в этом городе, потом он много толковал о том, что честь армии требует мщения, а затем, ведь благодаря только его проискам, устроена была эта бойня французов в Вероне. Нет, Жозефу Вильтару нечего было опасаться, что замысел его не удастся. Ведь к этому он стремился с той минуты, как Бонапарт выбрал его своим эмиссаром в Венеции. Ему долго пришлось ждать, и теперь он верил в то, что терпение его будет вознаграждено. Теперь во дворце послы дожа Лоренцо, Пезаро и Ренальди, наверное, чуть ли не на коленях молят пощадить несчастный город. Разве можно было сомневаться в том, какой ответ им даст Бонапарт? Изредка из открытого окна доносился его грозный, сердитый голос. Затем слышались чьи-то рыдания, очевидно, Пезаро умолял не губить его бедной родины. Вильтар смеялся, прислушиваясь к этим рыданиям, и, остановив генерала Моро, проходившего в эту минуту по двору, он начал расспрашивать того, не знает ли он чего-нибудь.

— На рассвете мы выступаем,— ответил ему генерал.— Не думаю, чтобы что-нибудь могло помешать нам. Валланд отправляется в Верону с десятью тысячами войска. В Венеции мы, вероятно, не встретим ника-

кого сопротивления, так как, говорят, дож уже укладывает свои вещи, а сенат готовится следовать за ним. Но я все же надеюсь, что гнев Бонапарта еще смягчится немного, ведь не забудьте, что на свете есть только одна Венеция.

— Да, это верно,— ответил Вильтар, улыбаясь.— Конечно, следует щадить, например, произведения искусства, мы должны отвезти в Париж все их картины и статуи, в палаццо Бурано я уже облюбовал себе одну картину Тициана. Не мешает и вам выбрать себе что-нибудь. Впрочем, шутки в сторону, пора вообще покончить с этим.

— Да, это дело решенное,— ответил Моро.— Мы выступаем на рассвете, а вы ведь знаете, что это значит. Но, во всяком случае, я надеюсь, что все обойдется как-нибудь. Да, между прочим, слышали вы, что ваш друг Гастон де Жоазе здесь, в гостинице «Золотых рогов»? Мы все считали его уже мертвым. Я иду к генералу доложить об этом.

Вильтар был очень удивлен. Он тоже полагал, что Гастон погиб в Вероне; он сделал вид, что обрадовался этому известию, и сказал:

— Не может быть! Вот порадовали меня, генерал. Вы говорите, что он в гостинице «Золотых рогов», я сейчас же отправлюсь к нему.

— В таком случае передайте мой привет также и маркизе де Сан-Реми.

— Вы хотите сказать этим, что она с графом?

— Так говорят. Вы знаете ведь, что дело без женщины не обходится,— добавил он шутя.

Лицо Вильтара омрачилось, он не выдержал и сказал:

— Эта женщина очень опасна для нас в данную минуту. Бонапарту она нравится, она так умна и находчива. Я готов бы дать тысячу луидоров, только бы не слышать ваших вестей.

— В таком случае сделайте вид, что не слышали их,— ответил ему генерал, смеясь и направляясь во дворец.

Вильтар продолжал ходить по двору с видом человека, которому нанесли ужасный удар. Хотя он и был уверен в том, что его дело еще не потеряно, тем не менее он готов был сделать что угодно, только бы не допустить Гастона к Бонапарту. Он не знал, ехать ли ему

самому к нему или послать кого-нибудь, как вдруг большие ворота распахнулись, и показались венецианские послы. Их лица были так грустны, они имели такой убитый вид, что Вильтар сразу же понял, что дело их проиграно, и воспрянул духом.

— Вот и конец всей комедии,— сказал он, когда они проходили мимо него.

В эту минуту в дверях показался Бонапарт, который обратился к послам со следующими словами:

— Господа, помните, что я вражду с Венецией, но не с вами. Если вы пожелаете воспользоваться моим гостеприимством, милости прошу, считайте себя во дворце моем как дома; вы приехали издалека и, вероятно, нуждаетесь в подкреплении.

Ренальди со слезами на глазах отвесил низкий поклон и объявил, что тотчас же должен вернуться домой. Лоренцо, волоча в пыли свое великолепное одеяние, дрожал весь, как в лихорадке. Пезаро поблагодарил Бонапарта, но не принял его предложения и ответил ему твердо и с достоинством:

— Я не могу воспользоваться гостеприимством врага моего отечества.

Они поехали все втроем по направлению к гостинице, где остановились. Бонапарт посмотрел им задумчиво вслед и затем спросил, обращаясь к Вильтару, что ему нужно. Вильтар быстро решил и спросил его:

— Итак, значит, мы выступаем на рассвете, генерал?

— Да, на рассвете.

— Слава Богу,— воскликнул Вильтар.— Дни нерешительности миновали.

— Лучше благодарите простую случайность,— ответил Бонапарт и прибавил: — Я пойду в гостиницу «Золотых рогов». Хотите пойти со мной?

Вильтар быстро взглянул на него, как бы собираясь что-то сказать, но, при виде лица Бонапарта, счел за лучшее благоразумно промолчать. Он понял, что в эту минуту он бессилен и должен молча покориться тому, что готовит ему судьба.

«Дело никогда не обойдется без женщины»,— сказал он когда-то своему другу Гастону, и вот именно эту женщину Бонапарт и собирался навестить теперь. Маркиза де Сан-Реми не собиралась пока еще в Рим, она не думала о собственной безопасности, она нарочно при-

ехала в Падую, чтобы попробовать еще раз спасти Венецию от гнева Бонапарта. Гастон в этом вполне сочувствовал ей, так как надеялся, что, добившись прощения своего родного города, она наконец будет считать себя вправе вполне отдаться своему чувству, не думая больше о судьбе своих соотечественников.

Они вместе приехали из Вероны, причем по дороге не испытали никаких приключений и препятствий, и как только прибыли в гостиницу, Гастон сейчас же послал во дворец к Бонапарту, чтобы попросить у него аудиенцию для маркизы де Сан-Реми. В ответ на это послание Бонапарт отправился сам в гостиницу, к огорчению Вильтара, молча следовавшего за ним.

Гастон стоял в дверях гостиницы в момент прибытия Бонапарта, и встреча их была самая радостная, как будто два брата встретились после долгой разлуки. Затем Бонапарт спросил о Беатрисе. Здорова ли она, не потерпела ли она в ту ужасную ночь в Вероне? Она сделала много для французов в Вероне, и он готов вознаградить ее, чем она хочет, за оказанную ему услугу. Гастон ответил, что Беатриса в саду гостиницы, где она отдыхает после утомительного путешествия, и что она безмерно будет рада видеть человека, которого «уважает, и так глубоко». Бонапарт тотчас же отправился в сад.

Он вышел оттуда два часа спустя. Венеция была спасена, благодаря женщине, пожертвовавшей ей так многим и выстрадавшей столько из-за нее.

Да, Беатриса спасла Венецию. Стоя в саду, окруженная розами и жасмином, она прямо смотрела в глаза человека, которого научилась бояться вся Европа, и говорила ему:

— Как будут судить о вас, если вы допустите подобную вещь? Какая вам будет польза от того, что имя ваше будет погребено вместе с развалинами Венеции? Пощадите этот несчастный народ, пусть скажут, что Венеция возродилась благодаря вам. Ведь вы потом ничем не исправите того, что намерены сделать завтра; сегодня есть еще время. Я молю Бога о том, чтобы завтра уже не было слишком поздно.

Голос ее звучал, как музыка, слова ее опьяняли его. Разве он не мог обойтись без Венеции, этой крошечной жемчужины в его короне? Разве ему не все равно, будут ли разрушены или сохранены дома этого жалкого на-

рода? Ее слова произвели на него магическое действие. Да, ради нее он откажется от мысли уничтожить Венецию и за это получит право поцеловать ее руку. Целая нация была спасена в эту минуту, сама не сознавая того.

Затем он уехал, и тотчас во дворце был отдан новый приказ:

«Граф де Жоаез назначается губернатором города Венеции, маркиза де Сан-Реми отправляется вместе с ним».

Первый поздравить с победой явился, конечно, Вильтар, низко склонивший колени перед очаровательной маркизой.

Беатриса, обнимая наедине Гастона, передала ему свой разговор с Бонапартом:

— Я спасла свой народ, теперь я спокойна,— сказала она,— теперь я могу отдохнуть.

Он нежно в губы поцеловал свою будущую жену, сжимая ее в объятиях.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПИРАТ. <i>Роман</i>	5
МОРСКИЕ ВОЛКИ. <i>Роман</i>	187
БЕАТРИСА В ВЕНЕЦИИ. <i>Роман</i>	309

МАКС ПЕМБЕРТОН

Сочинения в двух томах

Том второй

Редактор И. Шурыгина

Художественный редактор И. Марев

Технический редактор Г. Шитоева

Корректоры Г. Самородова, З. Зименкова

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 22.12.95 г. Уч.-изд. л. 30,7.
Цена 19 600 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

